

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт истории и археологии

Уральского отделения РАН

Н.В. СУРЖИКОВА

**ВОЕННЫЙ ПЛЕН
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
(1914–1922 гг.)**

Диссертация на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

Екатеринбург

2015

Содержание

Введение	4
Глава 1.	
Практики историописания плена и источниковая база исследования	
1.1. Тема плена в отечественной и зарубежной историографиях.....	30
1.2. Источники изучения плена и их специфика.....	92
Глава 2.	
Военный плен на Среднем Урале в 1914–1922 гг.:	
статистико-географические и структурно-качественные характеристики	
2.1. Динамика перемещения и численность военнопленных.....	129
2.2. Социально-демографические статусы пленных.....	185
Глава 3.	
Экономика плена: потребление, производство, администрирование	
3.1. Плен и проблемы распределения потребительских ресурсов.....	220
3.2. Плен в системе производственных практик.....	261
3.3. Контроль, подчинение и управление в пространстве плена.....	301
Глава 4.	
Плен как пространство политико-идеологических манипуляций и социальных трансформаций	
4.1. Практики конструирования и утилизации лояльностей пленных.....	320
4.2. Социальные логики плена: инклюзия и эксклюзия.....	372
Глава 5.	
Плен как проблема освобождения узников войны	
4.1. Освобождение как перспектива 1918 года: расчеты и просчеты большевиков....	405
4.2. Плен и освобождение пленных в практиках антибольшевистских правительств Востока России.....	431
4.3. Завершающая стадия репатриации.....	452

Заключение	478
Список использованных источников и литературы	491
Приложения	551
1. Места постоянного водворения военнопленных во внутренних округах России по состоянию на 1 января 1916 г.....	551
2. Перечень предприятий, учреждений и организаций Пермской губернии, пользовавшихся трудом военнопленных в 1914–1917 гг.....	557

ВВЕДЕНИЕ

В 1915 г., когда Первая мировая война набирала всё большие и большие обороты, вовлекая в свою орбиту новых и новых участников, Э. Дюркгейм и Э. Дени дальновидно заметили: «Со временем историкам еще предстоит внимательно исследовать, в результате каких демографических, экономических, этнических условий с некоторых пор, похоже, умножились случаи конфликтов между народами»¹. И действительно, XX столетие, ознаменованное целым рядом нескончаемых военных конфликтов и прежде всего двумя мировыми войнами, закономерно породило живейший интерес к изучению причин, форм, сущности, динамики и последствий всевозможных вооруженных противоборств. На этой волне в системе гуманитарных наук, помимо традиционной военной истории, получили свое развитие такие специфические отрасли знания, как социология войны (полемология, от англ. *polemology*)², военная антропология³ и, наконец, новая военная история (от нем. *Neue Militärgeschichte*)⁴. Общим посылом для этих инновационных направлений научного поиска стала установка на «десакрализацию» войны — на отказ от её понимания как явления аксиологически исключительно негативного и потому не имеющего права на существование. Развитие этой логики в конечном итоге легитимировало другую не менее важную идею — идею признания за войной статуса неотъемлемого компонента жизни общественных организмов и, больше того, одного из наиболее стабильных социальных институтов. Отношение к войне как одному из видов

¹ Цит. по: Durkheim E., Denis E. *Qui a voulu la guerre?* Paris, 1915. Соловьев А.В. Полемология — французская социология войны // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 125.

² См. об этом: Соловьев А.В. Указ. соч. С. 125–132; Bouthoul G. *Les guerres — Elements de polemologie.* Paris: Payot, 1951; Idem. *Traite de polemologie.* Paris, 1970; Freund J. *Sociologie du conflit.* Paris, 1983; и др.

³ См. об этом: Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология: Ежегодн. 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5–22.

⁴ См., об этом, напр.: Paret P. *The New Military History* // *The Journal of the Army War College.* Vol. 21/3 (Autumn 1991). P. 10–18; Pröve R. *Vom Schmutzdelinquent zur anerkannten Subdisziplin? Die neue Militärgeschichte der Frühen Neuzeit: Perspektiven, Entwicklungen, Probleme* // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht.* Vol. 51 (2000, 10). S. 593–608; Robert M. Citino. *Military Histories Old and New: A Reinterpretation* // *American Historical Review.* Vol. 112 (October 2007). P. 1070–1090; и др.

человеческой деятельности, пусть и экстраординарному, породило, в свою очередь, понятие «культура войны», тем самым серьезно расширив арсенал средств изучения опыта вооруженных столкновений⁵.

Всё это, однако, совсем не означало — и не означает — оправдания войны, наоборот. Стремясь посредством своих изысканий найти войне «менее ужасную замену», современные гуманитарии позиционируют её как самую тяжелую социальную болезнь, спровоцированную ускоренной потерей социального равновесия⁶. Поскольку этот недуг, как и любой другой, проявлялся и проявляется через множественные симптомы, направления изучения войны продолжают стремительно ветвиться, образуя целый спектр тематически разнообразных исследований и/или групп исследований. В этой связи автономизация изысканий по истории военного плена была лишь делом времени, поскольку он как неизменный спутник войны известен человечеству с древности. При этом, однако, вплоть до Нового времени плен оставался изменчивым и вариативным, будучи связан с различными социальными практиками — рабством, клиентелой, патронатом, холопством и пр.⁷ Тем не менее, общей тенденции унификации плена это не отменяло, ведя к его превращению в однообразно понимаемый и однотипно организованный конструкт.

Важную роль в процессе типизации структур и практик плена сыграли войны второй половины XIX столетия, а решающую — Первая мировая война, в ходе которой из россыпи многообразных национальных⁸ пленов сформировался его

⁵ См. об этом: *Guerres et Cultures 1914–1918* / eds. par J. Becker, J. Winter, G. Krumeich, A. Becker and S. Audoin-Rouzeau. Paris: Armand Colin, 1994; *Histoire culturelle de la Grande Guerre*. Paris, 2005.

⁶ См.: Соловьев А.В. Указ. соч. С. 127, 131.

⁷ См. об этом. напр.: Куприянов П.С. Просвещенные россияне в плену у «варваров» (по материалам рубежа XVIII–XIX вв.) // Мужской сборник. Вып. 3: Мужчина в экстремальной ситуации. М., 2007. С. 101–115; Лавров А.С. «Полоняники» как социальная группа: Правовой статус и реинтеграция бывших военнопленных в Московском государстве // *Cahiers du monde russe*. 2010. № 2–3 (Vol. 51). P. 241–257; Bériac-Lainé F., Given-Wilson C. *Les prisonniers de la bataille de Poitiers*. Paris, 2002; *Captifs en Méditerranée (XVI–XVIII siècles)*. Histoires, récits et légendes / sous la dir. de F. Moureau. Paris, 2008; *Les prisonniers de guerre dans l'histoire: contacts entre peuples et cultures* / sous la dir. de S. Caucanas. Toulouse, 2003; и др.

⁸ Здесь и далее термин употребление термина «национальный» основывается на понимании нации как нации-государства или, иначе говоря, «нации граждан, а не этноцентричной трактовки нации как до-политического единства» (см. об этом: Хабермас Ю. Европейское

наднациональный образчик с набором общих атрибутивно значимых характеристик. Это стало возможно прежде всего благодаря беспрецедентной массовости плена, порожденного первой в истории человечества тотальной войной. Тотальный же плен периода Первой мировой войны оказался общим фактом биографии таких небезызвестных людей, как Ярослав Гашек, Шарль де Голь, Джемаль Гюрсель, Хаймито фон Додерер, Мате Залка, Вильгельм Канарис, Лавр Корнилов, Ганс Кох, Бела Кун, Эрнст Рейтер, Джевдет Сунай, Иосип Тито, Михаил Тухачевский, Роланд Фрейслер, Манфред Штерн, Курт Шушниг⁹.

национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М., 2002. С. 364–380).

⁹ Гашек, Ярослав (1883–1923 гг.) — чешский писатель-сатирик, автор примерно 1500 различных произведений, из которых мировую известность получил неоконченный роман «Похождения бравого солдата Швейка».

Де Голь, Шарль (1890–1970 гг.) — французский военный и государственный деятель. Основатель и первый президент Пятой Республики (1959–1969 гг.).

Гюрсель, Джемаль (1895–1966 гг.) — турецкий военный и политический деятель. Руководитель государственного переворота 27 мая 1960 г., четвертый президент Турции (1961–1966 гг.).

Додерер, Хаймито фон (1896–1966 гг.) — австрийский писатель, профессор истории (1925 г.). Лауреат Большой государственной премии Австрии (1958 г.), Большой премии Баварской академии изящных искусств (1964 г.). Его именем названа престижная премия, вручаемая в Австрии с 1996 г.

Залка, Мате, также известен как генерал Лукач (1896–1937 гг.) — венгерский военный деятель и писатель, участник Гражданской войны в России, герой Национально-революционной войны в Испании 1936–1939 гг.

Канарис, Вильгельм (1887–1945 гг.) — немецкий военный деятель, адмирал (1940 г.), начальник Абвера (службы военной разведки и контрразведки) (1935–1944 гг.).

Корнилов, Лавр (1870–1918 гг.) — российский государственный и военный деятель, генерал от инфантерии (1917 г.). Верховный главнокомандующий Русской армии (июль–август 1917 г.). Организатор так называемого Корниловского мятежа (август–сентябрь 1917 г.). Участник Гражданской войны, один из организаторов и главнокомандующий Добровольческой армии, руководитель Белого движения на Юге России (ноябрь–декабрь 1917 г.).

Кох, Ганс (1893–1945 гг.) — немецкий адвокат, участник антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г.

Кун, Бела (1886–1939 гг.) — деятель венгерского и международного революционного движения, один из организаторов Коммунистической партии Венгрии. Нарком иностранных дел и нарком военных дел Венгерской советской республики (1919 г.). Член Исполнительного комитета Интернационала (1921 г.).

Рейтер, Эрнст (1889–1953 гг.) — немецкий политик социал-демократ и ученый-урбанист; в 1918 г. — комиссар по делам немцев Поволжья в России, в 1931–1933 гг. — бургомистр Магдебурга, в 1948–1953 гг. — правящий бургомистр Берлина.

Сунай, Джевдет (1899–1982 гг.) — турецкий военный и политический деятель. Участник войны за независимость Турции, начальник Генштаба Турции (1960–1966 гг.), пятый президент Турции (1966–1973 гг.).

Тито, Иосип (1892–1980 гг.) — деятель югославского и международного рабочего движения, президент Социалистической Федеративной Республики Югославия (1953–1980 гг.).

Помимо них через плен прошло еще более 8 млн человек, из которых порядка 5 млн были захвачены на Восточном фронте. В свою очередь свыше трети из них — около 2 млн обезоруженных вражеских военнослужащих Центральных держав — оказалось в России. При всей уникальности индивидуальных жизненных траекторий этих людей, представлявших разные страны и культуры, сословия и классы, языки и веры, профессии и состояния, в контексте своего времени их судьбы были достаточно схожи, отражая процессы универсализации плена через разнообразные, но векторно аналогичные практики его объективации. Между тем, эти практики творились не только и даже не столько военнопленными, вокруг которых традиционно замыкаются исследования ретроспективной тематики¹⁰. И именно тот факт, что меньше всего места в этих исследованиях отводится изучению роли в истории плена принимающих сообществ, и является фактом, актуализирующим тему настоящей работы.

Актуальность проблематики плена, безусловно более широкой, нежели тематика собственно военнопленных, прежде всего диктуется необходимостью преодолеть ограниченное понимание их исторической миссии как кратковременной и малозначительной. Постановка в центр исследования именно плена, а не военнопленных означает при этом не просто расширение тематического поля истории войны. Такая оптика исследования актуализирует проблему военно-гражданских отношений, проблему встречи фронта и тыла, войны и мира, демонстрируя то обстоятельство, что граница между ними не являлась непроходимой.

Тухачевский, Михаил (1893–1937 гг.) — советский военачальник и теоретик, маршал Советского Союза (1935 г.).

Фрейслер, Роланд, известен как «адвокат Гитлера» (1893–1945 гг.) — немецкий государственный деятель, статс-секретарь имперского министерства юстиции Германии (1934–1942 гг.), председатель Народной судебной палаты (1942–1945 гг.).

Штерн, Манфред (Моше), также известен как Лазарь Штерн и под псевдонимами Марк Зильберт и Эмилио Клебер (1896–1954 гг.) — советский разведчик, сотрудник Коминтерна (с 1921 г.), командир интербригады в Испании (1936–1937 гг.).

Шушниц, Курт (1897–1977 гг.) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934–1938 гг.).

¹⁰ См. об этом подробнее гл. 1.

В более широком смысле тематизация плена видится актуальной исследовательской проблемой, поднимающей важнейший для любого общества вопрос о месте и роли привходящих, переменных факторов в жизни человеческого коллектива. Изучение плена как одного из таких факторов трудно не признать серьезной научной задачей, поскольку ее решение позволит конкретизировать представления о соотношении сил в российском социуме 1914–1922 гг., иерархизировать интересы различных групп населения, рассмотреть характер и динамику их взаимоотношений. Тем самым изучение диалектики российского плена будет способствовать более точной экспертизе гибкости и/или устойчивости, замкнутости и/или открытости социальных структур и установлений, бытовавших в России в годы Первой мировой войны и непосредственно после нее.

Обобщенно говоря, формировавшийся через мучительный поиск баланса между необходимостью считаться с фактором пленных, с одной стороны, и стремлением соблюсти интересы не-пленных — с другой, российский плен 1914–1922 г. является научной проблемой, историизация которой касается не только плена. Его исследование видится востребованным еще и в целях выявления действенных механизмов самоорганизации, самоидентификации и самосохранения любого общества перед лицом трудностей, объективно провоцируемых войной.

Объектом настоящего исследования выступает военный плен в российской провинции 1914–1922 гг. В узком смысле под пленом традиционно понимается исторически сложившийся порядок, подразумевающий временную несвободу и изоляцию обезоруженных вражеских военнослужащих в целях исключения их дальнейшего участия в вооруженном противоборстве. Однако, поскольку плен не был однозначно герметичным миром и предполагал контакты не только одних пленных с другими пленными, но и пленных с не-пленными, видится логичным рассматривать его (плен) в значительно более широкой перспективе. Нарушив суверенитет российской провинции, пленники так или иначе повлияли на уже имевшиеся и вызвали к жизни новые модели со-бытия/со-общения людей.

Совокупность этих моделей и формировала российский плен 1914–1922 гг., определяла его сущность, явно не сводимую к просто пребыванию военнопленных в N-ом месте в N-ое время.

Исходя из этого, в качестве *предмета* настоящего исследования выбран комплекс формальных и неформальных социальных практик, затронутых или порожденных российским пленом 1914–1922 гг. и проявлявшихся через многоакторные, многофакторные и многовекторные взаимодействия людей/групп людей, которые составляли относительно пленных принимающее сообщество. Под последним в работе понимается население так называемых внутренних округов России, выступавшее относительно центра страны в качестве провинциального. Такое понимание принимающего сообщества идет вразрез с традиционным толкованием населения как территориальной, несоциальной общности¹¹. Однако в настоящем исследовании оно видится вполне оправданным, поскольку относительно пленных иностранцев, являвших собой чужеродное, инокультурное включение, российский социум начала XX в. безусловно характеризовался устойчивой целостностью и устойчивой самоидентификацией. Они воплощались в стабильных, предсказуемых политических, экономических, социальных, культурных и других практиках общежития людей, обнаруживая себя, однако, не только в «чистых», «простых» действиях индивидов на низовом уровне. Эти практики, будучи относительно систематическими, заявляли о себе и через посредство тех или иных структур (правительство, земство, предприятие и пр.), служивших олицетворением мотивированности, организованности и упорядоченности социального процесса или, как минимум, стремления к ним. Сообразно с этим сопряженные с российским пленом 1914–1922 гг. социальные практики экспонируются в работе не только и не столько через индивидуализированные неформальные взаимодействия, но и через взаимодействия коллективные, опосредованные деятельностью, санкцией тех или иных формализованных объединений, учреждений, ведомств и пр.

¹¹ См.: Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. II. Т. 1. С. 94–122.

Территориальные рамки работы, будучи сужены до границ Среднего Урала, представляются убедительными по целому ряду причин. Ограничение географии исследования отдельным регионом в первую очередь оправдывается тем, что сегодняшняя историческая наука не требует от ученого обозрения с трудом обзриваемых пространств, каким, вне всякого сомнения, являлась территория России в целом. Разрешая изучать то или иное явление прошлого по его конкретному, географически фиксированному воплощению, историческая мысль исходит из того, что это частичное в своей основе воплощение повторяет целое, а потому репрезентативно не только для частных, но и общих наблюдений (Дж. Леви).

Мезо-ракурс настоящего исследования резонен, однако, не только поэтому. С выбранной позиции относительно легко различимы как те проявления плена, которые были общероссийскими, типическими, так и те, что относились к ранжиру факультативных, периферийных. Избранный вариант контекстуализации плена тем самым облегчает задачу корреляции его масштабов (регионального — с локальным, одного регионального — с другими региональными, регионального — с общенациональным), — корреляции, в рамках которой выявление и эмблематичных, и фоновых характеристик плена дает возможность исследовать связанные с ним практики максимально полно и создает предпосылки для решения эпистемологической проблемы соединения отдельных, разрозненных данных о плене в целое.

Впрочем, попытка «опространствить» плен на примере Среднего Урала представляется вполне корректной еще и в силу особенностей ретроспективного региона. В пользу его репрезентативности как территориальной рамки исследования свидетельствует, во-первых, её масштаб. В административно-территориальном плане территории Среднего Урала по состоянию на 1914 г. соответствовала территория Пермской губернии, занимавшей по своей величине третье место среди 51 губерний и областей Европейской России. Для наглядности не лишним, пожалуй, будет заметить, что в границах Среднего Урала легко могли уместиться Калужская, Курская, Орловская, Саратовская, Симбирская

и Рязанская губернии, вместе взятые. В начале 1918 г. Пермская губерния вошла было в состав Уральской области, в которую должны были влиться еще и Вятская, Оренбургская, Уфимская и Тобольская губернии. Однако Гражданская война прервала процесс формирования Уральской области, который в 1918–1919 гг. сменился процессом разукрупнения прежних административно-территориальных единиц, закончившийся появлением на карте Среднего Урала двух разных и притом достаточно крупных губерний — Пермской и Екатеринбургской¹².

Во-вторых, территория ретроспективного региона лежит на стыке Европейской и Азиатской России, для которых, по мнению специалистов, был характерен несколько различный плен¹³. В этой связи Средний Урал/Пермская губерния, олицетворяя собой некое пограничье, порубежье между двумя пленами — далеким и, вне сомнения, более суровым сибирским и его более мягкой, «ближней», альтернативой, сформированной в Центрально-Европейской России, — вбирал в себя черты как первого, так и второго. Больше того, процесс их компиляции носил не просто механический характер. На Среднем Урале, открытом для влияний как с запада, так и с востока, означенный выше процесс сопровождался своеобразной фильтрацией логик и практик плена, которая вкупе с региональной спецификой придавала уральскому образчику плена статус наиболее инвариантной и потому едва ли не самой представительной, референтной модели плена, пригодной для широких, национально значимых генерализаций.

В-третьих, в отличие от большей части российских территорий с характерной для них монохозяйственной ориентацией на аграрный сектор, экономика Среднего Урала позволяла использовать пленных еще и в промышленном производстве, что также служит аргументом в пользу репрезентативности избранной территориальной рамки. В канун описываемых событий в ее пределах проживало порядка 3,7 млн человек, распределенных между 6974 населенными

¹² См. подробнее: Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003.

¹³ См., напр.: Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am Main, 2005. S. 84, 86, 94 и др.

пунктами, в том числе 15 городами и 489 волостями, в свою очередь, разделенными между 12 уездами. Согласно данным Первой всероссийской переписи 1897 г., около 72 % населения Пермской губернии кормилось за счет сельского хозяйства, 16 % — за счет промышленности, ремесел и кустарных промыслов, и, наконец, 12 % — за счет торговли, извоза и прочих занятий¹⁴. Эти цифры, однако, не должны вводить в заблуждение. Несмотря на то, что бóльшая часть населения Среднего Урала была связана с аграрным производством, каркас регионального хозяйственного комплекса образовывала прежде всего горнозаводская промышленность, основой которой были так называемые горные и горнозаводские округа. К 1914 г. на территории Пермской губернии их насчитывалось 23, включая 3 казенных и 20 частных¹⁵. Действие местных чугунолитейного, железоделательного, медеплавильного и стального производств напрямую зависело от их обеспеченности топливом, рудой и прочими ресурсами, в связи с чем окружной производственный комплекс, помимо заводов, мог обладать еще и собственной лесной, рудничной и транспортной базами¹⁶. А потому не будет преувеличением сказать, что Средний Урал «обеспечивал» плену многообразный рисунок еще и в силу своих хозяйственных предпочтений, и доводы экономической географии в пользу выбора настоящего региона в качестве территориальной единицы исследования тем самым только подкрепляют доводы «обыкновенной», физической географии.

В-четвертых, Пермская губерния демонстрировала общие для страны механизмы гражданского, военного, духовного и любого другого управления. При этом для целей максимально полного обследования порожденных пленом практик особенно важной является принадлежность ретроспективной территории к земским губерниям России. Такая эксклюзивная характеристика Среднего Урала, как его включенность в систему территориально-хозяйственного

¹⁴ См. об этом: Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей: [в 20 т.]. Т. 5: Урал и Приуралье / под. ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1914. С. 158, 162–165, 234 и др.

¹⁵ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 471–478.

¹⁶ Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 235.

управления, олицетворявшуюся Уральским горным правлением, также работает на задачу воссоздания как реляционной, так и многомерной модели плена, на субординацию его универсальных, относительно родственных проявлений и проявлений исключительных, ситуативных.

В-пятых, применительно к тематике плена 1914–1922 гг. Средний Урал, в отличие от многих российских регионов, является действительно презентабельной рамкой еще и потому, что ему не удалось избежать власти антибольшевистских режимов. Их политика в отношении пленных зачастую волонтаристски исключается из поля зрения многими авторами, что изначально ставит под сомнение их претензии на обобщающий характер написанных ими работ¹⁷. Пермская же губерния, побывав и под «красными», и под «белыми», просто не позволяет пройти мимо этой грани исследуемой проблематики, давая возможность её более объемного освещения, а вместе с ним — и более адекватного понимания.

Хронология исследования охватывает период 1914–1922 гг. Нижняя граница исследования при этом очевидна, будучи связана с началом Первой мировой войны и практически синхронной с актуализацией проблемы плена. Верхняя же хронологическая рамка не столь однозначна. Её выбор диктуется тем, что к концу 1922 г. плен в России как автономное, системно значимое явление себя исчерпал, что отразило принятое 11 января 1923 г. постановление ВЦИК и СНК РСФСР о ликвидации Центрального управления по эвакуации населения. Оно означало, что плен к 1923 г. не просто «деградировал», он перестал существовать, так как цементирующие его факторы — интеграционное по своему характеру законодательство, общие экономические и политико-идеологические основания, особые органы управления и пр. — ушли в небытие. При этом то обстоятельство, что пленные спорадически напоминали о себе вплоть до конца 1930-х гг., достаточным основанием для расширения хронологии работы не является,

¹⁷ См., напр.: Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014; Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2014; Познахирев В.В. Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. СПб., 2014; и мн. др.

поскольку речь в данном случае может идти не об институционально оформленном явлении, а лишь о его немногих негромких отголосках. Иначе говоря, практики, олицетворявшие плен вплоть до 1922 г., затем не только трансформировались в нечто иное, — в массе своей они покинули историческую сцену, хотя некоторые пленные, точнее, бывшие пленные, еще и задержались здесь на какое-то время. Но этого было слишком мало, чтобы свидетельствовать в пользу пролонгации сроков российского плена, также как оставления в СССР «до особого распоряжения» некоторых пленных Второй мировой войны было явно недостаточно, чтобы настаивать на расширении хронологии советского плена после отправки последнего эшелона с бывшими узниками войны в Германию 7 января 1956 г.¹⁸

Здесь же, очевидно, целесообразно остановиться на проблеме периодизации порожденного Первой мировой войной плена, — проблеме, которая пока не получила сколько-нибудь однозначного решения. Во многом это связано с инвариантным пониманием сущности плена как такого, в связи с чем, в частности, его верхняя хронологическая граница продолжает восприниматься как подвижная. А.Н. Талапин, например, совершенно необъяснимо завершил историю пленных в Сибири уже 25 мая 1918 г. (датой начала так называемого Чехословацкого мятежа), в то время как В.В. Познахирев растянул ту же историю до начала 1925 г. (до официального завершения репатриации турецких военнопленных)¹⁹.

Традиционно же периодизация плена сводится к его подразделению на такие этапы, как 1914 — октябрь 1917 гг. и октябрь 1917–1922 гг.²⁰ Ряд авторов, помимо того, считает необходимым автономизировать хронологический отрезок с февраля по октябрь 1917 гг., тем самым рутинно воспроизводя хронологию

¹⁸ См. подробнее: Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 224–225.

¹⁹ См.: Познахирев В.В. Указ. соч.; Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 — май 1918 гг.: дисс. ... к.и.н. Омск, 2005.

²⁰ См.: Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дисс. ... к.и.н. Красноярск, 2006; Зубаров И.Е. Деятельность коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг.: дисс. ... к.и.н. Пенза, 2006; и др.

изменений общеполитической ситуации в России — и не более того²¹. Однако якобы неизменно сопутствовавшая сменам режима правления и механистически приписываемая плену перестройка его основ совсем не очевидна. В таком подходе собственно плен не просто вторичен; он, кроме того, рискует оказаться превратно истолкованным в угоду обыденным представлениям об этапности исторического процесса в целом, за которыми часто упускается из виду его преемственность.

Качественные трансформации плена, обусловленные «особыми признаками по отношению к положению военнопленных», попытался обозначить Н.М. Жданов, предложив рассматривать как эпохальные следующие вехи его (плена) истории: 1914 — конец 1915 гг. — период еще не определившегося состояния военнопленных; конец 1915 — февраль 1917 гг. — период оседлого состояния военнопленных, когда они «были уже прочно размещены по лагерям и рабочим командам»; февраль 1917 — март 1918 гг. — период, в течение которого «имели место довольно значительные акты внутренне-государственной и международно-правовой работы, направленной на урегулирование положения военнопленных и облегчения их участи»; март — ноябрь 1918 г. — период формирования новых структур, занимавшихся проблемами плена (российско-германская и российско-австрийская смешанные комиссии, Ценропленбеж и пр.); с ноября 1918 г. и далее — ликвидационный период, ознаменованный возвращением пленников на родину²². Ретроспективная периодизация при всех ее благих вызывает серьезные сомнения в связи с непрозрачностью общих критериев ее выработки, что в полной мере относится и к периодизации И.Б. Беловой, которая, выделив в отдельный период 1914–1917 гг., затем весьма не внятно разграничила события 1918–1925 гг. При этом последний, 1925 г., ограничивается ею лишь несколькими январско-мартовскими эпизодами, которые могли быть дополнены другими, более поздними эпизодическими же возвращениями к

²¹ См.: Идрисова Э.С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1922 гг.: дисс. ... к.и.н. Оренбург, 2008; Талапин А.Н. Указ. соч.; и др.

²² См.: Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. (Труды Военно-исторической комиссии). М., 1920. С. 7–11.

проблеме плена и которые своим казуальным, исключительным характером лишь доказывают, что к середине 1920-х гг. вопрос о пленниках Первой мировой войны был практически снят с повестки дня²³.

Думается, что наиболее адекватная периодизация плена предполагает его градацию на три действительно отличных друг от друга этапа. Начальный период, 1914 — середина 1915 гг., был связан с выработкой общих оснований плена, в равной степени обусловленных теорией и практикой. Основной период, который с некоторой долей условности может быть датирован второй половиной 1915 — мартом 1918 гг., стал временем выкристаллизации различных модификаций плена, зависевших от конкретно-политической, территориально-региональной, социально-экономической и прочей конъюнктуры. Финальный, ликвидационный период, начатый мартом 1918 г. и завершённый 1922 г., характеризовался стремительной минимизацией вариативных образцов плена, несмотря даже на его альтернативы, созданные антибольшевистскими режимами, и не менее стремительным сокращением практик, сведших плен на нет посредством его замыкания в рамки репатриационного процесса. Впрочем, для исследования, перспектива которого обусловлена не хронологическим, а проблемным принципом, вышеприведенная периодизация является лишь одним из ориентиров, который, облегчая «навигацию» по территории плена, работает на достижение общей целевой установки.

Цель же настоящего исследования двояка. Она состоит в реконструкции социальных практик, сопровождавших развитие российского плена 1914–1922 гг., а также в оценке места и роли этих практик в жизнедеятельности принимающего сообщества.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд ***задач***, а именно:

- оценить степень исследованности ретроспективной проблематики путем сопоставления отечественной и зарубежной историографических традиций изучения темы плена и военнопленных Первой мировой войны, выявив при этом

²³ См.: Белова И.Б. Указ. соч.

стереотипы и лакуны конкретно-исторического и теоретико-методологического свойства, требующие особого внимания;

- определить круг наиболее значимых исторических источников по истории плена, их информационный потенциал и перспективы использования;

- обосновать динамические и географические параметры плена, свойственные его среднеуральской составляющей, иерархизировав при этом те факторы, которые способствовали расширению/сужению территории плена и влияли на его развитие;

- раскрыть основные характеристики пленных, исходя из признания за ними специфических групповых отличий (демографических, социо-профессиональных и пр.), прямо или косвенно влиявших на динамику плена и практики, связанные с ним;

- установить сущностные свойства экономики плена как комплекса процессов потребления, производства и администрирования, обозначив ее особенности, определявшиеся как актуальной экономической конъюнктурой, так и региональной/общенациональной экономической культурой;

- проанализировать основания, цели, этапы, формы и итоги попыток политизации плена различными историческими акторами, определив ее место в общероссийском политическом контексте;

- конкретизировать масштабы воздействия плена на развитие системы социальных таксономий, вскрыв логики, практики и эффекты превращения плена в область многофакторных и многоакторных социальных взаимодействий;

- выявить выработанные пленом практики освобождения узников войны и свойственные формированию этих практик субъективно-объективные детерминанты.

Теоретико-методологическая база исследования. «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Ее задача — лишь показать, как все происходило на самом деле (wie es eigentlich gewesen)», — писал Леопольд фон Ранке, предваряя свою «Историю романских и германских народов

с 1494 по 1514 г.»²⁴ Однако этот ставший классическим тезис, к сожалению, никак не учитывает, что то, какой история была на самом деле, с большей или меньшей степенью успешности можно только предполагать, ведь историк в своей работе имеет дело не с живым синхронным материалом, а лишь с теми остатками прошлого, которые запечатлели источники. Это обстоятельство формирует реконструктивистскую логику любого серьезного исторического исследования, которая изначально ставит под сомнение достаточность обычных для такого рода исследований нарративного, системно-структурного, историко-генетического, историко-логического, историко-типологического, историко-сравнительного и тому подобных подходов, явно не нуждающихся в эксплицитных описаниях, равно как и принципы историзма и объективности. При этом даже метод «плотного описания» не обещает успешного решения сложных исследовательских задач, к каковым, думается, позволительно отнести и задачи настоящей работы. Сообразно с этим представляется не просто логичным, но и необходимым прибегнуть к заимствованию ряда теоретических «оптик» смежных с историей наук и прежде всего наиболее близкой из них — социологии. Нарботки этой дисциплины являются как раз той самой опорой, которая, задавая исследованию междисциплинарную рамку, иммунизирует его от номинализма, дает возможность проникнуть в суть исторических процессов и явлений, не ограничиваясь их унылой констатацией.

В данном конкретном случае в качестве стартовой исследовательской гипотезы видится оправданным использовать исследовательскую гипотезу, базирующуюся на позиционировании плена как исторически обусловленного социального института. И тот факт, что институциональная социология, как и институциональная теория вообще, получившая в этой связи имя «теории без теории», не выработали общепризнанного определения термина «институт», едва ли может считаться препятствием для обращения к нему. Как представляется, позиционированию плена как института также не мешает и то очевидное

²⁴ Ranke L. von. Geschichte der Romanischen und Germanischen Volker von 1494 bis 1514. Leipzig, 1824. S. 10. Цит. по: Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 16–17.

обстоятельство, что институт этот является по своему характеру институтом мерцающим, обнаруживая себя лишь в обстоятельствах военного времени.

Вместе с тем, даже будучи институтом непостоянным, плен, как и любой другой институт, всегда предполагал некую организованную деятельность людей, основанную на объективации общепринятых моделей мышления и поведения (Т. Веблен)²⁵. В случае с пленом такие модели были заложены как в нём самом, так и в гуманитарном праве, что как раз и позволяет перевести плен из категории антропологически понимаемого обычая (или традиции)²⁶ в социологически трактуемый формальный институт. Действительно, как обычай, как по сути своей архетипическая, символическая и социально локализованная практика плен исчерпал себя задолго до начала XX в., обретя в программах коллективного сосуществования людей иное значение, диктуемое его официальным международным признанием.

При этом при характеристике плена как стабильно «импортируемого» из прошлого и проявляющегося через взаимодействие с другими институтами (моралью, правом, рынком, семьей и мн. др.) образования безусловно важно иметь в виду априорную позитивность, полезность социальных/общественных/культурных институтов. Выступая в качестве кирпичиков любого более или менее рационально организованного общества, такие институты обеспечивают его стабильное, сбалансированное, упорядоченное развитие. В этой связи важно понимать еще и то, что плен являл собой не просто особую предметную сферу или сферу опредмечивания соответствующих процессов, некий набор «вещей», которые Э. Дюркгейм предложил рассматривать как следы определенных социальных действий и противодействий. Наряду с «вещными» признаками плена принципиальное значение имело его функциональное назначение, продиктованное тем, что «всякий социальный институт складывается как выполняющая определенные функции устойчивая

²⁵ См. об этом: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 202 и др.

²⁶ См. об этом: Гофман А.Б., Левкович В.П. Обычай как форма социальной регуляции // Советская этнография. 1973. № 1. С. 14–24.

структура социальных действий»²⁷. Эмпирические наработки по истории плена уже на старте исследования позволяют квалифицировать плен как институт, предполагавший, как минимум, режимную функцию, которая позволяла исключить из вооруженного конфликта часть его участников и тем самым ускорить завершение войны.

Такая, институциональная трактовка плена ориентирует на восприятие его реальности как результата сознательных выборов, по сути отчужденных от исторических акторов. Однако был ли плен на самом деле лишь «внешней» по отношению к людям реальностью, независимо от них легитимированной санкцией? Большинство современных исследователей, сами того не сознавая, отвечают на этот вопрос утвердительно, сводя плен к результату обеспечиваемого государством принудительного действия некой изначально predetermined логики (см. об этом: гл. 1.1). Но таким образом исключительно институциональная «оптика» исследования формирует лишь полое, а отнюдь не полное представление о реалиях плена, оставляя за скобками все то, что не принадлежит к числу его «правильных» и «регулярных» проявлений, а также — и это особенно прискорбно — многоразных «героев» плена, которым изначально отказано в активной позиции. Тем самым по природе своей объективистская трактовка плена как социального института, базирующаяся на его понимании как некой упорядоченной стабильности и тем самым отказывающая ему в динамике, оказывается дефицитна, недостаточна, что явно требует дополнения теоретико-методологической стратегии исследования чем-то ещё.

Проблема при этом состоит не только в том, что социальные институты, и плен в том числе, как результаты процессов, происходивших в прошлом, «приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени»²⁸. Поиск такого согласия обнаруживает, что плен как не просто социальный институт, но в силу своего непостоянства еще и институт «мерцающий», безусловно претерпевает

²⁷ Гавра Д.П. Понятие социального института // Регион. Экономика, политика, идеология. 1999. № 4–5. С. 21.

²⁸ Веблен Т. Указ. соч. С. 202.

изменения, а значит, каждый новый период истории плена есть не просто его инерционное развитие, а развитие через обновление. Однако только ли внутренние институциональные рамки плена при этом обновляются? Действительно ли незыблем его каркас относительно внешних воздействий со стороны других институтов? Что, в конце концов, первично в процессе эволюции плена: его институциональные «обременения», детерминирующие деятельность людей, или же действия людей, которые ограничиваются институциональными рамками плена и не только плена? Через призму конкретики настоящего исследования этот вопрос оборачивается вопросом о том, чем оказывается чревата встреча плена с российской действительностью: универсализацией свойственных ему логик развития или же торжеством бесконечно множественных вариаций на тему плена, перечеркивающих всю его изначальную позитивность как социального института?

В поисках ответа на эти вопросы представляется оправданным погрузить плен в поле практик, причем как формальных, так и неформальных, как центральных, так и периферийных, как коллективных, так и индивидуализированных, как уже опривыченных, так и инновационных. «Прагматизация» плена, как представляется, отнюдь не отменяет понимания плена как социального института, хотя внутренняя логика исследования при этом безусловно скорректируется. Она, помимо прочего, будет определяться (инструментарием, созданным в поле теории практик, а точнее сказать, целой группы теорий, выработанных в рамках метапарадигмы конструктивизма и постструктурализма и способствовавших так называемому «прагматическому» или «критическому» повороту в социальных науках. Авторы, так или иначе поучаствовавшие в процессе теоретизирования практик, будь то Э. Дюркгейм²⁹ и М. Хайдегер³⁰, П. Бурдьё³¹ и Л. Витгенштейн³², П. Бергер и Т. Лукман³³,

²⁹ См.: Durkheim E. *Pragmatisme et sociologie*. Paris, 1955.

³⁰ См.: Хайдегер М. *Бытие и время*. М., 1997.

³¹ См.: Бурдьё П. *Практический смысл*. СПб., 2001.

³² См.: Витгенштейн Л. *Философские исследования* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI. М., 1985. С. 79–128.

Э. Гидденс³⁴ и А. Макинтайр³⁵, М. Мосс³⁶ и М. Полани³⁷, М. де Серто³⁸ и С. Тернер³⁹, М. Фуко⁴⁰ и Т. Шатцки⁴¹, Н. Элиас и другие⁴², общего — операционального — определения того, что такое практики, не выработали. У Э. Гидденса это рутинизированные действия, совершаемые привычным образом в ходе повседневной социальной деятельности. У М. де Серто — искусство решения конкретных задач в ситуации неопределенности. У П. Бурдьё — способность социальных субъектов сверять свои поведенческие образцы с уже сложившимися представлениями об окружающем мире, которая обнаруживает как возможность субъекта рафинировать основы социального порядка, так и возможность субъекта их модифицировать⁴³.

Несмотря, однако, на отсутствие консенсусного понимания термина «практики», на его «зонтичный» характер, он давно нашел себя в междисциплинарных исследованиях, фигурируя в качестве базисной категории в антропологии, философии, истории⁴⁴, социологии, политологии, лингвистике и литературной теории и тем самым формируя некую общую для социальных наук теоретико-методологическую программу. Интегрирующим для нее выступает посыл о том, что социальный порядок являет собой порядок практик, сплетенных в плотную сеть. Практики при этом рассматриваются как совокупность

³³ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.

³⁴ См.: Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.

³⁵ См.: Макинтайр А. После добродетели. М., 2000.

³⁶ См.: Мосс М. Общества, обмен, личность. М., 1996.

³⁷ См.: Полани М. Личностное знание. М., 1985.

³⁸ См.: De Certeau M. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley, 1984.

³⁹ См.: Turner S. *The Social Theory of Practices. Tradition, Tacit Knowledge and Presuppositions*. Cambridge, 1994.

⁴⁰ См., в частности: Фуко М. Археология знания. М., 2004.

⁴¹ См.: Schatzki T. *Social practices: A Wittgensteinian approach to human activity and the*. New York, 1996.

⁴² См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. М., 2001.

⁴³ См. подробнее: Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–24; Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008; Греньё Ж.-И. Размышления о «критическом повороте» // Одиссей: Человек в истории. 2005. С. 138–151; Reckwitz A. *Toward a Theory of Social Practices* // *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 5(2). P. 243–263.

⁴⁴ Наиболее репрезентативным примером при этом будет: Thompson E. *The Making of English Working Class*. London, 1977.

социальных действий, которые «по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносятся с действием других людей и ориентируется на него» (М. Вебер)⁴⁵. Иначе говоря, практики являются ни чем иным как результатом оповседневничания и, если брать шире, объективации социальных действий (Т. Парсонс), почему теория практик и трактуется сегодня как резервуар «основных теоретических ресурсов социологии повседневности»⁴⁶.

Очевидно при этом, что в то время как в рамках аналитически ориентированных работ практики прежде всего теоретизируются, в пределах исследований конкретно-ориентированных они, наоборот, конкретизируются, распадаясь на множество всевозможных примеров. В этом случае практики — это все то, что делают люди, а в данном конкретном исследовании — пленные и непленные, действовавшие либо самостоятельно, либо через те или иные структуры. Таковое «делание», действие, не будучи, однако, очевидным само по себе, проявлялось лишь в процессе интересубъективного — и если брать шире — межинституционального взаимодействия. Реальность плена, таким образом, подобно сосуду, наполнялась самым разными практиками, часть из которых, повторяясь, приводила к «взаимной типизации опривыченных действий деятелями разного рода»⁴⁷. Именно такие социальные практики и обеспечивали функционирование плена как социального института, а также взаимодействовавших с ним социальных институтов. Обороняя этот тезис, вполне уместно процитировать Э. Гидденса, который считал, что «...многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительнейшими и масштабными процессами воспроизводства социальных институтов»⁴⁸.

⁴⁵ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 603.

⁴⁶ Вахштайн В. [Рец.:] Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с. // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 78. См. также: Вахштайн В. Пять книг о социологии повседневности // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 303–306.

⁴⁷ Бергман П., Лукман Т. Указ. соч. С. 92.

⁴⁸ Гидденс Э. Указ. соч. С. 69.

Между тем, на периферии типичных взаимодействий пленных и не-пленных, плена и не-плена складывались и группировались некие альтернативные практики, которые являлись основой для последующих трансформаций плена и не-плена. В условиях нестабильного общества, каковым, безусловно, являлось российское общество 1914–1922-х гг., такие трансформации были практически неизбежны, поскольку актуальные контексты и режимы взаимодействий людей/групп людей не отличались постоянством. В этой ситуации порядок практик, влиявших на установления плена и не-плена, не мог не меняться, выдвигая на передний план те повседневные жесты, которые постепенно превращались из редких в рутинные. В этом смысле диалектика плена в целом не отличалась от диалектики всех прочих социальных институтов, развитие которых предполагает разную динамику, но сохраняет общий алгоритм: «Изменение типичных способов поведения ведет к трансформации соответствующих практик, а накопленные сдвиги в практиках, которые реализует тот или иной институт, приводят к изменению содержания этого социального института»⁴⁹.

Рассмотрение истории российского плена 1914–1922 гг. через институционально-прагматические линзы, предполагая, что его «скелет» формировали институциональные рамки, а «тело» — многообразные практики, обрекает настоящее исследование на глубокий и последовательный эмпиризм. Однако такая стратегия, предполагающая выявление как можно большего числа образцов взаимодействий пленных и не-пленных, плена и не-плена, рискует обернуться хаотизацией рассматриваемых явлений. Для решения этой проблемы в работе предлагается использовать метафору «пространство плена», границы которого мысленно обнимали бы все действия и контр-действия, связанные с ним, как очевидные (например, непосредственные контакты пленных и не-пленных), так и не очень (в частности, конфликты министерств, вызванные борьбой за дополнительные рабочие руки и пр.).

⁴⁹ Заславская Т.И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 6. С. 15.

Попытка «опространствить» плен таким нетривиальным образом, призванная зафиксировать его динамизм, дисперсность и размерность, не является, однако, претензией на дополнение теоретической «оснастки» исследования. Метафоры «пространство плена», «территория плена» или «область плена» являются здесь не более чем метафорами, не претендуя на понятийный статус. А потому искать «семейные» сходства между «пространством плена» и «поляной бытия» М. Хайдегера (Lichtung), социальным пространством Г. Зиммеля или социальными полями П. Бурдьё (Soziale milieu) и прочими аналитическими конструкциями социологии пространства не стоит.

Предвосхищая вопрос о том, насколько оправдана «гибридная» стратегия исследования, основывающаяся на помещении плена не только в институциональную рамку, но еще и в область практик, следует отметить следующее. Такой подход, во-первых, противопоставляет ограниченной логике структурной, политической, экономической, социальной, культурной и любой иной детерминированности поведения людей картину, в пределах которой актуальная реальность динамизируется и «гуманизируется». При этом даже «среднестатистический» военнопленный, часто воспринимавшийся (и воспринимаемый) не иначе как объект господства, превращается в просто точку на карте пересечения разнообразных действий, отчего его объектная модальность дезавуируется, размывается.

Комбинируя объективистские и субъективистские подходы к пониманию прошлого, представленная исследовательская перспектива, во-вторых, решает проблему структурно-акторного дуализма, позволяя историизировать действия как формальных, так и неформальных групп исторических акторов и, больше того, акторов-одиночек.

В-третьих, легитимируя многоакторные и многофакторные взаимодействия различных агентов плена, практико-ориентированная логика работы создает благодатную почву для его многомерной оценки, то есть оценки свойственных ему макро-, мезо- и микропроцессов.

В четвертых, — и это, пожалуй, самое важное, — избранная исследовательская программа позволяет использовать целый комплекс более частных, конкретных подходов к оценке конкретно-исторических явлений и процессов, так или иначе «причастных» к развитию плена. К числу таковых подходов принадлежат, в частности, коммуникативная теория документа (см. гл. 1.2), концепция мобилизационной экономики (см. гл. 3), теория «политики населения» П. Холквиста (см. гл. 4.1), социология «чужака» Г. Зиммеля и конфликтология Т. Шеллинга (см. гл. 4.2), актуализированные в диссертации с целью более адекватной категоризации тех или иных проявлений плена, в целом трактуемых как институционально и практически обусловленные.

Не будет преувеличением сказать, что именно многообразные аналитические конструкты, использованные в работе, являются тем условием, которое дает возможность рассмотреть российский плен 1914–1922 гг. как пересечение сразу нескольких автономных историй, рассказанных к тому же на разных языках, в особой манере и с непривычной интонацией. Практикующееся при этом обильное цитирование источников, где-то даже переходящее в гиперцитатность, можно объяснить словами Л. Альфана, считавшего, что «там, где молчат источники, нема и история»⁵⁰.

Новизна работы состоит в самой постановке изучаемой проблемы — в том, что в центре актуального исследования находится плен, рассматриваемый как специфическая модель практического взаимодействия различных исторических акторов, — модель, которой были присущи свои особенности, определявшиеся как эффектами конкретно-исторического момента, так и относительно стабильными локальными, региональными и общенациональными детерминантами.

Инновационная методология исследования позволила показать, что как особый социальный институт плен не развивался как «вещь-в-себе». Он корреспондировал с другими социальными конструктами, что позволяет

⁵⁰ Halphen L. Introduction à l'histoire. Paris, 1946. P. 61. Цит. по: Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011. С. 25.

идентифицировать плен как «тестовое» событие для российской провинции 1914–1922 гг. и — больше того — как одну из вполне возможных проекций рассмотрения исторического развития российского общества в целом, чего ранее никогда не делалось.

Среди прочих факторов, предопределивших новаторский характер работы, следует также отметить углубленный анализ историографических источников, позволивший, в частности, «реабилитировать» советскую историографию плена. В работе впервые в отечественной литературе представлена альтернативная лагерной модель интерпретации плена, выработана оригинальная методика анализа его статистико-географических характеристик, предложена программа изучения плена как особого экономического проекта, актуализирована проблема превращения плена в лабораторию по конструированию лояльностей, показан социально-модифицирующий потенциал плена, доказана возможность апелляции к нему как к одному из параметров определения индекса свободы/несвободы, являющегося одним из важнейших показателей развития общественных систем XX в. Помимо того следует подчеркнуть, что подавляющее большинство источников, использованных в исследовании, либо впервые привлекается для изучения темы плена, либо анализируется под новым углом зрения и в новом контексте.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) Российский плен 1914–1922 гг., преодолев хронологические рамки Первой мировой войны, фактически автономизировался от нее, обретя статус самостоятельного события, в котором участвовали самые разные исторические акторы.
- 2) Воздействие плена на российское общество осуществлялось через различные практики, среди которых важнейшими были практики перемещения, размещения, потребления, производства, администрирования, дифференциации, индоктринации, социализации, коммуникации и освобождения.

- 3) Плен стал проверкой на прочность практически для всего российского общества, напрямую способствуя преодолению его иммобильности и отражая свойственные его исторической динамике противоречия.
- 4) Институциональная среда плена изначально складывалась как разнообразная, не вписываясь в представления о его безусловной лагерности. Лагерные, «залагерные», «окололагерные» и «квазилагерные» структуры свидетельствовали не только о внутринституциональной гетерогенности плена, но и фиксировали его многофункциональный характер.
- 5) Определяющую роль для формирования основ российского плена 1914–1922 гг. имели экономические факторы и прежде всего ставка на пленных как на дополнительную рабочую силу.
- 6) Экономика плена, как и любая экономика мобилизационного типа, основанная на принудительном труде, оправдывала себя только в случае грубой эксплуатации пленных и использования внеэкономических механизмов.
- 7) Попытки политико-идеологических манипуляций в пространстве плена имели ограниченный эффект, поскольку изначально исходили из поверхностного понимания этноса, веры и класса, а также шли вразрез с интересами различных групп влияния (военных, предпринимателей и пр.).
- 8) Как пространство социальных трансформаций плен выступал одновременно и как фактор разрушения, и как фактор обновления социальных порядков, а собственно военнопленные — и как группа эксклюзии, и как группа инклюзии.
- 9) Как транснациональный проект российский плен 1914–1922 гг. во многом зависел от внешнеполитической конъюнктуры, изменчивость которой не позволила выработать универсальную схему освобождения узников войны, тогда как конъюнктура внутривнутриполитическая (и прежде всего Гражданская война) отсрочила его и обогатила легальными и нелегальными практиками.

Практическая значимость исследования напрямую связана с проблемой экспертной оценки места и роли в жизни российского общества социальных «переменных» и привходящих факторов. Не будет преувеличением сказать, что результаты настоящего исследования представляют большую значимость для

гармонизации политических, экономических, демографических и социокультурных процессов регионального и общенационального масштаба, для прояснения перспектив стратегического планирования развития современных Урала и России, для поиска новых и оптимизации уже выбранных моделей управления. Итоги исследования также будут способствовать активизации процессов интеграции исторической науки и прочих социально-гуманитарных дисциплин, демонстрируя тем самым вектор актуального развития наук о человеке и обществе. Материалы диссертационной работы также могут быть использованы в рамках различных учебных курсов, как общих, так и специальных, а также в рамках тех или иных культурно-просветительских проектов.

При этом следует отметить, что настоящее исследование не претендует на статус обобщающего труда по ретроспективной проблематике, прежде всего будучи нацелено на выявление знаковых для развития российского плена 1914–1922 гг. тенденций и их последовательную акцентуацию. Этой логикой была продиктована и *структура работы*, которая включает в себя, помимо традиционных введения и заключения, 5 глав и 2 приложения.

ГЛАВА 1.

ПРАКТИКИ ИСТОРИОПИСАНИЯ ПЛЕНА И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Тема плена в отечественной и зарубежной историографиях

Общим местом для историографических изысканий последних десятилетий стало членение отечественного опыта изучения той или иной тематики на два этапа — советский и постсоветский. При этом ещё недавно было принято считать, что едва ли не вся советская историография серьезно страдала от догматизма, являя собой «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей»¹. Больше того, появилось мнение, что партийное руководство сыграло исключительно пагубную роль в развитии отечественного историописания, в результате чего «советская историческая наука перестала быть наукой, так и не предприняв серьезных попыток стать ею»². Столь драматичное прочтение процесса «советизации» исторического знания постепенно отступило перед более взвешенными оценками, в рамках которых советская историография стала рассматриваться как один из этапов развития отечественной историографии — и не более того³. Как результат всякие «претензии» к «претенциозным» советским историкам оказались вторичны, уступив своё место в дискуссии о марксистско-ленинской исторической литературе вопросу о соотношении факта и теории. Пренебрегая коллизиями этой дискуссии, следует вместе с тем согласиться с ее участниками в том, что интерпретационные «изъяны», связанные с перекосами в сторону приоритета

¹ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография: сб. статей. М., 1996. С. 37.

² Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография. С. 187.

³ См. об этом, напр., работы Л.А. Сидоровой: Сидорова Л.А. Смена поколений историков и инновационные процессы в отечественной исторической науке в XX веке // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского: сб. статей. М., 2007. С. 428–442; Она же. Советская историческая наука: Разрыв российской историографической традиции? // Историческое познание: Традиции и новации: тез. Междунар. теор. конф. Ижевск, 1993. Ч. 1. С. 168–170; Она же. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008.

теории, не помешали советской исторической науке сделать свой шаг вперед. Во многом это стало результатом того, что при очевидной политико-идеологической окрашенности работ, созданных в 1918–1991 гг., в густоте использовавшихся красок допускались весьма значительные колебания. Не отличаясь разнообразием палитры, эти краски нарочито сгущались там, где речь шла о проблемах, напрямую связанных с апологетикой советского строя. Сюжеты же «малозначительные», дополняя батальные сцены классовой или любой другой борьбы, выписывались и расцветчивались лишь настолько, насколько этого требовала конъюнктура, что позволило иммунизировать те или иные исторические факты, процессы и явления от прямолинейных безальтернативных трактовок.

В полной мере это относится к советским исследованиям истории российского плена 1914–1922 гг., траектория изучения которой оказалась весьма замысловатой. Действительно, там, где этой истории полагалось быть — в работах, посвященных Первой мировой войне, — места плену практически не нашлось⁴. Вместе с тем утверждать, что его тематики советская историческая наука не знала вовсе, было бы не корректно. Исследования плена, не имея самостоятельного характера, «факультативно» проводились в рамках изучения наиважнейших для советской историографии вопросов «как наступала революция?» и «как сражалась революция?». Проиgnорировать эти проблемы позволил себе только Е.З. Волков, в демографическом исследовании которого была предпринята попытка оценить суммарные показатели численности и смертности военнопленных, а, кроме того, динамику погодного прибытия, убытия и окончательного их наличия⁵. Основанные на среднем коэффициенте напряженности боевых действий подсчеты автора, к сожалению, были не

⁴ Болтин Е., Вебер Ю. Очерки мировой войны 1914–1918 гг. М., 1940; Вержховский Д.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1954; Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 Т. 1–3. М., 1938–1939; История первой мировой войны 1914–1918. В 2-х т. М., 1975; К 75-летию начала первой мировой войны: материалы конф. М., 1990; Первая мировая война. М., 1968; Первая мировая война: политика, идеология, историография. К 75-летию начала войны: межвуз. сб. Куйбышев, 1990; Покровский М.Н. Империалистическая война: сб. статей. Изд. 2-е. 1915–1930. М., 1934; и мн. др.

⁵ См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 75–77.

востребованы другими специалистами, которыми, что характерно, пленные иностранцы практически никогда не рассматривались как пленные. Они были кем угодно — «пришлым населением», «вновь влившимися группами рабочих», «трудящимися зарубежных стран», «белочехами», «интернационалистами», «иностранными коммунистами», — но только не просто пленными. Однако за этой «эвфемизацией» плен и пленные не потерялись, заняв свою нишу среди прочих исследовательских проблем и подпроблем.

Так, вписывая плен и пленных в жизнь скатывавшегося к революции воюющего общества, советские историки констатировали, что вражеские военнослужащие оказались одним из тех факторов, который способствовал глубоким изменениям состава работающих как в промышленном секторе экономики, так и в сельском хозяйстве. Зароненная А. Аникстом и А. Хрящевой⁶ уже в начале 1920-х гг. эта мысль получила свое развитие в трудах таких советских классиков экономической — и не только экономической — истории, как А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, Т.М. Китанина, И.В. Маевский, А.П. Погребинский, С.П. Сигов, А.Л. Сидоров, К.Н. Тарновский, Г.И. Шигалин и другие⁷. Обозначившись также в работах по истории «пролетаризации» города и деревни⁸, отмеченный вывод был дополнен заключением о том, что

⁶ См.: Аникст А. Применение труда военнопленных в России до 1918 г. // Аникст А. Организация распределения рабочей силы: статьи и доклады за 1918–1920 гг. М., 1920. С. 45; Хрящева А. Крестьянство в войне и революции. М., 1921. С. 26.

⁷ См.: Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) М., 1962. С. 95–99, 103–104, 195; Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 23–24; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г. Л., 1985. С. 53–58; Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957. С. 311, 321–323; Погребинский А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические зап. 1950. Т. 31. С. 42–43; Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 270–271; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 418–419, 451–452; Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М., 1958. С. 28; Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918). М., 1956. С. 194; и др.

⁸ См.: Большаков В.Н. Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы Первой мировой войны // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 155–157; Гапоненко Л.С. Рабочий класс в 1917 г. М., 1970. С. 65; Дмитриев А.В. Состав и положение лесных рабочих горнозаводского Урала в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Социально-экономическое и правовое положение рабочих

«суррогатирование» (И.В. Маевский) рабочей силы посредством привлечения к труду военнопленных лишь в незначительной степени могло восполнить убыль, «произведенную среди рабочего населения мобилизациями»⁹.

Единодушно сходясь в этой оценке, отечественные историки, однако, продемонстрировали редкий для советской исторической науки плюрализм мнений в ее обосновании. «Ввиду принудительного характера и низкой производительности труда военнопленных эта большая масса рабочих была в составе пролетариата страны ни чем иным, как балластом», — весьма категорично резюмировал П.В. Волобуев¹⁰, солидаризируясь тем самым с мнением И.В. Маевского и А.П. Погребинского¹¹. И.Г. Мосина и В.Н. Большаков¹² усматривали причину незначительности труда пленных для экономики страны в несогласованности и нерасторопности ее административно-хозяйственного аппарата, о чем, правда, задолго до названных авторов писал бывший царский генерал Н.Н. Головин¹³. Т.М. Китанина заняла в заочном споре советских исследователей о причинах «несостоятельности» пленных в качестве рабочей силы консенсусную позицию¹⁴, тогда как А.М. Анфимов охарактеризовал влияние пленных на рынок труда как «более сложное», «по-разному

Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 99–101; Казаков А. Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. М., 1930. С. 11; Кирьянов Ю.И. Влияние первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России // Вопросы истории. 1960. № 10. С. 91–92; Рашин А.Г. О численности и территориальном размещении рабочих России в период капитализма // Исторические зап. Т. 46. С. 127–181; Тяняев А.П. Вводный очерк // Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Свердловск–М., 1927. Т. 1. С. XXXIII; Фрейдлин Б.М. Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. М., 1967. С. 28–29; и др.

⁹ Шестаков А. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г. Л., 1927. С. 22.

¹⁰ Волобуев П.В. Указ. соч. С. 23.

¹¹ См.: Маевский И.В. Указ. соч. С. 323; Погребинский А.П. Указ. соч. С. 43.

¹² Большаков В.Н. Указ. соч. С. 156; Мосина И.Г. Некоторые вопросы рабочей политики буржуазии Сибири в годы первой мировой войны // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Конец XIX — 1918 г. Томск, 1976. С. 29–30.

¹³ В двухтомнике «Военные усилия России в Мировой войне» Н.Н. Головин позиционировал пленных как «очень серьезную добавочную рабочую силу», которой требовалась «продуманная система использования». Но такая система, по разумению автора, в России так и не сложилась, что «значительно понизило ту сумму пользы, которую можно было извлечь» (Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. С. 109).

¹⁴ Китанина Т.М. Указ. соч. С. 53, 54, 58.

отражавшееся на процессе перераспределения рабочей силы» явление. При этом он отмечал: «Противоречивость влияния принудительного труда военнопленных на положение сельского хозяйства состояла в том, что, с одной стороны, рабочая сила пленных заменяла убитых в армию мужчин, с другой — давление на уровень заработной платы вызывало отлив рабочей силы из сельского хозяйства, усиливая и без того острую нехватку рабочих рук»¹⁵.

Так или иначе, но последствия плена для трудящейся России практически всеми специалистами рисовались не только как глубокие, но еще и как глубоко негативные. Хотя далеко не все авторы рассматривали военнопленных как источник пополнения пролетариата¹⁶, это не помешало им постулировать, что интеграция вражеских военнослужащих в трудовые процессы, усилив темпы роста промышленного и сельскохозяйственного пролетариата, «оказала вместе с тем крайне отрицательное влияние на его качественный состав как в физическом, так и в особенности в социальном положении»¹⁷. Увязывавшийся с тезисом о закономерном революционизировании трудящихся масс в годы империалистической войны и носивший безусловно инструментальный характер ретроспективный вывод советских историков между тем даже сегодня не утратил своей познавательной ценности¹⁸. Тем более не утратили своей ценности те конкретно-исторические сведения о трудовом использовании военнопленных, которые были «попутно» выявлены, обобщены и проанализированы. Именно советские авторы реконструировали, к примеру, динамику и специфику распределения вражеских военнослужащих между различными ведомствами, установив, что главным потребителем военнопленных стало Министерство земледелия, за которым следовали Министерство торговли и промышленности и

¹⁵ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 103, 104.

¹⁶ См., напр.: Большаков В.Н. Указ. соч. С. 155.

¹⁷ Волобуев П.В. Указ. соч. С. 19. См. о том же: Гапоненко Л.С. Указ. соч. С. 65; Маевский И.В. Указ. соч. С. 311; Горовой Ф.С. Из истории рабочего движения в Пермской губернии в 1917 году // 1917 год на Урале: сб. статей. Пермь, 1957. С. 61; Сигов С.П. Указ. соч. С. 270; Тяняев А.П. Рабочее движение на Урале в годы империалистической войны. Свердловск, 1931. С. 18–19; и др.

¹⁸ См., напр.: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 88–89.

Министерство путей сообщения, затем — Военное министерство и Министерство внутренних дел¹⁹. При этом, по мнению специалистов по аграрной истории, в российской деревне пленные распределялись главным образом среди крупных посеvщиков, что было по-своему логично, так как у мелких сельхозпроизводителей в расчете на посеvные площади наличных работников приходилось больше, нежели у крупных землевладельцев²⁰. По данным А.М. Анфимова, наибольший вес — 36,5 % к числу наемных сельскохозяйственных рабочих — труд пленников приобрел в хозяйствах с посеvом в 1–5 тыс. дес., а наименьший — 12,3 % — в хозяйствах с посеvом до 10 дес.²¹ «Таким образом, — подытожил А.Л. Сидоров, — труд военнопленных мог быть известным облегчением лишь для помещичьих хозяйств, но и то лишь отчасти, поскольку количество их было сравнительно невелико»²².

Примечательно, что низвергнуть или хотя бы подкорректировать настоящие положения никто до сих пор так и не решился, равно как и оформившиеся в советской историографии представления об использовании пленников в промышленности. Они, в частности, предусматривали, что подавляющее большинство военнопленных, отданных Министерству торговли и промышленности, находилось в Пермской и Екатеринославской губерниях, а также Донской области²³. В то время как в Московском промышленном районе пленные по всем группам предприятий составляли лишь 1,5 % от общей численности рабочих, на Юге России, как указывал Б.М. Фрейдлин, доли военнопленных в каменноугольной и металлургической отраслях равнялись соответственно 26,42 % и 27,4 %; на Урале же, по подсчётам С.П. Сигова, вражеские военнослужащие составляли порядка 30 % рабочих²⁴. Тогда как лидерами в «обладании» пленными стали металлургическая, топливная

¹⁹ См.: Анфимов А.М. Указ. соч. С. 95; Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 451; и др.

²⁰ См.: Анфимов А.М. Указ. соч. С. 97–103, 195; Китанина Т.М. Указ. соч. С. 56–58; Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 452; и др.

²¹ См.: Анфимов А.М. Указ. соч. С. 98.

²² Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 452.

²³ См.: Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 418.

²⁴ См.: Фрейдлин Б.М. Указ. соч. С. 28–29; Сигов С.П. Указ. соч. С. 271.

и лесозаготовительная отрасли, «по остальным отраслям пленные были разбросаны небольшими группами и не могли смягчить кризиса в рабочих руках»²⁵.

Очевидно, что социально-экономически ориентированным отечественным специалистам пленные были интересны только как сведенная до аморфной массы «рабочая сила», применение которой было куда важнее, нежели она сама. Собственно плен при этом был не просто лишен намека на какую бы то ни было автономизацию. Плен сводился не более чем к труду, что, надо признать, вполне адекватно характеризовало функционал плена, сформированный войной.

Проблемы функционального разнообразия плена также косвенно касалась литература, посвященная истории Чехословацкого корпуса, в комплектовании которого обезоруженные вражеские военнослужащие в конце концов начали играть основную роль. Несмотря на то, что превращение военнопленных в политический ресурс с «ресурсоемкостью» плена в названной группе работ никак не соотносилось, признаки его политизации, проявлявшиеся в попытках манипулировать узниками войны, советские историки обозначили более чем явственно. Уже в 1920-х гг. в соответствующих изданиях говорилось, что чехословацкие военнопленные — представители «темного чешского и словацкого крестьянства» — были «обмануты», «одурманены», «одурачены», «ослеплены» и тем самым «спровоцированы» к антибольшевистскому мятежу англо-французскими союзниками и силами внутренней контрреволюции²⁶. Пленные, а точнее созданный посредством их рекрутирования Чехословацкий корпус, распропагандированный «контрреволюционным офицерством», позиционировался при этом не просто как один из факторов эскалации Гражданской войны в России, а как «остов», «база», «стержень», «хребет» контрреволюционных сил²⁷. Причем, по мысли некоторых специалистов 1920-х

²⁵ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 419.

²⁶ См. об этом подробнее: Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917–1920): Историография: дисс. ... к.и.н. Казань, 2005. С. 27, 31, 36, 37.

²⁷ См., напр.: Анишев А. Очерки истории гражданской войны 1917–1920. Л., 1925. С. 132, 139, 146; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 28, 54, 142, 145, 192;

гг., не стать таковыми чехословацкие легионеры просто не могли: «Уже одна их зависимость от Антанты, или наличие 20 % русского элемента в составе Чехословацкого корпуса (к маю 1918 г.), теснейшая связь чешских политических руководителей и верхушки командования с буржуазными кругами русского общества, начавшими борьбу с большевизмом, — все это неизбежным образом должно было сорвать позицию нейтралитета»²⁸. Больше того, с 1920-х же гг. в советскую литературу активно внедрялся прочно обосновавшийся в последующих исследованиях темы тезис о том, что Чехословацкий корпус был подкуплен антиреволюционными силами и прежде всего иностранными «капиталистами»²⁹. Пожалуй, только Н.Е. Какурин, бывший кадровый офицер царской армии, перешедший на сторону советской власти, избежал столь одиозных трактовок «миссии» чехословаков, указуя на то, что на самом деле они всячески стремились уклониться от участия в Гражданской войне в России, придерживаясь, пока это было возможно, принципа невмешательства³⁰.

Особое мнение Н.Е. Какурина не помешало истории Чехословацкого корпуса стабилизироваться к 1930-м гг. в рамках следующих положений: «Этому корпусу, состоявшему из военнопленных, было разрешено советским правительством выехать к себе на родину через Сибирь и Дальний Восток. Но он был использован по пути эсерами и англо-французами для мятежа против Советской власти. Мятеж корпуса послужил сигналом к мятежу кулачества на Волге и в Сибири и эсеровски настроенных рабочих на Воткинском и Ижевском заводах...»³¹

Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале 1917–1918 гг. М., 1925. С. 109, 129; Ярославский Е. Краткие очерки по истории ВКП(б). М., Л., 1929. Ч. 2. С. 138; и др.

²⁸ Подшивалов И. Указ. соч. С. 126. Цит. по: Валиахметов А.Н. Указ. соч. С. 32.

²⁹ См. об этом, напр.: Бубеннов М, Валеев А. Освобождение Казани от белоинтервентов в 1918 году. Казань, 1939. С. 10, 11; Владимирова В. Год службы социалистов капиталистам. М., Л., 1927. С. 5; Иванов С. Американская агрессия на советском Дальнем Востоке. Владивосток, 1952. С. 73; Лелевич Г. В дни самарской учредилки. М., 1921. С. 221; Мымрин Г.Е. Американские империалисты — вдохновители и организаторы военной интервенции против Советской России (1918–1920 гг.). Архангельск, 1951. С. 14; Случевский Н. Чехословацкий мятеж // Военный вестн.: Общевоинской пехотный журнал. 1938. № 9. С. 7; Софинов П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 47; Хабас Р. К истории борьбы с чехословацким мятежом // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 56; и др.

³⁰ Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М., Л., 1928. С. 5.

³¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) // Пролетарская революция. 1938. № 10. С. 195. Цит. по: Валиахметов А.Н. Указ. соч. С. 68.

Схематизация истории Чехословацкого корпуса во многом способствовала тому, что в дальнейшем он рассматривался советскими авторами не иначе как в русле военного противоборства большевистских и антибольшевистских сил с обязательным закреплением за легионерами таких красноречивых «эпитетов», как «белые чехословаки», «чехо-белые», «чехо-бегогвардейцы» или «белочехи»³². Между тем славянский вопрос в России времён Первой мировой войны и процесс организации чешско-словацких соединений, то есть дореволюционная история корпуса практически выпала из поля зрения историков. Как отмечает А.Н. Валиахметов, «история легиона в 1914–1917 гг. сводилась к двум-трём абзацам, в которых указывалось, что он был сформирован из чехословацких военнопленных, которые выразили желание сражаться на стороне Антанты против Германии и Австро-Венгрии»³³. Документальные публикации также, как и специальные работы³⁴, отражали не столько историю Чехословацкого корпуса, сколько историю борьбы с ним³⁵. Стоит ли удивляться, что редкие попытки³⁶ связать обстоятельства создания корпуса с идеей национального объединения чехов и словаков поддержки в среде отечественных историков не получили.

Несколько оживить весьма однообразную картину, сформировавшуюся в советском историописании Чехословацкого корпуса, позволила вышедшая в 1965 г. монография А.Х. Клеванского, содержащая в себе как минимум две безусловные новации³⁷. Во-первых, участие чехословаков в Гражданской войне в России едва ли не впервые рассматривалось комплексно, когда одновременно анализировалась служба иностранцев как в войсках «белых», так и в войсках «красных». Во-вторых, вернув своим героям законный статус военнопленных в начале книги, автор апеллировал не только к их «классовым», но и к их

³² См. подробнее: Валиахметов А.Н. Указ. соч. С. 75.

³³ Валиахметов А.Н. Указ. соч. С. 69.

³⁴ См., напр.: Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940.

³⁵ См., напр.: Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1: Первый этап гражданской войны. М., 1941.

³⁶ См., напр.: Гармиза В.В. Из истории Самарской учредилки // Исторический журнал. 1940. № 8. С. 34.

³⁷ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965.

национальным интересам. Пунктирно обозначив связь между темой чехословацких политических организаций и воинских формирований в России и темой «этнократизации» плена, А.Х. Клеванский, в частности, подчеркивал: «Царское правительство, как и правительства других воюющих держав, рассматривало военнопленных как свою военную добычу. Никакие международные конвенции не служили препятствием для беззастенчивой и всеобъемлющей эксплуатации миллионов людей, оказавшихся в плену. Военнопленные практически были отданы на произвол местных властей, комендантов лагерей и охраны, частных предпринимателей и подрядчиков, которые (и об этом прекрасно были осведомлены центральные власти) не думали выполнять правил, распоряжений и инструкций, долженствующих "регулировать" содержание военнопленных как в лагерях, так и на различных работах». Несколько перебрав с пафосом, автор продолжал: «Царское правительство сознательно стремилось разобщить военнопленных, изолировать их от населения России и противопоставить ему. В привилегированном положении находились офицеры (повышенное денежное содержание, особые лагеря или бараки, освобождение от работ т.п.). Сознательно и настойчиво разжигалась вражда между славянами, с одной стороны, немцами, австрийцами и венграми — с другой»³⁸. Вместе с тем, изучив деятельность чехословацких обществ в России, А.Х. Клеванский увидел именно в них главных проводников идеи формирования особых частей из военнопленных. Официальные же власти, по мнению автора, не были заинтересованы и даже противодействовали «национализации» армии: «По сравнению с теми возможностями, которые существовали в России, мероприятия русских властей по формированию чехословацких воинских частей были чрезвычайно ограниченными и осторожными»³⁹. Характеризуя же позицию пленников, историк отметил тот бесспорный факт, что вступать в Чехословацкий корпус (как, очевидно, и в его аналоги) вражеские военнослужащие не торопились, поскольку «наивное славянофильство, руководившее значительной

³⁸ Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 31–32.

³⁹ Там же. С. 37.

частью чехов и словаков, добровольно сдававшихся в плен русским войскам, очень быстро выветрилось в лагерях и на принудительных работах»⁴⁰.

Впрочем, все эти, как и другие немаловажные нюансы темы, прорисованные А.Х. Клеванским, в конце концов оказались сnivelированы тем фактом, что свобода от общепринятой историографической концепции к числу привилегий автора явно не относилась. Основательно подновив её фактологический фундамент и подправив ряд промежуточных выводов, историк в итоге лишь воссоздал ту конструкцию, которая довлела над советскими исследователями: «Значительная часть чехословацких военнопленных, мелкобуржуазная по социальному положению и происхождению или идейно захлестнутая мелкобуржуазной националистической волной, оказалась неспособной сразу распознать контрреволюционные замыслы организаторов антисоветской авантюры. Руководимые буржуазными лидерами и организациями, материально и политически зависящими от империалистического англо-франко-американского блока, они оказались втянутыми в прямой вооруженный конфликт с пролетарской революцией»⁴¹. Говоря о политической незрелости пленных, А.Х. Клеванский таким образом не просто «иммобилизовал» вражеских военнослужащих, но и отказал плену вообще в каком-то самостоятельном содержании, превратил его в придаток других более значительных явлений. Как результат книга А.Х. Клеванского, потенциально способная вдохнуть новую жизнь в исследования плена и Чехословацкого корпуса, таковой так и не стала и, больше того, способствовала консервации уже принятых представлений, что со всей наглядностью показали как более поздние изыскания по «легионерской» проблематике⁴², так и труды по истории Гражданской войны в целом⁴³.

⁴⁰ Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 36.

⁴¹ Там же. С. 371.

⁴² См., напр.: Зимина В.Д. Белочешский мятеж и германфильская монархическая контрреволюция. Попытки взаимодействия и их крах // Великий Октябрь и крах непролетарских партий в России: Сб. науч. тр. Калинин, 1989. С. 137–145; Волков Ф.Д. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 103–107; Мазлер В. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак // Байкал. 1970. № 5. С. 141–149.

Не менее идеологизированной тема плена и пленных оказалась и в той советской литературе, которая была посвящена исследованию так называемого интернационального движения военнопленных⁴⁴. Возникшая еще в структурах большевистской традиции историописания эта исследовательская струя к середине XX в. вылилась в мощное течение, характеризую которое А. Манусевич подчеркивал: «...Работы, посвященные истории интернационалистского движения, выходят из печати во многих городах нашей страны: в Москве, Ленинграде, Киеве, Ташкенте, Уфе, Челябинске, Барнауле, Свердловске, Алма-Ате, Улан-Удэ, Иркутске, Одессе, Петрозаводске, Новосибирске, Томске, Тюмени и так далее. Это перечисление городов отражает тот факт, что деятельность интернационалистов протекала в разных районах страны, и то очень важное обстоятельство, что следы этой деятельности отложились во многих местных архивах и в местной большевистской периодической печати...»⁴⁵.

Больше того, к середине 1950-х гг., когда в Восточной Европе «окончательно окрепли марксистско-ленинские кадры историков», дискуссия вокруг интернационального движения среди пленных Первой мировой войны преодолела границы СССР и приобрела интернациональное же значение. Однако вместе с тем история «революционирования» пленных и их «солидаризации» с чаяниями трудящихся россиян постепенно получала всё более и более монотонное звучание, обеднившись до нескольких обязательных тонов. Региональные и локальные вариации на тему «интернационального братства» в общем и целом

⁴³ См., напр.: Гражданская война в СССР. В 2-х тт. М., 1980, 1986; Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1987; Васьковский О.А., Молодцыгин М.А., Ниренбург Я. Л. и др. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов, 1974; Ненароков А.П. Восточный фронт 1918. М., 1969; Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973; Рощевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966; Светачёв М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922). Новосибирск, 1983; Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989; и др.

⁴⁴ Библиографию темы см.: Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке республики. М., 1971. С. 238–264.

⁴⁵ Манусевич А. Состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в России в 1917–1920 гг. // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967. С. 44.

аккуратно воспроизводили — местами дословно — набор известных универсальных конвенций, обоснованием которых были материалы периферийных архивохранилищ, местной прессы, а там, где их не хватало, — воспоминания очевидцев.

Агрегировав прелюбопытные факты, описывавшие численность, состав и размещение отвоевавшихся вражеских военнослужащих, а также режимные аспекты российского плена (условия содержания, обеспечения и труда узников войны)⁴⁶, советская историография, зажатая в тисках партийно-классового подхода, прежде всего сосредоточилась на выявлении у пленных классового сознания, а с ним и доказательств того, что на «празднике русской революции» (P. Gatrell) «трудящиеся иностранных стран» не были просто любопытствующими зеваками. Как проявления классовой сознательности при этом оказались квалифицированы практически все случаи неповиновения бывших вражеских военнослужащих военным или гражданским властям и в первую очередь — отказы от работ. А поскольку такого плана эксцессы были делом нередким, советская литература датировала первые «революционные выступления» военнопленных уже июнем 1915 г.⁴⁷ «Практически они стали включаться в борьбу российского пролетариата уже в 1915 г., но наибольший размах это движение приобрело в 1916 г.», когда на одном только Урале, по подсчетам Л.С. Юдиной, произошло 12 выступлений военнопленных⁴⁸. Более того, продолжали советские авторы, «уже в 1915–1916 гг. в Сибири и на Урале

⁴⁶ См., напр.: Клеванский А. Военнопленные центральных держав в царской и революционной России // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 21–65; Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 76–77; Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России 1917–1920 гг. М., 1987. С. 28–90; Хильченко М.П. Интернационалисты на Урале (1917–1918 гг.) // Из истории партийных организаций Урала: Тр. кафедры истории КПСС. Свердловск, 1962. С. 3–6; Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России 1915–1919 гг. // Борьба классов. 1935. № 3. С. 54–56; и др.

⁴⁷ См.: Попов Н.А. Указ. соч. С. 77; Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы ... С. 48–49.

⁴⁸ Юдина Л.С. Рабочее движение на Урале в годы первой мировой империалистической войны // Рабочий класс Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 104.

возникли первые революционные кружки и группы военнопленных, которые вели антивоенную, социал-демократическую пропаганду, устанавливали связи с большевиками»⁴⁹. То обстоятельство, что никаких политических, да и серьезных экономических требований пленные не выдвигали, ограничиваясь, по крайней мере, до конца 1916 г., заявлениями о своих скромных физических потребностях, не помешало советским авторам резюмировать искомое: «Ещё до Февральской революции рабочий класс находит поддержку в своей борьбе среди военнопленных и иностранных рабочих»⁵⁰.

Советских «летописцев» не смутил при этом даже тот очевидный диссонанс, который наметился между двумя различными историями российского плена. Там, где он сопрягался с Чехословацким корпусом, военнопленные, напомним, подавались как классово «недозревший» элемент. Однако гадать, когда же этот самый элемент, «замороженный» националистами и/или правыми социал-демократами, успел «дойти до кондиции», читателю не пришлось: идея единения пленных и «угнетенных классов» России фундировалась советскими историками не только посредством отождествления со стачечно-забастовочным движением любых актов неповиновения вражеских военнослужащих властям, но и посредством «революционизирования» контактов пленников и россиян. Благостная картина солидаризации пленных иностранцев и русских солдат выглядела при этом примерно так: «Беседы русских солдат с военнопленными большей частью затрагивали один общий для них вопрос: как отделаться от службы на фронте империалистической войны. Военнопленные советовали русским солдатам сдаваться в плен, объясняли им, как лучше пройти через фронт, давали адреса своих родственников, с которыми они могли бы связаться во время пребывания в плену и этим, быть может, улучшить свое тяжелое положение

⁴⁹ Щербаков Ю.Н., Данилов В.А. Зарубежные интернационалисты в борьбе против интервентов и белогвардейцев на Урале и в Сибири // Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке республики. С. 72. См. также: Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 52.

⁵⁰ Хильченко М.П. Интернационалисты зарубежных стран на Урале в 1918–1920 годах: автореф. дисс. ... к.и.н. Свердловск, 1966. С. 8. См. также: Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 50, 56, 62 и др.

пленного. Эта агитация зашла так далеко, что отправляющиеся на фронт русские солдаты целыми группами приходили к военнопленным за советами. Они видели в военнопленных не врагов, а своих товарищей по несчастью»⁵¹. То, что отношения товарищества и поддержки были совсем не обязательными для межгруппового взаимодействия пленных иностранцев и местного рабочего, крестьянского или солдатского населения, также нашло свое объяснение в сочинениях советских историков. Они, рутинно утверждая, что «политика натравливания рабочих одной страны на рабочих другой» издавна служила «в руках буржуазии надежным средством к укреплению ею своих позиций против рабочего класса», просто «отменили» тему неоднозначных взаимоотношений пленных и не-пленных⁵².

История пребывания вражеских военнослужащих в Советской России также была превращена советскими исследователями в бесконфликтное повествование. «Революционная Россия не может мириться с режимом гнета и насилия. Подняв знамя борьбы, мира и братства народа, рабоче-крестьянская Русь, естественно, стремится сорвать цепи неволи и с военнопленных всех категорий...», — цитировали советские авторы документ, принятый Советом народных комиссаров в декабре 1917 г.⁵³ Провозглашенные при этом права пленных на свободу передвижений, устройство собраний и митингов, издание газет и политической литературы, а также создание своих организаций, по версии отечественной историографии, знаменовали собой освобождение узников войны от «тюремно-лагерного режима» и — больше того — их превращение в «равноправных членов советского общества»⁵⁴. Однако этот «невиданный в истории акт гуманного отношения к военнопленным» в смысле своей гуманности носил откровенно

⁵¹ Шнейдер И. Указ. соч. С. 56.

⁵² Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. Т. II: 1917 г. (февраль–октябрь). Свердловск, 1927. С. 53.

⁵³ Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972. С. 6. См. также: Хильченко М.П. Интернационалисты на Урале (1917–1918 гг.). С. 14.

⁵⁴ См., напр.: Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. С. 7–10; Интернациональное братство. Об опыте интернациональных связей Свердловской области. Свердловск, 1988. С. 9; Шнейдер И. Указ. соч. С. 54; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. С. 114–117; и др.

дозированный характер. Щедро одаренные всевозможными «правами» военнопленные быстро убедились, что эти права скорее обязывали, нежели освобождали⁵⁵. Добровольно-принудительное приобщение вражеских военнослужащих к новым ценностям шло под лозунгом их «организации», которая изначально представлялась новой власти в качестве одной из важнейших задач. Достаточно отметить, что в то время как ленинская «Правда» по причине бумажного «голода» печаталась на двух полосах, только на Востоке страны тиражами в несколько десятков тысяч экземпляров издавалось более 60 наименований большевистских газет для пленных на иностранных языках⁵⁶.

К слову сказать, понятие «организованные пленные», перекочевавшее из официальных документов в мемуарную и научную литературу, сыграло с советской историографией злую шутку. Постоянные апелляции к громадной роли партии большевиков в политическом воспитании и организации бывших военнослужащих германской, австро-венгерской, турецкой и болгарской армий стали почвой для формирования в стане «буржуазных фальсификаторов истории» «мифа» о том, что движение трудящихся зарубежных стран в защиту советской власти было инспирировано «кучкой революционеров»⁵⁷. В то же время стремление представить большевистски ориентированные объединения пленных как самостоятельные было подхвачено схолярной традицией стран социалистического лагеря, «дочерней» по отношению к советской историографии, в результате чего родился новый «миф» — миф о чуть ли не решающей роли военнопленных-интернационалистов в защите Советской республики от сил внутренней и внешней контрреволюции. Балансируя между крайностями и разноречивой казуистикой, советские авторы в конце концов

⁵⁵ См. об этом: Суржикова Н.В. Мифу миф? Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на востоке России в зеркале советской историографии // Гражданская война на востоке России: материалы Всерос. науч. конф. Пермь, 2008. С. 265–273.

⁵⁶ Данилов В.А. Из истории прессы иностранных трудящихся-интернационалистов на Урале и в Сибири в 1918–1921 гг. // Из истории Уральских и Сибирских партийных организаций. Свердловск, 1973. Вып. 7. С. 172.

⁵⁷ См. об этом: Яковлев Л. Об источниковедческой базе изучения истории интернациональной солидарности трудящихся // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. С. 47.

решили считать «правильным», что «трудящиеся зарубежных стран оказывали поддержку рабочим России — передовому отряду мирового пролетариата»⁵⁸, но не более того.

Компромиссная концепция «поддержки» не отменяла задач выявления ее масштабов. Между тем массовость военно-революционных объединений из пленных, несмотря на сотни исследований этого вопроса (включая 60 диссертационных⁵⁹), так и не поддалась более или менее точной оценке. То, что в первые месяцы 1918 г. интернациональные отряды были организованы в 400 пунктах России, демонстрировало не более чем широчайшую географию российского плена⁶⁰. Однако этого оказалось достаточно, чтобы в советской литературе появились выводы типа: «пролетариат всего мира развернул мощное движение протеста», «молодая Советская власть с первых же дней своего существования обрела полное сочувствие и симпатии угнетенных и эксплуатируемых народов всего мира», «международный пролетариат встал на защиту первого в мире пролетарского государства»⁶¹. Дефицит строгих цифр камуфлировался при этом пафосной риторикой о том, что значимость интернациональных частей Красной армии определялась не только и не столько многочисленностью их рядов: «Их возникновение наглядно подтверждало ту великую истину, что дело, за которое боролось молодое Советское государство, пролетариат всех стран воспринимал как свое собственное, родное дело, что идея пролетарского интернационализма, овладевшая массами, стала могучей интернациональной силой»⁶². Весьма опрометчивым на фоне всей этой патетики выглядело признание советской историографии в том, что интернациональные соединения из военнопленных имели для большевиков «особую боевую

⁵⁸ Муратов И. Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918–1922 годах (Обзор литературы) // Военно-исторический журнал. 1960. № 5. С. 95.

⁵⁹ Цифра приводится по: Полторак С.Н. Иностранцы в Красной Армии в 1918–1922 гг.: опыт и уроки общественно-политической и боевой деятельности: автореф. дисс. ... д.и.н. СПб., 1992.

⁶⁰ Интернациональное братство... С. 29–30.

⁶¹ Интернациональное братство... С. 26–27. См. также: Поворот мирового значения: Воспоминания немцев — участников Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы против интервентов и контрреволюционеров в 1917–1920 годах. М., 1964. С. 37, 39.

⁶² Хильченко М.П. Интернационалисты зарубежных стран на Урале в 1918–1920 годах. С. 17.

ценность». «Это давало командованию частей РККА возможность использовать их в качестве бойцов бронепоездов, летчиков и механиков авиаотрядов, оружейных мастеров, артиллеристов», — объясняло одно из изданий 1964 г. причины обращения «красных» к услугам плененных в годы мировой войны иностранцев, тем самым обнаруживая повод к восхищению прагматизмом большевиков и оставляя слишком мало места восхищению их идейностью⁶³.

Вместе с тем, советские авторы продолжали настаивать на исключительно идейной природе так называемого интернационального движения военнопленных, подчеркивая, что кульминационной точкой в его организационном оформлении стало создание иностранных групп РКП(б)⁶⁴. Показательно, однако, что этот сюжет в истории военнопленных-интернационалистов центрального места не занял, соседствуя с прочими на паритетных началах, а где-то и уступая им⁶⁵. Акцент же на огромном вкладе иностранных секций РКП(б) в развитие коммунистического движения в Центральной и Восточной Европе лишь подтверждал «партийность» и сервильность советской науки, благодаря которым смысл пребывания вражеских военнослужащих в России 1914–1922 гг. был сведен к тому, что здесь они «познакомились с великими идеями Октября, идеями ленинизма, вдохновившими их на борьбу против капиталистической эксплуатации, за счастье трудового народа в своих странах»⁶⁶.

⁶³ Поворот мирового значения. С. 19.

⁶⁴ См., напр.: Хильченко М.П. Иностранные группы РКП(б) на Урале // Из истории партийных организаций Урала: Учен. зап. Уральского ун-та. Сер.: История. № 3(43). Свердловск, 1966. С. 9.

⁶⁵ См., напр.: Ананьев В.И. Вклад иностранных коммунистических групп в восстановление народного хозяйства Советской республики // Ученые зап. Оренбургского пед. ин-та. Вып. 26. Сер.: Общественные науки. 1968. С. 21–45; Данилов В.А. Образование и деятельность иностранных секций на Урале и в Сибири // Науч. тр. Тюменского ун-та. Сб. 3: Из истории международных связей и отношений. 1974. С. 22–76; Черепенина Н.Д. Иностранные коммунистические группы и их деятельность (1918–1920 гг.) // Пролетарский интернационализм — боевое знамя коммунистической партии: сб. статей. М., 1959. С. 180–230; Эльфонд Я.А. О деятельности иностранных групп РКП(б) в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920 гг.) // Ученые зап. Саратовского госун-та. Т. IX. Вып. кафедры истории КПСС. Саратов, 1958. С. 136–137; и др.

⁶⁶ Щербаков Ю.Н., Данилов В.А. Указ. соч. С. 144.

Таким образом, картина, сложившаяся в советской литературе о военнопленных-интернационалистах, являла собой своеобразный триптих, слагаемыми которого были прорисовки сцен российского плена 1914–1917 гг., панорамные изображения сражений пленных за власть Советов в 1918–1922 гг. и, наконец, эскизы революционного будущего вчерашних узников войны на родине. При этом на фоне тщательно прописанной центральной композиции боковые фланкирующие были выполнены в технике мазка, что прежде всего должно было работать на стройную систему доказательств интернационального характера Великого Октября. А потому, превратившись не более чем в его «довесок», российский плен 1914–1922 гг. оказался предсказуемо облачён в те же легендарные одежды, что и собственно Великий Октябрь. Вместе с тем, исключительно негативных оценок советская традиция историописания плена не заслуживает. Она, несмотря на всю свою ограниченность, заложила прочный фундамент для последующих исследований, которые с деидеологизацией исторической науки ждать себя не заставили.

Новейшая отечественная историография российского плена 1914–1922 гг., развитие которой началось в 90-е гг. прошлого века, как и вся постсоветская историография, прежде всего обнаружила стремление дистанцироваться от своей предшественницы. При этом процесс обновления тематики специальных исследований явно опережал процесс обновления их теоретико-методологической базы, что отразила захватившая едва ли не всех без остатка историков так называемая архивная революция 1990-х гг. Одним из выявленных в рамках этой революции «белых пятен» отечественной истории как раз таки и стал российский плен 1914–1922 гг., наконец-то вышедший из тени Великого Октября. Работы по настоящей проблематике, однако, не образовали лавинообразного потока, равно как и потока однонаправленного. Единственным интегрирующим для них фактором стала, пожалуй, «регионализация» плена, которая, правда, не привела к полновесному осмыслению его «местной» специфики. Демонстрируя широчайшую географию размещения вражеских военнослужащих, «провинциализация» научного поиска сопровождалась еще и попытками

контекстуализировать реалии плена в рамках сразу нескольких историй и подысторий, альтернативность которых позволяла надеяться на создание его альтернативных же образов. Так, помимо диссертаций⁶⁷, монографий⁶⁸, статей⁶⁹ и тезисов выступлений⁷⁰, в которых плен и пленные изучались, если можно так

⁶⁷ См., напр.: Безруков Д.А. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: дисс. ... к.и.н. Великий Новгород, 2001; Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дисс. ... к.и.н. М., 1997; Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дисс. ... к.и.н. Красноярск, 2006; Идрисова Э.С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1922 гг.: дисс. ... к.и.н. Оренбург, 2008; Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дисс. ... к.и.н. М., 2009; Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дисс. ... к.и.н. М., 2011; Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 — май 1918 гг.: дисс. ... к.и.н. Омск, 2005; и др.

⁶⁸ См.: Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.). Владивосток, 2002; Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Уч. пособие к спецкурсу. М., 1999; Зубов Д.Ю., Красин В.М., Курков В.В., Тихонов А.В. Народы Востока и Калужский край: ссыльные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX — начале XX веков. Калуга, 2009; Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; Калякина А.В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М., 2014; Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006; Познахирев В.В. Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. СПб., 2014.

⁶⁹ См., напр.: Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180; Жарова А.С. Положение военнопленных Первой мировой войны в Тобольской губернии // Изв. Уральского гос. ун-та. 2009. № 4(66). С. 72–80; Коновалов Ф.Я., Вельямидов К.А. Немецкие и австрийские военнопленные на территории Вологодской губернии в годы Первой мировой войны // 1941–1945: Уроки войны — уроки правды, мужества и патриотизма: материалы межрегион. научно-практ. конф. Вологда, 2006. С. 298–306; Ломцов А.А. Военнопленные в Южном Зауралье в годы первой мировой войны // Социально-экономические отношения в Сибири и на Урале во второй половине XIX–XX вв. Курган, 2002. С. 78–87; Поликарпов В.В. Военнопленные в лагерях под Ижевском в 1915–1916 гг. // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 94–105; Рокина Г.В. Иностранцы пленные Первой мировой войны в Марийском крае // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 1. С. 72–77; Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 98–105; и мн. др.

⁷⁰ См., в частности: Алексеева В.К. Военнопленные на Урале в годы первой мировой войны // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: тез. докладов. Ч. 2. Челябинск, 1995. С. 55–57; Бушаров Е.А. Военнопленные Первой мировой войны в Тюмени // Словцовские чтения-97: тез. докладов и сообщ. научно-практ. конф. Тюмень, 1997. С. 78–80; Васильева С.Н. Военнопленные на Урале в годы Первой мировой войны // Екатеринбург в прошлом и настоящем: материалы науч. конф. Екатеринбург, 1993. С. 56–58; Зверева Д.М. Военнопленные Первой мировой войны в Красноярске // Межвуз. конф. студентов и аспирантов. Красноярск, 2003. С. 170–172; Матушак Л.В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Междунар. научно-практ. конф. Вологда,

выразиться, ради собственно плена и пленных, в целом ряде работ эта проблематика оказалась сопряжена с историей миграций⁷¹. Как вынужденные, недобровольные или принудительные мигранты пленные при этом рассматривались прежде всего в сравнении с беженцами. «Миграционные потоки военнопленных, как и волны беженцев, имели два основных направления: прямое (на восток страны через западные и центральные территории к местам временного размещения) и обратное, реэвакуация (на запад, к границе, где происходил обмен)», — отмечала в этой связи О.В. Павлова⁷². С апеллированием к опыту беженства отечественные историки, однако, явно переусердствовали, что отразила навязчивая экстраполяция характеристик этого явления на характеристики плена. И.П. Щеров, к примеру, пытаясь вмонтировать военные миграции в процессы маргинализации, совершенно не учел внутреннего характера названных процессов, «прицепив» к ним наряду с российскими беженцами и военнопленными еще и иностранцев, которым прежде чем и в самом деле скатиться вниз по социальной лестнице, для начала следовало на неё взобраться⁷³. Между тем, позиционируя плен как явление миграционного порядка, отечественные специалисты практически проигнорировали проблемы динамики и композиции миграционного потока, образованного пленниками,

1997. Ч. 1. С. 173–174; Сафронов Д.А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы Первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край: материалы обл. науч. конф. Оренбург, 1994. С. 25–26; и мн. др. Библиографию темы плена см.: Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014. С. 374–408.

⁷¹ См.: Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014; Загороднюк Н.И. Депортация населения в годы Первой мировой войны // Ежегодн. Тюменского обл. краеведческого музея. 1996. Тюмень, 1998. С. 90–99; Курцев А.Н. Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2008. № 3(13). С. 82–92; Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. См. также: Еремин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны: июль 1914 — март 1918 гг.: дисс. ... д.и.н. Барнаул, 2005; Кузьменко А.С. Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 — феврале 1917 гг.: на примере Енисейской и Иркутской губерний: дисс. ... к.и.н. Улан-Удэ, 2010; Павлова О.В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 годы. дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2004; Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): дисс. ... к.и.н. Саратов, 1999; Щеров И.П. Военная миграция в России, 1914–1922 гг.: дисс. ... д.и.н. М., 2001; и др.

⁷² Павлова О.В. Указ. соч. С. 73.

⁷³ См.: Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг.

равно как и его места в иерархии прочих потоков перемещенного населения, удовлетворившись данными, собранными советскими историками. Воздействие пленных на социально-демографическую картину в регионах прибытия и выбытия, причем не только в краткосрочной, но и среднесрочной перспективе, также не привлекло к себе должного внимания. Категоричное же замечание О.В. Павловой о том, что «как социально-демографическая группа пленные не оказали существенного влияния на структуру населения Урала», будучи полностью лишены возможности такого влияния⁷⁴, продемонстрировало ограниченность миграционных трактовок плена, обусловленную в первую очередь ориентацией ретроспективных трактовок на усредненные среднестатистические показатели. Не лишним также будет отметить, что вопрос воздействия плена на представления «пришельцев» и «аборигенов» о пространстве и территории⁷⁵, — вопрос, который при рассмотрении плена как процесса географо-переселенческого порядка возникает сам собою, — в трудах отечественных «миграционщиков» не только не нашел своего ответа, но и не занял сколько-нибудь значительного места⁷⁶.

Между тем, в других работах, имплицитно блокировавшихся вокруг темы мобилизации тыла, было предложено альтернативное миграционному прочтение плена⁷⁷. В соответствии с очевидной или не очевидной логикой работавших в

⁷⁴ Павлова О.В. Указ. соч. С. 73–74.

⁷⁵ См. об этом, напр.: Baron N. *New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. № 55(3). P. 374–400.

⁷⁶ Это лишь подтвердило, что новации теоретико-методического плана и, в частности, перспективы «пространственного поворота», оставались и остаются для большинства отечественных исследователей — и не только исследователей плена — *terra incognita*. Редким исключением из этого правила является работа: Нарский И.В. Революция и реорганизация пространства (на примере Урала 1917–1922 гг.) // *Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития*. Т. XIV. М., 2007. С. 281–289.

⁷⁷ См., напр.: Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (Дореволюционный период: июль 1914 — февраль 1917 года): дисс. ... к.и.н. Орел, 2005; Казаковцев С.В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны: дисс. ... к.и.н. Киров, 2007; Машкова Н.Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны (1914–1917 гг.): дисс. ... к.и.н. Оренбург, 2004; Меньшиков В.Н. Экономическое и социокультурное развитие Тобольской губернии в период Первой мировой войны: дисс. ... к.и.н. Омск, 2001; Трошина Т.И. Архангельск в годы Первой мировой войны: экономические и социокультурные процессы:

этом направлении авторов плен во всем многообразии его проявлений стал серьезным вызовом довоенным институтам и системам (например, медицинского, продовольственного или жилищного обеспечения). Ретроспективно проверяя их на прочность посредством плена, отечественные историки, однако, сфокусировались прежде всего на том, чтобы показать его влияние на работу хозяйственных механизмов российских города и деревни. Неудивительно поэтому, что в основанных на мобилизационной платформе интерпретациях плена он превратился не более чем в источник трудовых ресурсов, а пленные — в обезличенный рабочий материал, что сблизило настоящую тематическую группу работ с «узкоспециальными» исследованиями проблемы трудового использования неприятельских военнослужащих⁷⁸. Остается только пожалеть, что дальше оценок численности работавших пленников, формирования номенклатуры прибегших к их привлечению производств и констатации факта продуктивности или непродуктивности подневольного труда многие исследователи так и не продвинулись. Наиболее же популярным при этом остался далеко не самый «свежий» вывод о том, что возложенная на пленных миссия по спасению хозяйства страны от нехватки рабочих рук оказалась невыполнима: «...Труд пленных был незначителен, они не восполняли утраты рабочих рук...», «В целом это была крайне ничтожная помощь», «Принудительный труд, вызванный к жизни военным лихолетьем, не мог стать панацеей для поддержания

дисс. ... к.и.н. Архангельск, 1999; Шишкина С.Ю. Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.): дисс. ... к.и.н. Тюмень, 1999; и др.

⁷⁸ См.: Гордеев О.Ф. Использование труда военнопленных в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны: аспекты международного права // Красноярский край: история в документах: тез. докладов и сообщ. науч. конф. Красноярск, 2004. С. 7–13; Кротт И.И. Использование труда военнопленных в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Омский научный вестн. 2012. № 4 (111). С. 24–27; Лямзаев С.В. Участие военнопленных Германии и Австро-Венгрии в модернизации речной инфраструктуры Нижнего Дона (1914–1918 гг.) // Изв. высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2011. № 4. С. 29–34; Маркова В.А. Использование труда военнопленных и меннонитов в работе Самарского управления государственных имуществ в годы Первой мировой войны // Изв. Самарского науч. центра РАН. Спец. вып. «Актуальные проблемы истории и археологии». Самара, 2006; С. 48–52; Шевелева О.В. Применение труда военнопленных и беженцев в сельском хозяйстве в годы I Мировой войны (по материалам Тульской губернии) // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т. 6. № 2. С. 95–99; и др.

производительных сил на должном уровне», «Применение труда военнопленных не могло в полном объеме решить проблему восполнения рабочей силы в различных отраслях народного хозяйства губернии», «Труд беженцев и военнопленных также не мог полностью возместить потери в рабочей силе»⁷⁹. Вместе с тем показательно, что ни один из современных авторов даже не усомнился в рациональности размещения пленных иностранцев в глубоком тылу, равно как и в целесообразности их стремительной интеграции в процессы распределения и возобновления всяческих благ и услуг, «благодаря» чему легко считаваемая с источников тема постоянного поиска в пространстве плена оптимальных схем организации потребления и производства осталась практически незамеченной отечественными историками.

В полной мере это относится и к группе работ, в которых тема плена в противовес мобилизационному дискурсу получила прежде всего управленческо-институциональную артикуляцию. Акцент при этом делался главным образом на развитии всяческих органов и служб, в связи с чем проблематика плена не совсем ожидаемо оказалась востребована даже в рамках истории органов местного самоуправления⁸⁰. Богатую палитру высказанных на их счёт суждений объединил далеко не радужный посыл, в соответствии с которым вражеские военнопленные, создавшие наряду с беженцами «особую обстановку» во внутренних губерниях страны, рассматривались как носители преимущественно деструктивных тенденций. О.В. Чудаков, к примеру, показал, что пленники, став причиной непредвиденных расходов со стороны городских властей, переориентировали их

⁷⁹ Меньшиков В.Н. Указ. соч. С. 117–118; Шишкина С.Ю. Указ. соч. С. 56. См. также: Хасин В.В. Указ. соч. С. 88; Щеров И.П. Военная миграция в России, 1914–1922 гг. С. 73; и др.

⁸⁰ См., напр.: Герасимова Н.В. Земское самоуправление в 1914–1918 гг. на территории Чувашии: дисс. ... к.и.н. М., 2002. С. 68–69, 102 и др.; Зигель И.А. Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы Первой мировой войны: дисс. ... к.и.н. Великий Новгород, 2003. С. 77, 95; Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны: 1913 — февраль 1917 гг.: дисс. ... к.и.н. Курган, 1999. С. 85, 89, 156, 163, 170 и др.; Петровичева Е.М. Земское самоуправление в Центральной России в 1906–1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности: дисс. ... д.и.н. М., 2003. С. 197–199, 269 и др.; Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа: 1870–1918 гг.: дисс. ... к.и.н. Воронеж, 2005. С. 368, 377, 385; Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.): дисс. ... к.и.н. Омск, 2002; и мн. др.

на паллиативные хозяйственные решения, явно не способствовавшие гармоничному развитию местной инфраструктуры⁸¹. Плен и пленные тем самым внесли свою лепту в изменение задач, характера, методов и объемов деятельности органов местного самоуправления, к концу 1917 г. *de facto* превратившихся в низовое звено оторванной от населения государственной власти⁸².

Исследования раннего советского опыта управления, основополагающим для которого было стремление к монополизации и централизации всех управленческих функций государством, также не оставили тематику плена и военнопленных без внимания⁸³. Так случилось, что оно оказалось приковано главным образом к истории учрежденной большевиками в 1918 г. Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, а также ее периферийных структур. Благодаря коллегии, как отметил, в частности, М.А. Засыпкин, в стране впервые возникла «централизованная сеть государственных специализированных миграционных аппаратов, со строгой иерархической подчиненностью как внутри РСФСР, так и на территории соседних Белорусской и Украинской советских республик». Степень ее централизации, продолжил М.А. Засыпкин, постоянно увеличивалась, придавая Пленбежу статус «общефедерального органа по реализации общегосударственных планов и программ по переброске и обслуживанию всех видов людских перевозок»⁸⁴. Что касается вопроса об

⁸¹ См.: Чудаков О.В. Указ. соч. С. 58–59, 89, 136, 158, 163–164 и др. См. также: Герасимова Н.В. Указ. соч. С. 102; Попов П.А. Указ. соч. С. 385; Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918–1920 гг.): дисс. ... д.юр.н. М., 2007. С. 388; и др.

⁸² См. об этом: Герасимова Н.В. Указ. соч. С. 174; Нагорная М.С. Указ. соч. С. 186; Попов П.А. Указ. соч. С. 417, 419; и др.

⁸³ См.: Гавриленков А.Ф. Рославльский уездный Пленбеж (1918–1922 гг.) // Край Смоленский: Знания. Доброта. Культура. Смоленск, 2002. С. 17–37; Лахарева Н.В. Государственный аппарат Советской России по эвакуации населения в 1918–1923 гг. // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны: материалы Всерос. конф. М., 1998. С. 171–181; Телицын В.Л. Первая мировая война: возвращение домой...: (Русские военнопленные и государство, 1917–1922 гг.) // Духовность: Журнал гуманитарных исследований. 2002. Кн. 2 (апр.–сент.). С. 96–133; Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000; и др. См. также: Засыпкин М.А. Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев: 1918–1923 гг.: дисс. ... к.юр.н. М., 2008; Зубаров И.Е. Деятельность коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг. дисс. ... к.и.н. Пенза, 2006; и др.

⁸⁴ Засыпкин М.А. Указ. соч. С. 103, 104, 195.

эффективности функционирования названного «общефедерального органа», то в новейшей литературе он пока не получил ответа. И.Е. Зубаров, к примеру, ограничился самой общей оценкой работы Центропленбежа (впоследствии Центроэвака), констатируя, что «несмотря на предпринимаемые коллегией усилия, ей так и не удалось до окончания своей деятельности решить все задачи, которые возникали при работе с пленными и беженцами»⁸⁵. И.П. Щеров, запутывая читателя в бесконечных метафорах «борьбы с упущениями» и «многочисленными трудностями»⁸⁶, а также вязкой статистике перемещенных, перемещаемых или подлежащих перемещению людей, пришел к заключению, что концентрация управления миграциями в руках одного ведомства была безусловным благом⁸⁷. Ему вторил А.П. Исаев, по мысли которого «механизм взаимодействия между различными управленческими структурами, несмотря на ряд сбоев, в целом работал успешно и высокоэффективно»⁸⁸. Не отличаясь особой глубиной, приведенные заключения явно не способствовали концептуализации представлений о деятельности Центропленбежа, а заодно — и об управлении пленом и пленными вообще.

Этот пробел никак не компенсировали работы, создатели которых категоризировали плен посредством его рассмотрения через призму истории российской благотворительности или истории формирования в России социально ответственного государства⁸⁹. На фоне того исследовательского бума, который история отечественной благотворительности пережила за пару последних

⁸⁵ Зубаров И.Е. Указ. соч. С. 212.

⁸⁶ См.: Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. С. 37, 38, 43, 47 и мн. др.

⁸⁷ См.: Там же. С. 8.

⁸⁸ Исаев А.П. Российские органы управления и военнопленные противника: вопросы взаимоотношений (1917–1922): автореф. дисс. ... к.и.н. СПб., 1998. С. 25.

⁸⁹ См. об этом: Алёхин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война: июль 1914 — февраль 1917 гг.: дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2003; Гулидов А.Ю. Общественно-политическая жизнь российской провинции в годы Первой мировой войны: дисс. ... к.и.н. Шуя, 2010; Рязанский И.В. Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 — феврале 1917 гг.: дисс. ... к.и.н. Челябинск, 2006. См. также: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008. С. 264–265, 327–328.

десятилетий⁹⁰ и в рамках которого военная благотворительность как финальный аккорд развития дореволюционной благотворительности практически обособилась в самостоятельную область изучения⁹¹, попытка Д.В. Алехина «вписать» плен в практики общественного попечительства могла бы оказаться интересной, будь она действительно связана с «расколдовыванием» плена как особой гуманитарной проблемы, заботившей российское общество. Однако ни о какой благотворительности применительно к пленным иностранцам в исследовании Д.В. Алехина речи фактически не шло⁹², что не только не позволило определить их место в актуальной для российского общества иерархии жертв войны или выявить специфические формы призрения пленников, но и вообще лишило настоящую претензию историизации плена искомого смысла. Толкование плена как площадки для проведения государством какой-то особой социальной работы, предложенное А.Ю. Гулидовым, также не стало убедительным, и не только потому, что квалифицировать эту работу как

⁹⁰ См., напр.: Бадя Л.В. Благотворительность и меценатство в России: Краткий исторический очерк. М., 1993; Бобровников В.Г. Благотворительность и призрение в России. Волгоград, 2000; Бочанова Г.А. и др. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск, 2000; Власов П.В. Обитель милосердия. М., 1991; Дашкевич Л.А., Микитюк В.П. и др. Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001; Нещеретний П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М., 1993; Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX — начало XX века. М., 2005; и мн. др.

⁹¹ См.: Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. 1992. № 6. С. 169–172; Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2004; Писаренко И.С. и др. Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны. Калуга, 2001; Поршнева О.С. Обеспечение общественных интересов на локальном уровне: Урал в годы Первой мировой войны // Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX — начала XX в.: социальный аспект. Екатеринбург, 2011. С. 312–345; Семенова Е.Ю. Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губернии в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918). Самара, 2001; Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014; и мн. др. См. также: Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дисс. ... к.и.н. М., 2008; Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.: на материалах Петрограда: дисс. ... к.и.н. СПб., 2002; Немова В.В. Организация благотворительной помощи на Дону в годы Первой мировой войны: дисс. ... к.и.н. Ростов-на-Дону, 2009; Полуаршинов А.В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 — февраль 1917 гг.: дисс. ... к.и.н. Омск, 2005; и др.

⁹² См.: Алёхин Д.В. Указ. соч. С. 217–228.

«продуманную» и «довольно успешную» автор безусловно поспешил⁹³. Сама по себе терминологическая разметка исследовательского поля, произведенная А.Ю. Гулидовым оказалась, мягко говоря, не совсем корректной, учитывая, что в планы центральных, региональных и местных властей России социальные реабилитация и интеграция обезоруженных вражеских военнослужащих, составляющие главную цель разных видов социальной работы⁹⁴, не входили. Государство, наоборот, стремилось сдерживать эти процессы, изобретая все новые и новые способы «иммунизации» пленников от активного участия в социальном процессе при их одновременном превращении в послушную безропотную массу. А потому авторский пассаж о том, что военнопленные оказались «единственной категорией лиц, нуждающихся в проведении активной социальной политики, в отношении которой она и проводилась со стороны государства в полном объеме»⁹⁵, вызывает недоумение.

Умножение контекстов, в которые отечественные специалисты попытались «завернуть» проблематику российского плена 1914–1922 гг., можно было бы продолжить. Но умножение это не является безусловно необходимым, поскольку в какие бы «наряды» российские историки не одевали плен и пленных, их образы не поражают воображение своей новизной. Больше того, не будет преувеличением сказать, что как в работах «рамочного» свойства, так и в исследованиях, авторы которых не изобрели для плена никаких особых «упаковок», его история постепенно стабилизировалась в пределах нарратива, ставшего практически универсальным. Право военнопленных, их численность, состав, размещение, обеспечение, труд, контакты с местным населением, участие в политическом процессе и, наконец, репатриация — эти сюжеты, причем именно в такой последовательности, быстро выстроились в схему, ставшую константной для больших и малых исследований и уныло воспроизводившуюся из

⁹³ См.: Гулидов А.Ю. Указ. соч. С. 217.

⁹⁴ См. об этом, в частности: Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе. СПб., 2010; Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России: Уч. пособие. М., 2001; Социальная политика: энциклопедия. М., 2006; Социальное Государство. Краткий словарь-справочник. М., 2002; и др.

⁹⁵ Гулидов А.Ю. Указ. соч. С. 125.

диссертации в диссертацию, из статьи в статью. Исключением из этого правила, лишь подтверждающим его, явилась, пожалуй, только монография Т.Я. Иконниковой, противопоставившей типическим реалиям плена его ярко выраженную региональную специфику, детерминированную, в свою очередь, спецификой географического положения Дальнего Востока, его относительными применительно к Центральной России, Уралу и Сибири «экстерриториальностью» и пограничностью⁹⁶.

Все же прочие исследователи, стремясь соответствовать обозначенной выше схеме, прежде всего бросились изучать правовое положение пленников, обратившись при этом не только к Гаагским соглашениям, «Положению о военнопленных» от 7 октября 1914 г. и правилам их отпуска на работы, но и к греко-римскому праву, соответствующим византийским памятникам, «Русской правде», Соборному уложению 1649 г., законодательству эпохи Петра I, французской «Декларации прав человека и гражданина» и т.д., и т.п.⁹⁷. Как выяснилось, это было нужно лишь для того, чтобы прийти к далеко не оригинальному выводу⁹⁸ о постоянных нарушениях выработанных на национальном и наднациональном уровне правовых норм⁹⁹, тогда как далеко не праздный вопрос об унификации и универсализации статуса жертв войны так и остался открытым. В этой связи радуется, пожалуй, лишь то, что с азартом

⁹⁶ См.: Иконникова Т.Я. Указ. соч.

⁹⁷ См.: Безруков Д.А. Указ. соч. С. 14–18; Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Уч. пособие к спецкурсу. С. 7–10; Гергилева А.И. Указ. соч. С. 34–35; и др. См. также: Абдрашитов Э.Е. Развитие социального и правового статуса военнопленного в ходе эволюции международного и российского законодательства (с древнейших времен до конца XX века). Казань, 2007; Валитов А.А., Журавель-Мейзер А.В., Загороднюк Н.И. Правовое положение военнопленных Первой мировой войны в России // Тобольск научный-2011: материалы VIII Всерос. научно-практ. конф. Тобольск, 2011. С. 127–130; Гордеев О.Ф. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 — февраль 1917 гг.): Историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сб. науч. статей. Красноярск, 2002. С. 30–37; Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. С. 28–32.

⁹⁸ Этот вывод хорошо известен по советской литературе и, в частности, работе А.Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус...» (см. с. 31).

⁹⁹ См. об этом, напр.: Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Уч. пособие к спецкурсу. С. 18, 91; Гергилева А.И. Указ. соч. С. 60, 64, 100–101; Зубаров И.Е. Указ. соч. С. 69–70; Ниманов Б.И. Указ. соч. С. 60, 81–82, 97; Остроухов А.И. Указ. соч. С. 33–35; и др.

переписывая те или иные нормотворческие акты в разделах, посвященных размещению, обеспечению, труду и репатриации пленников отечественные историки, за некоторым исключением, нашли место не только для рассказа о том, каким российский плен должен был быть в соответствии с утвержденными на различных уровнях регламентами, но и каким он оказался на самом деле. Вместе с тем, в целом ряде случаев это породило значительно больше вопросов, нежели ответов.

Требующим дополнительных пояснений выглядит, к примеру, характерное для монографии И.П. Щерова мирное соседство пасторальных картин плена и далеко не радужных зарисовок лагерного быта¹⁰⁰. Попытка А.Н. Талапина увязать неизбежную для российского плена проблему дефицита вещевого довольствия с проблемой его клеймения, вошедшего в обиход в ответ на аналогичную дискриминационную меру в отношении русских военнопленных со стороны германских властей, обнаруживает неглубокое понимание автором как первой, так и второй проблемы¹⁰¹. Недостаточно основательной представляется и «сентенция» В.Д. Алехина о том, что «отсутствие должного контроля за военнопленными, неповиновение, откровенный саботаж, антигосударственная агитация населения с их стороны» требовали усиления репрессий против узников войны¹⁰². В равной степени это относится и к пассажиру И.Е. Зубарова о том, что «большинство пленных и беженцев (в основном выходцы из рабочих и крестьян) приняли идеи Октябрьской революции»¹⁰³. Явные противоречия содержит и исследование Э.С. Идрисовой, в котором на одной и той же странице встретились, в частности, два взаимоисключающих вывода: «...Города отказывались от услуг военнопленных, так как не могли гарантировать им содержание и охрану, соответствующие правилам... Тем не менее, городские власти не отказывались в дальнейшем от труда военнопленных»¹⁰⁴. Рассматривая проблему трудового использования пленных славян, А.И. Остроухов безусловно опрометчиво

¹⁰⁰ См.: Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. С. 45, 47, 49.

¹⁰¹ См.: Талапин А.Н. Указ. соч. С. 58.

¹⁰² См.: Алёхин Д.В. Указ. соч. С. 223.

¹⁰³ См.: Зубаров И.Е. Указ. соч. С. 202, 211.

¹⁰⁴ Идрисова Э.С. Указ. соч. С. 67.

ограничил его область внутрилагерными и сельскохозяйственными работами, тогда как А.Ю. Гулидов столь же опрометчиво свел интеграцию вражеских военнослужащих в трудовые процессы к занятости городскими работами и мало понятными «работами социального характера»¹⁰⁵. «Эффективность труда иностранных военнопленных в регионе на период Первой мировой войны измерялась в километрах проложенных дорог и сотнях тысяч рублей... Использование труда военнопленных в годы Первой мировой войны на российском Дальнем Востоке было экономически выгодным. Только за 1915 г. в сельском хозяйстве региона военнопленными было произведено работ на 300 тыс. рублей», — сообщила Е.Ю. Бондаренко, подменив экономические индексы, а именно показатели производительности труда, рублёво-километровым эквивалентом, явно не достаточным, как и любые другие абсолютные цифры, для описания экономики подневольного труда¹⁰⁶.

Надо отметить, что всевозможные «квантитавные» параметры плена вообще не встретили в российских историках по-настоящему заинтересованных исследователей. Действительно, большинство авторов, вместо того, чтобы озаботиться поиском тех или иных количественных характеристик плена, предпочло отгородиться от этой задачи замечаниями типа «... точное количество военнопленных, находившихся в России в рассматриваемый нами период, и их этнический состав точно установить не представляется возможным...», «назвать количество военнопленных, находившихся в пределах отдельного военного округа, а тем более губернии, можно лишь приблизительно», «...установить точный национальный состав пленных весьма сложно» и т.д., и т.п.¹⁰⁷ Как

¹⁰⁵ См.: Гулидов А.Ю. Указ. соч. С. 156; Остроухов А.И. Указ. соч. С. 74.

¹⁰⁶ Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России: 1914–1956 гг.: дисс. ... д.и.н. Владивосток, 2004. С. 174, 181. Проблема неадекватной оценки экономических «параметров» плена дала в новейшей отечественной истории глубокие корни, обозначившись еще в исследованиях советского плена 1939–1956 гг. См. об этом подробнее: Суржикова Н.В. Труд иностранных граждан в СССР в 1945–1956 гг.: проблемы изучения // Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950). М., 2010. С. 242–255.

¹⁰⁷ См.: Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: автореф. дисс. ... к.и.н. Красноярск, 2006. С. 14, Ниманов Б.И. Указ. соч. С. 47; Остроухов А.И. Указ. соч. С. 53; Талапин А.Н. Указ. соч. С. 33; и др.

результат в оценках численности, состава, смертности, вывода на работы, «революционных выступлений», репатриационного процесса и прочих «количеств» плена до сих пор доминируют цифры, актуализированные еще советскими исследователями¹⁰⁸. При этом, едва ли не целиком основываясь на историографических и соответственно вторичных источниках, работы современных авторов стали наименее самостоятельными в той своей части, которая связана с вовлечением пленных во внешние и внутренние военно-политические конфликты, постигшие Россию в 1914–1922 гг., и особенно события Гражданской войны¹⁰⁹. При всем желании списать сей факт на преемственность в развитии советской и постсоветской историографий сделать это крайне затруднительно. Больше того, не обнаруживая никаких попыток своей конкретизации или рафинирования, оценки советских историков, механически перенесенные в поздние исследования, загадочным образом стали ещё и почвой для совершенно обескураживающих, если не сказать абсурдных «умозаключений». «В Симбирской губернии половина трудоспособного населения была призвана на войну. Поэтому численность пленных и беженцев, размещенных в губернии, была значительно больше, чем оставшаяся часть местного населения», — легкомысленно указал вслед за перечислением всевозможной «цифири» И.Е. Зубаров, притом что пленные и беженцы, насчитывавшие в совокупности что-то около 30 тыс. человек, даже за вычетом

¹⁰⁸ См., напр.: Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Уч. пособие к спецкурсу. С. 83–87, 95, 100 и др.; Греков Н.В. Указ. соч. С. 154, 180; Еремин И.А. Указ. соч. С. 464, 473; Зубаров И.Е. Указ. соч. С. 37, 38 и др.; Идрисова Э.С. Указ. соч. С. 8, 143 и др.; Иконникова Т.Я. Указ. соч. С. 160; Исаев А.П. Указ. соч.; Машкова Н.Н. Указ. соч. С. 122, 128; Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): Историческое исследование: дисс. ... к.и.н. М., 2004. С. 37–38 и др.; Павлова О.В. Указ. соч. С. 232; Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144, 145; Талапин А.Н. Указ. соч. С. 33; Хасин В.В. Указ. соч. С. 88; и др.

¹⁰⁹ Дефицит первоисточников обнаруживают, в частности, работы: Захаров А.М. Славянские вооруженные формирования в России (1917–1920 гг.): «встреча революций» или «проданный корпус» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (Тамбов). 2012. № 5(19): В 2-х ч. Ч. II. С. 76–78; Он же. Создание 1-й сербской добровольческой дивизии на Юге России в 1916 году // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (Тамбов). 2011. № 5(11): В 4-х ч. Ч. II. С. 82–86. См. также: Еремин И.А. Указ. соч. С. 491 и далее; Ниманов Б.И. Указ. соч. С. 130–160 и др.

мобилизованных ну никак не могли составлять большинства трудящегося населения полуторамиллионной (по данным на 1897 г.) губернии¹¹⁰.

Как бы то ни было, претензия новейшей отечественной историографии на то, чтобы отмежеваться от советской школы изучения плена и не только плена, не осталась только претензией. Среди открытий последних лет следует назвать открытие такой «заповедной» доселе области плена, как социокультурная. В большинстве работ ее границы были отождествлены с границами взаимоотношений пленников и постоянного населения¹¹¹, при том что тональность их контактов удостоилась асимметричных оценок. По мнению, С.В. Букаловой, А.И. Гергилевой, А.В. Калякиной, М.С. Кищенко, М.С. Нагорной, А.Н. Талапина, И.П. Щерова и ряда других авторов, отношение «аборигенов» к неприятельским военнопленным было, как правило, лояльным, даже сочувственным¹¹². Н.Н. Машкова уточнила, что «местное население осознавало необходимость их труда и не проявляло по отношению к ним агрессии» именно в этой связи¹¹³. Н.В. Греков в то же время подчеркнул, что «расположением со стороны местных жителей» пользовались прежде всего пленники, отправленные в деревню¹¹⁴. Е.Ю. Семенова, однако, подметила, что отношение к военнопленным со стороны горожан также «включало такие проявления, как сочувствие, сострадание, оказание помощи как людям, в

¹¹⁰ Зубаров И.Е. Указ. соч. С. 53.

¹¹¹ См. об этом: Гергилева А.И. Общественность Сибири и отношение к военнопленным Первой мировой войны // Вестн. Красноярского гос. аграрного ун-та. Вып. 12. Красноярск, 2006. С. 421–426; Кондратьев А.В., Щербинин П.П. Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. С. 354–357; Ощепков Л. Чужие среди чужих: Взаимоотношения военнопленных и населения Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Ретроспектива: Пермский историко-архивный журнал. 2008. № 6(11). С. 22–28; Талапин А.Н. Попечительство как проявление отношения населения Западной Сибири к иностранным военнопленным (1914 — февраль 1917 гг) // Актуальные проблемы отечественной истории XVI — начала XX вв.: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Омск, 2005. С. 180–192; и др.

¹¹² См.: Букалова С.В. Указ. соч. С. 67; Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: автореф. дисс. ... к.и.н. С. 16; Калякина А.В. Подданные стран — участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. Саратов, 2013. С. 19; Кищенко М.С. Европейские диаспоры в Ярославской губернии (конец XIX в. — 1917 г.): автореф. дисс. ... к.и.н. Ярославль, 2011. С. 23; Нагорная М.С. Указ. соч. С. 163; Щеров И.П. Военная миграция в России, 1914–1922 гг. С. 72; и др.

¹¹³ Машкова Н.Н. Указ. соч. С. 122.

¹¹⁴ Греков Н.В. Указ. соч. С. 180.

результате войны попавшим в сложную ситуацию»¹¹⁵. Л.Г. Ощепков склонился к более сдержанной оценке, указуя на то, что «местные» приняли «пришельцев» сдержанно, но не враждебно¹¹⁶. И.Е. Зубаров постулировал, что отношение обывателей к военнопленным было неоднозначным: «...К пленным австро-венгерской армии — дружеским, им оказывалась помощь продовольствием и жильем. К немцам же отношение было негативное и даже враждебное... Крестьяне смотрели на них как на врагов и отношения их к ним были сухие и недружелюбные»¹¹⁷. Между тем, И.А. Еремин показал, что россияне «доброжелательно воспринимали пленных всех национальностей» без различия¹¹⁸, тогда как М.С. Кищенко привел сведения, согласно которым немецкие и польские национальные общины на местах поддерживали военнопленных-соплеменников, стремясь «сохранить свою идентичность и национальную общность»¹¹⁹.

Сложный рисунок взаимоотношений «коренного населения» и пленников посредством целого ряда примеров попытался воссоздать И.Б. Ниманов, сведя, однако, все свои полезные усилия на нет одной фразой, возвращающей к проблеме механических заимствований из советской литературы: «...Пленные жили и работали рядом с рабочими и крестьянами России, они испытали на себе тяжесть эксплуатации со стороны помещиков и капиталистов и неоднозначное отношение со стороны трудящегося населения»¹²⁰.

В поисках наиболее нюансированного представления о контактах россиян с пленными иностранцами нельзя не отметить работу И.В. Рязанского, в которой, в частности, указывалось: «Сложно говорить об отношении к военнопленным со стороны местного населения. Этот аспект проблемы не поддается статистическому анализу, и точных цифр с указанием характера отношения к

¹¹⁵ Семенова Е.Ю. Военнопленные как фактор формирования городской среды Поволжья в годы Первой мировой войны // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1–2. С. 110.

¹¹⁶ Ощепков Л. Указ. соч. С. 28.

¹¹⁷ Зубаров И.Е. Указ. соч. С. 12, 85.

¹¹⁸ Еремин И.А. Указ. соч. С. 476, 499.

¹¹⁹ Кищенко М.С. Указ. соч. С. 22.

¹²⁰ Ниманов И.Б. Указ. соч. С. 127.

пленным здесь получить не удастся... Одни видели в них поверженного врага, которому можно и нужно отомстить, другие — дешевую рабочую силу, третьи — потенциальную угрозу внутренней безопасности и порядку. Были и те, кто относился к пленным по-человечески, как к оторванным от родины людям, лишённым почти всего»¹²¹.

Характерно, однако, что и для И.В. Рязанского, и для большинства уже названных авторов, ретроспективная проблема как-то сама собою превратилась в проблему отношений местного населения к отвоевавшимся иностранцам, тогда как последним было практически отказано в какой-либо активной позиции. За объектностью же пленных бесконечные попытки конкретизировать характер их взаимодействий с местным населением в эпитетах «сильные — слабые», «хорошие — плохие» или «дружественные — враждебные» себя предсказуемо исчерпали. Дефицитность названных бинарных оппозиций, не вмещающих в себя множественные сценарии контактирования пленных и не-пленных, оказалась тем самым фактором, который заставил отечественных историков говорить о плене как опыте межкультурного обмена, проблеме гендерной истории или причине трансформаций массового сознания¹²². При этом, правда, только Е.С. Царевой удалось описать плен как ресурс для межкультурного обогащения, который, в частности, позволил разнообразить концертно-театральную жизнь городов

¹²¹ Рязанский И.В. Указ. соч. С. 164, 165.

¹²² См. об этом, напр.: Лепехина Г.И. Проблемы плена: различные аспекты // Советский плен глазами узников Моршанского концлагеря 1940-х гг.: материалы Междунар. науч. конф.-выставки. Тамбов, 2008. С. 33–36; Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются: Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 24–27; Он же. Немецкие военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта // Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010. Т. 1. С. 723–740; Семенова Е.Ю. Межличностные контакты женщин поволжского города с военнопленными в период Первой мировой войны: столкновение индивида с коллективной психологической установкой // Частное и общественное: Гендерный аспект: материалы IV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. Ярославль, 2011. Т. 1. С. 475–479; Царева Е.С. Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Сибири // Южно-Российский музыкальный альманах. 2012. № 1. С. 78–88; Щербинина Ю.В. Военнопленные в Тамбовской губернии в XIX — начале XX века: вопросы межкультурной коммуникации // Советский плен глазами узников Моршанского концлагеря 1940-х гг. С. 36–42. См. также: Журбина Н.Е. Эволюция массового сознания солдат и офицеров германской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: дисс. ... к.и.н. Воронеж, 2008.

Сибири и развить профессиональную музыкальную культуру вообще¹²³. Д.И. Люкшин, сфокусировавшись на проблеме вхождения пленных в структуры крестьянского мира, пришел к выводу, что они, с большим успехом противостоя «легендарной способности русской деревни адаптировать и поглощать чуждые культурные формы», тем не менее, не оставили заметных следов в русском общинном сознании или быту, и их «культуртрегерский» потенциал остался невостребованным¹²⁴. Тем самым историк солидаризировался с высказанным несколько ранее мнением Ю.А. Иванова, по версии которого «с точки зрения общей оценки» говорить о заметной роли «немецкого» фактора в жизни русской провинции в годы войны не приходилось¹²⁵. Работа же Ю.В. Щербининой стала, скорее, данью модной фразеологии, учитывая тот факт, что проблема межкультурной коммуникации в пространстве плена оказалась подменена автором проблемой «сексуальных домогательств военнопленных к тамбовским женщинам» — и не более того¹²⁶. Касаясь той же темы — темы взаимоотношения полов, — Е.Ю. Семенова позиционировала плен как повод для «столкновения в условиях войны индивидуального и общественного мировоззрения», в рамках которого происходило наложение и замещение одних ценностей другими¹²⁷. Номинировать плен как источник качественных сдвигов в общественном сознании попыталась также Н.Е. Журбина, в общем и целом сведя все свои рассуждения к тому, что пленные прежде всего поняли, как на самом деле страшна война, и видели свой долг в ее предотвращении¹²⁸.

Остаётся только сожалеть, что по-настоящему новаторские работы в силу своей немногочисленности так и не смогли сломить тенденцию стереотипного историописания российского плена 1914–1922 гг. — историописания в русле уже оформившихся рубрик. Такое положение вещей объясняется тем, что, несмотря

¹²³ См.: Царева Е.С. Указ. соч. С. 85.

¹²⁴ См.: Люкшин Д.И. Немецкие военнопленные в крестьянской России. С. 734, 735.

¹²⁵ См.: Иванов Ю.А. Военнопленные Первой мировой в российской провинции // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 103.

¹²⁶ См.: Щербинина Ю.В. Указ. соч.

¹²⁷ См.: Семенова Е.Ю. Межличностные контакты женщин поволжского города с военнопленными в период Первой мировой войны. С. 478–479.

¹²⁸ Журбина Н.Е. Указ. соч. С. 160.

на номинирование военнопленных в качестве объекта своего исследования, большая часть российских историков на самом деле сфокусировалась на политике государства в отношении узников войны. Предполагая поиск некой цементирующей, объединяющей логики в событиях прошлого, государственный подход не просто препятствует их многогранному изучению, но и сужает возможности профессиональной полемики. Вместе с тем, «рубрикация» плена в соответствии с некоторой схемой в каком-то смысле была ожидаема, позволив систематизировать результаты крупномасштабных архивных «раскопок», предпринятых как в центре, так и на периферии. Это, правда, не оградило новейшую историографию плена и военнопленных от радикального эмпиризма, который преследует её и по прошествии двух десятилетий. Еще один недуг, характерный для процесса взросления относительно молодой традиции изучения российского плена 1914–1922 гг., состоит в консервации старых и формировании новых негибких стереотипов, зримо мешающих более глубоким и широким выводам.

Вдохнуть жизнь в уже сложившуюся схему прочтения плена мешает, в частности, застарелый миф о «всемерном оказании заботы и покровительства военнопленным славянских национальностей», в самом развернутом виде представленный в диссертационном исследовании И.С. Идрисовой¹²⁹. «В рамках пропаганды идеи славянского единства данной категории военнопленных на ... были предоставлены льготы и привилегии... 30 октября 1914 г. утвердили устав Всероссийского попечительства о пленных славянах... Его основная задача состояла в выделении славян из числа других пленных, оказании медицинской и материальной помощи, а также "возможно широком ознакомлении пленных с Россией и подготовке из них сознательных и убежденных поборников

¹²⁹ Идрисова Э.С. Указ. соч. С. 29. См. также: Алёхин Д.В. Указ. соч. С. 226–227; Безруков И.Д. Указ. соч. С. 89, 90 и др.; Белова И.Б. Указ. соч. С. 135–136; Бондаренко Е.Ю. Указ. соч. С. 180; Гулидов А.Ю. Указ. соч. С. 152; Еремин И.А. Указ. соч. С. 488–491; Зубаров И.Е. Указ. соч. С. 72; Ниманов И.Б. Указ. соч. С. 94; Остроухов А.И. Указ. соч. С. 64–66; Чудаков О.В. Указ. соч. С. 97; и др. См. также: Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Уч. пособие к спецкурсу. С. 103–104; Талапин А.Н. Военнопленные славяне на территории Омского военного округа (1914–1917 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных наук: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 128–134; и мн. др.

общеславянской культурной идеи с целью духовного содействия переходу славян в русское подданство". Согласно разработанному проекту славяне окружались всесторонней заботой и вниманием... Региональные власти обеспечивали максимальное внимание к нуждам военнопленных славян... В апреле 1916 г. Николай II выступил с заявлением об освобождении славян согласно п. 11 "Положения о военнопленных"... При доказательстве их преданности России для них отменялось состояние плена... Военнопленные славяне переводились в разряд трудообязанных...», — опираясь исключительно на законодательные документы и их проекты, утверждала И.С. Идрисова, не потрудившись провести грань между действительно имевшей место быть политической установкой и противоречивой практикой ее реализации¹³⁰. Между тем, В.Н. Меньщикову хватило все тех же законодательных актов, чтобы распознать в официальном политическом дискурсе признаки его обманчивости: «На наш взгляд, нет оснований говорить о кардинальных отличиях между положением немцев и военнопленных других национальностей... От общепринятого в начальный период войны "мягкого" курса относительно пленных славянского происхождения в последующем мало что осталось... В 1915, 1916 и 1917 гг. устанавливается фактическое равенство всех категорий военнопленных по условиям труда». И далее: «Появление после Февральской революции 1917 г. различных постановлений, введивших новые льготы для пленных славянской национальности, например, "Правил, устанавливающих особые льготы для военнопленных поляков", в условиях усиливающейся дезорганизации производства практически не меняло сложившейся ситуации в положении пленных»¹³¹. В.Н. Меньщикову вторил Б.Н. Недбайло, ссылаясь при этом на авторитетное мнение главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова. Констатируя низкие темпы набора добровольцев из военнопленных чехов и словаков в войска, известный военачальник указывал прежде всего на «отсутствие надлежащей организации в поддержании славянства

¹³⁰ Идрисова Э.С. Указ. соч. С. 29–33.

¹³¹ Меньщиков В.Н. Указ. соч. С. 110, 115.

в плену и правильного надзора за ними...» и даже пришел к выводу, что как результат «вместо привлечения к себе людей, преданных России, получается систематическое отталкивание ранее расположенных к нам элементов, ради которых ведется вся эта война»¹³².

Весьма поверхностный анализ источников привел к консервации в новейшей отечественной историографии еще и весьма сомнительного сравнения «благополучного» российского плена с его «бесчеловечными» или как минимум «невыносимыми» германским и австрийским аналогами. «Несмотря на то, что иностранным военнопленным в России, и в частности на Южном Урале, пришлось столкнуться с различными проблемами, их содержание значительно отличалось от того, в каком положении оказались русские пленные в Германии и Австро-Венгрии», — не без патриотического пафоса отметила И.С. Идрисова, с которой согласились Н.Е. Журбина, Н.Н. Машкова, И.П. Щеров и прочие авторы, так и не потрудившиеся определить, насколько идея «недополноценности» русских действительно повлияла на условия содержания россиян в плену так называемых Центральных держав¹³³. Названный же миф, почерпнутый современными историками в советской литературе, выходявшей, что само по себе не случайно, только в годы Великой Отечественной войны¹³⁴, изначально строился на основании материалов, собранных высочайше утвержденной Чрезвычайной следственной комиссией по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. Она, созданная под председательством сенатора А.Н. Кривцова 9 апреля 1915 г., имела своей приоритетной задачей руководство дискредитацией врага как в глазах русского

¹³² Цит. по: Недбайло Б.Н. Указ. соч. С. 31–32.

¹³³ Идрисова Э.С. Указ. соч. С. 51. См. также: Бондаренко Е.Ю. Указ. соч. С. 203; Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Уч. пособие к спецкурсу. С. 31, 43–44, 64–67; Гергилева А.И. Указ. соч. С. 90; Журбина Н.Е. Указ. соч. С. 133–134; Машкова Н.Н. Указ. соч. С. 125; Ниманов И.Б. Указ. соч. С. 67; Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты). С. 100–101; Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири. С. 171, 172, 186 и др.; Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. С. 33–34; и др.

¹³⁴ См.: Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М., 1942; Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. (из документов первой мировой войны). Л., 1943; Марков С. Зверства немцев в первую мировую войну. М., 1941.

общества, так и в глазах мировой общественности, тем самым подхватив и канализировав в нужное русло порыв патриотической российской прессы¹³⁵ и общественности в целом¹³⁶. Отобранные комиссией материалы не только рассылались по всем губерниям для «широкого напечатания», но и стали поводом для ряда специальных публикаций¹³⁷. При этом издания, транслировавшие и ретранслировавшие с подачи комиссии (или без неё) страшные истории о нравах неприятеля¹³⁸, превратили их из информационного повода в нечто гораздо большее¹³⁹. Варваризация, анимализация и демонизация врага, во-первых, служили цели предотвращения сдачи солдат и офицеров русской армии в плен, во-вторых, позволяли оправдать и рутинизировать «дефекты» российского плена¹⁴⁰, в-третьих, — и это, наверное, главное, — вселяя первобытный страх

¹³⁵ См., напр.: Зверства немцев // Новое время. 1914. 30 июля; 2 авг.; Жестокости немцев // Новое время. 1914. 31 июля; Озверевшие немцы // Новое время. 1914. 29 июля; и мн. др. На основе публикаций этой и других газет были изданы «Черная книга германских зверств» (под ред. М.В. Головинского; СПб., 1914) и «Немецкие зверства» (Резанов А.С.; СПб., 1914). См. также: Резанов А.С. Солдатская памятка о немецких зверствах. 3-е изд. Пг., 1915; Эгерт В.П. фон. Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну 1914 г. Пг., 1914; Яблонский М. Машино-истребительная культура: Об источниках немецкого зверства. Харьков, 1914; и др. Одна из этих работ безо всякой источниковедческой критики, археографических замечаний и комментариев к содержанию была воспроизведена в 1998 г. в «Военно-историческом журнале» (см.: Резанов А.С. «Немецкая армия... может конкурировать с воинами каннибалов» / публ. А.В. Пронина // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 21–31).

¹³⁶ Своёобразным откликом прогрессивной общественности на безобразия в Германии стала в частности «Драма из современной войны в 4-х действиях», написанная неким М.В. Дальским и поставленная на российской сцене уже в октябре 1914 г. под названием «Позор Германии: Культурные звери» (см.: Новое время. 1914. 3 окт.).

¹³⁷ См.: Кривцов А. Жизнь русских воинов в плену. Пг, 1916; др.

¹³⁸ См., к примеру, только в уральских газетах: В немецком плену // Пермская земская неделя. 1915. 15 нояб.; В плену тевтонов // Пермские ведомости. 1914. 27 сент.; В плену у «культурных» немцев (Частушки русских пленников) // Пермская земская неделя. 1915. 5 нояб.; В плену у жестокого врага // Пермская земская неделя. 1916. 24 янв.; Во вражеском плену // Пермские ведомости. 1916. 10 февр.; 13 февр.; Кошмары плена // Зауральский край. 1915. 23 авг.; «Морильня» для русских пленных в Германии // Пермская земская неделя. 1916. 5 июня; и др.

¹³⁹ См.: Асташов А.Б. «Зверства» войск антирусской коалиции в 1914–1918 гг.: военный опыт и пропаганда // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб., 2014. С. 65–73; Он же. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Государственная пропаганда и информационные войны. М., 2015.

¹⁴⁰ Об этом свидетельствуют такие публикации, как: В ответ на жестокости немцев // Пермская земская неделя. 1916. 20 нояб.; Клеймение одежды военнопленных // Зауральский край. 1917.

перед «чужим» и актуализируя традиционный образ традиционно страдающей матушки-Руси, работали на консолидацию воюющего общества. Аналогичная практика, как известно, имела место и в Британии, пресса которой взхлеб рассказывала, что немецкие солдаты развлекаются, поднимая на штыки младенцев, а потом еще и кипятят их тела для получения фосфатов, используемых в производстве военного снаряжения. В то же время немецкая печать пугала добропорядочных бюргеров зверствами казаков, свирепость коих стала легендой, отголоски которой можно найти и в современных публикациях¹⁴¹.

Все эти факты, однако, выпали из поля зрения отечественных специалистов, весьма далеких от каких-либо апелляций к опыту изучения плена за рубежом. Выключенные тем самым из наднационального историографического дискурса российские историки, больше того, в целом ряде случаев так и не преодолели границ занимательного краеведения и потому не встроились даже в национальную профессиональную дискуссию. Вместе с тем, сообразно с небезызвестной максимой «*principium dimidium totius*» (начало — половина всего) следует признать, что главный шаг на пути изучения российского плена 1914–1922 гг. уже сделан, в чём прежде всего убеждает тенденция его постепенного превращения из «сателлитного» в самостоятельный исследовательский проект. Катализировать этот процесс помогло бы сообщение отечественной историографии с зарубежной, но оно, как это ни странно, до сих пор не налажено. Это тем более актуально, что за последние годы на Западе в этой области исторических исследований произошёл заметный качественный сдвиг. Впрочем, он не был прыжком «с места в карьер», имея свою предысторию. Начинать ее принято с работы Э. Брэндстром (E. Brändström) «Среди военнопленных в России и Сибири 1914–1920 гг.», которая, однако, в привычном смысле слова исследованием не являлась. Написанная дочерью шведского посла в Петрограде, пять с половиной лет работавшей в России под эгидой Шведского Красного

11 июля; Наши пленные в Германии // Пермская земская неделя. 1917. 30 июля; Постные дни и военнопленные // Зауральский край. 1916. 20 апр.; и др.

¹⁴¹ См., напр.: In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Leidinger Hannes; Hrsg. von Moritz Verena. Wien; Köln; Weimar, 2008. S. 19.

Креста, она агрегировала факты и оценки, которые должны были озаботить общество судьбами узников войны и способствовать оживлению международного гуманитарного сотрудничества, равно как и ее менее известные аналоги¹⁴². К числу академических не относились и работы высокопоставленных австрийских чиновников М. Ронге (M. Ronge)¹⁴³, Г. фон Раабла-Вернера (H. Raabl-Werner)¹⁴⁴ и Э. фон Штрерувица (E. Streeruwitz)¹⁴⁵, имевших прямое отношение в проблемам плена по долгу службы.

В 1930-е гг. в Германии наконец-то появились сразу три научные работы, посвященные российскому плену¹⁴⁶. Написанные на широкой источниковой базе, они, однако, во многом стали отражением не столько мнения авторов, сколько политического дискурса, характерного для ситуации 1930-х гг., и, в том числе, высокомерного пренебрежения к «славянским варварам». После Второй мировой войны западные исследователи плена Первой мировой войны отметились лишь единичными «узкоспециальными» работами¹⁴⁷, а также публикациями, посвященными организации в России тех или иных вооруженных формирований из пленных и выдержанными, сообразно с географией своего издания, в просоветском или антисоветском духе¹⁴⁸.

¹⁴² См.: Brändström E. *Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien, 1914–1920*. Berlin, 1920; 1923; 1927; Idem. *Among Prisoners of War in Russia and Siberia*. London, 1929. См. подробнее: Gatrell P. *Prisoners of War on the Eastern Front during World War I // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 6. № 3 (Summer, 2005). P. 557–566; In *russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg*. S. 8–9; Rachamimov A. *POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front*. Oxford, 2002. P. 5–7.

¹⁴³ См.: Ronge M. *Kriegs- und Industriespionage: 12 Jahre Kundschaftdienst*. Vienna; Leipzig, 1933.

¹⁴⁴ См.: Raabl-Werner H. *Österreich-Ungarns offizielle Kriegsgefangenenfürsorge // In Feindeshand*. Vol. 2 (1932). S. 324–331.

¹⁴⁵ См.: Streeruwitz E. *Der Umsturz in Rußland und die Kriegsgefangenen // In Feindeshand*. Vol. 1 (1931). S. 269–271.

¹⁴⁶ См.: Bayer H. *Presse- und Nachrichtenwesen der im Weltkrieg kriegsgefangenen Deutschen*. Berlin, 1939; Pörzgen H. *Theater ohne Frau: Das Bühnenleben der kriegsgefangenen Deutschen 1914–1920*. Königsberg, Berlin, 1933; Scharping K. *In russischer Gefangenschaft. Die kulturellen und wirtschaftlichen Leistungen der deutschen Kriegsgefangenen in Rußland*. Berlin, 1939.

¹⁴⁷ См., напр.: Rutkowski E. *Die Flucht österreichisch-ungarischen Offiziere, Unteroffiziere und Mannschaften polnischer Nationalität aus der russischen Kriegsgefangenschaft während des Weltkrieges (1914–1918)*. Krakau, 1978.

¹⁴⁸ См., напр.: Bagiński H. *Wojska polskie na Wschodnie. 1914–1920*. Warszawa, 1921; Bradley J. *La Legion Czechoslovaque in Russie 1914–1920*. Paris, 1968; Kalvoda J. *Origins of the Czechoslovak Army 1914–1918 // War and Society in East Central Europe*. Vol. XIX (1985). P. 419–435; Kvasnicka J. *Ceskoslovenske legie v Rusku 1917–1920*. Bratislava, 1963; Margot L. *The Serbian Divisions in*

Настоящим событием для зарубежной историографии российского плена 1914–1922 гг. стали исследования американского историка Г. Дэвиса (H. Davis)¹⁴⁹, которого Г. Вурцер (G. Wurzer), к примеру, причислил впоследствии к пионерам ретроспективной тематики¹⁵⁰. Характерно, что статьи Г. Дэвиса отличала прежде всего их ярко выраженная конкретная направленность, во многом предопределившая «рубрикации» последующих исследований плена и пленных в России. При этом гуманитарная и политическая плоскости проблемы рассматривались автором в безусловной взаимосвязи, что позволило ему реконструировать реалии плена во всем их многообразии, не нарушив их соотношения. И хотя уже названный Г. Вурцер не нашел в цикле публикаций Г. Дэвиса ничего, кроме «общих замечаний», на самом деле по своему характеру изыскания американского специалиста были куда менее общими в сравнении с целым рядом последующих работ¹⁵¹. Так, чтобы там ни утверждал Г. Вурцер, именно Г. Дэвис впервые заметил не только тот барьер, который разделил оказавшихся в российском плену офицеров и рядовых, но еще и дистанцию,

Russia, 1916–17 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 6. № 4 (1971). P. 183–192; Popović N. *Jugoslovenski dobrovoljci u Rusiji, 1914–1918*. Belgrade, 1977; Striegnitz S. *Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland 1917–1918. Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht*. Berlin [Ost], 1979; и др. Типологию настоящих исследований см.: Rachamimov A. *POWs and the Great War*. P. 12–15.

¹⁴⁹ Davis G. *Deutsche Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg in Rußland* // *Militärgeschichtliche Mitteilungen* (Freiburg). Bde. 31 (1982). S. 37–49; Idem. *National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia, 1914–1918* // *Journal of Contemporary History*. Vol. 28. № 1 (Jan., 1993). P. 31–52; Idem. *Prisoner of War Camps as Social Communities in Russia: Krasnoyarsk 1914–1921* // *East European Quarterly* (Boulder/Colorado). Vol. 21 (1987). P. 147–163; Idem. *Prisoners of War in Twentieth-Century War Economies* // *Journal of Contemporary History*. Vol. 12. № 4 (Oct., 1977). P. 623–634; Idem. *Resort to Eloquence: Amateur Writers of German in Russian Prisoner of War Camps 1914–1921* // *Germano-Slavica* (Waterloo/Ontario). Vol. 5 (1986). № 3. P. 89–105; Idem. *Sport in Siberia 1917: A Rare Document* // *Journal of Sport History*. Vol. 8 (1981). P. 111–114; Idem. *The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921* // *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*. New York, 1983. P. 163–197; и др.

¹⁵⁰ См.: Wurzer G. *Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg*: Diss. Tübingen, 2000. S. 11.

¹⁵¹ См., напр.: Abbai O. *Les prisonniers de la Grande Guerre* // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. A. 37 (1987). S. 5–30; Becker A. *Oublies de la grande guerre. Humanitaire et culture de guerre. Populations occupées, déportés civils, prisonniers de guerre*. Paris, 1998; Jackson R. *The Prisoners, 1914–1918*. London, 1989; Oltmer J. *Bäuerliche Ökonomie und Arbeit skräftepolitik im Ersten Weltkrieg*. Sögel, 1995; Overmans R. *In der Hand des Feindes. Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg*. Köln, 1999; Speed R.B., III. *Prisoners, Diplomats and the Great War. A Study in the Diplomacy of Captivity*. New York, 1990; и др.

возникшую между представлявшими аристократические и буржуазные «кланы» офицерами¹⁵². Больше того, целый ряд тонких наблюдений Г. Дэвиса, не получив своего развития, до сих пор придает тематике плена интригу. Так, отмечая в статье 1977 г., что при захвате солдат противника победители приобретали не только их мускулы и мозги, но ещё и их желудки, историк недвусмысленно пригласил специалистов к обсуждению экономической состоятельности плена, которая, однако, и поныне остается проблемой¹⁵³.

Очевидно, благодаря изысканиям Г. Дэвиса и опубликованному в 1983 г. под редакцией Р. Уильямсона (R. Williamson) и П. Пастора (P. Pastor) эссе по истории Первой мировой войны¹⁵⁴ плен — причем не только российский — обрел в 1990-е гг. новых заинтересованных исследователей в том числе и в Европе¹⁵⁵. Параллельно с обновлением исследовательских кадров в западной историографии наметился и стартовал процесс обновления тематики посвященных плену работ, чему в некоторой степени поспособствовала ожесточенная дискуссия вокруг вышедшего в 1994 г. двухтомника «Лагерь, фронт или дом: Немецкие

¹⁵² См.: Davis G. Prisoner of War Camps as Social Communities in Russia: Krasnoyarsk 1914–1921. P. 150.

¹⁵³ См.: Davis G. Prisoners of War in Twentieth-Century War Economies. P. 623.

¹⁵⁴ См.: Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York, 1983. В настоящем издании традиционно рассматривалась прежде всего проблема политизации/радикализации пленных иностранцев в России (см., в частности: Banac I. South Slav Prisoners of World War in Revolutionary Russia // Ibid. P. 119–148; Kalvoda J. Czech and Slovak Prisoners of War in Russia during the War and Revolution // Ibid. P. 215–238; Krammer A. Soviet Propaganda among German and Austro-Hungarian Prisoners of War in Russia, 1917–1921 // Ibid. P. 239–264; Pastor P. Hungarian POWs in Russia during the Revolution and Civil War // Ibid. P. 149–162).

¹⁵⁵ См.: Hinz U. Gefangen im Grossen Krieg. Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1918: Diss. Freiburg, 2003; Koch R. Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg: Diss. Wien, 1981; Kreiner J. Von Brest-Litowsk nach Kopenhagen. Die österreichischen Kriegsgefangenen in Rußland im und nach dem Ersten Weltkrieg unter besonderer Berücksichtigung der Kriegsgefangenenmissionen in Rußland: Hist. Diplomarbeit. Wien 1996; Leidinger H. Zwischen Kaiserreich und Rätemacht. Die deutschösterreichischen Heimkehrer aus russischer Kriegsgefangenschaft und die Organisation des österreichischen Kriegsgefangenen- und Heimkehrwesens 1917–1920: Hist. Diplomarbeit. Wien, 1995; Moritz V. Gefangenschaft und Revolution. Deutschösterreichische Kriegsgefangene und Internationalisten in Rußland 1914 bis 1920: Hist. Diplomarbeit. Wien, 1995; Rudolf K. Im Hinterhof des Krieges — Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg: Diss. Wien, 1980; Siutz K. Kriegsgefangenschaft in Sibirien 1914–1920: Mathäus Wirnsperger: Hist. Diplomarbeit. Graz, 1994; и др.

военнопленные в Советской России, 1917–1920 гг.»¹⁵⁶. Полемика, развернувшаяся вокруг оценок численности поддерживавших большевиков пленников, в конце концов обнажила слишком общий характер категории «интернационалисты» и, по большому счету, указала этому обветшалому «историзму» на пассивный словарь¹⁵⁷, что со всей наглядностью отразили более поздние исследования близкой тематики¹⁵⁸.

Между тем, поток всевозможных исследований плена, последовательно добавляя в своей динамике, помимо того, начал стремительно ветвиться. Этот процесс приобрел такие масштабы, что всякие попытки систематизировать статьи и монографии зарубежных историков в соответствии с их тематическими предпочтениями, априори обречены. Развиваясь по пути изучения пленных отдельно взятых наций или рас, этнических или конфессиональных групп (1)¹⁵⁹, выявления специфики разнонациональных вариаций плена (2)¹⁶⁰ и его

¹⁵⁶ См.: Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920 / Hgg. I. Pardon und W. Schurawljos. Bde. 1 und 2. München, New Providence, London, Paris, 1994.

¹⁵⁷ См.: Dietrich G. Rezension zu Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920 // Das historisch-politische Buch. Bde. 42 (1994). S. 468; Striegnitz S. Eine «Kertruppe der Weltrevolution?» Politische Entwicklungen unter deutschen Kriegsgefangenen in Rußland (1917–1920) // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Deutsch-russische Beziehungen. Berlin, 1995. S. 131–149; Idem. Rezension zu Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920 // Zeitgeschichte. Bde. 25 (1998). S. 390–392; Wurzer G. Rezension zu Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bde. 44 (1996). S. 138–139; Zastrow V. «Genosse Prose und der Kapitalismus» (Rezension zu Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920 // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1994. 29 Okt. (№ 252). S. 9.

¹⁵⁸ См., напр.: Plaschka R. Avantgarde des Widerstands. Modellfälle militärischer Auflehnung im 19 und 20. Jahrhundert. Bde. 1 und 2. Wien, 2000.

¹⁵⁹ См., напр.: Francescotti R. Italianski: L'epopea degli italiani dell'esercito austroungarico prigionieri in Russia nella Grande Guerra. Rossato, 1994; Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen, 1914–1945. Berlin, 2000; Krammer A. Italienische Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg // Der Erste Weltkrieg im Alpenraum: Erfahrung, Deutung, Erinnerung. Innsbruck, 2006. S. 247–258; Moritz V., Leidinger H. Zwischen Nutzung und Bedrohung. Die russischen Kriegsgefangenen in Oesterreich-Ungarn (1914–1921). Bonn, 2005; Morton D. Silent battle: Canadian prisoners of war in Germany, 1914–1919. Toronto, 1992; Ölçen M. Vetluga Memoirs: a Turkish POW in Russia 1916–1918. Gainsville, 1995; Procacci G. Soldati e prigionieri italiani nella Grande Guerra. Roma, 1993; Taitl H. Kriegsgefangen — Österreicher und Ungarn als Gefangene der Entente 1914 bis 1921. Bde. 1 und 2. Dornbirn, 1992; Yanikdag Y. Ottoman prisoners of war in Russia, 1914–22 // Journal of contemporary history. 1999. Vol. 34. № 1. P. 69–85; и мн. др.

¹⁶⁰ См., напр.: Hinz U. Gefangen im Groben Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland, 1914–1921. Essen, 2006; Köhler G. Die Kriegsgefangenen, Internierten- und Militärlager in Österreich-Ungarn 1914–1919 und ihre Feldposteinrichtungen. Graz, 1991; Panikos P. Normalität hinter Stacheldraht: Kriegsgefangene in Großbritannien 1914–1919 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges.

комплексного обследования как универсальной практики или практик, не исключая, однако, иерархизации их «местных» моделей (3)¹⁶¹, западная историография оставалась верна этому курсу лишь до некоторой степени.

Так, посвященные пленным итальянского происхождения работы М. Росси (M. Rossi), имели четкую географическую привязку к России, тем самым претендуя на место как в первой, так и во второй группе работ¹⁶². Больше того, автор контекстуализировала рассматриваемые проблемы ещё шире, соотнося опыт итальянских солдат и офицеров, полученный в результате Первой мировой войны, с его аналогом, приобретенным в годы Второй мировой войны¹⁶³. Вместе с тем, опираясь главным образом на письма, дневники и воспоминания пленников, М. Росси как будто бы осознанно «пренебрегла» всякими официальными документами, в связи с чем Р. Нахтигаль (R. Nachtigal) даже предположил, что ее изыскания не преследовали никаких иных целей, кроме реконструкции «односторонней перспективы бывших свидетелей» и обследования плена как объекта «культурной памяти»¹⁶⁴.

Essen, 2005. S. 126–146; Schleicher J. Kriegsgefangene und Zivilinternierte des Ersten Weltkriegs in Rußland: Gefangennahme, Transport und Lagerleben aus alltagsgeschichtlicher Sicht // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. Bde. 10. Essen, 2001. S. 63–108; Von Delpal B. Zwischen Vergeltung und Humanisierung der Lebensverhältnisse: Kriegsgefangene in Frankreich 1914–1920 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. S. 147–164; и мн. др.

¹⁶¹ См., напр.: Jones H. Violence Against Prisoners of War in the First World War: Britain, France and Germany, 1914–1920. Cambridge, 2011; Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Essen, 2005; Paderborn, 2006; Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am Main, 2005; Oltmer J. Arbeitszwang und Zwangsarbeit — Kriegsgefangene und ausländische Zivilarbeitskräfte im Ersten Weltkrieg // Der Tod als Maschinist. Der industrialisierte Krieg 1914–1918. Bramsche, 1998. S. 97–107; Pöppinghege R. Im Lager unbesiegt: Deutsche, englische und französische Kriegsgefangenen-Zeitungen im Ersten Weltkrieg. Essen, 2006; Speed R.B., III. Op. cit.; и мн. др.

¹⁶² См.: Rossi M. Conflitti di nazionalità nei campi di prigionia russi // Ricerche Storiche. A. XXVII (1997). № 3. P. 727–746; Idem. I prigionieri dello Zar: Soldati italiani dell'esercito austroungarico nei lager della Russia (1914–1918). Milano, 1997; Idem. Irridenti giuliani al Fronte Russo. Storie di ordinaria diserzione, di lunghe prigionie e di sospirati rimpatri (1914–1920). Udine, 1998; Idem. Prigionieri della Pace // Annales for Istran and Mediterranean Studies. 1999. № 18. P. 409–422; Idem. Prigionieri russi nella Grande Guerra. Con le mani legate // Storia e Dossier. A. IV (1994). № 66. P. 53–57; и др.

¹⁶³ Rossi M. I prigionieri dello Zar: Soldati italiani dell'esercito austroungarico nei lager della Russia (1914–1918).

¹⁶⁴ См.: Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. S. 10, 79.

Редкая работа о военнопленных турках Ё. Яникдага (Y. Yanikdag), — а именно на их долю приходилось подавляющее большинство нейтрализованных османских солдат и офицеров, — также относилась к России и тем самым встраивалась сразу в два исследовательских течения. Помимо кошмаров российского плена, в ретроспективной статье реконструировались его этнополитический, конфессиональный и социальный ландшафты, анализ которых показал, что даже в неволе подданные османской короны продолжали оставаться таковыми, воспроизводя в доступных им масштабах мучившие империю противоречия, веками связывавшие мусульман и не-мусульман, турок и арабов или турок и армян. В то же время, однако, автор показал, что рост националистических и исламистских настроений был едва ли не единственной альтернативой развитию у турецких военнопленных всевозможных психических заболеваний, например, синдрома концентрационных лагерей (в частности, болезни А. Вишера или «болезни колючей проволоки») или посттравматического стрессового расстройства¹⁶⁵.

В цикле работ Х. Ляйдингер (H. Leidinger) и В. Мориц (V. Moritz), посвященном, с одной стороны, российским военнопленным в Австро-Венгрии, а с другой — австро-венгерским военнопленным в России, ведущее место заняла тема репатриации последних, связанная с большевистским проектом паневропейского революционного движения¹⁶⁶. В 750-страничной монографии, ставшей одной из главных результирующих сотрудничества австрийских авторов,

¹⁶⁵ См.: Yanikdag Y. Op. cit. P. 70–84. См. об этом также: Yarnall J. Barbed Wire Disease: British & German Prisoners of War, 1914–19. Stroud, 2011.

¹⁶⁶ См.: In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg; Leidinger H. Gefangenschaft und Heimkehr. Gedanken zu Voraussetzungen und Perspektiven eines neuen Forschungsbereiches // Zeitgeschichte. 25. Jg. H. 11/12 (1998). S. 333–342; Leidinger H., Moritz V. Der Weg zur Anerkennung. Die Beziehungen zwischen Wien und Moskau 1918 bis 1924 // Österreichische Osthefte. 46. Jg. H. 4 (2004). S. 361–390; Leidinger H., Moritz V. Die Repatriierung der k.u.k. Kriegsgefangenen 1918 bis 1922 // Politicum 102: 1918 — Der Beginn der Republik. 28. Jg. (2007). S. 53–56; Leidinger H., Moritz V. Gefangen in Russland. Österreichische Kriegsgefangene in Russland 1914–1920. Viena, 2008; Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien, 2003; Leidinger H., Moritz V. Im Schatten der Revolution — Die Heimkehrer aus der russischen Kriegsgefangenschaft nach dem Ende des Ersten Weltkrieges // Wiener Geschichtsblätter. 51. Jg. H. 4 (1996). S. 229–264; и др.

отмечалось, что российский плен, чреватый не только голодом и холодом, но и несимметричным отношением к офицерам и солдатам, к славянам и не-славянам, изначально предполагал размежевание узников войны. После октябрьских событий 1917 г. раскол в их рядах только усугубился, в результате чего в лагерях военнопленных разразилась настоящая классовая борьба¹⁶⁷. При этом она захватила не только рядовых и офицеров австро-венгерской армии. Конфронтация наблюдалась и внутри лагеря пленных радикалов, часть из которых связала свою жизнь с большевистской Красной гвардией, а другая — с «беспартийной» милицией. Блестяще описав, по мнению П. Гетрелла¹⁶⁸, формирование немецких и мадьярских красных частей, а также изучив «карьеру» будущих коминтерновских активистов из числа военнопленных, Х. Ляйдингер и В. Мориц, вместе с тем, пришли к заключению, что влияние большевистской пропаганды на основную часть пленников оказалось довольно незначительным. Волнения же в их среде, имевшие место в Австро-Венгрии весной 1918 г., отразили не столько их идейную зрелость, сколько недовольство попытками властей подвергнуть прибывших из России военнопленных не только санитарному, но и «моральному» карантину, якобы необходимому для защиты страны от распространения «социалистической заразы».

Более широкий характер носило диссертационное исследование Г. Вурцера, посвященное военнопленным сразу всех Центральных держав в России¹⁶⁹. Основанное помимо австрийских и германских источников на материалах архивов Красноярска, Москвы, Омска и Томска, оно стремилось к предельной детализации реалий российского плена, водораздельным для которого, по версии Г. Вурцера, стал октябрь 1917 г. Будучи в первую очередь заинтересованным в изображении повседневной жизни пленников, автор, однако, явно увлекся цитированием всевозможных циркуляров и распоряжений, оставляющих впечатление весьма благоустроенного существования пленников в России. При этом заключение Г. Вурцера о безусловной приверженности властей букве

¹⁶⁷ См.: Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. S. 650.

¹⁶⁸ См.: Gatrell P. Prisoners of War on the Eastern Front during World War I. P. 565.

¹⁶⁹ См.: Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg: Diss.

международного права постоянно разбивалось о приводимые им же факты, а вывод о том, что фактические условия содержания вражеских военнослужащих в лагерях повсеместно демонстрировали большой разрыв между теорией и практикой плена, диктуемый дезинформацией и дезорганизацией тыловых структур, не стал откровением для специалистов. Изданная в 2005 г. монография автора¹⁷⁰, будучи калькой диссертации, так и осталась, по мнению небезызвестного историка плена А. Хильгера¹⁷¹, простой последовательностью цитат, корреляция которых достигалась посредством бесхитростных оборотов типа «в то же время ...» или «наряду с этим...», предоставив читателю безграничную свободу в интерпретации тех или иных фактов¹⁷².

Исследование А. Рахамимова о военном плене на Восточном фронте, наоборот, отличал повышенный градус аналитичности. При этом оно, живописавшее разные стороны пребывания поверженных военнослужащих австро-венгерской армии на Восточном фронте и прежде всего в России, изначально не вмещалось ни в один из узкотематических проектов. Во многом это было связано с тем, что круг вопросов, ответы на которые искал автор, был весьма широк. Сам А. Рахамимов отмечал, в частности, что его книга — это заявка на участие в дискуссии о правах человека, в изучении истории «снизу», истории масс или истории повседневности, в исследовании проблем мемориальной культуры, в развитии историографии национализма и патриотизма¹⁷³. По мысли автора, опыт австро-венгерских военнопленных в России определялся прежде всего такими факторами, как буржуазные идеи о правах человека, сословно-классовые привилегии и, наконец, наличие

¹⁷⁰ См.: Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005.

¹⁷¹ См., напр.: Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen, 2000; Idem. Sowjetische Militärtribunale. Band 1: Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangener 1941–1953. Köln, 2001 (gemeinsam mit Ute Schmidt und Günther Wagenlehner); Idem. Re-educating the German Prisoners of War: aims, devices, results and memory in East and West Germany // Prisoners of War, Prisoners of Peace: Captivity, Homecoming and Memory in World War II. Oxford, 2005. S. 61–76; и др.

¹⁷² См.: Hilger A. Rezension zu Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg // Sehepunkte: Rezensionjournal für die Geschichtswissenschaften. 6 (2006). № 3. S. 398–400.

¹⁷³ См.: Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 16–19.

материальных ресурсов. При этом А. Рахамимов постарался доказать, что российские чиновники в части отношения к военнопленным стремились соблюдать Гаагские соглашения 1899 г. и 1907 г., но организовать для миллионов людей адекватное питание или обмундирование, медицинский или почтовый сервис при общем перенапряжении ресурсов в стране было просто невозможно. Контрасты в качестве жизни в различных лагерях России не были результатом преднамеренной политики, обуславливаясь тем, что принято называть местной спецификой¹⁷⁴. Развенчивая миф о привилегированном положении пленных славян¹⁷⁵, А. Рахамимов констатировал, что для характеристик российского плена решающее значение имело иерархическое неравенство между офицерами и солдатами, напоминавшее о традициях XIX столетия, по крайней мере, до стремительной девальвации рубля в 1916 г.: «Военнопленные офицеры в России, независимо от того, где они содержались, пользовались условиями, которые намного превосходили условия жизни любой другой группы военнопленных. Можно даже сделать вывод о том, что в определенные отрезки времени (особенно зимой 1916–1917 гг.) уровень жизни пленных офицеров в России был значительно выше, чем уровень жизни гражданского населения на их родине»¹⁷⁶. Что же касается пресловутой лояльности австро-венгерских военнослужащих славянского происхождения по отношению к России, то её «размеры» историк признал явно преувеличенными, равно как и «размеры» заинтересованности российских властей в национальных формированиях из пленных. Ни национализм, ни большевизм, продолжал А. Рахамимов, не стали основой для формирования у пленных тех или иных идентичностей и соответственно коллективностей. «Австро-венгерским пленным было ясно, что государство Габсбургов оставило их, а не наоборот», — констатировал автор¹⁷⁷, проанализировав 3 тыс. писем военнопленных и подчеркнув при этом, что главной причиной политической радикализации пленников было прежде всего

¹⁷⁴ См.: Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 92–97.

¹⁷⁵ См., напр.: Ibid. P. 93.

¹⁷⁶ Ibid. P. 98.

¹⁷⁷ Ibid. P. 213.

отсутствие серьезной материальной поддержки с родины, а не идеи национального или классового освобождения.

К числу наиболее многогранных с точки зрения тематики и в то же время острых с точки зрения аналитики необходимо отнести работы Р. Нахтигаль, который обследовал проблемы плена на микро-, мезо- и макроуровнях¹⁷⁸. Вероятно, именно смена масштабов исследования позволила автору разглядеть в российском плене 1914–1922 гг. его особые фазы, первая из которых (1914 — лето 1915 г.) стала периодом приоритета задач по эвакуации пленных, вторая (лето 1915 — лето 1916 г.) — особого внимания к их интеграции в трудовые процессы, третья (лето 1916 — 1917 г.) — переориентации на активную политику национальностей и формирование национальных частей и, наконец, четвертая (конец 1917 г. и далее) — временем «самомобилизации» пленников, вызванной нарастанием на фронте и в тылу¹⁷⁹.

Отмечая новые черты плена, в частности, национальную пропаганду среди военнопленных и активизацию гуманитарных структур, Р. Нахтигаль констатировал, что правительство России рассматривало плен прежде всего как источник кадров для военной экономики. Многие военнопленные в России, по его мнению, работали в отвратительных условиях, что превратило плен в тест на человеческие терпение и выносливость, в особенности, когда материальные условия прогрессивно ухудшались. Недостаток жилья и пищи, изнуряющий труд, цинга и малярия — вот то, что ожидало 70 тыс. пленников на строительстве Мурманской железной дороги и стоило жизни 25 тыс. из них, тогда как из оставшихся 45 тыс. порядка 70 % страдали от различных заболеваний.

¹⁷⁸ См.: Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб., 2011; Idem. Die Munnabahn. Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen 1915–1918. Grunbach, 2001; Idem. Kriegsgefangene der Habsburgermonarchie in Rußland // Österreich in Geschichte und Literatur mit Geographie. 40 (1996). S. 248–262; Idem. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918; Idem. Privilegiensystem und Zwangsrekrutierung. Russische Nationalitätenpolitik gegenüber Kriegsgefangenen aus Österreich-Ungarn // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges. Essen, 2005; Paderborn, 2006. S. 167–193; Idem. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen (1914–1918). Remshalden, 2003; Idem. Seuchen unter militärischer Aufsicht in Russland: Das Lager Tockoe als Beispiel für die Behandlung der Kriegsgefangenen 1915/1916 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. № 48. S. 363–387; и др.

¹⁷⁹ Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. S. 84 и др.

«Использование военнопленных на Мурманской железной дороге стало воплощением ужаса российского плена», — подытожил Р. Нахтигаль, уточнив, однако, что этот частный пример не являлся типичным. Большинство австро-венгерских военнослужащих трудилось в обстановке более благоприятной, а некоторые, пользуясь слабым контролем, даже бежали с мест работ¹⁸⁰. Эта оговорка, между тем, не помешала автору заключить, что «для России как держащей в плену державы было характерно сознательно плохое обращение с военнопленными», не просто граничившее с преступным, а откровенно преступное¹⁸¹. Помимо непосильного труда и дискриминационной национальной политики, к преступлениям российской администрации Р. Нахтигаль отнес еще и изданный в конце 1915 г. приказ о колите и энтерите, запрещавший указывать на тиф как на причину смерти пленников при составлении так называемых скорбных списков¹⁸². Историк, правда, забыл отметить, что действовал настоящий документ совсем недолго¹⁸³, в отличие от практиковавшихся в Австро-Венгрии и Германии репрессий против пленников с Востока в виде снятия знаков отличия, запрета корреспонденции, клеймения одежды, ограничения свободы передвижений или перевода офицеров на положение солдат. При этом, как указал сам Р. Нахтигаль, настоящие способы давления на Россию, призванные улучшить положение захваченных ею вражеских военнослужащих, только обесценили принцип взаимообразного отношения к узникам войны¹⁸⁴. В этой связи экономическая заинтересованность в военнопленных стала для них едва ли не основным защитным фактором, который, в частности, сработал в конце 1916 г., когда российские власти, ссылаясь на дефицит рабочих рук, отказались от ранее

¹⁸⁰ См.: Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. С. 29; Nachtigal R. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen (1914–1918). S. 305.

¹⁸¹ Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. S. 27, 54, 121 и др.

¹⁸² См.: Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. С. 34–40.

¹⁸³ Казанского военного округа приказ о колите и энтерите достиг только 10 декабря 1915 г., а 10 февраля 1916 г. его действие было отменено (см.: Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 135, 205–205 об.).

¹⁸⁴ Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. S. 54, 59, 110, 114 и др.

запланированной передачи «дружественных» итальянцев, французов и сербов, узников Русской императорской армии, союзным войскам Антанты¹⁸⁵.

В конце концов главным выводом Р. Нахтигалья стал ориенталистски заряженный вывод о том, что российский плен разительно отличался от своих германского, австро-венгерского и прочих аналогов, занимая в их иерархии самое незавидное место¹⁸⁶. Конструктивные особенности названной иерархии, по мысли Р. Нахтигалья, зависели не только от государственного понимания плена в той или иной стране, но и от других факторов. В державах Оси и в Германии, в частности, война, как полагал Р. Нахтигаль, рассматривалась как средство возвращения утраченных до неё позиций в российской экономике (торговле, финансах и т.д.), почему отношение к восточно-европейским пленным и было хорошим, даже образцовым, в то время как Россия, проводя в отношении пленных не-славян дискриминационную политику, проявила явную политическую и экономическую близорукость¹⁸⁷.

Традицию широкой контекстуализации плена продолжили и более поздние сочинения западных историков. В их ряду надлежит отметить изданную в Эссене под редакцией Й. Олтмера (J. Oltmer) антологию «Военнопленные Первой мировой войны в Европе», ставшую промежуточным итогом изучения ретроспективной тематики¹⁸⁸. Характерно, что в этой попытке кооперации известных историков, позволившей объединить исследования разностранных практик и политик плена, а также послевоенных опытов бывших военнопленных, в полной мере проявились тенденции развития современной западной историографии. Одна из них напрямую связана с проходящими поверх существующих междисциплинарных границ «культурологизацией» и «антропологизацией» современного гуманитарного знания. Следы первой легко различимы в последней совместной работе Х. Ляйдингер и В. Мориц, в рамках которой плен преломлялся через переживания пленников и сообразно с этим

¹⁸⁵ Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. S. 53.

¹⁸⁶ См.: Ibid. S. 9, 24, 29, 53, 54, 67, 71, 72, 77, 96, 114, 119, 122, 124, 127, 130, 133, 134, 137 и др.

¹⁸⁷ См.: Ibid. S. 128.

¹⁸⁸ См.: Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges. Essen, 2005; Paderborn, 2006.

номинировался как переживание¹⁸⁹. Книга содержала в себе подборку никогда не публиковавшихся ранее воспоминаний бывших военнопленных, семи солдат и трех офицеров. Отбравшиеся таким образом, чтобы представить «дифференцированные рейтинги восприятия соперника» и в целом «как можно более впечатляющую картину разнообразных переживаний плена»¹⁹⁰, настоящие «самосвидетельства» поставили под сомнение ряд расхожих представлений о существовании плена, в частности, плена как страдания или плена как лагере. Ретроспективные источники обнаружили массу его альтернативных, включая антагонистические, восприятий, например, таких как убивающей монотонности и постоянного движения, тяжёлого наказания и романтического приключения, единства и разобщенности, верности и предательства, любви и ненависти. Многообразные артикуляции плена в какой-то степени были детерминированы дистанцией или близостью авторов к испытанному, безусловно повлиявшими на нарративную рамку, повествовательную динамику и содержательный характер переживаний экс-военнопленных, равно как и мотивы их обращения к собственному прошлому. При этом воссозданные «снизу» типичные и атипичные образы плена самым непосредственным образом соотносились с типичными и атипичными образами России, в которых прежде всего угадывались небезызвестные стереотипы о некультурности, безалаберности и простодушии русских, тем более заметные на фоне куда более оригинальных наблюдений. Очевидно, несвобода мемуаристов от «колониального» дискурса усугубила тот факт, что даже при признании за пленом статуса запасного мира, приближенного к «нормальному», он ожидаемо интерпретировался как ненормальный. Возвращаясь же к проблеме стереотипного восприятия России, следует отметить, что благодаря мемуарам военнопленных Первой мировой в том числе, оно с успехом официализировалось и впредь, обнаружив себя

¹⁸⁹ См.: In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg.

¹⁹⁰ Ibid. S. 13, 15.

в воспоминаниях о плене времен Второй мировой войны¹⁹¹ и тем самым демонстрируя общественно значимый потенциал сугубо, казалось бы, индивидуального акта переживания прошлого.

«Антропологизация» плена как тенденция нашла свое отражение в одном из последних исследований А. Рахамимова, посвященных театральной деятельности немецкоговорящих военнопленных в России во время Первой мировой войны¹⁹². Описывая создание и работу десятка лагерных театров, вполне обустроенных для игры спектаклей и оперетт, автор пришел к заключению, что для пленников эти театры стали значительно большим, нежели просто источником развлечения. Они помогали выражать мужские проблемы, надежды и желания, а также отразили острое чувство мужского бессилия, которое сопровождало плен. В офицерских лагерях заключенные таким образом воссоздали квази-буржуазный «театр жизни», способствовавший поддержанию иллюзий довоенного комфорта, власти и собственной значимости. В центре всеобщего внимания при этом оказались пленные, исполнявшие женские роли и рекрутировавшиеся, как правило, из числа молодых офицеров, которые не только играли женщин на сцене, но и продолжали свои «выступления» за сценой. Эти исполнители даже меняли свои мужские имена на женские, под которыми они и были известны своим фанатам и поклонникам. На фоне серии теоретических трудов по культуре трансвеститов статья А. Рахамимова лишней раз продемонстрировала, что фокус с переодеванием являлся и является по определению двойственным, обладая как подрывным, так и нормализующим потенциалом. С одной стороны, для некоторых участников и зрителей лагерный театр стал средством сохранения «нормальности» и мужественности. С другой стороны, для других пленных этот опыт обернулся актуализацией гомоэротических чувств и трансгендерных идентификаций, тем самым стирая границы между традиционно легитимным

¹⁹¹ См. об этом: Суржикова Н.В. «Мы были в шоке»: Советский плен и интернирование как стресс аккультурации // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2009. № 3. С. 132–143.

¹⁹² См.: Rachamimov A. The Disruptive Comforts of Drag: (Trans)Gender Performances among Prisoners of War in Russia, 1914–1920 // The American Historical Review. Vol. 111. № 2 (April 2006). P. 362–382.

и незаконным. Но именно так, резюмировал А. Рахамимов, для некоторых военнопленных лагерная жизнь, помимо всего прочего, стала еще и освободительным опытом.

Другой безусловно важной характеристикой современной западной литературы о плене и пленных в России является её нацеленность на историческую перспективу, в то время как исследования отечественных авторов, отсчитывая плен со времен «царя Гороха», рассматривают его главным образом ретроспективно. Иначе говоря, зарубежным коллегам российский плен 1914–1922 гг. интересен не только и не столько сам по себе, сколько как фактор, в большей или меньшей степени повлиявший на дальнейшие судьбы России/мира. Эпицентром дискуссии, возникшей вокруг проблемы перспективного влияния плена, стала так называемая теория прототипа, выдвинутая еще в 1983 г. американским историком П. Пастором. Он, в частности, утверждал, что лагеря для военнопленных Первой мировой войны в России являли собой образец объектов заключения «нового типа», схожий с лагерями сталинского ГУЛАГа и гитлеровскими концлагерями смерти. Вопреки утверждению А.И. Солженицына, этот «новый тип», по версии П. Пастора, сформировался задолго до коммунистов, еще при царском режиме, позволяя говорить о своеобразном архипелаге военнопленных¹⁹³. Его сходства с архипелагом ГУЛАГом, по мысли автора, состояли в качественном отличии лагерей Центральной России и Сибири (первые — для пленных славян, вторые — для всех остальных), в бесчеловечных условиях содержания пленников, в «использовании военнопленных для реализации крупномасштабных строительных проектов в агрессивных средах» (Мурманск, Петрозаводск и т.д.), а также в попытках подорвать гражданские чувства иностранцев посредством массивной пропаганды. Напомнив читателю о пребывании в конце 1916 г. И.В. Сталина в Красноярске, где содержалось 15 тыс. пленников, П. Пастор заключил, что лагеря для военнопленных Первой мировой войны были не просто прототипом советских трудовых лагерей, а в самом прямом

¹⁹³ См.: Pastor P. Introduction // *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*. S. 114.

смысле послужили фактическим планом, в соответствии с которым был смоделирован ГУЛАГ¹⁹⁴.

По прошествии двадцати лет Э. Эпплбаум (A. Applebaum) возразила П. Пастору, указывая в своем исследовании истории сталинского ГУЛАГа, что соответствующую новому времени (modern) форму ГУЛАГ принял не ранее чем после революции 1917 г. Вместе с тем, продолжила Э. Эпплбаум, «ГУЛАГ не упал с неба сразу в готовом виде, он, скорее, отражал нормы, принятые в окружающем обществе... В мировую войну обе враждующие стороны по всей Европе с 1914 г. создавали лагеря для интернированных и военнопленных... По сути, некоторые из первых советских лагерей были сооружены на смену лагерям для военнопленных Первой мировой войны»¹⁹⁵.

Р. Нахтигаль занял в настоящей дискуссии весьма странную позицию. Он, в частности, отметил, что общие для российских лагерей военнопленных и лагерей ГУЛАГа черты, безусловно, наличествовали. Прежде всего, по Р. Нахтигалю, об этом свидетельствовали плачевные итоги эпидемии тифа в Тоцком лагере, давшей самую высокую смертность среди пленных в годы Первой мировой войны и позволившей охарактеризовать Тоцкое как «тотальный лагерь» (Totenlager), что на коннотативном уровне безошибочно воспринималось как отсылка к нацистским фабрикам смерти. Однако, увязывая теорию прототипа с неблагоприятным эпидемическим фоном в лагерях России и апеллируя к исследованиям эпидемий и геноцида¹⁹⁶, Р. Нахтигаль оговорился, что негуманное и даже убийственное отношение к пленным в царской России не составляло государственной политики, будучи не более чем следствием организационных пробелов и административных злоупотреблений¹⁹⁷.

¹⁹⁴ См. подробнее о теории прототипа П. Пастора: Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 78–82.

¹⁹⁵ Applebaum A. GULAG: A History. London, 2003. P. XV, XXVII, XXXIII.

¹⁹⁶ Leven K.-H. Die Geschichte der Infektionskrankheiten. Von der Antike bis ins 20 Jahrhundert. Landsberg; Lech, 1997; Weindling P. Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890–1945. New York, 2000.

¹⁹⁷ См.: Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. S. 48, 89–92, 134.

А. Рахамимов, в свою очередь, выступил с резкой критикой тезиса о прототипе, назвав его провокационным¹⁹⁸. Вместе с тем, он признал, что вопрос о предполагаемой связи между ГУЛАГом и нацистскими лагерями, с одной стороны, и лагерями военнопленных Первой мировой войны в России, с другой стороны, сохраняет свою актуальность и значимость. Действительно многое в плене Первой мировой войны вызывает образы последующих тоталитарных жестокостей: недоедание заключенных в лагерях, частые вспышки заболеваний, использование пленных в качестве дешевой рабочей силы и даже некоторые имена мест содержания пленных, устрашающе знакомые по опыту Второй мировой: Маутхаузен в Верхней Австрии, где находились итальянские военнопленные, или Терезиенштадт (Терезин) в Чехии, где томились пленные русские солдаты, а также австро-венгерские политические заключенные, в том числе убийца Франца-Фердинанда Гаврила Принцип. Однако имеем ли мы дело с чем-то большим, нежели просто внешнее сходство, вопрошал автор. Рассматривая Первую мировую войну как качественный скачок к пренебрежению человеческой жизнью, санкционированным государствами убийствам («промышленным убийствам») и несостоятельности международного права, А. Рахамимов не рискнул возложить ответственность за все эти негативные перемены исключительно на Россию. Сама по себе категория «лагерь для военнопленных» возникла здесь слишком поздно и так и осталась чем-то аморфным, не имеющим определенного лица, что, по мысли историка, превратило сравнения российского опыта Первой мировой войны с более поздним советским опытом в изначально некорректные. Больше того, условия содержания пленников в России часто не отличались от условий пастора русских войск, а смертность пленных составляла лишь малую долю той смертности, которая наблюдалась среди пленных Второй мировой войны в Германии или СССР. В случае же с офицерами неприятеля, имевшими возможность заниматься спортом, читать, изучать языки и т.д., и т.п., всякие попытки уравнивать условия российского плена с условиями сталинского ГУЛАГа или гитлеровского Равенсбрюка и вовсе бессмысленны. Использование

¹⁹⁸ См.: Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 78.

труда военнопленных, продолжил А. Рахамимов, отнюдь не являлось монополией России, где большая часть пленных иностранцев работала в условиях, аналогичных условиям местных рабочих, получив при этом возможность улучшить свой повседневный быт за счет заработка. Проблема же подрыва лояльности австро-венгерских военнопленных и их привлечения в антигабсбургские формирования волновала не столько официальные круги России, сколько национальные организации. Наконец, сам факт участия России в Стокгольмской конференции 1915–1916 гг. и подписания ею протокола об улучшении участи пленных свидетельствовал о вере российских властей в эффективность многосторонних международных соглашений и желании сохранить некоторую меру человеческого достоинства во время войны¹⁹⁹.

Ж. Котек и П. Ригуло, авторы историко-культурологического исследования «Век лагерей: Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний», охарактеризовав Великую европейскую войну с присущим ей «социальным озверением» как ключ к разгадке всей последующей истории пенитенциарных учреждений, и вовсе проигнорировали теорию прототипа как таковую. Утверждая, что Соловки и Дахау тоже родились в окопах Первой мировой, названные исследователи, правда, констатировали, что «связь между лагерем для военнопленных и для гражданских лиц очевидна». И далее: «Можно даже сказать, что возникшая между двумя мировыми конфликтами концентрационная система не могла бы появиться на свет без войны 1914–1918 годов и таких ее последствий, как Гражданская война в России»²⁰⁰. Более, однако, никаких отсылок к российскому историческому опыту начала XX в. — и опыту лагерей военнопленных Первой мировой войны в том числе — работа сотрудников Свободного университета и Института социальной истории в Брюсселе не содержала. Во многом это было связано с тем, что в предложенную Ж. Котеком и П. Ригуло типологизацию лагерей, основанную на типологизации их функций, российские лагеря для пленников Первой мировой войны просто «не

¹⁹⁹ См.: Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 79–82.

²⁰⁰ Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003. С. 26, 27.

вписались», «зависнув» где-то между лагерями для интернированных и собственно концентрационными лагерями. Равным же образом в случае с Россией начала XX в. непригодной оказалась и классификация лагерей Х. Арндт, дополненная авторами «Века лагерей...»²⁰¹.

Спор вокруг теории прототипа, очевидно, поспособствовал оживлению другой не менее актуальной для тематики плена дискуссии. Она, начавшись еще в 1970-е гг.²⁰², касалась преемственности в политике дискриминации российских/советских военнопленных в годы Первой и Второй мировых войн в Германии. Целый ряд авторов в этой связи утверждал, что отношение к русским и вообще славянским пленникам здесь резко контрастировало с отношением к французам или, скажем, британцам²⁰³. В пику этому мнению другие исследователи полагали, что традиционное высокомерие немцев по отношению к выходцам из Восточной Европы не отразилось на условиях их содержания в плену, а потому «сложно заключить, что политика Германии в области военного плена в годы Великой войны предвосхитила последующую политику нацистов»²⁰⁴. При этом сторонники той и другой точек зрения ссылались на одни и те же документальные свидетельства одних и тех же официальных лиц Германии, ставя тем самым под сомнение их авторитет. Как результат вектор научного поиска сместился в сторону сравнительного анализа иных источников и прежде всего той их части, которая касалась смертности. Она же, как показал, в частности, М. Шпорер (M. Spoerer), пропасти между славянами и не-славянами

²⁰¹ См.: Котек Ж., Ригуло П. Указ. соч. С. 14, 16, 17, 36, 37, 38.

²⁰² См.: Auerbach K. Die russischen Kriegsgefangenen in Deutschland: Diss. Potsdam, 1973; Eisner L. Ausländerbeschäftigung und Zwangsarbeitspolitik in Deutschland während des Ersten Weltkrieges // Auswanderer, Wanderarbeiter, Gastarbeiter. Vol. 2. Ostfildern, 1984. P. 527–557; Zunkel F. Die ausländischen Arbeiter in der deutschen Kriegswirtschaftspolitik des 1. Weltkrieges // Entstehung und Wandel der modernen Gesellschaft. Berlin, 1970. S. 280–311.

²⁰³ См.: Overmans R. Kriegsgefangenschaft in der Geschichte // Kriegsgefangenschaft im Zweiten Weltkrieg. Tarnitz-Pottschach, 1999. S. 1–19; Thiel J. Forced labour, deportation and recruitment: the German Reich and Belgian labourers during the First World War // Une guerre totale? La Belgique dans la Première Guerre Mondiale: nouvelles tendances de la recherche historique. Brussels, 2005. P. 235–245; Vance J. World War I: Western Front // Encyclopedia of Prisoners of War and Internment. Santa Barbara, 2000. P. 326–329; и др.

²⁰⁴ Speed R.B., III. Op. cit. P. 79. См. также: Smith L., Audoin-Rouzeau S., Becker A. France and the Great War, 1914–1918. Cambridge, 2003.

не обнаруживала, если, конечно же, оперировать более строгими цифрами, нежели одни только кумулятивные показатели²⁰⁵. Учитывая при подсчетах длительность содержания в плену, а также годовые различия в гибели военнопленных, историк резюмировал, что пленники из России умирали в Германии не многим чаще, чем все остальные. Локальные же по своему характеру отклонения от общей нормы смертности, по мысли М. Шпорера, с лихвой компенсировались тем, что россияне имели значительно больше шансов, чем другие, оказаться на сельскохозяйственных фермах, где условия труда и обеспечения были наиболее благоприятными. Согласно М. Шпореру, анти-славянский «расизм» вообще был куда более актуален для российских Прибалтики и Польши, жители которых в полной мере вкусили все прелести колониального отношения немецких оккупационных властей к местному населению. Ещё меньше повезло депортированным в Германию гражданам Бельгии, применительно к которым вполне позволительно говорить не только о статистике умирания, но и о статистике вымирания.

Дискуссионный запал и интерконтекстуальный характер, присущие западной историографии российского плена, не стали, однако, гарантией её равновесного развития. Неожиданно и неоправданно много места в работах зарубежных историков заняла тема гуманитарных миссий из-за рубежа, которые рисовались как спасательные экспедиции, сыгравшие едва ли не решающую роль в сбережении жизней сотен тысяч военнопленных²⁰⁶. Проблема селективной национальной политики в политике российского плена в целом также оказалась раздута, что, однако, не помешало зарубежным авторам отметить противоречивость избранного российскими властями курса на «этнизацию» плена²⁰⁷. Остается загадкой и то, почему территория российского плена для

²⁰⁵ См.: Spoerer M. The Mortality of Allied Prisoners of War and Belgian Civilian Deportees in German Custody during the First World War: A Reappraisal of the Effects of Forced Labour // *Population Studies*. Vol. 60. № 2 (Jul., 2006). P. 121–136.

²⁰⁶ См., напр.: Нахтигаль Р. Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // *Опыт мировых войн в истории России: сб. статей*. Челябинск, 2007. С. 83–94.

²⁰⁷ См., напр.: Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 115.

большинства его зарубежных исследователей осталась тождественна территории лагеря/лагерей, тогда как «залагерные» области плена приобрели статус малозначительной периферии. Во многом эта практика, связанная, вероятно, с европейской традицией изучения отдельных лагерей пленных Первой мировой войны²⁰⁸, объясняет и весьма поверхностный интерес западных специалистов к трудоустройству пленных иностранцев в России, обернувшийся — как следствие — весьма поверхностными и парадоксальными выводами. К ним, в частности, относится убеждение в том, что пленные в России только с весны 1916 г. использовались на работах, связанных с войной²⁰⁹, тогда как на самом деле довод о стратегическом значении того или иного предприятия дал многим из них, выпускавшим снаряды и взрыватели, шанцевый инструмент и оружейную сталь, мины и шрапнели, колючую проволоку и полевые кухни²¹⁰, возможность «обзавестись» иностранными рабочими уже весной 1915 г.

В любом случае при всей несимметричности сформированных отечественной и зарубежной историографиями топосов российского плена 1914–1922 гг., они вполне могут рассматриваться в модусе единого. При этом в роли интегрирующего фактора для различных реконструкций (или деконструкций) плена может выступать не только их конкурентно-полемический характер, требующий продолжения конкретно-исторических изысканий и обновления концептуальной рамки исследования. В ретроспективной конфигурации образов российского плена безошибочно угадываются их различные иерархии, основанные в свою очередь на различном понимании приоритетности тех или иных аспектов исследуемой темы отечественными и зарубежными

²⁰⁸ См., напр.: Höp G. *Muslimen in der Mark. Als das Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924.* Berlin, 1997; *Ingolstadt im Ersten Weltkrieg, das Kriegsgefangenenlager: Entdeckung eines Stückes europäischer Geschichte.* Ingolstadt, 1999; Koh R. *Im Hinterhof des Krieges. Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg.* Klosterneuburg, 2002; Otte K. *Das Lager Soltau. Das Kriegsgefangenen- und Interniertenlager des Ersten Weltkriegs (1914–1921).* Geschichte und Geschichten. Soltau, 1999; Peter A. *Das «Russenslager» in Guben.* Potsdam, 1998; Treffer G. *Die ehrenwerten Ausbrecher. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt im Ersten Weltkrieg.* Regensburg, 1990; Wiesenhofer F. *Gefangen unter Habsburgs Krone. K.u.k. Kriegsgefangenenlager im Erlaufthal. Purgstall,* 1998; и др.

²⁰⁹ См., напр.: Nachtigal R. *Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918.* S. 24.

²¹⁰ См. подробнее: Сигов С.П. *Указ. соч.* С. 267–268.

специалистами. В ситуации, когда предпочтения первых не обязательны для вторых, и наоборот, складывание дуалистичных версий плена следует признать безусловно закономерным, что, однако, не отменяет задачи их примирения.

1.2. Источники изучения плена и их специфика

При характеристике источниковой базы того или иного исследования традиционным является их подразделение на опубликованные и неопубликованные. Однако такой подход мало что говорит о специфике используемых документов, требуя иных критериев их градации. Осуществленная либо исключительно по объекту их создания, либо исключительно по способу фиксирования информации, либо исключительно по их функциональному назначению, она также не может считаться убедительной. Стоит ли удивляться, что в наиболее авторитетной стратегии рационализации разнообразия письменных источников, известной как видовая классификация И.Д. Ковальченко, одновременно использовано несколько критериев их дифференциации²¹¹.

Унифицирующая особенности самых разных документов видовая классификация источников применительно к ретроспективному исследованию предполагает выделение таких групп свидетельств прошлого, как:

- источники международного права;
- законодательные и подзаконные акты;
- делопроизводственные документы;
- периодическая печать и продолжающиеся издания;
- источники личного происхождения.

Задачи настоящего исследования, однако, требуют несколько большего, чем рутинное воспроизводство привычной схемы классификации источников. Как представляется, в случае с синтезом и анализом массива источников по истории плена весьма полезным будет обращение к коммуникационной теории

²¹¹ См. об этом: Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: К постановке проблемы // История СССР. 1982. № 3. С. 129–148.

документа²¹². В соответствии с ней вербальный источник выступает не только в качестве коммуниката (сообщения) и тем самым обнаруживает свою информационную наполненность, но и служит каналом (формой канала) коммуникации. Такой подход к документу позволяет оценить и использовать не только его фактологический потенциал, но и очертить круг тех коммуникантов и реципиентов, которые посредством прямой или опосредованной связи между собой конструировали, структурировали, трансформировали, цементировали — одним словом, создавали пространство плена как таковое.

Контуры этого пространства в самом общем виде определялись *источниками международного права*. Они, представленные конвенциями о защите жертв войны, международными договорами и дипломатической перепиской, в большинстве своём уже опубликованы. Эти документы прежде всего показывают, как плен интерпретировался на наднациональном уровне, а также кто и что влияло на моделирование его ситуативных интерпретаций. Источники ретроспективного блока при этом не отличаются однородностью ни по форме, ни по содержанию. Их современная спецификация предполагает разграничение на основные (первичные), вторичные (производные) и вспомогательные и, как представляется, вполне применима и к международно-правовым реалиям начала XX в.²¹³ Так, к первой из названных групп, объединяющей международные договоры, международно-правовые обычаи и общие принципы международного права, вполне позволительно причислить IV Гаагскую конвенцию (О законах и обычаях сухопутной войны) от 18 октября 1907 г.²¹⁴ Являя собой типичный образец права с высокой степенью компетенции, она лишь очерчивала общие принципы «цивилизованной» политики плена и явно требовала от субъектов международных правоотношений выработки особых механизмов имплементации

²¹² См. об этом: Швецова-Водка Г.Н. Документ в свете ноокоммуникологии: науч.-практ. пособие. М., 2010.

²¹³ См. об этом, напр.: Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2009.

²¹⁴ См.: IV Гаагская конвенция (О законах и обычаях сухопутной войны) от 18 октября 1907 г. Приложение о законах и обычаях сухопутной войны. Отдел I: О воюющих. Гл. II: О военнопленных // Альбат Г.П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. (Всероссийский Земский Союз. Изд. Главного комитета). М., 1917. С. 15–32.

заданных в документе гуманитарных норм. Этим конвенция действительно не отличалась от своих жанровых аналогов, вместе с тем будучи безусловным явлением для международного гуманитарного права. Несмотря на то, что она буквально дословно повторяла нормы, заложенные еще в Брюссельской декларации 1874 г., Гаагская конвенция 1907 г. способствовала укоренению идеи унификации плена, универсализации логик, практик и институтов, порожденных им. С одной стороны, легитимируя лагерность плена²¹⁵ и принудительный труд²¹⁶, а с другой — требуя от государств пленения соблюдения прав пленных на сохранение жизни и здоровья²¹⁷, отправление религиозных обрядов²¹⁸, обмен корреспонденцией²¹⁹ и пр., конвенция объективировала тот факт, что индексы свободы/несвободы в начале XX в. отличались не только степенным, количественным разнообразием, но и ранжировались экзистенциально, сущностно. При этом, будучи и в прямом, и в переносном смысле формальным источником права, конвенция была настолько декларативной, не говоря уже о необязательности ее выполнения, что быстро превратилась из нормативного источника в источник нормативного языка, фигуры которого использовались различными странами — участницами Первой мировой войны для встраивания в общую для своего времени риторику гуманного отношения к жертвам войны.

Среди прочих источников международного права к отдельной разновидности рационально отнести межправительственные соглашения, договоры и решения, а также резолюции и протоколы международных межправительственных организаций. Список этих, так называемых вторичных (производных) документов применительно к российскому плену Первой мировой войны весьма пространен, но вместе с тем мало заполнен публикациями. Проблема в том, что большая часть источников названной группы за период с 1914 г. по 1917 г. никогда не только не

²¹⁵ См.: Приложение о законах и обычаях сухопутной войны. Отдел I: О воюющих. Гл. II: О военнопленных // Альбат Г.П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. Ст. V. С. 24.

²¹⁶ См.: Там же. Ст. VI. С. 24.

²¹⁷ См.: Там же. Ст. IV, VII. С. 24.

²¹⁸ См.: Там же. Ст. XVIII, XIX. С. 26.

²¹⁹ См.: Там же. Ст. XIV. С. 25.

издавалась в России, но даже не переводилась на русский язык. В этом смысле повезло, пожалуй, только Заключительному протоколу Совещания уполномоченных Обществ Красного Креста Германии, Австро-Венгрии и России, состоявшегося под покровительством Его Королевского Высочества Принца Карла Шведского, Председателя Шведского Общества Красного Креста от 1 декабря 1915 г.²²⁰ Другие же аналогичные документы — соглашение, достигнутое по итогам второго аналогичного совещания 13 мая 1916 г.²²¹ и «протокол закрытия» прошедшей в октябре–ноябре 1917 г. в Копенгагене конференции представителей немецкой, австрийской, датской, венгерской, румынской, русской и шведской делегаций Красного Креста и Красного Полумесяца под председательством Его Королевского Высочества, Принца Вальдемара Датского²²² — известны специалистам, причем немногим, только по зарубежным изданиям. Та же участь постигла двухсторонние и трехсторонние соглашения государств пленения, среди которых были договор России с Германией о размерах содержания, выплачиваемого пленным офицерам, о размене денег, о перевозке на родину тел умерших в плену, об улучшении положения некоторых категорий нижних чинов унтер-офицерского звания; с Австрией — о неотбирании ценностей и денег при взятии в плен, о наказаниях за побег; с Турцией — о порядке обмена списками военнопленных и умерших в плену; с Германией и Австро-Венгрией — о прогулке под честное слово,

²²⁰ См.: Заключительный протокол Совещания уполномоченных Обществ Красного Креста Германии, Австро-Венгрии и России, состоявшегося под покровительством Его Королевского Высочества Принца Карла Шведского, Председателя Шведского Общества Красного Креста, 1 дек. 1915 г. // Правительственный вестн. 1916. 1 янв.

²²¹ См.: Seconde réunion des Croix-Rouges allemande, austro-hongroise et russe à Stockholm // Bulletin International des Sociétés de la Croix-Rouge. 1916. Juli. P. 363–366.

²²² См.: Conférence des représentants d'Allemagne, d'Autriche-Hongrie, du Roumanie, de Russie, de Turquie et des Sociétés de la Croix Rouge allemande, autrichienne, danoise, hongroise, roumaine, russe et suédoise et du Croissant Rouge ottoman sous la présidence d'Honneur de son Altesse Royale, le Prince Valdemar de Danemark à Copenhague, Octobre-Novembre 1917: Procès-Verbal et Protocol de Clôture. Copenhagen, 1917.

о вычетах за мебель, о принудительном труде унтер-офицеров, охране воинских могил и многие др.²²³

Очевидно, что назначение этих документов состояло в более детальной регламентации общих — в значительной степени «стерильных» — норм права, явно не отражавших всей широты того круга проблем, которые были обозначены пленом. Больше того, прагматика этих источников позволяет иерархизировать названные проблемы по степени их значимости и выявить логику и механизмы их разрешения. Наиболее показательными при этом, бесспорно, являются не казуальные, разовые узкоспециальные договоренности, а такие документы, как Стокгольмские и Копенгагенская конвенции. Посредством их анализа текстуально устанавливается, что на повестку дня плен выдвинул — и заставил решить — в первую очередь такие вопросы, как: связь пленников с родиной посредством организации информационной службы (ст. 2, 3, 4 и 5 Стокгольмского протокола от 1 декабря 1915 г.), систематический обмен корреспонденцией путем поддержания минимального числа цензоров (ст. 7, там же; ст. 7 Стокгольмской резолюции от 13 мая 1916 г.), медицинская помощь и привлечение к ней врачей из числа пленных (ст. 10 Стокгольмского протокола от 1 декабря 1915 г.; ч. IV, разд. IV, ст. 1–4 Копенгагенского протокола от 2 ноября 1917 г.), представительство пленных в лагерях и создание с этой целью лагерных комитетов (ст. 12, п. «з» Стокгольмского протокола от 1 декабря 1915 г.; то же Стокгольмской резолюции от 13 мая 1916 г.; ч. IV, разд. VII, ст. 1–2 Копенгагенского протокола от 2 ноября 1917 г.), обеспечение минимальных требований гигиены за счет устройства оборудованных умывальников и отхожих мест (ст. 12, п. «д» Стокгольмского протокола от 1 декабря 1915 г.), гарантии соблюдения международных договоренностей и учреждение в этой связи смешанных комиссий (ст. 13, там же; то же Стокгольмской резолюции от 13 мая 1916 г.), облегчение участи раненых и больных военнопленных и их организованная репатриация (ч. I, ст. 1 Копенгагенского протокола от 2 ноября

²²³ Обзор деятельности Отдела военнопленных МИД, 23 февр. 1917 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сб. документов. Тула, 2014. С. 651–653.

1917 г.), отправление религиозных обрядов и оборудование для этого специально отведенных мест (ч. IV, разд. VI, ст. 1–4, там же), порядок наказания за проступки и подсудность дел о военнопленных (ч. IV, разд. VIII, ст. 1–5, там же), возможность подачи жалоб и гарантия их рассмотрения (ч. IV, разд. IX, ст. 1–2, там же), условия труда военнопленных и размеры его оплаты (ч. IV, разд. XII, ст. 1–10, там же), прием правительственных и краснокрестных делегаций из нейтральных стран на основе взаимности (ч. VIII, там же).

Примечательно, что компромиссы советской дипломатии 1917–1922 гг., будучи доступными исследователям благодаря многотомнику «Документы внешней политики СССР» (М., 1958–2000)²²⁴, посвящены совсем иной тематике.

²²⁴ Договор о перемирии между Россией, с одной стороны, и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией, с другой стороны, заключенный в Брест-Литовске 2 дек. 1917 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 1. С. 47–51; Добавление к договору о перемирии 2 дек. 1917 г. // Там же. С. 52; Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией, с другой стороны, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 119–124; Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 166–183; Русско-Австро-Венгерский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 183–195; Русско-Болгарский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 195–198; Русско-Турецкий Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 199–204; Соглашение между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой стороны, о возвращении на родину раненых или больных военнопленных, 25 янв. 1918 г. // Там же. С. 639–643; Соглашение между РСФСР и Австро-Венгрией об отправке на родину здоровых военнопленных, 3 июня 1918 г. // Там же. С. 678–679; Русско-германский протокол об основных положениях для взаимного обмена пригодных к службе военнопленных, 24 июня 1918 г. // Там же. С. 679–680; Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц обеих сторон, 19 апр. 1920 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 459–462; Соглашение между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Венгрии — с другой, о возвращении на родину военнопленных, 21 мая 1920 г. // Там же. С. 539–541; Договор между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Австрийской Республики — с другой, 15 июля 1920 г. (о возвращении пленных) // Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 12–13; Дополнительное соглашение между РСФСР и Германией о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных, 7 июля 1920 г. // Там же. С. 14–16; Договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Венгрией — с другой, об обмене военнопленных и интернированных гражданских лиц, 28 июля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. 4. С. 242–243; Соглашение РСФСР и УССР с Латвией и Венгрией относительно содействия Латвийского Правительства при осуществлении Советско-Венгерского договора от 28 июля 1921 г., 8 окт. 1921 г. // Там же. С. 396–399; Дополнительное соглашение к

В массе своей они — хотя и не все²²⁵ — были связаны с решением задач определения послевоенного статуса военнопленных, а также их репатриации. Последняя, пожалуй, породила самый глубокий перечень документов «согласительно-договорного жанра», отразив процесс трансформации самих принципов обмена пленников («голова за голову» → «эшелон за эшелон» → «всех на всех»), его приоритеты (сначала больные и лишь затем все остальные) и основные фазы (1918 г., 1920 г., 1921–1922 гг., после 1922 г.). Интенсивность принятия этих документов, их бесконечное «подновление» и пополнение продемонстрировали, что репатриация, как, впрочем, и иные вызовы плена, не предполагала простых однозначных решений.

В еще большей степени это справедливо применительно к дипломатической переписке, принадлежащей к разряду вспомогательных источников²²⁶. Если

заключенному 19 апреля 1920 года Соглашению между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германской Империей о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных обеих стран, 6 мая 1921 г. // Там же. С. 105–109; Конвенция между РСФСР и Турцией о репатриации, 28 марта 1921 г. // Там же. С. 32–34; Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германией, 22 апреля 1922 г. (об отказе от возмещения расходов на военнопленных) // Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. С. 223–224; и др.

²²⁵ См., напр.: Постановления объединенного совещания представителей НКИДа Российской Республики, Германской и Австро-Венгерской делегаций в Петрограде, Шведской и Датской королевских миссий по вопросу об оказании материальной, медицинской, и духовной помощи военнопленным на Урале от 28 янв. 1918 г. (Государственный архив в г. Шадринске (ГАС). Ф. р-589. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–23).

²²⁶ См.: Донесение Американского генерального консула в г. Москве на имя Американского поверенного в делах в г. Петрограде от 15 окт. 1914 г. (о положении гражданских пленных в Вологодской, Вятской, Симбирской, Казанской и Оренбургской губерниях) (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 10. Д. 905. Л. 12–13; Нота МИД посольству США в России от 7 февр. 1915 г. (о посещении представителем американского посольства пунктов постоянного размещения военнопленных германской и австрийской армий) // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 483; Нота МИД посольству США в России от 30 апр. 1915 г. (касательно упорядочения некоторых вопросов, относящихся до быта военнопленных и военнообязанных) // Там же. С. 490–491; Нота МИД посольству США в России от 13 февр. 1916 г. (касательно положения военнопленных в России) // Там же. С. 563–564; Копия телеграммы товарища министра иностранных дел посланнику в Норвегии от 25 сент. 1916 г. (об отказе от интернирования пленных в нейтральных странах) // Там же. С. 613; Меморандум Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири по поводу сообщений о вооружении германских военнопленных в Сибири, 2 апр. 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 222–223; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел Министерству Иностранных Дел Австро-Венгрии, 25 апр. 1918 г. (о расстрелах военнопленных) // Там же. С. 264; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел Министерству Иностранных Дел Австро-Венгрии, 30 апр. 1918 г. (об обмене комиссиями

первичные и вторичные источники международного права носили преимущественно конвенциональный характер, то эта группа документов, заключая в себе главным образом так называемые ноты, зафиксировала прежде всего конфликтогенность дипломатии плена, множественные дисконсенсусы и даже разрывы в его понимании различными субъектами международно-правовых отношений. Кроме того, именно эти документы оказались гораздо заметнее, нежели иные источники международного права, сориентированы на отражение практической стороны плена, а вместе с нею и на отражение того факта, что пленные все более и более превращались в средство политического шантажа противников. В полном объеме такого свойства прагматизацию плена экспонирует дипломатическая переписка советского периода, в которой угрозы ухудшения положения узников войны и приостановки репатриации стали едва ли не главным оружием, использовавшимся в межгосударственных спорах. Стоит ли удивляться, что пик создания документов такого содержания пришелся на 1919 г., — год, когда Советская Россия оказалась перед лицом неформального антибольшевистского союза, объединившего государства, еще недавно, в годы

по делам военнопленных) // Там же. С. 277; Нота Полномочного Представительства РСФСР в Германии Министерству Иностранных Дел, 24 июля 1918 г. (о захвате антибольшевистскими силами 1000 немецких пленнх в Ярославле и их передаче Германской комиссии № 4) // Там же. С. 408; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Германии, 5 авг. 1919 г. (протест против отправки русских пленнх через Польшу) // Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 233–234; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Германии, 22 авг. 1919 г. (о пропаганде среди русских военнопленнх) // Там же. С. 237; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Германии, 27 авг. 1919 г. (протест против вербовки русских пленнх в белогвардейские банды) // Там же. С. 238; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Германии, 9 окт. 1919 г. (протест против пропаганды среди русских военнопленнх) // Там же. С. 259–260; Нота Правительства РСФСР Правительствам Франции, Великобритании, США и Японии, 28 нояб. 1919 г. (протест против создания в Берлине межсоюзнической комиссии для возвращения на родину русских военнопленнх) // Там же. С. 296–297; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Германии, 29 дек. 1919 г. (протест против перевозки пленнх в районы, контролируемые Деникиным) // Там же. С. 316; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Австрии, 13 июня 1920 г. (о возможных репрессиях против пленнх в связи с помощью Австрии Польше) // Там же. С. 568; Нота члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Греции Венизелосу, 28 марта 1921 г. (о возвращении греков на родину) // Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 35; Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Послу Персии в РСФСР Мошавер-оль-Мемалеку, 19 июля 1921 г. (о репатриации персов) // Там же. С. 226; и многие др.

Первой мировой войны, казавшиеся непримиримыми военно-политическими соперниками.

Завершая характеристику источников международного права, следует признать, что в теории наблюдалось «замечательное единодушие относительно положения лиц, которые подверглись военному плену»²²⁷. Однако Первая мировая войны самым откровенным образом обнажила тот факт, что «представления о человеколюбивом отношении к военнопленным были весьма субъективны и разнообразны», почему «взаимные пререкания всех воевавших стран по поводу содержания военнопленных были разнообразны до бесконечности»²²⁸. В этой связи не будет преувеличением сказать, что участники межстранового диалога ограничивалось лишь «премодерацией» норм плена, жизненность которых напрямую зависела отнюдь не от воли дипломатов.

Обозначенная выше проблема являла собой объективную данность, не могущую не возникнуть по той простой причине, что разнонациональные представления о плене не отличались тождественностью. В России, как и везде, их имплементация осуществлялась посредством выработки соответствующих норм *внутреннего законодательства*, что закрепляло за законодателем особую роль в истории плена. Именно фигура законодателя, а точнее сказать, масштабы этой фигуры являются, очевидно, оптимальным признаком идентификации касавшихся плена законотворческих актов. Доказать это нетрудно. Так, в соответствии с теорией права начала XX в., остававшейся актуальной даже в условиях правового нигилизма конца 1910-х — начала 1920-х гг., российское законодательство по своему содержанию подразделялось на: «1) Законы основные или конституционные и законы обыкновенные. Разница состоит в том, что основные законы определяют главные черты государственного строя, отличающие его от строя других стран, а законы обыкновенные регулируют жизнь государства в пределах, установленных основными законами... 2) Законы

²²⁷ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2-х т. Т. 2. М., 2008. С. 212.

²²⁸ Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. (Труды Военно-исторической комиссии). М., 1920. С. 54, 55.

общие и особенные. Общими законами называются те, которые действуют на всем пространстве государства и применяются ко всему населению. Особенности касаются известной местности — местные законы — или же известной части населения — сословные законы»²²⁹. Не возможно, однако, не заметить, что в этой схеме законодательство плена просто «растворяется», утрачивая свойственные ему специфические черты. В более современной градации, секвестрированной до дихотомии основных (конституционных) и обычных (обыкновенных) законодательных установлений, законодательство плена, очевидно, следует отнести ко второй группе, которая, однако, также остается слишком общей для понимания особенностей правового хозяйства, сформированного пленом. Произвести его ревизию, основываясь на таком признаке, как действие нормативно-правовых актов во времени, не менее проблематично, ведь в перечне постоянных, временных и чрезвычайных законодательных норм нормы плена окажутся где-то между двумя последними. В субъектно ориентированной системе ранжирования законодательных актов на общие, специальные и исключительные, праву плена снова не найдется определенного места, так как в целом ряде случаев оно, с одной стороны, затрагивало не только пленных²³⁰, а с другой — далеко не всех пленных²³¹.

Логика функциональной взаимосвязи различных этажей власти подсказывает, что представленные собственно законами²³², а также всевозможными положениями²³³, правилами²³⁴, декретами²³⁵, наказами

²²⁹ Хвостов В.М. Общая история права: Элементарный очерк. М., 1905. С. 133–134.

²³⁰ См., напр.: Циркуляр Министерства торговли и промышленности № 1221 от 16 февраля 1917 г. о том, как поступать с пленными, неповиновущимися или отказывающимися от работ (Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 41. Л. 7).

²³¹ См., напр.: Правила, устанавливающие особые льготы для пленнх чехов, словаков и поляков (утверждены Военным министром 30 июня 1917 г.) (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 232. Л. 30–31; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 58–58 об.)

²³² См., напр.: Одобренный Государственным Советом и Государственною Думою Закон о мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов от крупного рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят // Земская неделя (Казань). 1916. 31 июля. С. 9–10.

²³³ См., напр.: Высочайше утвержденное Положение о военнопленных от 7 октября 1914 г. // Альбат Г.П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. С. 45–57.

²³⁴ См., напр.: Правила 7 октября 1914 г. о порядке предоставления военнопленных, для исполнения казенных и общественных работ, в распоряжение заинтересованных в том ведомств

(инструкциями)²³⁶, циркулярами²³⁷, постановлениями²³⁸, приказами²³⁹,

// Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. 29 мая. № 150. Ст. 1162; Правила 10 октября 1914 г. о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами // Там же. 1915. 29 мая. № 150. Ст. 1162; Правила 28 февраля 1915 г. об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы // Там же. 1915. 12 марта. № 83. Ст. 715; Правила 17 марта 1915 г. об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях // Там же. 1915. 25 мая. № 150. Ст. 1162; и т.п.

²³⁵ См., напр.: Декрет СНК от 23 апреля 1918 г. об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев // Декреты Советской власти. Т. II: 18 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 166–167.

²³⁶ См., напр.: Инструкция МВД от 23 июня 1915 г. об употреблении оружия десятниками и сторожами, коим поручен надзор за военнопленными, отпущенными на работы (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 206–206 об.); Наказ Пермского губернского комиссара от 22 июля 1917 г. о содержании военнопленных, находящихся на работах у частных лиц и в учреждениях Пермской губернии (ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 94–98 об.), Инструкция Центропленбежа от 17 июня 1918 г. лицам, назначенным для окарауливания военнопленных в лагерях, эвакуационных пунктах и на разного рода работах // Изв. Центропленбежа. 1918. 7 июля; Инструкция НКИДа о выдаче видов на жительство иностранным гражданам № 53 от 14 февраля 1921 г. (ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 3527. Л. 3–8); и др.

²³⁷ См., напр.: Циркуляр МВД № 30298 от 30 июля 1915 г. о мерах дисциплинарного воздействия на военнопленных (ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 216); Циркуляр МВД № 34150 23 октября 1915 г. о раздельном содержании пленных славян от мадьяр и немцев (ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 73. Д. 334. Л. 5); Циркуляр Министерства торговли и промышленности № 2383 от 27 июня 1916 г. о порядке содержания и мерах воздействия на военнопленных (ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 499–500); Циркуляр Министерства торговли и промышленности № 3183 от 3 июня 1917 г. об организации особых команд из числа бежавших из неприятельского плена офицеров и солдат, а также из инвалидов в целях улучшения надзора за военнопленными (ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1113. Л. 2); и мн. др.

²³⁸ См., напр.: Обязательное постановление от 28 июля 1915 г., изданное Главным начальствующим по чрезвычайной охране, Пермским Губернатором, на основании ст. ст. 15 и 26 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, о военнопленных, сданных на сельскохозяйственные работы в пределах Пермской губернии (ГАСО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 252); Постановление Областного Совета Рабоче-крестьянских и Солдатских Депутатов Урала от 11 марта 1918 г. о военнопленных (ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 39); Постановление СНК от 20 мая 1918 г. об утверждении соглашения 13 февраля 1918 г. между представителями Австро-Венгрии и России о введении в действие Копенгагенского протокола от 2 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. II. С. 600; Постановление Временного Сибирского правительства от 29 июля 1918 г. об утверждении Правил от порядке содержания военнопленных на территории Сибири и об отпуске их на работы и Положения об особых междуведомственных комиссий по распределению военнопленных на работы // Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 17 авг. № 6; Постановление НКИДа о прекращении отправки на родину австрийских пленных из Трансильвании, Буковины и Баната от 29 декабря 1921 г. (ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–21); и др.

²³⁹ См., напр.: Приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего № 613 от 26 сентября 1917 г. (о формировании Чешско-Словацкого корпуса) (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 334. Л. 28–28 об.); Приказ по Казанскому военному округу № 1038 от 21 ноября 1917 г. (об избиении чехов немцами и мадьярами) // Приказы по Казанскому военному округу. Казань, 1917. С. 1530; Приказ Центропленбежа № 38 от 17 июня 1918 г. (об установлении должного порядка в деле

решениями²⁴⁰ и другими схожими документами, нормотворческие акты плодотворнее всего стратифицировать сообразно иерархии органов власти, традиционно подразделяемых на высшие, центральные и местные. При этом первые, кто бы их ни олицетворял — Государь император, Государственная Дума, Государственный Совет, Временное правительство, Верховный правитель России, Совет народных комиссаров и пр., — отметились лишь несколькими документами, посвященными плену. Исключением из этого правила не стал даже отличавшийся невиданным динамизмом законотворчества советский период, ознаменованный появлением уже в 1917–1921 гг. порядка 3 тыс. соответствующих документов²⁴¹.

Самым показательным в числе законодательных источников, созданных высшими органами власти, за время с 1914 г. по 1922 г. стало Положение о военнопленных от 7 октября 1914 г., воплотившее в себе главный недостаток всех последующих законодательных актов высших органов власти. Нося принудительный характер, такого рода документы абсолютизировали норму закона, но при этом недооценивали практику ее реализации. В этой связи репрезентативность законодательства, вышедшего из высших эшелонов власти, не стоит переоценивать, поскольку оно, экспонируя некую идеальную модель плена, было серьёзно оторвано от его реальных воплощений. Это во многом отразила правоприменительная практика, быстро обнаружившая, что буква закона в целом ряде случаев явно требует своей коррекции. Именно поэтому Положение о военнопленных от 7 октября 1914 г. было поправлено как минимум дважды — 8 марта 1915 г. и 10 июля 1916 г.²⁴² Правила 28 февраля 1915 г. об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы подверглись ревизии 22 апреля

содержания военнопленных) // Изв. Центропленбежа. 1918. 7 июля; Приказ Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России за № 17 от 22 октября 1918 г. (об эвакуации из прифронтового района всех военнопленных) (ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 822); Приказ НКВД от 5 января 1922 г. № 767 (о ликвидации местных органов Центрэвака) (ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 7. Л. 28–36); и др.

²⁴⁰ См., напр.: Решение совещания губернаторов центральных губерний, май–июнь 1916 г. // Красный архив: Исторический журнал. 1929. Т. 2(33). С. 156–157.

²⁴¹ См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 91.

²⁴² См.: Альбат Г.П. Указ. соч. С. 58, 74.

1915 г. и 1 июля 1915 г.²⁴³ Правила 17 марта 1915 г. об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях переписывались и вовсе трижды, что отразили уточнения к ним от 23 июня и 18 августа 1915 г., а также 20 апреля 1916 г.²⁴⁴ Декрет СНК от 23 апреля 1918 г. об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев пришлось дополнить менее чем через пару месяцев после его издания — уже 21 июня 1918 г.²⁴⁵ Правила Временного Сибирского правительства от 29 июля 1918 г. о порядке содержания военнопленных на территории Сибири и об отпуске их на работы были серьезно изменены 15 мая 1919 г. с указанием на то, что более раннее предписание оказалось «мало приложимым к жизни и породило целый ряд вопросов, требующих более детальной разработки»²⁴⁶. В случае с законодательными актами высших органов власти такое положение вещей, однако, имело место не только применительно к плену, поскольку любой закон, «каким бы обстоятельным он ни был, остается, как правило, декларацией принципов и намерений, а его практическое осуществление обеспечивается подзаконными актами»²⁴⁷.

Разработку и принятие подзаконных актов, ставших основным инструментом разрешения заданных пленом вопросов, взяли на себя центральные органы власти, тем самым приняв своеобразную эстафету от высших органов власти. При этом в плане количественном законы и подзаконные акты разделяла настоящая пропасть, обусловленная безоговорочным превалированием числа вторых над первыми. Как следствие множественные подзаконные акты, представленные бесчисленными циркулярами, постановлениями, приказами, распоряжениями и их аналогами, явно не относились к документам, которые сложились и существовали «как автономные документальные системы, не требующие искусственного

²⁴³ Альбат Г.П. Указ. соч. С. 60, 61.

²⁴⁴ См.: ГА РФ. Ф. 102, 2-ее делопроизводство. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 247–248; ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 41. 8–10 об.

²⁴⁵ См.: Декреты Советской власти. Т. I: 18 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 462–463.

²⁴⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 200. Л. 305. См. также: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 191. Л. 5–7 об. Д. 193. Л. 26; ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 209, 209 об., 806.

²⁴⁷ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. С. 72.

вычленения в исследовательских целях из общего массива источников»²⁴⁸. Между тем, где бы они ни были выявлены в ходе настоящего исследования — будь то Российский государственный военный архив, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив, Российский государственный военно-исторический архив, Государственные архивы Пермского края, Свердловской и Челябинской областей, Центр документации общественных организаций Свердловской области и др., — подзаконные акты демонстрировали явное отличие от актов собственно законодательных не только своей преимущественной принадлежностью к неопубликованным источникам. Тогда как имевшие силу закона документы постатейно постулировали норму плена, подзаконные акты предполагали пространное описание казуса, потребовавшего дополнения консервативной нормы, и только затем резолютивную — в данном случае постановляющую — часть. Это безусловно сближало — и сближает — подзаконные акты с управленческими документами делопроизводственного жанра, что, однако, не должно вводить в заблуждение. В отличие от административного делопроизводства, имевшего ограниченный радиус действия, подзаконные акты отличал их общенормативный, общеобязательный статус. Он детерминировался тем фактом, что подзаконные акты являлись в массе своей продуктами министерско-ведомственного нормотворчества, которым в досоветский период активно занимались Главное управление Генерального Штаба, Военный совет, Верховный начальник санитарной и эвакуационной части, Министерство внутренних дел, Министерство торговли и промышленности, Министерство земледелия, Святейший Правительствующий Синод, всевозможные междуведомственные комиссии, особые совещания и пр. В советский период роль законодателя практически узурпировал подведомственный Наркомату внутренних дел Центропланбеж/Центроэвак, изредка делившийся этой привилегией с Наркоматом труда, Наркоматом здравоохранения и другими ведомствами. Все это позволяет аттестовать подзаконные акты, связанные с пленом, как делегированное

²⁴⁸ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. С. 75.

законодательство, предполагающее добровольную передачу части функций законодателя его контрагентам²⁴⁹. При этом, решая благородную задачу превратить созданные высшими органами власти рамочные законы в наиболее действенные, эти контрагенты могли способствовать — и способствовали — коррозии права и тем самым превращали пространство плена во все более и более гетерогенное (см. об этом гл. 3.3).

На инвариантную интерпретацию национального законодательства плена работали, однако, не только министерско-ведомственные установления. Тот же эффект часто имели и подзаконные акты локального характера, принимавшиеся по инициативе региональных и местных властей. В основном эти документы — постановления губернатора или губернского комиссара, начальника Пермской местной бригады или губернского земского собрания, главного начальника Уральского края или заведывающего военнопленными Уральской области, областного Совета депутатов или губернского отдела Управления при губисполкоме, и т.д., и т.п. — играли роль передаточного механизма, транслируя на места нормы плена, санкционированные вышестоящими структурами. Но не только. К примеру, преподанные циркуляром пермского губернатора № 2437 1 июня 1915 г. полицмейстерам, уездным и горным исправникам Пермской губернии Правила охраны военнопленных, занятых работами в частных промышленных предприятиях, серьезно отличались от распоряжений центральных властей²⁵⁰. Эта ситуация, равно как и иные схожие с ней, отражая децентралистские тенденции в формировании норм плена, символизировала и легитимировала специфику его ситуативных объективаций, — специфику, практически неизбежную в силу разнообразия тех или иных условий на местах. В этом смысле законодательство плена мало чем отличалось от законодательства вообще, характеризуя которое правовед В.М. Хвостов, в частности, отмечал: «...Верховная власть не только не может управлять всеми местными делами, но она не может и своим законодательством обнять всей полноты народной жизни.

²⁴⁹ См. об этом: Григорьева И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1984. С. 72–73.

²⁵⁰ См. об этом: ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84 а. Л. 227–236.

Всегда встречаются вопросы местного или специального содержания, которые лучше всего могут быть регулируемы нормами, исходящими от местных специальных органов, а не от центральной законодательной власти. Отсюда вытекает необходимость в известных случаях так называемой автономии. Этим именем называется право отдельных общественных союзов или учреждений в пределах государства регулировать свою внутреннюю жизнь своими собственными нормами...»²⁵¹.

Подводя черту под характеристикой использованных в работе законодательных источников, следует подчеркнуть, что их позиционирование в рамках приведенной выше «троичной системы» не предполагает исключительно вертикального характера выстраивания права плена и военнопленных. Этот процесс мог носить в том числе и горизонтальный характер, довольно часто предполагая межнормативное взаимодействие, снимавшее проблему размывания единой системы правового регулирования плена. Вместе с тем, нельзя не подчеркнуть и то обстоятельство, что система эта обладала одним очевидным изъяном — изъяном некодифицированности, который оставлял слишком много места для пробелов и противоречий не только в праве как таковом, но и в правоприменительной практике. Действительно, в России законодательство плена было кодифицировано лишь фрагментарно, что отразил, в частности, «Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных» (изд. 2-е, Пг., 1917 г.). Но это, как свидетельствуют источники, демонстрировало общую для различных государств пленения ситуацию. К примеру, в Австро-Венгрии законодательство плена было кодифицировано посредством издания 1 марта 1916 г. циркуляра военного министерства со сводкой всех правил содержания обезоруженных вражеских военнослужащих²⁵². Исходя из даты создания этого документа, легко предположить, что он касался только норм, разработанных в первые полтора года войны, тогда как все прочие так и остались вне процесса их

²⁵¹ Хвостов В.М. Указ. соч. С. 143–144.

²⁵² См.: Правила австро-венгерского военного министерства о положении военнопленных на работах в Австрии. Пг., 1917.

«собираания» и инкорпорации. А потому не будет преувеличением сказать, что нормотворческая деятельность в области плена отличалась универсальными чертами своего развития, среди которых отсутствие единого комплекса узаконений было общим местом, во многом predetermined изменчивостью, континуальностью плена как такового.

Самым значительным комплексом документов, использованных в работе, стали *делопроизводственные акты*. Эти источники наиболее полно засвидетельствовали не только круг тех исторических акторов, благодаря которым плен в российской провинции стал таким, каким он стал на самом деле. Делопроизводственные материалы также зафиксировали место этих акторов на карте плена, равно как и факт их предельной рассеянности по его территории. Поэтому вполне закономерно, что выявление делопроизводственной документации по теме исследования predetermined широкую географию архивных «раскопок». Государственные архивы в г. Иrbите (ГАИ), Тобольске (ГАТ) и Шадринске (ГАШ), Пермского края (ГАПК), Свердловской (ГАСО) и Челябинской (ОГАЧО) областей, Центр документации общественных организаций (ЦДООСО) и Государственный архив административных органов (ГААОСО) Свердловской области, Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ), Российский государственный военный архив (РГВА) и Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный исторический (РГИА) и Российский государственный военно-исторический (РГВИА) архивы, — вот те хранилища, где изыскание источников названной группы оказалось продуктивным.

Исходя из объектно-субъектного принципа, материалы делопроизводства принято подразделять на делопроизводство внутреннее и внешнее. Кроме того, по цели своего создания оно обычно членится на распорядительное, регистрационное, справочное, просительное, финансовое, отчетное, судебно-процессуальное и прочее. Такого рода рубрикация документов на практике, однако, не всегда возможна, поскольку служебная корреспонденция —

отношения²⁵³, записки²⁵⁴, рапорты²⁵⁵, доклады²⁵⁶, донесения²⁵⁷, прошения (обращения, заявления и т.п.)²⁵⁸, ходатайства²⁵⁹, журналы²⁶⁰, протоколы²⁶¹,

²⁵³ См., напр.: Отношение правления Союза чехословацких обществ в России начальнику штаба Верховного главнокомандующего о затруднениях в формировании чехословацких частей от 5 июня 1916 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 325. Л. 48–48 об.); и мн. др.

²⁵⁴ См., напр.: Докладная записка о военнопленных, находящихся на работах Куренного отделения Златоустовского завода, 7 ноября 1915 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 136–136 об.); Записка уполномоченного Чехословацкого национального совета о передаче в его ведение всех лагерей военнопленных, 16 сентября 1918 г. (ГА РФ. Ф. р-192. Оп. 1. Д. 60. Л. 1); Записка Центрального военно-промышленного комитета по вопросу об обеспечении Империи чугуном, железом и сталью, не ранее 30 ноября 1916 г. (ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. Л. 444–447); и мн. др.

²⁵⁵ См., напр.: Копии рапортов Омской военной цензурной комиссии о просмотре корреспонденции военнопленных, 1915–1917 гг. (Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И-152. Оп. 27. Д. 191); Рапорт Горного начальника Гороблагодатских заводов Главному начальнику Уральских горных заводов о помещении военнопленных на излечение в больницы, 29 апреля 1916 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 437–437 об.); Рапорт Камышловского уездного исправника Его Превосходительству Господину Пермскому Губернатору о забастовке пленных в Юшаловском лесничестве Пермской губернии, 13 марта 1916 г. (Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 278); и мн. др.

²⁵⁶ См., напр.: Всеподданнейший доклад флигель-адъютанта полковника Мордвинова о произведенной им проверке жалоб военнопленных славян — бывших солдат австрийской армии от 10 декабря 1915 г. (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 626); Доклад отставного войскового старшины Уссурийского казачьего войска А.А. Куртукова, заведующего военнопленными в Усть-Сылвицком (Коноваловском) казенном лесоразделочном заводе, главному начальнику Уральских казенных горных заводов от 27 ноября 1916 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 484–490); Доклад Екатеринбургского губернского отдела управления за время с 1 декабря 1920 г. по 1 ноября 1921 г. Екатеринбург, 1921; и мн. др.

²⁵⁷ См., напр.: Донесение Вятской окружной коллегии пленбеженцев в Вятскую чрезвычайную комиссию от 11 июля 1918 г. (ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 73. Л. 11); и др.

²⁵⁸ См., напр.: Обращение военнопленных Добрянского завода в представительство Шведского общества Красного Креста, 20 мая 1917 г. (ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21 а. Л. 146–146 об.); Прошение военнопленного чеха Фиала Франтишека в Правление Союза Чехословацких Обществ в России, Самский рудник, Богословский горный округ, Пермская губерния, не ранее 21 марта 1917 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 67, 67 об., 68); Прошение военнопленного Матольчи Иштвана на имя управляющего Баранчинского завода Гороблагодатского горного округа о разрешении открыть парикмахерскую, 28 ноября 1917 г. (ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 20. Л. 282); Прошение военнопленного врача австрийской армии Рудольфа Пика о разрешении ему проживать на частной квартире, июнь 1917 г. (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 8. Д. 2. Л. 89); и мн. др.

²⁵⁹ См., напр.: Ходатайство пермского губернатора перед министром внутренних дел от 1 ноября 1915 г. об оказании содействия к прекращению присылки в Пермскую губернию военнопленных, неспособных к личному труду (ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 140 а. Л. 409–410); Ходатайство Торгового дома «Василий Саввич Жириakov» перед Уральским областным военно-промышленным комитетом об отпуске военнопленных для работ, 4 ноября 1915 г. (ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 48); Ходатайство Совета Съездов золото- и платинопромышленников Пермской губернии перед Пермским губернским комиссаром об отпуске на военнопленных работы, 28 апреля 1917 г. (ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 182. Л. 217–217 об.); Ходатайство бывшего австрийского военнопленного Мико Василия Григорьевича, венгра, 1900 г.р., сапожника, проживающего в г. Шадринске, Советская-58 о принятии его в гражданство СССР от 27 августа 1929 г. (Государственный архив в г. Шадринске (ГАСШ). Ф. р-257. Оп. 2. Д. 187. Л. 1); и мн. др.

отчеты²⁶², ведомости²⁶³, штаты²⁶⁴, справки²⁶⁵, объявления²⁶⁶ и прочие производные ретроспективного жанра — могла подразумевать различные целевые установки и соединять в себе признаки нескольких подвидов делопроизводства. При этом в массе своей все вышепоименованные документы — каждый по-своему — были заточены под определенный трафарет, формуляр. На это ориентировала бюрократическая традиция, в рамках которой делопроизводственный акт трактовался как композиционно типический, унифицированный документ²⁶⁷. Между тем, несмотря на формализованный стиль

²⁶⁰ См., напр.: Журнал Комитета о привлечении военнопленных и беженцев на сельскохозяйственные работы, Туринский уезд Тобольской губернии, 28 марта 1916 г. (ГАСО. Ф. 694. Оп. 1. Д. 214. Л. 57); Журнал совещания, состоявшегося 8 марта 1916 г. в Главном лесничестве Богословского горного округа, по вопросу о задолженности пленных перед округом (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 5–8); и мн. др.

²⁶¹ См., напр.: Протокол заседания Верхотурского обывательского комитета от 25 октября 1916 г. об отмене состоявшегося постановления за 20 августа сего года о воспрещении военнопленным покупки жизненных припасов (ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5. Л. 5); Протокол заседания Комиссии по делам о военнопленных Нижнетагильского завода, 31 мая 1917 г. (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 27–28); Протокол организационного собрания Ирбитской уездно-городской объединенной санитарно-исполнительной комиссии, 12 марта 1919 г. (ГАСО. Ф. р-1956. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–146); и мн. др.

²⁶² См., напр.: Отчет члена состоящего при Центральном Справочном Бюро о военнопленных Особого Комитета Помощи Военнопленным Е.Г. Шинкевича по командировке в Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленных австро-венгерской армии. Пг., 1915; Rapport de MM. F. Thormeyer et Dr F. Ferrière sur leur visite aux camps de prisonniers en Russie, octobre 1915 à février 1916. Geneve, 1916; и мн. др.

²⁶³ См., напр.: Ведомость о числе военнопленных, находящихся в Верхотурском уезде на 1 декабря 1917 г. (ГАСО. Ф. 638. Оп. 1. Д. 3. Л. 27); Ведомость размещения военнопленных в местах водворения Пермской губернии на 20–22 января 1916 г. (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 182. Л. 3 об., 16–17 об.); Ведомость санитарных поездов с убывшими и прибывшими по состоянию на 27 мая 1918 г. вражескими и российскими военнопленными (ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Ч. 1. Л. 51, 57); и мн. др.

²⁶⁴ См., напр.: Временный штат управления концентрационного лагеря военнопленных (утвержден военным министром Омского правительства 30 апреля 1919 г.) (РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 15); и др.

²⁶⁵ См., напр.: Справка о наличии военнопленных в заводах, рудниках и других предприятиях Нижнетагильского и Луньевского округов на 1 июля 1917 г. (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 63); и мн. др.

²⁶⁶ См., напр.: Объявление Пермского губернского комиссара о переписи военнопленных // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 25 окт.; Объявление врид начальника Шадринского уездного управления по делам пленных и беженцев Ляшенко о выдаче обмундирования крайне нуждающимся военнопленным, февраль 1920 г. (ГАШ. Ф. р-306. Оп. 1. Д. 2. Л. 31); и мн. др.

²⁶⁷ См. об этом: Варадинов Н.В. Делопроизводство. Руководство к составлению всех родов деловых бумаг по данным формам и образцам. 3-е, исключит. практическое издание. СПб.; М., 1881; Вельдбрехт В. Общие основы делопроизводства с приложением основных форм. СПб.,

делопроизводственных документов, их рутинный, ординарный характер, большинство из них, создаваясь без особой оглядки на вечность, в полной мере соответствует небезызвестному тезису Д. Тоша о том, что «лучше всего действительность освещает источник, не предназначенный для будущих читателей»²⁶⁸. Сквозь регулярность таких «ненамеренных источников» (И. Дройзен)²⁶⁹ или «невольных очевидцев» (М. Блок)²⁷⁰ плен проступает как сложно структурированное образование, в рамках которого действия и противодействия индивидов и групп выстраивались одновременно как вертикальные и горизонтальные взаимодействия, в точках пересечения коих, очевидно, и следует искать наиболее значимые грани изучаемой темы.

При всем при этом, прилагая традиционные трактовки делопроизводства в целом к делопроизводству плена, нельзя не увидеть в нем специфику ведомственного делопроизводства и делопроизводства органов местного самоуправления (городских Дум и земских управ), делопроизводства хозяйствующих субъектов и общественных организаций, а также судебно-следственного делопроизводства, в совокупности которых в наибольшей степени запечатлелись основные агенты и контрагенты плена, а также особенности процесса их коммуникации.

Делопроизводственная стихия военного ведомства, к примеру, обнаруживает, что в нем информационная симметрия поддерживалась благодаря четкой служебной субординации, в рамках которой Главное управление Генерального штаба, Казанский военный округ, Пермская местная бригада и, наконец, уездные воинские начальники образовывали звенья одной цепи, работа которой была нацелена в первую очередь на однообразную организацию плена²⁷¹. Та же

1854; Зосимский К. Руководство к изучению форм и порядка делопроизводства. 2-е изд. СПб., 1885; Русанов Ф. Основания письмоводства или общее изложение теории и практики канцелярского дела. М., 1839; и др.

²⁶⁸ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 62, 64.

²⁶⁹ См. об этом: Дройзен И. Историка. СПб., 2004.

²⁷⁰ См. об этом: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986.

²⁷¹ О порядке делопроизводства в военном ведомстве см. подробнее: Положение о письмоводстве и делопроизводстве в Военном ведомстве. Изд. 5-е, доп. всеми изменениями и разъяснениями по 1 июня 1916 года. Пг., 1916.

картина сложилась затем и в системе централистски заточенных большевистских Центропланбежа и Центроэвака. Нельзя при этом не отметить, что документооборот названных выше ведомств отличала такая черта, как широкое использование специальных экстренных средств связи и прежде всего телеграфа. Это, в свою очередь, неизбежно вело к упрощению содержания отдельно взятого документа, с одной стороны, и усложнению системы источников на уровне их разновидностей — с другой.

Эта характеристика свойственная, по мнению специалистов, делопроизводственным документам вообще²⁷², оказалась присуща и документальному наследию земств. Оно, однако, в отличие от ведомственных документов, часто сопровождавшихся пометами «секретно», «доверительно» и пр., характеризовалось большей степенью публичности. В этой связи едва ли стоит удивляться, что, тогда как ведомственное «письмоводство» в массе своей представлено неопубликованными источниками, документы органов местного самоуправления — например, стенограммы заседаний городских дум и журналы заседаний земских собраний — широко известны²⁷³. Полемический контент земского делопроизводства составлял еще одну особенность этих документов, демонстрируя тем самым, что плен не предполагал универсальных решений, став на низовом уровне настоящей лабораторией для их поиска.

«Лабораторный» характер плена в провинции обнаружила и документация структур, пользовавшихся трудом военнопленных. К наиболее показательным в этом смысле источникам надобно отнести управленческое делопроизводство, которое в целом ряде случаев заставляет говорить чуть ли не о «министеризации» хозяйствующих субъектов, в рамках которых было создано огромное число

²⁷² См. об этом: Источниковедение: Теория. История. Метод / И.Н.Данилевский и др. М., 2000. С. 327.

²⁷³ См., напр.: Журналы Верхотурского уездного земского собрания 29 чрезвычайной сессии 1916 года. Верхотурье, 1916; Ирбитское уездное земское собрание 62 чрезвычайной сессии // Пермская земская неделя. 1916. 17 апр.; Осинское уездное земское собрание // Пермская земская неделя. 1916. 27 марта; Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания 46 очередной и 53, 54, 55, 56 и 57 чрезвычайных сессий 1915–1916 гг. Пермь, 1916; и мн. др.

всевозможных правил, инструкций и циркуляров²⁷⁴. Локально значимая внутрикорпоративная управленческая документация запечатлела при этом не только те практики, которые, сообразуясь с местными условиями, были «в ходу» в том или ином лесничестве, руднике, заводе и пр. Следуя логике максимизации получаемых от трудового использования пленных дивидендов, управленческая документация послужила еще и средством освобождения различных хозяйствующих субъектов от «стеснительных» положений национального законодательства.

Данные низового финансового учета и отчетности, зафиксированные в документах хозяйственников, еще более важны для исследований плена, поскольку именно они являются первичным и потому наиболее беспристрастным источником для определения дельты средств, которые вкладывались в плен «на входе» и получались «на выходе». При этом обычно игнорируемые исследователями расчетные ведомости и лицевые счета военнопленных позволяют не только обозначить проблему эффективности принудительного труда, но и выявить факторы, так или иначе на нее влиявшие. Иначе говоря, качественный анализ финансовой документации не только не отменяет широты диапазона оценок трудоиспользования пленников, но, наоборот, дает возможность преодолеть их узость²⁷⁵.

²⁷⁴ См., напр.: Инструкция Горного начальника Камско-Воткинского горного округа к Правилам от 17 марта 1915 г. об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях, 31 июля 1915 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3117. Л. 90–91); Правила для применения к военнопленным, работающим в Богословском горном округе, 2 июня 1915 г. (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 228. Л. 29); Правила допущения военнопленных к работе в Артиллерийском заводе Невьянского горного округа, 27 июля 1916 г. (ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 114–114 об.); Правила использования труда военнопленных для сельскохозяйственных работ в Ирбитском уезде Пермской губернии, 23 мая 1915 г. (ГАСО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 203, 203 об.); Правила о порядке применения труда военнопленных внутри Артинского завода Пермской губернии, не ранее 16 июня 1916 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 112–114); Правила о порядке содержания военнопленных и их отлучках в Нижне-Тагильском заводе Пермской губернии, не ранее 27 марта 1917 г. (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 13–13 об.); Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год (с приложениями). Пермь, 1916; и др.

²⁷⁵ См., напр.: Общий свод о заработке, долге и содержании военнопленных Верх-Исетского завода за сентябрь 1916 г. (ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 813. Л. 114 об.); Расчетные ведомости рабочих военнопленных, состоявших на работах в углевыжигательном заведении в 47 квартале Александровской лесной дачи и углевыжигательном заведении Александровского завода

Делопроизводственное хозяйство общественных объединений²⁷⁶ — съездов горно- и золотопромышленников, военно-промышленных комитетов, профессиональных союзов, краснокрестных и прочих филантропических организаций (Всероссийского попечительства о пленных славянах, Польского общества вспомоществования жертвам войны и др.) — в своем устройстве явно тяготело к формам и практикам, принятым в официальных учреждениях. В этом, как представляется, воплотилась специфика российских общественных организаций начала XX в., если и не носивших «частно-государственного характера» (А.Д. Степанский)²⁷⁷, то практически всегда в той или иной степени зависевших от государства²⁷⁸. Используя в качестве инструмента мониторинга общественных настроений, учета неподконтрольных власти ресурсов и их завуалированной диспетчеризации, эти организации, даже в попытках заявить о своей «самости», демонстрировали разрешительный характер своих отношений с государством. Отмеченное своеобразие «отеческих» самодеятельных объединений имело своим следствием прежде всего то, что их документооборот, калькируя практику властных инстанций, был не менее громоздким и, более того, сопровождался созданием документов, типичных

Пермской губернии, январь 1916 г. (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 347. Л. 1); Список № 162 на выдачу денег по счету рабочих военнопленных Воронцовского рудника Богословского горного округа за 1-ю половину сентября 1917 г. (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1008. Л. 48–48 об.); Списки военнопленных, работающих на заводах Кыштымского и Сергинско-Уфалейского округа (ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1192); Списки на выдачу зарплаты военнопленным, рабочим предприятий Богословского горного округа за декабрь 1916 г. (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1098); Списки на выдачу зарплаты рабочим медных, железных рудников Богословского медеплавильного завода, телефонной службы, Богословской каменоломни, электроремонтного отдела, дворово-строительного цеха, Турьинского конного двора Богословской каменноугольной копи, брикетно-коксовой фабрики, химического завода и военнопленным (ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 997); Табель о зарплате военнопленных, работающих на Верх-Исетском заводе с 1 февраля 1916 года (ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 813); и мн. др.

²⁷⁶ См., напр.: Доклад Совета XXII Очередному Съезду Горнопромышленников Урала об обеспечении уральских горнозаводских предприятий рабочими, в связи с войной. Пг., 1917; Из материалов I Уральской областной конференции профессиональных союзов. Доклады с мест, август 1917 г. // Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. Т. II. Свердловск, 1927. С. 231–232; Труды XXI Съезда Горнопромышленников Урала с 27 по 29 февраля 1916 г. в г. Петрограде. Пг., 1916; и мн. др.

²⁷⁷ См. подробнее: Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1982.

²⁷⁸ См. об этом: Туманова А.С. Указ соч. С. 88–90, 310.

только для государственных структур²⁷⁹. Это, к примеру, нашло отражение в деятельности военно-промышленных комитетов, породивших целый массив всевозможных предписаний явно не локального назначения²⁸⁰. На этом фоне делопроизводство иностранных общественных организаций — Шведского и Датского обществ Красного Креста, Христианского союза молодых людей и др. — выглядит минималистичным, что, однако, вполне может детерминироваться фактом отложения в российских архивах лишь незначительной части этих источников.

Характеризующие отношения пленных с законом судебно-следственные материалы часто выделяются в качестве отдельного вида документов или, как минимум, в качестве специальной системы делопроизводства²⁸¹. Наиболее консервативные по форме, они отличались четкой универсальностью, predeterminedенной строгой последовательностью судебно-следственных процедур²⁸². Вместе с тем, сравнение судебно-следственных документов 1910-х гг. с документами 1930–1940-х гг. говорит о том, что с развитием советского репрессивного аппарата набор таких процедур расширялся, а вместе с ним неизбежно прибавляли в своем числе и материалы досудебного, судебного и послесудебного делопроизводства. В конце концов типичное дело на

²⁷⁹ См. подробнее: Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 161–162.

²⁸⁰ См., напр.: Циркуляр Центрального военно-промышленного комитета № 11578 от 28 апреля 1916 г. об отмене 25 % вычета из заработной платы военнопленных в специальный фонд (ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 41. Л. 12–12 об.); Циркуляр Центрального военно-промышленного комитета № 16016 от 10 октября 1916 г. о выяснении числа военнопленных, потребных промышленным предприятиям (ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. Л. 48); и мн. др.

²⁸¹ См. подробнее: Источниковедение: Теория. История. Метод. С. 398–399.

²⁸² См., напр.: Уголовное дело мирового судьи 1-го участка Ирбитского судебно-мирового округа по обвинению военнопленного австро-венгерской армии Лаюш Шанборова Гросс по 169 ст. Устава о наказаниях, 1918 г. (ГАСО. Ф. 687. Оп. 1. Д. 2008, 2009); Уголовное дело мирового судьи 1-го участка Ирбитского судебно-мирового округа по обвинению военнопленного австро-венгерского подданного Николая Васильевича Томюк по 177 ст. Устава о наказаниях, 1918 г. (ГАСО. Ф. 687. Оп. 1. Д. 2020); Дело по обвинению Веграта Иосифа Францевича в преступлении, предусмотренном ст. 58–10 ч. 5 УК РСФСР, 1941 г. (Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 37713); Дело по обвинению Гофмана Фридриха Эммануиловича в преступлении, предусмотренном ст. 58–10 ч. 11 УК РСФСР, 1941 г. (ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 36102); Дело по обвинению Добоша Иосифа Альбертовича в преступлении, предусмотренном ст. 58–6 УК РСФСР, 1939 г. (ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21345); и др.

находившегося под следствием и судом бывшего военнопленного включало в себя: список обвиняемых и постановление о возбуждении уголовного дела; постановление об избрании меры пресечения и постановление на арест; протокол личного обыска; опросный лист; постановление о приобщении материалов к делу; собственноручные показания и протоколы допросов обвиняемого; показания или протоколы допросов свидетелей или выписки из них; постановление о предъявлении обвинения и обвинительное заключение; подписку об ответственности за дачу ложных показаний; протокол судебного заседания и приговор; кассационную жалобу осужденного; определение о рассмотрении кассационной жалобы и пр.

Среди названных документов наиболее важными для исследования стали опросные листы обвиняемых, а также протоколы допросов, которые с социологической точки зрения могут рассматриваться как материалы анкетирования и интервьюирования и использоваться для выстраивания жизненных маршрутов как отдельно взятых пленников, так и их коллективного опыта. Эти, как и другие делопроизводственные документы, экспонируя процессы уподобления и расподобления реалий плена, демонстрируют, что он не предполагал строгой геометричности, «правильности» своих форм. И именно их вариативность и подвижность, фиксируясь в материалах служебной переписки как минимум не реже, нежели универсалии, и превратили совокупность делопроизводственных документов в наиболее значимую для оценки той дистанции, которая разделяла теоретические построения плена и его практические воплощения.

К числу широко примененных в работе источников также принадлежит *периодическая печать*. Её когнитивные возможности, как правило, используются в выборочно-иллюстративном ключе, что, безусловно, серьезно обедняет исследования плена. Морфологическое же (структурное) изучение прессы посредством ее «перегруппировки в массив», в рамках которого тот или иной

номер газеты или журнала является элементом серии²⁸³, позволяет добиться от настоящего источника много большего и, в частности, выявить в нем действительно представительную информацию, причем как фактологическую²⁸⁴, так и аналитическую²⁸⁵. Тем самым пресса и её аналоги дает возможность не только провести экспертизу достоверности других документов и таким образом использовать предложенный когда-то Ж. Боденом метод «легкого познания истории» путем сопоставления «первичных» и «вторичных» источников²⁸⁶. К удивлению тех, кто свято верует не только в достоверность, но, главное, в достаточность хранимых в архивных запасниках документов, периодическая печать, парадоксально сочетая в себе возможность управляемости и управления, часто оказывается информативнее и, что важнее, вариативнее в освещении тех или иных реалий плена. В борьбе за как можно более широкую аудиторию пресса, во-первых, обнаруживает свойственную только ей изобретательность в сюжетах, почвой для которых служили не только факты, но и слухи. Подобная «неразборчивость», обусловленная функциональной особенностью периодики, сообщая о далеких и даже взаимоисключающих ситуациях в разных измерениях социального, преодолевать или, как минимум, сокращать пропасть между ними, выгодно отличала — и отличает — прессу от источников узкоспециального назначения с присущей им одномерностью.

²⁸³ См. подробнее о такой методике работы с прессой: Голиков А.Г. Тенденции монополизации российской промышленности 1914–1917 гг.: опыт контент-анализа публикаций отечественных газет // Круг идей: развитие исторической информатики: тр. II конф. Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С. 185–186.

²⁸⁴ См., напр.: Административные взыскания за нарушение обязательных постановлений // Пермские ведомости. 1915. 15 нояб.; Лагери для военнопленных // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 20 апр.; Постные дни и военнопленные // Зауральский край. 1916. 20 апр.; Приветствие военнопленных чехов // Уральская жизнь. 1917. 25 марта; Проезд пленных // Пермские ведомости. 1915. 4 февр.; Содержание военнопленных в Орловской и Воронежской губерниях // Правительственный вестн. 1916. 15 дек.; и мн. др.

²⁸⁵ См., напр.: Использование для нужд сельского хозяйства труда военнопленных и беженцев // Правительственный вестн. 1916. 16 дек.; К положению военнопленных на Урале // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 10 апр.; Не забывайте о карпаторуссах // Сибирский казак. 1919. 14 сент.; Почему мы вооружаем военнопленных? // Уральский рабочий. 1918. 26 мая; Урожай и рабочие руки // Пермская земская неделя. 1916. 31 июля; и мн. др.

²⁸⁶ См. об этом: Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.

Во-вторых, как пространство, где постоянно встречались норма, узус и оказия, периодика успешно конкурирует с альтернативными источниками, отличаясь от них, кроме прочего, своим более демократичным языком, стилем и форматом. Не отказывая себе в экспериментах с жанрами и их подмножествами, злоупотребляя художественными приемами и изобразительными средствами, печать часто балансировала на грани между правдой и кривдой, преобразуя смыслы и факты по аналогии с зеркалом, со сменой положения которого трансформировались и отражаемые в нём предметы. Помимо нейтрального факта прошлого, посредством периодической печати таким образом открывается и далеко не нейтральная логика его «эксплуатации» современниками, в которой угадываются как приметы актуальной модели видения реальности, так и механизмы ее производства и воспроизводства.

В-третьих, наивному финализму заверенных подписями и скрепленных печатями документов периодика противопоставляла — и противопоставляет — свою неоспоримую континуальность. Бесстрастная, механистическая систематичность периодики обязывала её отзываться на перемены социокультурного пейзажа не только ревизией тематики, но и пересмотром структурно-логических параметров всего «медиаляндшафта» и его отдельно взятых единиц. Текучесть и гибкость прессы, которые с точки зрения сварливого обывателя являются её хроническими болезнями, а с точки зрения исследователя — её органическими чертами, позволяют выстраивать динамические ряды различных характеристик плена, бесконечно порождавших друг друга. Их анализ, в свою очередь, может использоваться как средство распознавания в общественных отношениях поверхностных и глубинных процессов, конфликтных и интегрирующих зон, частных и групповых приоритетов²⁸⁷.

Тот факт, что к началу XX в. печать уже превратилась из элитарного элемента жизни в массовый и стала важнейшим пространственно-временным ориентиром для современника в настоящем и для историка — в прошлом,

²⁸⁷ См. подробнее: Суржикова Н.В. Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914–1917 гг.) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сб. науч. статей. СПб.; Киев; Минск, 2008. С. 90–121.

наделяет ее материалы не меньшей значимостью, нежели значимость законодательных и служебных источников. При этом сама по себе периодика структурно неравнозначна, блокируясь в том числе и в соответствии с принципом адресанта и адресата. Эта стратегия идентификации материалов прессы предопределила автономизацию в исследовании таких её составляющих, как официальная, корпоративная и общественно-политическая.

Первая из названных групп, представленная изданиями «Правительственный вестник», «Пермские губернские ведомости», «Пермский вестник Временного правительства», «Известия Министерства земледелия», «Известия ЦИК», «Известия Центропланбежа», «Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов» и др., не может не удивить своим номинативным однообразием. Эти источники, как и следует из их названий, действительно ведали и вещали, прежде всего служа рупором властных ориентиров и, больше того, инструментом властного воздействия.

Корпоративная печать — газеты и журналы «Пермская земская неделя», «Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии», «Известия Главного комитета Всероссийского земского союза», «Вестник Российского общества Красного Креста», «Екатеринбургские епархиальные ведомости» и прочие — отличались специализированной тематикой и предполагали особую аудиторию. Включенность этих изданий в процесс обсуждения плена не только обнаруживала множественность связанных с ним информационных поводов, — она свидетельствовала о нем как об эвристически разнородном поле деятельности, где вольно или невольно нашли себя социально далекие друг от друга исторические акторы.

Издания же общественно-политического толка («Новое время», «Пермские ведомости», «Уральская жизнь», «Зауральский край», «Сибирский казак», «Ирбитский вестник» и т.п.) носили интегративный характер, отличаясь новостной «всеядностью». Не удивительно, что именно эти газеты оказались наиболее репрезентативными с точки зрения освещения проблематики плена,

появившейся на страницах печати уже летом 1914 г., и остается только сожалеть, что в политических пертурбациях 1918–1922 гг. со свободной прессой было практически покончено. Детальный анализ совокупности изданий этой группы, наиболее важной для мониторинга резонансности плена, свидетельствует, что динамика связанных с ним публикаций постоянно менялась. Нехитрые подсчеты указывают на то, что во второй половине 1914 г. сюжеты, касавшиеся плена, разнообразили газетную тематику с периодичностью 7–8 раз в месяц, то есть около двух раз в неделю. В 1915 г. экспансия плена на территорию прессы продолжилась, и соответствующие новости ждали постоянного читателя центральных и региональных СМИ уже каждые 2–3 дня, или более 12 раз в месяц. Отвоевав, таким образом, у прочих публикаций прочные позиции в 1915 г., плен их неумолимо утрачивал уже в следующем 1916 г., когда число сообщений о нем сократилось до одного в неделю. Затем эта тенденция не просто сохранилась, — она усилилась, а постоянство газетных публикаций о пленных иностранцах измерялось теперь показателем в один раз в 2, а где-то и один раз в 3 недели.

Очевидно, что частотность обращений печати к теме плена — фактор, без преувеличения, говорящий. И говорит он прежде всего о том, что со стремительной сменой общеисторического контекста заметно видоизменилось и общее восприятие плена как явления, в течение нескольких лет стабильно влиявшего на жизнедеятельность российского общества во всех его составляющих. В прессе 1914–1915 гг. плен преподавался как нечто экзотическое, экстраординарное и вне всякого сомнения достойное высокого информационного рейтинга. Однако уже к 1916 г. плен стал обыденностью, на что, в частности, недвусмысленно указывает факт расползания соответствующей тематики по «углам» и «подвалам» газетного пространства, в заголовках которых присутствие той или иной информации о военнопленных могло вообще никак не отмечаться. С конца же 1916 г. широкую общественность и вовсе будоражили совсем иные вопросы, нежели вопросы, поставленные пленом. Как результат они, утратив статус резонансных, оказались заслонены более насущными проблемами

«сахарного голода», «дровяных злоключений», «мучного кризиса», «продовольственных затруднений» и пр. «бытовой пестряди».

Контент сообщений, так или иначе касавшихся военного плена, не менее примечателен. Треть из них в 1914–1918 гг. информировала читателя о провозе или привозе военнопленных, но известия такого рода, тотально преобладавшие среди других в 1914–1915 гг., затем практически исчезли из газет. Другие две трети сообщений 1914–1918 гг. по своему содержанию делились на сообщения о влиянии плена на рынок труда, на потребительскую ситуацию и на социально-политический климат, причем именно в такой последовательности. При этом в 1917–1918 гг. печать обнаружила настолько навязчивое устремление к политизации плена, что все прочие его интерпретации превратились в маргинальные. Однако даже если согласиться с тем, что в этом случае, как и в целом ряде других, периодика формировала искаженное отражение реалий и сущностей плена, следует признать, что это тоже было отражение, «отзеркаливание» заслуживающее пристального изучения.

Примерно с тех же позиций оправданно рассматривать и комплекс текстов, образуемых так называемыми *источниками личного происхождения*, к числу которых принято относить документы эпистолярного, дневникового и мемуарного жанра. Проблема, однако, состоит в том, что использованные в диссертации «самосвидетельства» в чистом виде не являются ни письмами, ни дневниками, ни воспоминаниями. Так, книга Э. Двингера «Армия за колючей проволокой: Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг.» даже по своей композиции весьма далека от документов хроникального типа, не говоря уже о явной художественной обработке текста первоисточника²⁸⁸. Воспоминания другого пленника, Э. Ленгуэля, и вовсе оказались вмонтированы в научно-популярное описание Сибири и во многом носили сервильный характер, обеспечивая решение поставленных автором изыскательских задач²⁸⁹. Настоящим ребусом для источникововеда является произведение Н.М. Жданова, осветившего

²⁸⁸ См.: Двингер Э. Армия за колючей проволокой: Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004.

²⁸⁹ См.: Lengyel E. Siberia. New York, 1943.

свой опыт работы в структурах Российского общества Красного Креста в книге, которая может быть отнесена как к числу научных, так и к числу публицистических изданий²⁹⁰. В полном смысле воспоминаниями нельзя считать и характеризующие положение пленных в России после 1917 г. работы Г.К. Гинса, Д. Монтадона и Й. Принса, одновременно агрегирующие и признаки мемуарной литературы, и признаки литературы путешествий, и признаки публицистики²⁹¹. Ситуация с использованными в работе письмами пленных на родину не менее противоречива, поскольку они, прошедшие через процедуру перевода и сохранившиеся главным образом в качестве приложений к отчетам военных цензоров, явно утратили часть своей аутентичности.

Между тем, все вышесказанное является лишь частным проявлением общих сложностей, касающихся идентитета источников личного происхождения, — сложностей, давно подмеченных специалистами: «В центре внимания историков на протяжении длительного времени были преимущественно такие источники как мемуары, дневники, письма, хотя всегда было очевидно, что круг материалов личного происхождения является куда более широким. К ним с полным правом можно отнести те, в которых заложена автобиографическая, социальная, этнографическая, социально-психологическая и другая информация, которая отсутствует в официальных документах, а также в источниках других типов и видов»²⁹². Как представляется, оправданием причисления поименованных выше источников пограничного жанра к личностным документам также может служить тот факт, что для истории России был и остаётся характерен дефицит гражданских документов, связанный со спецификой фондообразования государственных архивов и неразвитостью системы частных документальных собраний. В этой связи едва ли не всякое послание из прошлого, написанное от первого лица, вполне обратимо в источник личного происхождения, причём даже

²⁹⁰ См.: Жданов Н.М. Указ. соч.

²⁹¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. II. Харбин, 1921; Montandon D-G. Deux ans chez Koltchak et chez les Bolcheviques: Pour la Croix-Rouge de Genève (1919–1921). Paris, 1923; Prins J.W. Life in Siberian prison camps // Scribner's magazine. Vol. LXIV. № 6 (December 1918). P. 695–705.

²⁹² Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. С. 287.

в том случае, если оно не совсем соответствует эпистолярному, дневниковому и мемуарному жанру.

В любом случае без документов личного происхождения даже самая подробная история плена рискует остаться ущербной, поскольку ретроспективные источники дали возможность не просто рафинировать или конкретизировать представления о нем. Они позволили — ни много, ни мало — изменить, трансформировать многие из этих представлений, поставив под сомнение стереотипные интерпретации плена, а вместе с ними — логики и интуиции, порожденные этими интерпретациями. При этом излишне, вероятно, настаивать на том, что в отличие от деиндивидуализированных документов, личностные тексты традиционно объемнее в освещении тех или иных человеческих состояний, ощущений и переживаний. Кроме того, субъективный тип видения реальности, свойственный пренебрегающим фактологической точностью и склоняющимся к эссеизации повествования личным посланиям из прошлого позволил разглядеть в них не только и, возможно, не столько реалии плена, сколько его образы, за которыми, в свою очередь, скрывались образы России в целом. А потому, обобщенно говоря, источники личного происхождения стали просто незаменимыми при объективации нематериальных проявлений истории плена, оставаясь вместе с тем полезными для дополнения его «вещных» характеристик.

Очевидно, что источниковая база ретроспективного исследования не исчерпывается названными видами источников, что является неизбежным злом любой их классификации. Помимо того, абсолютизация классификационной схемы оставляет вне поля зрения сразу несколько примечательных черт того источникового корпуса, который составил основу настоящей работы. Среди них, во-первых, необходимо артикулировать ощутимый дисбаланс в пользу материалов, датированных 1914–1917 гг. Более слабая обеспеченность советского периода истории плена источниками, однако, объективно обусловлена сужением круга документообразующих структур, прореженных не только в результате жесткой централизации управления пленом, но и масштабным наступлением

большевиков на свободное общество в целом. Во-вторых, невозможно не заметить, что нижние чины неприятельских армий, проходившие по различным документам как десятки, сотни или тысячи человек, едва не вытеснили за сюжетные рамки плена офицеров, менее многочисленных и потому менее заметных на фоне солдатского большинства. Именно на этом большинстве оказалось в итоге сфокусировано и большинство повествующих о реалиях плена вербальных источников. В-третьих, следует подчеркнуть такую их особенность, как интер- или транстекстуальность²⁹³. Включая в себя несколько текстуальных подуровней, многие документы тем самым надежно зафиксировали, что теория/норма и практика/обычай плена формировались синхронно, отчего разнородные свидетельства прошлого и оказались генетически взаимосвязанными. В этой связи роль письменного прецедента в юридических и административных практиках плена перестает быть исключительно вопросом групповой идентичности источников, требуя более гибкой трактовки их возможных иерархизаций. И, наконец, в-четвертых, важно подчеркнуть, что источниковые материалы, посвященные российскому плену 1914–1922 гг., «изоморфны» ему самому, — изначально полицентричному, многоакторному и многофакторному. Именно поэтому источники, актуализированные в ходе прагматического дрейфа по более 80 архивным фондам, страницам более 30 периодических изданий, а также нескольких десятков разномастных документальных публикаций, и не составляют единого комплекса документов. Такой, объективно синтетический характер источниковой базы исследования серьезно обостряет проблему субъективного подхода к выбору тех или иных свидетельств прошлого, а с нею — и проблему субъективности актуального исследования в целом, которая доказывает необходимость апелляции к различным стратегиям изучения источников.

²⁹³ См., напр.: Приказ по Казанскому военному округу № 126 от 26 января 1918 г., в который вложены «Порядок и правила отпуска вещевого довольствия для снабжения военнопленных» (утверждены Военным советом 21 сентября 1917 г.) (Приказы по Казанскому военному округу. Казань, 1918. С. 133–137); Приказ по Центропленбежу № 36 от 10 июня 1918 г. с вложением Декрета о приобретении прав российского гражданства, принятого ВЦИК 1 апреля 1918 г. (ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 2. Л. 25); и мн. др.

Исходным посылом такого изучения является посыл об изначальном «равноправии» всех источников вне зависимости от видовой идентичности тех или иных документов. Основу стратегии их исследования составляют анализ и синтез, предполагающие, в свою очередь, арсенал определенных методических тактик. Исходной аналитической процедурой при этом стал так называемый контекстуальный (контекстный) метод. Пришедший из лингвистики и предлагающий исследовать часть через целое, он призывает рассматривать любой нарративный источник в максимально широком контексте — контексте его создания, циркуляции и сбережения одновременно с другими источниками. Рассмотрение источников под таким углом зрения позволило более или менее адекватно оценить место того или иного свидетельства плена среди ему подобных и тем самым иерархизировать их, руководствуясь теми или иными признаками группировки документов.

К аналитическим же методам источникового анализа принадлежит системно-структурный подход. Он базируется на допущении, что любой исторический источник, с одной стороны, выступает как устойчивая целостность, а с другой — вбирает в себя несколько (под)уровней информации, от очевидной до латентной. Такая трактовка морфологии исторических посланий позволяет предельно полно сигнифицировать информационный капитал практически любого документа, обещая его максимально возможное использование в процессе множественного моделирования тех или иных «пакетов» данных, связанных с пленом.

Полезным дополнением структурно-системного подхода послужил метод деконструкции (декомпозиции), который не просто дал возможность «распарывания», фрагментирования документов в целях их дальнейшего использования. Эта техника изучения исторических источников также позволила различить в источниках собственно события и их изображения, отсеять собственно факты от их интерпретаций, неизбежно сопутствующих практикам текстуализации, нарративизации в силу их изначальной социокультурной природы.

Идя по пути сужения той или иной информации о плене до однотипных признаков, при работе с целым рядом источников привлекались методики формализации информации, выработанные в рамках уже привычных для исторических исследований статистического анализа и контент-анализа. Операционально решая проблему выстраивания различных динамических характеристик плена, эти инструменты анализа документов оказались практически незаменимы при работе с массовыми источниками, в частности, деловой и частной перепиской, архивно-следственными делами и пр.

Однако описанные выше процедуры нацелены в основном на выявление дублетных, так или иначе повторяющихся данных источников. Плен же, вне всякого сомнения, был более сложен, нежели математически определяемая сумма относительно известных величин. Во избежание пренебрежения его экстраординарными проявлениями, зафиксированными в документах, в работе практиковалось систематическое обращение к так называемому «следопытному методу» или методу абдукции, позволившему так или иначе использовать даже обрывочные, с трудом поддающиеся верификации данные.

Сохранить целостность межисточникового информационного континуума путем определения зависимостей между случайными и неслучайными данными, а также оценить форму, тесноту и прочие параметры их взаимосвязи призваны были инструменты синтетического характера. Собственно синтез как часть общего синтетического подхода дал возможность зарегистрировать общую взаимоположенность проявлений плена, даже если эти проявления находились в разных его плоскостях, что серьезно облегчило задачу многомерной реконструкции плена в процессе его исследования.

Хронологический подход к оценке исторических источников, в свою очередь, динамизировал эту картину, фиксируя процессуальность плена, его диалектичность, и одновременно застраховал от исключительно статистического, «валового» отношения к свидетельствам прошлого. В оценках репрезентативности таких свидетельств ключевое значение сыграл отказ от казуального отношения к тому или иному источнику, предполагающий

обращение к компаративному анализу содержания выявленных материалов с целью установления прямых или косвенных оснований референтности конкретного документа или совокупности документов. Впрочем, обозначенная перспектива в процессе исследования посланий о плене открывалась далеко не всегда, что позволяет говорить о так называемом референтном интервале, который, допуская инаковые интерпретации исторических источников, одновременно допускает и инаковое, разноречивое прочтение плена и связанных с ним тенденций, процессов и явлений.

В любом случае атрибуция источников по истории плена не предполагала простого решения, поскольку они, единичные и массовые, анонимные и авторизованные, общедоступные и «заповедные», не знали общего алгоритма создания, формы, циркуляции и пр. Однако именно такой — многоплановый — характер источников по теме исследования при всей сложности их анализа помог обеспечить решение задач настоящего исследования.

Подводя черту под анализом историографии и источников, необходимо подчеркнуть, что их специфика по существу повторяет специфику самого плена. Так, широкая география исследований плена недвусмысленно указывает на его полицентричность, а разнообразие видов и подвидов связанных с ним документов — на его полисубъектность. Эти характеристики плена, проявившиеся уже на стадии параллельного изучения историографических и конкретно-исторических источников по истории российского плена 1914–1922 гг., как это ни странно, для большинства его исследователей не очевидны. Логично предположить, что именно в этой связи как для многих отечественных, так и для многих зарубежных авторов практика заключения российского плена 1914–1922 гг. в ту или иную тематическую рамку остается типичной. Это обстоятельство, позволяющее истолковать большую часть исследований плена как исследования в духе кейс-стади (case study), препятствует историизации плена как изначально гетерогенного пространства реализации всяческих социальных практик. И дело

при этом не в том, что такую задачу различные исследователи перед собой не ставили. В рамках «экспозиции» отдельных ипостасей плена она просто не могла возникнуть, что, в свою очередь, способствовало избирательному подходу к источникам и препятствовало максимально возможному использованию их информационного потенциала. Между тем, потенциал документальных свидетельств плена трудно переоценить. Он, как представляется, никак не позволяет приложить к плену математический закон исключения множеств, в то же время требуя использования самых разнообразных методов исследования.

Все это — и особенности актуальной историографической ситуации, и особенности ситуации источниковой — свидетельствуют как в пользу актуальности настоящей работы, так и в пользу той «оптики» исследования, которая взята за основу.

ГЛАВА 2.

ВОЕННЫЙ ПЛЕН НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В 1914–1922 гг.: СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО-КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

2.1. Динамика перемещения и численность военнопленных

Региональное, как и национальное измерение плена невозможно представить без его статистико-географических характеристик, которые кажутся беспомощно-голой эмпирией лишь на первый взгляд. Их выпуклая фактологичность является необходимым злом, за которым скрыты границы, объемы и динамика плена, то есть те его «эпитеты», от точности коих напрямую зависит точность оценки всех прочих параметров «объекта». Непозволительно, однако, было бы не отметить, что их задокументированные описания завершённой в своей полноте картины не являют, будучи прорисовками или и вовсе набросками ее отдельных фрагментов. В этой связи приводимая ниже статистика уральского плена — это отнюдь не та статистика, которая знает всё, равно как и его география, лишенная картографической точности, — это отнюдь не та география, которой следует безоговорочно доверять. Вместе с тем так или иначе касающиеся численности и размещения пленных на территории Среднего Урала факты достаточно богаты, чтобы, опираясь на их количество, судить о качествах ретроспективных характеристик.

При этом следует заметить, что, несмотря на удаленность ретроспективного региона от фронта, пленные иностранцы громко заявили о себе уже в 1914 г., став для скучающей провинции настоящим явлением. Первые сведения о них местная печать сообщила уже 31 июля 1914 г.¹, извещая читателей о том, что через ст. Вильно проследовало шесть вагонов с пленными немцами, из которых четверо — раненые офицеры — помещены в местный госпиталь². Спустя всего неделю, 7 августа 1914 г. через ст. Екатеринбург-I (ныне Свердловск Пассажирский) в

¹ Здесь и далее события до 1 февраля 1918 г. датируются по старому стилю, после 1 февраля 1918 г. — по новому стилю.

² См.: Провоз военнопленных // Уральская жизнь. 1914. 31 июля.

Вятку проследовало 234 германских подданных, взятых в качестве пленных в Прибалтийском крае. «Их свободно, без охраны выпустили гулять по станции... Большинство их из Риги и плохо говорят по-русски, — информировал корреспондент екатеринбургской газеты «Уральская жизнь» Б. Михайлов, — ... Служили в Риге в разных фирмах и конторах. Война была для них в большинстве неожиданностью. Сейчас же всех собрали и велели ехать в Самару. Здесь два дня держали в тюрьме, а затем отправили в Вятку»³.

Очевидно, однако, что речь в данном случае шла о германских и австро-венгерских подданных, застигнутых войной на территории России и именуемых впоследствии гражданскими пленными, мирнопленными, военнопленными или военнообязанными. Собственно в Пермской губернии к 31 июля 1914 г. таковых насчитали 39 человек: 10 — в Перми, 16 — в Екатеринбурге и еще 3 — в Екатеринбургском уезде, 4 — в Камышловском, 3 — в Верхотурском, по одному — в Красноуфимском, Соликамском и Шадринском⁴. Но это было только начало. Спустя несколько недель список неблагонадежных иностранцев значительно увеличился: только в Екатеринбургском и Пермском уездах их выявили соответственно 68 и 106 человек⁵. При этом среди военнопленных оказались весьма уважаемые и достойные люди: австро-венгерские подданные Генрих Вдовишевский — инженер-химик Мотовилихинского завода, проживавший в России уже четверть века, Иоганн Кутшер — специалист по устройству дымовых труб при вновь строящемся портланд-цементном заводе Н.В. Мешкова, Иван Халупа — преподаватель гимнастики в одной из местных мужских гимназий; германцы граф Вурвиц — родной племянник кн. Н.М. Гагариной, Алоиз Губер — пивовар, работавший в России с 1898 г. и с 1910 г. в Перми, Василий Ганеман — заведующий лесопильным делом Богословского горного округа, Франц Ольтратти — механик Кизеловского чугуноплавильного завода, Карл Фюрст — заведующий Крыловской лесной дачей кн. Голицына⁶. Только в Лысьвенском

³ См.: Военнопленные // Уральская жизнь. 1915. 8 авг.

⁴ См.: Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 5. Д. 138. Л. 48.

⁵ См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 138. Л. 73–74 об.; Военнопленные // Уральская жизнь. 1915. 20 авг.

⁶ См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 138. Л. 53, 86, 86 об., 123, 131, 135, 214, 217.

горном округе под стражу были взяты 5 иностранных специалистов, которым, как и прочим военнопленным, было предложено оставить свои занятия и переселиться в специально отведенные местности.

Перспектива «маргинализации» стала полной неожиданностью не только для добропорядочных иностранцев, крайне обеспокоенных — причем вполне обоснованно — своей дальнейшей судьбой⁷. 9 августа 1914 г. инженер И. Бодалев, распорядитель Ижевского товарищества, писал пермскому губернатору И.Ф. Кошко: «На нашем Пермском заводе состоял пивоваром баварский подданный Алоиз Губер, который на днях взят под стражу как военнопленный. Ввиду того, что заменить его абсолютно нечем, завод с очень большим количеством рабочих (в числе коих есть жены запасных) и администрацией бездействует, что приносит нам большой убыток, ибо всем платится полное жалование, дабы не разбежался приученный к делу персонал, находящееся же в стадии брожения пиво неминуемо без присмотра испортится, настоящим имеем честь покорнейше просить ваше превосходительство заменить Губер заключение под стражу домашним арестом, дабы дать возможность заниматься неотложной работой. Если понадобится бы залог, мы готовы представить таковой. Если понадобится бы поручительство, таковое выражают готовность дать г.г. товарищ прокурора пермского суда С.С. Тюфяев, врач Цветаев и судебный следователь Г.Р. Лаздин»⁸. Настоящее прошение, как и целый ряд его аналогов, власти оставили без внимания, что вынудило подданных воюющих с Россией держав пойти на такой решительный шаг, как смена подданства. Однако сделать это успели далеко не все. Опоздавшие к концу августа 1914 г. были высланы в Вятку — к великой радости губернской администрации, которая к содержанию «в плену» мирных обывателей оказалась совершенно не готова⁹. Пребывая в полной растерянности, накануне, 3 августа 1914 г., она телеграфировала в Казань: «Надлежащего надзора [за гражданскими] пленными нет, отпускаются [на] городские квартиры, несмотря на мое требование держать всех [в] отведенном

⁷ См. подробнее: Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

⁸ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 138. Л. 187.

⁹ См.: Военнопленные // Уральская жизнь. 1915. 20 авг.

бараке. Прошу приказать не давать без моей санкции льгот, исполнять мои требования [о] размещении, иначе возможны злоупотребления, шпионство, негодование публики вызовет разгром пленных, отвечать [за] порядок не могу. Военский начальник лично от меня получил требование тщательного надзора, не исполняет»¹⁰.

Плен, таким образом, еще не будучи пленом в привычном понимании слова, сразу обнаружил «взаимонедопонимание» между местными военными и гражданскими чиновниками. При этом следует заметить, что с отправкой восвосяи оказавшихся на территории Пермской губернии иностранцев этого «взаимонедопонимания» меньше не стало, поскольку в то же время началось стремительное «наводнение» края гражданскими пленными из других областей страны. Оно активно продолжалось вплоть до октября 1915 г., когда взамен Пермской губернии, переполненной иностранцами, их начали высылать в Казанскую, а затем Тобольскую, Томскую, Якутскую, Енисейскую и Иркутскую¹¹. На тот момент только в Перми, Камышлове и Ирбите проживало порядка 6 тыс. мирнопленных¹², которые успели превратиться в чувствительный раздражитель для местного населения¹³.

Последнее, что характерно, практически не видело разницы между гражданскими пленными и военнопленными, в связи с чем 30 мая 1915 г. М.А. Лозина-Лозинский, сменивший И.Ф. Кошко на посту пермского губернатора в августе 1914 г., посчитал необходимым разъяснить: «...К категории военнопленных относятся подданные враждебных нам держав, взятые на театре военных действий, эти иностранцы находятся в ведении военных властей. Все же прочие подданные воюющих с нами держав, задержанные в России по

¹⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 138. Л. 104.

¹¹ См.: Прекращение посылки военнопленных в Пермскую губернию // Пермские ведомости. 1915. 8 окт.; Переполнение края иностранцами // Пермские ведомости. 1916. 22 апр.

¹² См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 156. Л. 143; Государственный архив в г. Шадринске (ГАСШ). Ф. 473. Оп. 1. Д. 1945. Л. 119; Подневольное житье военнообязанных // Пермские ведомости. 1915. 23 дек.

¹³ См. о недовольстве местного населения военнопленными и конфликтах между ними: ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 165. Л. 157–157 об., 214; Ходатайство о выселении немцев // Зауральский край. 1915. 9 авг.; Подневольное житье военнообязанных // Пермские ведомости. 1915. 23 дек.; Немцы и русские // Пермские ведомости. 1916. 6 янв.

обстоятельствам военного времени, относятся, к категории военнообязанных и состоят всецело в ведении гражданских властей»¹⁴. Однако в сознании рядового обывателя иностранцы, и изначально безоружные, и обезоруженные русской армией впоследствии, так и остались просто военнопленными, тем более что подлинная история военнопленных началась на Среднем Урале практически одновременно с историей военнопленных.

«Настоящие» пленные, 9 солдат австро-венгерской армии, чехов по национальности, прибыли в Пермскую губернию в конце августа 1914 г. На Среднем Урале они, правда, не задержались, поскольку местом их размещения был назначен Тобольск¹⁵. В оставшиеся месяцы 1914 г. неприятельские пленные, побывавшие в пределах региона, в своем подавляющем большинстве также оказались лишь заезжими гостями. Таким образом, в первый год войны в истории российского плена Пермская губерния играла скромную роль транзитной зоны на пути дальнейшего следования пленников. Наблюдатели при этом не могли не заметить, что к концу 1914 — началу 1915 г. счет провозимым военнопленным шел уже не на десятки и даже не на сотни, а на тысячи человек. Так, только через Екатеринбург, где с целью отделения больных от здоровых был открыт изоляционный пункт, в декабре 1914 г. транзитом проследовало около 11 тыс. вражеских солдат и офицеров¹⁶. Большинство их них составляли военнослужащие австро-венгерской армии, чья «доблесть» была незамедлительно «воспета» фольклором:

Едут мухи с комарами...

Опять пришлось полк нам взять...

Куда нам с пленными деваться,

Куда нам к черту их девать!¹⁷

¹⁴ Разъяснение значения слова «военнообязанный» // Пермские ведомости. 1915. 4 июня; Объявления Пермского губернатора // Уральская жизнь. 1915. 5 июня.

¹⁵ См.: Уральская жизнь. 1915. 31 авг.

¹⁶ См.: Зауральский край. 1914. 30 дек.; Уральская жизнь. 1914. 4, 16, 21, 24, 30, 31 дек.

¹⁷ Солдатская поэзия // Пермские ведомости. 1914. 13 дек. См. об этом также: Ужасное несчастье...: Маленький фельетон // Пермские ведомости. 1914. 6 дек.

Первые «осевшие» на Среднем Урале пленные также служили в австро-венгерской армии. Точной даты их появления на местной авансцене источники не сохранили. Между тем известно, что они прибыли в Пермскую губернию в сентябре 1914 г., тогда же первые узники войны были расквартированы и в соседней Вятской губернии (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность военнопленных, находившихся при управлениях уездных воинских начальников Пермской местной бригады, сентябрь 1914 г., чел.

Управление	Состояло на 1 сентября 1914 г.		Прибыло в течение месяца		Убыло в течение месяца		Состоит к 1 октября 1914 г.	
	Офицеров, чел.	Нижних чинов, чел.	Офицеров, чел.	Нижних чинов, чел.	Офицеров, чел.	Нижних чинов, чел.	Офицеров, чел.	Нижних чинов, чел.
Военнопленных австро-венгерской армии:								
Кунгурское			10	136			10	136
Вятское			1	103			1	103
Слободское			15	720	2	240	13	480
Глазовское			5	159			5	159
Елабужское				360				360
Итого			31	1478	2	240	29	1238
Военнопленных германской армии:								
Вятское			2	95			2	95
Слободское				3		3		
Итого			2	98		3	2	95
ВСЕГО			33	1576	2	243	31	1333

Источник: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 155. Л. 40–41.

«...Военнопленных с театра войны во вверенную мне губернию было прислано 10 офицеров и 136 нижних чинов, которые водворены в городе Кунгуре. Из последних донесений местной полиции видно, что 82 человека отправлены на работы в г. Череповец и 1 умер; кроме того, вновь прибыло 19 нижних чинов и 2 офицера. Таким образом, в настоящее время в Кунгуре военнопленных находится: нижних чинов 72 и офицеров 12, в подавляющем большинстве славяне...», — рапортовал пермский губернатор министру внутренних дел Н.А. Маклакову 22 октября 1914 г.¹⁸

В ноябре 1914 г. военнопленных приняла еще одна граничившая с Пермской губерния — Оренбургская. В то же время численность пленных в районе ведения

¹⁸ См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 140а. Л. 417–417 об.

начальника Пермской местной бригады преодолела планку в 2 тыс. человек: в Кунгурском, Вятском, Слободском, Глазовском и Елабужском уездах к 1 декабря 1914 г. находилось 26 пленных офицеров и 2246 нижних чинов австрийской армии, а также 28 германских солдат, всего 2300 человек¹⁹.

Вслед за Кунгуром на территории Пермской губернии пленных должен был принять Ирбит. Вознамерившись разместить в городе весьма значительное число обезоруженных военнослужащих противника, военное ведомство, однако, столкнулось с тем, что у администрации края и города эти планы оптимизма не вызвали. «... В случае командирования в г. Ирбит военнопленных в числе 4000 чел. размещение их в предназначенных для того городских зданиях и ярмарочных корпусах возможно только при сильной скученности и тесноте. Все нормальные гигиенические условия, соблюдаемые в обыкновенное время при казарменном размещении масс людей, здесь уже будут отсутствовать... Для оказания медицинской помощи, а главным образом для ограждения местного городского населения от могущего создаться распространения болезней необходима особая врачебно-санитарная организация. Осуществить таковую ирбитское городское управление местными силами и средствами совершенно не имеет возможности: городской больницы не существует, земская больница переполнена больными..., медицинский персонал в городе состоит лишь из городского и двух земских врачей, кои чрезмерно обременены работою...», — констатировала канцелярия главноначальствующего Пермской губернии 2 января 1915 г. в своем послании начальнику Казанского окружного управления по квартирному довольствию войск, прося военные власти открыть в Ирбите приемный покой для пленных на 20 коек и командировать сюда врача и 6 ротных фельдшеров²⁰.

Из неофициальных источников вскоре стало известно, что вместо запланированных 4 тыс. военнопленных в Ирбит вот-вот прибудет 7 тыс. человек

¹⁹ См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1720. Оп. 2. Д. 155. Л. 54, 55, 59, 60.

²⁰ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 40, 40 об.

и, помимо того 1,4 тыс. в Красноуфимск и 1 тыс. в Соликамск²¹. Однако вместо Ирбита, Красноуфимска и Соликамска пленных иностранцев в начале 1915 г. приняли Пермь и Камышлов, причем приняли вынужденно. 16 января 1915 г. на ст. Камышлов со следовавшего в Ирбит поезда было снято 250 военнопленных турков, среди которых началась эпидемия тифа. В тот же день 532 тифозных турка сняли с транспорта, прибывшего в Пермь. Переведенные из города в отстоящее в 9 верстах от Перми село Верхние Муллы, они «загостились» здесь до 20 марта²². Опасаясь распространения «заразы» в войсках и среди населения, начальник Пермской местной бригады генерал-майор С.Н. Плетнев и губернатор М.А. Лозина-Лозинский вынуждены были в срочном порядке принять меры к увеличению «мощности» екатеринбургского изолятора, действовавшего при железнодорожной больнице, и созданию новых изоляторов в Перми, Камышлове и Ирбите²³.

Следовавшие по Рязано-Уральской и Самаро-Златоустовской железным дорогам на восток страны военнопленные турки, сами того не желая, не только расширили географию уральского плена, но и обогатили его институциональную среду. «Станция Екатеринбург-I назначена под центральный наблюдательный пункт для всего Казанского округа при перевозке военнопленных. Все военнопленные будут направляться в Екатеринбург и здесь подвергаться медицинскому осмотру. Больные военнопленные остаются на изоляционном пункте, а здоровые будут направляться в Сибирь. Предполагается, что скопление военнопленных на ст. Екатеринбург будет достигать 3000–4000 человек», — сообщала газета «Зауральский край» 25 февраля 1915 г.²⁴ Ведомо это было вездесущим газетчиками или нет, но создание на границе между Европейской и

²¹ См.: Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12. С. 934; 1915. № 1–2. С. 54, 63.

²² См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 63; Приезд пленных турок // Пермские ведомости. 1915. 18 янв.; Турки в Камышлове // Пермские ведомости. 1915. 25 янв.; Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12. С. 1012–1013; и др.

²³ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 63; Изоляционный пункт // Пермские ведомости. 1915. 9 янв.

Азиаткой Россией особого observationalного пункта для пленных было безусловно связано с тем, что его аналоги, действовавшие на западе страны, со своими задачами не справлялись. С массовым пленением военнослужащих турецкой армии под Сарыкамышем назначенная для их приема в качестве карантинного пункта Самара оказалась переполнена больными так скоро, что город на две недели закрыли, оборудовав дополнительные 1500 мест для пленных в Пензе. Кроме того, от Сарыкамыша до Самары для отсева заболевших и подозрительных было спешно организовано 14 специальных «фильтров». Но Самару это не спасло, и начавшаяся здесь эпидемия унесла не только жизни сотен пленных, но и перекинулась на войска местного гарнизона. К весне 1915 г. жертвами тифа пали 6 местных врачей, 11 фельдшеров, 14 медсестер и 75 санитарок²⁵. На Среднем Урале за неготовность военного ведомства к оперативному решению проблемы военнопленных своими жизнями заплатили 100 турецких солдат, 3 военных и 2 земских медика, а также 2 служителя казачьей сотни, охранявшей пленных в Верхних Муллах²⁶.

Однако даже если бы печальной истории с турками не случилось, пристанищем пленных Великой европейской войны Пермская губерния рано или поздно все равно бы стала. И дело было не в каком-то особом выборе какого-то особого места. Уже летом–осенью 1914 г. в России началось бурное обсуждение перспектив интеграции пленных иностранцев в хозяйственную жизнь страны. Об этом писали если не все, то почти все издания, и «Пермские ведомости» в том числе. «Вопрос о том, чем занять взятую нами в плен многотысячную австрийскую армию, начинает серьезно занимать наши правительственные и общественные круги, — сообщал источник 8 сентября 1914 г., — Действительно, число австрийских военнопленных, взятых непосредственно в плен на поле брани с оружием в руках, к 1 сентября выражается уже в более чем 200000 человек.

²⁴ К перевозке военнопленных // Зауральский край. 1915. 25 февр. См. также: Размещение военнопленных // Уральская жизнь. 1915. 27 февр.; На observationalном пункте // Зауральский край. 1915. 1 марта; и др.

²⁵ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 163, 167, 178 и др.

²⁶ См.: Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12. С. 1012–1013. 1915. № 1–2. С. 71; Турки в Камышлове // Уральская жизнь. 1915. 20 февр.

Дальнейшее развитие военных операций на Галицийском фронте, столь же успешное, как и по настоящие дни, несомненно, число военнопленных еще значительно увеличит. Затем в качестве военнопленных мы имеем значительное число австрийских и германских подданных, живших до войны в России и высланных теперь в северные и восточные губернии Европейской России. Как велика эта цифра военнопленных, за неимением статистических данных судить нельзя, но, во всяком случае, она выражается в несколько десятков тысяч²⁷. Такое количество трудоспособных людей предлагалось «пристроить» к мелиорационным работам на юго-востоке страны, к расчистке переселенческих участков в таежных районах, к заготовке леса и добыче руд на уральских горных заводах²⁸. Особую заинтересованность в труде пленных проявило дорожное ведомство: «Министерством путей сообщения в интересах использования труда военнопленных для казенных работ составлен в настоящее время план тех работ, которые могли бы быть выполнены трудом военнопленных. Работы эти следующие: расчистка канала Петра Великого, требующая до 10 тыс. военнопленных, расчистка Белозерского канала, уширение Ново-Мариинского канала до 15 сажень, требующее для начала до 1 тыс. пленных с увеличением этого количества впоследствии до 3 тыс., расчистка Вазеринских каналов системы герцога Виртенебергского, требующая для начала до 1 тыс. пленных, устройство Ивано-Борского перекопа на р. Шексне ниже города Череповца, требующее до 700 пленных²⁹, и работы по шлюзованию р. Дона, как то: землекопные, добыча камня и погрузка его на суда и пр., требующие до 1350 пленных. Кроме того, управление внутренних водных путей и шоссейных дорог рассматривает вопрос о расчистке некоторых больших затонов и выясняет, возможно ли применить труд военнопленных к устройству затонов на реках Сибири»³⁰.

В деле приобщения пленных к общественно-полезному труду всех опередили власти Вятской губернии, где мирнопленные австрийцы и германцы были

²⁷ Труд военнопленных // Пермские ведомости. 1914. 8 сент.

²⁸ См.: Там же.

²⁹ О ходе этих работ см. подробнее: Работа военнопленных // Правительственный вестн. 1916. 7 июня.

отправлены на работы земств и городов еще в августе 1914 г. Их примеру последовала администрация Архангельской губернии, использовав гражданских пленных на разгрузке каменного угля. Однако вскоре военное ведомство спохватилось, разрешив в соответствии с международными нормами принудительное трудоустройство исключительно пленных, «забираемых на полях сражений»³¹.

В Пермскую губернию предложение разместить на ее территории австрийских и германских военнопленных с тем, «чтобы они были заняты работами для городских и земских самоуправлений», последовало в последних числах августа 1914 г. 2 сентября проблему принудительного труда пленных обсудила городская Дума Екатеринбурга, решив «пригласить» 200 человек для уборки и благоустройства городских площадей, заготовки леса в городской даче для нужд бедного населения, разработки карьеров песка, камня и пещки для мощения улиц³². В то же время пленные были предложены горнозаводским предприятиям края, среди которых «о желании принять ... на работы» порядка 2,6 тыс. человек заявило управление Богословского горного округа, 2,0 тыс. — Гороблагодатский горный округ, 1,5 тыс. — Камское акционерное общество, 0,8 тыс. — горный начальник Златоустовских заводов. Окружным инженером Чердынского горного округа было собрано заявок на 1,04 тыс. чел., Западно-Екатеринбургского — на 2,5 тыс. человек, Северо-Екатеринбургского — на 0,75 тыс. человек, Южно-Екатеринбургского — на 0,8 тыс. человек³³. В начале октября 1914 г. «Уральская жизнь» констатировала: «По Южно-Екатеринбургскому горному округу ... изъявили желание иметь пленных Ревдинские заводы — до 150 чел., Вознесенские рудники — 100 чел., Шайтанские заводы — 50 чел., остальные предприятия — по 20–25 чел. Некоторые из

³⁰ Работы для военнопленных // Зауральский край. 1914. 14 сент.

³¹ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84. Л. 22, 24, 25, 45.

³² См.: Пленные в Екатеринбурге // Уральская жизнь. 1915. 2 сент.

³³ См.: Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 6, 12 об., 20, 22, 29, 43 об., 44, 55, 57.

заводских предприятий сначала желают убедиться, пригодны ли военнопленные для работ»³⁴.

Однако в конце 1914 г. привлечение пленных к тем или иным работам так и осталось проектом, поскольку возможность их трудоустройства появилась только в 1915 г., когда вслед за Екатеринбургом, Ирбитом, Камышловом, Кунгуром и Пермью вражеские военнослужащие «оккупировали» и все прочие локальные «столицы». 18 января первую партию пленных принял Красноуфимск. За ней 3 и 25 марта, 5 и 9 апреля последовали другие, в результате чего в городе оказалось расквартировано 1700 нижних чинов, 8 офицеров и 1 врач. 23 февраля, 22 марта и 10 апреля пленные — 60, 48 и 250 человек соответственно — расселились в Оханске. В марте первые военнопленные в числе 270 человек обосновались в Шадринске, 10 апреля их стало больше на 953 человека. 5 апреля 327 отвоевавшихся солдат противника «высадилось» в Соликамске. 13 апреля к ним прибавилось еще 1230 нижних чинов и 49 офицеров. 9 апреля список мест пребывания военнопленных пополнило Верхотурье, где разместили 906 человек. В тот же день иноязычный «десант» в числе 228 человек, «усиленный» 10 и 15 апреля еще 430 пленниками, прибыл в Чердынь. И, наконец, 18 апреля пленные в составе 433 нижних и 9 классных чинов «осели» в Осе³⁵.

К маю 1915 г. на территории Пермской губернии находилось около 12000 пленных иностранцев, из которых 500 — непосредственно в Перми³⁶. При этом в связи с продолжавшимся прибытием новых пленных и начавшейся отправкой уже имевшихся на всевозможные работы точная статистика уральского плена сразу стала проблемой. В полной мере это относилось и к его географии, усложнявшейся день ото дня. Уже к середине 1915 г. пленные иностранцы оказались «рассеяны» по различным — в том числе безымянным — участкам и околоткам Казань-Екатеринбургской, Пермской и Омской железных дорог. До 80 пленных ежедневно были заняты погрузкой и разгрузкой вагонов на ст. Екатеринбург-I Товарный. 55 человек использовались на путевых работах на

³⁴ Труд военнопленных // Пермские ведомости. 1914. 13 окт.

³⁵ См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 592; ГАШ. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1920. Л. 137.

ст. Екатеринбург–II (ст. Шарташ) Омской железной дороги, еще 300 — на ремонте полотна на 6-м и 8-м участках Пермской железной дороги. 150 пленных привлекли к постройке железнодорожной линии Казань-Екатеринбург в Осинском и более 300 — в Красноуфимском уездах³⁷.

Градус пространственной мобильности военнопленных значительно повысился с решением задействовать их в сельскохозяйственной отрасли. Учитывая, что уже посевная кампания 1915 г. обнаружила в целом ряде случаев, зафиксированных, в частности, в Кунгурском, Камышловском, Верхотурском, Оханском и Пермском уездах, нежелание сельчан помогать семьям призванных в «обсемени полей», перспектива приобщения пленных к крестьянскому труду не превратиться в реальность просто не могла³⁸. Особенно актуальной эта проблема была для «хлебного» Ирбитского уезда, лишившегося с началом войны 40 % работоспособного мужского населения³⁹.

В марте 1915 г. при Пермской губернской земской управе состоялось особое совещание по вопросу об условиях применения труда военнопленных на сельскохозяйственных работах, а затем и заседание губернского собрания 52 чрезвычайной сессии. Они установили, что потребность в работниках на селе исчисляется 6807 человеками, которых предполагалось отправить не только на земские фермы, в частновладельческие экономии и крестьянские хозяйства, но и на дорожно-строительные и лесоустроительные работы⁴⁰. Однако хозяйства, которые решили воспользоваться возможностями, предоставленными «Правилами об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от

³⁶ Земство и борьба с эпидемией среди военнопленных // Зауральский край. 1915. 8 мая.

³⁷ См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 601. Л. 1; Д. 593. Л. 1; [Без названия] // Уральская жизнь. 1915. 15 апр.; и др.

³⁸ См.: Постыдное равнодушие // Пермская земская неделя. 1915. 12 апр.; Отказ в мирской помощи // Там же; Отказ в помощи солдаткам // Пермская земская неделя. 1915. 24 мая; Вместо сочувствия и помощи — смех // Там же; и др.

³⁹ См.: Ирбитское уездное земское собрание 62 чрезвычайной сессии // Пермская земская неделя. 1916. 17 апр.

⁴⁰ См.: Труд военнопленных // Зауральский край. 1915. 12 марта; Запрос на труд военнопленных // Зауральский край. 1915. 16 апр.

28 февраля 1915 г.⁴¹, сразу столкнулись с вязкой волокитой, сопровождавшей подачу и сбор заявок на пленнх. К примеру, возбудив ходатайство об отпуске на весенние работы сезона 1915 г. 3 тыс. отвоёвавшихся неприятельских солдат, «для чего был даже командирован в Казань член управы И.А. Старков», Оханское уездное земство получило их только к июлю в количестве 800 человек⁴².

Не дожидаясь облегчения процедуры отпуска военнопленных на работы, из 12 уездов Пермской губернии 8 прибегли к помощи более 4 тыс. пленнх иностранцев уже к 10 августа 1915 г. (см. табл. 2). Тем самым число обезоруженных военнослужащих противника, отпущенных аграрному сектору, превысило статистику их использования на общественных работах городов. Несмотря на большой интерес местных городских властей к труду военнопленных, список предложенных им работ был весьма скромн и однообразен, практически исчерпываясь рубкой дров для городских нужд, постройкой городских зданий, а также благоустроительной деятельностью: исправлением дорог и мостов, очисткой улиц и площадей, отловом бродячих собак, установкой фонарных столбов, устройством сточных канав и т.д., и т.п. В Екатеринбурге, правда, в отличие, скажем, от Шадринска, 200 пленнх иностранцев задействовали еще и в городском карьере, где производилась пешка для мощения городских улиц⁴³.

Как бы то ни было, но ни железнодорожные, ни сельскохозяйственные, ни общественные работы не стали главными потребителями пленнх в Пермской губернии. Начиная с весны 1915 г. эту роль с каждым днем все увереннее и увереннее начал играть промышленный сектор региональной экономики, а еще точнее — горно-металлургический. В течение мая–августа 1915 г. предприятия отрасли одну за другой с аппетитом поглотили новые и новые партии пленнх,

⁴¹ См.: Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. № 83. Ст. 715.

⁴² См.: Оханское собрание. О применении труда военнопленных // Пермская земская неделя. 1916. 20 марта.

⁴³ См.: ГАШ. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1914. Л. 215–216; Д. 1920. Л. 367; Д. 1975. Л. 4–6; Военнопленные в Екатеринбурге // Зауральский край. 1915. 21 мая; Военнопленные-рабочие // Там же; Труд военнопленных // Там же; Военнопленные на работах // Уральская жизнь. 1915. 9, 13 и 15 мая; На городском карьере // Уральская жизнь. 1915. 30 мая; и др.

тут же распределявшихся на заводские, лесные и рудничные работы⁴⁴. За этот период Невьянский горный округ и Верх-Исетские горные заводы получили по 400 человек военнопленных. Нижнетагильский и Луньевский горные округа располагали 1360 пленными уже к июлю, ожидая в ближайшей перспективе присылки еще 1390 человек. Лидерство же в соревновании за обладание новыми рабочими руками захватило Богословское горнозаводское общество, где к лету 1915 г. трудилось около тысячи пленных иностранцев. За июнь 1915 г. их численность увеличилась более чем вдвое, а к середине августа достигла 3,2 тыс. человек, или почти 20 % от общего количества рабочих предприятия, которое к тому времени окончательно перешло к работе на оборону, получив 23,5 % от общеуральских военных заказов⁴⁵.

Таблица 2

Количество военнопленных, привлеченных к сельскохозяйственным работам в уездах Пермской губернии, по состоянию на 10 августа 1915 г., чел.

№	Уезд	В/п, чел.
1.	Верхотурский	100
2.	Екатеринбургский	772
3.	Ирбитский	1603
4.	Камышловский	0
5.	Красноуфимский	34
6.	Кунгурский	0
7.	Осинский	166
8.	Оханский	907
9.	Пермский	234
10.	Соликамский	0
11.	Чердынский	0
12.	Шадринский	364
13.	ИТОГО	4180

Источник: ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 130. Л. 14.

По неполным сведениям, собранным уездными исправниками, в пределах Пермской губернии на 1 августа 1915 г. трудилось 22421 военнопленный, в том числе 10409 — на частных промышленных предприятиях, 2325 — на железных дорогах, 372 — на общественных работах, 3695 — на сельскохозяйственных

⁴⁴ См.: Военнопленные на горных работах // Зауральский край. 1915. 5 июня; [Без названия] // Уральская жизнь. 1915. 24 июня; Нижний Тагил // Зауральский край. 1915. 25 июня; Военнопленные на работах // Зауральский край. 1915. 26 июня; Военнопленные на горных работах // Зауральский край. 1915. 19 июля; и др.

⁴⁵ См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 592. Л. 7, 16; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1605, Л. 157; Оп. 32. Д. 4511. Л. 56–58; Ф. 50. Оп. 2. Д. 2892. Л. 271; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5556. Л. 53–54 об., 56–58 об.; Ф. 643. Оп. 1. Д. 3585. Л. 167; Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 214.

работах земств, 4170 — при Пермском управлении земледелия и государственных имуществ, 1450 — в распоряжении уполномоченного Главного управления землеустройства и земледелия по заготовке сена для нужд армии⁴⁶. Появились даже опасения, что вовлечение пленных иностранцев в производственные процессы «уронит требование на местных рабочих и создаст безработицу среди местного рабочего населения и конкуренцию в смысле предложения труда, что поставит рабочие классы в затруднительное положение, особенно при повышенных ценах на продукты»⁴⁷. Однако такую позицию большинство работодателей явно не разделяло, поскольку с зимним, весенним и летним призывами ратников ополчения и новобранцев⁴⁸ «местные рабочие классы» приобрели устойчивую тенденцию к оскудению. При этом уже к середине 1915 г. местные хозяйственники убедились, что уповать на мобилизацию крестьян на вспомогательные производства, равно как и на отзыв из армии квалифицированных рабочих, не приходится: первые на помощь промышленности не спешили, и труд их оказался малопродуктивным, в то время как возвращение солдат на заводы допускалось только в виде исключения и только из тыловых частей⁴⁹.

Заявки на пленных множились день ото дня, фиксируя как рост числа предприятий-заявителей, так и числа «испрашиваемых» ими военнопленных. По неполным данным, в июне–августе 1915 г. предприятиям района ведения Уральского областного военно-промышленного комитета требовалось более 10 тыс. пленных. 25 человек просила чугунолитейная и механическая фабрика Л.А. Сосунова в Шайтанском заводе, 45 — чугунолитейный и машиностроительный завод администрации по делам Ф.Е. Ятеса в Екатеринбурге, 90 — механический завод А.А. Кислякова под Красноуфимском, 200 — лесопильные заводы товарищества «Лаптевы и Манаев» под Верхотурьем, 200 же

⁴⁶ См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 140а. Л. 412 и 412 об.

⁴⁷ [Без названия] // Уральская жизнь. 1915. 30 мая.

⁴⁸ См. подробнее: Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне: в 2-х т. Т. 1. Париж, 1939. С. 75–81.

⁴⁹ См.: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 88.

— товарищество химических заводов «П.К. Ушаков и К°» в Кушве, 270 — механический, судостроительный, чугунолитейный и котельный завод Товарищества пароходства и транспортирования грузов «Бр. Ф. и Г. Каменских и Н. Мешков» в Перми, 290 — уральская суконная фабрика В.П. Злоказова в с. Арамиль, 300 — льнопрядильно-ткацкая фабрика торгового дома «Братья Бутаковы» в Шадринске, 1790 — Чусовской завод Камского акционерного общества железо- и сталелитейных заводов, 2000 — Николае-Павдинский горный округ, 4495 — Богословский горный округ...⁵⁰

На 5 тыс. военнопленных претендовал один только Лысьвенский механический завод. 26 сентября 1915 г. управитель завода констатировал, что трубочная мастерская предприятия «при предположенном нормальном составе 1500 человек, сейчас имеет всего 40 рабочих, шанцевая вместо 300 всего 4, снарядная, рассчитанная на нормальный состав рабочих в 2500 рабочих, сейчас имеет только 105. Всего по этим трем отделам вместо 4300 человек нормального состава работает в настоящее время только 149 рабочих. Таким образом, остается добрать еще не менее 4000 человек, а считая механический и другие цеха — до 5000 человек»⁵¹.

Осенью же 1915 г. список просителей, желающих получить в свое распоряжение военнопленных, разнообразили Вознесенские асбестовые рудники В.И. Жирарда, Лесопромышленное товарищество «Процвет», Торговый дом «Наследники А.И. Калашникова», льнопрядильно-ткацкая и шпагатная фабрика Торгового дома «В.С. Жиряков», чугунолитейный и механический завод Т.Д. Теплякова, Каменский чугуноплавильный и железоделательный завод... Пленные, быстро войдя в обиход, стали своего рода трендом, приобщиться к которому стремились все. Так, администрация Пермских пушечных заводов, не располагая никаким сколько-нибудь пригодным для проживания рабочих жильем,

⁵⁰ См.: ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 8–9 об., 30–30 об., 35; Военнопленные на горных работах // Зауральский край. 1915. 19 июля.

⁵¹ ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 128.

тем не менее, также возжелала получить в свое распоряжение 500–1000 военнопленных⁵².

3 августа 1915 г. управляющий военным министерством сообщил на места, что «весь свободный контингент здоровых и трудоспособных военнопленных в настоящее время полностью уже использован и потому военное ведомство лишено возможности широко удовлетворять дальнейшие ходатайства об отпуске таковых...»⁵³. Однако этот факт на прогресс статистики и географии уральского плена не повлиял, поскольку совсем скоро, в середине сентября 1915 г., военное ведомство приступило к постепенному снятию военнопленных с сельскохозяйственных работ в целях их немедленной отправки на предприятия, имевшие непосредственное отношение к обороне. В результате буквально в считанные дни в распоряжении Особого совещания по обороне государства оказалось порядка 100 тыс. «изъятых» из деревни пленных, 30 тыс. из которых было направлено на Урал⁵⁴.

Еще одним фактором, способствовавшим росту удельного веса обезоруженных военнослужащих противника в экономически активном населении региона, а вместе с ним и расширению географии плена, в середине 1915 г. стало изменение «Правил об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», обретших силу закона 17 марта 1915 г.⁵⁵ Статьи 2 и 3 этого документа предусматривали не только квоты на количество пленных в размере не более 15 % от общего числа рабочих и максимум 25 человек на каждое предприятие, но и «крайне сложную процедуру приглашения»⁵⁶ пленных на работы. 20 июня 1915 г. штаб Казанского военного округа телеграфировал в

⁵² См.: ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 8, 49, 56, 71, 115; Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 117, 124 об.

⁵³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 94. См. также: ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2647. Л. 47.

⁵⁴ См.: ГАПК. Ф. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 74–74 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 104, 123–123 об.; Дмитриев А.В. Состав и положение лесных рабочих горнозаводского Урала в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 99.

⁵⁵ См.: Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. 29 мая. № 150. Ст. 1162.

⁵⁶ Доклад Совета XXI Очередному Съезду Горнопромышленников Урала о деятельности Совета Съездов за 1915 год // Труды XXI Съезда Горнопромышленников Урала с 27 по 29 февраля 1916 г. в г. Петрограде. Петроград, 1916. С. 31.

Пермь, что теперь всякие ограничения на отпуск военнопленных отменены, и отныне они выделяются работодателям «по действительной надобности»⁵⁷. В июле не менее радостная новость пришла из Горного Департамента: «Высочайше утвержденным 1 июля 1915 г. положением Совета Министров ... постановлено предоставить учреждениям и предприятиям, желающим получить в свое распоряжение военнопленных, подавать установленные на сей предмет заявления, минуя все промежуточные инстанции непосредственно в штаб подлежащего военного округа, одновременно поставляя в известность о том местного Губернатора, с указанием числа просимых пленных и желательного времени их прибытия»⁵⁸. Эти решения правительства катализировали процесс вливания пленных иностранцев прежде всего в трудовые фонды небольших предприятий, поскольку для крупных производственных комплексов, как правило, образованных рядом производств, обойти ограничительные законодательные нормы не составляло труда. Конкретизация приоритетов правительства в вопросе приложения труда военнопленных неприятельских армий вообще поставила горнозаводские предприятия Урала в привилегированное положение, так как все они были так или иначе связаны с заготовкой сырья, производством материалов или выпуском продукции военного характера. В итоге к концу 1915 г. только на частных предприятиях горно-металлургической отрасли использовался труд 25 тыс. пленных иностранцев, в том числе порядка 9 тыс. человек — в Богословском горном округе⁵⁹.

1 ноября 1915 г., обращаясь к министру внутренних дел А.Н. Хвостову, главный губернский чиновник писал: «...Ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством об оказании содействия к прекращению присылки в Пермскую губернию военнопленных, неспособных к личному труду, а лишь для размещения казарменным порядком... В губернии уже размещено казарменным

⁵⁷ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 63 об. См. об этом подробнее: Суржикова Н.В. Организация труда военнопленных на Урале в 1914–1917 гг.: поиски и решения // Проблемы российской истории: ежегодн. Вып. VI. М.–Магнитогорск, 2006. С. 169–194.

⁵⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 80.

⁵⁹ См.: ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 2892. Л. 271; Доклад Совета XXI Очередному Съезду Горнопромышленников Урала ... С. 107–110, 162–169.

способом свыше 8000 пленных; свободных помещений для дальнейшего их размещения совершенно нет... Прилив в губернию еще массы пленных, не приносящих пользы краю личным трудом, неминуемо еще более усилит и без того трудное в продовольственном отношении положение губернии» (см. табл. 3)⁶⁰. Между тем местные хозяйственники были совсем иного мнения, в результате чего обезоруженные вражеские военнослужащие стали напрямую высылаться на предприятия, заинтересованные в их труде, минуя изоляторы, обсервации и еще недавно служившие «биржами труда» поуздно расположенные пункты водворения. Роль последних в структурах уральского и российского плена теперь состояла не столько в раздаче пленных на те или иные производства, сколько в концентрации уже утилизированной рабочей силы, сдаваемой в распоряжение военных властей, чтобы снова в нее превратиться после короткой передышки. По данным А. Рахамимова, военнопленные в России в 1915 г. были размещены в не менее чем 891 месте, из которых только 317 рассматривались как «места постоянного водворения» и только 68 как лагеря⁶¹.

Таблица 3

Численность военнопленных, расквартированных казарменным порядком в городах Пермской губернии и свободных от работ по состоянию на ноябрь 1915 г., чел.

№ п.п.	Место водворения	Военнопленных, человек
1.	Верхотурье	718
2.	Ирбит	5639
3.	Камышлов	134
4.	Красноуфимск	718
5.	Кунгур	35
6.	Оса	307
7.	Соликамск	258
8.	Шадринск	295
9.	Итого*	8104

Источник: ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 140а. Л. 411.

* В Перми, Чердыни и Оханске пленных, содержавшихся казарменным порядком, не было. Данные по Екатеринбург в документе отсутствуют, так как он, будучи передаточным пунктом, к числу мест постоянного водворения пленных не относился. Сведениями по Верхним Муллам губернатор, вероятно, не располагал, так как это была территория, подотчетная только военным властям. Альтернативные же источники свидетельствуют, что здесь на 1 января 1916 г. содержалось 1015 пленников (см. об этом: Пленные специалисты // Пермские ведомости. 1916. 8 янв.).

⁶⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 140а. Л. 409–410. См. также: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 280. Л. 5).

⁶¹ Rachamimov A. POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. New York, 2002. P. 89.

Метаморфоза, выражавшаяся в смещении центров уральского плена из городов губернии на периферию — на заводы, рудники и лесничества — никого не удивила, обретя в 1916 г. все необходимые признаки нормы. Действительно, несмотря на то что «деурбанизация» плена окончательно лишила его статистику и географию всякой определенности, общий вектор их развития к началу 1916 г. явственно обозначился, и в самом общем виде может быть охарактеризован в «эпитетах» приумножения и расширения. Достаточно выборочного анализа трудового фонда уральских предприятий дабы увидеть, что, если на 1 января 1916 г. 50 хозяйствующих субъектов края использовали труд 16879 военнослужащих неприятельских армий, то к 1 апреля 1916 г. близкую цифру в 15029 человек давали всего 15 производств⁶².

Таблица 4

Количество рабочих, требовавшихся частным промышленным предприятиям Пермской губернии по состоянию на 1 января 1916 г., чел.

№ п.п.	Производства	Дефицит, человек
1.	Чугунолитейное и механическое	52
2.	Кожевенно-обувное	150
3.	Слесарно-механическое	58
4.	Лесообрабатывающее	1169
5.	Канатное	8
6.	Машино- и вагоностроительное	262
7.	Льнопрядильно-ткацкое	116
8.	Суконно-ткацкое	203
9.	Горнозаводское	15392
10.	ИТОГО	17410

Источник: ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 85. Л. 103–123 об.

Положительную динамику занятости военнопленных в промышленных заведениях Пермской губернии продолжали обеспечивать прежде всего предприятия горнозаводского профиля. В январе 1916 г. они обозначили свои претензии на 15392 новых военнопленных, в марте 1916 г. — на 22703, в июне — на 30740 (см. табл. 4).

10 августа 1916 г. уполномоченный Совета Съездов горнопромышленников Урала констатировал, что из общего числа затребованных военнопленных прибыло всего 15 тыс. человек, и дальнейшая отсрочка в их присылке может

⁶² См.: ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 85. Л. 103–113 об.

пагубно отразиться на заготовке древесного горючего, что неминуемо повлечет за собой сокращение производства военной продукции⁶³.

Доводы о стратегическом характере горнозаводского производства, судя по всему, работали, давая ожидаемый эффект. На 1 октября 1916 г. только 17 предприятий горно-металлургической отрасли располагали более 50 тыс. военнопленных, тогда как всего три месяца назад аналогичную сумму обеспечивали все производства Среднего Урала, включая фабричные и заводские (34194 человек), казенные (5731 человек), сельскохозяйственные (5060 человек), железнодорожные (4145 человек), городские и земские (913 человек), а также прочие (568 человек)⁶⁴. При этом, судя по тем же 17 горнопромышленным предприятиям, доля пленных иностранцев в их трудовом фонде преодолела 30-процентную отметку. По некоторым же производствам прогресс был еще более заметным. Так, среди рабочих Богословского горнозаводского общества удельный вес пленных составлял 45,3 %, Алапаевских горных заводов — 41,3 %, предприятий наследников П.П. Демидова, князя Сан-Дonato — 40,4 %, Никольского чугуно-плавильного завода Н.Ф. и С.Ф. Злоказовых — 38,9 %, Кыштымского горного округа — 35,5 %, Ревдинских горных заводов — 33,5 % (см. табл. 5).

При этом, говоря о специализации занятых в горнопромышленных предприятиях пленных, необходимо иметь в виду, что для большинства из них она означала знакомство с профессией лесных рабочих. Действительно, уже в 1915 г. хозяйственной заготовкой леса в Пермской губернии было занято свыше 4,5 тыс. пленников⁶⁵. К концу 1916 г. эта цифра выросла почти в 10 раз, когда в работников пилы и топора превратилось порядка 40 тыс. военнопленных, 10 тыс. из которых приходилось на Богословский и более 4 тыс. на Гороблагодатский горные округа⁶⁶. В этой связи не будет преувеличением сказать, что лесные лагеря, в привычном смысле слова лагерями не являвшиеся, стали одним из

⁶³ См.: Доклад Совета XXII Очередному Съезду Горнопромышленников Урала об обеспечении уральских горнозаводских предприятий рабочими, в связи с войной. Пг., 1917. С. 1–10.

⁶⁴ См.: [Без названия] // Уральская жизнь. 1916. 24 мая.

⁶⁵ См. Работы военнопленных // Правительственный вестн. 1916. 15 янв.

ключевых компонентов институционального дизайна уральского плена, специфически конфигурируя его географию, развивавшуюся по пути уплотнения и децентрализации.

Таблица 5

Численность рабочих, занятых в горнозаводской промышленности Урала по состоянию на октябрь 1916 г., чел.

Предприятие	Общее число рабочих, человек	В том числе пленных, человек
1. Алапаевский горнозаводский округ	12669	5237
2. Богословский горнозаводский округ	34404	15610
3. Верх-Исетский горнозаводский округ	11303	2625
4. Гороблагодатский горнозаводский округ	21639	5613
5. Заводы графа С.А. Строганова	4436	155
6. Заводы Камского акционерного общества	4740	642
7. Лысьвенский горнозаводский округ	19566	4800
8. Кыштымский горнозаводский округ	12352	4388
9. Невьянский горнозаводский округ	6413	1488
10. Никольский чугуноплавильный завод Злоказовых	1629	634
11. Сергинско-Уфалейский горнозаводский округ	5883	773
12. Сысертский горнозаводский округ	3011	695
13. Шайтанские горные заводы	2076	515
14. Юго-Камский завод графини Е.А. Воронцовой-Дашковой	1209	265
15. Нижнетагильский и Луньевский горнозаводские округа	17467	6207
16. Каменноугольные копи наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато	1975	896
17. Ревдинский горнозаводский округ	8102	2713
ИТОГО	168874	53256

Источник: ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1117. Л. 281–281 об.; Доклад Совета XXII Очередному Съезду Горнопромышленников Урала об обеспечении уральских горнозаводских предприятий рабочими, в связи с войной. Петроград, 1917. С. 18–24.

В то время как внушительная часть пленных «разбрелась» по лесам Среднего Урала, другая их часть, менее значительная, рассеялась по полям и покосам, владельцы которых в 1916 г. попытались внести свои коррективы в сложившуюся систему распределения новых рабочих рук по отраслям региональной экономики. Действовать в этом направлении местные аграрии начали еще в конце 1915 г. Подводя итоги уборочной кампании 1915 г., в ходе которой все уезды края прибегли к помощи пленных иностранцев, участники совещания представителей кооперативных учреждений в Перми настаивали: «Опыт применения труда военнопленных при сельскохозяйственных работах оказался очень удачным, почему совещание высказывается за необходимость более легкого и свободного

⁶⁶ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1117. Л. 281–281 об.; Дмитриев А.В. Указ. соч. С. 100.

предоставления военнопленных крестьянам для сельскохозяйственных работ путем уменьшения размера отпускаемых партий до 2–3 человек и заменой охраны их ответственностью лиц, принявших пленных на работу. В отпуске военнопленных крестьянам должно быть оказываемо преимущество перед крупной промышленностью, за исключением, конечно, предприятий, занятых изготовлением военных снаряжений»⁶⁷.

Порядок «испрошения» и «раздачи» пленных иностранцев упростился к началу 1916 г., что стало своего рода индикатором обеспокоенности правительства проблемой продовольственной безопасности страны, вступившей в очередной год войны. «...Суммируя данные Главного управления земледелия и землеустройства, мы нашли, что из 44 губерний Европейской России 36 губерний, или 83%, указали на недостаток в рабочих, тогда как в 1914 г. о таком недостатке заявило лишь 14 губерний, или всего 32%...», — отмечал в этой связи В.П. Милютин⁶⁸. Не удивительно, что ещё в ноябре 1915 г. министр земледелия А.Н. Наумов обратился в военное ведомство с просьбой «произвести точный учет свободным от постоянных работ военнопленным и срочно обсудить вопрос о том их числе, которое может быть уделено для сельскохозяйственных работ» вдобавок к оставшимся там с прошлого сезона 220 тыс. человек⁶⁹. Обсуждение состоялось 15 января 1916 г. и закончилось решением о предоставлении аграрной отрасли 200 тыс. человек, из которых порядка 120 тыс. предстояло передвинуть из-за Урала⁷⁰.

Спустя, однако, всего пару дней 80 тыс. человек из этого числа было затребовано военным ведомством, которое, кроме того, заявило о своем намерении снять с сельскохозяйственных работ часть пленных славян, отданных селянам еще в 1915 г. Усилиями А.Н. Наумова военные умерили свои аппетиты, уступив аграриям 50 тыс. человек, затребованных для работ на фронте, но еще

⁶⁷ Совещание представителей кооперативных учреждений при Пермской уездной земской кассе мелкого кредита // Пермская земская неделя. 1916. 10 янв.

⁶⁸ Милютин В.П. Организация рынка труда сельскохозяйственных работ // Изв. Главного комитета Всероссийского Земского Союза. 1916. 15 марта — 1 апр. С. 198–199.

⁶⁹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: документы и материалы. Часть третья: Сельское хозяйство и крестьянство. М., Л., 1967. С. 38–39. См. также: Использование для нужд сельского хозяйства труда военнопленных и беженцев // Изв. Министерства земледелия. 1917. 1 янв.

туда не доставленных⁷¹. Министерству земледелия, таким образом, досталось 170 тыс. пар рабочих рук, которые были разверстаны по 33 наиболее нуждавшимся территориям⁷². В первую очередь их планировалось отправить в губернии Терскую, Кубанскую, Донскую, Ставропольскую, Таврическую, Херсонскую, Екатеринославскую, Полтавскую и Астраханскую, во вторую — в Воронежскую, Курскую, Орловскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Тамбовскую и Харьковскую и, наконец, в третью — в Казанскую, Нижегородскую, Рязанскую, Оренбургскую, Пермскую, Симбирскую, Тульскую и Уфимскую⁷³. Для переброски военнопленных на сельскохозяйственные работы из Сибири в Европейскую Россию был создан специальный распределительный пункт в Пензе и эвакуационные пункты в Челябинске, Уфе, Оренбурге и Самаре⁷⁴. Но не успели пленные добраться до мест назначения, как министр торговли и промышленности, настаивая на неотложных нуждах своего ведомства, предложил изъять из деревни хотя бы 50 тыс. вражеских военнослужащих. «Имея в виду, что число военнопленных, причитающееся согласно распределению на каждую из 33 губерний, не составляет в большинстве случаев и одной десятой части того количества рабочих рук, которое требуется губернской администрацией и земствами для предупреждения дальнейшего сокращения посевной площади, я считаю уменьшение разверстанного, сообщенного на места и уже прибывающего по назначению числа военнопленных в 170 тыс. — не только на 50 тыс., но хотя бы и на одного человека в интересах страны и продовольствия армии — совершенно невозможно», — убеждал министр земледелия главу правительства Б.В. Штюрмера и, по имеющимся данным, все-таки убедил⁷⁵. К началу весеннего сева селяне обзавелись 180178 рабочими из числа военнопленных, прибывших главным образом из Азиатской России. Кроме

⁷⁰ См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Оп. 1. Д. 10. Л. 336–336 об.; Д. 31. Л. 19 об., 20, 20 об.

⁷¹ См.: О восполнении убыли рабочих рук в сельском хозяйстве // Изв. Министерства земледелия. 1916. 20 марта. С. 266–267.

⁷² См.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. С. 39.

⁷³ См.: РГВИА: Ф. 2000. Оп. 6. Д. 166. Л. 7, 7 об.

⁷⁴ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 31, 40, 51.

того, министр внутренних дел А.Н. Хвостов, признавая, что «в виду ограниченного числа военнопленных последние далеко не удовлетворят всей потребности в рабочей силе», тем не менее, отправил в деревню ещё около 20 тыс. пленников, находившихся доселе в распоряжении земских и городских управлений⁷⁶.

Однако на отраслевую иерархию занятости пленных в хозяйстве Среднего Урала всё это никак не повлияло: тогда как пермские аграрии требовали предоставить им для весенних работ 1916 г. порядка 22 тыс. человек, региону таковых выделили всего 3 тыс. (см. табл. 6)⁷⁷. При этом из местных пунктов водворения тут же «изымалось» более 5,5 тыс. солдат неприятеля, предназначенных для отправки в Полтавскую (1897 человек), Воронежскую (812 человек), Самарскую (1354 человек), Оренбургскую (200 человек) и Ставропольскую (1250 человек) губернии⁷⁸. Еще большие потери понесла соседняя с Пермской Вятская губерния, где дефицит в 15 тыс. рабочих рук был еще более усугублен снятием с местных полевых работ 7803 пленных⁷⁹.

Таблица 6

**Сведения об отпуске пленных на сельскохозяйственные работы
в Казанском военном округе, 22 февраля 1916 г., чел.**

Губернии	Уже состоит на с/х работах, человек	Подлежит отпуску на с/х работы, человек
Астраханская	1780	1000
Вятская	7878	0
Казанская	2725	2000
Оренбургская	2591	3000
Пензенская	861	1500
Пермская	4455	3000
Самарская	7386	7000
Саратовская	1194	6000
Симбирская	4649	2000
Уфимская	2587	2000
ИТОГО	36106	27500

Источник: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 23.

⁷⁵ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. С. 39.

⁷⁶ См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 31. Л. 2; Использование для нужд сельского хозяйства труда военнопленных и беженцев // Правительственный вестн. 1916. 16 дек.; О восполнении убыли рабочих рук в сельском хозяйстве // Изв. Министерства земледелия. 1916. 20 марта. С. 266–267.

⁷⁷ См. РГВИА: Ф. 2000. Оп. 6. Д. 166. Л. 11.

⁷⁸ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 182. Л. 76 об., 77 и др.

⁷⁹ См.: РГВИА: Ф. 2000. Оп. 6. Д. 166. Л. 16.

Изыскивать и находить резервы приходилось на местах, тем более что военное ведомство напрямую подталкивало к ужесточению процедуры деления пленных на трудоспособных и «действительно больных, неспособных совершенно ни к какому физическому труду», издав распоряжение, в котором, помимо всего прочего, отмечалось: «Пленные временно слабого здоровья за недостатком ныне необходимого количества пленных для сельскохозяйственных работ вполне могут быть командированы на полевые работы, где они по условиям этих работ, находясь на чистом воздухе и пользуясь относительно хорошим питанием, могут очень быстро поправить свое здоровье и в результате оказаться вполне трудоспособными»⁸⁰. К 6 марта 1916 г., когда в Перми при участии губернатора состоялось совещание о распределении свободных от работ военнопленных, таковых по городам и весям края набралось 6942 чел.⁸¹ Но и это количество селян не устраивало, поскольку только 4 из 12 уездов губернии, Екатеринбургскому, Верхотурскому, Оханскому и Пермскому, для благополучного исхода посевной требовалось 6660 работников⁸². В таких условиях, несмотря на более чем двукратное в сравнении с 1915 г. увеличение статистики занятых на полевых работах пленников (ср. данные табл. 6 и 7), местные аграрии продолжали бороться за придание ей еще большего динамизма. Так, уральские латифундисты, минуя все промежуточные звенья, обратились с просьбой о выделении новых рабочих рук непосредственно в Министерство земледелия, которое «за исчерпанием всего наличного состава военнопленных» ответило отказом, посоветовав пригласить в крупные имения беженцев и воинские команды⁸³. Впрочем, настоящий отказ в пленных уже не был чем-то из ряда вон выходящим. Есть данные, что в то же время Самарская и Уфимская

⁸⁰ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 7 об.

⁸¹ См.: Военнопленные для сельскохозяйственных работ // Зауральский край. 1916. 11 марта.

⁸² См.: Военнопленные на работах // Пермские ведомости. 1916. 30 апр.; Оханское собрание. О применении труда военнопленных // Пермская земская неделя. 1916. 20 марта; Помощь семьям призванных // Пермская земская неделя. 1916. 3 апр.; Предстоящие полевые работы // Зауральский край. 1916. 18 февр.

⁸³ См.: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 31. Л. 19 об., 20, 20 об.; О труде военнопленных // Пермские ведомости. 1916. 19 апр.; Труд военнопленных весь использован // Пермская земская неделя. 1916. 24 апр.

губернии, претендовавшие соответственно на 70 и 20 тыс. пленников, вместо того получили в свое распоряжение только лишь 7 тыс. человек и 2 тыс. человек⁸⁴.

Таблица 7

Разверстка вновь отданных на сельскохозяйственные работы пленных по уездам Пермской губернии, весна 1916 г.

Уезд	Отправлено в Пермскую губернию из других регионов, человек	Отправлено из мест постоянного водворения Пермской губернии, человек	Всего, человек
Верхотурский	200	466	666
Екатеринбургский	150	350	500
Ирбитский	100	233	333
Камышловский	300	700	1000
Красноуфимский	300	700	1000
Кунгурский	100	233	333
Осинский	500	1166	1666
Оханский	100	235	335
Пермский	300	700	1000
Соликамский	200	466	666
Чердынский	50	118	168
Шадринский	700	1633	2333
ИТОГО	3000	7000	10000

Источник: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 61–63; ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 88.

«Если бы всех военнопленных, пригодных к сельскохозяйственным работам, направить исключительно лишь в 6 губерний Поволжья, то они бы только восстановили убыль населения и все же не удовлетворяли бы потребности, существующей на рабочие руки...», — комментировал ситуацию один из экспертов⁸⁵. Между тем, царившее в селах и деревнях Пермской губернии уныние только усиливалось. «Безлюдье всюду полное, — писала «Пермская земская неделя» летом 1916 г., — Военнопленных не хватает. По крайней мере, несмотря на громадное количество пленных, захваченных генералом Брусиловым в последних боях, их на сельскохозяйственные работы поступает очень мало»⁸⁶. На самом же деле из 200 тыс. неприятельских солдат, взятых в плен в ходе наступательной операции русских армий Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г., ведомству земледелия было отдано 160 тыс. чел., или 80 %⁸⁷. Более того,

⁸⁴ См. об этом: К сельскохозяйственной кампании в Самарской губернии и Оренбургском уезде // Изв. Главного комитета Всероссийского Земского Союза. 1916. 1 июня. С. 120–121; Об использовании военнопленных и беженцев для полевых работ и других мерах к предупреждению сокращения посевной площади в Уфимской губернии // Изв. Главного комитета Всероссийского Земского Союза. 1916. 15 июня — 15 июля. С. 201.

⁸⁵ Милютин В.П. Указ. соч. С. 199.

⁸⁶ Урожай и рабочие руки // Пермская земская неделя. 1916. 31 июля.

⁸⁷ См.: Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 56.

в конце июля 1916 г. Б.В. Штюрмер обратился к командующим фронтами А.Е. Эверту, А.Н. Куропаткину и А.А. Брусилову с просьбой отдать распоряжение «о безотлагательном направлении в тыл и передаче гражданской власти всех сколько-нибудь способных к труду военнопленных»⁸⁸. Последние, «минуя внутренние лагеря»⁸⁹, отправлялись в деревню непрерывным потоком, который, однако, проходил мимо Пермской губернии, не относившейся к числу хлебородных (см. табл. 8).

Проблема нехватки рабочих рук в уральской деревне так обострилась еще и потому, что распределить пленных между крестьянскими хозяйствами по справедливости или, говоря иначе, по потребности, не получилось. К примеру, в Ирбитском уезде пленники раздавались по дворам из расчета один работник на 3 десятины земли⁹⁰, но нормой эта пропорция так и не стала. Выяснилось, что «некоторые крестьяне переманивают один от другого и особенно от солдаток военнопленных, обещая им повышение заработной платы, нередко до высоких размеров»⁹¹. Другим оборотистым дельцам от сохи вообще удалось сдать «своих» военнопленных в «субаренду», а именно на железнодорожные работы, плата за которые оседала в карманах деревенских «кулаков»⁹².

Так или иначе, но к середине 1916 г. недостаток рабочих рук в аграрной отрасли приобрел масштабы национальной проблемы. Именно в этой связи намеченный на 15 июля набор ратников I и II разрядов по договоренности военного министра, министров земледелия и внутренних дел был отсрочен сначала до 15, а затем до 25 августа⁹³. Помимо того, власти приняли самые энергичные меры к увеличению земледельческих кадров посредством давления на беженцев, которых в случае отказа от сельскохозяйственных работ лишали беженского пайка. Только в

⁸⁸ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. С. 43.

⁸⁹ Использование для нужд сельского хозяйства труда военнопленных и беженцев // Изв. Министерства земледелия. 1917. 1 янв.

⁹⁰ Ирбитское уездное земское собрание 62-й чрезвычайной сессии // Пермская земская неделя. 1916. 17 апр.

⁹¹ ГАСО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 213.

⁹² Кулаки в наши дни // Пермская земская неделя. 1916. 24 апр.

⁹³ См.: Урожай и рабочие руки // Пермская земская неделя. 1916. 31 июля; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. С. 42.

Европейской России в деревне таким образом оказалось 226,7 тыс. беженцев, что, однако, равнялось всего 1 % от общего числа занятых в аграрной сфере россиян⁹⁴.

Таблица 8

Распределение пленных по сельскохозяйственным работам на территории Европейской России (ориентировочно конец 1916 г.), чел.

Район	Губернии	Число уездов	Число пленных
Юго-Западный	Киевская	3	2818
	Волынская	1	3169
	Подольская	5	5118
Итого по району		9	11105
Малороссийский	Полтавская	7	8872
	Харьковская	5	14328
	Черниговская	1	173
Итого по району		13	23373
Земледельческий	Орловская	2	2656
	Тульская	3	1961
	Рязанская	6	1826
	Воронежская	5	8556
	Курская	2	1942
	Тамбовская	4	4326
Итого по району		22	21267
Средне-Волжский	Симбирская	3	2128
	Пензенская	3	964
	Уфимская	2	1065
	Саратовская	6	14683
	Казанская	3	1624
	Нижегородская	7	1958
Итого по району		24	22492
Новороссийский	Екатеринославская	5	13450
	Таврическая	4	17107
	Херсонская	1	3310
	Бессарабская	3	9614
Итого по району		13	36401
Юго-восточный	Астраханская	2	3742
	Самарская	5	17780
Итого по району		7	21522
Литовско-Белорусский	Могилевская	1	124
Московский промышленный	Московская	6	1146
	Тверская	3	827
	Костромская	2	295
	Ярославская	4	671
	Смоленская	5	1791
	Владимирская	2	662
	Калужская	8	1773
Итого по району		30	7111
Приозерный	Новгородская	1	19
Северо-Восточный	Вятская	4	539
	Пермская	9	4066
	Оренбургская	1	6024
Итого по району		14	10629
Итого по Европейской России		134	153963

Источник: Огановский Н.П. Положение труда в сельском хозяйстве в 1916 г. // Изв. Главного комитета Всероссийского Земского Союза. 1916. 1–15 дек. С. 84–85.

⁹⁴ См.: Огановский Н.П. Положение труда в сельском хозяйстве // Изв. Главного комитета Всероссийского земского союза. 1916. № 52–53. С. 68, 72. См. подробнее о привлечении беженцев на работы: Gatrell P. Refugees and labour market // Gatrell P. A whole empire walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indianapolis, 1999. P. 128–140.

Ссылаясь на лишь частичное удовлетворение поданных весной запросов, аграрии Среднего Урала еще до начала сенокоса и осенних полевых работ заявили о своих надеждах на получение новых партий военнопленных. Камышловским, Оханским, Шадринским и прочими земствами соответствующие ходатайства были поданы в губернскую управу уже в июне 1916 г. Губернская земская управа рассмотрела их только 26 июля 1916 г., постановив просить для Пермского, Красноуфимского, Осинского, Оханского, Верхотурского, Ирбитского и Кунгурского уездов по 1 тыс., Камышловского — 2 тыс., Шадринского и Екатеринбургского — по 500, Чердынского и Соликамского — по 200 человек на каждый. «Путешествие» консолидированной заявки на 10 тыс. военнопленных по ответственному за их отпуск ведомствам началось еще позднее, в августе 1916 г.⁹⁵ Нерасторопность местных чиновников обнаружила свои безрадостные последствия через пару недель, когда выяснилось, что раздача всех свободных пленных на работы уже состоялась, а потому о новых рабочих руках аграриям Среднего Урала оставалось только мечтать, несмотря даже на то, что губернское земство было теперь зачислено в корпус обеспечивающих фронт заведений⁹⁶. В результате во второй половине 1916 г. фонд сельскохозяйственных рабочих Пермской губернии пополнился только 2 тыс. пленных иностранцев, розданных селянам, как выяснилось, на весьма не продолжительное время⁹⁷.

Пока министерства земледелия и внутренних дел спорили о том, которому из них главенствовать в вопросах обеспечения продовольственной безопасности, осенью 1916 г. в ситуацию вмешалось Особое совещание по объединению всех мероприятий, касающихся снабжения армии и флота и организации тыла, потребовав снять с полевых работ всех пленных, отпущенных в крестьянские

⁹⁵ См.: Из постановления Пермского губернского земского собрания 57 чрезвычайной (июльской) сессии // Пермская земская неделя. 1916. 14 авг.; По военным обстоятельствам. Заседание 26 июля 1916 г. // Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания 46 очередной и 53, 54, 55, 56 и 57 чрезвычайных сессий 1915–1916 гг. Пермь, 1916. С. 230.

⁹⁶ См.: Отклоненное ходатайство // Пермские ведомости. 1916. 17 авг.; Зачисление губернской управы в число учреждений, работающих на оборону // Пермская земская неделя. 1916. 28 авг.; Отказ в отпуске военнопленных // Там же.

хозяйства, и 30 % пленных, работавших в экономиях⁹⁸. Их передача предприятиям оборонного значения стоила деревне 115–120 тыс. рабочих рук⁹⁹, что, однако, не могло нарушить и, очевидно, не нарушило её гегемонии в обладании подавляющим большинством розданных на работы вражеских военнослужащих ни в масштабах страны, ни в масштабах отдельно взятого Казанского военного округа (см. табл. 9–10).

Таблица 9

Распределение военнопленных по работам министерств и ведомств по состоянию на 1 сентября 1916 г., чел.

Министерство	Военнопленных, человек	К общему числу пленных, отданных на работы, %
Земледелия	639241	57,4
Торговли и промышленности	199399	17,9
Путей сообщения	140680	12,6
Военное	109288	9,8
Внутренних дел	25802	2,3
ИТОГО	1114410	100

Источник: Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). М., 1962. С. 96; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 55.

Таблица 10

Распределение пленных, находившихся в пределах Казанского военного округа, по работам на 8 ноября 1916 г., чел.

Производства	Пленных германцев, человек	Пленных австро-венгров, человек	Всего, человек	К общему числу пленных, отданных на работы %
Сельскохозяйственные	4013	87584	91597	62,7
В т.ч. Управления земледелия и землеустройства	964	5240	6204	4,3
Земские и городские	818	7866	8684	6,0
Промышленные	1406	21767	23173	15,9
Ведомства путей сообщения	1216	11597	12813	8,8
Военного ведомства	304	3093	3397	2,3
ИТОГО	8721	137147	145868	100

Источник: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 203. Л. 985.

«Реквизиции» же пленных в селах Пермской губернии снова увеличили сократившуюся было дистанцию между статистикой занятости солдат противника в промышленности и сельском хозяйстве. По данным военных властей, аграрная

⁹⁷ См.: ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 202; Военнопленные в Пермской губернии // Пермские ведомости. 1916. 21 июля.

⁹⁸ См.: РГВИА. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 73. Д. 10. Ч. 60. Л. 6.

⁹⁹ См.: Огановский Н.П. О мероприятиях по земледелию и народному продовольствию // Изв. Главного комитета Всероссийского Земского Союза. 1917. 1 марта — 1 апр. С. 26, 27, 30, 31; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. С. 64, 460.

отрасль региона потеряла таким образом 5588 рабочих из числа военнопленных, которых в Верхотурском уезде осталось всего 152 человека, Екатеринбургском — 380, Камышловском — 298, а в Чердынском и вовсе ни одного¹⁰⁰. В то же время промышленные предприятия — Кизеловские каменноугольные копи С.С. Абамелек-Лазарева, заводы Камского акционерного общества железо- и сталелитейных заводов, Алапаевский, Богословский, Кыштымский, Невьянский, Ревдинский, Чермозский и прочие горные округа — получили в свое распоряжение еще и некоторое количество вражеских военнопленных, снятых со страдных работ в соседних Оренбургской и Уфимской губерниях¹⁰¹. Обратная перекачка пленных иностранцев из сельского хозяйства в промышленность не приведя, таким образом, к их 100-процентному изъятию у селян, одновременно способствовала росту общей статистики плена. По сведениям, собранным местной полицией, в 11 уездах Пермской губернии к началу 1917 г. на работах различного профиля использовалось более 80 тыс. обезоруженных солдат противника, порядка 30 % из которых приходилось на промышленные Верхотурский, Екатеринбургский и Пермский уезды (см. табл. 11). «Столицей» уральского плена при этом продолжал оставаться Богословский горный округ, во владениях которого трудилось около 16 тыс. пленных, или примерно столько же, сколько в Ирбитском, Камышловском, Кунгурском, Осинском, Оханском, Чердынском и Шадринском уездах, вместе взятых.

Таблица 11

**Распределение работавших военнопленных по уездам Пермской губернии
на 1 января 1917 г., чел.**

Уезд	Военнопленных на работах, человек	Уезд	Военнопленных на работах, человек
Верхотурский	29564	Осинский	1290
Екатеринбургский	19332	Оханский	847
Ирбитский	1982	Пермский	9399
Камышловский	3316	Соликамский	7606
Красноуфимский	Нет данных	Чердынский	651
Кунгурский	6485	Шадринский	1345
ИТОГО			81817

Источник: ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–18, 35–36.

¹⁰⁰ См.: ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–10 об., 13 об., 36; Военнопленные // Зауральский край. 1916. 27 нояб.

¹⁰¹ См.: ГАПК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 117. Л. 13, 14; Ф. 280. Оп. 1. Д. 2752. Л. 442–444; ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1044. Л. 51–56; Д. 1100. Л. 29–41; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 87. Л. 707; Д. 203. Л. 49, 64, 719, 983, 1101 и др.

В январе–феврале 1917 г. из Вязников, Ивано-Вознесенска, Калязина, Котельнича, Любима, Мологи, Москвы, Нижнего Новгорода, Переяславля, Солигалича, Судогды, Чухломы и Шуи в округ прибыло еще 1785 военнопленных, а администрация предприятия продолжала категорически требовать еще и еще¹⁰². «Богословский округ за недостатком местного населения всегда привлекал на рубку дров рабочих со стороны Уфимской, Вятской и в особенности Вологодской губернии (зырян). С наступлением текущей войны этот приток рабочих стал быстро сокращаться, и в настоящее время число русских рабочих на рубке дров сократилось на 9/10, между тем потребность в древесном топливе вследствие усиленных заказов на металл для нужд обороны все возрастает», — указывал управляющий округом в январе 1917 г., испрашивая у уральского уполномоченного Особого совещания по топливу разрешение на получение еще 4 тыс. пленных¹⁰³. В марте 1917 г. к ходатайству БГО об отпуске новых партий пленных присоединились Усольско-Ленвинские соляные копи гр. С.А. Строганова (100 человек), Пожевской завод князя Львова (200 человек), Чермозский (200 человек) и Кизеловский (560 человек) заводы князя С.С. Абамелек-Лазерева, Шайтанские заводы (300 человек), Сергинско-Уфалейские горные заводы (371 человек), Сысертский горный округ (600 человек), Нижнетагильский и Луньевский округа (850 человек), Кыштымские горные заводы (1000 человек), Гороблагодатский горный округ (1970 человек), Лысьвенский горный округ (2250 человек) и другие предприятия¹⁰⁴. Все они не только подчеркивали оборонный характер своего производства, — это теперь срабатывало не всегда, — но и ссылались на решения Особого совещания по топливу, возглавлявшегося непосредственно министром торговли и промышленности.

Тогда как промышленники региона требовали выделить им 15 тыс. дополнительных рабочих, местные аграрии настаивали на «возвращении военнопленных на сельскохозяйственные работы со сборных пунктов, на которых

¹⁰² См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1044. Л. 68–69 об.; Д. 1100. Л. 29–31; 34–41.

¹⁰³ ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 20. Л. 31 об.

¹⁰⁴ См.: ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 44. Л. 4–4 об.

они, снятые с указанных работ, равным счетом ничего не делают»¹⁰⁵. Смириться с понесенными потерями село не хотело и, не откладывая в долгий ящик, уже в конце 1916 г. приступило к действиям по их компенсации. Крестьяне Верхотурского уезда, к примеру, обозначили свои претензии на тысячу пленных для весенних полевых работ уже 24 ноября 1916 г.¹⁰⁶ В январе 1917 г. заявку на отпуск 3 тыс. человек подала Екатеринбургская уездная управа. В то же время ходатайство о 10 тыс. человек возбудило Ирбитское земство¹⁰⁷. 8 февраля к числу просителей присоединились земледельцы Шадринского уезда, указав на свою потребность в 1,2 тыс. военнопленных, хотя на самом деле запросы сельчан исчислялись в 1696 чел. (см. табл. 12).

Таблица 12

Потребность в пленных по волостям Шадринского уезда, весна 1917 г., чел.

Волость	Число хозяйств	Число просимых пленных	Волость	Число хозяйств	Число просимых пленных
Аминевская	5	9	Крутихинская	10	10
Бакланская	2	2	Кондинская	20	25
Барневская	131	135	Красномыльская	69	73
Батуриная	118	128	Лобановская	19	20
Беликульская	37	41	Макаровская	156	162
Белоярская	160	174	Макарьевская	30	30
Бродокалматская	32	36	Мехонская	89	89
Водениковская	46	51	Николаевская	12	15
Вознесенская	33	34	Осиновская	62	62
Галкинская	5	5	Петропавловская	109	112
Далматовская	18	18	Першинская	38	40
Иванищевская	26	27	Смолинская	36	37
Замараевская	35	35	Сугоякская	10	11
Кабанская	72	75	Сухринская	58	59
Каргапольская	51	51	Тюляковская	3	10
Крестовская	31	31	Усть-Миасская	29	29
Кривская	42	47	Яутлинская	13	13

Источник: ГАШ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 2930. Л. 11–13, 14, 15, 18–19 об., 20–21 об., 22, 24, 24 об., 27, 28, 28 об., 30–31, 33–36, 39, 42–45 об., 47, 49–50, 51–51 об., 52–54 об., 55а – 55 б, 56–56 об., 76–77, 79, 86–90, 92–94, 95–95 об., 104, 107–109 об., 112–112 об., 118–119 об., 120–123, 178–179, 181 об., 183–183 об., 186а.

¹⁰⁵ Продовольственное дело в Пермской губернии: Речь Е.Д. Калугина в заседании чрезвычайного губернского земского собрания // Пермская земская неделя. 1916. 16 дек.

¹⁰⁶ Журналы Верхотурского уездного земского собрания 47 внеочередной сессии 1916 г. Н. Тагил, 1917. С. 86.

¹⁰⁷ [Без названия] // Уральская жизнь. 1917. 27 янв., 29 янв., 18 февр.

Список претендентов на получение рабочих из числа обезоруженных вражеских военнослужащих не просто прирастал количественно, но и обновлялся качественно. Так, в марте 1917 г. в нем появился Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь, настоятель которого архимандрит Досифей, обращаясь к Шадринскому уездному исправнику, писал: «Честь имею покорнейше просить Ваше Высокородие командировать в ... четырех человек военнопленных для сельскохозяйственных земледельческих работ, так как в текущем 1917 г. обрабатывать монастырскую землю под посев хлебов совершенно некому»¹⁰⁸.

Все более и более явственный конфликт интересов промышленников и сельхозпроизводителей вылился в настоящую битву, которая в 1917 г. стала еще ожесточеннее. Уже на рубеже 1916–1917 гг. депутация Сельскохозяйственной палаты специально отправилась к временно исполнявшему обязанности начальника штаба Верховного Главнокомандующего генералу В.И. Гурко, указав на острый недостаток аграрной отрасли в рабочих руках и выразив надежду на её первоочередное обеспечение вновь захваченными пленниками¹⁰⁹. Примерно в то же время был изменен порядок отпуска военнопленных на работы, что должно было смягчить остроту этой проблемы. С 24 декабря 1916 г. ею занималась особая междуведомственная комиссия, без компромиссного решения которой штабы военных округов выполнять наряды на пленных не могли¹¹⁰. При этом в условиях постигшего страну продовольственного кризиса комиссия сосредоточила едва ли не все свои усилия на мерах по насыщению пленными рабочими прежде всего аграрной отрасли, вынудив фабрики, заводы и рудники пожертвовать некоторым числом вражеских военнослужащих в пользу деревни¹¹¹. Весной 1917 г. товарищество «Братья Макаровы» уступило селянам 10 военнопленных, Усольско-Ленвинские соляные копи графа С.А. Строганова — 20, Вознесенские асбестовые рудники В.И. Жирарда и А.Ф. Поклевского-Козелл — 30 и 80 соответственно, Сергинско-Уфалейские горные заводы — 156, Майкорский

¹⁰⁸ ГАШ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 2930. Л. 164.

¹⁰⁹ См.: Депутация сельскохозяйственной палаты. 1917. 22 янв.

¹¹⁰ См.: ГАПК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 117. Л. 17; ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 73. Д. 10. Ч. 60. Л. 6; Использование труда военнопленных // Приазовский край. 1917. 17 февр.

¹¹¹ См.: ГАСО. Ф. 123 Оп. 1. Д. 173. Л. 1, 54.

(Никитинский) металлургический завод наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато — 250, Пермское управление земледелия и государственных имуществ — 390, Усть-Сылвицкий лесоразделочный завод — 500, Богословское горнозаводское общество — 279¹¹².

Но делиться с аграриями дефицитными рабочими руками торопились далеко не все. Так, когда в начале февраля 1917 г. пермский губернатор распорядился передать на сельскохозяйственные работы военнопленных, находившихся в услужении у частных лиц в качестве кучеров, дворников, шоферов, приказчиков и пр.¹¹³, в Верх-Исетском горном округе решили, что это касается только частных лиц, проживавших в городах¹¹⁴. В Богословском горном округе в то же время предложили «служащим, к которым откомандированы пленные для исполнения обязанностей кучеров, дворников и т. д., наблюдать за тем, чтобы пленные бесцельно не отлучались из дому, по населенным местам не гуляли и не нарушали общего порядка»¹¹⁵. Весной 1917 г. от слезных просьб Верхотурского земства выделить ему хоть сколько-нибудь пленных в Богословске и Надеждинске отделались присылкой 279 человек, по состоянию здоровья непригодных ни к каким горнозаводским работам¹¹⁶.

По имеющимся данным, в апреле–июне 1917 г. селянам Пермской губернии так или иначе удалось получить 6116 военнопленных, из них 460 человек «досталось» Верхотурскому уезду, 1049 — Екатеринбургскому, 213 — Ирбитскому, 263 — Камышловскому, 1240 — Красноуфимскому, 1361 — Кунгурскому, 231 — Осинскому, 50 — Оханскому, 198 — Пермскому, 295 — Соликамскому, 756 — Шадринскому¹¹⁷. Но этих пленных было явно недостаточно, равно как и экстренно отправленных в деревню военнопленных-специалистов¹¹⁸, пленных, занятых в лечебных заведениях¹¹⁹ и

¹¹² См.: ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2. Л. 21, 28, 37, 48, 48 об, 51, 62, 69, 70, 87, 117.

¹¹³ См.: Отобрание пленных // Зауральский край. 1917. 5 февр.; Объявление от Пермского губернского комиссара // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 27 авг.

¹¹⁴ См.: ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 48 об.

¹¹⁵ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 323. Л. 77.

¹¹⁶ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1102. Л. 91; Ф. 435. Оп. 1. Д. 2065. Л. 27, 72.

¹¹⁷ См.: ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 10. Л. 99–103, 105–109, 113, 114, 177 об., 256.

¹¹⁸ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 622.

¹¹⁹ См.: Работа военнопленных // Зауральский край. 1917. 21 февр.

парикмахерских¹²⁰, и, наконец, пленных, ослабленных, но способных к уходу за домашним скотом¹²¹.

В свою кульминационную фазу сражение промышленников и сельхозпроизводителей за обладание военнопленными вступило после того, как военное ведомство лишило аграриев Среднего Урала последних надежд на получение новых рабочих рук, сообщив на места буквально следующее: «Взятые в последних боях пленные в виду громадной потребности в рабочих руках для военных нужд и сельскохозяйственных надобностей юго-западных губерний, где ожидается хороший урожай, не могут быть доставлены во внутренние округа»¹²². Ссылаясь на то, что пятая часть крестьянских хозяйств края к тому времени осталась без мужчин рабочего возраста¹²³, в июне 1917 г. Пермская губернская продовольственная управа постановила немедленно командировать на промышленные предприятия своих делегатов «с целью получить некоторое количество военнопленных»¹²⁴. Только из ведения Богословского горнозаводского общества таким образом предлагалось «изъять» 2 тыс. вражеских военнослужащих сразу, но в округе на сей счет было иное мнение. «Поездка нашего члена в Богословский горный округ за пленными оказалась безрезультатной. Управляющий округом отказал, хотя все организации Богословска высказывались за возможность отпуска. Требование пленными громадно», — телеграфировал в Пермь аноним, действовавший от имени губернского продовольственного комитета¹²⁵. Пример Богословского горного округа оказался заразительным: вслед за ним в пленных для страдных работ селянам отказали каменно-угольные копи наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато, лесничества Верх-Исетского горнозаводского общества, Пермское управление земледелия и государственных имуществ, а также другие

¹²⁰ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 8. Д. 2. Л. 440.

¹²¹ Привлечение слабосильных военнопленных для ухода за домашним скотом // Пермская земская неделя. 1917. 5 марта.

¹²² ГАСО. Ф. 351. Оп. 3. Д. 2. Л. 292

¹²³ См.: История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 359.

¹²⁴ См.: ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 10. Л. 26, 68.

¹²⁵ Там же. Л. 260.

предприятия, ссылавшиеся на то, что всех, кого можно было отдать, они уже отдали¹²⁶.

Равнодушие промышленников к нуждам сельхозпроизводителей спровоцировало самых отчаянных из числа последних к выбору радикальных путей решения кадровой проблемы. Так, Камышловская уездная продовольственная управа и бюро исполкома местного Совета постановили «на время сенокоса и жнитвенной страды военнопленных, работающих в лесничествах, взять на учет уездной продовольственной управы для передачи в распоряжение волостных продовольственных управ»¹²⁷. Не дождавшись, однако, официального перевода на полевые работы этих самых пленных, управа их просто вывезла из окрестных лесничеств в окрестные же деревни. Комментируя в конце июля 1917 г. свои противоправные действия, камышловские аграрии даже не пытались оправдываться, будучи глубоко убежденными, что несанкционированный захват вражеских военнослужащих — мера вполне оправданная: «Снимая с работ лесничеств военнопленных на время уборки урожая, управа руководилась крайней необходимостью убрать урожай, ибо нужда в рабочих руках достигла крайнего предела. Управа протестует против тактики губпродкомитета, вынуждающей подчиняться желанию лесничих, категорически настаиваем на отпуске нам пленных на время уборки урожая, иначе тяжесть неизбежных последствий перелагаем на губпродкомитет, игнорирующий наши здравые распоряжения»¹²⁸.

Превращение пленных иностранцев в труднодоступный дефицит, «достать» который можно было не иначе как с боем, отразило тот факт, что в 1917 г. Россия вела уже совсем иную войну, нежели ранее, и распределять по работам в промышленности и сельском хозяйстве было, по большому счету, некого. Признавая это, военный министр и министр земледелия Временного правительства констатировали, что за почти полным отсутствием свободных от работ военнопленных единственное средство помочь селянам — установить в

¹²⁶ ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 10. Л. 34, 79, 228 и др.

¹²⁷ Там же. Л. 150.

¹²⁸ Там же. Л. 255.

текущем году возможно широкий отпуск для работ воинских команд из запасных и тыловых частей¹²⁹. В отношении же пленных власти не придумали ничего лучшего, чем «исправить существующие недочеты настоящего их распределения, дабы в конечном результате было установлено более точное соответствие между действительной потребностью отдельных губерний (по учете площади и характера посевов и наличных запасов рабочей силы) и количеством предоставляемых им пленным»¹³⁰. В этой связи нет оснований сомневаться, что битву за пленных сельхозпроизводители Среднего Урала проиграли, и качественных трансформаций общие статистико-географические характеристики уральского плена так и не претерпели. За это говорит целый ряд архивных документов, зафиксировавших тот факт, что в течение 1917 г. статистика занятости пленных в промышленных заведениях Пермской губернии за редким исключением продолжала прогрессировать, а лидировали при этом, как и ранее, горные и металлургические предприятия (ср. данные табл. 5 и 13). Предпочтения «тяжеловесов» горнозаводской промышленности в распределении вражеских военнослужащих по видам работ также не изменились, что со всей наглядностью экспонировал пример Нижнетагильского и Луньевского горных округов, где из 9665 военнопленных 5279, или 55 % от их общего числа, было занято на заготовках древесного топлива (см. табл. 14).

Вместе с тем, насколько позволяют судить ретроспективные показатели, темпы прироста занятости пленных иностранцев в промышленности Среднего Урала в 1917 г. по сравнению с 1916 г. заметно снизились. К зиме же 1917/1918 гг. на карте уральского плена вообще наметились некоторые весьма симптоматичные сдвиги. «...Уральские заводы переорудованы для дела обороны, и население их возросло вдвое и втрое, а продовольствия доставляется лишь на 1/4 или даже 1/5 наличного населения», — констатировали участники прошедшего еще в конце 1916 г. заседания 59 чрезвычайной сессии губернского земского собрания¹³¹.

¹²⁹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. С. 67.

¹³⁰ Там же. С. 66.

¹³¹ Чрезвычайное губернное земское собрание // Пермская земская неделя. 1916. 11 дек.

Распределение пленных по промышленным предприятиям Пермской губернии по состоянию на сентябрь 1917 г., чел.

Предприятие/учреждение	Пленных, человек	Предприятие/учреждение	Пленных, человек
Алапаевские горные заводы	5223	Льсьвенский округ наследников графа П.П. Шувалова	5151
Александровский деревообделочный завод наследников А.А. Чикина	14	Машиностроительный чугунолитейный завод братьев Дерновых	40
Асбестовые копи Товарищества «Н.В. Муханов и К°»	199	Мельница И. Беленькова с сыновьями	17
Асбестовые рудники наследников А.Ф. Поклевского-Козелл	200	Мукомольное производство братьев Ивановых	39
Березниковский содовый завод общества «Любимов, Сольвэ и К°»	41	Мукомольное производство братьей Степановых	36
Билимбаевский горный округ графа С.А. Строганова	781	Невьянские горные и механические заводы	1794
Богословский горный округ	15389	Нижнетагильские и Луньевские заводы наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато	9665
Верх-Исетские горные и механические заводы	2519	Николае-Павдинский горный округ	1402
Вознесенские асбестовые рудники В.И. Жирарда	401	Первый уральский штамповочный механический завод товарищества «Железняк»	131
Гороблагодатский горный округ	9753	Пермские пушечные заводы	618
Горные округа князя С.С. Абамелек-Лазарева	4061	Пермское лесопромышленное и торговое общество	531
Екатеринбургская центральная электрическая станция	9	Пожевские заводы князя С.Е. Львова	200
Жарниковская мельница А.А. Треуховой	9	Прииски Платино-промышленной компании Анонимного общества	65
Железные рудники Толшмякова в Каменском заводе	49	Ревдинский горный округ П.Г. Солодовникова	4700
Заводы Камского общества железо- и сталелитейных заводов	522	Рудники и копи Белоярского Товарищества «В.С. Горячев и К°»	79
Зауральское горнопромышленное акционерное общество	200	Сергинско-Уфалейские горные заводы	1517
Золотые прииски В.М. Имшенецкого	4	Стекольный завод М.Н. Вадарской	24
Изумрудные прииски В.К. Шенк и Н.Н. Тервинского	15	Сысертские горные заводы	837
Исетский и Никольский заводы Н.Ф. и С.Ф. Злоказовых	757	Талицкий дрожжево-винокурный завод наследников А.Ф. Поклевского-Козелл	112
Казенный Баевский вольфрамный рудник	537	Товарищество огнеупорных изделий «Ершов, Чистяков и братья Минины»	11
Каменский казенный завод	227	Товарищество химических заводов «И.К. Ушков и К°»	204
Карьеры известняка общества «Любимов, Сольвэ и К°»	120	Торговый дом «В.С. Жиряков»	61
Картонная фабрика С.А. Шишкова	23	Торговый дом «Евгений Первушин с сыновьями»	21
Кирпичелитейный завод П.Ф. Давыдова	60	Уральская суконная фабрика В.П. Злоказова	97
Кожевенный завод и мукомольная мельница М.С. Серебренникова	7	Уральские химические заводы	121
Кожевенный завод общества Алфузовских фабрик и заводов	41	Усольско-Ленвинские соляные промыслы Е.А. Белашевой	201
Копи Чусовского металлургического завода	200	Усть-Сылвицкий лесоразделочный завод	3211
Крупчатная мельница братьев Макаровых	132	Фосфорные рудники Пермского и Вятского губернских земств	56
Крупчатное и крахмально-паточное производства И.Е. Морозова	10	Чугунолитейный завод Шайтанской трудовой артели «Трудовик»	15
Кыштымские горные заводы	5617	Чугунолитейный и машиностроительный завод Ф.Е. Ятеса	31
Лесопильный и деревообделочный завод Уральского технико-промышленного общества	27	Шайтанские горные заводы	608
Льнопрядильно-ткацкая фабрика братьев Бутаковых	63	Штамповочно-лудильная фабрика железной посуды наследников А.И. Калашникова	36
Льнопрядильно-ткацкая фабрика братьев Макаровых	255	Юго-Камский завод графини Е.А. Воронцовой-Дашковой	457
ИТОГО			79553

Источник: ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 2–6.

К концу 1917 г. ситуация усугубилась настолько, что ряд промышленных заведений края — Вознесенские асбестовые рудники В.И. Жирарда, Гороблагодатский, Ревдинский, Сысертский, Нижнетагильский и Луньевский горные округа — решил либо сократить до минимума объемы трудового использования пленнх иностранцев, либо отказаться от них совсем¹³². Как результат к томлящимся, к примеру, в Верхних Муллах 3018 вражеским офицерам к зиме 1917/1918 гг. прибавилось, согласно архивным документам, более 22 тыс. нижних чинов¹³³.

Дошло до того, что уездные воинские начальники отказывались принимать сдаваемых предприятиями пленнх, вынуждая их «массами от голода с работ бежать»¹³⁴. Так, только с Каменского завода, где и работало-то всего 67 вражеских военнослужащих, за период с 30 декабря 1917 г. по 20 февраля 1918 г. бежало 12 пленников, или почти 20 % их наличного состава¹³⁵. Рост статистики побегов военнопленнх не носил, однако, «островного» характера. В 1917 г. самовольные «миграции» вражеских военнослужащих обрели черты быстро распространявшейся в общенациональном масштабе эпидемии: если за время с начала войны до марта 1917 г. по стране было учтено 5350 бежавших солдат и офицеров врага, то за весну 1917 г. их численность составила 6253 человека: 735 — в марте, 2518 — в апреле, 3000 — в мае¹³⁶. Анализируя причины массового «исхода» военнопленнх с мест, администрация Нижнетагильского и Луньевского горных округов указывала в конце 1917 г., что корень проблемы следует искать прежде всего в «общеполитических условиях, подсказывающих военнопленным мысль о сравнительной легкости добраться до границы»¹³⁷.

¹³² См.: ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 44. Л. 55, 60, 214, 222, 228 и др.

¹³³ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 146. Л. 4, 6, 7, 8, .

¹³⁴ ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 44. Л. 228.

¹³⁵ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 5, 22 и др.

¹³⁶ См.: ГА РФ. Ф. 124. Оп. 63. Д. 224. Л. 110; Увеличение побегов военнопленнх // Пермская земская неделя. 1917. 30 июля.

¹³⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 90, 90 об.

Распределение пленных по отделам Нижнетагильского и Луньевского горных округов наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато по состоянию на 9 сентября 1917 г., чел.

Отдел	Пленных, человек	Отдел	Пленных, человек
Верхнесалдинский завод	236	Пермское углевыжигательное заведение	28
Выйский завод	210	Южный участок углевыжигательных печей	50
Высокогорский завод	421	Усьвинское углежжение	71
Никитинский завод	334	Усьвинское лесничество	517
Нижнесалдинский завод	745	Александровское углежжение	100
Нижнетагильский завод	509	Александровское лесничество	557
Заводская железная дорога	323	Верхотурское лесничество	212
Управление платиновых приисков	311	Салдинское лесничество	677
Площадь «Салки»	32	Зауральское лесничество	408
Кизеловские каменноугольные копи	205	Тагильское лесничество	88
Луньевские каменноугольные копи	337	Исымское лесничество	271
Рудники Нижнетагильского округа	274	Майкорское лесничество	625
Фабричное имение	449	Туринская дача	841
Сарагульская дача	834	ИТОГО	9665

Источник: ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 322–324.

Очевидно, что хаос, в который погружалась страна, коснулся и территории плена, контроль над которой власти наивно надеялись вернуть посредством всероссийской переписи вражеских военнопленных, намеченной на 10–20 октября 1917 г.¹³⁸ Но масштабная акция по регистрации оказавшихся в России узников войны была сорвана, став еще одним индикатором кризиса управления и организационной дефицитности (см. об этом подробнее ч. 2 настоящей главы).

Итоги переписной кампании, совпавшей по срокам с новым витком политических потрясений всероссийского значения, будут подводить уже совсем не те, кто ее планировал и организовывал, а именно созданная большевиками Центральная коллегия о пленных и беженцах, точнее, ее Статистико-справочный отдел. Заработавшая 1 декабря 1918 г. в структуре отдела Часть по учету иностранных военнопленных по прошествии полугода обработала 116,5 тыс. регистрационных карточек, разосланных на места Главным управлением генерального штаба в преддверии октябрьской переписи военнопленных 1917 г.¹³⁹ Но определенности ни в общую, ни в территориальную статистику, а с ней и географию плена это уже не внесло. Впрочем, и без того было ясно, что начиная с

¹³⁸ Пакет документов, подготовленных к переписи, см.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 24–28, 36–40; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 311. Л. 172.

1918 г. пространственно-количественные показатели уральского плена медленно, но верно деволюционировали. Архивные документы говорят, что за время с сентября 1917 г. по 1 января 1918 г. количество военнопленных рабочих снизилось по Алапаевским горным заводам на 27,6 %, по Усть-Сылвицкому лесоразделочному — на 30,4 %, по Шайтанскому горнозаводскому округу — на 45 %, по Кыштымскому — на 53,1 %, по Гороблагодатскому — на 70,7 %, по Невьянскому — на 72,2 %, а по лесным операциям и углевыжигательным заведениям Нижнетагильско-Луньевского округов — и вовсе на 83 %. К апрелю-маю 1917 г. в Кыштымском горном округе пленных осталось 1422 человека, или всего 25 % от их недавней численности, на заводах Лысьвенского общества — 599 человек, или 11,6 %, на Верхнесалдинском заводе наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато — 4 человека, или менее 2 %¹⁴⁰.

Общеобязательную тенденцию стремительного сокращения статистики занятых в промышленности пленных изо всех сил пыталась заблокировать администрация Богословского горного округа, игнорируя даже то, что к апрелю 1918 г. пребывавшие в округе иностранцы ели собак и, хронически не доедая, жестоко страдали от различных заболеваний. Более 3 тыс. человек болело цингой, что привлекло к себе внимание областного отдела военнопленных¹⁴¹. В мае 1918 г. в округ приехала комиссия Шведского Красного Креста, чтобы в течение трех дней снять всех вражеских военнослужащих с работ бывшего Богословского горнозаводского общества, но здесь такого поворота событий совсем не ждали. Отстаивая свое право на пленных, председатели делового совета предприятия Злоказов и центрсовета Заславский взывали к управлению национальными заводами Урала: «Эта мера введет дезорганизацию производства, возможна остановка цехов, прекращение сплава. Шлите срочные указания. Первый поезд с военнопленными уходит двадцать пятого [июня]»¹⁴².

¹³⁹ См.: ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 6. Д. 11. Л. 47, 77, 85.

¹⁴⁰ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 9, 17–17 об., 79 об. — 80, 36; Ф. 47. Оп. 1. Д. 1192. Л. 83; Ф. 111. Оп. 1. Д. 44. Л. 217, 222; Ф. 638. Оп. 1. Д. 3. Л. 4, 6, 8, 10, 17.

¹⁴¹ См.: К положению военнопленных на Урале // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 10 апр.

¹⁴² ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 170.

Услышан был этот крик «отчаяния» или нет, но утопическому плану трехдневной эвакуации всех работавших в Богословском округе пленных сбыться было не суждено. Та же судьба постигла и впопыхах разработанный деловым советом и комиссаром по делам военнопленных Уральской области С. Симашко двухнедельный график¹⁴³. Вместе с тем часть военнопленных Богословский Урал все-таки покинула, и к маю 1918 г. их число, к примеру, по Надеждинскому металлургическому заводу сократилось до 2500 человек против 3323 человек осенью 1917 г.¹⁴⁴

Снимаемые с работ пленники возвращались в места постоянного водворения, дислоцировавшиеся, как известно, поуздно. Но их возможности, ограничивавшиеся приемом 12500 человек, скоро оказались исчерпаны¹⁴⁵. В спешном порядке новые места на 15 тыс. вражеских военнослужащих пришлось оборудовать в зданиях Николаевского исправительного арестантского отделения в Верхотурье, а также в летних ярмарочных бараках в селе Кресты Шадринского уезда. Однако к тотальной «лагеризации» плена это привести не могло и не привело: из учтенных на территории Казанского военного округа 75608 военнопленных к 20 марта 1918 г. на работах состояло 55093 человека, тогда как в пунктах водворения содержалось только 20515 человек¹⁴⁶.

Очевидно, таким образом, что, несмотря на прогресс общей статистики «лагерников» (см. табл. 15), значительная часть пленных иностранцев ожидала скорой, как казалось после подписания большевиками Брест-Литовского мира, отправки на родину, оставаясь на местах работ. Причем, по мысли новых властителей России, именно перспектива репатриации была одним из тех факторов, который должен был удерживать пленных от несанкционированных передвижений. «В виду предполагаемой эвакуации в ближайшее время военнопленных германской армии Коллегия по заведыванию военнопленными

¹⁴³ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 171, 184, 205.

¹⁴⁴ См.: Суржикова Н.В. Военнопленные в Богословском горном округе: статистика и экономика // Изв. Уральского госун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 3(93). С. 110–129.

¹⁴⁵ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 576. Л. 4 об. — 6.

¹⁴⁶ См.: Лагери для военнопленных // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 20 апр.

просит принять меры, чтобы пленные этой армии оставались в тех местах, где они находятся ныне», — телеграфировали из центра 17 апреля 1918 г.¹⁴⁷ По прошествии 12 дней местным властям также было указано на то, что «при возвращении с работ военнопленные должны обязательно представить удостоверения от волостных исполнительных комитетов или других учреждений и должностных лиц, в ведении которых находились, о неимении препятствий к возвращению военнопленных с работ»¹⁴⁸.

Таблица 15

Размещение пленных по уездным центрам Пермской губернии по состоянию на первую и вторую половины апреля 1918 г., чел.

Город	Пленных в местах водворения в первой половине апреля 1918 г., человек			Пленных в местах водворения во второй половине апреля 1918 г., человек		
	офицеров	солдат	всего	офицеров	солдат	всего
Верхотурье	2	1829	1831		455	455*
Екатеринбург	135	2185	2320	29	4572	4601
Ирбит	113	426	539	169	2132	2301
Красноуфимск		1730	1730	95	2411	2506
Кунгур		156	156	1	1152	1153
Оса	24	72	96			
Оханск		466	466		477	477
Пермь	102	1341	1443	Нет данных		
Соликамск	251	674	925		7	7*
Чердынь	102	72	174	100	19	119
Шадринск	5	735	740	5	2851	2856
ИТОГО**	734	9686	10420	399	14076	14475

Источник: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 576. Л. 4 об. — 6, 31 об., 34 об, 35.

* Резкие колебания численности пленных в Верхотурье и Соликамске могли быть связаны с вошедшими в практику в условиях голода их бессистемными перевозками «в поисках продовольствия их на месте» (ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 456. Л. 58).

** Сведений по Камышлову нет.

Настоящие инструкции достигли Уральского региона тогда, когда в Петрограде, а затем Москве полным ходом шла работа по организации обмена военнопленными. Согласно проекту, разработанному особой комиссией при Эксплуатационном управлении Комиссариата путей сообщения, пунктами передачи пленных были назначены Нарва, Псков, Невель, Витебск, Гомель (или Брянск), Феодосия, Новороссийск и Туапсе. Для эвакуации вражеских военнопленных, находившихся на территории Среднего Урала, планировалось еженедельно отправлять из Екатеринбурга и Перми курсом на Нарву по одному эшелону с числом пассажиров до 1400 человек. При этом подвоз пленных на и со станции Пермь, помимо железной дороги, намечалось производить еще и «водой

¹⁴⁷ ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 60 об.

по Каме и ее притокам»¹⁴⁹. Исходя из этого плана, который так и остался лишь планом, несложно подсчитать, что последние узники войны должны были покинуть Пермскую губернию в январе–феврале 1919 г.

Однако перспектива очередной встречи с «ужасной русской зимой» вражеских военнослужащих категорически не устраивала, в связи с чем пленные быстро превратили территорию Среднего Урала в зону никем не контролируемых стихийных перемещений¹⁵⁰. Как представляется, сообщение газеты «Уральский рабочий» от 31 мая 1918 г. о возвращении на родину 6022 русских военнопленных и одновременной репатриации 10924 пленных германцев не только не сдержало, а, наоборот, интенсифицировало процесс массового выдвижения пленников на запад¹⁵¹. В этой связи отданное большевистским правительством еще в апреле 1918 г. распоряжение о том, чтобы «ни один пленный не остался незарегистрированным», реализации уже не поддавалось. Приказ Центральной коллегии о пленных и беженцах о том, что все зарегистрированные пленные «должны быть самым прочным образом закреплены в местах лагерного квартирования или работ», равно как и заявление правительства о принятии на себя «ответственности за содержание, прокормление и благополучный возврат на родину лишь тех пленных, кои стоят на учете подлежащих властей и действительно находятся в постоянных определенных пунктах размещения», также не могли остановить стихийный «исход» узников войны на родину или, по крайней мере, в направлении родины¹⁵².

К лету 1918 г. качественные изменения в статистике и географии плена стали диктоваться иными причинами и прежде всего погружением страны в Гражданскую войну. «...В Пермской губернии находится около 100 тыс. австро-венгерских военнопленных, живущих там, естественно, при крайне трудных условиях. 40–50 тыс. военнопленных находится в районе к западу от линии Красноуфимск — Верхотурье, то есть в районе чехословацкого фронта.

¹⁴⁸ ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 69.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 9. Д. 10. Л. 2, 2 об., 5, 5 об.

¹⁵⁰ См. об этом, напр.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 456. Л. 58; ГАШ. Ф. р-589. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

¹⁵¹ См.: Обмен военнопленными // Уральский рабочий. 1918. 31 мая.

По слухам, идущим из местностей, занятых чехословаками, белой гвардией и казаками, все военнопленные, которые отказываются принимать участие в чехословацком движении, подвергаются насилию со стороны чехословаков... Ввиду вышеприведенных соображений эвакуация Пермской губернии является срочной, тем более что эвакуация этой губернии и для русского правительства может иметь решающее значение... В бассейне реки Камы, то есть в районах Оханск — Оса — Сарапул, есть еще достаточное количество продовольственных продуктов, поэтому было бы желательно в первую очередь эвакуировать район Пермь — Сарапул — Красноуфимск, а затем провести пленных из области Северного Урала в юго-западную часть губернии для эвакуации оттуда на запад. В самой Перми находится 4 тыс. человек, в Кунгуре — 2,5 тыс. человек, в Осе — 1 тыс. человек, в Оханске — 1 тыс. человек, в северной области Урала — еще около 15–20 тыс. человек», — сообщала в Центропленбеж 1 июля 1918 г. Императорская и Королевская Австро-Венгерская миссия по делам военнопленных, посланцы которой появились в Пермской губернии с подписанием 24 января 1918 г. представителями НКИДа Российской республики, германской и австро-венгерской делегации, Шведской и Датской королевских миссий и миссий Красного Креста, а также Турецкого Красного Полумесяца постановления об оказании материальной, медицинской и духовной помощи военнопленным на Урале¹⁵³.

Состоялась предложенная Австро-Венгерской миссией эвакуация пленных с территории Среднего Урала или нет, источники, к сожалению, умалчивают. С одной стороны, вражеских военнослужащих в Европейской России совсем не ждали, о чем красноречиво свидетельствует телеграмма Центральной коллегии по делам пленным и беженцев от 18 августа 1918 г., в частности, гласившая: «В связи с политическим переворотом в Венгрии, равно отказом белогвардейцев зафронта принимать немцев, дальнейшая эвакуация на родину австро-венгерских пленным невозможна. Предписываю: 1. Всякие отправки вражеских пленным в западном

¹⁵² ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 2. Л. 28, 50.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 4. Д. 60. Л. 1–1 об. См. также: ГАШ. Ф. р-589. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–23.

направлении в составе эшелонов, а также отдельными теплушками прекратить впредь до распоряжения; 2. Всех вражпленных, прибывающих белогвардейской оккупации местностей, концентрировать в Самаре, Симбирске, Казани, где оборудовать временные лагеря, сообразуясь с численностью поступающих пленных; 3. Австро-венгерцам предложить вступить в ряды Красной армии, из не желающих, равно и пленных прочих национальностей, образовать рабочие команды для обязательного привлечения на полевые работы по уборке урожая через местные продкомы; 4. Указанные меры ввиду полной невозможности эвакуирования пленных вглубь России провести в срочном порядке...»¹⁵⁴.

С другой стороны, искушение думать, что переправка пленных на запад все-таки имела место быть, достаточно велико, поскольку имеющиеся данные об их численности в Пермской губернии и ее окрестностях в конце 1918 — первой половине 1919 г. слишком не похожи на свои ранние аналоги (см. табл. 16). Как бы там ни было, но факт, что благодаря Гражданской войне региональная карта плена оказалась переключена, сомнений не вызывает. Антибольшевистские силы взялись за это дело весьма решительно, начав с введения строго учета вражеских военнослужащих под страхом судебной ответственности и лишения навсегда права пользоваться их трудом¹⁵⁵. В конечном итоге по Сибири и Уралу было зарегистрировано около 150 тыс. военнопленных иностранцев, из которых порядка 100 тыс. состояло на работах¹⁵⁶.

Приблизительность учета вражеских военнослужащих при этом так и осталась данностью, поскольку время от времени они так или иначе перегруппировывались и перераспределялись. Так, в соответствии с постановлением Временного Сибирского правительства от 29 июля 1918 г. военнопленные мадьяры и немцы подлежали обязательному сбору и изоляции в городах, в то время как пленные иных национальностей могли размещаться по деревням и станицам. Претендовать на трудоиспользование пленных теперь

¹⁵⁴ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 468.

¹⁵⁵ См.: ГАСО. Ф. 434. оп. 1. Д. 246. Л. 699; Приказ № 2 Чешского коменданта г. Екатеринбурга // Зауральский край. 1918. 18 авг.

¹⁵⁶ См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 197. Л. 198.

могли исключительно связанные с обороной предприятия. На работы земств и городов пленные отпускались только взамен рабочих, взятых на военную службу. Находившиеся же в распоряжении частных лиц узники войны и вовсе подлежали немедленной сдаче властям¹⁵⁷.

Таблица 16

Сведения о пленнх, учтенных в конце 1918 — первой половине 1919 г. по местностям Пермской и соседних с ней губерний, чел.

Пункт учета	Учтено пленнх по состоянию на:					
	15 декабря 1918 г.	1 марта 1919 г.	1 апреля 1919 г.	1 мая 1919 г.	1 июня 1919 г.	1 июля 1919 г.
Верхотурье	Нет данных	76	Нет данных	Нет данных	125	131
Екатеринбург	2901	4849	420*	375*	3372	3430
Ирбит	1290	1202	763	663	1335	1204
Камышлов	231	377	0	0	254	232
Красноуфимск	Нет данных	79	0	0	53	Нет данных
Пермь	Нет данных	343	446	376	404	Нет данных
Тобольск	Нет данных	Нет данных	1945	1752	1464	1419
Троицк	866	1565	240	Нет данных	2050	Нет данных
Тюмень	Нет данных	Нет данных	2516	2356	3556	3656
Челябинск	4509	3504	579*	Нет данных	4409	Нет данных
Шадринск, Кресты	2335	2404	1480	933	1470	1196
ИТОГО**	12132	14399	7390	6080	18492	11268

Источник: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 144, 147, 149, 158; Д. 197. Л. 41, 108, 109, 262, 264, 268, 293.

* Не учтены пленные, отданные на работы. Вместе с тем, актуальная статистика касалась части пленнх красноармейцев, поскольку их автономный учет в ряде мест отсутствовал, будучи заменен совокупным учетом пленнх вообще.

** В Кунгуре, Осе, Оханске, Соликамске и Чердыни пленнх зарегистрировано не было.

В развитие названного документа 22 октября 1918 г. Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами России подписал приказ № 17, который требовал «эвакуировать из прифронтовой полосы всех военнообязанных и военнопленнх, допуская лишь регулярно сформированные рабочие дружины из военнопленнх для работ по обслуживанию действующей армии. Военнопленнх славянского и романского происхождения сосредоточить в особых национальных лагерях, предоставив им возможность поступать добровольцами в свои национальные армии. Из военнопленнх славянского и романского происхождения, которые не изъявляют желания поступить добровольцами, сформировать особые рабочие роты... Военнопленнх немцев, мадьяр, турок и других национальностей вражеской ориентации (за исключением

¹⁵⁷ См.: ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 209–209 об., 753–753 об., 806; РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 191. Л. 5–7 об.

работающих по распоряжению военных властей или на оборону, подлежащих регистрации по месту своего нахождения) сосредоточить в концентрационных лагерях, где произвести им регистрацию и распределение...»¹⁵⁸. Для концентрации чехов и словаков в то же время были отведены Омск и Иркутск, поляков — Новониколаевск, югославян, итальянцев и эльзасцев — Томск, румын — Петропавловск, украинцев — Славгород. Инвалиды направлялись в Барнаул, Бийск, Павлодар и Семипалатинск. Местами содержания офицеров назначались село Кресты под Шадринском, города Тара и Тобольск.

«Великое переселение» пленных, однако, отчасти так и осталось грандиозным планом. Спустя чуть более месяца после его принятия, 27 ноября 1918 г., дежурный генерал штаба Сибирской армии корреспондировал начальнику штаба той же армии: «В настоящий момент в связи с приказом о концентрации военнопленных славян в национальных лагерях вопросы размещения военнопленных вообще крайне осложнились, а в некоторых городах положение принимает угрожающий характер. Единственным местом, куда до настоящего времени отправлялись излишки военнопленных был район Дальнего Востока... Но в виду протеста союзников дальнейшая эвакуация пленных в этот район стала невозможной. Между тем, помимо необходимости расквартирования эвакуируемых с фронта красноармейцев, на очереди стоит вопрос о неотложной разгрузке городов Омска и Новониколаевска, где вследствие чрезвычайного перегружения лагерей военнопленными начались инфекционные заболевания, угрожающие перейти в эпидемию тифа, если своевременно не будут услышаны настойчивые просьбы упомянутых городов о разгрузке их от военнопленных»¹⁵⁹. Как результат 8 января 1919 г. согласно телеграммы на имя начальников штабов округов за № 219/518 снятие пленных с работ и всякие их перемещения были остановлены, в связи с чем старые центры плена сохранили за собой свой прежний статус (см. табл. 16)¹⁶⁰. Вместе с тем их «центральность» теперь не была обязательной, что во многом обусловили переброски пленных с одних видов

¹⁵⁸ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 5, 5 об. См. также: ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 626–627.

¹⁵⁹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 209. Л. 37.

работ на другие. Так, летом 1918 г. на постройку Южно-Сибирской железной дороги, проектировавшейся еще до начала мировой войны¹⁶¹, было отправлено 8 тыс. военнопленных. 23 марта 1919 г. с работ на Урале было снято 49 % пленных, занятых в Богословском горном округе. Их, как свидетельствуют источники, эвакуировали на Алтайские копи округа, а потом направили на строительство Томь-Богословской железной дороги¹⁶². Главный же контингент трудоспособных военнопленных на территории «белых» Сибири и Урала, как и ранее в царской России, находился на сельскохозяйственных работах.

Действительно, содержать пленных под замком было экономически не выгодно, а потому на идеях концентрации и изоляции неприятельских солдат на местах быстро поставили жирный крест. «В городе Ирбите имеется в распоряжении начальника гарнизона несколько тысяч военнопленных, которые знакомы с сельскохозяйственными работами и которые могут быть направлены в пределы Ирбитского уезда на разного рода работы. Сообщая об этом, уездная управа просит волостную земскую управу объявить об этом населению подведомственной ей волости и прислать ей по возможности в самом непродолжительном времени именные списки хозяев, которые желают иметь у себя на работах пленных...», — сообщал источник, датированный 7 августа 1918 г.¹⁶³ Воспользоваться возможностью трудоустройства вражеских военнослужащих тут же поспешили 247 хозяев в 7 из 33 волостей уезда¹⁶⁴. При этом, как явствует из архивных документов, ни намеченная на 10 августа мобилизация в чехословацкий легион военнопленных соответствующих национальностей, ни последующие рядоположенные акции, к тотальным потерям села в иностранных рабочих не привели, поскольку расставаться со счастливо

¹⁶⁰ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 200. Л. 71.

¹⁶¹ См. об этом, напр.: Записка председателя Совета Министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году: приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1910. С. 125–128.

¹⁶² См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 231. Л. 65, 238, 250, 325 об., 326.

¹⁶³ ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 269.

¹⁶⁴ См.: Там же. Л. 142–143, 238, 238 об., 240, 240 об., 241, 241 об., 245, 245 об., 253, 258, 258 об.

доставшимися им пленниками крестьяне не торопились, равно как и пленники отнюдь не спешили снова встать под ружье ради чужой бессмысленной войны¹⁶⁵.

Практиковавшееся в течение года командирование военнопленных в деревню привело к тому, что статистико-географические характеристики плена, несмотря на усиленные попытки их стабилизации, окончательно дестабилизировались. Причем причина их непредсказуемой изменчивости крылась, как это ни парадоксально, в предсказуемости поведенческих выборов вражеских военнослужащих, которые, прибывая в деревню, по уже сложившейся традиции массами отказывались от работ и бежали, куда глаза глядят¹⁶⁶. Видимо, в целях борьбы с этим явлением правительство А.В. Колчака решилось было на фотографическую и дактилографическую регистрацию узников войны, но затем, исходя из «обстановки данного времени», вынуждено было от неё отказаться¹⁶⁷. Помимо задачи учета пленников, практически не решаемой оказалась и задача их срочной эвакуации, вставшая перед Омским правительством весной 1919 г. В ходе ее решения с территории Урала удалось вывезти порядка 37 тыс. вражеских военнослужащих, содержащихся в Верхнеуральске, Екатеринбурге, Златоусте, Ирбите, Перми, Троицке, Уфе, Челябинске и Шадринске, тогда как тысячи и тысячи других военнопленных так и остались на местах (см. подробнее гл. 5)¹⁶⁸.

Неудивительно, что с восстановлением на Среднем Урале советской власти проблема сколько-нибудь адекватной оценки масштабов присутствия в регионе вражеских военнослужащих стала настоящей головной болью, что со всей наглядностью демонстрировал пример Екатеринбургской губернии, объединившей территорию 6 уездов старой Пермской губернии.

Уже 3 июля 1919 г. Екатеринбургский губернский комиссариат по военным делам одним из первых своих приказов, за № 3, предписал экстренно, в 3-дневный

¹⁶⁵ См.: ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 643–644; ГАШ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 2932, Л. 36; Д. 3302. Л. 55, 55 об.

¹⁶⁶ См.: ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 278, 279, 426–428, 432, 496, 497, 498, 564 и др.

¹⁶⁷ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 365–367 об, 371.

¹⁶⁸ См.: Montandon D'G. Deux ans chez Koltchak et chez les Bolcheviques: Pour la Croix-Rouge de Genève (1919–1921). Paris, 1923. P. 52. За информацию об этом источнике благодарю к.и.н., н.с. Института истории и археологии УрО РАН М.И. Вебера.

срок, зарегистрировать всех иностранных военнопленных «империалистической войны»¹⁶⁹. Переписать при этом удалось только 2 тыс. человек, содержащихся в 4 лагерях и госпитале вновь созданного губернского пленбежа, в то время как тысячи пленников остались за рамками всякого учета по той простой причине, что ничего о его проведении не знали, прозябая где-нибудь в уральской глуши или «самотеком» пробираясь на запад страны¹⁷⁰.

Новая перепись узников войны, проходившая в течение двух недель в Европейской России и месяца в Азиатской весной 1920 г., выявить всех пленников также не позволила¹⁷¹. Те из них, кому посчастливилось оказаться в сфере внимания екатеринбургского губэвака (см. табл. 17), отбыли на родину в первой половине 1920 г. В июле местные власти рапортовали, что с территории Екатеринбургской губернии пленные «империалистической войны» вывезены все, хотя на самом деле речь шла об отправке только учтенных узников войны — и не более того¹⁷². Занятые главным образом транзитными контингентами, — только за август–октябрь 1920 г. через Екатеринбург проследовало 25 эшелонов с десятками тысяч пленных¹⁷³, — чиновники местной эвакуационной службы просто не успевали «обслуживать» местное население. Однако в начале 1921 г., когда забытые пленные иностранцы заявили о себе, очевидное пришлось признать: ««... Отправка бывших военно- и гражданских пленных австро-германцев должна была закончиться еще в конце 1920 г. Но многие из указанных граждан и до сих пор не знают ничего об отправке их на родину, так как они не зарегистрировались по месту своего жительства в волисполкомах и поэтому необходимых сведений о них не имеется...»¹⁷⁴.

Спустя год ситуация повторилась. В июле 1921 г. из Екатеринбурга и Перми в Москву корреспондировали, что на территории Среднего Урала «местные запасы» пленных практически исчерпаны и выражаются показателем в 201 и

¹⁶⁹ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 654 об.

¹⁷⁰ См. Там же. Л. 115.

¹⁷¹ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 5. Л. 231.

¹⁷² См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.

¹⁷³ См.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 216. Л. 8, 12, 13.

¹⁷⁴ ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 363. Л. 1.

186 человек соответственно¹⁷⁵. Однако статистика низовых органов эвакуации населения фиксировала совсем иные цифры. Так, на 1 августа 1921 г. по 4 уездам Екатеринбургской губернии число зарегистрированных вражеских военнослужащих составляло 551 человек¹⁷⁶.

Таблица 17

Контингенты Екатеринбургского губернского управления по эвакуации населения, учтенные на 27 апреля 1920 г. по Верхотрускому, Ирбитскому, Камышловскому, Красноуфимскому и Шадринскому уездам, чел.

Контингенты	Верхотурский уезд, человек	Ирбитский уезд, человек	Камышловский уезд, человек	Красноуфимский уезд, человек	Шадринский уезд, человек	Всего, человек
Беженцы	630	1555	4552	266	2618	9621
- В том числе Первой мировой войны	192	756			1910	2852
- В том числе Гражданской войны	438	799		266	708	2211
Военнопленные Гражданской войны				526		526
Военнопленные Первой мировой войны	351	394	192	384	3177	4498
- В том числе иностранные	129	373	65	384	330	1281
- В том числе русские	222	21	127		2847	3217
Гражданские пленные Первой мировой войны					718	718
Солдаты, вернувшиеся из Франции	6		5		32	43
ИТОГО	987	1949	4749	1176	6545	15406

Источник: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 91–96.

Очевидно, что при безусловно отрицательной динамике пространственно-количественных характеристик плена до финальных аккордов его истории дело в 1921 г. так и не дошло, чему в немалой степени способствовали информационный вакуум и слабое администрирование, помноженные на растворенность пленников среди «аборигенного» населения. По данным Центроэвака, наверняка неполным, в декабре 1921 г. в РСФСР и УССР продолжало находиться порядка 28,4 тыс. военнопленных «империалистической войны», в том числе 4 тыс. австрийцев, 1,5 тыс. югославы, 3,0 тыс. чехословаков, 3,0 тыс. румын, 7 тыс. германцев и 10 тыс. венгров¹⁷⁷. Последними сроками их бесплатной репатриации были определены для германцев 1 марта 1922 г., для австро-венгров (за исключением румын) — 31 августа 1922 г.¹⁷⁸ По прошествии этих дат с учета советских

¹⁷⁵ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 4. Д. 254. Л. 44; Д. 3333. Л. 18.

¹⁷⁶ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 25. Л. 15; Д. 28. Л. 2; Д. 31. Л. 2, 4, 7, 8, 9.

¹⁷⁷ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 363. Л. 330.

¹⁷⁸ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 33. Л. 3, 33, 55.

миграционных служб пленные иностранцы были просто сняты, и проблема их отправки на родину утратила статус государственной.

Думается, что формальное закрытие темы пленных Первой мировой войны сначала через их «упразднение», а затем и «упразднение» специализированных структур, занимавшихся судьбой жертв войны, только отсрочило реальное исчерпание проблемы. Она напоминала о себе вплоть до середины 1920-х гг. посредством новых переписей и, в частности, переписи пленных конца 1923 г. в Екатеринбургской губернии, «рецидивов» репатриационного движения, связанных с возобновлением отправки бывших вражеских военнослужащих в Австрию, Венгрию, Германию и Чехословакию, а также долгожданным разрешением участи румын в 1924 г. и турок в 1925 г.¹⁷⁹ При этом покинуть СССР удалось далеко не всем вчерашним военнопленным, поскольку некоторым из них за отсутствием документов, необходимых для подтверждения подданства, в возвращении на родину было отказано (см. об этом гл. 5).

Генерализируя все перечисленные факты, нужно отметить, что статистико-географические характеристики плена при всей их изменчивости оставались неизменны в главном. Они прежде всего отражали тот факт, что территория плена не отличалась однородностью, будучи изрезана всевозможными границами, фиксировавшими существование на этой территории своих центров и окраин, столиц и захолустий, метрополий и колоний. При этом их иерархия зримо отличалась от сложившейся иерархии как административно значимых, так и заурядных для географии региона единиц. Лесничество, рудник, завод, поле, ферма, станция, город, монастырь — сочетание этих и других «мест» и «местечек» плена придавало его карте причудливый рисунок. Определяющими для него факторами стали при этом прежде всего приоритеты местного хозяйства, который, наряду с политической конъюнктурой, и детерминировал логику и практики размещения пленников, а вместе с динамикой их перемещения — и динамику их численности.

¹⁷⁹ См.: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 352. Л. 43, Д. 386. Л. 11,12, 16, 17; ГАШ. Ф. р-256. Оп. 2. Д. 1. Л. 59; Д. 3. Л. 71–72; Д. 4. Л. 8–10, 18–20; Д. 10. Л. 45, 66, 66 об., 72, 90.

2.2. Социально-демографические статусы пленных

Очевидно, что пространство плена обязано было своими конфигурациями, помимо всего прочего, в том числе и собственно пленникам, а именно — их социально-демографическим статусам. Кто же были эти люди, изначально не претендовавшие ни на какую иную роль, кроме роли социальной переменной? Какие факторы объединяли и разъединяли их, позволяя или не позволяя говорить об их коллективности? Насколько иерархизация качественно различных признаков, сливавшихся в обобщенном образе вражеских военнослужащих, допускает автономизацию их отдельных групп? Каковы пределы этой автономизации и соответственно глубина тех разрывов, которые пролегали между пленниками-носителями различных этнокультурных, демографических и социо-профессиональных характеристик? В поисках ответов на эти и аналогичные им вопросы важно, как представляется, не столько синтезировать общие для всех военнопленных составляющие их облика, сколько разглядеть те их отличия, которые «работали» на усложнение рисунка плена.

Надо сказать, что особое значение совокупных этнокультурных, демографических и социо-профессиональных характеристик пленных признавали еще советские историки. Для них, однако, происхождение пленных было не целью, а прежде всего средством — средством доказательства того, что политизация сознания обезоруженных военнослужащих неприятельских армий и их включение сначала в протестное, а затем и революционное движение в России являлись лишь вопросами времени. В венчавшей советскую историографию темы работе «Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов» отмечалось, что среди наиболее многочисленных военнопленных габсбургской армии австрийцы и немцы составляли примерно 20–22 % (порядка 400–500 тыс. чел.), венгры — 24–25 % (500–550 тыс. чел.), румыны — 7–8 % (120–150 тыс. чел.), итальянцы — 1–2 % (20–40 тыс. чел.). На долю представителей «братских» славянских народов приходилось 40–47 %, то есть едва ли не половина общего числа пленных,

которую, в свою очередь образовывали чехи и словаки (13–18 %, 250–350 тыс. чел.), сербы, хорваты и словенцы (11–12 %, 200–250 тыс. чел.), поляки (8–9 %, 150–200 тыс. чел.) и украинцы (8 %, 150–160 тыс. чел.). Особенно подчеркивался тот факт, что в составе пленных германской армии (170–180 тыс. чел.) находилось, кроме немцев, некоторое число поляков из западных польских областей и французов-эльзасцев, а в рядах пленных из армии Турции (50–60 тыс. чел.), кроме турок, арабов и курдов, были армяне, близость которых к русскому народу и его чаяниям объяснялась уже не этническим, а конфессиональным фактором.

Советские исследователи приблизительно установили и «классовую» структуру военнопленных, в какой-то степени синонимичную социальной. Было выяснено, что в числе пленных австро-венгров доминировали средние и мелкие землевладельцы (крестьяне), сельскохозяйственные рабочие и поденщики (57 %), среди солдат и офицеров германской армии — так называемый промышленный и аграрный пролетариат, турецкой и болгарской — малоземельные и безземельные крестьяне¹⁸⁰.

Со всеми этими оценками можно было бы согласиться, если бы не их самый общий характер. При изучении состава военнопленных отечественные специалисты опирались на анализ структуры населения воевавших против России стран в целом, а также на данные Генерального штаба, степень доверия к которым изначально была завышенной¹⁸¹. Последними, кстати, до сих пор оперируют едва ли не все современные историки¹⁸², игнорируя тот факт, что сведения

¹⁸⁰ Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. М., 1987. С. 33–34.

¹⁸¹ Речь идет о данных, приведенных в сборнике «Россия в Мировой войне 1914–1918 года в цифрах» (М., 1925). Опубликованные Центральным статистическим управлением СССР данные, как указывали сами составители сборника (см. с. 41), ограничивались периодом до 1 сентября 1917 г. и базировались на уже имевшихся в материалах Генерального штаба сведениях, никем дополнительно не уточнявшихся и не проверявшихся.

¹⁸² См., напр.: Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Учеб. пособие к спецкурсу. М., 1999; Зиновьев В.П., Карих Е.В. Этнический аспект общественного движения в Сибири и на Дальнем Востоке накануне революции 1917 г. // Исторический ежегодн. Омск, 1999. С. 85–91; Ниманов И.Б. Численность и

Генерального штаба носили предварительный и, соответственно, приблизительный характер. Это, однако, имеет свое логическое объяснение: применение показателей, не удовлетворяющих требованиям «гиперсциентизма», обусловлено отсутствием точной статистики российского плена, которая могла бы сузить диапазон исследовательских изысканий.

Безнадежный дефицит не только первичной, но и вторичной статистической информации объясняется тем, что Первая мировая война практически не знала централизованного систематического (подекадного, помесячного, поквартального и, наконец, погодного) учета пленных и их статусов. По давно заведенной традиции отвоевавшихся военнопленных противника принято было учитывать персонально, каждого в отдельности, что в условиях массового захвата неприятельских солдат и офицеров привело к полной неразберихе и стало настоящей проблемой, особенно ощущавшейся на местах¹⁸³. Постепенно обостряясь, она вынудила российские власти инициировать в 1917 г. всероссийскую перепись вражеских военнопленных. «Существующая у нас числовая система учета военнопленных на основании данных штабов военных округов внутреннего района государства не дает в настоящее время достаточно точных данных об общей численности военнопленных и распределении их по территории России, а также данных, необходимых для возможно рационального использования около двухмиллионной массы военнопленных как весьма крупной рабочей силы государства», — гласила изданная в Петрограде в 1917 г. «Инструкция по организации переписи военнопленных». «Принятая с начала войны система оказалась несоответствующей вследствие назначения части поступивших военнопленных непосредственно на работы, без предварительного

этнический состав иностранных военнопленных в России в годы первой мировой войны // *Опыты историко-антропологических исследований*. 2009. Науч. работы студентов и аспирантов. М., 2009. С. 90–96; Савин А.И. «Приводные ремни масс»: немецкие секции ВКП(б) и немецкоязычная партийная печать в Сибири в 1920-е годы // *Немецкий этнос в Сибири*. Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 133–144; Субаев Н. Турецкие военнопленные в Поволжье: фрагменты истории (1915–1919 гг.) // *Гасырлар авазы (Эхо веков): научно-документальный журнал*. 1999. № 1/2. С. 280–282; и др.

¹⁸³ См. об этом: Запрос о пленных // *Саратовский листок*. 1917. 18 янв.

прохождения через пункты водворения, а также получившейся сложности этого учета вследствие назначения военнопленных на работы разных ведомств и общественных организаций вне пределов округов, в которых они [военнопленные — *С.Н.*] состоят на учете», — продолжал все тот же документ¹⁸⁴.

Перепись, вне сомнения, была призвана зафиксировать не только суммарные показатели численности разбросанных по территории страны военнослужащих неприятеля. Она должна была конкретизировать их состав, поскольку ясности в этом вопросе было нисколько ни больше, нежели в вопросе общего количества пленников. Так, характеризуя поставлявшиеся из более 300 мест империи списки вражеских военнослужащих, начальник Центрального справочного бюро о военнопленных И.А. Овчинников сетовал: «Особенно много затруднений вызвало отсутствие в списках сведений о подданстве военнопленных. Дело в том, что в выработанной в сентябре 1914 г. Главным управлением Генерального штаба форме именного списка пленных не было специальной графы для обозначения подданства, так как признано было наиболее удобным, чтобы предоставлялись отдельные списки германских и австрийских пленных, а потому предполагалось, что подданство будет указываться на заглавных листах списков. На практике, однако, оказалось, что военное начальство на местах заносило германцев и австрийцев в один и тот же список, причем подданство каждого пленного в отдельности совершенно не указывалось. Поэтому в том же сентябре месяце я просил Главное управление Генерального штаба сделать циркулярное распоряжение об обозначении в списках сведений о подданстве пленных, ибо в противном случае Бюро было лишено возможности направлять означенные списки в соответствующее воюющее государство. Но и таким путем не сразу удалось достигнуть положительных результатов: местное военное начальство вместо подданства стало указывать в списках национальность пленных (немец, поляк, чех и т.д.), и лишь после моих неоднократных разъяснительных обращений

¹⁸⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 23.

непосредственно к воинским начальникам стали поступать от них списки с необходимыми данными»¹⁸⁵.

На самом деле путаница в деле фиксации, а с ним и рационализации «разнообразия» пленников так и осталась нерешенной проблемой, о чём, к примеру, красноречиво свидетельствовали данные учета солдат и офицеров неприятельских армий в Пермской губернии, этническая принадлежность которых могла подменяться вероисповеданием, а славяне рассматривались как неделимая общность (см. табл. 18).

Таблица 18

**Размещение военнопленных в местах водворения
Пермской губернии на 20–22 января 1916 г., чел.**

	Германской армии			Австрийской армии				Турецкой армии		ВСЕГО
	Немцев	Славян	Францу- зов	Австрий- цев	Славян	Румын	Итальян- цев	Турок	Христиан	
Верхотурье	0/94*	0/0	0/0	2/809	0/128	0/95	0/15	0/0	0/0	1143
Екатеринбург	0/46	0/5	0/1	65/315	15/120	1/63	0/34	0/2	0/0	667
Ирбит	0/0	0/0	0/0	4/2721	65/379	2/87	1/0	0/6	0/0	3265
Красноуфимск	0/0	0/0	0/0	6/540	7/39	2/94	0/2	0/0	0/0	690
Кунгур	0/0	0/0	0/0	4/18	6/15	3/0	0/0	0/0	0/0	46
Оса	1/108	0/0	0/0	12/225	4/188	0/82	0/0	0/23	0/0	643
Оханск	0/87	0/0	0/0	0/92	0/0	0/0	0/3	0/0	0/0	182
Пермь	0/29	0/0	0/0	108/493	103/220	0/208	0/12	0/13	0/0	1186
Соликамск	35/31	0/0	0/0	156/205	60/178	6/65	0/0	0/35	0/0	771
Чердынь	0/9	0/0	0/1	7/233	0/1	0/2	0/0	0/8	0/0	261
Шадринск**	2/0	0/0	0/0	18/24	28/72	1/32	0/1	0/10	0/0	188
ИТОГО	34/404	0/5	0/2	382/5675	288/1340	15/728	1/67	0/97	0/0	9042

Источник: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 182. Л. 3 об., 16–17 об.

*В числителе — офицеров, в знаменателе — нижних чинов.

**Данные по Камышлову в источнике отсутствуют.

Затаянная властями в середине 1917 г. перепись пленных, была, таким образом, действительно необходима. Для её проведения был разработан целый пакет документов, включая общую инструкцию, поименные ведомости, книжки, бланки, карточки, купоны и так называемые отрезки¹⁸⁶. Проблема, однако, состояла в том, что военные власти явно переусердствовали, превратив перспективную систему учета военнопленных в настолько громоздкую, что она

¹⁸⁵ Овчинников И.А. Центральное справочное бюро о военнопленных. Пг., 1915. С. 17.

тут же обнаружила свою бесперспективность. Очевидно, бюрократическая до предела процедура, намеченная еще на июнь 1917 г.¹⁸⁷, потому и не состоялась в намеченные сроки, что обросла бесконечным числом разнообразных бумаг. Больше того, сама по себе задача охвата переписью всех пленников в силу их «деконцентрации» оказалась утопией. «... Статистических бланков Управление ниоткуда не получало и не знает, как приступить к вышеуказанной переписи», — писал управляющий Николае-Павдинского горного округа окружному инженеру Северо-Верхотурского горного округа в конце августа 1917 г.¹⁸⁸ Как результат от проведения переписи в августе 1917 г. власти также отказались, сдвинув ее сроки ещё на пару месяцев.

29 сентября уездным комиссарам и начальникам городских милиций было предписано «поставить в известность о производстве переписи все учреждения, предприятия и лиц, у которых находятся на работах в губернии военнопленные, и уведомить их., что согласно уведомления Главного управления Штаба округа от 27 сентября за № 26911 с просьбой о высылке бланков для переписи надлежит обращаться непосредственно в Петроград в Отдел эвакуационный по заведыванию военнопленными при Главном управлении Генерального штаба»¹⁸⁹. Настоящее распоряжение, явно не относясь к своевременно «преподанным», не замедлило обнаружить свою невыполнимость. «... Перепись военнопленных в указные Вами сроки фактически невозможна в виду слишком ограниченного количества присланных регистрационных карточек. Прислано всего 3700 экземпляров, между тем требование от 7 уездов предъявлено уже на 11620...», — сообщала губернская продовольственная управа пермскому губернскому комиссару Б.А. Турчевичу в начале октября 1917 г.¹⁹⁰

Прошел месяц, и без того затянувшая в Пермской губернии перепись пленных и вовсе приостановилась, что было обусловлено не столько

¹⁸⁶ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 24–28, 36–40; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 551. Л. 160–165.

¹⁸⁷ См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 551. Л. 41.

¹⁸⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 45.

¹⁸⁹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 311. Л. 172.

недостаточностью бланков, которых было получено 147 тыс.¹⁹¹, а их бестолковым расходом. В Больше-Буртымской волости Пермского уезда, к примеру, пленный сначала зарегистрировал местный лесничий, а после него — еще и уездный продовольственный комитет¹⁹². В других местностях всевозможные властные инстанции локального свойства, давшие обильные всходы в результате Февральской революции 1917 г., так и не достигнув согласия в вопросе о том, кто должен заниматься первичным учетом пленных, перепись практически сорвали¹⁹³.

Впрочем, даже если бы масштабная акция по регистрации военнопленных благополучно состоялась по всей стране, собранные сведения все равно потребовали бы некоторого времени для своей обработки, — времени, которого организаторы переписи оказались лишены в связи с известными политическими событиями октября 1917 г. За отсутствием же всезнающей, по расхожему мнению, статистики при воссоздании культурно-этнического, демографического, социального и любого другого облика военнопленных Первой мировой войны на Среднем Урале не остается ничего иного, как использовать всевозможные косвенные данные, а также отрывки и обрывки сведений, которые изначально могли быть далеко не самыми главными для того или иного документа и фиксировались «за кампанию» с другими, более важными.

Интерпретация таких нестандартных данных не может быть названа валидной, исходя из цели создания исторических посланий. Вместе с тем по условиям сбора сведений их результаты могут быть интерпретированы как достаточные для постановки проблемы и конструирования исследовательской гипотезы. Сквозь призму такого рода невалидных данных «измеряемые» качества военнопленных могут быть представлены не только закономерностями и типическими корреляциями, но и показателями, выходящими за скобки общей

¹⁹⁰ ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2. Л. 169.

¹⁹¹ См.: Объявление Пермского губернского комиссара о переписи военнопленных // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 25 окт.

¹⁹² См.: ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2. Л. 208, 239.

¹⁹³ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 56.

суммы аналоговых характеристик. Такой подход к проблеме общего и особенного, единичного и множественного, постоянных и переменных применительно к определению культурно-этнического, демографического и социального облика военнопленных практически снимает вопрос о точности исследуемых эмпирических индикаторов, превращая косвенные и фрагментарные сведения в конструктивно валидные.

Действительно, противопоставляя привычным аналитическим процедурам, основанным на количественных методах исследования, заостренное внимание к частным фактам, историк в ходе их сопряжения, вероятно, вправе претендовать не только на их оригинальную коллекцию. Побочное и предельно частное при их обстоятельном изучении способны вывести не просто к другому частному, но и к универсальной взаимосвязи процессов и явлений, изначально казавшихся автономными.

Все это, казалась бы, не актуально применительно к этническому составу военнопленных, размещение которых на территории страны изначально предусматривало дифференцированный подход. Он предполагал размещение «враждебных» немцев, венгров, турок и евреев в отдаленных округах Сибири, а «дружественных» славян, французов, итальянцев, датчан, румын и армян — в Центральной России (см. об этом гл. 4.1). Однако в силу ограниченной реализации этого подхода следует признать, что источники, отражающие этнонациональные асимметрии в отношении российских властей к пленным иностранцам, являются плохим подспорьем для историизации их культурно-этнического облика. В поисках решения этой задачи представляется позволительным использовать такие своеобразные документы, как именные списки. Составлявшиеся по самым разным случаям, эти источники при беглом знакомстве с ними представляются малоценными находками (см. табл. 19). Однако с пополнением их числа все новыми и новыми материалами синтезированный таким образом документальный свод оказывается не таким уж безынтересным.

Таблица 19

Именные списки военнопленных: основные характеристики

№ документа	Название документа	Дата составления документа	Указано человек
Документ 1	Список военнопленных, выбранных для работ в Верх-Исетском округе и подлежащих к приемке старшим штейгером Пышминско-Ключевского рудника К.Г. Паркачевым на ст. Екатеринбург-1	Май 1915 г.	154
Документ 2	Список нижних чинов австрийской армии, командированных из города Шадринска на Медный рудник округа Верх-Исетских заводов	2 июня 1915 г.	154
Документ 3	Список военнопленных нижних чинов австрийской армии, переданных уполномоченному Ирбитской земской управы крестьянину с. Пьянковского Харловской волости Григорию Васильевичу Волкову	6 июня 1915 г.	34
Документ 4	Именной список военнопленным нижним чинам австро-венгерской армии в числе 100 человек, отправляемых в г. Туринск в распоряжение председателя съезда крестьянских начальников	18 января 1916 г.	100
Документ 5	Список состоящих на работах военнопленных австрийской армии, взятых в плен в войну 1914 г. и 1915 г. на Калатинском медеплавильном заводе и руднике округа Верх-Исетских заводов	26 февраля 1916 г.	255
Документ 6	Поцеховой список военнопленных, работающих в цехах Надеждинского завода Богословского горного округа	Март 1916 г.	1425
Документ 7	Список военнопленных, работающих в Нижнесалдинском заводе	Март 1916 г.	316
Документ 8	Список военнопленных, находящихся в Верхнесалдинском заводе Верхотурского уезда	Март 1916 г.	91
Документ 9	Список военнопленных, отпущенных на сельскохозяйственные работы в Верхотурский уезд	31 марта 1916 г.	135
Документ 10	Список военнопленных нижних чинов австро-венгерской армии, переданных Верхотурской земской управе в г. Ирбите	1 апреля 1916 г.	65
Документ 11	Список военнопленных, находящихся на работах, вверенных строительной конторе Гороблагодатского округа	20 июня 1916 г.	167
Документ 12	Именной список военнопленных нижних чинов разных рот 562 Саратовской пешей дружины, отправленных на сельскохозяйственные работы в Пермскую губернию	3 июля 1916 г.	190
Документ 13	Именной список военнопленных нижних чинов 9, 20, 19, 8 и 16 роты турецкой армии, направленных из г. Верхнеудинска на работы Богословского горного округа	Июль 1916 г.	163
Документ 14	Список военнопленных, занятых в цехах Сосьвинского завода Богословского горного округа	Июль 1916 г.	17
Документ 15	Список военнопленных, находящихся на работах в заводских цехах Алапаевского завода	3 июля 1916 г.	563
Документ 16	Именной список на военнопленных нижних чинов австрийской армии, отправленных из Коканда на ст. Нижняя Салда Пермской железной дороги в распоряжение заводов наследников П.П. Демидова, кн. Сан-Донато	25 июля 1916 г.	40
Документ 17	Именной список военнопленных нижних чинов, отправленных с Вешовского хутора Лукояновского уезда Нижегородской губернии в распоряжение Богословского горного округа на ст. Надеждинский завод Богословской железной дороги	31 июля 1916 г.	200
Документ 18	Список военнопленных австро-германской и турецкой армий, взятых в плен в войну 1914 и 1915 гг. и находящихся на Белореченском руднике Верх-Исетского горного округа с 18 июля 1916 г.	13 сентября 1916 г.	197
Документ 19	Именной список военнопленных нижних чинов сербов, хорватов и словенцев, находящихся на работах Богословской каменноугольной копи Богословского горного округа, переданных приставу Надеждинского завода	5 октября 1916 г.	13

№ документа	Название документа	Дата составления документа	Указано человек
Документ 20	Именной список военнопленных, прибывших на работы Богословского горного округа	23 ноября 1916 г.	118
Документ 21	Список военнопленных, работающих на заводах и рудниках Верх-Исетского округа	1 декабря 1916 г.	2633
Документ 22	Список военнопленных, отпущенных на сельскохозяйственные работы в Верхотурский уезда	1916 г.	100
Документ 23	Именной список нижних чинов австрийской и германской армий, отправленных в распоряжение Богословского горного округа	11 января 1917 г.	68
Документ 24	Именной список нижних чинов австрийской и германской армий, взятых в плен в войну 1914/1917 гг., командированных из Нижегородского Старого Замка на ст. Надеждинский завод Богословской дороги в распоряжение Богословского горного округа	14 января 1917 г.	98
Документ 25	Именной список всех военнопленных, находящихся в Александровском лесничестве наследников П.П. Демидова, кн. Сан-Донато	14 января 1917 г.	527
Документ 26	Список военнопленных нижних чинов специалистов, отправленных на работы в г. Пермь Пермской войсковой строительной комиссии	6 февраля 1917 г.	10
Документ 27	Именной список на военнопленных нижних чинов, отправленных в распоряжение Пермского городского продовольственного комитета	2 мая 1917 г.	50
Документ 28	Действительная наличность пленных по переписи 18 октября 1917 г. Сосьвинского лесничества Богословского горного округа	18 октября 1917 г.	499
Документ 29	Сведения о имеющихся военнопленных в 3-м подлесничестве Верхнетагильской дачи Верхнетагильской заводской конторы	1917 г.	89
Документ 30	Список военнопленных, проживающих на Чирочном углевыжигательном заведении Верхнетагильской дачи Верхнетагильской заводской конторы	1917 г.	51
Документ 31	Список всех военнопленных, работающих при Александровском и Сорьинском заведениях Верхнетагильской дачи Верхнетагильской заводской конторы	1917 г.	84
Документ 32	Список военнопленных, находящихся при Калатинском медеплавильном заводе национального Верх-Исетского округа	24 мая 1918 г.	16
Документ 33	Список военнопленных рабочих национальных асбестовых рудников Баженовского района	Июль 1918 г.	246
Документ 34	Список пленных, отправленных из Кушвы в Пермь	Июль 1918 г.	65
Документ 35	Список иностранных граждан служащих и рабочих Исетского национализированного дрожжевого завода	1918 г.	12
ИТОГО			8945

Источник: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 20. Л. 18–20; Д. 21. Л. 38, 38 об., 80–85; ГА РФ. Ф. р-8402. Оп. 1. Д. 15а. Л. 103–105; ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 174–175, 200–203; Оп. 32. Д. 4511. Л. 56–58; Ф. 45. Оп. 1. Д. 275. Л. 68–70; Д. 1040. Л. 284–291, 262–265 об., 258–261; Д. 1044. Л. 51–55 об.; Д. 1100. Л. 29–31; 34–41; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5556. Л. 56–58 об., 135–147, 207–222, 265–272; Д. 5624. Л. 2–155; Ф. 183. Оп. 1. Д. 70. Л. 167–175 об., 177, 180–205 об., 209–225, 227–230 об.; Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 3–4, 6–7, 9–13, Ф. 595. Оп. 1. Д. 450. Л. 170–186; Ф. 627. Оп. 2. Д. 1056. Л. 1–3 об, Л. 10–11 об, 16–22, 29–29 об., 35–38; Ф. 643. Оп. 3. Д. 1882. Л. 1–4; Оп. 4. Д. 357; Ф. 694. Оп. 1. Д. 214. Л. 65–69; Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 147–149.

Объединенные при доставке на Урал в одну партию, работавшие на одном и том же предприятии или ожидавшие своей дальнейшей участи в уездном пункте водворения пленные составляли микрогруппы, многократно создававшиеся и распадавшиеся. Поэтому, несмотря на то, что количественно обнаруженные именные списки пленных охватывают порядка 8–10 % от их общего числа, строго говоря, они, не могут претендовать на роль репрезентативной выборки, поскольку были созданы в разное время и вполне могли содержать имена одних и тех же людей, перебрасываемых с фронта в тыл, из города — в деревню, с севера Урала — на юг, и т.д., и т.п. Вместе с тем, из настоящих источников можно смело заключить, что в облике размещенных на Урале вражеских военнослужащих сочетались средневропейские и восточноевропейские культурно-этнические компоненты, колорита которым добавляло присутствие в числе пленных «обитателей» Южной Европы, Анатолии и Ближнего Востока (см. табл. 20).

Кроме того, можно уверенно утверждать, что ретроспективные документы не обнаруживают никакой закономерности в «подвозе» на Урал пленных той или иной нации или народности и тем самым подтверждали, что закономерность такая практически отсутствовала. В этническом плане пленные составляли пестрый конгломерат, и говорить о безусловном наличии в их собирательном образе тех или иных черт, — а по логике вещей преобладать среди них должны были славянские, — не приходится. Пленные славяне составляли среди прочих немногим более 25 % (25,3 %), в то время как подлежащие размещению в Сибири венгры, евреи, немцы и турки — более 55 % (соответственно 24,4 %, 0,7 %, 24,3 % и, наконец, 7,5 %). Заметное место в этнической иерархии пленных занимали румыны (10,1 %), но даже их перевод в категорию «дружественных» пленных в общем балансе ничего не менял (см. диагр. 1 и 2).

Таблица 20

Распределение пленных по национальному признаку, чел.*

Национальность	Документ 1	Документ 2	Документ 3	Документ 4	Документ 5	Документ 6	Документ 7	Документ 8	Документ 9	Документ 10	Документ 11	Документ 13	Документ 14	Документ 15	Документ 16	Документ 17	Документ 18	Документ 19	Документ 20	Документ 21**	Документ 22	Документ 23	Документ 25	Документ 26	Документ 27	Документ 28	Документ 30	Документ 31	Документ 32	Документ 33	Документ 34	Документ 35	Итого	%
Арабы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8	0,1
Австрийцы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5	0	0	106	0	19	0	0	0	0	0	0	9	0	15	0	154	1,8
Боснийцы	0	0	0	0	0	44	0	0	96	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	3	0	0	0	0	0	0	145	1,7
Греки	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,01
Евреи	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4	0	0	6	0	0	3		14	28	0	0	2	0	2	1	1	0	0	0	0	1	62	0,7
Итальянцы	0	0	0	100	21	32	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	7	0	10	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0	178	2,1
Мадьяры	0	0	0	0	38	464	131	46	0	53	23	0	9	174	0	89	27	0	25	547	35	24	75	2	17	211	10	26	2	20	40	3	2091	24,4
Немцы	0	0	0	0	0	408	21	30	16	12	135	0	2	171	0	111	64	0	75	627	0	25	67	3	9	183	38	57	2	12	10	3	2081	24,3
Поляки	42	37	3	0	52	63	5	0	0	0	0	0	2	36	9	0	0	0	0	135	3	0	45	1	7	6	2	1	0	111	0	1	561	6,6
Румыны	0	12	0	0	65	133	22	15	0	0	5	0	0	69	16	0	0	0	1	264	32	0	206	0	9	6	0	0	1	6	0	1	863	10,1
Русины	11	9	5	0	46	49	43	0	0	0	0	0	0	12	2	0	0	0	1	140	17	0	60	2	0	2	0	0	1	7	0	1	408	4,77
Сербы	0	14	10	0	0	7	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	1	0	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	12	0	0	50	0,6
Словаки	17	10	1	0	7	119	60	0	0	0	0	0	0	6	0	0	0	0	1	22	1	0	35	0	1	1	0	0	0	9	0	1	291	3,4
Словенцы	0	4	14	0	0	5	0	0	0	0	0	0	1	8	0	0	0	3	0	1	0	0	3	0	0	3	0	0	1	0	0	0	43	0,5
Турки	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	163	0	0	0	0	98	0	0	338	0	0	0	0	1	40	0	0	0	0	0	0	640	7,5
Французы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	307	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	307	3,6
Хорваты	12	1	0	0	0	16	0	0	23	0	0	0	1	4	0	0	9	0	6	4	0	8	1	1	0	0	0	0	2	0	0	88	1,02	
Чехи	72	67	0	0	24	82	29	0	0	0	0	0	2	75	13	0	0	0	1	95	1	0	11	1	3	40	0	0	0	67	0	1	584	6,8
Всего	154	154	33	100	253	1422	316	91	135	65	167	163	17	563	40	200	197	13	118	2629	100	68	524	10	50	499	51	84	16	246	65	12	8555	100

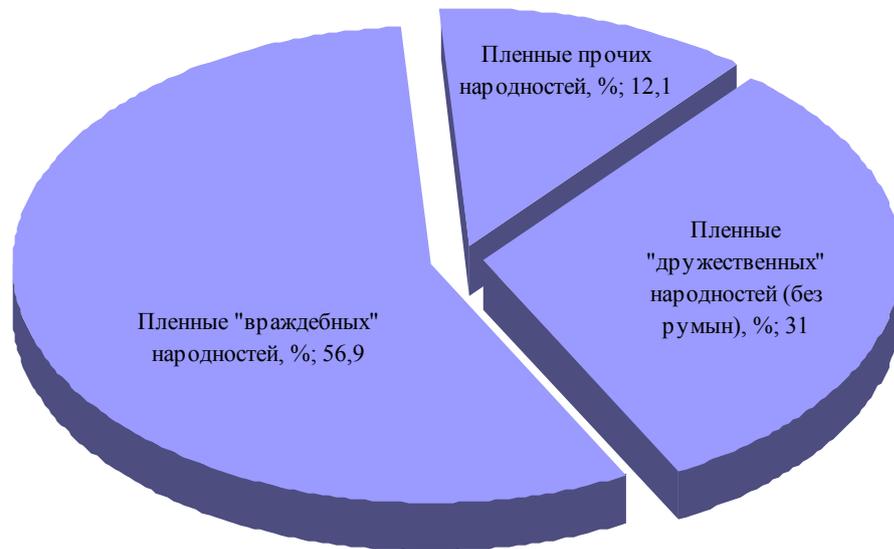
Источник: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 20. Л. 18–20; Д. 21. Л. 38, 38 об., 80–85; ГА РФ. Ф. р-8402. Оп. 1. Д. 15а. Л. 103–105; ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 174–175, 200–203; Оп. 32. Д. 4511. Л. 56–58; Ф. 45. Оп. 1. Д. 275. Л. 68–70; Д. 1040. Л. 284–291, 262–265 об., 258–261; Д. 1044. Л. 51–55 об.; Д. 1100. Л. 29–31; 34–41; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5556. Л. 56–58 об., 135–147, 207–222, 265–272; Д. 5624. Л. 2–155; Ф. 183. Оп. 1. Д. 70. Л. 167–175 об., 177, 180–205 об., 209–225, 227–230 об.; Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 3–4, 6–7, 9–13, Ф. 595. Оп. 1. Д. 450. Л. 170–186; Ф. 627. Оп. 2. Д. 1056. Л. 1–3 об, Л. 10–11 об, 16–22, 29–29 об., 35–38; Ф. 643. Оп. 3. Д. 1882. Л. 1–4; Оп. 4. Д. 357; Ф. 694. Оп. 1. Д. 214. Л. 65–69; Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 147–149.

* В документах 12, 24 и 29 национальность пленных не зафиксирована.

** У четверых пленных национальность не указана.

Диаграмма 1

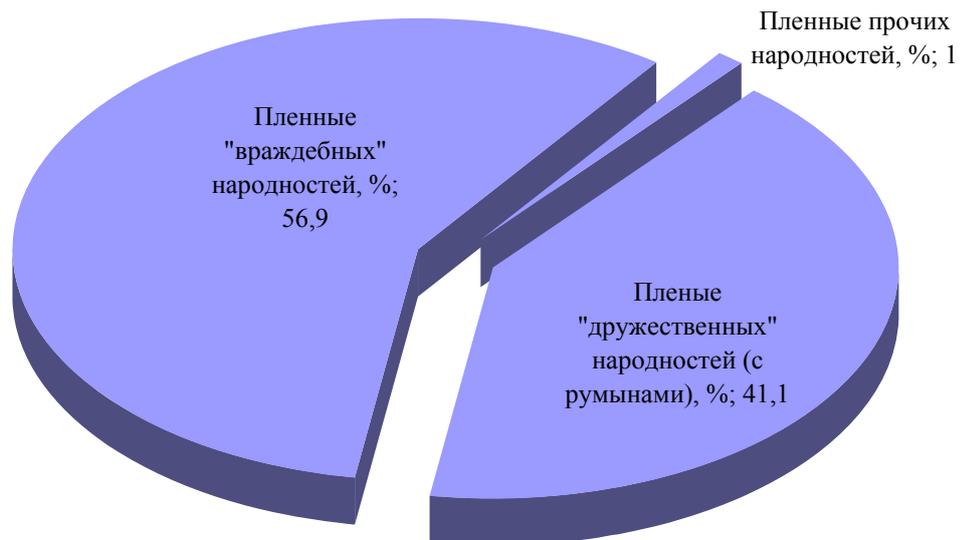
Соотношение пленных «дружественных» (без учета румын), «враждебных» и прочих народностей, %

Источник: табл. 20.

Диаграмма 2

Соотношение пленных «дружественных» (с учетом румын), «враждебных» и прочих народностей, %

Источник: табл. 20.

Тот факт, что в наборе культурно-этнических характеристик пленных ядро и периферия соотносились именно таким образом, отчасти подтверждали и многочисленные жалобы пленных славян на «засилье» немцев и венгров, которое, однако, было вовсе необязательным¹⁹⁴. Документы о репатриации пленных и, в частности, представленная Екатеринбургским губпленбежем в августе 1919 г. ведомость на 3570 человек, давая несколько иные соотношения, вместе с тем согласуются в главном, — в том, что этнические «аутсайдеры» доминировали в общей совокупности пленников, пребывавших на Среднем Урале, тогда как представители так называемых дружественных народностей оказались в меньшинстве (см. табл. 21).

Таблица 21

Сведения Екатеринбургского губпленбежа о числе и составе военнопленных, отправленных на родину 28 июля — 22 августа 1919 г., чел.

Национальность	Всего, человек	В % к общему числу	Национальность	Всего, человек	В % к общему числу
Болгары	3	0,08	Румыны	484	13,5
Босняки	23	0,64	Русины	38	1,06
Евреи	15	0,4	Сербы	3	0,08
Итальянцы	22	0,6	Словенцы	12	0,34
Литовцы	4	0,11	Турки	26	0,7
Мадьяры	1185	33,2	Украинцы	606	17,0
Немцы	1013	28,3	Хорваты	34	0,95
Поляки	102	2,85	ИТОГО	3570	100

Источник: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 35. Л. 4–5.

«Враждебное» в этническом плане большинство пленных оказалось, ко всему прочему, еще и большинством иноверческим (см. табл. 22), хотя контуры этих двух «большинств» и не были тождественны. Действительно, более чем наполовину католическая совокупность пленных практически не знала православных включений (менее 4%), что удлиняло дистанцию между узниками войны и местным населением, на 86,75% православным и лишь на 0,1% католическим¹⁹⁵. Если же говорить о пленниках нехристианских конфессий, то для них задача вписывания в

¹⁹⁴ См. об этом подробнее: Суржикова Н.В. Повседневность уральского плена: взгляд изнутри (конец 1916 — первая половина 1917 г.) // Вестн. Челябинского госун-та. 2009. № 28. История. Вып. 34. С. 167–173.

¹⁹⁵ Здесь и далее см.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXI: Пермская губерния. СПб., 1904. С. 92–93.

архитектуру местного религиозного и вместе с ним культурного ландшафтов (К. Сойер)¹⁹⁶ стояла менее остро. По крайней мере, исходя из формальных показателей, можно утверждать, что между пленными иудеями и магометанами (2,35 % и 14,4 % от генеральной совокупности), с одной стороны, и местными представителями ретроспективных вероисповеданий (соответственно 0,1 % и 5,06 % во всем населении Пермской губернии), с другой, никакой пропасти не пролегало. Местные религиозные меньшинства, как свидетельствуют источники, быстро нашли контакт с военнопленными на почве единоверия, заставив власти констатировать в начале 1916 г., что конфессиональный и связанный с ним этнический факторы конфигурировали пространство российского плена не только «сверху», но и «снизу»: «По сведениям, в России повсеместно образованы татаро-турецкие комитеты, деятельность которых направлена на оказание всяческого содействия побегам военнопленных и по пересылке корреспонденции последних через своих агентов, минуя военную цензуру. В комитетах состоят наиболее зажиточные татары, пользующиеся популярностью среди своих единоверцев...»¹⁹⁷. Преувеличенными были опасения властей или нет, не особенно принципиально¹⁹⁸. Как представляется, принципиально в данном случае прежде всего то, что наличие в собирательном образе пленных тех или иных черт предполагало лишь их условную градацию по шкале первичности.

Что касается вопроса о половом составе военнопленных как социальной единицы, то даже не специалисту ясно, что вопрос этот избыточен. Поспорить с этим трудно, равно как и с тем, что война традиционно являлась и является мужским занятием, и потому, когда речь идет о ее непосредственных участниках, не предполагает никакой половой интриги. Однако ограничиться выводом о том, что оказавшиеся на Урале пленные являли собой сообщество на 100 % мужское, не позволяют некоторые источники. Газета «Уральская жизнь», к примеру, в мае

¹⁹⁶ См. об этом термине: Sauer C. *The Morphology of Landscape*. Berkeley, 1925. P. 343. См. также: Webb M. *Cultural landscapes in the National Park Service // The Public Historian*. Vol. 9. № 2 (Spring, 1987). P. 78; *Studying cultural landscapes*. London, 2003. P. 2–4; *The Interpretation of Ordinary Landscapes / Ed. D.W. Meinig*. New York, 1979; и др.

¹⁹⁷ ГАТ. Ф. и-159. Оп. 2. Д. 134. Л. 15.

¹⁹⁸ О расследовании дел о кружках и комитетах, якобы помогавших пленным бежать, см.: ГА РФ. Ф. 124. Оп. 63. Д. 223–224.

1915 г. ошарашила свою аудиторию новостью о том, что военнопленный австриец, проживавший в одной из деревень Тюменского уезда, «оказался женщиной и на днях ... родил»¹⁹⁹. Другое издание, «Зауральский край», сообщило в октябре 1915 г., что «между отправляемыми за последнее время через Екатеринбург пленными были две немки-добровольцы, солдаты пулеметной команды»²⁰⁰. Тоскующая публика уездного центра, писала газета, «пулеметками» сразу заинтересовалась, долго их «разглядывала» и выяснила, что эти женщины — мать и дочь.

Таблица 22

Самоидентификации пленнх по вероисповедальному признаку, чел.*

№ документа	Баптисты	Евангелисты	Иудеи	Католики	Мусульмане	Православные	Протестанты	Реформаторы	Унииаты (греко-католики)	Всего
Документ 3**	0	1	0	22	0	10	0	0		33
Документ 5	0	1	0	161	0	0	0	0	93	255
Документ 13	0	0	0	0	163	0	0	0		163
Документ 16	0	0	0	21	0	16	0	0	3	40
Документ 17	0	128	4	67	0	0	0	0	1	200
Документ 18**	0	12	5	76	98	0	0	6	0	196
Документ 20	0	24	14	72	0	1	0	1	6	118
Документ 21**	1	71	50	1613	349	137	55	62	226	2564
Документ 23	0	17	0	46	0	0	0	5	0	68
Документ 24	0	38	3	50	0	0	0	7	0	98
Документ 27**	0	0	2	36	0	0	0	0	9	47
Документ 28	0	55	26	317	41	2	0	49	9	499
Документ 29	0	1	1	4	0	0	0	83	0	89
Документ 30	0	38	1	12	0	0	0	0	0	51
Документ 31**	0	0	0	33	0	0	0	49	1	83
Документ 32	0	1	0	12	0	0	0	3	0	16
ИТОГО	1	387	106	2542	651	166	55	265	348	4520
%	0,02	8,56	2,35	56,2	14,4	3,7	1,2	5,87	7,7	100

Источник: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 20. Л. 18–20; Д. 21. Л. 38, 38 об., 80–85; ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 174–175, 200–203; Оп. 32. Д. 4511. Л. 56–58; Ф. 45. Оп. 1. Д. 275. Л. 68–70; Д. 1040. Л. 284–291, 262–265 об., 258–261; Д. 1044. Л. 51–55 об.; Д. 1100. Л. 29–31; 34–41; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5556. Л. 56–58 об., 135–147, 207–222, 265–272; Д. 5624. Л. 2–155; Ф. 183. Оп. 1. Д. 70. Л. 167–175 об., 177, 180–205 об., 209–225, 227–230 об.; Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 3–4, 6–7, 9–13, Ф. 595. Оп. 1. Д. 450. Л. 170–186; Ф. 627. Оп. 2. Д. 1056. Л. 1–3 об, Л. 10–11 об, 16–22, 29–29 об., 35–38; Ф. 643. Оп. 3. Д. 1882. Л. 1–4; Оп. 4. Д. 357; Ф. 694. Оп. 1. Д. 214. Л. 65–69; Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 147–149.

* В остальных документах этот признак либо не указан, либо указан неразборчиво.

** У части пленнх вероисповедание не указано, чем и объясняет расхождение данных табл. 22 со сведениями табл. 19.

¹⁹⁹ [Без названия] // Уральская жизнь. 1915. 19 мая.

²⁰⁰ Пленные // Зауральский край. 1915. 15 окт.

Основываясь на приведенных свидетельствах, можно осторожно констатировать, что в числе пленных, помимо мужчин, присутствовали и женщины, доля которых в генеральной совокупности была, по всей вероятности, близка к арифметической погрешности, а, возможно, и еще незначительней. Очевидно поэтому, что наличие среди десятков тысяч пленнх мужчин нескольких женщин едва ли серьезно повлияло на типические черты пребывавших на Среднем Урале военнослужащих противника. Но, даже будучи единичными и не вписываясь в общую картину, приведенные выше факты со всей наглядностью экспонировали как реализованную тенденцию тотализации войны, которая проявилась в вооруженном конфликте 1914–1918 гг. в самых разных плоскостях социального со-бытия, включая (взаимо)отношения полов.

О том же свидетельствуют и возрастные особенности военнопленных как социального тела. Фрагментарные данные, демонстрирующие одни и те же закономерности в распределении пленнх между поколенческими генерациями, указывают на вовлечение в ряды военнослужащих вражеских армий мужчин самого разного возраста, начиная с подросткового и заканчивая преклонным. Согласно архивным материалам, среди вражеских солдат и офицеров подавляющее большинство — более 80 % — составляли лица 18–35 лет. В их числе, в свою очередь, доминировала группа пленнх в возрасте от 18 до 25 лет (свыше 33,0 %). Около 28 % приходилось на долю военнопленных 26–30 лет и немногим более 20 % — 31–35 лет. При этом наибольшим разрывом в возрасте отличались пленные турецкой армии, самому молодому из которых было 14 лет, а пожилому — 65 лет, что стало отражением прежде всего консервативного характера комплектования вооруженных сил в Османской империи. Пленные же австро-венгерской, германской и болгарской армий представляли собой куда более гомогенные группы, возрастная дистанция между членами которых составляла ровно 30 лет и колебалась в промежутке от 17 до 47 лет (см. табл. 23).

Таблица 23

Распределение пленных по возрастным группам, чел.*

Возраст	Документ 3**	Документ 4	Документ 5	Документ 6**	Документ 8**	Документ 10	Документ 11	Документ 12**	Документ 13	Документ 14	Документ 15	Документ 16	Документ 17	Документ 18**	Документ 19	Документ 20	Документ 21**	Документ 23	Документ 24	Документ 25**	Документ 26	Документ 27	Документ 28	Документ 29	Документ 30	Документ 31	Документ 32	Документ 34	Документ 35	ИТОГО	%	
До 18	0	0	0	0	0	0	0	0	7	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	9	0,11
18–25	14	29	125	467	41	21	66	65	55	5	147	15	95	50	6	45	952	23	48	128	4	20	87	29	18	31	3	29	1	2619	33,7	
26–30	13	31	49	425	29	17	50	43	40	6	164	8	43	60	2	22	699	18	21	154	3	9	145	27	14	28	3	25	5	2153	27,7	
31–35	3	22	38	286	15	14	33	34	26	2	139	6	31	45	0	19	509	11	13	149	2	8	107	20	15	14	4	6	4	1575	20,26	
36–40	4	13	31	183	4	12	13	26	15	2	70	8	18	32	3	16	317	10	9	61	1	6	101	8	3	10	6	5	2	989	12,7	
41–45	0	5	12	63	1	1	5	4	10	2	43	3	13	9	2	16	102	5	7	33	0	6	48	5	1	1	0	0	0	397	5,11	
46–50	0	0	0	0	0	0	0	0	5	0	0	0	0	0	0	0	7	0	0	1	0	1	11	0	0	0	0	0	0	25	0,32	
Более 50	0	0	0	0	0	0	0	0	5	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8	0,1	
Всего	34	100	255	1424	90	65	167	172	163	17	563	40	200	196	13	118	2589	68	98	527	10	50	499	89	51	84	16	65	12	7775	100	

Источник: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 20. Л. 18–20; Д. 21. Л. 38, 38 об., 80–85; ГА РФ. Ф. р-8402. Оп. 1. Д. 15а. Л. 103–105; ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 174–175, 200–203; Оп. 32. Д. 4511. Л. 56–58; Ф. 45. Оп. 1. Д. 275. Л. 68–70; Д. 1040. Л. 284–291, 262–265 об., 258–261; Д. 1044. Л. 51–55 об.; Д. 1100. Л. 29–31; 34–41; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5556. Л. 56–58 об., 135–147, 207–222, 265–272; Д. 5624. Л. 2–155; Ф. 183. Оп. 1. Д. 70. Л. 167–175 об., 177, 180–205 об., 209–225, 227–230 об.; Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 3–4, 6–7, 9–13, Ф. 595. Оп. 1. Д. 450. Л. 170–186; Ф. 627. Оп. 2. Д. 1056. Л. 1–3 об, Л. 10–11 об, 16–22, 29–29 об., 35–38; Ф. 643. Оп. 3. Д. 1882. Л. 1–4; Оп. 4. Д. 357; Ф. 694. Оп. 1. Д. 214. Л. 65–69; Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 147–149.

* В документах 1, 2, 7, 9, 22 и 33 возраст пленных не зафиксирован.

** У части пленных возраст не указан, чем и объясняется расхождение данных табл. 23 со сведениями табл. 19.

Поскольку возрастные характеристики не являются константами, следует признать приведенные выше подсчеты не более чем ориентировочными. Однако тот факт, что за 1915–1918 гг. пленники могли благополучно перейти из одной поколенческой генерации в другую, не отменяет вывода об их преимущественной принадлежности к возрастной группе, характеризующейся потенциально наиболее высокой социальной активностью. Находящиеся, что называется, в расцвете сил, пленные неизбежно превращались в стратегически важный ресурс, использование которого помогло смягчить проблему дефицита рабочих рук в стране, но, как показал опыт, оказалось чревато другими, не менее серьезными проблемами. Превалирование среди пленных людей относительно молодых, а потому деятельных, способствовало их превращению в чувствительный раздражитель для уже сложившихся в локальном сообществе систем социальных взаимодействий и противодействий, контактов и контрактов, институтов и практик. Иначе говоря, совокупные возрастные характеристики пленных оказались таковы, что их переход от пассивного наблюдения за происходившим вокруг к активному участию в конструировании и реконструировании актуальной реальности стал лишь делом времени.

Делом времени было в том числе и участие пленных иностранцев в демографических процессах, объективация которого является наиболее сложной задачей исследования. Действительно, брачность, разводимость, рождаемость и некоторые другие проявления демографического поведения в интерьере плена выглядят не очень уместными, поскольку сам по себе социо-правовой статус отвоевавшихся вражеских военнослужащих ограничивал возможности такого поведения. Но ограничивал, не значит исключал.

Среди очевидных характеристик демографического поведения пленных следует отметить смертность, динамика которой, правда, не подлежит более или менее взвешенной количественной оценке. Вместе с тем, доступные источники позволяют вполне однозначно аттестовать структуру и причины гибели пленников, то есть качественные характеристики их смертности. Так, пренебрегая требованиям «гиперсциентизма» и исходя исключительно из данных о возрасте военнопленных, можно с полной уверенностью утверждать, что их смертность

была прежде всего ранней. Скучные архивные находки при этом позволяют уточнить, что из 100 скончавшихся пленников 77 человек не доживали даже до 40-летнего возраста (см. табл. 24–26 и диагр. 3).

Таблица 24

Сведения о военнопленных, захороненных в 1917 г. на приходском кладбище Кизеловской Свято-Троицкой церкви Соликамского уезда

Дата смерти	Ф.и.о.	Возраст	Причина смерти*
12.01.1917.	Иванг Лазич	30	Кровавый понос
16.01.1917.	Штихмент Генрих	38	Понос
02.02.1917.	Мейер Франц	38	Язва желудка
16.02.1917.	Иоган Лоогель	29	Чохотка
17.02.1917.	Шебейштектн Янош	23	Чохотка
11.02.1917.	Буш Вильгельм	36	Воспаление легких
11.02.1917.	Байчук Пауль	23	Оспа
12.02.1917.	Уушн Николай	29	Воспаление головного мозга
01.03.1917.	Музаль Эрнест	37	Цинга
08.03.1917.	Фяткей Анреш	22	Чохотка
13.03.1917.	Брегант Марио Иааннов	24	Тиф
16.03.1917.	Миллер Юзеф	23	Чохотка
18.03.1917.	Пирок Михаль	26	Хроническое воспаление брюшины
18.03.1917.	Шенкеннер Эньгельберт	23	Воспаление легких
20.03.1917.	Славик Януш	24	Воспаление легких
16.03.1917.	Клай Мартин	41	Чохотка
01.04.1917.	Родкевич Гельмут	24	Крупозное воспаление легких
16.04.1917.	Миллер Юлеф	23	Чохотка
23.04.1917.	Штойки Пауль	29	Крупозное воспаление легких
29.04.1917.	Рихкемер Вильгельм	32	Цинга
24.05.1917.	Финк Фердинанд	36	Цинга
18.05.1917.	Сокольца Илух	26	Цинга
18.06.1917.	Вильгельм Кноп	34	Цинга
10.07.1917.	Горбач Иван	36	Туберкулез
15.07.1917.	Эрбли Юзеф	26	Цинга
22.07.1917.	Кабарб Юзев	37	Кровавый понос
26.07.1917.	Кирой Николай	25	Цинга
15.08.1917.	Фигилинг Юган	42	Цинга
10.09.1917.	Кларнецкий Мотиис	29	Цинга
11.09.1917.	Ковач Каран	26	Воспаление легких
05.10.1917.	Янош Петер	35	Брюшной тиф
10.10.1917.	Лвитро Юзеф	38	Кровавый понос

Источник: ГАСО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 27. Л. 178–274.

* Приводится точно по источнику.

Кроме того, документы фиксируют, что преждевременный уход из жизни вражеских военнослужащих обуславливался главным образом так называемыми социальными болезнями или болезнями экзогенного свойства. В числе последних выделялись тиф и цинга, ставшие причинами эпидемий в селе Верхние Муллы под Пермью, городах Камышлове (1915 г.), Невьянске, Верхотурье (1916 г.), Богословском горном округе (1915 г.), Архангело-Пашийском (1916 г.) и

Коноваловском (Усть-Сылвицком) заводах (1917 г.)²⁰¹. Не лишним, однако, будет указать, что неблагополучный эпидемический фон в местах пребывания пленных отражал общую ситуацию в стране, 39 губерний которой уже к середине 1915 г. были отмечены вспышками всевозможных заболеваний. Есть основания полагать, что в последующие годы положение вряд ли улучшилось, особенно с началом Гражданской войны, во время которой в Россию пришла печально знаменитая «испанка», унесшая жизни более миллиона человек²⁰². Можно также предположить, что смертность пленнх Первой мировой войны на Среднем Урале едва ли отличалась аномально высокими цифрами на фоне среднерегинальных показателей, традиционно более высоких, чем по стране в целом²⁰³. Скорее, наоборот, поскольку среди вражеских военнослужащих не было и не могло быть «вопиющей» младенческой и детской смертности, дававшей свыше 50 % суммарной смертности уральцев²⁰⁴.

Таблица 25

Данные о военнопленных, умерших в осенью 1919 г. на территории г. Екатеринбурга

Дата смерти	Ф.и.о.*	Возраст	Причина смерти*
25.08.1919.	Бекеши Юзеф	31	Дизентерия
10.09.1919.	Ковач Георг	29	Сыпной тиф
13.09.1919.	Квизди Георгий	46	Сыпной тиф
16.09.1919.	Верстука Зион	**	Сыпной тиф
23.09.1919.	Кондрат Рушке	34	Туберкулез легких
23.09.1919.	Селяш Януш	27	Сыпной тиф
27.09.1919.	Дохотар Алексей	**	Чажотка
30.09.1919.	Берток Иштван	40	Воспаление легких
06.10.1919.	Буза (Боза) Янош	29	Дизентерия
15.10.1919.	Кеплер Иозеф	44	Туберкулез легких
16.10.1919.	Штахер Франц	30	Сыпной тиф
17.10.1919.	Бергер Отто	26	Воспаление легких
18.10.1919.	Кузю Николай	32	Туберкулез легких
27.10.1919.	Плевнак Карл	32	Воспаление легких
15.11.1919.	Юзиф Каплун	44	Туберкулез легких

Источник: ГАСО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 35. Л. 18, 31, 259–260; Д. 36. Л. 157, 316; Д. 37. Л. 7, 12, 22, 50, 88, 363; Д. 38. Л. 199, 201, 204, 331.

*Приводится точно по источнику.

** Возраст не указан.

²⁰¹ ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 62; ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 982. Л. 64; Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12. С. 1012–1013. 1915. № 1–2. С. 71. 1916. № 1–2. С. 8, 643. № 5–6. С. 533; Турки в Камышлове // Уральская жизнь. 1915. 20 февр.

²⁰² Прохоров Б.Б. Здоровье россиян за 100 лет // Человек. 2002. № 2. С. 60–61.

²⁰³ По данным на 1912 г., показатели смертности в Пермской губернии превышали средние по России на 15,2 %, а по Приуралью — на 4,3 %. См. об этом: Голикова С.В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 99.

²⁰⁴ См.: Там же. С. 100–104.

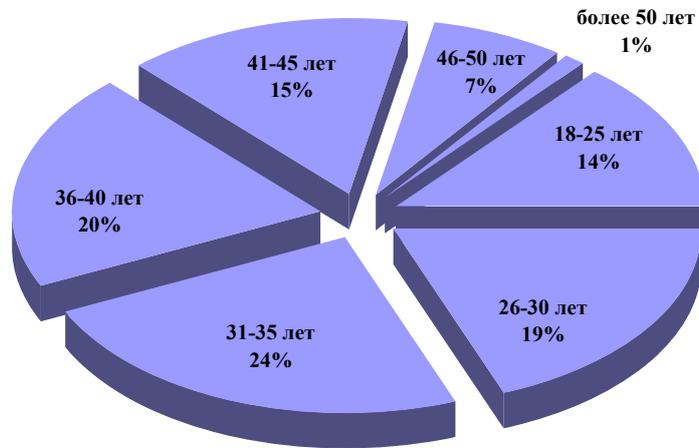
**Список военнопленных, умерших в лазаретах Пермского губернского
отдела по эвакуации населения, 1920 г.**

Дата смерти	Ф.и.о.	Возраст	Причина смерти*
30.03.1920	Таубер Игнат	35	Туберкулез легких
30.03.1920	Шикволяр Иожеф	35	Хронический катар кишек
22.03.1920	Ландцюер Франц	42	Возвратный тиф
12.03.1920	Мадзал Андрош	31	Туберкулез легких
19.03.1920	Лешан Гавриил	30	Возвратный тиф
19.03.1920	Бало Иожеф	32	Туберкулез легких
07.03.1920	Детл Фридрих	37	Сыпной тиф
04.03.1920	Барабаш Эден	32	Туберкулез
01.03.1920	Майер Иожеф	33	Туберкулез легких
02.03.1920	Воланин Григорий	49	Возвратный тиф
29.02.1920	Херберт Юган	37	Туберкулез
23.02.1920	Игнат Августин	45	Сыпной тиф
24.02.1920	Кафкас Юган	42	Туберкулез
25.02.1920	Пиртф Карл	29	Отравление алкоголем
26.02.1920	Питц Юган	31	Возвратный тиф
19.02.1920	Кухлер Иожеф	33	Туберкулез
22.02.1920	Шверц Юлиус	51	Сыпной тиф
12.02.1920	Шварц Кароль	34	Сыпной тиф
13.02.1920	Цехетрубей Юган	47	Возвратный тиф
09.02.1920	Коломбевский Михаил	28	Возвратный тиф
09.02.1920	Дарковски Антон	45	Дизентерия
11.02.1920	Барт Курт	34	Туберкулез
11.02.1920	Штейнсле Роберт	34	Возвратный тиф
11.02.1920	Нистор Петр	41	Сыпной тиф
11.02.1920	Егибах Степан	48	Сыпной тиф
11.02.1920	Флейтер Пауль	39	Возвратный тиф
06.02.1920	Культ Эпил	37	Возвратный тиф
08.02.1920	Рамс Густав	25	Сыпной тиф
07.02.1920	Бюсен Ласло	32	Сыпной тиф
07.02.1920	Йорг Иштвак	47	Порок сердца
07.02.1920	Давид Лукас	37	Туберкулез
05.02.1920	Боровски Пауль	24	Возвратный тиф
05.02.1920	Хорват Шандор	30	Возвратный тиф
05.02.1920	Вебер Леринц	43	Туберкулез
03.02.1920	Штапник Иван	46	Сыпной тиф
03.02.1920	Хабрингов Шимон	46	Сыпной тиф
31.01.1920	Онаспазин Степан	39	Туберкулез
30.01.1920	Хейлтер Роберт	34	Сыпной тиф
30.01.1920	Пилц Доминик	31	Сыпной тиф
27.01.1920	Фохлер Вильгельм	31	Туберкулез
21.01.1920	Грюнвалд Вильгельм	45	Сыпной тиф
22.01.1920	Даш Янош	41	Возвратный тиф
22.01.1920	Шал Юган	37	Возвратный тиф
23.01.1920	Мотеш Лунги	37	Сыпной тиф
22.01.1920	Путена Максимилиан	42	Сыпной тиф
17.01.1920	Хорват Бенёдек	36	Сыпной тиф
17.01.1920	Неутерт Фердинанд	33	Сыпной тип
16.01.1920	Прейзлер Иожеф	41	Сыпной тиф
15.01.1920	Докир Дерут	31	Сыпной тиф
09.01.1920	Биро Густав	25	Сыпной тиф
11.05.1920	Узоп Петр	25	Туберкулез
27.05.1920	Дужан Куров	36	Сыпной тиф
21.05.1920	Грюнитуер Франц	27	Утонул
21.04.1920	Стипшиц Адам	36	Возвратный тиф
09.09.1920	Кадлец Вацлав	44	Цинга

Источник: ГАПК. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 72. Л. 20, 25, 40, 44, 45, 47, 48, 67, 68, 70, 73, 74, 75, 76, 89, 91, 94, 95, 102, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 114, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 129, 130, 137, 143, 144, 149, 155, 159, 160, 162, 163, 169, 175, 177, 179, 180, 192, 236, 257, 258, 264, 296.

* Приводится точно по источнику

Распределение 100 смертных случаев военнопленных по возрастным группам

Источник: табл. 24–26.

Участие пленных иностранцев в матримониальном и репродуктивном процессах так же, как и смертность, не предполагает точных количественных показателей. Но их отсутствие не мешает говорить об этой проблеме как о весьма актуальной для российского плена в целом и его региональных разновидностей — в частности. Очевидно, что в условиях войны, когда «брачный рынок» зримо трансформировался в сторону переизбытка невест, молодые в массе своей пленные просто не могли не превратиться в потенциальных женихов. Этому превращению безусловно способствовало ещё и то обстоятельство, что Уральский регион, начиная с XVIII в., характеризовался несвойственными другим регионам страны мужской «сверхсмертностью» и «феминизацией» половозрастной структуры населения²⁰⁵. Однако реализации брачных потенциалов пленников препятствовал закон, долгое время оставляя их за бортом брачных выборов. «... В своих письмах к [русским] невестам они называют их уже женами», — негодовал цензор, тем самым зафиксировав, что альтернативой законному браку стало общественно порицавшееся сожительство пленных и россиянок, в котором были замечены не только девицы, но и замужние женщины (см. об этом гл. 4.2)²⁰⁶. Это, безусловно, не добавляло

²⁰⁵ См. об этом: Голикова С.В. Указ. соч. С. 105–108.

²⁰⁶ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 34. Д. 1044. Л. 108.

гармонии брачным отношениям, а напрямую способствовало росту разводимости. «Я не могу перенести позора за жену. Пусть она уже с нашими врагами распутничать идет, передавать им нужные сведения, но не под моей фамилией... Я отказываюсь от своей жены, дабы не иметь на себе того грязного пятна, которое положила на себя моя жена», — писал, испрашивая в Пермской духовной консистории разрешение на развод, старший аптечный фельдшер 2-й Туркестанской стрелковой артбригады Д. Некрасов, заподозривший свою супругу Клавдию, телеграфистку ст. Верхотурье Богословской железной дороги, в связи с военнопленным²⁰⁷.

Запрет на браки между пленными и россиянками, помимо всего прочего, обрекал последних на одинокое материнство. Власти спохватились лишь в середине 1917 г., когда «опасные связи» пленных иностранцев и русских женщин стали очевидной проблемой. Правда, узаконить свои отношения с гражданками Свободной России позволялось только пленным славянам, взятым на поруки или подавшим прошения о принятии в российское подданство. «В некоторых случаях, если просьба о браке мотивируется нравственной необходимостью, а также иными побуждениями, браки могут быть разрешаемы и пленным, не принадлежащим к указанным категориям», — гласил документ²⁰⁸. Сказать, что с его выходом метрические книги местных церквей запестрили записями о браках с военнопленными, было бы большим преувеличением. Но даже их наличие при отсутствии точной статистики плена едва ли позволило бы установить коэффициент брачности военнопленных. Относительно же типичных для них закономерностей брачного выбора следует отметить, что этот выбор практически в любом случае предполагал мезальянс — и прежде всего мезальянс этнокультурный. Кроме того, невозможность свободного изменения демографического статуса, диктуемая режимными особенностями плена как такового, удлинила безбрачный период жизни пленных и способствовала широкому распространению неравных браков между ними и русскими невестами. Скучные сведения табл. 27 показывают, что в более чем 35 % случаев

²⁰⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 82. Л. 261.

²⁰⁸ [Без названия] // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 16 июня.

разница в возрасте между супругами измерялась двузначными числами и доходила до показателя в 22 года.

Возрастной мезальянс во многом был следствием того, что рост брачной активности бывших вражеских военнослужащих пришелся на «финальный» период плена — период после большевистского переворота. Новая власть, в конце 1917 г. освободив пленных от «тюремно-лагерного режима», даровать им свободу в полном смысле этого слова не торопилась (см. об этом гл. 5). Ко времени возвращения домой, которое растянулось до середины 1920-х гг., Россия для многих военнопленных Первой мировой войны уже перестала быть чужой, почему часть из них успела обзавестись здесь не только женами, но и детьми. В семье военнопленного Ивана Ковача, к примеру, в 1919 г. родился сын, а в семьях военнопленных Стефана Валашека и Яноша Ковача на конец августа 1921 г. уже воспитывалось по двое детей²⁰⁹. Не стоит, однако, думать, что тем самым пленные внесли заметные коррективы в долгосрочную демографическую статистику, в значительной степени видоизменившуюся в результате Первой мировой и Гражданской войн²¹⁰.

Очевидно, из многочисленных «эпитетов», которыми могут быть описаны пленники, самыми значимыми для рисунка уральского плена оказались прежде всего их социальные характеристики. Они, однако, с трудом поддаются идентификации в силу размытости самого термина «социальный статус». Больше того, что бы ни подразумевал названный конструкт, будь то происхождение, место жительства или род деятельности, он остаётся туманным еще и в силу дефицита точных персональных данных, фиксация которых в документах эпохи так и не стала нормой. В этой связи весьма проблематичны даже попытки разделения вражеских военнослужащих по самому очевидному принципу «горожане — селяне», не говоря уже о более сложных схемах ротации пленников.

²⁰⁹ ГАСО. Ф. 511-р. Оп. 1. Д. 201. Л. 463; Д. 202. Л. 51.

²¹⁰ См. об этом., напр.: Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 399–401. См. также: Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. М., 1986.

Семейные пары, образованные пленными и россиянками (1917–1922 гг.)

Муж	Год рождения	Жена	Год рождения	Разница в возрасте, лет
Байч Николай	1894	Клавдия	1897	3
Бошдор Шайче	1888	Екатерина	1879	9
Вехнер Юзеф	1892	Евгения	1885	7
Видич Григорий	1892	Татьяна	1900	8
Вишинский Владимир	1893	Антонина	1903	10
Врана Петр	1892	Евдокия	1892	0
Герцабек Карл	1896	Феоктида	1895	1
Гобач Станислав	1885	Агрипина	1901	16
Голян Филипп	1879	Клавдия	1892	13
Гриншпунт Южак	1881	Афанасия	1901	20
Гроссек Антон	1890	Мария	1895	5
Добош Иосиф	1893	Анна	1901	8
Драгосин Иван	1888	Аграфена	1892	4
Кельнер Маркус	1883	Роза	1898	15
Калина Франц	1879	Виктория	1889	10
Кецери Стефан	1897	Мария	1891	6
Коваси Георгий	1880	Екатерина	1871	9
Конд Лазарь	1887	Фроня	1880	7
Корн Карл	1894	Анастасия	1896	2
Котбауэр Эрнст	1885	Мария	1899	14
Крени Франц	1895	Анна	1893	2
Курпель Феликс	1890	Екатерина	1892	2
Левковский Виктор	1890	Софья	1902	12
Локом Иосиф	1892	Розалия	1892	0
Лончка Ян	1893	Фёкла	1888	5
Лутершмидт Йозеф	1883	Анна	1900	17
Мадьяр Леонид	1887	Клавдия	1897	10
Малик Владимир	1895	Александра	1902	7
Мельзак Игнатий	1889	Екатерина	1891	2
Милич Матио	1887	Стефанида	1887	0
Миллер Франц	1893	Анна	1898	5
Отодюк Николай	1891	Наталья	1897	6
Ошеницкий Иосиф	1889	Анастасия	1900	11
Пенкала Андрей	1892	Антонина	1898	6
Печер Иосиф	1887	София	1899	12
Пунчу Михаил	1892	Акулина	1895	3
Рихтер Мендель	1887	Фаня	1901	14
Румик Бочеслав	1888	Александра	1899	11
Солонтай Михаил	1891	Антонина	1900	9
Сомару Иосиф	1889	Акулина	1899	10
Стадник Антон	1887	Екатерина	1887	0
Торбьяк Иван	1869	Ульяна	1891	22
Троян Михаил	1893	Агафья	1897	4
Фритман Стефан	1890	Антонина	1902	12
Хардукаш Симон	1893	Мария	1898	5
Яблонский Николай	1890	Софья	1901	11
Янкович Франц	1895	Лидия	1899	4

Источник: ГАТ. Ф. и-391. Оп. 1. Д. 240. Л. 156 об. — 174, 192, 195, 197, 199, 204, 205, 210, 258–306; ГАСО. Ф. 511-р. Оп. 1. Д. 187. Л. 2, 8, 15, 15 об., 17, 17 об.; Д. 202. Л. 41 об.–42; Д. 358. Л. 309, 310, 377; Ф. р1646. Оп. 1. Д. 43; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 25299. Л. 6; Д. 21345. Л. 9; Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. М., 2004. Кн. V. С. 291–293. За информацию об этой книге благодарю д.и.н., в.н.с. Института истории и археологии УрО РАН В.А. Шкерина.

Источники, между тем, подсказывают, что в поисках критериев сегрегации узников войны по тем или иным социальным стратам проще всего остановиться не столько на их социальной, сколько на социо-профессиональной или просто профессиональной принадлежности. Тем более, что именно профессиональный идентитет военнопленных являлся признаком, описывавшим их место в предвоенном обществе и потому позволяющим оценить дистанцию, которую они вынуждены были преодолеть, перейдя от мирных занятий к ратному делу, а затем и к тяжелому физическому труду, ставшему одним из олицетворений уральского плена. Профессиональные самоидентификации узников войны также любопытны тем, что они не просто фиксировали род занятий военнопленных до их поступления на военную службу, но и маркировали их представления о профессиональном рынке и процессах профессионализации как таковых.

«Среди расквартированных по губернии, состоящих в распоряжении уездных воинских начальников военнопленных, кроме чернорабочих, земледельцев и лиц интеллигентных профессий, в настоящее время свободны от работ нижние чины — специалисты следующих профессий:

— в г. Ирбите — слесарей 47, кузнецов 45, машинистов 33, кочегаров 8, столяров 70, плотников 43, бондарей 9, сапожников 155, портных 67, литографов 2, фабричных и заводских рабочих 156, лакировщиков 1, маляров 17, парикмахеров 23, поваров 3, кучеров 123, каменщиков 48, кровельщиков 5, мельников 21, колесников 32, хлебопеков 95, электротехников 10, шоферов 5, механиков 6, бетонщиков 7, переплетчиков 1, золотарей 3, шорников 4;

— в г. Екатеринбурге — маляров 8, мастеров по стеклу 3, ювелиров 1, знающих веревочное ремесло 1, портных 23, парикмахеров 5, пекарей 12, машинистов 2, каменщиков 34, переплетчиков 4, знающих экипажное ремесло 1, столяров 7, бондарей 2, часовщиков 1, шапочников 2, ткачей 7;

— в г. Осе — хлебопеков 13, мясников 7, токарей 1, слесарей 4, столяров 4, маляров 3, сапожников 4, бондарей 1, портных 3, кузнецов 3, штукатуров 2, плотников 1, техников 3, каменщиков 1, кожевников 1, парикмахеров 3, механиков 1;

— в г. Оханске — мясников 4, машинистов 1, литографов 3, столяров 1, каменщиков 5, сапожников 1, штукатуров 1, кузнецов 1, кучеров 1, парикмахеров 3, пекарей 1;

— в г. Соликамске — мясников 7, золотоискателей 3, парикмахеров 1, шоферов 2, портных 6, сапожников 7, электротехников 1, маляров 2, слесарей 2, техников 2, кузнецов 5, кучеров 4, каменщиков 5, столяров 3, монтеров 1, поваров 1;

— в г. Чердыни — каменщиков 6, сапожников 4, парикмахеров 2, столяров 1, маляров 4, плотников 4, портных 3, мясников 1, пекарей 4, поваров 1, слесарей 2;

— в г. Шадринске — электротехников 1, кровельщиков 2, столяров 4, плотников 1, бондарей 1, слесарей 3, портных 2, сапожников 7, каменщиков 13, кирпичников 2, маляров 1, черепичников 1, шорников 1, скорняков 1, вальцовщиков 1, мельников 2, парикмахеров 4, колбасников 2, поваров 2, пекарей 6, мастеров стекольных заводов 1», — информировала местная пресса в январе 1916 г.²¹¹

Анализ этого, а также ряда других наличествующих документов показал, что число профессионально ориентированных характеристик пленников составляло порядка 150 наименований (см. табл. 28). Самой мирной при этом была, безусловно, профессия крестьянина (земледельца, хлебопашца или фермера), на долю которой, в совокупности с профессией чернорабочего, приходилось подавляющее большинство узников войны (см. табл. 29). Однако отношение этого большинства к квалифицированному меньшинству не отличалось стабильностью. Так, из 617 пленников, прибывших к 15 октября 1916 г. на Калатинский завод Верх-Исетских горных заводов, только 104 человека, или 17,0 % обладали профессионально-техническим знанием. Из 2858 военнопленных, трудившихся в декабре 1917 г. на Кушвинском заводе Гороблагодатского горного округа, узкоспециальными навыками могло похвастаться только 730 человек, или 25,5 %. В то же время из 498 человек, занятых на работах Невьянского горного округа, 198 пленников, или почти 40 %, позиционировали себя в качестве квалифицированных специалистов²¹².

²¹¹ Пленные специалисты // Пермские ведомости. 1916. 16 янв.

²¹² См.: ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5627. Л. 4–6 об.; Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 7–7 об., 65.

Профессиональные идентичности пленных, зафиксированные уездными воинскими начальниками, лесничими Александровского лесничества наследников П.П. Демидова, администрациями Верх-Исетских горных заводов и Кушвинского завода Гороблагодатского горного округа, 1915–1917 гг.

Агенты	Крепильщики	Портные
Архитекторы	Крестьяне	Почтари*
Банковские чиновники	Кровельщики	Прессовщики
Бетонщики	Кузнецы	Приказчики
Бондари	Купцы	Резчики
Бочары	Кустари	Рольники
Булочники	Кучера	Садовники
Буфетчики	Лаборанты	Санитары
Вальцовщики	Лесники	Сапожники
Виноградники*	Лесорубы	Священники
Винокуренные заводчики	Литейщики	Секретари
Водопроводные мастера	Литографы	Скотоводцы*
Военные	Магазинеры	Слесари
Воротовщики*	Маляры	Слуги
Вояжеры	Мануфактурные мастера	Служащие
Гончары	Маслобойщики	Стекольщики
Горнорабочие	Мастера мыльного производства	Столяры
Гранильщики	Мастера пианино	Строители
Гребенщики	Мастера плетения корзин и коробов	Студенты
Денщики	Мастера по стеклу	Счетоводы
Железнодорожные рабочие	Мастера портмоне	Таперы
Жестянщики	Мастера чугунолитейного производства	Техники
Живописцы	Машинисты	Типографисты*
Забойщики	Мельники	Ткачи
Зав. гостиницей	Механики	Токари
Заводовладельцы	Модельщики	Торговые*
Заводские/фабричные рабочие	Молотобойцы	Трактирщики
Закройщики	Монтеры	Углекопы
Заточные мастера	Музыкальные мастера	Угольщики
Земледельцы	Музыканты	Учителя
Знающие веревочное ремесло	Мясники	Фермеры
Знающие экипажное ремесло	Надсмотрщики над рабочими	Фотографы
Золотари	Обойщики	Хлебопашцы
Золотоискатели	Огородники	Хлебопеки
Интролигатр*	Оптики	Хозяйственные помощники
Инженеры	Откатчики	Художники
Каменоломщики	Официанты	Цинковщики
Каменщики	Парикмахеры	Часовые мастера
Каретники	Пекари	Чеботари
Кирпичники	Переплетчики	Черепичники
Кирпичные мастера	Печники	Чернорабочие
Кожевники	Пивовары	Чертёжники
Колбасники	Пильщики	Чугунолитейщики
Колесники	Писари/писцы	Шапочники
Колясники	Плотники	Шорники
Кондукторы	Повара	Шоферы
Конторщики	Поденщики	Штукатуры
Конюхи	Подрядчики	Электромонтеры
Котельщики	Полицейские	Электротехники
Кочегары	Помощники лесничего	Ювелиры
ИТОГО		150

Источник: ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 7–7 об.; Оп. 32. Д. 4511. Л. 56–58; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5668; Ф. 627. Оп. 2. Д. 1056. Л. 1–3 об., 35–38, 10–11 об., 16–22; Ф. 643. Оп. 4. Д. 357; Ф. 643. Оп. 1. Д. 357; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 203. Л. 346; Пленные специалисты // Пермские ведомости. 1916. 8, 16 янв.

* Так в источнике.

Более дробная градация пленников на те или иные социо-профессиональные категории весьма проблематична, требуя выработки более четких критериев. Решению этой проблемы может помочь использование Международного исторического стандарта классификации профессий (HISCO)²¹³ и его русскоязычного аналога, разработанного относительно недавно, но уже апробированного на самых разнообразных материалах учета населения Российской империи²¹⁴. Считается, что созданная на основе Международного стандарта классификации профессий (ISCO-68) система HISCO практически универсальна, позволяя проводить параллели не просто между разновременными историческими наборами данных, но и разнострановыми в том числе. К плюсам HISCO относится ещё и то, что она смоделирована таким образом, что позволяет выстраивать таблицы профессиональной, а вместе с ней и социальной мобильности. Фокус, однако, состоит в том, что в настоящей системе кодификации профессий каталогизированы далеко не все их исторически обусловленные вариации, требуя от исторического профессиоведения новых ответов на старые вопросы.

Впрочем, и без этих ответов совершенно очевидно, что ситуация плена могла способствовать как рафинированию, так и коррекции социо-профессиональной идентичности пленников. В наиболее выигрышном положении при этом оказались представители квалифицированного меньшинства, чьи шансы отстоять свой профессиональный статус были наиболее предпочтительными и воспользоваться которыми многие из них не преминули. «В Кунгуре в экипажную мастерскую пришли военнопленные и предложили сделать экипаж "по-

²¹³ Буквально — Historical international standard classification of occupations. См. об этом: Левин ван М., Маас И., Майлс Э. Создание HISCO // Историческое профессиоведение: сб. Барнаул, 2004. С. 16–56; Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий // Изв. Алтайского госун-та. 1998. № 3(8). С. 58–62.

²¹⁴ См., к примеру: Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Чибисов М.Е. О возможности использования материалов церковноприходского учета населения для изучения профессиональной занятости населения // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа: сб. науч. тр. Барнаул, 2008. С. 28–50; Родионова М.А. Профессиональный состав служащих Алтайского горного округа (XIX — начало XX вв.) // Там же. С. 149–181;

заграничному". И действительно, несмотря на то, что в мастерской не хватало для работы многих инструментов, экипаж под рукой военнопленных вышел на славу», — сообщала в мае 1915 г. газета «Зауральский край» не без некоторого восхищения профессиональными качествами пленников²¹⁵.

Таблица 29

Классификация профессий военнопленных, занятых в лесничествах Верх-Исетских горных заводов (1916 г.) на основе HISCO

Код HISCO	Группа профессий	Наименование профессий	Человек	В % к общему числу
0/1	Профессиональные, технические и родственные им работники	архитектор, заточный мастер, техник, учитель, музыкант, тапер, живописец, санитар, священник, художник, фотограф, электротехник	19	1,53
2	Административные и управленческие работники	заводовладелец, надсмотрщик над рабочими, полицейский, приказчик, секретарь, хозяйственный помощник	7	0,56
3	Канторские и родственные им работники	кондуктор, писец, почтарь, служащий	6	0,5
4	Работники сферы торговли	агент, вояжер, купец, магазинер, торговый, трактирщик	32	2,58
5	Работники сферы обслуживания	военный, денщик, зав. гостиницей, официант, кучер, парикмахер	19	1,53
6	Работники земледелия, животноводства, лесного хозяйства, рыболовы и охотники	виноградарь, садовник, земледелец, крестьяне, конюх, хлебопашец, лесоруб, помощник лесничего, скотовод	393	31,8
7-9	Производственные и родственные им работники, операторы транспортного оборудования и чернорабочие	бочар, водопроводный мастер, воротовщик, гребенщик, забойщик, заводской рабочий, каменщик, каретник, кирпичный мастер, кожевник, колясник, кочегар, крепильщик, кузнец, литейщик, маляр, мануфактурный мастер, мастер мыльного производства, мастер пианино, мастер плетения корзин и коробов, мастер портмоне, мастер чугунолитейного производства, машинист, мельник, механик, монтер, музыкальный мастер, мясник, откатчик, пекарь, переплетчик, печник, пильщик, плотник, повар, поденщик, подрядчик, портной, рольник, сапожник, слесарь, стекольщик, столяр, типограф, ткач, токарь, углекоп, хлебопек, часовой мастер, чеботарь, шорник, шофер, ювелир	213	17,25
		чернорабочий	547	44,25
			1236	100

Источник: ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5668.

Щетинина А.С. Профессиональный состав беженцев Первой мировой войны в Томской губернии // Там же. С. 226–245; и др.

²¹⁵ Труд военнопленных // Зауральский край. 1915. 21 мая.

Источники свидетельствуют, что возможность заняться привычным для себя делом получили в плену зубной врач Алалай Гольдфингер и фармацевт Федор Гинтерлайтер, а также целый ряд других военнопленных-медиков²¹⁶. К середине 1916 г. на особом положении в России оказались пленники, знавшие сапожное мастерство и посылавшиеся в специально созданную для обслуживания нужд действующей армии мастерскую в Москве²¹⁷. Студенту инженерного отделения Будапештского высшего технического училища Юлиусу Михельштедтеру плен дал возможность применить свои знания на практике — на постройке железнодорожных подъездных путей Богословского горного округа — и тем самым превратиться в настоящего специалиста в этой области²¹⁸. По ходатайству Польского комитета помощи жертвам войны в Перми военный священник ксёндз Иосиф Вельц занял место капеллана при местном костеле²¹⁹.

Вместе с тем, для большинства обезоруженных вражеских военнослужащих плен оказался связан с вынужденным «перепрофилированием», за которым весьма недвусмысленно маячила перспектива депрофессионализации. Есть сведения, что из 2196 пленных, занятых к началу 1918 г. на Усть-Сылвицком (Коноваловском) лесоразделочном заводе, узкоспециальным трудом были заняты только 294 человека, или 13,4 %, в то время как остальные узники войны оказались «приспособлены» к малоквалифицированным работам по заготовке древесного горючего, не требовавшим длительной профессионализации²²⁰. Такая ситуация диктовалась самим характером местного хозяйства, для которого был свойственен высокий удельный вес тяжелого физического труда при минимуме механизации. Однако запущенный таким образом процесс нивелирования социальных различий, сформированных прежним родом занятий пленников, не стал необратимым, сдерживаясь их старыми профессиональными масками. В то же время эти маски работали ещё и на зарождение в среде военнопленных новых социальных иерархий, определявшихся большей или меньшей

²¹⁶ См. об этом: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1101. Л. 46; Ф. 511-р. Д. 202. Л. 5–6; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 8. Д. 1. Л. 12, 14, 16, 17.

²¹⁷ См. об этом: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 87. Л. 715.

²¹⁸ См. об этом: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1101. Л. 70.

²¹⁹ См. об этом: ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 533. Л. 30–31 об.

²²⁰ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 26–26 об.

подготовленностью пленников к неквалифицированному изнуряющему труду. «...Лопата уже приросла к моим рукам. Это ведь работа соответственно моим специальностям, потому что я раньше был преподавателем гимназии во Львове и ассистентом археологического института», — грустно шутил уже упоминавшийся выше военнопленный Исидор Кардаш, отправленный на ремонт путей Пермской железной дороги на ст. Лысьва. «Мои мужики меня ненавидят, потому что я "барин", а русские думают, что я за какое-то преступление наказан тяжелой горной работой. Уже год как я переношу все лишения и оскорбления ежедневно с одной и другой стороны, и надежды на какую льготу или спасение нет. Я все Вам это пишу потому, что мне это ужасно больно и нравственно угнетает, иногда до сумасшествия. Я всю жизнь жил только книгой и имел дело только с высокообразованными лицами, а сейчас должен слушать капризных и властолюбивых мужиков. Почему же это так? Нужна ли моя мука кому-нибудь?..», — вопрошал несчастный, чья профессия до войны гарантировала ему достойное место в обществе, а в плену стала настоящим проклятием²²¹.

Но даже не давая никаких дивидендов, довоенная профессионализация и связанная с ней социализация воспринимались пленниками как ценность, позволяющая в условиях «вынужденного неодинокства» сохранять ощущение «самости» и сопричастности к нормальному миру. «Шнарренбергу хорошо говорить. Он профессиональный военный, война — его работа, и находится ли он здесь или на фронте, ему все равно — все это время он остается солдатом... А вот я — электрик, Под — крестьянин, а малыш Бланк — ученик бакалейщика... Нет, мы ничего общего не имели с этим, так какое нам в принципе до всего этого дело? Разбейте свою собственную башку, если вы чем-то недовольны... Но нас отпустите домой, к нашим женам и детям, к нашей работе...», — цитировал своего товарища по несчастью Брюннингхауса Э. Двингер, тем самым показывая, что в социо-профессиональном облике пленных иностранцев главной интегрирующей чертой выступала прежде всего ориентация их подавляющего

²²¹ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 32. Л. 163–164.

большинства на мирный созидательный труд²²². Однако для того, чтобы до конца осознать это, им потребовалось побывать сначала в солдатской «шкуре», а затем еще и в «шкуре» военнопленных.

Очевидно, таким образом, что проблема структуризации многообразных статусов военнопленных едва ли сводима к проблеме их состава. Качества пленных как группы и/или совокупности групп не являлись непреложной данностью, завися, однако, не только от динамики перемещения и размещения узников войны. Не меньшее значение имела текучесть обозначенных качеств, открытых для трансформаций даже в условиях остановившегося, по ощущениям самих узников войны, времени — времени плена. При этом своеобразные циклы обновления имели место не только применительно к социально изменчивым признакам, объединявшим или разъединявшим пленников, но и применительно к признакам биотически детерминированным. Не будет преувеличением сказать, что тем самым плен ставил под сомнение едва ли не все характеристики мира, трактовавшиеся ранее как константные. В этой связи многоликие по своей природе пленные со всеми их групповыми сходствами и групповыми различиями были прежде всего детьми своего времени и больше всего походили именно на своё изменчивое время. Больше того, они стали одним из его олицетворений, указуя на всё более явственную разбалансированность всяческих стратификационных схем, систем и порядков, или как минимум на их серьезное усложнение.

Как представляется, статистико-пространственные характеристики плена, равно как и социально-демографические статусы пленников, изначально следует рассматривать как исследовательские задачи, имеющие ограниченное решение. И объясняется это не столько «несовершенствами» источниковых ресурсов, сколько нестабильностью, динамизмом статистико-пространственных детерминант плена и структурно-качественных свойств пленных как группы и/или совокупности групп.

²²² Двингер Э. Армия за колючей проволокой: Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004. С. 160–161.

Однако, даже не подлежа математически точному выражению, практики перемещения и размещения узников войны напрямую указывали на то, в пространстве плена постоянно возникали и множились альтернативные структурам военного ведомства «лагереобразные», «околагерные», «квазилагерные» и «залагерные» структуры плена, дистанцированные — в самых разных смыслах — от традиционно трактуемых в качестве «классической матрицы» (G. Davis²²³) плена лагерей. Не удивительно, что в литературно оформленных переживаниях оказавшихся в России узников войны плен, по наблюдению В. Мориц и Х. Ляйдингер, выступал не столько как «жизнь лагеря», сколько как «история будней, подчиненных работе», частые перемены которой объясняли частую перемену мест²²⁴. В этой связи попытки описания плена как исключительно истории лагерей следует признать не совсем корректными.

Выраженная особенность хозяйственного комплекса Среднего Урала не мешала ему соответствовать общим для российского плена тенденциям его локализации, а лишь подчеркивала их направленность. Больше того, эта направленность вполне соответствовала «стандарту» плена, выработанному в так называемых Центральных державах. Речь в данном случае идет о том, что, несмотря на системные, функциональные и логистические различия своих составляющих, институциональная сеть, в рамках которой создавался и функционировал институт плена, прежде всего ориентировала его на определенную экономическую «миссию», чему способствовали и социально-демографические характеристики собственно пленных. При всей пластичности и разности статусов пленных они прежде всего были в основном молодыми людьми, с одной стороны, могущими быть использованными в качестве трудовых ресурсов, а с другой — претендовавшими на значительные потребительские ресурсы. Сформировавшаяся на этой основе экономика плена была, однако, далеко не так проста, как это может показаться.

²²³ См.: Davis G. The Life of Prisoners of War in Russia, 1914–1921 // Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York, 1983. P. 167.

²²⁴ См.: In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Leidinger Hannes; Hrsg. von Moritz Verena. Wien; Köln; Weimar, 2008. S. 17, 20, 21.

ГЛАВА 3.

ЭКОНОМИКА ПЛЕНА:

ПОТРЕБЛЕНИЕ, ПРОИЗВОДСТВО, АДМИНИСТРИРОВАНИЕ

3.1. Плен и проблемы распределения потребительских ресурсов

Экономика плена, предполагая прежде всего массовый труд, требовала специального инфраструктурного, организационного и ресурсного обеспечения, от успешности налаживания которого зависела успешность всего этого предприятия. Рационализация процессов администрирования, производства и потребления была призвана не просто максимизировать функцию полезности военнопленных, но и тем самым уберечь местное хозяйство от тенденций дестабилизации и деградации. Очевидно, что решение этих задач было возможно только при условии обоюдной заинтересованности всех экономических агентов плена, предполагая их диалог и партнерство. Однако баланс мотиваций, целеполаганий и действий уже в силу не рассматривавшейся иначе как объектной модальности военнопленных был для ситуации плена недостижимой мечтой, что превратило его экономику в экономику дисбаланса на всех указанных уровнях — на уровне администрирования, на уровне производства и на уровне потребления, что в полной мере отразил опыт систематического трудоустройства пленников 1914–1917 гг.

По данным Г. Дэвиса, в 1916–1917 гг. расходы на содержание 1,8 млн пленных иностранцев в Австро-Венгрии составили 2,5 % от всего военного бюджета, превышая затраты на взрывчатые вещества или развитие автомобильного и самолетного парка¹. Сопоставимых данных по России источники, к сожалению, не дают, хотя и без них ясно, что содержание пленников с начала и до конца оставалось делом хлопотным и затратным, что ощутили на себе как государственные, так и негосударственные структуры всех уровней. Неожиданно многочисленными для них стали прежде всего проблемы, лежавшие в сфере потребления вражескими военнослужащими различных услуг и благ. Для

¹ См.: Davis G. Prisoners of War in Twentieth-Century War Economies // Journal of Contemporary History. Vol. 12. № 4 (Oct., 1977). P. 629.

предприятий проблемы эти начинались уже с процедуры «испрошения» пленных, отнимавшей немало времени, сил и средств и притом далеко не всегда приводившей к искомому результату. Не менее «ресурсоемкой» оказалась транспортировка пленных к местам их непосредственного размещения и трудоустройства. Так как военное ведомство ограничивалось сопровождением пленников лишь до ближайших станций или пристаней, заботы по их дальнейшей доставке ложились на работодателей, от лица которых назначались особые уполномоченные по приему военнопленных и их распределению по производственным объектам². В соответствии со справкой от 1 сентября 1915 г. транспортировка 1953 нижних чинов австро-венгерской армии в пределы Нижнетагильского и Луньевского округов всего за три месяца поглотила 8637,78 рубля и, помимо того, стоила специальных усилий со стороны помощника заведующего печным углежжением и торфяным делом Л.Г. Хрущева, контролеров заводской стражи Т.Т. Мазурина и лесного управления М.Г. Борисова³. В Богословском горном округе прием, осмотр и распределение пленных по отделам округа стали дополнительными обязанностями агента главного лесничества И.В. Графова, а возвращение непригодных для работ военнослужащих противника военным властям — заведующего дворово-ремонтным цехом Надеждинского завода И.Е. Боброва⁴. Некоторые предприятия — Верх-Исетский горный округ, Коноваловский (Усть-Сылвицкий) завод и другие — вообще ввели специальные должности заведующих военнопленными, предполагавшие комплексный подход к организации трудового использования пленников.

За транспортировкой вражеских военнослужащих следующей насущной проблемой стала проблема обеспечения военнопленных жильем, ставшая настоящей головной болью как для государственных, так и негосударственных учреждений. Сначала вопрос размещения пленников решался посредством использования обывательских квартир, владельцы которых за содержание

² См. об этом, напр.: Труд военнопленных // Пермские ведомости. 1915. 18 февр.

³ См.: Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 643. Оп. 3. Д. 1794.

⁴ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 228. Л. 17, 20, 21; Д. 221. Л. 16; Д. 222, Л. 9.

каждого постояльца авансом получали 7,2 рубля в месяц от местного полицейского исправника⁵. Но в начале 1915 г. ситуация изменилась. Теперь пленные должны были размещаться не иначе как казарменным порядком при управлениях уездных воинских начальников. При том что последние обладали крайне ограниченными временными и материальными ресурсами для нового строительства, к проблеме расквартирования пленников были привлечены местные самоуправления, разрешившие селить вражеских военнослужащих по свободным общественным зданиям и арендованным частным домам. Так, под военнопленных в с. Верхние Муллы были заняты дома Балашевой, Костарева, Прозоровского и Рожнова, а также помещение волостного земства; в Верхотурье — здание женской гимназии; в Оханске — земский арестантский дом; в Красноуфимске — казенный винный склад, а также площади пригготовительно-технического класса промышленного училища; в Соликамске — соляные амбры городского общественного управления; в Шадринске — старый городской театр и кладовые ломбарда, дом Общества приказчиков, дома Аргентовского, Поклевского-Козелл и Усова; в Осе — дома Вышеславцевой, Дудорова, Медведева, Козина и Кудрявцева, амбары Байдина, Крылова и Горшкова, а также церковно-приходское училище; в Екатеринбурге — помещения Вознесенской и Гоголевской школ, новый гостиный двор, Верх-Исетский народный дом-театр, казармы при доме бывших наследников Коробейниковых, номера Александрова и гостиница «Тихий Дон»; в Ирбите — Екатерининская школа, ярмарочные москательные корпуса и корпуса московской фирмы «Н. Феттер и Е. Гинкель», гостиный двор и гостиница «Сибирское подворье»⁶. Проблема, однако, состояла в том, что эти и другие помещения с выпавшей на их долю нагрузкой не справлялись, в связи с чем уже весной 1915 г. для временного обустройства пленных Казанским военным округом были заказаны палатки⁷.

⁵ См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 384.

⁶ См.: Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 1 и др.; Ф. 146. Оп. 1. Д. 146. Л. 2–22; Военнопленные на работах // Уральская жизнь. 1915. 11 апр.; [Без названия] // Уральская жизнь. 1915. 19, 22, 29 апр.

⁷ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 407; Д. 280. Л. 5.

Источники показывают, что даже со временем размещение пленников, требуя все новых и новых ассигнований, оставалось вопросом весьма болезненным (см. табл. 30). Так, осенью 1916 г. снятие с полевых работ всех пленников, отпущенных в крестьянские хозяйства, и 30 % пленников, работавших в экономиях, с намерением их дальнейшего распределения по промышленным предприятиям (см. гл. 2.1) застало Казанский военный округ врасплох, поскольку число прибывавших в пункты постоянного водворения вражеских военнослужащих в несколько раз превышало число имевшихся для них свободных мест⁸.

Таблица 30

Расходы военного ведомства на постройку и приспособлений помещений для размещения военнопленных, 24 июля 1914 г. — 1 января 1918 г.. рублей

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Всего
Иркутский военный округ	110000,0	2046250,0	625288,0	5904,860	2787443,0
Казанский военный округ	360475,0	2033164,0	5602618,0	4306785,0	12303042,0
Московский военный округ	17213,0	191685,8	119181,0	0,0	328079,8
Омский военный округ	175000,0	2262760,0	190000,0	100000,0	2727760,0
Приамурский военный округ	185000,0	1228360,0	244185,0	20000,0	1677545,0
Туркестанский военный округ	45000,0	2391840,0	431200,0	80000,0	2948040,0
ИТОГО	892688,0	10154059,76	7212472,0	4512690,0	22771909,0

Источник: ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 24–28.

Для предприятий, получивших военнопленных для работ, «квартирный вопрос» также оказался не менее острым. «... Мы хотя в настоящее время и нуждаемся в рабочих руках, но приглашать на эти работы военнопленных мы не имеем возможности, так как то здание (Авроринский приют), которое мы думали отвести под военнопленных, уступлено нами Всероссийскому земскому союзу под лазарет для 250 раненых. Относительно другого помещения (бывшая фабрика

⁸ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 87. Л. 703. С аналогичными проблемами столкнулись и в других регионах. См. об этом, напр.: Алёхин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война: июль 1914 — февраль 1917 гг.: дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2003. С. 217; Еремин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны: июль 1914–март 1918 гг.: дисс. ... д.и.н. Барнаул, 2005. С. 447–448; Зубаров И.Е. Деятельность коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг.: дисс. ... к.и.н. Пенза, 2006. С. 27; Кузьменко А.С. Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 — феврале 1917 гг.: на примере Енисейской и Иркутской губерний: дисс. ... к.и.н. Улан-Удэ, 2010. С. 117, 125; Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 — май 1918 гг.: дисс. ... к.и.н. Омск, 2005. С. 52, 58, 75–76, 77, 78, 79; Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.): дисс. ... к.и.н. Омск, 2002. С. 90–91; и др.

АО «Ведро») нами также дано согласие Земскому союзу на предоставление этого помещения под лазарет или другое лечебное заведение», — сожалела администрация Нижнетагильского и Луньевского горных округов в феврале 1915 г.⁹ Когда же пленные сюда все-таки прибыли, их расселили не только по пустующим за мобилизацией рабочих казармам, но и опять-таки частным домам Бурундукова, Бутакова, Вдовиной, Голеновой, Князева, Коршунова, Максимилианова, Миляева, Павлова, Пунтуса, Раскатова, Суцепина и других¹⁰.

Аналогичным же образом поступила администрация Добрянского железодельного завода графа С.А. Строганова, где за 396 рублей в год были заарендованы обывательские дома пермского мещанина Ивана Павловича Торопицына и мастерского Добрянско-заводской волости Ивана Семеновича Желнина¹¹. В Богословском горном округе для размещения военнопленных на правах найма использовались дома Анны Шипицыной, Лукерьи Коробейниковой, Михаила Баженова, Афанасия Постовалова, Ивана Казанцева, Анастасии Самоуковой, Гаврилы и Максима Пажевых¹². При этом управление округа, явно не желавшее тратиться на постройку новых сооружений, откровенно нарушало предписанный 15 мая 1915 г. военным ведомством порядок, допуская совместное проживание пленных с обывателями¹³. В декабре 1916 г. верхотурский уездный исправник не без раздражения пенял окружному руководству: «До сведения моего дошло, что состоящие на работах в отделах округа военнопленные размещены почти все небольшими группами от одного до семи человек по частным квартирам вместе с хозяевами, всего в 119 помещениях. При таком размещении правильный надзор за пленными весьма затруднителен, а потому прошу управление округом принять меры к размещению военнопленных, состоящих на работах в округе, казарменным способом, так как проживание их по

⁹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3585. Л. 57.

¹⁰ См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 14–14 об.

¹¹ См.: ГАПК. Ф. 186. Оп. 3. Д. 134. Л. 2, 2 об.

¹² См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 228. Л. 23; Д. 1095. Л. 122, 126–130.

¹³ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84а. Л. 73.

несколько человек на частных квартирах недопустимо, согласно правил об отпуске военнопленных на работы в промышленные предприятия»¹⁴.

Однако в условиях, когда военные власти сами нарушали преподанные свыше инструкции, местные хозяйственники руководствоваться ими тем более не торопились. И те, и другие, очевидно, были вполне собой довольны, рассматривая использование уже имевшихся площадей как оптимальный вариант размещения военнопленных. Возможно, что он был более предпочтительным и с точки зрения самих пленников, заново обживавших те или иные помещения. Источники, правда, свидетельствуют, что такой порядок устраивал далеко не всех и оказался чреват бесконечными ходатайствами местных властей, общественных организаций и просто домовладельцев, просивших освободить те или иные здания от постоя пленников¹⁵. Так, 11 июля 1915 г. пермский губернатор писал начальнику Пермской местной бригады: «По полученным мною сведениям, лучшая в г. Ирбите гостиница “Сибирское подворье” занята военнопленными австрийскими офицерами, вследствие чего приезжающие в Ирбит как правительственные должностные лица, так и частные, испытывают неудобства, не находя приличного пристанища... Не оспаривая того положения, что помещения для военнопленных офицеров должны быть лучше таковых же для нижних чинов, я в то же время полагаю, что Ваше Превосходительство разделите мой взгляд, что русско-подданным и при том лицам, состоящим на государственной службе, приездах в г. Ирбит должно быть обеспечено помещение во всяком случае не худшее, чем военнопленным»¹⁶. Через месяц, 14 августа 1915 г., в Байкаловской волости Ирбитского уезда на почве размещения пленных иностранцев возникло другое недоразумение, приведшее к тому, что некий Ф.Ф. Сеченов «выбросал из наследственного дома вещи, принадлежащие военнопленным, расквартированным в этом доме с согласия своего сонаследника Сулова»¹⁷.

¹⁴ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 262. Л. 47.

¹⁵ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 734; Верхние Муллы // Пермский вестн. Временного Правительства. 1917. 6 мая; и др.

¹⁶ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 315.

¹⁷ Административные взыскания за нарушение обязательных постановлений // Пермские ведомости. 1915. 15 нояб.

Характерно, что там, где для пленных все-таки возводились «специализированные» сооружения, неприятности были не менее вероятны, поскольку возводились эти сооружения второпях. Так, в конце 1914 г. екатеринбургская городская управа в спешном порядке приступила к постройке двух барakov для военнопленных, «приглашенных» на работы в городских каменоломнях. Строительство было завершено только в марте следующего года, непредвиденно затянувшись после случившегося 7 января 1915 г. происшествия. 11 января 1915 г. газета «Уральская жизнь» сообщала о нем буквально следующее: «Барак с продольными стенами в 28 сажень длины строился безо всякого фундамента прямо на земле. ...Внутри никаких капитальных стен и перегородок. На днях на стены начали накладывать балки. Когда было положено 26 балок, тонкие бревна одной из стен не выдержали нагрузки, и под тяжестью сначала с треском вылетела промежуточная между окнами кладка, а затем начал валиться и весь барак...»¹⁸. Выяснилось, что «строительная катастрофа» стала прямым следствием реализации явно недоработанного проекта строительства, которое к тому же осуществлялось без необходимой на то санкции губернских властей, а именно губернского строительного отделения.

Инвестирование в обеспечение пленных жильем весьма солидных сумм — администрации Гороблагодатского горного округа это, к примеру, стоило 80 тыс. рублей¹⁹ — отнюдь не означало, что они были действительно обеспечены жильем. Отправленные на работы в Коноваловский (Усть-Сылвицкий) лесоразделочный завод военнопленные столкнулись с тем, что часть возведенных и оборудованных для них казарм для проживания оказалась практически непригодна: «Новые бараки, в которых помещаются военнопленные на 8-й и 14-й версте, сырые до такой степени, что вода чуть не струями бежит со стен и потолка. На потолке положена земля со снегом, который в настоящее время впоследствии топки печей тает, и вода каплями падает на людей, находящихся внизу. Все бревна в бараке белые от сырости или мороза, ибо три печки

¹⁸ Строительная катастрофа // Уральская жизнь. 1915. 11 янв.

¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174.

(железные) это далеко не достаточно для такого громадного барака, как барак на 14-й версте»²⁰.

Безусловно больше повезло тем пленным, которые были отправлены в деревню. Здесь вопреки всяким регламентам они как правило размещались под одной крышей вместе со своими хозяевами, что гарантировало более или менее сносные условия проживания. Такой подход к проблеме размещения узников войны, исповедовавшийся повсеместно и фактически абсолютизированный в крестьянской России, позволяя избежать лишних затрат, вместе с тем означал, что власти приняли факт ограниченности своих направляюще-контролирующих возможностей как данность, очевидную даже там, где тенденция «обарачивания» плена худо-бедно, но реализовывалась. Бараки и казармы для пленным, там, где они в конце концов появились, символизировали не только и не столько некий общепринятый порядок в деле размещения вражеских военнослужащих, сколько свидетельствовали о географической удаленности и инфраструктурной дефицитности тех или иных территорий.

Примерно в том же ключе решалась проблема медицинского обслуживания пленным иностранцев. Его организация как процесс обозначилась весьма слабо, что, исходя из общей для страны недостаточности медицинского обеспечения населения, было вполне закономерно²¹. При этом круг учреждений, оказывавших пленникам здравоохранительные услуги, был достаточно широк, включая медицинские учреждения военного ведомства и ведомства путей сообщения, земские и горнозаводские больницы. В стройную систему медицинской помощи пленникам они, однако, так и не выстроились, в связи с чем она во многом носила импровизационный характер.

Само собой получилось так, что заниматься больными пленными в первую очередь пришлось железнодорожникам. Но их возможностей ни для оказания медицинской помощи уже больным пленникам, ни тем более для профилактики

²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 491–492 об.

²¹ См. об этом: Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков: Очерки истории. М., 2005; Прохоров Б.Б. Здоровье россиян за 100 лет // Человек. 2002. № 1–2; Селезнева В.Т. Очерки истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997.

распространения всяческой заразы, завозимой вместе с ними, было мало. Это стало ясно с появлением на Среднем Урале едва ли не самых первых пленных. Так, расследованием, проведенным по факту прибытия в Пермь 16 января 1915 г. транспорта с военнопленными турками (см. гл. 2.1), было установлено, что уже в Екатеринбурге 166 из них обнаруживали признаки заболевания, однако, сняв с поезда только 6 безнадежно тифозных, старший врач Пермской железной дороги Мясников, не желая брать на себя ответственность, отправил остальных далее на Пермь²².

Не справляясь и, может быть, не очень-то стремясь к тому, чтобы справиться с задачей охраны здоровья пленных, а с ними — и россиян, железнодорожные власти в разных концах страны лишь неустанно повторяли: «Воспрещается скупка у военнопленных всякого рода одежды, обуви, одеял, подушек, разных меховых вещей и других предметов обмундирования и снаряжения. Равным образом воспрещается посторонним лицам подбирание с пути тряпья и других предметов, выбрасываемых из воинских поездов. Линейные путевые сторожа, не прикасаясь руками к выброшенным предметам, обязаны сбросить их с пути и сжечь»²³.

В то же время Военное ведомство поспешило разъяснить, что на основании статей 10 и 12 книги XVI Свода военных постановлений (изд. 1887 г.) и 8 пункта 7 статьи приложения к 281 статье Устава врачебного (изд. 1905 г.) военнопленные, но не военнообязанные, имели право на пользование гражданскими больницами за счет сметы Главного военно-санитарного управления²⁴. Такой порядок, однако, никак не входил в планы местных администраций и общественности, не замедливших об этом заявить: «...Биржевой комитет одного города дважды обращался в Министерство торговли и промышленности с протестом против того, что в содержимый комитетом лазарет

²² См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 442.

²³ Обязательное постановление Особого комитета при управлении Сызрано-Вяземской железной дороги // Орловские губернские ведомости. 1915. 29 июля. См. также: Обязательное постановление Особого комитета при Управлении Риги-Орловской железной дороги // Орловские губернские ведомости. 1915. 26 авг.; и мн. др.

²⁴ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 243.

исключительно помещаются военнопленные германцы и австрийцы, тогда как комитет, устраивая лазарет, предназначил его для наших солдат»²⁵. Военные власти ответили на это весьма двусмысленно, предложив направлять вновь прибывших больных и раненых вражеских военнослужащих в военно-врачебные заведения и тут же пригрозив, «что в случае отказа в приеме военнопленных ... все госпитальные учреждения будут переданы военному ведомству»²⁶. Позже было постановлено, что на местах лечение военнопленных, страдающих незаразными болезнями, должно производиться предприятиями, пользовавшимися их трудом, а борьба с эпидемиями и их профилактика — земскими органами. Военные власти взяли на себя только медицинское обслуживание пленных, находившихся на работах ведомства, а также хронически и психически больных, да и то с большой неохотой. В марте 1916 г. командующий войсками Казанского военного округа, к примеру, распорядился направлять пленных в военно-лечебные заведения лишь в том случае, если «гражданские и земские лечебные заведения будут категорически отказываться от их приема»²⁷.

Между тем за уходом на фронт 41,1 % врачей и 21 % фельдшеров медицины Пермской — и очевидно, не только Пермской — губернии едва справлялись со своими задачами²⁸. Не удивительно, что на местах самое широкое распространение получила практика привлечения к медицинской службе врачей и фельдшеров из числа военнопленных, а также бывших среди них студентов-медиков. Они, правда, с первого и до последнего дня были крайне стеснены в средствах и соответственно возможностях оказания помощи своим товарищам. Так, сообщая об эпидемии среди военнопленных турок, газета «Зауральский край» 11 февраля 1915 г. отмечала: «... Врачи-турки не могли оказать

²⁵ Городские лазареты и военнопленные // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1915. № 2. С. 553.

²⁶ Городские лазареты и военнопленные // Вестн. Российского общества Красного Креста. С. 554.

²⁷ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 173, 231. См. также: ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2647. Л. 35; ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 75. Л. 3; Ф. 55. Оп. 1. Д. 982. Л. 69; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. и-37. Оп. 1. Д. 166. Л. 3–3 об.

²⁸ См.: Санитарный обзор Пермской губернии за 1915 г. Пермь, 1918. С. 40.

существенной пользы заболевшим тифом; бросается в глаза то обстоятельство, что рецепты они пишут по-французски, и многих лекарств против тифа, по их мнению, радикальных, не найти ни в одной нашей аптеке»²⁹. Это, однако, не остановило предприятия края, которые готовы были платить пленным медикам за их работу сверх казенного жалования, не найдя никаких иных способов решения проблемы лечения своих иностранных рабочих. В Пермском управлении земледелия и государственных имуществ на таких условиях служили доктор Макс Купаи и студент-медик Иосиф Борномиссо, в Коноваловском (Усть-Сылвицком) заводе — врач Владислав Гибль, в Богословском горном округе — медики Кинчил Иосиф, Пехура Александр, Кандриенк Франц, Халуп Ярослав, Яничек Витольд, Томас Георг, Александр Вачинский, в Кыштымском — их коллеги Рудольф Домель и Антон Ивингер, в Гороблагодатском — «безымянные» эскулапы Аведен, Вольнер, Тфолии, Клеинер и Нитевич³⁰.

Надо сказать, что, легкомысленно требуя у военного ведомства немедленной присылки все новых и новых партий военнопленных, к обострению проблемы медицинской помощи на местах самое прямое отношение имели сами предприниматели. Прикрываясь безотлагательностью их просьб, военные, не желавшие тратиться не только на лечение вражеских военнослужащих, но даже на их медицинское освидетельствование, ввели в систему безответственную практику «занаряживания» на работы пленников, не разбирая меж ними больных и здоровых. В итоге из 2898 военнопленных, присланных, к примеру, к январю 1917 г. на Кизеловские каменноугольные копи князя С.С. Абамелек-Лазарева, 1530 человек, или более половины, были совершенно нетрудоспособны³¹. При этом в условиях, когда администрация копей занималась организацией обратного возвращения пленников военным властям, страдали, очевидно, не только военнопленные, но и местные рабочие, на психику которых такое соседство действовало угнетающе, не говоря уже о его физических неудобствах.

²⁹ Жизнь пленных турок в Муллах // Зауральский край. 1915. 11 февр.

³⁰ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 8. Д. 1. Л. 12, 14, 16, 17.

³¹ См.: ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 57; Ф. 111. Оп. 1. Д. 254. Л. 23.

Заложником схожей ситуации стали рабочие Невьянского горного округа, руководство которого 7 мая 1916 г. сообщало в Казань: «Из числа отпущенных на работы в Невьянский горный округ 855 человек военнопленных в настоящее время состоит больными 216 человек, из которых 87 тяжелобольными, страдающими хроническими недомоганиями, по заключению врача, совершенно непригодными как в данное время, так и после продолжительного лечения к труду на заводе. Все больничные помещения в Невьянском заводе заняты под лазареты для раненых воинов и для 30 тыс. местного населения оставлено всего 13 кроватей. Помимо открытия заводоуправлением специально для военнопленных отделения на 25 кроватей, невозможно удовлетворить при таком большом количестве больных всем требованиям гигиены и поставить лечение так, как этого требует данный момент. Считаем нужным упомянуть, что из сданных на станции Невьянск военным ведомством 20 апреля военнопленных в количестве 210 человек, прибывших из Канского гарнизона, 42 человека при освидетельствовании врачом оказались больными и совершенно непригодными для работ. Медицинскому освидетельствованию эти 210 человек военнопленных были подвергнуты на следующий день после их прибытия, так как сдача последних была произведена во время часовой остановки поезда, и произвести это освидетельствование в такой короткий промежуток времени было немыслимо. Приблизить больничное лечение к условиям наиболее нормальным и желательным заводоуправление может только при условии принятия военным ведомством 87 человек тяжелобольных»³².

Оснований полагать, что администрация Невьянских горных и механических заводов была услышана командованием Казанского военного округа нет никаких, поскольку в аналогичных описанному случаях военные чиновники зачастую ограничивались лишь такого рода распоряжениями: «...Прошу сообщить, какие приняты меры к прекращению заболеваний среди военнопленных... При этом присовокупляю, что если управлением не будет принято никаких мер к

³² ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 67–67 об.

прекращению означенных заболеваний среди военнопленных..., то мною будет возбуждено ходатайство о снятии с работ всех военнопленных...»³³

В июне 1916 г. штаб Казанского военного округа отказался эвакуировать 495 цинготных пленных, пребывавших на Коноваловском (Усть-Сылвицком) заводе, отделившись, очевидно, уже ставшей привычной отговоркой о том, что вражеских военнослужащих, потерявших трудоспособность на работах, обязаны лечить работодатели³⁴. Тогда руководство Гороблагодатского горного округа, в чьем управлении тогда находился указанный завод, обратилось с ходатайством об эвакуации напрямую к Верховному начальнику Санитарной и Эвакуационной части принцу А.П. Ольденбургскому, констатируя при сем, что за недостатком «медицинского персонала, неимением медикаментов и надлежащих помещений округ лишен возможности создать для больных условия, при которых можно было бы надеяться на скорое их выздоровление...»³⁵ Однако возложенных на него надежд высокопоставленный чиновник оправдывать не спешил, ссылаясь на то, что его ведомство занимается военнопленными и прочими мигрантами лишь в пути их следования на места, где «лично ответственными за санитарное благополучие находящихся в их распоряжении рабочих» являются пользующиеся их трудом предприятия, учреждения и лица³⁶. «... Я возлагаю на Вас строжайшую личную ответственность за наискорейшее приведение в полное санитарное благополучие быта всех рабочих, ... а также устройство вполне удовлетворительного лечения их на месте», — отвечивал А.П. Ольденбургский в письме, направленном администрации Гороблагодатского горного округа, практически дословно цитируя свои приказы № 140 от 21 марта 1916 г. и № 179 от 3 июня 1916 г.³⁷. В придачу к этим «содержательным» рекомендациям Санитарная и Эвакуационная часть предложила устроить в местах квартирования

³³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 275. Л. 27.

³⁴ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 259. Л. 25.

³⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 594–595.

³⁶ См. об этом: Приказ Верховного начальника Санитарной и Эвакуационной части, 3 июня 1916 г., № 179 // Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. 31 июля — 7 авг. С. 8; Приказы Верховного начальника Санитарной и Эвакуационной части // Правительственный вестн. 1916. 4 июня; Распоряжения, касающиеся беженцев // Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. 24 апр. С. 2–6.

³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 593.

пленных огороды, свинарники и курятники, растительная продукция которых должна была предохранять от цинготных заболеваний, а мясная — от куриной слепоты³⁸.

В оправдание А.П. Ольднебургскому и его ведомству можно было бы сказать, что в условиях разразившегося в стране в 1915–1916 гг. беженского кризиса им было просто не до военнопленных. Но оправдание это выглядит весьма сомнительно, и не только потому, что при решении беженской проблемы эвако-санитарная служба была практически «задвинута» общественными организациями, возникшими под крышей всероссийских Земского союза и Союза городов, а также Татьянинским комитетом³⁹. Свое небрежение к отвоевавшимся вражеским военнослужащим эвако-санитарная служба продемонстрировала еще в декабре 1914 г., отстранившись не только от действенной помощи в организации их медицинского обслуживания, но и отказав Центральному справочному бюро о военнопленных в такой малости, как учет больных и раненых⁴⁰.

В условиях, когда забота центральных властей о медицинском обслуживании пленников стала откровенно формальной, на местах были вынуждены довольствоваться своими скудными возможностями, которые организовать эффективную систему лечения вражеских военнослужащих не позволяли, не говоря уже о какой бы то ни было профилактике. В этой связи забота о здоровье пленников на предприятиях, пользовавшихся их трудом, вполне закономерно превратилась в набор больших и маленьких кампаний, запоздалых и лихорадочных по своему характеру. Одна из них случилась в округе Верх-Исетских горных заводов в феврале 1916 г., когда выяснилось, что на Пышминском медном руднике округа порядка 100 военнопленных страдают цингой. Для борьбы с этим явлением было признано необходимым: «Немедленно приискать помещение для полной изоляции всех тяжело заболевших цингой, приблизительно на 40 человек. Изыскать помещение приблизительно на сто

³⁸ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 83. Л. 225.

³⁹ Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indianapolis, 1999. P. 34–40. За перевод настоящей книги благодарю к.и.н., с.н.с. Института истории и археологии УрО РАН Н.А. Михалева.

⁴⁰ См.: Овчинников И.А. Центральное справочное бюро о военнопленных. Пг., 1915. С. 22–23.

человек для больных с легкими проявлениями цинготного страдания... Немедленно для всех заболевших цингой ввести цинготный пищевой режим по ближайшим указаниям медицинского персонала, который должен заключаться в наименьшем употреблении мясной пищи и преобладающем питании растительной пищей (овощами). Существующий медицинский персонал увеличить на одного фельдшера с временным окладом жалования до 70 рублей в месяц и одного санитаря с окладом в тридцать пять рублей в месяц...»⁴¹

Другая кампания по оздоровлению пленных иностранцев «стартовала» в марте 1916 г. в Богословском горном округе, когда его руководство наконец-то признало, что, несмотря на привлечение земских медиков — фельдшера И. Ф. Куркиной и сестер милосердия К. И. Литвиновой и О. А. Введенской, — справиться с «громадным числом больных» местная медицинская служба оказалась не в состоянии. Главными пострадавшими при этом оказались военнопленные, находившиеся на лесных работах, в районах которых было решено в экстренном порядке установить дополнительные котлы для кипячения воды, подготовить специальные бараки на 15–20 человек для цинготных больных, оборудовать «вполне благоустроенные» бани взамен зырянских черных бань, привлечь фельдшеров в неблагополучные Петропавловское, Филькинское, Марсятское и Турьинское лесничества, а также Богословское лесничество, куда поступали по выходу из Богословской больницы все военнопленные других лесничеств⁴².

Оптимизировать медицинское обслуживание военнопленных все эти и подобные им акции позволяли лишь до некоторой степени. Тем более что для предприятий, где трудились вражеские военнослужащие, вопрос их медицинского обеспечения далеко не в последнюю очередь был вопросом финансовым. Об этом, в частности, недвусмысленно свидетельствует письмо заведующего лесными операциями Богословского горного округа на имя материального главного лесничества: «Лично мною Вам было предуказано, что из вышедших из больницы

⁴¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4511. Л. 47–47 об.

⁴² См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 7 об. — 8; Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1916. № 5–6. С. 488–489.

военнопленных содержаться за счет лесничества могут лишь имеющие медицинскую записку о необходимости для них отдыха для восстановления сил и не более указанного в записке числа дней, а остальные должны быть использованы на той или другой работе. Ежедневной стоимостью содержания одного военнопленного Вами было признано вполне достаточным 40 коп. ... В представленном же Вами счете от 17 ноября помещены такие военнопленные, в записках которых нет указания о необходимости отдыха и, следовательно, не имеющие права на содержание за счет лесничества, некоторые же имели это право на меньшее число дней, чем значится в Вашем счете, при чем стоимость содержания вместо 40 коп. Вами поставлена в счете 50 коп. Такой счет не может быть оплачен, поэтому предлагаю Вам прислать мне новый счет, составленный исходя из 40 коп. ежедневного содержания, поместив в нем только имеющих право на содержание за счет лесничества военнопленных и приложив к счету их медицинские записки»⁴³.

Лишь частично оплаченная забота о здоровье узников войны оборачивалась тем, что возвращаемые военным властям пленные сплошь и рядом оказывались безнадежно больными⁴⁴. Можно, наверное, сказать, что тем самым военное ведомство, снявшее с себя ответственность за сохранение физических кондиций работавших военнослужащих противника, получило от работодателей вполне симметричный ответ. «Все время наблюдается, что среди военнопленных, сданных работодателями обратно военному ведомству как инвалиды, оказывается значительное число пленных, кои вскорости умирают, что показывает, что они уже давно были инвалидами на работах, но военному ведомству своевременно не передавались», — констатировал штаб Казанского военного округа, продолжая при этом раздавать указания об обязательном заведении утюгов, еженедельной смене белья, устройстве бань, недопустимом использовании опиала для посыпания полов в барках во избежание распространения паразитов и т.д., и т.п.⁴⁵. Но все эти

⁴³ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 228. Л. 4–4 об.

⁴⁴ См., напр.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1101. Л. 234.

⁴⁵ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 57. См. также: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 108, 144, 150, 187 об., 251.

меры оставались полумерами, так и не сложившись в комплексный подход к медицинскому обеспечению пленных иностранцев, многократно зафиксировавших сей безотрадный факт в своих письмах: «О зубной боли надо предупреждать за три недели до ее начала, только за этот период можно исходатайствовать разрешение на лечение у дантиста», «В деревне среди пленных много заболеваний венерических, глазных и пр., вследствие главным образом антисанитарных условий жизни, между тем уже более 4 месяцев люди не видели врача», «...За Россией всегда была слава первого питомника всевозможных бацилл. А лечения нет. В больницах никакого ухода... Врач появляется раз в неделю или 10 дней»⁴⁶. Стоит ли удивляться, что на территории Казанского военного округа в числе неблагополучных по здоровью пленных числился не только печально знаменитый Тоцкий лагерь, но и места водворения пленных в Ардатове, Чистополе, Оренбурге, Царицыне, Яранске, Слободском, Саранске, Симбирске и Катав-Ивановском заводе⁴⁷. Последний из них в ноябре 1916 г. пришлось вообще освободить от пленных, признав, что жизнеобеспечение содержащихся здесь людей стало для военных чиновников непосильной проблемой⁴⁸.

Закрывать же предприятия, не справлявшиеся с задачей сбережения жизни и здоровья пленников, было невозможно, в связи с чем приметами плена стали постоянно возникавшие вспышки тех или иных заболеваний и прежде всего тифа, холеры и цинги. Однако они, «посетив», причем неоднократно, Верхние Муллы под Пермью, Шадринск, Камышлов, Верхотурье, Богословский и Невьянский горные округа, Архангело-Пашийский и Коноваловский (Усть-Сылвицкий) заводы⁴⁹, указывали не только на недостатки местного здравоохранения, но и на серьезные проблемы в организации довольствия пленных иностранцев.

⁴⁶ Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 81, 123, 158 и др.

⁴⁷ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 78.

⁴⁸ Там же. Л. 256.

⁴⁹ См.: ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 62; ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 982. Л. 64; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 808 об., 902, 903 и др.; Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 12. С. 1012–1013. 1915. № 1–2. С. 71. 1916. № 1–2. С. 8, 643. № 5–6. С. 533; и др.

Суточные нормы довольствия в войсках, 1914–1917 гг.

Дата и номер нормативного акта	Ст. 1162 кн. XIX Свода военных постановлений 1869 г. издания	Приказы Верховного Главнокомандующего № 61 и № 115 от 16 и 31 января 1916 г.	Приказ Верховного Главнокомандующего № 446 от 7 апреля 1916 г.	Приказ Верховного Главнокомандующего № 1804 от 28 декабря 1916 г.	Обращение Временного правительства к Верховному Главнокомандующему 20 марта 1917 г.	Журнал Военного Совета от 28 сентября 1917 г.
Хлеб	2 фунта 48 золотников	2 фунта 48 золотников	3 фунта	2 фунта 48 золотников	2 фунта	1 фунт
Или мука	1 фунт 85 золотников	1 фунт 85 золотников	2 фунта	1 фунт 85 золотников	1 фунт 49 золотников	
Или сухари	1 фунт 72 золотника	1 фунт 72 золотника	2 фунта	1 фунт 72 золотника	1 фунт 72 золотника	
Крупы	24 золотника	24 золотника	24 золотника	24 золотника	24 золотника	24 золотника
Рис, горох, макароны и т.д.		8 золотников	20 золотников	20 золотников	20 золотников	
Соль	11 золотников	11 золотников	11 золотников	11 золотников	11 золотников	11 золотников
Подболточная мука	4 золотника	4 золотника	4 золотника	4 золотника	4 золотника	4 золотника
Сушеные овощи	4 золотника	4 золотника	4 золотника	4 золотника	4 золотника	4 золотника
Или свежие овощи	60 золотников	60 золотников	60 золотников	60 золотников	60 золотников	60 золотников
Перец	1/6 золотника	1/6 золотника	1/6 золотника	1/6 золотника	1/6 золотника	1/6 золотника
Жиры	5 золотников	5 золотников	10 золотников	7 золотников	7 золотников	5 золотников
Мясо свежее	1 фунт	3/4 фунта	1/2 фунта	1/2 фунта	1/2 фунта	1/4 фунта
Или мясные консервы	72 золотника	1/2 фунта	1/2 фунта	1/2 фунта	1/2 фунта	
Чай	0,48 золотника	3/4 золотника	3/4 золотника	3/4 золотника	3/4 золотника	
Сахар	6 золотников	15 золотников	18 золотников	12 золотников	12 золотников	

Источник: ГАРФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 6; Приказание по Казанскому военному округу № 1080 от 13 декабря 1917 г. с объявлением копии сношения Главного интендантского управления от 10 ноября 1917 г. за № 85059 о порядке довольствия военнопленных солдат // Приказы по Казанскому военному округу. Казань, 1917. С. 1572–1573. См. также: Оськин М.В. Армия и продовольственное снабжение // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 52–54.

В соответствии с установлениями Генерального Штаба, питание военнослужащих противника в местах их постоянного водворения надлежало осуществлять по армейским нормам (см. табл. 31), а на местах работ — по нормам для местных рабочих. Однако реальность откорректировала эти принципы. От первого из них отступили сами власти, когда весной 1915 г. Военным советом были введены специальные нормы питания пленных, несколько отличавшиеся от норм, действовавших в войсках. Суточная дача хлеба сократилась тогда до 2,0 фунтов, а мяса до 0,25 фунтов. В марте 1916 г. хлебный паек был увеличен до

2,5 фунта, но урезаны нормы выдачи жиров до 5 золотников, чая до 0,5 золотников и сахара до 6 золотников. Через год по последней позиции произошло новое сокращение, после которого пленникам полагалось только 3 золотника сахара. Еще полгода спустя Военный совет сократил суточную дачу хлеба военнопленным до 1 фунта, сохранив при этом урезанные нормы по мясу ($\frac{1}{4}$ фунта) и жирам (5 золотников)⁵⁰.

Второй принцип довольствия пленных, касавшийся отданных на те или иные работы, и вовсе был парадоксален, поскольку норм питания рабочих на предприятиях как таковых не существовало. Ориентируясь на порядок довольствия пленных казней, работодатели предложили узникам войны схожий рацион питания, который, однако, мог несколько варьироваться по количеству отпускаемых продуктов в зависимости от местных возможностей. Больше того, питание пленных могло быть неравноценным даже в пределах одного предприятия (см. табл. 32).

Очевидно, что нормы питания пленных, как бы они ни формировались — «сверху» или «снизу», — на деле нормами так и не стали. Полковник А.А. Мордвинов, флигель-адъютант Николая II, объехавший по высочайшему повелению несколько пунктов водворения пленных иностранцев, вынужден был признать очевидное уже в конце 1915 г.: «Из посещения Киева, Дарницы, Орла и Ельца, а отчасти и Смоленска я вынес впечатление, что размер пищевого довольствия неодинаков в различных округах: в одних дают по $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{3}{4}$ фунта мяса, в других всего по $\frac{1}{4}$... В Смоленске пленные, привезенные из Омска, где получали по 2 фунта хлеба, теперь получают всего по 1 фунту, что недостаточно. Такая разница при переводе пленных из одного округа в другой вызывает всегда недоразумения. Пленные, получавшие ранее по $\frac{1}{2}$ фунта мяса и начинающие на новом месте получать всего $\frac{1}{4}$, всегда считают, что часть мяса утаивается от них начальством и жалуются на плохой навар и на недоедание»⁵¹.

⁵⁰ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 494 об.; Ф. 280. Оп. 1. Д. 2752. Л. 411; ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 620. Л. 1; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 41; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 151.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 626. Л. 7 об.

**Хлебный и мясной паек для военнопленных на предприятиях Среднего Урала,
1916 г. — начало 1917 г.**

Предприятие	Хлебный паек, фунтов	Мясная дача, фунтов
Златоустовский горнозаводский округ	3,0	0,25
Лесничества Богословского горнозаводского округа	3,0	0,5
Коноваловский (Усть-Сылвицкий) лесоразделочный завод	2,5	0,75
Кыштымский горнозаводский округ	3,5	0,75
Полазненский завод князя С.С. Абамелек-Лазарева	3,0	Нет данных
Кусье-Александровский завод Лысьвенского горнозаводского округа	3,0–3,5	0,5–0,75
Лесничества Лысьвенского горнозаводского округа	3,0–4,0	0,5–0,75
Рудники Кусье-Александровского завода Лысьвенского горнозаводского округа	3,0	0,5
Сельскохозяйственная ферма и мастерские Осинского земства	Нет данных	0,25–0,5

Источник: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 83. Л. 52 об.; Д. Д. 95. Л. , 265, 265 об., 267, 267 об.; ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 6; Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 484–490; Д. 2825. Л. 53; Оп. 26. Д. 43. Л. 32–33; Осинское уездное земское собрание // Пермская земская неделя. 1916. 27 марта.

Примечательно, что имевшие место отклонения от предустановленных таблиц довольствия приняли характер нормальных явлений на основе вполне легитимной. «Нас хотят сделать святыми, мы все время постимся, переживая в плену муки земного ада», «Одолели нас эти русские посты — 30 недель в году, вот и теперь — хозяева говеют, а мы постимся», «Во время поста ни мяса, ни молока не получишь, кормят плохо, очень плохо, даже на праздниках все тем же черным хлебом», — отмечали пленные в этой связи⁵². Больше того, весной 1916 г. постные дни для пленных были введены еще из соображений экономии. 12–14 марта 1916 г. в Москве состоялось собрание уполномоченных губернских земств, признавшее необходимым «принятие самых решительных мер к ограничению потребления мяса населением в интересах сохранения сельскохозяйственных сил страны на время продолжения войны»⁵³. Спустя совсем немного времени, 30 июня 1916 г., Николай II подписал «Закон о мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов от крупного

⁵² ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 81, 120, 347 и др.

⁵³ Постановление совещания при главном комитете по экономическим вопросам при участии представителей от губернских земств, состоявшегося 15 марта 1915 года // Изв. Главного комитета Всероссийского Земского Союза. 1916. 15 марта — 1 апр. С. 45.

рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят»⁵⁴. Документ, предусматривавший введение обязательных мясопустных дней в империи и ограничивавший несколькими днями в неделю убой скота, приготовление мясных блюд в пунктах общепита и свободную продажу мяса и всяческих мясных продуктов, никаких указаний относительно провианта пленным не содержал. Расценив такое положение как «в высшей степени ненормальное», Всероссийская сельскохозяйственная палата в срочном порядке возбудила «ходатайство о необходимости урегулирования вопроса о снабжении военнопленных мясом как в смысле распространения на них закона об обязательных постных днях, так и в отношении приближения норм довольствия военнопленных к режиму, установленному для наших пленным в Германии и Австрии»⁵⁵. Вопрос, что вполне логично, разрешился положительно.

Однако и это было еще не все. 1 сентября 1915 г. Военный совет пошел дальше, установив для находившихся в тылу пленным сверх двух обязательных постных дней в неделю еще и обязательную два раза в неделю замену мясной дачи яйцами (за ¼ фунта мяса 1½ яйца), соленой рыбой (18 золотников за ¼ фунта мяса) или «другими соответственными продуктами в установленной норме»⁵⁶. Учитывая, что ранее, 6 февраля 1916 г., «в виду значительного сокращения запасов скота в империи и вызванной этим необходимости сокращения потребления населением мяса Особое совещание по продовольственному делу ... признало необходимым среди прочих направленных к сему мер воспретить покупку мяса, птицы и дичи военнопленными за собственный счет»⁵⁷, скромная пища стала для неприятельских солдат и офицеров в России редкостью. Больше того, нововведения 1916 г. начисто лишили ситуацию с продовольствием пленным прозрачности, создав почву для непредумышленных недоразумений и сознательных злоупотреблений. Как результата плохое питание стало для

⁵⁴ Одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Закон о мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов от крупного рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят // Земская неделя (Казань). 1916. 31 июля. С. 9–10.

⁵⁵ Постные дни и военнопленные // Зауральский край. 1916. 20 апр.

⁵⁶ ГАПК. Ф. 146. оп. 1. Д. 83. Л. 153 об. См. также: ГАПК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 117. Л. 26; Ф. 280. Оп. 1. Д. 2752. Л. 221.

⁵⁷ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 247, 247 об.

пленных темой № 1, незамедлительно найдя свое отражение в их корреспонденции: «Чтобы разнообразить стол нам два раза в неделю вовсе не дают мяса», «... На все аптекарские дозы, мясо только три раза в неделю, а порция как для кота», «Мы положительно голодаем, едим только один раз в день, причем мясные порции можно разыскать лишь с помощью микроскопа; еще два раза в день хлебаем кипяченую воду с ломтем черного, как земля, хлеба...», «Утром мы получаем чистую горячую воду, на обед тот же кипяток, но с запахом мяса, а вечером снова повторяется горячая вода»⁵⁸.

Последняя, надо сказать, стала «любимым» напитком пленников потому, что в вопросе выдачи чайного довольствия военное ведомство действовало крайней непоследовательно. С марта 1915 г. за дефицитом и дороговизной чая его выдача практически прекратилась. Однако 16 июля 1915 г. Военный совет вернул чай в рацион военнопленных, рассматривая это как «одну из самых действенных мер к предупреждению эпидемических заболеваний»⁵⁹. Но на местах это указание было понято буквально. Так, в ноябре 1915 г. с ликвидацией вспышки холеры в Шадринске остававшимся здесь пленным о чае пришлось забыть. В то же время в Сызрани и Яранске, где явственно обозначилась угроза эпидемии, чайное довольствие стало выдаваться регулярно⁶⁰. Ситуация же в местах работ военнопленных вообще вышла из-под всякого контроля.

Летом–осенью 1916 г. департамент полиции рекомендовал работодателям приостановить выдачу пленным чайного довольствия под тем предлогом, что местное население вообще не видит ни чая, ни сахара и от негодования по этому поводу готово перейти к организации беспорядков⁶¹. Местные хозяйственники при этом оказались, что называется, промеж двух огней, не зная, чьими циркулярами теперь руководствоваться. Когда полицейский пристав четвертого стана Пермского уезда распорядился прекратить отпуск сахара военнопленным из заводской лавки, руководство Полазненского завода князя С.С. Абамелек-Лазарева, в свою очередь, обратилось к пермскому уездному воинскому

⁵⁸ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 120, 134, 156, 172, 181, 347 и др.

⁵⁹ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2752. Л. 183.

⁶⁰ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 808 об., 902, 903, 914, 931, 938, 1060.

⁶¹ См. об этом: ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2752. Л. 183, 224.

начальнику с просьбой прислать в контору «норму суточного довольствия пленным без сахарного песка или же дать особое указание на получение ... сахарного песку на 344 человека по 17 пудов ежемесячно»⁶². Военный чиновник, однако, проявить какую-либо активность не решился, указуя на то, что «норма суточного довольствия военнопленных остается в прежнем размере» и что «заводоуправление своим попечением должно отыскать средства к приобретению потребного военнопленным нижним чинам довольствия через посредство местных властей»⁶³.

Все, однако, говорило за то, что проблемы «средств к приобретению потребного военнопленным нижним чинам довольствия» к середине 1916 г. стали вторичными. К тому времени практически везде, где были заняты военнопленные, главными стали проблемы подвоза и дороговизны провианта, на локальном уровне зафиксировавшие известные процессы надлокального свойства. Так, Коноваловским (Усть-Сылвицким) лесоразделочным заводом только за ноябрь 1916 г. было недополучено 11 уже оплаченных вагонов крупчатки и 3 тыс. пудов пшеницы⁶⁴. В составленной в январе 1917 г. «Записке о препятствиях, мешающих Ревдинскому горному округу П.Г. Солодовникова развить наибольшую возможную производительность», отмечалось: «Округ имеет 4600 пленным, забота о продовольствии которых лежит на обязанности заводууправления, причем муки серой почти не поступает (за январь 2 вагона из назначенных 20), и пленным приходится довольствоваться крупчаткой»⁶⁵. То же самое констатировал управляющий Нижнетагильского и Луньевского горных округов, подчеркивая, что «везде все запасы истощились совершенно, мука поступает крайне слабо и то после целого ряда письменных, телеграфных и личных ходатайств и перед уполномоченным по продовольствию, и перед распределительной комиссией, и перед другими лицами и местами...»⁶⁶

⁶² ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 83. Л. 52 и 52 об.

⁶³ Там же.

⁶⁴ См.: ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 983. Л. 114.

⁶⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 977. Л. 15 об.

⁶⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 985. Л. 32–33.

Впрочем, было бы лукавством утверждать, что до середины 1916 г. оперативная доставка продовольствия для пленных иностранцев являлась правилом, не имевшим исключений. Справиться с заготовкой «съестных припасов» для вражеских военнослужащих никак не удавалось Богословскому горному округу, в результате чего «в некоторых пунктах наблюдались весьма острые недостатки в продуктах первой необходимости, а в особенно удаленных пунктах дело доходило почти до голодов»⁶⁷. В конце концов администрация общества отдала закуп провизии, а вместе с ним и приготовление пищи в руки самих пленных, предупредив тем самым распоряжение военного ведомства об их обязательном участии в приемке, распределении и использовании продуктов⁶⁸.

Идея разделения ответственности за организацию, качество и количество продовольствия пленных с самими пленными была хороша всем, кроме одного. В условиях ограниченного потребления она давала ограниченный же эффект, обнаруживая все «узкие места» системы нормированного распределения и тем самым способствуя ее прогрессирующей дискредитации в глазах пленных, требовавших в вопросах организации питания предоставить им как можно больше самостоятельности. Однако отказаться от артельного довольствия пленников не позволяли предписания военных властей, тем более что оно не только создавало иллюзию порядка. Оно, помимо всего прочего, давало возможность экономить дефицитную провизию, что к середине 1916 г. стало нормой даже для села, где, казалось бы, не знали проблем с продуктами. Способ экономии провианта, изобретенный крестьянами, был при этом весьма незатейлив: они предоставляли пленным стол только в те дни, когда последние работали в поле, введя тем самым обычай «голодных праздников»⁶⁹. Самый же «экономичный» вариант довольствия пленников изобрели на Чермозском металлургическом заводе князя С.С. Абамелек-Лазарева, где больным военнопленным во второй половине 1917 г. просто перестали выдавать дневную порцию пищи⁷⁰.

⁶⁷ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 6.

⁶⁸ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 174.

⁶⁹ См.: ГАСО. Ф. 351. Оп. 3. Д. 2. Л. 188.

⁷⁰ См.: ГАПК. Ф. р-75. Оп. 1. Д. 42. Л. 253.

Такое положение вещей неизбежно вело к формированию альтернативной системы потребления, основанной на использовании пленными покупаемых и вымениваемых у населения «местных ресурсов» (П. Гетрелл, М. Харрисон). Правда, их доля в питании неприятельских военнослужащих, в отличие от «коренного населения»⁷¹, не могла быть определяющей, поскольку она, будучи ограниченной сама по себе, ограничивалась еще и искусственно. Так, в июле 1916 г. пермский губернатор издал постановление, воспрещавшее пленным «производить покупку всякого рода съестных припасов в иные дни и часы, кроме установленных местным Обывательским Комитетом или заменяющим его учреждением, а равно покупать таковые припасы в количестве, превышающем устанавливаемые тем же порядком предельные нормы их отпуска неприятельским подданным»⁷². Нарушивших настоящее распоряжение торговцев ждал 3-месячный арест или штраф в сумме до 3 тыс. рублей. Многие местные обывательские комитеты и продовольственные управы и вовсе наложили запрет на покупку пленными каких-либо продуктов, а также предложили работодателям придерживаться норм довольствия, сообразующихся с установлениями этих самых обывательских комитетов и продовольственных управ⁷³. Так, в середине 1917 г. Нижнетагильская продовольственная управа распорядилась ограничить суточное потребление пленными хлеба до 1,5 фунта и мяса до 0,25 фунта⁷⁴. В конце концов местные хозяйственники и местные воинские начальники были вынуждены принять условия, предлагаемые местными самоуправлениями, что означало демонтаж системы централизованного нормирования и ее подмену нормированием ситуативным. При этом, несмотря на то, что из положенных им продуктов пленники уже к концу 1916 г. могли получать одну только муку, «глас народа» продолжал требовать их исключения из потребления ресурсов,

⁷¹ См. о роли «местных ресурсов» в потреблении россиян: Gatrell P., Harrison M. The Russian and Soviet Economies in Two World Wars: A Comparative View // *The Economic History Review*. Vol. 46. № 3 (Aug., 1993). P. 446–447.

⁷² Обязательное постановление, изданное Главнначальствующим Пермской губернии, Пермским Губернатором, на основании ст. ст. 15 и 26 Положения о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия // *Пермские ведомости*. 1916. 28 июля.

⁷³ См. об этом: ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 983. Л. 38; Ф. 181. Оп. 1. Д. 5. Л. 5; Ф. 183. Оп. 1. Д. 72. Л. 204 об.; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2752. Л. 355; и др.

⁷⁴ См.: ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 983. Л. 68.

находившихся в свободной продаже. «...Военнопленные, находящиеся в распоряжении Кушвинского завода, на Степановке, Благодати и прочих станциях железных дорог меняют в значительных количествах отпускаемую им для довольствия муку местным жителям на молоко и другие продукты или же эти отпускаемые им пайки они целиком продают, а на деньги приобретают по повышенным ценам молочные и другие продукты, взвинчивая этим на них цены и вызывая совершенно справедливое нареkanie граждан, проживающих в районе Кушвинского завода... Обывательский комитет постановил просить Вас ... сделать распоряжение, ... чтобы отпуск хлебных продуктов производился либо в виде печеного хлеба, либо мукой, но только в действительности потребном каждому количестве...», — настаивал Гороблагодатский обывательский комитет в своем обращении к горному начальнику Гороблагодатского округа 2 июня 1917 г.⁷⁵

Между тем, чем больше усилий прилагалось для того, чтобы лишить неприятельских военнослужащих возможности конкурировать с местным населением в части потребления провизии, тем интенсивнее в пространстве плена формировался своего рода «черный рынок», где наряду с торговлей по спекулятивным ценам все большее и большее место занимал натуральный обмен⁷⁶. «Наш день не проходит без обыкновенной здесь незаконной помощи», — отмечал в этой связи один из пленных в своем письме на родину⁷⁷. Очевидно, таким образом, что стандартизированное, нормированное продовольствование, нацеленное на рациональное использование небогатых ресурсов, благом для военнослужащих противника не стало, способствуя архаизации культуры потребления. Это как ничто другое свидетельствовало о том, что санкционированные властью практики распределения провианта были недостаточно эффективны, грозя неожиданными по своему характеру экстерналиями⁷⁸.

⁷⁵ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 20. Л. 51.

⁷⁶ См. об этом: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 231. Л. 127; Ф. 183. Оп. 1. Д. 72. Л. 204 об.; ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 165. Л. 157, 157 об.; Оп. 3. Д. 593. Л. 219–221; и др.

⁷⁷ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 135.

⁷⁸ См. об этом: Булдаков В.П. Первая мировая война и городское бунтарство в России: 1914–1916 гг. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 82–97; Кирьянов Ю.И. Массовые

От тех же недостатков страдала система распределения среди военнопленных одежды и обуви, обязанность предоставления которых в пунктах водворения лежала на военном ведомстве, а на производстве — на работодателях. При этом при возвращении уездным военачальникам пленников предписывалось снабжать двумя сменами нательного белья и соответствующей сезону одеждой и обувью. То, что эта схема, хороша была только на бумаге, выяснилось очень скоро.

«Окружной штаб просит распоряжения Вашего превосходительства о снабжении теплой одеждой сосредоточенных в Самаре военнопленных турок в числе 1500 человек, подлежащих отправлению в Ирбит, имея в виду, что от железнодорожной станции Камышлов до города Ирбита 110 верст грунтового пути», — указывалось в письме на имя окружного интенданта в Казани от 13 января 1915 г.⁷⁹ Его авторы и не подозревали тогда, что уже к осени 1915 г. запасы одежды и обуви в округе будут исчерпаны. Обращение лично к военному министру пополнить их не позволило, фиксируя тот факт, что обмундирование пленников стало проблемой общестранового характера, а не только отдельно взятого Казанского военного округа⁸⁰.

Несмотря на все их разнообразие, арсенал мер, направленных на обеспечение пленных дефицитным вещевым довольствием, не только не решал проблемы, но и усугублял ее. Постановление Военного совета от 30 августа 1915 г., разрешавшее заготавливать «необходимые для снабжения военнопленных вещи произвольного образца из числа имеющихся на местном рынке»⁸¹, а также приказ командующего Казанского военного округа от 6 ноября 1915 г., позволявший обеспечивать вражеских военнопленных «платьем», «не стесняясь образцами вещей, лишь бы одеяние было годно для носки», начисто лишили узников войны возможности получать добротные одежду и обувь⁸². Организация мастерских для

выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18; Энгл Б. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестн. Ленинградского госун-та им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4 (История). № 1. С. 148–177.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 22.

⁸⁰ См.: Там же. Л. 796.

⁸¹ Там же. Л. 920.

⁸² См.: ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 6/н; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 920.

починки белья, одежды и обуви также оказалась затеей малопродуктивной, лишний раз подтверждая известную русскую пословицу про лечёную кобылу⁸³. Всю свою порочность быстро обнаружила и практика выдачи пленным лаптей, которые «как не оправдавшие возлагавшихся на них надежд» были заменены сапогами, но только некачественными, из армейского брака⁸⁴.

«По имеющимся сведениям, в некоторых пунктах водворения военнопленные венгры, чехи турки и курды продают выдаваемое им белье для покупки табаку, папирос и других тому подобных предметов, поношенное же белье, нуждающееся в починке, рвут на портянки, в виду чего все мероприятия по снабжению военнопленных бельем оказываются тщетными», — констатировало Главное управление Генерального штаба в марте 1917 г., тем самым расписавшись в своей бессилии перед проблемой снабжения пленных вещевым довольствием⁸⁵.

Для промышленников и аграриев, использовавших труд обезоруженных вражеских военнослужащих, их обмундирование стало столь обременительным, что некоторые хозяйственники задумались, а нужны ли им пленные вообще? Однако отказаться от услуг неприятельских военнослужащих или, по крайней мере, минимизировать их число поспешили лишь единицы⁸⁶. Остальные же, явно недооценив проблему снабжения пленников амуницией, развернули бурную деятельность по ее отысканию.

5 июля 1915 г. под председательством управляющего Нижнетагильского и Луньевского округов Н. Спижарного состоялось заседание, на котором было постановлено: «В настоящее время в ... округах занято на различных работах около 1360 человек военнопленных и ожидается прибытие еще 1390 человек. Для всего количества 2750 военнопленных является необходимым заготовить соответствующее количество белья, верхней одежды, зимней одежды, обуви для осени и зимы, посуды и т.п. Такое громадное количество заготовки

⁸³ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 6; ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 162, 162 об.

⁸⁴ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 162, 162 об.; Ф. 280. Оп. 1. Д. 2752. Л. 150.

⁸⁵ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 561 об.

⁸⁶ См. об этом: ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 41. Л. 123 об.; Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 59; и др.

(приблизительно на сумму 60–80 тыс. рублей) приходится произвести в сравнительно короткий срок, причем ввиду недостатка на рынках материалов и для белья, одежды, обуви прочего приходится один сорт заменять другим, создавая специальные типы одежды и обуви. Принимая во внимание изложенное и солидные затраты, с одной стороны, и желая дать военнопленным именно тот тип одежды и обуви, который соответствовал бы условиям работ, с другой стороны, управление заводами нашло необходимым образовать при Заводоуправлении особую комиссию по заготовке и обеспечению военнопленных одеждою и обувью и прочими необходимыми предметами»⁸⁷. Работа комиссии, однако, результатов так и не дала, в связи с чем военнопленные настойчиво требовали у администрации предприятия прекратить централизованные заготовки «платья» и выдавать им вместо одежды деньги на одежду⁸⁸.

С азартом принявшаяся за заготовку одежды и обуви для пленных материальная служба Богословского горнозаводского общества уже к августу 1916 г. истратила на это 500 тыс. рублей, приведя управление округа в ужас⁸⁹. И ужас этот был вызван не столько громадностью суммы, сколько тем, что качество «добытых» агентами округа «носильных вещей», как показала зима 1915/1916 гг., оставляло желать много лучшего: «Особенно плохи были пимы, которые во многих случаях выдавались пленным в период зимы в количестве двух, трех и даже четырех пар. Много одежды было получено малых размеров...»⁹⁰

Настоящая катастрофа с обмундированием пленников наблюдалась на Коноваловском (Усть-Сылвицком) лесоразделочном заводе. По данным на осень 1916 г., здесь для полного обеспечения 4903 военнопленных «платьем» не хватало 3183 нательных рубашек, 3930 кальсон, 2450 шапок, 2480 пар валенок, 2743 пар рукавиц, 3287 полушубков, 2077 теплых брюк, 3382 теплых

⁸⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3585. Л. 167.

⁸⁸ См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 17 об.

⁸⁹ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1041. Л. 1–2.

⁹⁰ ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 2065. Л. 112 об.

рубашек, 3563 шинелей и 2560 пар сапог, в связи с чем пленники «простаивали» без дела, ввергая предприятие в убытки⁹¹.

В деревне обеспечение пленных иностранцев одеждой и обувью и вовсе рассматривалось как необязательное. Многократные указания на то, что крестьяне, как и прочие работодатели, обязаны снабжать пленников одеждой и обувью для постоянной носки, тогда как «казенная одежда и обувь должна быть сохранена в том виде, в каком она была при приеме пленного»⁹², повсеместно игнорировались. Больше того, военное ведомство стало подозревать, что «земские управы перед сдачей пленных даже отбирают от последних белье, сносную одежду, оставляя их в совершенно неудовлетворительной»⁹³. Начальник же Пермского управления земледелия и государственных имуществ А.А. Дубенский и вовсе узаконил эту практику своим циркуляром за № 322 от 13 ноября 1915 г., который, в частности, гласил: «Принимая во внимание, что при заготовке как теплой одежды, так обуви и белья, вновь, на свои средства, Управление земледелия стремилось к тому, чтобы возможно теплее одеть военнопленных во время работ и тем дать возможность им продуктивнее выполнить таковые, а отнюдь не имело в виду снабжать их запасами платья вообще, настоящим предлагаю к неуклонному исполнению следующее: при сдаче нетрудоспособных военнопленных подлежащим воинским начальникам оставлять в распоряжении военнопленных лишь столько одежды, сколько они имели по прибытии в лесничество, и лишь при отсутствии некоторых необходимых принадлежностей костюма заменять таковые из вновь заготовленных. При этом, однако, полушубков, валенок и рукавиц при передаче военнопленных ... отнюдь не давать»⁹⁴.

Через месяц тот же чиновник издал новый циркуляр, дойдя в своих распоряжениях по «сбережению» выдаваемой вражеским военнотружущим

⁹¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 484–486.

⁹² ГАСО. Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 7.

⁹³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 203. Л. 943.

⁹⁴ Г.г. лесничим, имеющим военнопленных: Циркуляр № 322 от 13 ноября 1915 г. // Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год (с приложениями). Пермь, 1916. С. 23–24.

амуниции до крайности: помимо починки сапог и подшивки валенок, он рекомендовал при выходе пленных на работу в сырую погоду выворачивать полушубки мехом наверх⁹⁵.

Как результат сдача пленных с работ «почти в исключительно рваной одежде», или, говоря словами другого документа, «в совершенно оборванном виде»⁹⁶, приобрела такой размах, что вызвала нешуточную обеспокоенность военных. Вместе с тем, работодатели в данном случае просто платили им взаимностью. Действительно, уже прибытие первых партий вражеских военнослужащих на места показало, что прежде чем отправить их, «полураздетых и полуразутых», на работы, их требовалось одеть⁹⁷. При этом заинтересованные в рабочих руках хозяйственники, как правило, мирились с таким положением вещей, лишь изредка призывая военные власти к заведенному ими же порядку. Так, осенью 1916 г. руководство Богословского горного округа обратилось в штаб Иркутского военного округа с такой вполне законной просьбой: «Настоящим Управление Округом имеет честь уведомить, что прибывшие в августе сего года на работы в БГО военнопленные в числе 4440 человек по назначению Штаба Иркутского военного округа не были снабжены следующими предметами:

Партии из	Шинелями	Сапогами	Переменной белья	Партии из	Шинелями	Сапогами	Переменной белья
Шуи	40	43	89	Ковеля	1		1
Сретенска	1	356	164	Киева			1
Нижнего Новгорода	5	14	23	Кашина	6	7	8
Починки	15	60	56	Трой-Козовки	1	2	4
Канска	14	22	16	Паской	1		1
Красноярска	113	99	57	Березовки		8	5
Лукоянова	53	20	87	Иваново-Вознесенска	3	10	22
Бишанска		1	1	Ачинска		1	
Тамбова		1	2	Риги			4
Даурии		2	5	Ташкента		1	1
Сопоков-Волыни		1	1	Верхне-Удинска	1	46	35
Москвы	34	46	46	Каинска	87	16	
Шатина			1	ВСЕГО	375	756	631
Вологодска			1				

⁹⁵ Г.г. лесничим, имеющим команды военнопленных: Циркуляр № 330 от 7 декабря 1915 г. // Там же. С. 26.

⁹⁶ ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 94. Л. 173; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 203. Л. 943.

⁹⁷ См. об этом: ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 41. Л. 124; Д. 3174. Л. 124; Ф. 45. Оп. 1. Д. 1100. Л. 40 об.; и мн. др.

Ввиду изложенного Управление Округом имеет честь просить Штаб Округа сделать распоряжение о присылке недостающих поименованных предметов для снабжения военнопленных»⁹⁸.

Вероятнее всего, вежливое обращение администрации Богословского горного округа, равно как и прочие его аналоги, встретило вежливый же отказ, не исключено, что молчаливый. Между тем, пленные продолжали прибывать в регион полураздетыми и полуразутыми. Так, 27 января 1917 г. из Солигалича до Надеждинского завода добралось 68 военнопленных, среди предметов экипировки которых в достаточном количестве присутствовали только рубахи, кальсоны, брюки и фуражки, в то время как полушубков было только 8, пиджаков 16, шинелей 43, сапог или ботинок 49, пимов 2 пары, полупальто 2, лаптей 17, портянок 4 пары⁹⁹. Некоторые пленники прибыли совершенно босыми и как результат обмороженными. 28 января 1917 г. из Старого Замка, что под Нижним Новгородом, на завод поступила очередная партия военнопленных, обмундированных схожим же образом: «...У большинства людей сменного белья нет. Как из обуви, так и из верхнего и нижнего белья многое в плохом и изношенном виде»¹⁰⁰.

В конце концов снабжение пленных одеждой и обувью превратилось в повод для бесконечных препирательств между военными чиновниками разного уровня и разного же уровня и свойства хозяйственными единицами. В эпицентре спора при этом оказался вопрос о том, какое обмундирование считать соответствующим тому или иному сезону. К примеру, Пермское управление земледелия и государственных имуществ, возвращая в марте 1917 г. местному воинскому начальнику партию пленных, получило отказ в их приёмке, мотивированный тем, что шинелей и сапог при сдаваемых не было. Принять пленников чиновник согласился только после долгой переписки, в которой доказывалось, что полушубки и валенки, составлявшие обмундирование вражеских военнослужащих, являлись одеждой и обувью, вполне сообразной мартовской погоде¹⁰¹.

⁹⁸ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1041. Л. 9–9 об. Названия населенных пунктов приводятся в соответствии с источником.

⁹⁹ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1100. Л. 32–33.

¹⁰⁰ Там же. Л. 40 об.

¹⁰¹ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21. Л. 18, 19, 19 об.

Пока интегрированные в экономику плена структуры разбирались, что считать зимой, а что летом, одежда и обувь для обезоруженных вражеских военнослужащих продолжали оставаться роскошью. «Наши мундиры, которые мы еще с поля битвы имеем, уже давно износились на работах, и маленькое жалованье из 20 коп. в день, что мы на руки получаем, есть действительно так ничтожно для того, чтобы какой-нибудь мундир завести. Одежда, которую мы от завода получаем, состоит из штанов и блузы из белого грубого холста, ... и при том материал настолько прост, что после того, как его три или четыре недели поносишь, всюду так изорвется, что едва ли стоит его починять. Также с обувью у нас действительно плохо обстоит. Сапоги, правда, получаем от завода, но только приблизительно $\frac{1}{4}$ часть из общего числа людей, а остальные, у которых нет сапог, носят так называемые лапти. Кто свои собственные сапоги носит, получается то же самое, как были бы крайне спешно чинены и дорого считано», — жаловались военнопленные Добрянского завода в направленном в мае 1917 г. в Шведское общество Красного Креста письме, тогда как другие безрадостно шутили: «... В этом холодном климате могут жить только богачи, зима и морозы нам не по карману, беднякам следовало бы жить под экватором»¹⁰².

Существует мнение¹⁰³, что значительная помощь в обмундировании, продовольствовании и медицинском обслуживании пленников приходила из-за рубежа¹⁰⁴. Однако посылаемые оттуда переводы и посылки, а также привозимые иностранными миссиями подарки на самом деле не могли играть большой роли в

¹⁰² ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21а. Л. 146–146 об.; ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 249.

¹⁰³ См. об этом, напр.: Нахтигаль Р. Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России: сб. статей. Челябинск, 2007. С. 83–94; Davis G. National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia, 1914–18 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 28. № 1 (Jan., 1993) P. 31–52; In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse osterreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg / Hrsg.von Leidinger Hannes; Hrsg.von Moritz Verena. Wien; Koln; Weimar, 2008. S. 260–261; Rachamimov A. POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. New York, 2002. P. 105, 161–190; и мн. др.

¹⁰⁴ См. об иностранных миссиях в России: ГА РФ. Ф. 6281. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–6; РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1102. Л. 1–5; Оп. 12. Д. 1081. Л. 1–40; Нота МИД посольству США в России от 7 февраля 1915 г. (о посещении представителем американского посольства пунктов постоянного размещения военнопленных германской и австрийской армий) // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов. М., 2014. С. 483; Нота МИД посольству США в России от 30 апреля 1915 г. (касательно упорядочения некоторых вопросов, относящихся до быта военнопленных и военнообязанных) // Там же. С. 490–491; и др.

структуре потребления вражескими военнослужащими тех или иных благ, поскольку до адресатов доходила только их часть. Администрация Коноваловского (Усть-Сылвицкого) лесоразделочного завода осенью 1916 г. отмечала по этому поводу буквально следующее: «...Посылки для военнопленных из Серебрянской [почтово-телеграфной — *С.Н.*] конторы, откуда они сейчас все получают, в размере свыше 80 % приходят сюда вскрытыми, переломанными, с расхищенным содержанием, были случаи получения лишь оболочек посылок с совершенно пустым содержимым, оформлять же такие случаи путем составления актов начальник конторы отказывается; жалуются военнопленные и на неполучение денежных переводов, предъявляя переводные бланки банков, деньги по коим с почты ими якобы не получают»¹⁰⁵.

Собственно пленные лишь в редком письме не жаловались на неаккуратную доставку писем, посылок и переводов, свидетельствуя тем самым, что для российского плена она стала правилом: «Я теперь понимаю, война действительно великий переворот в мировой жизни, уже и месяцы идут в обратном порядке: сначала я получал письма апрельские, затем мартовские, теперь ожидаю февральских», «Если хотите послать белье, то предварительно нарочито загрязните. Это единственный способ, чтобы содержимое не "затерялось" в пути, на русской почте», «...Несколько дощечек от ящика, кусок холста и в бумаге горсть пыли какой-то — вот все, что я получил как посылку весом 4 килограмма 80 грамм», «Здесь такая халатность, что трудно поверить: можно иметь на руках извещение о деньгах и ждать 3–4 месяца фактической выплаты»¹⁰⁶.

При этом даже в случае благополучного обналичивания переводов с родины пленники долгое время получали лишь 65 % от указанной в них суммы. 11 ноября 1916 г. военный министр распорядился отменить 35-процентные вычеты из присланных вражеским военнослужащим переводов и вернуть им удержанные ранее деньги, однако постоянные переброски военнопленных с одних работ на другие превратили их шансы на получение этих денег в призрачные¹⁰⁷.

¹⁰⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 488.

¹⁰⁶ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 56 об., 100, 120, 135, 180, 201, 218, 227, 250, 271, 333, 381.

¹⁰⁷ См.: ГАПК. Ф. 280. оп. 1. Д. 2752. Л. 261; ГАСО. Ф. 643. оп. 3. Д. 1938. Л. 222.

Что касается подарков, то надо признать, что они поступали в Россию весьма активно, особенно в рождественские праздники. Есть сведения, что в канун 1917 г. в Верхотурье прибыло 9 вагонов с подарками, в Екатеринбург — 6, в Кунгур — 1, в Пермь — 22, в Шадринск — 1. Но многое, если не все, зависело от того, кем и как распределялись гуманитарные грузы и распределялись ли вообще. «Стало известно, что прибывшие в Россию с рождественскими подарками представители Шведского Красного Креста раздавали подарки, руководствуясь не степенью нужды военнопленных, а национальной принадлежностью последних. Так, не давали подарки сербам. Если такая практика избирательности будет впредь, эти делегаты вообще будут лишены права раздачи подарков», — указывалось в одной из телеграмм Генерального штаба начала 1916 г.¹⁰⁸ Другой документ, продолжая тему подарков для пленников, сообщал: «29 минувшего декабря в город Шадринск прибыли делегаты Шведского Красного Креста Свен Норлин и Карл Крук с подарками, заключающимися в теплой одежде для военнопленных, и обратились с ходатайством к местному воинскому начальнику о разрешении раздачи таковых. Воинский начальник, согласно полученного ранее распоряжения командира местной бригады, запросил телеграммой разрешение на раздачу подарков, на каковую и получил ответ, что подарки могут быть розданы делегатами только через воинского начальника. Об этом было объявлено делегатам, которые, ссылаясь на полученные ими инструкции, заявили, что раздать подарки они должны лично. При таких условиях раздача подарков не состоялась, непосредственные сношения делегатов с военнопленными допущены не были и делегаты 1 сего января выбыли из города Шадринска в город Челябинск, оставив привезенные подарки в количестве 120 пудов на хранение в местной транспортной конторе братьев Каменских»¹⁰⁹.

Как бы там ни было, но в силу «распыленности» пленников и отдаленности мест их пребывания «одарить» всех их теми или иными благами иностранные

¹⁰⁸ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 166.

¹⁰⁹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 67. Л. 5, 5 об. О схожей ситуации см.: Идрисова Э.С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1922 гг.: дисс. ... к.и.н. Оренбург, 2008. С. 111–112.

делегации не могли физически. В этой связи их деятельность в России, равно как и удаленная помощь из-за рубежа, не могут рассматриваться иначе, как тактика малых дел, имевших в первую очередь моральное значение, а также как символ доброй воли российских властей, которая, однако, была не такой уж и доброй¹¹⁰. «...Его Императорское Величество Государь Император, допуская возможность шпионажа со стороны посещающих Россию германских и австро-венгерских сестер милосердия, тем не менее, изволил полагать, что сравнение ими мужественного настроения в России с подавленным в их странах может принести пользу», — подчеркивалось в августе 1916 г. в переписке Российского общества Красного Креста и Совета Министров, ясно свидетельствовавшей об исключительно практическом, утилитарном видении российской администрацией любого гуманитарного сотрудничества¹¹¹.

«Австрия послала в Сибирь нескольких графинь, старую знать, живое напоминание о феодализме, и когда одна такая графиня пришла в бараки для военнопленных, она привезла и рядовым, и офицерам, — о да, она привезла им всем, — "приветствия от имени Его Величества, нашего Императора и Короля, духовенства и дворянства", а сверх того — австрийскую атмосферу ("Heimatliche Luft")¹¹². Как рады они были! Особенно, когда графиня раздала каждому по целому рублю, а тем, кто был из Радецкого кавалерийского полка, — по два, потому что ее кузен служил офицером в этом полку. Она отведала за офицерским

¹¹⁰ См. об этом: Жизнь военнопленных в Сибири // Правительственный вестн. 1916. 5 февр.; К осмотру лагерей военнопленных австрийцев // Правительственный вестн. 1916. 12 янв.; Отчет по исследованию положения военнопленных в городах Нижнем Новгороде и Царицыне члена Совета Центрального справочного бюро о военнопленных Ю.С. Кауфмана // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 1. С. 84–154; Пленные в Нижнеудинске // Правительственный вестн. 1916. 14 дек.; Пленные в ските Михайловском // Правительственный вестн. 1916. 25 окт.; Положение военнопленных в Ачинске // Правительственный вестн. 1916. 26 июля; Положение военнопленных в Оренбурге // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 2. С. 652–660; Положение военнопленных в Самарской и Оренбургской губерниях и Туркестанском крае // Правительственный вестн. 1916. 17 дек.; Положение военнопленных в Сарапульском уезде // Правительственный вестн. 1916. 2 сент.; Положение военнопленных в Томске // Правительственный вестн. 1916. 11 февр.; Содержание военнопленных в Орловской и Воронежской губерниях // Правительственный вестн. 1916. 15 дек.; и др.

¹¹¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1081. Л. 16 об.

¹¹² Ветер с отчизны (нем.).

столом самые лучшие блюда, которые только мог бы приготовить хороший венский повар. Но чем питались рядовые солдаты, она не узнала, поэтому, вернувшись домой, доложила, что с пленными в Сибири обращаются хорошо, — наш читатель может представить, как рады были военнопленные, когда они узнали об этом докладе. Ведь на самом деле они не были богаты, а обращались с ними плохо; они, будучи пленными, не рассчитывали на многое, но не получали даже необходимого», — как нельзя более точно описывал ситуацию с подарками для пленных американский миссионер Й. Принс¹¹³.

Стоит ли удивляться, что далеко не все узники войны были склонны «романтизировать» прибывавших в Россию делегатов по образу и подобию Э. Двингера, известного своим дневником военнопленного «Армия за колючей проволокой»¹¹⁴. Один из документов эпохи, в частности, фиксировал, что военнопленные в Тюмени остались крайне «недовольны распределением денег, оставленных сестрой (получили нижние чины по 2 рубля, унтер-офицеры — по 10 рублей, офицеры — по 25 рублей), ведь человеколюбивое общество знает только человека независимо от его чиновных различий»¹¹⁵. Жалуясь на избирательную помощь посетившей зимой 1916 г. Томский лагерь графини Ревертеры фон Саландры, обделившей своим вниманием пленных чехов, последние пришли к заключению, что её миссия в Россию и вовсе имела «преимущественно целью разузнать настроение пленных славян для подлежащих затем сообщений в Вене», но не более того¹¹⁶. Военнопленный Франтишек Шлегорф, памятуя об этом или каком другом визите, в декабре 1916 г., не стесняясь в выражениях, писал: «В прошлом году на Рождество приезжала эта проститутка и привозила подарки только немцам и мадьярам. Нам, чехам, царь

¹¹³ Prins J.W. Life in Siberian prison camps // Scribner's magazine. Vol. LXIV. № 6 (Dec., 1918). P. 695–705. Цит. по: Вебер М.И., Суржикова Н.В. «Им не досталось ни славы, ни почестей»: Очерк сотрудника YMCA о судьбе военнопленных на Востоке России. 1918 г. // Исторический архив. 2014. № 3. С. 126–141.

¹¹⁴ См.: Двингер Э. Армия за колючей проволокой: Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004. С. 173–174 и др.

¹¹⁵ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 159.

¹¹⁶ См. об этом: Жалоба пленных чехов // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 2. С. 660–663; Жалоба пленных чехов // Правительственный вестн. 1916. 7 февр.

Франц ничего не послал, потому что, по ее словам, мы плохо воевали и не заслужили царского внимания. Потом эти же подарки были перепроданы нам же немцами и мадьярами за полцены»¹¹⁷. Не менее критично пленные оценивали распределение гуманитарной помощи из-за рубежа российскими властями, также далеко не беспристрастными: «...Из привезенного делегацией Красного Креста платья и белья нам, полякам, ничего не достается: если кто хочет поступить в добровольцы, только тому и дают»¹¹⁸.

«Разные есть комитеты и шумливые они носят клички, но много там только хороших слов, а дела — никакого»¹¹⁹, — постулировал очевидец, тем самым подтверждая, что с гуманитарными миссиями или без них потребление в пространстве российского плена оставалось редуцированным. Больше того, поскольку система нормирования «предложенных» военнопленным благ и услуг развивалась по пути минимализации издержек, потребление это зримо деволюционировало из лимитированного в деградированное. Его деградация в условиях навязанной войной деградации потребительского рынка в целом была, однако, неизбежна. А потому позиционирование вражеских военнослужащих как несчастных жертв целенаправленно жесткой политики было бы не совсем корректно, тем более что виктимологическое поведение, как будет показано ниже, не стало доминантой их деятельностных стратегий. Оно навязывалось извне, в чем российские власти признавали сами: «...Как установлено неоднократно расследованиями, причиной побегов военнопленных во многих случаях являются невозможные условия их существования на местах работ по непригодности в гигиеническом отношении отведенного для их проживания помещения, недостатку и недоброкачеству выдаваемой им пищи, что вызывает среди них большую заболеваемость и, наконец, суровое, доходящее до истязания обращение с ними»¹²⁰.

¹¹⁷ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 319.

¹¹⁸ Там же. Л. 290.

¹¹⁹ Там же. Л. 210.

¹²⁰ ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 2065. Л. 97.

Светлым пятном на этом фоне было положение пленных офицеров, в котором, по словам А. Рахамимова, отразилось иерархическое мышление XIX в. с его огромным разрывом между офицерами и солдатами¹²¹. Действительно, будучи привилегированной элитой среди пленников, избавленной от обязанности трудиться, офицеры могли рассчитывать на отдельные и комфортные помещения, денщиков и денежное содержание в 50–100 рублей в месяц, которого хватало на питание, вызывавшее зависть обывателей, приобретение книг и фотоаппаратов, посещение музеев, катание на лодках и даже оплату услуг интимного характера¹²². Обер-лейтенант Франц Ценгер, живописуя будни военнопленных офицеров в Томске, писал: «Спокойно и тихо проходят дни. Встаем поздно, завтракаем: хороший чай, молоко и прелестный белый хлеб. До обеда заканчиваем свой туалет. Обед очень хороший из трех блюд, платим за обед 18 рублей в месяц, очень дешево. После обеда урок французского, потом корреспонденция, около 3 часов чай с 2–3 соляными печеньями, после чая — прогулка, в ½ 7 ужин, после ужина в праздники концерт, любительский спектакль, лекции на разные темы, в ½ 11 — спать»¹²³.

Для пленных офицеров в с. Верхние Муллы Пермской губернии теннисные корты и кегельбан, театры и библиотеки, университеты и курсы, в отличие от сибирского Красноярска или забайкальской Березовки, были не доступны, но жизнь пленных офицеров здесь, вероятно, также контрастировала с жизнью пленных нижних чинов¹²⁴. К 1917 г. ситуация, однако, изменилась, в связи с чем в своем письме на родину кадет Р. Вернер сыронизировал: ««...Мы нашли, что хлеб из отрубей гораздо питательнее пшеничного. ... Советую вам также не есть мясо. Мы так и делаем и

¹²¹ См.: Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 97–99, 123.

¹²² См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 132–133 об., 155–156 об., 193, 194, 199 об, 219–219 об.; Ф. 146. Оп. 1. Д. 83. Л. 57; Пермская жизнь: Покупка книг пленными офицерами // Зауральский край. 1915. 21 мая; и др.

¹²³ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 281.

¹²⁴ См.: Yanikdag Y. Ottoman Prisoners of War in Russia, 1914–22 // Journal of Contemporary History. Vol. 34. № 1 (Jan., 1999). P. 76–77.

чувствуем себя на картофеле гораздо лучше, чем с жарким. Колбас и яиц мы также не едим. Вообще много есть, в особенности много масла и сахара, очень вредно. Я уже с декабря масло не ем. Разумеется — для здоровья»¹²⁵.

Так или иначе, примеров обустроенного быта пленных офицеров явно недостаточно, чтобы опровергнуть вывод западной историографии о катастрофическом положении военнопленных в России¹²⁶. Даже деревня, где сам факт приближенности условий жизни пленников к условиям жизни местного населения, казалось бы, гарантировал более или менее приемлемый уровень потребления, являла весьма противоречивые репродукции плена. «В деревнях занимаемся хозяйством, а в праздники ходим в лес по ягоды или ловим рыбу», «...Люди здесь очень добродушны, дарят нам молоко, хлеб, сало и т.п. Столько молока, как в это лето, я отродясь не пил...», «Зимовать будем в деревне, здесь лучше кормят, чем в бараках», — характеризовали деревенское житьё одни пленные, тогда как другие писали: «Питаемся хлебом и чаем без сахару, молоко крестьяне сдают на завод, мясо и яйца продают на рынках, есть нечего», «Жить у крестьян — одно мученье: непосильная работа, ничтожное вознаграждение, скудное питание», «...Работа тяжелая, пища совсем плохая, о русский хлеб зубы сломаешь»¹²⁷.

Всех же хуже дело обстояло на заводских работах, а тем паче на рудниках и лесозаготовках, в случае с которыми Урал только подтверждал свою репутацию «негостеприимной, враждебной человечеству области»¹²⁸. Картины плена здесь рисовались исключительно мрачными, причем рисовались людьми, которых трудно заподозрить в сгущении красок. Так, камышловский уездный воинский начальник, познакомившись с бытом военнопленных в Юшаловском лесничестве

¹²⁵ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 387.

¹²⁶ См., к примеру: In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse osterreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg. S. 260–261; Nachtigal R. Die Murmanbahn. Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen; Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 104–106; Sanborn J. Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I // The Journal of Modern History. Vol. 77. № 2 (June 2005). P. 323; и др.

¹²⁷ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 109, 201, 226, 249, 280, 288, 380.

¹²⁸ Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am Main, 2005. S. 31.

Пермского управления земледелия и государственных имуществ, констатировал в 1916 г.: «... Довольствие плохое, чая, сахару не дают, вместо коровьего масла получают подсолнечное, дача мяса уменьшена на десять фунтов с пуда. При 14-часовом рабочем дне пленные получают обед в пять часов утра и не имеют пищу до 7 часов вечера, оставаясь голодными в продолжение всего дня... Помещение, заключающееся в землянке, совершенно не приспособлено для продолжительного жилья, чрезмерно тесно для находящихся в ней 100 человек, землянка темная, глубоко в земле, сырая, холодная, вентиляция плохая, соломы для подстилки не имеется... Медицинская помощь поставлена слабо, для всех военнопленных в лесничестве имеется только один фельдшер, кроме того в две недели раз приезжает нанятый частный фельдшер...»¹²⁹

Теме безобразных условий содержания пленников от начала и до конца оказался посвящен отчет К.И. Малаховской, делегированной на Урал во второй половине 1917 г. благотворительным обществом «Скорпомощь». В документе, отражавшем результаты настоящей поездки, в частности, отмечалось: «В Богословском горном обществе работает от 26 до 28 тыс. военнопленных. Из этой громадной цифры только незначительный процент нашел работу на фабриках и в промышленных учреждениях Надеждинских и Богословских, где условия жизни военнопленных сравнительно сносны. Большая же часть военнопленных работает в лесничествах по рубке и перевозке дров или в каменноугольных и рудниковых копиях. Нет возможности описать, нет слов, чтобы представить крайне тяжелое положение этих несчастных, невинных жертв... Пленных систематически лишают таких продуктов, как сахар, чай, мясо или выдают им оставшиеся продукты после удовлетворения местных жителей. Благодаря этому по показанию администрации округа пленные в некоторый районах не получали хлеба в течение 9 дней...»¹³⁰. Экспонируя факт ощутимой дистанции между условиями содержания узников войны в различных «отделах» одного и того же предприятия, настоящий документ не просто отражал

¹²⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 87. Л. 70.

¹³⁰ ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 12.

специфику места и времени, но и фиксировал общую специфику российского плена, среди проявлений которого сомнительность навязанного пленным иностранцам «пансиона» стала едва ли не общим местом. Злого умысла в этом, однако, не было, что в конце концов признал даже Международный комитет Красного Креста в Женеве: «...Общее впечатление, вынесенное нами от осмотра виденных нами лагерей военнопленных, сводится к тому, что громадные старания были приложены для осуществления благоустройства лагерей военнопленных в России. Дефекты, которые нам пришлось констатировать, происходят отчасти от местных условий, отчасти от неблагоприятных обстоятельств или от непредвиденных затруднений. Мы должны заявить, что мы нигде не встретили недоброжелательных намерений относительно военнопленных...»¹³¹. Выводы краснокрестных миссионеров подтверждали, что характерно, и сами пленники, один из которых, в частности, подчеркивал: «Многое в русском плену нелепо даже не по злой воле, а просто по русскому неумению организовать дело. Нас сорвали с работ, где мы ни в чем не нуждались, и заперли в казарму, где мы бездельничаем, голодаем, холодаем, ... сидим без одежды и обуви, пропадаем от скуки...»¹³². Что же касается работ, то здесь все было не так просто, и даже там, где пленные действительно ни в чем не нуждались, их подневольный труд эффективного производства отнюдь не гарантировал.

3.2. Плен в системе производственных практик

Антирекорды производительности труда военнопленных стали неприятным сюрпризом буквально для всех работодателей. Уже первый опыт приобщения пленных к общественно полезному труду, — а первыми, как отмечалось выше, пленных рабочих получили местные самоуправления (см. гл. 2.1), — доказал, что предприятие это сомнительное. Уже 26 сентября 1914 г. газета «Зауральский край» корреспондировала из г. Тюмени Тобольской губернии: «Наблюдающие за

¹³¹ Отчет делегации Международного Комитета КК в Женеве по осмотру лагерей военнопленных в России // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 4. С. 1245–1247. См. полный текст: Rapport de MM. F. Thormeyer et Dr F. Ferrière sur leur visite aux camps de prisonniers en Russie, octobre 1915 à février 1916. Geneve, 1916.

¹³² ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 163–164.

работой военнопленных на городском валу и в других местностях приходят к убеждению, что пленные работают вяло, можно сказать совсем плохо. То, что отработают 1200 человек пленных в день, 100 наших платных рабочих сработают в день, даже больше»¹³³. Вскоре в малопроизводительности несвободного труда убедились и самоуправления Пермской губернии. Так, власти Екатеринбурга весной 1915 г. вынуждены были признать, что «военнопленные, работающие на подготовительных работах по устройству мостовых, особенного рвения не проявляют и работают средне»¹³⁴. Соучастие вражеских военнослужащих в возведении двух земских школ в поселке Верх-Исетского завода также обнаружило, что «работа пленных далеко не продуктивна»¹³⁵.

Привлечение пленников к посевной и уборочной кампаниям 1915 г. не порадовало и местных аграриев, подсчитавших, что результативность подневольного труда вражеских военнослужащих оказалась «вдвое и более меньше нормальной для данной местности»¹³⁶. Факт необязательной продуктивности подневольного труда зафиксировало и ведомство железных дорог, использовавшее пленных на земляных, каменных, плотничных и прочих работах: «Для земляных работ по сравнению с трудом русского рабочего почти все строительные администрации отмечают наименьший успех, колеблющийся от 33 % до 85 % успеха русского рабочего, а в среднем составляющий 58 % этой единицы. В отношении работ каменных и плотничных вообще замечается больший успех, в среднем для тех и других 66 %. Наилучшие результаты относятся к последней категории: в среднем 96 % успешности русского рабочего, при чем слесаря, кузнецы, кочегары, машинисты, электротехники и токари-военнопленные работали с той же успешностью, как и русские рабочие (100 %); особенным успехом отличался труд военнопленных по балластировочным работам, давший по работам по нагрузке 133 % успешности»¹³⁷.

¹³³ Пленные в Тюмени // Зауральский край. 1914. 26 сент.

¹³⁴ Военнопленные на работах // Уральская жизнь. 1915. 9 мая.

¹³⁵ Военнопленные-рабочие // Зауральский край. 1915. 21 мая.

¹³⁶ Осинское собрание. Полевое хозяйство фермы // Пермская земская неделя. 1916. 27 марта.

¹³⁷ Баталин А. Труд военнопленных на постройке железных дорог. Пг., 1915. С. 6–7.

Ситуация на заготовках древесного топлива, где использовалась большая часть уральских пленников, была куда менее оптимистичной. «На лесных работах десятков пленников сделает лишь столько, сколько 2–3 русских рабочих. Поэтому нецелесообразно в благополучном исходе лесных заготовок полагаться исключительно на работу военнопленных», — констатировало в ноябре 1915 г. руководство Николае-Павдинского горного округа¹³⁸. Менее категорично об эффективности труда бывших вражеских военнослужащих отзывалась администрация Ревдинского горного округа. Но и она признавала, что рубщик леса из числа пленников иностранцев летом заготавливал максимум 5 куб. саж. дров в месяц и не более 4–4,5 саж. зимой, в то время как русский рабочий стабильно выдавал не менее 7 куб. саж. ежемесячно независимо от времени года¹³⁹.

Никаких иллюзий труд поверженных вражеских военнослужащих не оставил и у руководства Алапаевского, Богословского, Гороблагодатского горных округов, приобщивших пленников в том числе и к заводским работам¹⁴⁰. Так, 4 июля 1915 г. заведующий доменным цехом Надеждинского завода обратился к директору завода барону Е.А. Таубе с такой запиской: «При сдельных работах военнопленные зарабатывают значительно меньше русских. Так, при выгрузке руды из вагонов военнопленный разгружает в два-три раза меньше русского, причем в столько же раз уменьшается его заработок по сравнению с заработком русского.

(Взятая для примера разгрузка руды, коп.):

Число июня	Заработок русского	Заработок военнопленного	Число июня	Заработок русского	Заработок военнопленного
3	104	43	18	200	64
5	193	62	19	119	57
6	148	77	20	110	64
9	183	48	21	146	80
10	131	66	22	160	71
11	133	89	23	190	72
12	196	111	24	156	79
13	138	80	25	169	84
15	177	84	26	209	74
16	168	59	27	180	75
17	142	67			

¹³⁸ ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 428.

¹³⁹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 964. Л. 191.

¹⁴⁰ См.: ГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 77. Л. 69, 70 об.; и др.

При поденных работах военнопленные работают гораздо медленнее русских, что вызывается отчасти отсутствием того старания, которое замечается у русских. Приходится ставить лишних, вместо 12 русских на откатке чугуна, например, приходилось 14–16 австрийцев»¹⁴¹.

Окончательно разочаровываться в интеграции вражеских военнослужащих в трудовые процессы уральские предприниматели, однако, не торопились, списывая невысокую отдачу принудительного труда на дефицит специалистов, востребованность которых резко возросла. «Суконная фабрика Владимира Петровича Злоказова не имеет возможности использовать данное ей разрешение на отпуск из Перми ста пленных за неимением там знакомых с текстильным делом. Здесь среди пленных имеются специалисты, поэтому Уральский военно-промышленный комитет просит разрешить фабрике Злоказова получить для работ сто пленных в Екатеринбурге постепенно, по мере появления в составе пленных специалистов, необходимых фабрике», — телеграфировали из Екатеринбурга в Казань 26 октября 1915 г.¹⁴² Дошло даже до того, что от полученных пленных за их «неприспособленностью» к работам некоторые предприятия просто отказывались, наивно полагая, что военное ведомство войдет в их положение и изыщет более подходящие для того или иного производства трудовые ресурсы. Но коль скоро рынок труда и торгуемые на нем блага минимизировались день ото дня, от разборчивости местных хозяйственников скоро не осталось и следа, а уходивших нарасхват пленников решено было обучать необходимым навыкам на местах. С этой целью весной 1916 г. главное лесничество Богословского горного округа, к примеру, признало необходимым прикрепить к каждому 100 пленным особого «пилоправа» с окладом 30 рублей в месяц. Осенью 1916 г., помимо «пилоправов», в лесничествах «завели» еще и специальных «указателей по рубке», избравшихся из местных рабочих-зырян. Но ставка на «повышение квалификации» пленных так себя и не оправдала, и причина тому была не только

¹⁴¹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 245. Л. 219–219 об.

¹⁴² ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 97.

в них. «Большинство лесничих, пользуясь трудом военнопленных, вырубает наиболее плохие участки леса с небольшими запасами на десятине, которые при нормальных условиях работы русскими и в особенности зырянами обыкновенно избегались, что конечно, также отразилось на продуктивности работы пленных», — констатировалось в одном из документов¹⁴³.

Другие предприятия края также быстро охладели к идее прививания пленным тех или иных специальных знаний и умений, причем не только потому, что грустной статистики подневольного труда их отсутствие не объясняло. Администрация Кизеловских копей князя С.С. Абамелек-Лазарева 4 декабря 1917 г. сообщала в Петроград, уполномоченному по иностранным рабочим, что для «инструктирования пленных приходится брать русских забойщиков, которых мало на копях, чем ослабляются самые продуктивные забои, и чем больше будет на копях пленных, тем слабее будет ядро русских забойщиков»¹⁴⁴.

На этом фоне все отчетливее и отчетливее вырисовывался тот факт, что низкая производительность труда пленников была прямым следствием не столько их «профнепригодности», сколько введения весьма странной системы оплаты их труда. Прежде всего в этом убедилась администрация казенных и общественных предприятий, где, согласно высочайше утвержденным 7 октября 1914 г. «Правилам о порядке предоставления военнопленных, для исполнения казенных и общественных работ, в распоряжение заинтересованных в том ведомств», никакого материального вознаграждения за труд пленных не полагалось¹⁴⁵. Убедившись в нежелании обезоруженных вражеских военнослужащих работать исключительно за миску супа или каши, Совет министров в марте 1915 г. несколько откорректировал норму закона, предписав: «... Производимые военнопленными работы оплате вознаграждением не подлежат. Сим, однако, не

¹⁴³ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 6.

¹⁴⁴ ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 254. Л. 70.

¹⁴⁵ См.: Правила о порядке предоставления военнопленных, для исполнения казенных и общественных работ, в распоряжение заинтересованных в том ведомств // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. 29 мая. № 150. Ст. 1162.

исключается права ведомств и учреждений, в распоряжение коих поступят военнопленные, производить военнопленным денежные выдачи, в целях поощрения их к более усердному труду, в размерах, соответствующих производительности труда каждого военнопленного рабочего»¹⁴⁶. В середине 1915 г. Военный совет, имея в виду пленных, занятых на работах военного ведомства, конкретизировал: «Установить, на время настоящей войны, выдачу поощрительного вознаграждения военнопленным за усердный труд при исполнении ими разного рода производимых по военному ведомству работ, в размерах по усмотрению местного окружного начальства подлежащих военных округов, сообразно местным условиям и производительности труда каждого пленного, однако в пределах не свыше 10% существующей в данной местности стоимости дневного труда для данной категории работ»¹⁴⁷.

Однако введение в действие настоящих документов никаких скрытых резервов производительности труда пленных иностранцев не обнаружило. «Опыт и практика ... показали, что успешности и продуктивности работы военнопленных возможно было достичь только единственным способом — выдачей им наличного содержания от 20 коп. до половины заработка — 30 коп. в день на человека, ибо при работах на полном казенном содержании военнопленные были не в состоянии заработать даже своего содержания, за ними требовался в ущерб заводскому хозяйству усиленный надзор, который также не обеспечивал необходимой продуктивности их труда», — указывал горный начальник Камско-Воткинского горного округа в отправленном 31 июля 1915 г. в Уральское горное правление рапорте, под которым, очевидно, могли подписаться руководители всех казенных предприятий¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Дополнение статьи 13-й Положения о военнопленных // Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. Изд. 2-е. Пг., 1917. С. 26.

¹⁴⁷ О выдаче поощрительного вознаграждения военнопленным за усердный труд при исполнении ими производимых по военному ведомству работ // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. 3 нояб. № 314. Ст. 2320.

¹⁴⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 90–90 об.

Вслед за ними по пути «монетизации» своих трудовых отношений с военнопленными вынуждены были пойти и местные самоуправления, быстро убедившиеся в бесперспективности соблюдения буквы закона¹⁴⁹.

В конце концов практически все казенные и общественные производства в своих расчетах с пленниками переориентировались на преподанные в марте 1915 г. «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», один из пунктов которых требовал: «Просимые частными предприятиями военнопленные могут быть им предоставляемы исключительно для работ за плату, размеры коей устанавливаются предприятиями соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ»¹⁵⁰. Очень скоро, правда, выяснилось, что применение ретроспективного документа само по себе успеха не гарантировало. С его повсеместным использованием местные хозяйственники не могли не обратить внимания на то, что результаты труда военнопленных находились в прямой зависимости от способа исчисления полагавшегося им вознаграждения. Обнаружив эту закономерность, газета «Зауральский край» сообщала об использовании пленных на каменно-тесных работах в районе Каменского чугуноплавильного и железоделательного завода и ремонте дорог в Шадринском уезде следующее: «Там, где работа была отдана сдельно, военнопленные проявили высокую работоспособность и получили заработок почти вдвое выше наших рабочих. Но там, где труд военнопленных применялся поденно, он оказался крайне непродуктивным»¹⁵¹. К тем же выводам пришел и заведующий военнопленными на Коноваловском (Усть-Сылвицком)

¹⁴⁹ См. об этом: Запрос на труд военнопленных // Зауральский край. 1915. 16 апр., Военнопленные-рабочие // Зауральский край. 1915. 21 мая; [Без названия] // Уральская жизнь. 1915. 5 июня; Важный вопрос // Уральская жизнь. 1916. 5 янв.; и др.

¹⁵⁰ Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы; Об изменении правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. 8 мая. № 134. Ст. 1048; О порядке возмещения из казны расходов на содержание и окарауливание военнопленных, привлекаемых на сельскохозяйственные работы // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. 22 авг. № 233. Ст. 1771; Б. В. Штюмер о расходах на военнопленных // Зауральский край. 1916. 16 июня.

¹⁵¹ Труд военнопленных // Зауральский край. 1915. 21 мая.

лесоразделочном заводе, заметивший, что пленные, организованные поотрядно или смешанным урочно-отрядным порядком, работали охотно и усердно, тогда как все поденные работы выполнялись ими «из рук вон скверно, требуя большего числа надзора»¹⁵².

В то время как казенные и общественные предприятия «переваривали» это неприятное открытие, в частнопромышленном секторе искали выход из создавшегося положения. На некоторых производствах, к примеру, в Верхнетагильском лесничестве Верх-Исетских заводов, от повременной оплаты труда вообще отказались, заменив ее прогрессивной. На других предприятиях, в частности, на Нижнетагильском механическом заводе, решено было «тем военнопленным, которые занимаются не сдельно, а исполняют постоянные работы, устанавливать за две недели вперед определенные нормы приплат»¹⁵³. В июле 1917 г. управление Нижнетагильского и Луньевского округов наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато, конкретизировало эти нормы, постановив тем военнопленным, которые отработают в месяц 22 и 23 поденщины, выплачивать премию в размере 20 коп. на каждую основную поденщину (1 руб. 60 коп.), отработавшим 24 и 25 поденщин — 40 коп., 26 и 27 поденщин — 55 коп., 28 и более поденщин — 70 коп.¹⁵⁴

Практически сразу было замечено и то, что эффективность труда вражеских военнослужащих лимитировалась бытовавшими в соответствии с девятым пунктом «Правил об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» вычетами в так называемый особый фонд, куда вплоть до мая 1916 г. переводилась вначале треть, а затем четверть заработка вражеских военнослужащих. В том, что отчисления в казну, мягко говоря, дестимулируют пленных, уральские хозяйственники убедились довольно быстро¹⁵⁵, организовав посредством Совета Съездов горнопромышленников Урала настоящую кампанию

¹⁵² ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 486.

¹⁵³ ГАСО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1128. Л. 15–16. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 30–30 об.

¹⁵⁴ См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 44.

¹⁵⁵ См., напр.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 245. Л. 219–219 об.

за разрешение большей свободы в расчетах с военнопленными. Ратуя за отмену особого фонда как такового, в июле 1915 г. представители региональной экономической элиты в пятый раз обратились в Министерство торговли и промышленности, а также Горный департамент, настаивая: «Необходимо во всяком случае принять во внимание, что в настоящее время на промышленность возлагаются очень крупные задачи по удовлетворению государственной обороны и что выполнить эти задачи без достаточного количества рабочих промышленность не может. Поэтому всякая мера, направленная к удовлетворению потребности промышленности в рабочей силе и повышению ее производительности, должна почитаться настоятельно в интересах обороны, которые в настоящее время должны стоять на первом месте»¹⁵⁶.

Пока же непопулярное в деловой среде решение правительства оставалось в силе, на местах искали действенный способ нейтрализации его последствий. Руководство Богословского горного округа, к примеру, не нашло ничего лучшего, чем посулить вражеским военным служащим следующие блага: «Управление предлагает объявить военнопленным, что тем из них, которые проявят себя исправными, производительными рабочими, общество гарантирует получение удерживаемой одной трети [заработка] лично ими при отъезде по окончании войны на родину, а потому эта треть будет считаться по их личному счету. Кроме того, разрешается покупка таким пленным через администрацию отделов предметов первой необходимости при недостатке на то остальных двух третей [заработка] так же и за счет первой трети»¹⁵⁷. Некоторые предприятия и учреждения, в частности, Ревдинские заводы и Екатеринбургская городская управа, просто воздержались от каких-либо переводов в казну, предпочтя им сохранение более или менее достойной оплаты труда военнопленных и «продержавшись» практически до отмены системы вычетов¹⁵⁸.

¹⁵⁶ См.: Доклад Совета XXI Очередному Съезду Горнопромышленников Урала о деятельности Совета Съездов за 1915 год. Пг., 1916. С. 27.

¹⁵⁷ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 228. Л. 33.

¹⁵⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 9–9 об.

Предшествовавший ее демонтажу циркуляр Министерства внутренних дел от 3 апреля 1916 г. засвидетельствовал, что глас уральских — и не только уральских — хозяйственников, наконец-то, был услышан: «Широкий опыт применения труда пленных на различного рода работах с несомненностью свидетельствует о том, что лишь при условии установления в пользу их платы, в достаточной мере соответствующей затраченному пленными трудом, последний является производительным»¹⁵⁹. Собственно же постановление об отмене вычетов в особый фонд увидело свет 28 апреля 1916 г., о чем газета «Уральская жизнь» в частности, написала: «По возбужденному Центральным военно-промышленным комитетом ходатайству о совершенной отмене 25 % вычетов из заработной платы военнопленных в специальный фонд на особо открытые счета подлежащих министерств, военным министром было сделано соответствующее сношение с министром иностранных дел. Военный министр, признавая со своей стороны осуществление упомянутого мероприятия настоятельно необходимым, просил согласия министра иностранных дел на изменение ст. 9 Правил 17 марта 1915 г. в следующем виде: "Просимые частными предприятиями военнопленные могут быть им предоставляемы исключительно за плату, размеры коей устанавливаются соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ. Означенную зарплату, за вычетом всех расходов предприятия, налагаемых на него настоящими правилами, предоставляется предприятиям по внесению в расчетную книжку каждого рабочего военнопленного, выдавать военнопленным на руки". С своей стороны министр иностранных дел С.Д. Сазонов не встретил препятствий к отмене в надлежащем порядке особого отчисления в специальный фонд, как не оправдавшему возложенных на него ожиданий. Таким образом, отныне вся заработная плата военнопленных, за исключением расходов, понесенных предприятием,

¹⁵⁹ ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. б/н.

в которых работают пленные на их содержание, одежду и проч., может быть выдаваема военнопленным»¹⁶⁰.

Увы, но и эта долгожданная новация искомой эффективности труда обездоруженных вражеских военнослужащих не принесла, да и не могла принести, поскольку ключ к решению проблемы низкой производительности труда пленников был зарыт совсем не там, где его искали. Порочным был прежде всего порядок, в соответствии с которым расходы, понесенные предприятиями на содержание военнопленных, списывались на их же счет. Не касаясь только медицинских услуг и в то же время парадоксально распространяясь на оплату пленниками перевозок, квартиры, охраны и даже стоимости «потребных рабочих инструментов»¹⁶¹, настоящий принцип оборачивался тем, что, прибегнув к труду вражеских военнослужащих, практически все производственники сразу оказывались в убытке. Так, Усольское окружное правление Пермского неразделенного имения графов Строгановых, «приобретя» в ноябре 1915 г. 100 военнопленных, подсчитало, что поездка за ними служащего А.И. Мингалева обошлась предприятию в 79,55 рубля, их транспортировка по железной дороге от станции Пермь до станции Солеварни — в 25 рублей, кормовые в пути — в 45 рублей, конвой (его проезд, покупка патронов, суточное содержание) — в 48,2 рубля, кашевар при кухне — в 2,4 рубля. Одновременно за приобретенные для пленных у фирмы Я.М. Кропачева в Вятке полушубки, валенки, рукавицы и их доставку было уплачено 1948,54 рубля. Стяженные брюки и бумазейные рубашки, закупленные у фирмы М.Л. Наравчиевича в Перми, стоили округу 656,7 рубля. 101,9 рубля было выплачено фирме С.Я. Денисова за носки и еще 70 рублей фирме А.С. Зорина за 100 шапок. На всяческую утварь — чугуны, котлы, чайники, лампы, кружки, ножи, топоры, коромысла, ложки, ведра, скалки, ковши и прочее — было израсходовано 148,67 рубля. На приготовление

¹⁶⁰ Отмена 25-процентных вычетов из заработной платы военнопленных // Уральская жизнь. 1916. 13 мая.

¹⁶¹ Там же.

квартир (печей, нар, отхожих мест и т.д.), подвоз воды, оборудование полок в хлебном амбаре, покупку керосина и свеч пришлось потратить 85,41 рубля, сверх которых еще 31,94 рубля было выплачено рабочим, готовившим помещения для военнопленных. 215,64 рубля ушло на покупку съестных припасов и табака.

Если прибавить ко всему вышеперечисленному стоимость услуг местных караульчиков (28,9 рубля) и доставки пленных и их багажа на лошадях (3 рубля), то общая сумма затрат округа на обустройство и обеспечение вражеских военнопленных составит 3917,22 рубля. Заработать же в ноябре 1915 г. пленные успели только 83,5 рубля, задолжав тем самым предприятию 3833,72 рубля¹⁶². В декабре 1915 г. общая сумма заработка пленников выразилась в 935,87 рубля, а расходы на их содержание в 1689,08 рубля, в связи с чем к началу 1916 г. задолженность вражеских военнопленных перед округом выросла, достигнув 4586,93 рубля¹⁶³.

Таблица 33

**Данные о зарплате и содержании военнопленных,
работавших на Верх-Исетском заводе с 1 февраля по 1 октября 1916 г.**

Месяц	Пленных, чел.	Общий заработок, руб.	Выдано припасов и разного удержания							Долг на 1 число следующего месяца, руб.	Долг в среднем на человека, руб.	
			Продовольствие, руб.	Квартира, руб.	Охрана, руб.	На повара и сапожника, руб.	Одежда и обувь, руб.	Со счетов подотчетных сумм, руб.	Выдано на руки, руб.			Всего, руб.
Февр.	116	2271,73	1028,20	56,60	94,0	67,8	965,00	0,0	343,21	2554,81	1724,14	14,9
Март	116	2154,99	900,42	68,55	90,0	62,0	601,54	0,0	409,55	2132,06	2199,64	19,0
Апр.	130	2100,25	1168,89	46,15	83,0	60,0	1146,97	0,0	430,70	2935,71	3056,46	23,5
Май	130	2303,75	1332,23	69,16	90,0	62,0	247,29	0,0	473,89	2274,57	3031,92	23,3
Июнь	141	2612,64	1262,29	28,30	69,0	60,0	125,69	0,0	945,64	2490,92	2779,98	19,7
Июль	264	5272,91	1931,83	82,64	125,0	78,0	342,50	56,0	2766,22	5382,19	2756,33	10,4
Авг.	264	8869,95	2864,73	147,82	180,0	93,0	662,30	385,0	3742,87	8075,72	2373,90	9,0
Сент.	265	8513,69	2901,14	91,66	171,0	90,0	436,90	115,24	4939,57	8745,51	1951,08	7,4

Источник: ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 813. Л. 1–114.

При этом иллюзии того, что затраты, вызванные приемом и обустройством пленников иностранцев, быстро окупятся, довольно скоро рассеялись. Вопреки ожиданиям, долги пленников превратились в переходящие и «кочевали» из

¹⁶² См.: ГАПК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–12.

¹⁶³ См.: Там же. Л. 19–19 об.

одной ведомости в другую, подрастая зимой и несколько сокращаясь летом (см. табл. 33–36). Если же военное ведомство неожиданно снимало вражеских военнослужащих с работ, то предприятие неизбежно оказывалось в ситуации обманутого вкладчика. В нее, к примеру, попал Каменский чугуноплавильный и железоделательный завод, управитель которого Л.В. Лесневский долго ломал голову над тем, кто теперь возместит затраты, произведенные на провоз, продовольствие и обмундировку 36 военнопленных, в феврале 1916 г. спешно отозванных с работ камышловским уездным воинским начальником и не отработавших долг в сумме 990,13 рубля¹⁶⁴. В соседней с Пермской Оренбургской губернии в таком же положении оказалась администрация Оренбургского лесного промышленного и торгового общества, где после внезапного снятия с работ 400 пленников вообще решили отказаться от их услуг¹⁶⁵. Спор о 200-тысячной задолженности пленников Коноваловского (Усть-Сылвицкого) лесоразделочного завода после его выведения из подчинения Гороблагодатского горного округа в 1916 г. заставил вмешаться в ситуацию Главного начальника Уральских горных заводов, который, однако, в деле примирения сторон не преуспел, поскольку ни одна из них принимать на себя долги иностранных рабочих не хотела¹⁶⁶.

Таблица 34

Задолженность пленных, работавших на предприятиях Кыштымского горного округа, по состоянию на 1 мая 1916 г.

	Число пленных, человек	Должны пленные за прошлый период, рублей	Максимальный персональный долг, рублей	Долг в среднем на человека, рублей
Соймановская долина	1593	42928,22	114,34	26,95
Верхнекыштымский завод	643	29041,75	125,6	45,17
Нижнекыштымский завод	5	125,36	57,86	25,01
Каслинский завод	297	16766,05	110,84	56,45
Нязепетровский завод	382	19266,11	116,61	50,43
Шемахинская лесная дача	89	6249,62	91,79	70,22
Всего по этим предприятиям	3009	114377,0	102,84	45,7

Источник: ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1192. Л. 1–44 об.

¹⁶⁴ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 291–291 об.

¹⁶⁵ См.: ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 83.

¹⁶⁶ См. об этом подробнее: ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 982. Л. 124–124 об., 129–130 об.

**Содержание и заработок военнопленных на предприятиях
Богословского горного округа за декабрь 1915 г.**

Отдел округа	Число пленных, чел.	В том числе должников, чел.	Общий заработок, руб.	Максимальная зарплата, руб.	Потрачено на содержание и выдано пленным на	Долг пленных за прошлый период, руб.	Долг пленных на 1-е января 1916 г., руб.	Долг в среднем на человека на 1 января 1916 г., руб.	Максимальный долг на 1-е января 1916 г., руб.	Должна контора на 1-е января 1916 г., руб.
Богословская каменоломня	30	28	2328,17	24,35	2981,79	580,52	791,14	26,37	65,95	184,0
Самский железный рудник	185	166	2804,62	92,25	3829,04	3469,2	4311,53	23,31	68,84	219,93
Экспедиция БГО	65	65	1685,75	42,75	2577,65	1412,65	2304,55	35,45	58,48	197,12
Богословский медеплавильный завод	112	112	1959,47	42,0	3178,7	7735,84	8949,94	80,0	144,28	0,0
Покровский железный рудник	159	138	2599,99	34,71	3244,68	1923,77	2581,80	16,24	47,51	115,11
Ауэрбаховский железный рудник	522	443	7222,94	46,25	8474,32	7475,88	8185,53	15,7	57,46	454,53
Никитинский медный рудник	49	49	968,81	32,40	1004,28	2421,72	2457,19	50,15	91,83	0,0
Богословский медный рудник	79	67	1858,62	56,07	1588,96	1531,25	1334,38	17,0	47,71	168,25
Флоровский медный рудник	55	52	1121,13	40,92	1263,89	2365,23	2509,99	45,6	82,27	111,76
Васильевский медный рудник	86	80	1549,09	30,50	2128,85	3716,73	4199,78	48,8	110,39	128,81
Воронцовский железный рудник	453	228	3966,23	48,22	5579,46	9242,53	8088,16	17,85	86,18	869,52
Богословская каменноугольная копь	369	352	8790,16	50,70	8471,08	8652,03	8382,0	22,72	60,59	149,79
Центральный магазин БГО	22	22	496,87	42,0	830,33	578,10	911,56	41,43	81,22	0,0
Химический завод	16	15	455,51	36,94	483,93	217,84	249,70	15,6	33,50	3,44
ИТОГО	2202	1817	37807,36	44,29	45636,96	51323,29	55257,25	25,1	74,0	2602,26

Источник: ГАСО. Ф. 45. оп. 1. Д. 997. Л. 22 об. — 32, 101 об. — 121, 209 об. — 213, 214 об. — 230, 313 об. — 329, 444 об. — 498, 719–724, 731–795, 799–854, 935–939, 960 об. — 966.

**Содержание и заработок военнопленных на предприятиях
Богословского горного округа, декабрь 1916 г.**

Отдел округа	Число пленных, чел.	В том числе должников, чел.	Общий заработок, руб.	Максимальная зарплата, руб.	Потрачено на содержание и выдано пленным на руки, руб.	Долг пленных за прошлый период, руб.	Долг пленных на 1 января 1917 г., руб.	Долг в среднем на человека на 1 января 1917 г., руб.	Максимальный персональный долг на 1 января 1916 г., руб.	Должна контора на 1 января 1916 г., руб.
Богословская каменноугольная копь	643	317	19255,07	139,65	19073,32	8408,03	8539,33	13,3	102,55	2917,55
Масловская выемка	109	29	1507,46	40,50	1896,09	1245,98	1686,74	15,5	106,82	187,58
Разведочный цех	19	3	450,84	48,45	473,71	97,16	93,68	5,0	39,92	289,84
Богословский медеплавильный завод	155	94	4919,71	102,17	4103,49	4270,29	3618,50	23,4	143,01	1111,99
Васильевский медный рудник	158	121	3848,16	77,0	3890,55	5822,64	5843,61	37,0	189,92	247,31
Богословская каменоломня	90	84	2023,11	51,59	2832,37	2830,23	2949,13	32,8	119,65	38,08
Никитинский медный рудник	77	72	1562,22	45,66	1577,53	6275,51	6273,20	81,5	160,13	17,52
Самский железный рудник	508	452	8263,6	173,30	10976,3	24734,37	27621,19	54,4	185,25	704,63
Центральный магазин БГО	117	84	3178,0	56,4	3221,28	2884,41	2739,02	23,41	122,28	247,86
Химический завод	35	15	3178,98	56,1	3453,21	492,74	540,05	15,43	87,65	693,99
Всего по указанным предприятиям округа	1911	1271	48187,15	79,08	51497,85	57061,36	59904,45	31,34	125,7	6456,35

Источник: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1098. Л. 44–144, 147–158, 164 об. — 167, 207–223,
240–253, 258 об. — 269, 271–279, 280–336, 350–369, 400 об. — 410.

Показательно, что в структуре непосильных долгов, скапливавшихся за пленными, основу составляли суммы, затраченные на приобретение одежды, обуви и белья. В этой связи в июне 1916 г. управляющий Богословским горным округом инженер С.С. Постников подписал циркуляр, гласивший: «Военнопленные должны быть снабжены на зиму за их счет теплым платьем. Предполагается заготовить на каждого стеганые пиджаки, такие же брюки, теплые шапки, пимы и погашать их стоимость равномерными удержаниями со времени выдачи по 1/5 заработка в месяц. Пленные, желающие получить полушубки, должны о том заявить теперь же и получают их только те, кто на них запишутся и изъявят согласие производить за них удержание, начиная с конца августа по 3 р. 50 к. до полной оплаты»¹⁶⁷.

Позже, когда стало ясно, что расчетливый план администрации предприятия по борьбе с ростом задолженности пленных не сработал, окружное руководство издало новое распоряжение, в соответствии с которым в погашение образовавшихся убытков из заработка вражеских военнослужащих надлежало вычитать «1/3 избытка сверх 60 копеек»¹⁶⁸. Но и эта попытка «реструктуризации» задолженности пленных успеха не имела, почему округ продолжал содержать большую часть своих иностранных работников «в кредит», как, впрочем, и другие предприятия региона¹⁶⁹.

Есть сведения, что после ликвидации особого фонда среднемесячного заработка занятого в лесничествах Богословского горного округа пленного (18,72 рубля) хватало на продукты (12 рублей), табак, спички, мыло и другие предметы первой необходимости (1 рубль), на ремонт одежды и обуви (0,4 рубля), на содержание охраны и повара (0,6 рубля), а также на скромное вознаграждение трудившемуся (4,72 рубля)¹⁷⁰. Как результат, несмотря на то, что с рационализацией системы оплаты труда число должников и средняя задолженность военнопленных перед

¹⁶⁷ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 222. Л. 13.

¹⁶⁸ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1041. Л. 1 об.

¹⁶⁹ См. об этом: ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1192; Ф. 72. Оп. 2. Д. 813; Ф. 643. Оп. 4. Д. 343; ОГАЧО. Ф. и-37. Оп. 1. Д. 150. Л. 60; и др.

¹⁷⁰ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 6.

предприятиями региона начали сокращаться, динамика их сокращения стремительностью не отличалась. Так, в течение года первый показатель по тому же Богословскому горному округу снизился только на 23,6 %, а второй — всего на 8,8 % (ср. данные табл. 35 и 36).

Меньше всего такая ситуация устраивала собственно военнопленных, которые, работая по 12 и более часов в сутки и получая при этом непропеченный хлеб или, скажем, негодное «платье», никак не понимали, куда уходят заработанные ими средства. А вот местные хозяйственники, похоже, воспринимали сложившееся положение как нормальное. И примирились с ним они потому, что между получаемой от труда пленных прибылью и тратами на их содержания со временем был найден вполне удовлетворявший производителей баланс, поиск которого не потребовал никаких экстраординарных экономических решений. Он начался тогда, когда норма, в соответствии с которой труд вражеских военнослужащих надлежало оплачивать на равных условиях с трудом местных рабочих, вызвала недовольствие последних. 18 июня 1915 г. уже упомянутый выше заведующий доменным цехом Надеждинского завода сообщил уже упомянутому директору завода барону Е.А. Таубе: «За последнее время среди рассчитывающихся рабочих очень большой процент составляют старые, опытные рабочие, которые свой уход из доменного цеха мотивируют ... совместной работой с военнопленными. До вчерашнего дня этих жалоб не поступало; вчера же впервые начали заявлять свое нежелание работать на одинаковых с пленными условиях, так как пленные работают во много раз медленнее, и поэтому нашим рабочим приходится заменять их своим трудом»¹⁷¹. Как результат, опасаясь серьезных кадровых потерь, и без того значительных в связи с войной, предприятия Среднего Урала одно за другим постепенно отказались от оплаты труда вражеских военнослужащих по «нормальной табели» (см. табл. 37).

¹⁷¹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 245. Л. 207.

Расценки труда пленных и русских рабочих, занятых на заводах Кыштымского горного округа, по состоянию на май 1916 г., рублей

Категория работ	Заработок военнопленных		Заработок русских рабочих		Максимальный заработок военнопленных к максимальному заработку русских рабочих, %
	От	До	От	До	
1. Верхнекыштымский завод					
Кузнецы, слесари, литейщики	1,2	3,0	1,2	4,5	66,6
Столяры, плотники	1,2	1,8	1,2	3,5	51,43
Каменщики	1,2	1,7	2,5	2,6	65,4
Рубщики дров	1,2	1,2	-	-	
Портные, сапожники	1,5	1,5	-	-	
Поторожные работы ¹⁷²	1,0	1,2	1,3	1,6	75,0
2. Нижнекыштымский завод					
Кузнецы, слесари	1,2	1,4	1,3	1,5	93,3
Столяры, плотники	1,4	1,65	1,65	2,5	66,0
Промывка катодной меди	1,6	1,6	1,6	1,6	100,0
Очистка катодной меди	1,4	1,4	1,4	1,4	100,0
При подвозе дров и на лошадях	1,4	1,4	1,4	1,4	100,0
Поторожные работы	1,0	1,0	1,0	1,0	100,0
3. Каслинский завод					
Рубщики дров	1,15	1,15	1,4	1,4	82,14
Кузнецы, слесари	1,15	1,15	3,5	3,5	32,85
Столяры, плотники	1,2	1,2	1,35	1,35	88,89
Каменщики	1,5	1,5	2,5	2,5	60,0
Портные, сапожники	1,0	1,0	-	-	
Поторожные работы	0,9	0,9	2,2	2,2	40,91
4. Нязепетровский завод					
Рубщики дров	1,5	1,5	2,2	2,2	68,18

Источник: ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1192. Л. 45.

В свое оправдание местные хозяйственники отмечали, что установленный законом порядок был бы не справедлив по отношению к «своим» рабочим, поскольку они, в отличие от пленных, тратят свой заработок не только на себя, но и содержат свои семьи¹⁷³. Это было одновременно и верно и неверно, поскольку русские рабочие, действительно тратившие свой заработок на себя и свои семьи, распоряжались им по собственному усмотрению, тогда как пленные иностранцы такой привилегии были лишены и едва ли хоть что-то понимали в бухгалтерии, связанной с оплатой их скромного труда и затратами на их скромное же содержание.

Ставшее правилом занижение расценок на труд военнопленных привело к тому, что их зарплата за вычетом расходов на содержание скорее походила на жалкую подачку, нежели на материальное вознаграждение, не вызывая у них

¹⁷² Т.е. временные работы.

¹⁷³ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1041. Л. 1.

никакого трудового энтузиазма. Однако наносимый тем самым «урон» производству вполне окупался за счет манипуляций работодателей с заработанными пленными иностранцами суммами, что стало для экономики плена делом обыденным. При этом то, как даже при самой низкой производительности труда пленным обеспечивалась его выгодность, не составляло секрета ни для гражданских, ни для военных властей. «...По имеющимся сведениям, некоторые промышленные предприятия расценивают труд работающих у них военнопленных ниже существующих цен, расходы же предприятия показывают в повышенном размере, в результате чего при расчете пленным не только не причитается чего-либо за производимые ими работы, но они оказываются в долгу у данного предприятия», — признавало Министерство торговли и промышленности в своем циркуляре от 7 декабря 1916 г., требуя «принять меры к урегулированию этого вопроса под угрозой в случае несогласия предприятий отобрания у них военнопленных»¹⁷⁴. В то же время чиновники военного ведомства констатировали: «...В отношении малой продуктивности работ военнопленных в переписке Штаба [Казанского военного округа — *Н.С.*] имеются намеки, что предприятия иногда просто эксплуатируют дешевый труд военнопленных, не обставляя их так, как то установлено существующими правилами. Бывали случаи, что при одинаковых работах (например, на рудниках) у разных работодателей, у одних являлись жалобы на малую продуктивность работы пленным, их задолженность предприятиям, и там же пленные жаловались на неполучение денег, тогда как у других на работу пленным жалоб не было, и сами пленные, по-видимому, были обставлены хорошо, жалоб не заявляли, задолженности их не было, и сами еще получали остаток заработной платы...»¹⁷⁵.

К вопросу о тарифном регулировании цен на труд военнопленных заставила вернуться Февральская революция 1917 г. 29 мая 1917 г. рабочие электрического цеха Лысьвенского механического завода, заслушав сообщение о начавшихся среди товарищей из других цехов протестов против назначения добавки к

¹⁷⁴ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1192. Л. 96–96 об.

¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 17, 17 об.

зарплате военнопленных, подчеркнули, что «такие возражения делаются неправильно», что здесь «налицо следствие той политики натравливания рабочих одной страны на рабочих другой, что это издавна служило в руках буржуазии надежным средством к укреплению ею своих позиций против рабочего класса»¹⁷⁶. Почин электриков Лысьвы поддержали рабочие ряда других предприятий края, в результате чего в июле 1917 г. решение об уравнивании зарплаты всех трудящихся, независимо от пола, возраста и национальности рабочего, а также военнопленных и ввозных рабочих, было зафиксировано в резолюции окружного Приуральского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о минимальной заработной плате. Но нормой оно не стало, поскольку центральные власти имели на этот счет особое мнение¹⁷⁷.

В середине 1917 г. по решению военного министра Временного правительства была осуществлена реорганизация системы оплаты труда вражеских военнопленных. 4 августа на места был разослан циркуляр за № 3727, согласно которому на руки каждый пленный мог получать теперь от 20 до 50 копеек за рабочий день в зависимости от продуктивности работ. Оставшаяся часть суммы за вычетом расходов по содержанию подлежала сдаче в доход казны¹⁷⁸. Одновременно генералом-квартирмейстером Штаба Верховного Главнокомандующего И.П. Романовским были даны следующие разъяснения по телеграфу: «На горнозаводских предприятиях Сибири, а равно и на многих других заводах, фабриках и коях местными рабочими организациями предъявляются категорические требования об установлении для работающих на предприятиях вражеских военнопленных одинаковой платы с русскими рабочими. В предупреждение могущих возникнуть отсюда эксцессов прошу разъяснить на местах через местные Советы солдатских, рабочих, а также крестьянских депутатов, что удовлетворение такого рода требований было бы в высшей степени несправедливым в отношении наших пленных страдальцев в

¹⁷⁶ Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. Т. II: 1917 г. (февраль–октябрь). Свердловск, 1927. С. 146.

¹⁷⁷ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 39. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 16–17 об., 27–28; Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. Т. II: 1917 г. (февраль–октябрь). С. 146, 149.

¹⁷⁸ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 81–82.

Германии и Австрии, каторжный труд которых вознаграждается ничтожной платой от 7 до 15 коп. в день при полной скудости пищевого и прочего довольствия. В случае установления у нас оплаты труда пленных наравне с русскими рабочими Германия и Австрия по окончании войны получили бы от нас не только 2 млн здоровых и вполне способных к труду граждан, но и более миллиарда рублей, скопленных ими благодаря непомерно высокой оплате их труда в России. К нам же взамен того Германия и Австрия вернут наших военнопленных в состоянии измождения невыносимой работой, голодом и тяжелыми лишениями...»¹⁷⁹.

Завуалированные патриотической риторикой претензии правительства на часть доходов, получаемых от трудового использования военнопленных, были расценены работодателями как прямая угроза их экономическим интересам. На состоявшемся 20 сентября 1917 г. заседании совещания горнопромышленников Урала было постановлено немедленно возбудить ходатайство об отмене настоящего распоряжения военного министра и сохранении до разрешения этого ходатайства прежнего порядка оплаты труда военнопленных. 5 октября 1917 г. свое несогласие с новой законодательной нормой выразило Главное управление по делам местного хозяйства, настаивавшее на консервации старой системы расчетов с пленниками, занятыми на сельскохозяйственных, земских и городских работах¹⁸⁰.

Предложенная военными властями новация в конечном итоге так и не прижилась, просуществовав лишь до 1 декабря 1917 г.¹⁸¹ Шансов прижиться у нее практически не было, поскольку, ставя под угрозу достигнутый было работодателями баланс между средствами, вложенными в пленных «на входе» и получаемыми «на выходе», эта, как и любая подобная попытка властей нарушить принцип «экстерриториальности» плена, лишала его всякого экономического смысла. При этом, сетуя на то, что труд вражеских военнопленных «в массе очень непродуктивен» и обходится «заводам много

¹⁷⁹ ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 133.

¹⁸⁰ См.: ГАПК. Ф. р-75. Оп. 1. Д. 42. Л. 207; ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 556. Л. 36, 37.

¹⁸¹ См.: Приказ Главного управления Генерального штаба № 20771 от 1 декабря 1917 г. // Приказы по Казанскому военному округу. Казань, 1917. С. 208.

дороже труда прочих рабочих»¹⁸², управление Богословского горного округа, как и многие другие предприятия, на самом деле не лукавило. Вместе с тем приложение калькулятивных способностей позволяло заработать на вражеских военнослужащих не только моральные проценты, чем, вероятно, и объяснялся тот азарт, с которым уральские хозяйственники сражались за сохранение уже полученных и приобретение новых партий пленников. Созданная же в пространстве плена бухгалтерия, связанная с исчислением затрат на потребление и результатов производства, если и отражала объективную реальность, то только в том смысле, что показывала — и показывает — нехитрый механизм, экономически оправдывавший практику использования принудительного труда пленных иностранцев в промышленности и на транспорте.

Проблема, правда, состояла в том, что курс на постоянное увеличение числа рабочих при одновременном падении качества выполняемых ими работ себя не оправдывал. Это, в частности, вынуждены были признать участники состоявшегося 10–24 сентября 1916 г. под председательством генерала А.З. Мышлаевского, главного уполномоченного по обеспечению империи чугуном, железом и сталью, совещания. Указывая на нехватку металла для нужд обороны страны, совещание констатировало, что в одном только Богословском округе за 9 месяцев 1916 г. в сравнении с 1914 г. не доплавлено свыше 2 млн пудов, «то есть 23,5 %, хотя общее число рабочих в округе возросло с 26 тыс. за 1914 г. до 33 тыс. в 1916 г., или примерно на 26–27 %»¹⁸³. «Еще в 1915 г. число военнопленных, например, у мартеновских печей, в качестве чернорабочих не превышало 3–4 %, ныне же на тех же печах, но уже на ответственных работах число их достигло 48–50 %, что и вызвало понижение в выплавке и количественно, и качественно», — характеризовали собравшиеся общее для российской металлургии положение дел¹⁸⁴.

Интеграция пленных в сельскохозяйственное производство также не решила задачи его иммунизации от сокращения производства. В 1916 г. средний посев на

¹⁸² ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 20. Л. 31 об.

¹⁸³ ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. Л. 446.

¹⁸⁴ Там же.

одно хозяйство Пермской губернии по сравнению с предвоенным уровнем сократился на 19,2 %, а площадь возделываемых земель на 8,5 %¹⁸⁵. К концу осеннего сева всезнающие газетчики подсчитали, что недосев озимых полей по России в целом в 1916 г. составил 2840 тыс. дес., и при среднем урожае ржи и пшеницы в 50 пуд. с десятины это грозило недобором 142 млн пуд. зерна. В сумме с недобором яровых общая цифра потерь должна была приблизиться к 300 млн пуд. зерна¹⁸⁶. Несмотря на то, что Министерство земледелия, как уже отмечалось выше (см. гл. 2.1), располагало самым крупным контингентом пленных иностранцев плюс 150–200 тыс. беженцев, по стране в 1916 г. было собрано, по разным оценкам, на 461–843 млн пуд. зерна меньше, нежели в 1915 г.¹⁸⁷ При этом ситуация с трудоиспользованием пленных здесь несколько отличалась от ситуации в промышленности и на транспорте, характеризуясь большей заинтересованностью государства в его оптимизации.

Заинтересованность эта выражалась, в частности, в том, что пленники, отправленные в деревню, могли рассчитывать хотя бы на частичное обеспечение за счет казны. В соответствии с «Правилами об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» издержки по их доставке, регистрации, распределению по дворам, «окарауливанию» и содержанию, понесенные земствами, должны были покрываться за счет 50-процентных вычетов из сумм, предложенных этими же земствами крестьянам в качестве «арендной платы» за пользование трудом пленников. Когда получаемых таким образом средств на компенсацию земских расходов не хватало, их часть в размере не более 10 рублей на работника возмещало государство, но только при двух условиях: если затраты на вражеских военнопленных ограничивались «крайней необходимостью» и если размер их заработной платы устанавливался на местах с таким расчетом, что она покрывала значительную часть оных затрат. При этом стол и одежду

¹⁸⁵ См.: История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 359.

¹⁸⁶ См.: Недосев хлебов // Пермская земская неделя. 1916. 25 сент.

¹⁸⁷ См.: Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). М., 1962. С. 95, 293; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 21; Погребинский А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические зап. 1950. Т. 31. С. 44; Хромов А.П. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. М., 1950. С. 416.

селяне должны были предоставлять работавшим у них пленникам сами и при том еще и выдавать им на руки другие 50 % от сумм, установленных земствами¹⁸⁸.

Пока «стоимость» пленников была ограничена 6 рублями в месяц, сельхозпроизводителей заведенный порядок трудоустройства вражеских военнослужащих вполне устраивал. Многие хозяева даже приплачивали пленным за работу, удостоверившись, что их труд «был прямо пропорционален размеру платы и отношению к ним»¹⁸⁹. Особенно раздольно жилось военнопленным, отпущенным Верхотурскому уезду. За использование вражеских военнослужащих на страдных работах семьи мобилизованных платили здесь по 40 копеек в день, а в прочих — по 80. Поэтому на руки каждый пленный получал не 10 копеек, как везде, а минимум 20, счастливицы же вообще могли рассчитывать на поденную плату аж в 40 копеек¹⁹⁰.

К слову сказать, в Центральной России, где значительная часть пленных оказалась на работах в крупных экономиях, ситуация развивалась по тому же сценарию, о чем в конце 1915 г. писал, в частности, один из латифундистов: «Дабы удержать работоспособность военнопленных на прежнем уровне, не прибегая ни к каким либо нежелательным репрессиям, я ввел у себя в некоторых случаях дополнительную плату. Так, например, лицам, сидевшим на жнейках-«лобогрейках» и сбрасывавшим целый день скашиваемый этими машинами хлеб, давалось, сверх обычной платы, по 25 коп. ежедневно; то же самое было сделано в отношении пленных, складывающих в скирды солому при молотье, таскавших мешки и выполнявших посев озими»¹⁹¹.

¹⁸⁸ См.: Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915 г. 12 марта. № 83. Ст. 715; Об изменении правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы // Там же. 8 мая 1915 г. № 134. Ст. 1048; О порядке возмещения из казны расходов на содержание и окарауливание военнопленных, привлекаемых на сельскохозяйственные работы // Там же. 22 августа 1915 г. № 233. Ст. 1771; Б.В. Штюмер о расходах на военнопленных // Зауральский край. 1916. 16 июня.

¹⁸⁹ Журналы Верхотурского уездного земского собрания 29 чрезвычайной сессии 1916 года. Верхотурье, 1916. С. 45.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Федоров Д.В. Использование труда военнопленных в России // Петроградские ведомости. 1915. 3 дек.

Первый тревожный для уральских аграриев звонок прозвенел в начале 1916 г., когда выяснилось, что пермское и верхотурское земства в результате найма пленников на полевые работы в 1915 г. понесли убытки, составившие соответственно порядка 400 и 900 рублей, возмещать которые государство не спешило¹⁹². Не долго думая, губернские и уездные органы ввели в систему регулярное повышение платы за пользование трудом военнопленных, которая с 1916 г. по 1918 г. последовательно увеличивалась до 7, 9, 10, 15 и 20 рублей в месяц. Постоянное «удорожание» пленников привело к тому, что плата за них превратилась в весьма обременительную, в связи с чем селяне просто засыпали волостные, уездные и губернские продовольственные управы и комитеты слезными письмами. Так, священник села Ольховского Шадринского уезда А. Борков, в частности, писал: «С 14 января 1916 г. по разрешению Шадринской земской управы живет у меня в услужении военнопленный австриец Стефан Васильев Ильницкий, за которого по условию с управой я с мая ... заплатил 32 рубля 50 копеек, на что имею квитанцию за № 239. С месяца мая и до половины октября 1917 г. этот же пленный Ильницкий, живущий у меня, просит меня, чтобы я за это время — пять с половиной месяцев — не посылал в управу 27 рублей 50 копеек, а отдал бы ему в виду его крайней нужды — покупки сапогов или ботинок, так как старые его сапоги пришли в ветхость, и я его нужду в обуви, а равно его бедности подтверждаю. Со второй же половины октября месяца 1917 г. заявил мне словесно военнопленный австриец Ильницкий, что будет у меня жить в услужении лишь при том условии, если я буду ему платить месячное жалованье все, не удерживая нисколько в уплату Шадринской управе, благодаря чему он и по сие время живет у меня. В виду всего вышеизложенного я почтительнейше прошу Шадринскую земскую управу в возможно непродолжительном времени написать мне: кому я должен отдать за время с 1 мая по 15 октября 1917 г. 27 рублей 50 копеек? Но я же еще со своей стороны осмелюсь надпомнить управе, чтобы она разрешила мне выдать их военнопленному австрийцу Ильницкому в виду его бедности и настоящего его критического положения»¹⁹³.

¹⁹² См.: ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 22; ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 130. Л. 28.

¹⁹³ ГАШ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 2932. Л. 14–15.

В то время как одна часть селян просила избавить их либо от обязательных отчислений в пользу управ, либо от расходов на пищевое и вещевое довольствие пленников, другая просто сократила или и вовсе переложила все финансовые затраты, связанные с трудоустройством военнопленных, на самих военнопленных. В результате к направляемым в местные органы власти слезным прошениям крестьян добавились еще и слезные прошения пленников. В октябре 1917 г., к примеру, отпущенные на земские работы в Каменский завод вражеские военнослужащие ходатайствовали: «Принимая во внимание, что мы уже уплатили по 7 рублей 50 копеек в сентябре месяце, а продукты потребления с каждым днем становятся все дороже и дороже и что на предстоящую зиму необходима теплая одежда, что стоит чрезвычайно дорого, убедительно просим Пермскую уездную продовольственную управу не брать с нас за следующие месяцы условных 7 рублей 50 копеек»¹⁹⁴.

Организованный отпор попыткам увеличить стоимость труда пленных иностранцев предприняли в 1917 г. Красноуфимское, Кунгурское и Оханское земства, требовавшие оставить старые и соответственно более низкие расценки в действии. Однако губернские власти были неумолимы, указывая, что снижение платы за пользование трудом военнопленных допущено быть не может, и если население отказывается ее вносить в кассу управ, то пленники будут немедленно сняты с работ и переведены в другой уезд¹⁹⁵.

Таблица 38

Задолженность крестьян Бакланской волости Шадринского уезда перед местным земством за пользование трудом военнопленных, сентябрь 1917 г., рублей

Пленный	Хозяин, пользовавшийся трудом пленного	Место жительства хозяина	Срок использования пленного на работах	Сумма долга, причитавшегося управе, рублей
Кузьма Тодор	Алешков Дмитрий	д. Бобылево	5 мая — 17 июня 1917 г.	7, 04
Цейшек Шандор	Рудаков Гаврила	д. Бобылево	14 апр. 1916 г. — 1 сент. 1917 г.	92, 77
Рейер Франц	Яков Прокопьев	д. Журавлева	14 апр. 1916 г. — 1 сент. 1917 г.	92, 77
Трайбер Пауль	Мокина Александра	д. Журавлева	14 апр. 1916 г. — 10 окт. 1917 г.	92,82
Киляр Станислав	Котельников Ермолай	д. Бобылево	17 апр. 1917 г. — 1 сент. 1917 г.	32,31
Кольмар Андрюш	Кленовских Емельян	д. Бакланское	23 нояб. 1916 г. — 1 сент. 1917 г.	56,19
Ковач Янош	Чечлокова Татьяна	д. Бакланское	18 окт. 1916 г. — 1 сент. 1917 г.	62,04
Козьма Тодор	Чечлокова Матрена	д. Бобылево	17 июня 1917 г. — 1 сент. 1917 г.	21,21

Источник: ГАШ. Ф. р-574. Оп. 1. Д. 5. Л. 135, 181–188.

¹⁹⁴ ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2. Л. 162.

¹⁹⁵ См.: ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2. Л. 151, 152; Д. 10. Л. 38, 162, 246.

Не взирая на эту угрозу, сельские общества продолжали придерживаться старых расценок труда военнопленных, отчисляя земствам ровно столько, сколько считали нужным, или же и вовсе воздерживаясь от каких-либо плат в их пользу. Образовавшиеся при этом за крестьянами долги (см. для примера табл. 38) взыскать было крайне затруднительно чисто технически, как, собственно, и отнять у них розданных для работ пленников. И все, что теперь оставалось делать земским органам, так это взывать к сознательности должников: «...Никакой отмены дополнительной платы за работы пленных не произошло, да и произойти не могло... Лица, позволяющие себе говорить, что плата отменена, и побуждающие других не вносить этой платы, совершают недопустимое нарушение порядка, а всякий беспорядок вреден и ведет к нарушению свободы граждан!...»¹⁹⁶

Опыт деревни тем самым подтвердил, что производственная составляющая экономики плена оправдывала себя лишь в случае хищнической эксплуатации пленных иностранцев, осуществляемой прежде всего посредством всемерной экономии на потреблении ими тех или иных благ и услуг, а также минимизации выплачиваемого им вознаграждения. Однако поставленные в такие условия военнопленные не только утратили всякий интерес к труду, но и не замедлили выразить свое отношение к указанной модели хозяйствования.

3.3. Контроль, подчинение и управление в пространстве плена

С тем, что «приглашенные» на те или иные работы вражеские военнослужащие, не обнаруживая особого рвения, были серьезной административной проблемой, промышленники и аграрии Среднего Урала свыклись довольно быстро. Что же действительно вызывало их крайнюю озабоченность, так это постепенно превратившиеся из редкого в заурядное явление отказы пленников от работ, массовизация которых угрожала экономике плена неминуемой гибелью. При этом та изобретательность, которую

¹⁹⁶ ГАСО. Ф. 351. Оп. 3. Д. 2. Л. 300–302. См. подробнее: Суржикова Н.В. Сомнительный эксперимент: трудоустройство военнопленных в аграрном секторе экономики Урала в 1915–1917 гг. // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: сб. статей. Вологда, 2010. С. 181–196.

демонстрировали пленные, обосновывая свое нежелание работать, искренне удивляла работодателей. Так, летом 1915 г. австрийцы Карл Рениш и Карл Шемиц наотрез отказались трудиться на том основании, что продукция Надеждинского завода шла на удовлетворение нужд армии, в то время как ст. VI Гаагской конвенции о военнопленных 1907 г. запрещала их использовать на любых объектах, связанных с военными действиями. В ноябре 1915 г. 109 пленных, направленных на рубку дров в Буткинское лесничество, не вышли из барачных бараков, ссылаясь на отсутствие у них теплой одежды. В декабре 1915 г. на одном из участков строительства Казань-Екатеринбургской железной дороги в Красноуфимском уезде преступное «брожение» среди пленных было вызвано скудостью выплачиваемого им, по их мнению, заработка. За неполучением чая, сахара и табака 27 февраля 1916 г. прекратили работу 450 военнопленных, определенных на лесозаготовки в Урминское лесничество Кунгурского уезда. В апреле 1916 г. вредное, по их мнению, производство стало причиной отказа от работ 9 пленников, занятых погрузкой угля для заводов Нижнетагильского горного округа. В июле 1916 г. 135 бывших военнослужащих 28-го и 88-го пехотных полков австро-венгерской армии, присланных из Ишима на Полазненский завод, категорически отказались работать, будучи уверены в том, что они, сдавшиеся в плен добровольно, работать не обязаны. 15 сентября 1916 г. 130 пленных с Койвенских рудников Лысьвенского горного округа заявили уряднику о своем намерении бросить работы под тем предлогом, что им не предоставляются выходные дни. В Каслях 300 военнопленных забастовали в начале марта 1917 г. от того, что вместо положенного им белого хлеба выдали черный¹⁹⁷.

С проблемой «отказников» столкнулись также руководство Верхотурского угольного склада, Смирновского рудника при Карабашском заводе, лесной дачи на Калтаевском кордоне в Красноуфимском уезде, Казань-Екатеринбургской

¹⁹⁷ См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 5–5 об.; Ф. 146. Оп. 1. Д. 95. Л. 168, 168 об., 428; ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84а. Л. 297–297 об., 341–341 об.; ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 245. Л. 172, 180. Ф. 123. Оп. 1. Д. 63. Л. 23; Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 109; Д. 275. Л. 96; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 907–908 об.

железной дороги, волостных продовольственных управ Пермского уезда, чугуноплавильного и литейного завода в Кушве, суконной фабрики В.П. Злоказова и каменоломни в Екатеринбурге, Майкорского лесничества под Соликамском, Егоршинских каменноугольных копей, Чермозского металлургического завода и многих других производств¹⁹⁸. Если прибавить к этому необозримый список побегов военнопленных, самым громким среди которых стал побег 33 человек с работ в Соймановской долине Кыштымских горных заводов¹⁹⁹, то становится понятным, почему кнуту и прянику, традиционно использовавшимся в отношениях предпринимателей с рабочими²⁰⁰, в случае с пленниками был безоговорочно предпочтен первый.

Какое-то время провинившиеся военнопленные в целях дисциплинирования сдавались военным властям²⁰¹, которые, однако, эта практика не устраивала, равно как и ведомства, заинтересованные в дефицитных рабочих руках: «При таком порядке Министерство торговли и промышленности, в распоряжение которого эти пленные были отпущены, лишается некоторого их количества. Между тем при существующей в настоящее время острой нужде в рабочих руках такие пленные, после наложенного на них наказания, могли бы быть с пользой обращены на работы того же или другого предприятия из числа подведомственных Министерству торговли и промышленности»²⁰².

В итоге было признано целесообразным передать права дисциплинарного воздействия на пленников местной гражданской администрации или, проще говоря, губернаторам. При этом совсем скоро стало очевидно, что семидневный арест, первоначально предусмотренный в качестве «вышей» меры наказания

¹⁹⁸ См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 275. Л. 97; Ф. 181. Оп. 1. Д. 5. Л. 12; ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21а. Л. 873–873 об.; Ф. 65. Оп. 5. Д. 165. Л. 8–9, 172; Ф. р-75. Оп. 1. Д. 42. Л. 353–354; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 100. Л. 151; и др.

¹⁹⁹ См.: ГАПК. Ф. 214. оп. 1. Д. 16. Л. 92–92 об.

²⁰⁰ См. об этом: Бородкин Л.И., Валетов Т.Я. Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В. Деловая культура российских предпринимателей в их отношениях с рабочими (конец XIX — начало XX в.) // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. 2008. № 4(14). С. 72–92; Они же. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010.

²⁰¹ См.: ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 311. Л. 147–147 об.

²⁰² ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.

военнопленных, должного эффекта не приносил. В этой связи в мае 1916 г. министры военных и внутренних дел по обоюдному согласию решили предоставить губернаторам в отношении «арестования» вражеских военнослужащих права командира полка, предусмотренные ст. 29 кн. XXIII Дисциплинарного устава Свода военных постановлений 1869 г. издания 1900 г. Теперь узников войны разрешалось через посредство полиции подвергать трем видам ареста — простому до одного месяца, строгому до 20 суток и усиленному до 8 суток. Больше того, «для усугубления наказания» предусматривался еще и смешанный арест на срок до 30 дней. Но и это было еще не все. В случае «крайнего упорства» со стороны военнопленных их теперь ожидало 3-месячное тюремное заключение, трактовавшееся как исключительная мера наказания и ставшее со временем обыденностью²⁰³.

Настоящая норма вступила в силу на фоне проходившего при Министерстве внутренних дел совещания губернаторов центральных российских губерний, участники которого, артикулировав арест военнопленных-«отказников» как «мертвую букву закона», предложили в качестве кары переводить провинившихся в разряд оштрафованных и даже применять к ним телесные наказания²⁰⁴. За это ратовал, в частности, тамбовский губернатор, находивший физические меры воздействия, а именно применение наказания розгами, «единственным средством отрезвления и вразумления военнопленных»²⁰⁵. Еще в конце 1915 г. примерно в том же духе высказался командующий войсками Казанского военного округа генерал А.Г. Сандецкий, требуя для пленных, отказывавшихся от работ, «самых репрессивных мер до расстрела включительно»²⁰⁶. До легализации столь кровавых мер дело, правда, не дошло, хотя «для профилактики» военное ведомство экстренно сообщило на места, что «телесное наказание

²⁰³ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 322–322 об.; Отказ пленных от работ // Утро России. 1917. 16 июня.

²⁰⁴ См.: Решение совещания губернаторов центральных губерний, май–июнь 1916 г. // Красный архив: Исторический журнал. 1929. Т. 2(33). С. 156–157.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84а. Л. 457.

²⁰⁶ ГАПК. Ф. 146. оп. 1. Д. 21а. Л. 46–47.

к провинившимся военнопленным ни в коем случае не применимо»²⁰⁷. Между тем сам факт вынашивания подобных замыслов красноречиво свидетельствовал о бессильной злобе властей, чьи руки оказались слишком коротки, чтобы достать и наказать пленников, рассеянных по многочисленным городам и заводам, бескрайним лесам и полям, затерянным рудникам и полустанкам.

Проблема «достать и наказать» и в самом деле имела место быть, в связи с чем Главное управление Генерального штаба по договоренности с министерствами внутренних дел и торговли и промышленности признало «желательным предоставить дисциплинарную власть над военнопленными» начальникам казенных горных округов. Этой сомнительной привилегии было удостоено руководство Гороблагодатского, Златоустовского, Камско-Воткинского и Олонецкого округов, Боёвского вольфрамового рудника и Сучанских каменноугольных копей, Каменского чугуноплавильного и железодельного, Коноваловского (Усть-Сылвицкого) лесоразделочного, Иркутского солеваренного и Пермских пушечных заводов. «Мера эта принята в целях ускорения воздействия на военнопленных на случай нарушения или неисполнения ими законных требований горного надзора, так как в виду отдаленности этих заводов и рудников от железных дорог и губернского центра рассмотрение губернскими властями дел о наложении на виновных военнопленных взысканий чрезвычайно замедляется», — гласил соответствующий документ²⁰⁸.

Помимо того, в деле доведения до пленников «дисциплинарной власти» большое место отводилось обеспечению их усиленного охранения. С этой целью уже 1 июня 1915 г. пермский губернатор выступил с инициативой приглашения в качестве охранников для военнопленных раненых нижних чинов русской армии, включая тех, «которые уволены в отпуск для поправления здоровья»²⁰⁹. На общенациональном уровне эта практика окончательно закрепилась в июле 1917 г., когда военный министр Временного правительства утвердил инструкцию для

²⁰⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 8. Д. 2. Л. 74.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 538. Л. 2, 3, 3 об., 7 об.

²⁰⁹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 221. Л. 19.

командированных из состава Союза инвалидов и Комитета бежавших из плена солдат и офицеров по «окарауливанию» занятых на разных работах военнопленных²¹⁰. В октябре того же года начальник штаба Казанского военного округа сообщил, что в скором времени в дополнение к уже проведенным мероприятиям «при уездных комиссарах будут назначены особые лица, преимущественно из числа бежавших из неприятельского плена или инвалидов, кои будут иметь постоянное наблюдение за всеми военнопленными в районе своего уезда и иметь сношение с военно-окружным начальством»²¹¹.

Фронтвики, однако, обнаруживая излишнее усердие, часто выводили пленных «из строя» и тем самым наносили предприятиям серьезный ущерб. «Вероятно, с целью увеличения продуктивности работы пленных администрация округа выписала из Петрограда 150 солдат, бежавших, будто бы, из неприятельского плена, и заменила ими частных сторожей... — указывала в своем отчете о посещении Богословского горного округа уже называвшаяся выше К.И. Малаховская, — Солдаты эти разбросаны небольшими группами от 4 до 8 человек во всех лесничествах округа и считают своей единственной обязанностью немилосердно бить и истязать пленных ... Я видела двух пленных...: от ударов у них все лицо покрыто опухолью и ранами, руки и спина — сплошными синяками, а врач признал их неспособными к труду...»²¹²

Вместе с тем, описанная ситуация не носила характера обязательной. Более того, некоторые бывшие солдаты, бежавшие из плена, ожидаемого от них рвения могли не только не демонстрировать, но и отказываться от выполнения возложенных на них обязанностей. Так, отпущенные военным ведомством Самскому руднику Богословского же горного округа Степан Старков и Иван Томилов 24 августа 1917 г. самовольно оставили место службы, предпочтя отправиться домой, к своим осиротевшим семействам²¹³.

²¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 125 об.

²¹¹ Там же. Л. 125 об.

²¹² ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 16.

²¹³ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 293. Л. 21.

Очевидно, что бежавшие из плена солдаты, а также инвалиды для охраны пленников не очень-тогодились. Вынужденное же использование местных «кадров» должному экономическому эффекту в виде сокращения статистики «отказников», ликвидации задолженности военнопленных и скачка производительности их труда способствовало мало. Во-первых, связано это было с тем, что названные «кадры» быстро стали дефицитом. «С возникновением полевых и других сельскохозяйственных работ, а также в виду большого спроса на рабочих для заводских работ и сильно вздорожавшей заработной платы чернорабочих в последнее время сторожа для военнопленных стали оставлять службу, и в данное время существует крайний недостаток в кандидатах, могущих быть принятыми в качестве охраны для военнопленных, находящихся на заводских работах. Несмотря на то, что заводоуправления, считаясь с переживаемой дороговизной, охотно соглашаются платить сторожам жалованье по 40 и даже 45 рублей в месяц, тем не менее лиц, желающих поступить в сторожа не находится», — констатировал в этой связи пермский губернатор, обращаясь 17 июня 1916 г. в Департамент полиции и штаб Казанского военного округа²¹⁴. Во-вторых, набор стражников из числа «аборигенов», в массе своей «несоответствующих своему назначению и непригодных для надзора, а тем более для воздействия на пленных при каких-либо недоразумениях»²¹⁵, грозил обернуться тем, что в какой-то момент число охраняющих приблизится к числу охраняемых. Есть сведения, что к 1 января 1918 г. на одном только Надеждинском заводе к охране военнопленных было привлечено порядка 100 человек, месячный оклад жалованья каждого из которых составлял 45 рублей (30 из них были отнесены на счет военнопленных, 15 — на счет предприятия)²¹⁶.

Между тем в аграрной отрасли опытным путем и вовсе было установлено, что приставленные к вражеским военнослужащим охранники, сколько бы их ни было, управиться с пленными не в состоянии. Открыть на это глаза центральную

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84а. Л. 449–450.

²¹⁵ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 5 об.

²¹⁶ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 6 об.; Д. 1095. Л. 51; Ф. 638. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

власть заставил херсонский землевладелец А.Д. Сиротинский, еще в мае 1915 г. в своем письме на имя министра земледелия Н.А. Наумова рассуждавший следующим образом: «...Сельское хозяйство [это] такая отрасль производства, что даже если допустить, что дело неустроения в области применения труда военнопленных лежит только в сторожах, как это неосновательно докладывает уездная полиция, то и это указание с этой стороны неверно, так как сельское хозяйство требует многих рабочих, разбросанных в разных местах, особенно летом, когда приходится ночевать в поле... Никакие сторожа (стражники) не удержат пленных от побегов и не понудят пленных работать там, где нет дисциплины, где нет действительного, устрашающего наказания»²¹⁷.

Пока же центральные власти изобретали и апробировали те или иные рычаги воздействия на вражеских военнослужащих, в отношении оных на местах предусмотрели и ввели свои санкции. Администрация Богословского горного округа, к примеру, решила наказывать злостных нарушителей трудовой дисциплины рублем. С конца мая 1915 г. за один пропущенный рабочий день пленник наказывался 50 копейками, удерживаемыми из его заработка, за второй — 75 копейками, за третий — рублем. Военнопленный, не вышедший на работу четыре дня подряд или более шести дней в месяц в разное время, возвращался в распоряжение местных военных властей²¹⁸. После того как наказание проявлявших «леность» вражеских военнослужащих было передано из ведения местных воинских начальников в ведение местной полиции, руководство округа, не желая терять дефицитных работников, прибегло к ссылке «проштрафившихся» на лесные работы в район рек Тоты и Каквы, где даже самые отчаянные были вынуждены работать, в противном случае рискуя остаться без питания²¹⁹. Со временем наказание «нерадивых» неприятельских военнослужащих путем выдачи уменьшенного пайка стало практиковаться во всех заведениях округа, причем мера эта рассматривалась как целесообразная «только при усиленном надзоре и полной изоляции плохо работающих от

²¹⁷ ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84а. Л. 432.

²¹⁸ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 228. Л. 17.

²¹⁹ См.: Там же. Л. 31.

исправных»²²⁰. Если в течение недели производительность труда пленного не увеличивалась, его переводили на хлеб и воду. Здравому смыслу в таком распоряжении трудовыми ресурсами было, правда, немного, поскольку голодные и полуголодные люди надежд на трудовые подвиги не могли оправдать по определению.

Описанная практика, между тем, получила самое широкое распространение. Так, в Нижнетагильском и Луньевском округах наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато, «завели» свое арестантское отделение, под которое был определен дом Романовых (Романова), где заключенные сталкивались с полным лишением свободы при явно недостаточных харчах. В Верх-Исетском горном округе задержка или урезание продовольственной дачи использовалось как профилактическая мера борьбы с мнимыми, по мысли администрации, больными²²¹. На ст. Котлас Пермской железной дороги, помимо урезания хлебной пайки до 1 фунта в день и невыдачи пленным горячей воды, их также наказывали путем запрета покупки съестных припасов на собственные средства²²².

Наивысшего же развития практика дифференцирования продовольствия в зависимости от результатов труда пленников получила на работах Пермского управления земледелия и государственных имуществ. Уже в июле 1915 г. начальник управления А.А. Дубенский заявил, что военнопленные должны заработать на свой обед и свой ужин. Мясо в рационе питания вражеских военнослужащих господин А.А. Дубенский вообще считал продуктом необязательным, полагая его выдачу возможной только «за счет работы, сделанной сверх установленной нормы»²²³. Больше того, в нарушение всяких законодательно закрепленных принципов и норм, в сентябре 1915 г. «для

²²⁰ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 272. Л. 6.

²²¹ См.: ГАСО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1128. Л. 25; Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 16; ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 278; Оп. 5. Д. 165. Л. 8–9.

²²² См.: ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84а. Л. 313.

²²³ Г.г. лесничим Пермской губернии, получающим военнопленных: Циркуляр № 287 от 12 июля 1915 г. // Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год. С. 7, 9.

единообразного и правильного вознаграждения» занятых на казенных лесных работах военнопленных все они были разделены на 5 категорий, получая соответственные их труду пищевые порции (см. табл. 39). Перевод пленников из низшей в высшую категорию довольствия допускался не ранее чем через 2 недели.

Помимо того, при распределении по помещениям рабочим I и II разрядов полагались самые удобные и теплые бараки, а также самые лучшие одежда, белье и обувь²²⁴, — всё или почти всё, как в советской системе, внедренной в годы II Мировой войны в лагерях Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР²²⁵.

Таблица 39

Размер хлебного и мясного довольствия в лесничествах Пермского управления земледелия и государственных имуществ в зависимости от категории труда пленных

Категория труда	Хлебная порция, фунтов	Мясная порция, фунтов
I, «выдающиеся рабочие»	2,5–3,0 в день	0,75 на ужин 3 дня в неделю
II, «очень хорошие рабочие»	2,0–2,5 в день	0,5 на ужин 3 дня в неделю
III, «вполне исправные рабочие»	1,5–2,0 в день*	0,5, на ужин по субботам и воскресеньям
IV, «не вполне исправные рабочие»	1,0 в день	0,5 на ужин по воскресеньям
V, «плохие рабочие»	0,5 в день	Не предусмотрена**

Источник: Г.г. лесничим, имеющим военнопленных: Циркуляр № 308 от 24 сентября 1915 г. // Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год (с приложениями). Пермь, 1916. С. 17; Г.г. лесничим юго-восточной полосы Пермской губернии, имеющим военнопленных: Циркуляр № 310 от 3 октября 1915 г. // Там же. С. 21–22.

* Разница в хлебной даче была предусмотрена в силу различной степени обеспеченности районов Урала хлебом. На юге и востоке региона его было больше, почему оказавшимся здесь пленным повезло безусловно больше.

** Эта норма распространялась на пленных-«отказников» в первый день невыхода на работу, а также на тех, кто оказался в карцере. Горячее здесь рекомендовалось выдавать через день или два, «смотря по обстоятельствам».

Однако, наказывая пленников недодачей пищи и прочими способами, основанными на грубой силе, местные хозяйственники так ничего и не добились. Управление Кизеловских копей князя С.С. Абамелек-Лазарева в январе 1917 г. жаловалось, что среди отпущенных ей пленных иностранцев «около пятисот человек упорно ленивых, и администрация копей не может их заставить работать»

²²⁴ См.: Г.г. лесничим, имеющим военнопленных: Циркуляр № 308 от 24 сентября 1915 г. // Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год. С. 18–19.

²²⁵ См., об этом: Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург. 2006. С. 121–122.

никакими подсобными средствами²²⁶. В своей неспособности решить проблему «уклонистов» и «отказников» расписалось и руководство Нижнетагильского и Луньевского округов наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато, заключив при этом, что «...единственной мерой пресечения своеволия или отказа от работы со стороны военнопленных является отсылка виновных в этих проступках к воинскому начальнику для исправления их в лагери»²²⁷. Однако в то же время один из местных воинских начальников констатировал, что применяемые им «меры наказания, как строгий арест на 20 суток для пленных абсолютно не является достаточной карою», тем более что в виду переполнения карцеров арестовать всех беглецов, «отказников» и прочих «преступников» нет никакой возможности²²⁸.

Удивительно, но, многократно убедившись в бесперспективности «лагеризации» производства посредством нагромождения все новых и новых мер ограничения, принуждения и подавления военнопленных, уральские хозяйственники упорно следовали именно этим путем, дойдя при этом до абсурда. В декабре 1917 г., к примеру, на Верх-Исетском заводе решили у тех пленных, которые не желают работать, «отобрать заводские вещи и передать тем, которые желают работать»²²⁹.

Единственным предприятием, все-таки признавшим, что методы типа «отобрать», «лишить», «сослать», «заставить» и «наказать» оптимизировать плен как систему производственных отношений не позволяли, а скорее мешали, стали Нижнетагильский и Луньевский округа наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато. В марте 1917 г. здесь была создана специальная комиссия, в состав которой вошли представители администрации, а также назначенные военнопленными «делегаты». Однако консолидированные попытки контрактного регулирования условий содержания и трудоустройства пленников потерпели фиаско, поскольку управление округами руководствовалось решениями

²²⁶ ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 254. Л. 87.

²²⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 89.

²²⁸ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 8. Д. 2. Л. 78.

²²⁹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 93.

комиссии, что называется, чрез раз, в то же время ловко используя ее как щит от «нападков» со стороны краснокрестных и прочих филантропических организаций. В конце концов, в июне 1917 г., в очередной раз нарушив достигнутые комиссией договоренности, руководство предприятия спровоцировало забастовку военнопленных, после которой диалог между ними, с одной стороны, и окружной администрацией, с другой, стал невозможен²³⁰.

Указанный эксперимент, обнаруживая то, что классическая проблема управления поведением исполнителя, решаемая в классических же случаях принудительного труда в одностороннем порядке, стала вдруг решаться иначе, был важен не столько своими результатами, сколько самим своим фактом. Он красноречиво свидетельствовал о кризисе избранной модели экономики плена, разбалансированности административных импульсов, направленных «сверху» и «снизу», и, в конечном итоге, о проблеме управляемости плена в целом.

Действительно, поскольку прецедент массового пленения вражеских военнослужащих был создан в России впервые, общенациональное законодательство ожидало запаздывало с определением принципов организации их труда и быта. Новое положение о военнопленных, созданное на основе временного положения времен русско-японской войны посредством внесения «некоторых только изменений», было введено в действие только 7 октября 1914 г.²³¹ Правила об отпуске военнопленных на работы в частные предприятия созданное в начале 1915 г. при Главном управлении Генерального штаба междуведомственное совещание под председательством генерала М.А. Беляева подготовило лишь к весне того же года²³². Российской же провинции этот, равно как и другие документы, достиг по прошествии еще какого-то времени и, что еще важнее, тут же обнаружил свою узость. Очевидно, именно в этой связи очевидно, уже летом 1915 г. Совет Министров постановил: «...Предоставить военному министру право устанавливать собственную власть, по соглашению в подлежащих случаях с министром иностранных дел, признаваемые им

²³⁰ См.: ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 11–78.

²³¹ См.: ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84. Л. 6.

²³² См.: ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 73. Д. 10. Ч. 10. Л. 1, 2.

необходимыми изменения и дополнения утвержденных Советом Министров 17 марта 1915 г. Правил об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях»²³³.

Характерно, что названные правила, как, собственно, и все прочие, по объему в разы уступали такому же документу, созданному, в частности, в Австро-Венгрии. И в то время как почти 50-страничные «Правила австро-венгерского военного министерства о положении военнопленных на работах в Австрии» и приложения к ним отличались предельной детализацией, — в них даже указывалось на любовь русских к каше и особенности приготовления солонины, недопустимость употребления некипяченой воды и соседства кухонь с клозетами, способы предохранения одежды от моли и особое внимание к распространению среди пленников венерических заболеваний, освобождение магометан от работ в пятницу и христиан в воскресенье²³⁴, — их отечественные аналоги даже при их суммировании похвастаться этим никак не могли.

Образовавшийся таким образом нормативно-организационный вакуум заполнялся, казалось, по принципу «кто во что горазд». Действительно, буквально повсюду были выработаны свои регламенты относительно условий содержания и использования вражеских военнослужащих, — регламенты, которые, в угоду актуальной конъюнктуры со временем еще и изменялись. В Казани, в частности, были разработаны особые правила содержания военнопленных в пунктах водворения на территории Казанского военного округа²³⁵. Канцелярия пермского губернатора выдала целый пакет утвержденных главным чиновником края обязательных постановлений о военнопленных, сданных на работы в промышленность, аграрный сектор и железные дороги²³⁶. Свое видение

²³³ Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях // Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. С. 42.

²³⁴ См.: Правила австро-венгерского военного министерства о положении военнопленных на работах в Австрии. Пг., 1917. С. 17, 21, 22, 25, 30 и др.

²³⁵ См.: ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1738. Л. 45–48.

²³⁶ См.: Обязательное постановление о военнопленных, сданных на работы в частных промышленных предприятиях в пределах Пермской губернии // Пермские ведомости. 1915. 27 июля; Обязательное постановление о военнопленных, сданных на сельскохозяйственные

обеспечения и трудоустройства пленных иностранцев предложили Верхотурское и Ирбитское земства, администрация Артинского и Воткинского заводов, Богословского, Верх-Исетского, Невьянского, Нижнетагильского и Луньевского горных округов²³⁷. Начальником Пермского управления земледелия и государственных имуществ А.А. Дубенским в 1915 г. было подписано полтора десятка циркуляров, среди которых основополагающим стал документ за № 287 от 12 июля 1915 г.²³⁸ Преподанный лесничим Пермской губернии, «получающим военнопленных», он регламентировал буквально всё и вся, делая распоряжения центральных властей практически не нужными, тем более что власти эти в лице нескольких министерств (военного, внутренних дел, торговли и промышленности, путей сообщения, земледелия и др.), а также созданных по случаю войны особых совещаний (по обороне, по топливу, по продовольствию и др.), часто не могли прийти к консенсусу. Больше того, к определению обязательной генеральной линии они и не стремились, перекладывая ответственность за те или иные решения друг на друга или и вовсе на нижестоящие управленческие структуры и тем самым подтверждая известный тезис М.Ф. Флоринского о «растущей разобщенности в деятельности важнейших звеньев государственного механизма»²³⁹. На это, в частности, недвусмысленно указывалось уже в одном из достаточно ранних документов, между прочим гласившем: «Управляющий Министерством внутренних дел отношением от 13 августа 1915 г. на имя председателя Центрального военно-промышленного комитета сообщил, что Министерство внутренних дел по соглашению с Военным министерством предоставило губернаторам право делать, по их усмотрению, отступления от установленных правил в тех случаях, когда это требуется

работы в пределах Пермской губернии // Пермские ведомости. 1915. 28 июля; Обязательное постановление о военнопленных, находящихся на работах при сооружении железных дорог в Пермской губернии // Пермские ведомости. 1915. 19 дек.; и др.

²³⁷ См.: ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 114–114 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3174. Л. 112–114; Ф. 45. Оп. 1. Д. 228. Л. 29; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641; Ф. 730. Оп. 1. Д. 119. Л. 203, 203 об.; и др.

²³⁸ См.: Г.г. лесничим Пермской губернии, получающим военнопленных: Циркуляр № 287 от 12 июля 1915 г. // Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год. С. 4–13.

²³⁹ Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. (Совет Министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988. С. 205.

местными условиями, и где правила являются в чем либо стеснительными, как например, в отношении размещения пленных или их окарауливания»²⁴⁰.

Примечательно, что рождение этого документа было напрямую связано с Пермской губернией. Всё началось с того, что 1 июня 1915 г. пермский губернатор в развитие уже преподанных на места «Правил об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» издал специальный документ об охране пленников. Сочтя его «чрезвычайно стеснительным», уральские промышленники тут же заявили о своём неподчинении губернаторской воле, указуя на то, что при буквальном её исполнении «расходы по содержанию пленных не могут окупиться их трудом»²⁴¹. Министерство торговли и промышленности, получив соответствующую жалобу Екатеринбургского биржевого комитета, выразившего консолидированное мнение местных хозяйственников, счел их недовольство вполне обоснованным²⁴². Тут же «сдав назад», главный начальник Пермской губернии отменил свое распоряжение, разрешив работодателям «делать вызываемые необходимостью по роду работ и условиям местности отступления» от уже введенных в действие регламентов²⁴³, тогда как центральные власти буквально дословно повторили эту нормонизвергающую норму, сделав ее общенациональной.

Очевидно, таким образом, что российский плен, страдавший, по мысли Х. Ляйдинегр и В. Мориц²⁴⁴, от крайнего централизма, на самом деле страдал от видимости такового. «Опыт применения труда военнопленных на различных работах выяснил крайнее разнообразие постановки этого дела в различных местностях империи», — признавало Министерство торговли и промышленности в своем циркуляре от 27 июня 1916 г., настаивая на наведении хотя бы относительного порядка в деле содержания вражеских военнослужащих²⁴⁵.

²⁴⁰ ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 41. Л. 10 об.

²⁴¹ ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84а. Л. 220.

²⁴² См.: Там же. Л. 230–230 об.

²⁴³ Там же. Л. 234.

²⁴⁴ См.: In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse osterreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg. S. 259.

²⁴⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 19–20.

Спустя полтора года начальник штаба Казанского военного округа не без некоторого уныния указывал, что за прошедший период унификация условий, в которые помещались пленники, так и осталась проектом: «Учрежденные общие правила содержания военнопленных на работах, кои своевременно преподаны были на места для руководства ими, на самом деле исполняются работодателями чрезвычайно разнообразно»²⁴⁶. Управление пленом в «ручном режиме», когда дефицитность четких указаний «сверху» приводила к их формированию «снизу», переворачивало привычный вектор управления. При этом, несмотря на то, что административные импульсы местного значения характеризовались территориально ограниченным радиусом действия, их масса, достигая критической отметки, заставляла корректировать даже те решения, которые в Петрограде и Москве, Казани и Перми виделись незыблемыми. Так, вслед за ходатайствами администрации Воронежской, Оренбургской, Рязанской, Саратовской и других губерний, коалиция регионов на специальном совещании 12 января 1915 г. буквально принудила центральное правительство «сохранить всех военнопленных, находящихся ныне на сельскохозяйственных работах, на этих работах в течение всего предстоящего посевного периода»²⁴⁷.

Такая практика, вероятно, имела и свои положительные стороны, позволив выработать более гибкие решения плена, превратив его из неуправляемого хаоса в плохо управляемое, но все-таки управляемое многообразие. И то, что критерии нормативности в пространстве плена зримо трансформировались, в связи с чем из прескриптивных в дескриптивные превратились и преподанные свыше нормы, отнюдь не означало его бессистемности, на которой в пику Х. Ляйдинегр и В. Мориц настаивает Р. Нахтигаль²⁴⁸.

В административном плане плен, таким образом, страдал не столько от нормативной дефицитности, — с «нормотворчеством» в данном случае был

²⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 124.

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84а. Л. 312. См. также: Там же. Л. 260, 272, 273, 285.

²⁴⁸ См.: Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. S. 133.

очевидный перебор, — сколько от того, что количественно избыточные управленческие усилия так и не переросли в качественное управление. Этот процесс сдерживался еще и тем обстоятельством, что российский плен не предусматривал регулярного контроля со стороны властных структур. Достаточно сказать, что специальный орган в структуре военного ведомства, формально ответственного за все, что связано с военнопленными, был создан только 2 октября 1916 г. При этом его дочерние структуры, эвакуационные и по заведыванию военнопленными отделения, организованные в составе Московского, Казанского, Туркестанского, Омского, Иркутского и Приамурского окружных штабов, при штатной численности персонала в 12 человек едва ли были способны обеспечить успешную диспетчеризацию плена²⁴⁹. Остается лишь согласиться с А. Рахамимовым, полагающим, что «неспособность военного командования к эффективному контролю за отдельными лагерями (особенно в Сибири, где военные округа были огромных размеров) дала местным комендантам значительную свободу»²⁵⁰. А потому едва ли будет преувеличением сказать, что редкие гуманитарные миссии и инспекции по линии военного ведомства не просто многожды зафиксировали неполучение или недополучение пленниками хлеба, мыла или валенок, а также практически ничем не лимитированное, варварское трудоиспользование вражеских военнопленных. Они засвидетельствовали тот факт, что управление в пространстве российского плена тем более сводилось к управлению абстракциями, чем выше находились управляющие инстанции. И именно эти практики напрямую определяли эффективность встраивания плена в экономические — и не только экономические — институты и процессы как локального, так и надлокального свойства.

Экономика российского плена, изначально складывавшегося как полицентричное пространство, оказалась выстроена таким образом, что он

²⁴⁹ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 190. Л. 312, 315.

²⁵⁰ Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 96.

распадался на бесконечное множество подпространств, в рамках каждого из которых работала своя логика унификации потребления, производства и администрирования. А поскольку норма, узус и казус имели в совокупном пространстве российского плена паритетные права на существование, при том на существование в неожиданно разных пропорциях, а точнее сказать, диспропорциях, то не превратиться в экономику дисбаланса экономика плена просто не могла. И чем выше были характерные для нее издержки в области потребления, производства и администрирования, тем сильнее она отклонялась от искомого коэффициента полезного действия. Вместе с тем, следует, очевидно, согласиться с Г. Дэвисом в том, что захват и содержание военнопленных противника в долгосрочной перспективе были дешевле, чем если бы они сражались в рядах своих армий до конца²⁵¹.

Возможно, эффективность экономики плена помогли бы повысить монетизация потребления, справедливая расценка труда и ответственное управление, но в условиях приоритета сиюминутных целей и «мелкопоместных» интересов это мало кого заботило. Плен при этом стал не просто «довеском» к порожденной войной системе мобилизационной экономики, предполагавшей в том числе и реквизиции труда²⁵². Своим отказом от рассмотрения военнопленных как полноценных наемных работников плен зафиксировал саму суть производственных отношений, свойственных принудительному труду. Вместе с тем, российский плен с присущей ему деградацией культуры потребления, производства и управления соответствовал скорее своим архаичным образчикам, характеризовавшимся зависимостью пленников от тех людей, в чьих руках они оказались, в то время как более современные, «модерновые» гуманитарные нормы требовали предоставления узникам войны безоговорочной защиты со стороны государства²⁵³. «Здесь

²⁵¹ См.: Davis G. Prisoners of War in Twentieth-Century War Economies. P. 629, 630.

²⁵² См. об этом: Бокарев Ю.П. Мобилизационная экономика России в годы Первой мировой войны и военного коммунизма. Понятие мобилизационной экономики // Экономическая история (Саранск). 2015. № 1(28). С. 26–40.

²⁵³ IV Гагская конвенция (О законах и обычаях сухопутной войны) от 18 октября 1907 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны. Отдел I: О воюющих. Гл. II:

заведывающий управлением это человек тиран мстивый. Ему кажется, что пленный зависит только от его воли и что он его абсолютный властелин», — прискорбно констатировал один из пленников, с которым, что показательно, тут же соглашался другой: «Мы всецело предоставлены произволу наших агентов власти»²⁵⁴. Такая практика лишней раз отражала факт промежуточного положения России между развитыми и отсталыми странами, где желание ориентироваться на идеалы гуманности разбивалось об отсталую экономическую инфраструктуру и низкое качество бюрократии, усугубленные, ко всему прочему, войной. При этом то, что теоретически вполне целесообразная интеграция пленных иностранцев в производственные процессы оказалась не ингибитором, а катализатором тенденций дестабилизации хозяйственной жизни страны, осложнялось еще и попытками использования пленников в политико-идеологических целях.

О военнопленных. Ст. 4. // Альбат Г.П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. (Всероссийский Земский Союз. Изд. Главного комитета). М., 1917. С. 15–22.

²⁵⁴ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 135, 261.

ГЛАВА 4.

ПЛЕН КАК ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

4.1. Практики конструирования и утилизации лояльностей пленных

Политизация плена как тенденция обозначилась буквально с первых дней войны, придав противоборству сражавшихся сторон дополнительную остроту. При этом апробируя те или иные стратегии деморализации противника, воюющие стороны велосипеда не изобрели, используя уже известные политические технологии. Все они так или иначе вращались вокруг одной и той же идеи — идеи «divide et impera». Политико-идеологические манипуляции в пространстве российского плена 1914–1922 гг. были связаны с попытками утилизации этноконфессиональных и социальных статусов военнопленных, динамика конструирования и иерархизации которых со всей очевидностью отражала трансформации внешнеполитического и внутривнутриполитического ландшафта. Однако эта политика, основанная на различиях и неравенствах, часто оборачивалась атомизацией пленников, а не объединением и гомогенизацией той их части, которая рассматривалась властями как полезный политический ресурс. Кроме того, политизация плена при его ярко выраженной многофакторности, вытекавшей из его не менее выраженной многоакторности, помимо искомым результатов, давала массу побочных эффектов, поскольку его рисунок формировался сообразно с самыми разными интересами, мотивами и целями, конвенциональность которых отнюдь не являлась данностью.

Действительно, представляя собой пестрый этнический конгломерат, оказавшиеся в годы Первой мировой войны в России пленные иностранцы никогда не составляли и не могли составлять даже хрупкой целостности. Еще до своего пленения солдаты и офицеры разных наций и конфессий относились к войне по-разному, по-разному же оценивая свою роль в связанных с ней событиях. Не секрет, что этнические немцы, присягавшие Францу Иосифу или Вильгельму II, не питали особой любви к своим иноплеменным соотечественникам, которые

отвечали на такое отношение взаимностью. Относительно австро-венгерской армии современники даже шутили, что ее разнонациональное руководство само по себе являлось разновидностью войны¹. Мир при этом никак не брал даже братские народности: «Поляки и украинцы заняты братоборством, как два паука в одной банке»². Антипатии и фобии межнационального свойства на чужбине не замедлили перерасти в открытые конфликты. Так, например, команде сопровождения проследовавшего вечером 1 февраля 1915 г. через станцию Пермь-II поезда в составе 16 вагонов с германцами и австрийцами пришлось отделить их друг от друга «ввиду частых ссор и драк, возникающих между ними»³.

Невзгоды совместного сосуществования, как показывают источники, пленных вовсе не сплотили, а, наоборот, увеличили дистанцию между ними. «Нас, чехов, во всем здесь сокращают и буквально обдирают; лучше всех живется немцам и мадьярам, — жаловался в марте 1917 г. чешский военнопленный Фиала Франтишек, работавший на Самском руднике Богословского горного округа. — Всякого чеха можно узнать с первого взгляда по рваной одежде. Так убого, как здесь, одеты чехи во всем округе, потому что в случае получения Красным Крестом посылок для пленных все вещи делят между собою евреи, немцы и мадьяры. Вообще весь округ кишмя кишит евреями; они всюду: в канцелярии, складах, магазинах и т.п. Горсточка нас, добрых чехов, в течение своего пребывания здесь должна была проглотить немало горьких пилюль...»⁴. Венгр Карл Файт, местом временного пребывания которого оказался Невьянский завод Екатеринбургского уезда, в то же время писал о пленных славянах буквально следующее: «Здесь мы работаем по принуждению на фабрике снарядов ... Здесь находятся перемышльские “герои”. За исключением венгерцев все эти мошенники работают русскую шрапнель... Славяне все мошенники: когда мы скажем что-

¹ См.: Margot L. The Serbian Divisions in Russia, 1916–17 // Journal of Contemporary History. Vol. 6. № 4 (1971). P. 183.

² Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. и-152. оп. 27. Д. 191. Л. 205.

³ Проезд пленных // Пермские ведомости. 1915. 4 февр.

⁴ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 67–68.

нибудь, они сейчас же выдают»⁵. Окружной инженер Северо-Верхотурского округа, объехавший свои «владения» в августе 1917 г., отмечал, что пленные славяне и не-славяне продолжали относиться друг к другу «очень неприязненно», что вынуждало некоторых из них скрывать свое истинное происхождение⁶.

Раскол в рядах военнопленных усугублялся самой ситуацией плена. Обособляясь по этноязыковому и конфессиональному признаку, оказавшиеся в плену люди тем самым пытались спастись от стресса аккультурации, вызванного принудительным воздействием чужой культуры. При этом, преодолевая культурный шок, пленным приходилось отгораживаться не только от «местного» чужого, но и другого чужого: «немецкого», «мадьярского», «румынского», «турецкого», «болгарского», «чешского», «польского», «еврейского» и т.д., — другого чужого, с которым раньше удавалось мириться и уживаться. Те же пленные, которые не сумели отстоять свою «самость», ожидаемо вызвали у более «стойких» исключительно негативную реакцию. Реакция эта могла быть негативной до такой степени, что требовала вмешательства со стороны, о чем, в частности, свидетельствует записка, отправленная из Аурбаховского рудника в управление Богословского округа в июне 1916 г.: «Препровожаем Вам для работ в Надеждинске шесть человек военнопленных, хлопочущих о приеме их в русское подданство, так как дальнейшее пребывание на руднике, среди своих соотечественников, для них становится слишком тяжелым»⁷.

Допустившие, по мнению своих соотечественников, недопустимое, эти шестеро военнопленных, однако, едва ли стали жертвами развития аномии, проявлявшейся в потере выраженного самоидентификационного кода. Его обновление, скорее всего, носило чисто механический характер и делалось осознанно. И причины тому следует искать не в сложных отношениях внутри «обязательного сообщества» военнопленных, а совсем в другом. Нейтрализованные воины германской, австро-венгерской, турецкой и болгарской

⁵ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 162. Оп. 3. Д. 80. Л. 12.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 71–71 об.

⁷ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1101. Л. 161.

армий с первых же дней плена столкнулись с тем, что политика российских властей по отношению к неприятельским солдатам и офицерам — равно как и политика вообще⁸ — не отличалась однородностью. Асимметричное отношение к пленным иностранцам прежде всего отражалось в процессе «этнизации» российского плена, которая, по словам А. Рахамимова, стала «самой известной главой» его истории⁹. Написанная в духе лучших традиций классицизма, она закономерно предполагала героев исключительно положительных, с одной стороны, и героев исключительно отрицательных — с другой. К числу первых при этом были отнесены все славяне, французы, итальянцы, датчане, румыны и армяне, в то время как в стане вторых оказались немцы, венгры, турки и евреи.

Сразу следует оговориться, что ранжирование пленных по этническому признаку не было чем-то из ряда вон выходящим, соответствуя общей логике осуществлявшейся в стране политики населения¹⁰. Ее истоки следует искать во второй половине XIX в., когда этническое разнообразие впервые стало восприниматься как важный ресурс имперской власти. Рационализация этого разнообразия зиждилась прежде всего на достижениях такой «науки», как военная статистика. Как указывает П. Холквист, «благодаря ведущемуся десятилетиями в общеимперском масштабе и на местном уровне изучению жителей империи военная статистика превратила их из доселе безликой массы в народонаселение. Военная статистика играла главную роль как в становлении этнографии, так и административной классификации людей согласно их этнической принадлежности... Разумеется, на этой стадии этничность не была

⁸ См. об этом: Миллер А. Империя Романовых и национализм. М., 2008; Могильнер М. *Homo imperii*. История физической антропологии в России. М., 2008; Cadiot J. *Le laboratoire imperial: Russie — URSS, 1860–1940*. Paris, 2007; и др.

⁹ См.: Rachamimov A. *POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front*. New York, 2002. P. 115.

¹⁰ Дискуссию вокруг концепции политики населения и ее использования в конкретно-исторических исследованиях см.: Hirsch F. *Race without the Practice of Racial Politics* // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 30–43; Lemon A. *Without a «Concept»? Race as a Discursive Practice* // *Ibid.* P. 54–61; Weiner A. *Nothing but Certainty* // *Ibid.* P. 44–53; Weitz E. *On Certainties and Ambivalencies: Reply to My Critics* // *Ibid.* P. 62–65; Weitz E. *Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges* // *Ibid.* P. 1–29.

стандартизированным административным термином, но военная статистика первой начала придавать количественное содержание данной категории»¹¹.

С введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности, когда Россия, по мысли Дж. Сэнборна, впервые достигла состояния «массовой политики», то есть, политики с массами и через массы, военные только усилили работу с населением, разбив его на категории, каждой из которых отводилось свое место в иерархии, постепенно превращавшейся из этнической в социальную¹². Именно после реформы русские военные стратеги, очевидно, вслед за известным этнографом А.Ф. Риттихом¹³, сделали разделение населения на безусловно надежные, относительно надежные и неблагонадежные этнические группы стереотипным. Созданная таким образом концепция национальностей, в рамках которой оценки «качества» населения строились на псевдонаучных этнических представлениях, открывала широкие возможности для тех или иных манипуляций. С началом же Первой мировой войны «мобилизация этничности» (М. фон Хаген)¹⁴ стала одним из главных средств социальной мобилизации, прискорбно сопровождаемая целым набором карательных акций в отношении «подозрительных» народностей¹⁵.

¹¹ Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 141, 143.

¹² См.: Верт Н. Депортации населения на российском и советском пространстве (1914 — конец 1940-х годов): военное насилие, социальная инженерия, этно-историческое «изъятие» // Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 195–233; Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, 2003. P. 100–112. См. также: Лапин В. Армии империи — империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI — начале XX вв. // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 109–127; Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии 1827–1914 гг. М., 2003; Beyrau D. Old Prejudices and New Opportunities. Jews in the Russian Armed Forces, 1900 to 1926 // *Osteuropa*. 2003. Vol. 53. № 12. P. 1793–1809; Vitarbo G. Nationality Policy and the Russian Imperial Officer Corps, 1905–1914 // *Slavic Review*. Vol. 66. № 4 (Winter, 2007). P. 682–701; и др.

¹³ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 33–35.

¹⁴ См.: Von Hagen M. The Great War and the Mobilization of Ethnicity in the Russian Empire: Conflict and State-Building // *Post-Soviet Political Order*. London, 1998. P. 34–57.

¹⁵ См. об этом: Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства*. М., 2005. С. 29–47; Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // *Первая мировая война. 1914–1918*. М., 1968. С. 227–238; Колоницкий Б.И. Евреи и антисемитизм в делах по оскорблению членов российского императорского дома (1914–1916 гг.) // *Мировой кризис*

Коснувшись практически всего населения, этнодифференцирующая политика просто не могла не коснуться военнопленных противника, выстраивая барьеры между которыми власти надеялись, как минимум, повысить их управляемость. Главным «успехом» этой политики принято считать формирование в структурах Русской императорской армии национальных частей, резервом для которых служили вражеские военнослужащие так называемых «дружественных» народностей. Действительно, уже в августе 1914 г. Генеральный штаб серьезно обсуждал вопрос о формировании чешских, словацких и польских частей, а также одобрил создание армянских, финских и латышских войск¹⁶. Спустя месяц в России началось формирование чешских, в октябре — польских, в 1915 г. — сербских и в 1916 г. — румынских боевых подразделений. К концу 1917 г. инородческие части русской армии, среди которых наиболее многочисленной стал организованный в Киеве Чехословацкий легион, насчитывали десятки тысяч человек. Останавливаться на истории этих формирований, многократно написанной (и переписанной)¹⁷, нет смысла, поскольку фактическая сторона этой истории известна и подлежит ревизии исключительно с интерпретационной точки зрения.

1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. С. 84–98; Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012; Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «Центральных держав»: Депортации в России, 1914–1918 // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32–42; Пивоварчик С. Трагедия Первой мировой войны: «еврей-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. С. 71–83; Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. Vol. 60. № 3 (Jul., 2001). P. 404–419; Sanborn J. Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I // The Journal of Modern History. Vol. 77. № 2 (June, 2005). P. 290–324; и др.

¹⁶ См.: Фон Хаген М. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы // Отечественная история. 2004. № 5. С. 44.

¹⁷ См., напр.: Белякевич И.И. Из истории создания польских национальных формирований в составе русской армии во время Первой мировой войны // Первая мировая война 1914–1918. М., 1968. С. 158–169; Захаров А.М. «Забытая армия»: формирование 2-го и 3-го польских корпусов в России в конце 1917 — начале 1918 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 60–63; Он же. Славянские вооруженные формирования в России; Fic V. Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. Praha, 2006–2008; Hofman P. Limity asymetrie. Češi a Slováci v legiích 1914–1920 // Česko-slovenská historická. Brno–Bratislava, 2009. S. 35–41; и др.

Среди обстоятельств создания национальных подразделений русской армии следует, однако, пренебреженно остановиться на следующем. В приказе военного министра «О формировании особых чешских воинских частей из добровольцев» от 8 августа 1914 г. — как и в его последующих аналогах — явно просвечивали признаки того, что серьезной ставки на эти соединения власти России не делали. Сформировать планировалось только «... один или два полка, или в зависимости от числа добровольцев батальон хотя бы из двух рот. Употребление не боевое, а из-за политических соображений, и с ориентацией на будущее восстание [в Чехии], постоянной и прочной организации не придавать, ибо в дальнейшем будут действовать отдельными партиями (по принципу добровольцев-китайцев под командованием полковника [А.С.] Мадритова в 1905 г.). Формировать без пулеметных команд и связи...»¹⁸

Характерно, что ни о каких военнопленных речи при этом вообще не шло, а в качестве ресурса для комплектования Чешской дружины рассматривались лишь чехи, застигнутые войной в России¹⁹. Современные исследователи вообще полагают, что в течение первых трех лет войны формирования, рекрутировавшиеся из военнопленных, серьезной силы не представляли как по причине своей малочисленности, так и по причине их общего деморализованного состояния. Другими они быть просто не могли, поскольку российские власти, обозначив свое намерение использовать пленных иностранцев на фронте еще приказом Ставки Верховного главнокомандующего № 15247 от 22 октября 1914 г., продолжало дискутировать о целесообразности такого использования еще как минимум полгода. Против такого использования, в частности, высказались премьер-министр И.Л. Горемыкин и министр иностранных дел С.Д. Сазонов. Последний, к примеру, считал, что создание частей из

¹⁸ Татаров Б., Пануш Б. Чехословацкие части в России, 1914–1917 гг. // Цейхгауз. 2001. № 4. С. 28.

¹⁹ См. подробнее: Ненашева З.С. Социально-политические аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и проблема освобождения военнопленных (сентябрь 1914 — февраль 1917 г.) // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: Историческая память. М.; СПб., 2014. С. 32–48.

военнопленных противника прямо противоречит нормам Гаагской конвенции 1907 г. о защите жертв войны и потому совершенно неприемлемо²⁰.

«Тех пленных, которые на театре войны были зачислены в ряды Чешской дружины и затем эвакуированы за ранами вглубь империи, пленными не считать», — повелел Верховный главнокомандующий в августе 1915 г.²¹ Однако эта мера была лишь одной из немногих великих милостей, демонстрировавших глубокую благосклонность властей России к пленникам «дружественных» народностей. Показательно, что в даровавшем ее документе далее отмечалось: «Впредь попавшие к нам в плен чехи и словаки не могут приниматься сразу на театре войны в [Чешскую] дружину, а сначала должны направляться во внутренний район и только оттуда могут посылаться в названную дружину те из них, за коих ручаются представители чешских организаций»²².

Источники свидетельствуют, что царское правительство явно осторожничало не только с призывом этнически «надежных» пленников в войска. Пристальное изучение казуистики обнаруживает, что, как и политика национальностей в более широкой перспективе, политика национальностей в пространстве плена была по существу дела бессистемной и неупорядоченной²³. Больше того, есть основания думать, что курс на стремительную этнизацию плена был взят российскими властями только после толчка «извне». 13 августа 1914 г. Главное управление Генерального штаба извещало Министерство внутренних дел: «Министерство иностранных дел, в секретном сношении от 7 сего августа за № 247, уведомило

²⁰ См.: Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 115–118. См. также: Gatrell P. Prisoners of War on the Eastern Front during World War I // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 6. № 3 (Summer, 2005). P. 557–566; Leidinger H., Moritz V. *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920*. Wien, 2003. S. 217–228; Nachtigal R. *Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918*. Remshalden, 2003. S. 26, 51.

²¹ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 204.

²² Там же.

²³ Такие оценки политики национальностей см. в: Slocum J. «Who, and When, Were the Inorodtsy?» *The Evolution of the Category of «aliens» in Imperial Russia* // *Russian Review*. Vol. 57. № 2 (April, 1998). P. 173–175; Weeks T. *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb, 1996. P. 195–199; Vitarbo G. *Nationality Policy and the Russian Imperial Officer Corps, 1905–1914*. P. 700.

о полученном со стороны нашего императорского посла в Париже [А.П. Извольского — *Н.С.*] сообщения о том, что по имеющимся во Франции сведениям, Германия избегает направлять нижних чинов эльзас-лотарингцев против Франции, а поляков против России, в виду чего, в действующих против Франции германских войсках, естественно, следует ожидать значительного количества поляков. Учитывая эту возможность, французское правительство имеет опубликовать распоряжение о выделении из общего состава всех пленных и раненых нижних чинов польской национальности, по каковому поводу гофмейстером Извольским высказано, что признавалось бы весьма желательным сделать то же самое и у нас в России относительно эльзас-лотарингцев...»²⁴

Зароненные таким образом зерна неравноценного отношения к пленным иностранцам в зависимости от их этнической принадлежности дали всходы, но только совсем не на той ниве, где ожидалось. Прежде всего они проросли посредством активизации деятельности в России всевозможных славянских организаций, и, в частности, чешских обществ, представители которых И. Ораг, И. Клецанда, О. Червеный и С. Коничек 17 сентября 1914 г. вручили Николаю II некий меморандум по чехословацкому вопросу²⁵. Однако предложенными ими услугами имперская администрация, вопреки «рефлекторно» актуализировавшейся с началом войны панславистской демагогии²⁶, пользоваться не спешила. Изданное 7 октября 1914 г. «Положение о военнопленных» не содержало даже намека на какой-то особенный подход к братьям-славянам или иным «дружественным» пленным²⁷. Принятое было в отношении славян явочным

²⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84. Л. 20.

²⁵ См. об этом: Саввиатова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 113–122.

²⁶ Особенно в этом преуспели такие издания, как «Голос Москвы», «Утро России» и «Новое время». См. об этом: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 52–56; Ненашева З.С. Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. № 1. С. 131; и др.

²⁷ Высочайше утвержденное Положение о военнопленных от 7 октября 1914 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. 16 окт. № 281. Ст. 2568.

порядком «самые снисходительные меры» и предоставленные им «широкие льготы», как то право жить на частных квартирах, право на расконвоирование и, наконец, право наниматься на частные должности, Главное управление Генерального штаба быстро аннулировало на том основании, что часть пленников употребила все эти блага во зло: «... Началось гулянье по ресторанам до поздних часов, ухаживание, занятие в театрах и публичных увеселениях лучших мест, что вызвало сильное неудовольствие местных жителей, не различавших в виду одинаковой формы славян от австрийцев. Случаи бегства также участились. Так, число бежавших из Туркестана пленных славян (258 чел.) даже превосходило число бежавших пленных немцев (174 чел.). Неоднократно встречались и случаи отказа славян от работ»²⁸. Естественно, что ни о каком переводе «дружественных» пленных на гражданское положение также не могло быть и речи, хотя представители национальных организаций, а именно чешских обществ, начиная с 1914 г., постоянно поднимали этот вопрос²⁹.

Стоит ли удивляться, что пленные славяне просто завалили военное ведомство жалобами на столь обидное к ним отношение и, наоборот, на «пристрастное отношение» к пленным германцам и австрийцам, получившим, якобы, больше преимуществ, что давало им возможность вымещать «свою злобу на представителях ими ненавидимой славянской нации»³⁰. Из Киева осенью 1915 г., в частности, писали: «... По прошествии более чем года мы должны, к сожалению, признать, что администрация, призванная к заведыванию пленными славянами, оказалась далеко не на высоте своего призвания, оказалась малоподготовленной и неспособной разбираться в целом ряде сложных национальных и религиозных признаков... Мы полагаем, что единственно правильным, целесообразным, достойным России и славянства разрешением вопроса было бы объявление, по примеру Англии, свободными тех

²⁸ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 626. Л. 2 об.

²⁹ См.: Ненашева З.С. Социально-политические аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и проблема освобождения военнопленных (сентябрь 1914 — февраль 1917 г.). С. 38, 40, 41 и др.

³⁰ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 626. Л. 2.

военнопленных славян, которые получают на то соответствующие поручительства от своих организаций, утвержденных русскими властями. Такое разрешение вопроса, не представляя ни малейшей опасности для России, оросило бы все фабрики и заводы, работающие на армию, живительной волной сознательных, опытных тружеников, работающих не за страх, а за совесть, не из-под палки, а из чувства горячей благодарности и любви к благородному русскому народу»³¹.

В разосланной осенью 1915 г. по всем военным округам России записке «По делу военнопленных славян», авторизованной именем «славянского деятеля» Алексея Геровского, связанного, очевидно, с созданным 30 октября 1914 г. Всероссийским попечительством о пленных славянах, и вовсе выражались серьезные опасения в том, что при существующих условиях содержания военнопленные славяне, «сдавшиеся по большей части в плен из любви к России, сознательно возвратятся на родину русофобами»³². Настаивая на активизации поддержки пленных славян, А. Геровский указывал, что без лишней траты времени и денег дело можно организовать так, чтобы «сохранить не только существующие уже симпатии военнопленных славян к России, но и развить их среди сотен тысяч южных и западных славян, которые по тем или другим причинам относились до сих пор равнодушно или недружелюбно к России». И далее: «Было бы грешно не использовать возможности воспитать в желательном для России духе сотни тысяч людей. Если дело будет поставлено правильно, то эти сотни тысяч военнопленных славян возвратятся после окончания войны на родину в Центральную Европу (чехи), в Альпы (словенцы) и на берега Адриатического моря не сеятелями вражды к России, но проповедниками любви к России, распространителями русского языка, русской культуры и русского мировоззрения»³³. При этом с точки зрения технической, по мнению автора, не нужно было изобретать ничего особенного, взяв на вооружение уже апробированный в Германии механизм «индоктринации» пленных. А именно: не отвлекая никого от насущных забот военного времени, сосредоточить славян в специальных местах водворения

³¹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 626. Л. 15.

³² ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 73. Д. 334. Л. 12–13 об.

³³ Там же. Л. 12–13 об.

и «систематически возбуждать» в них ненависть к «врагам славянства», так же как немцы в специальных лагерях для малороссов или татар методично прививали последним ненависть к русским³⁴.

Однако в разрешении «славянского вопроса», по мнению российских военных, все было далеко не так просто. «...Не подлежит никакому сомнению, что громадное большинство славянских пленников (за исключением офицеров действительной, а не резервной службы), настроено любовно к России, но насколько это чувство крепко и бурно проникает всё их сознание, судить трудно, в особенности по отношению к пленным австрийским полякам...», — отмечал во всеподданнейшем докладе полковник А.А. Мордвинов, флигель-адъютант Николая II³⁵. В конце концов облагодетельствовать всемилостивейшими льготами решено было лишь тех пленников, кои выразили согласие служить в соответствующих национальных формированиях. Всем же прочим славянам предлагалось предоставить преимущественное перед другими пленными право работ на нужды российской армии, что, по мысли военной администрации, обеспечивало им улучшенное материальное положение, а также «сознание приносимой пользы великому славянскому делу»³⁶. При этом постановлено было немедленно приступить к намеченному еще в 1914 г.³⁷, но шедшему ни шатко, ни валко «ограждению» военнопленных славян «от враждебного и крайне оскорбительного отношения к ним немцев и венгров»³⁸. В то время как пленные славяне подлежали размещению в Московском, Казанском, Омском и Туркестанском военных округах, национальные «аутсайдеры» — немцы, венгры, евреи и турки, включая увечных, — высылались в «дальние округа

³⁴ См. об этом: Гатауллина Л.Р. Религиозно-политическая пропаганда среди российских военнопленных-мусульман в Германии: 1914–1922: дисс. ... к.и.н. Казань, 2011; Andrew D. Anthropology at War: World War I and the Science of Race in Germany. Chicago, 2010; Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923. London, 2001; и др.

³⁵ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 626. Л. 9 об.

³⁶ Там же. Л. 10 об.

³⁷ См. об этом: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1759. Оп. 3. Д. 433. Л. 183.

³⁸ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 71.

Сибири» — Иркутский и Приамурский³⁹. Еще в середине 1915 г., после вступления Италии в войну на стороне Антанты, в Симбирске, Сызрани и Царицыне решено было сосредоточить «дружественных» пленных из числа этнических итальянцев, уроженцев Тренто, Триеста и других городов Габсбургской монархии с итальянским населением⁴⁰. В сентябре на места пришла новая телеграмма, предписывавшая «свозить» их в город Кирсанов под Тамбовом. В той же телеграмме указывалось на необходимость отправки в подмосковную Каширу пленных эльзасцев и лотарингцев, с высылкой которых власти попросили в очередной раз поторопиться в начале января 1916 г.⁴¹ Немногочисленные датчане из германского Шлезвига подлежали перемещению в подмосковный же Павлов Посад с предоставлением им «по возможности более мягкого режима содержания» в знак признательности российского правительства властям Дании за поддержку бежавших из германского плена чинам русской армии⁴².

Начавшаяся перегруппировка пленных по этно-национальному признаку вызвала у них опасение, что делается это перед отправкой на работы в район действующей армии⁴³. Но опасения эти были напрасны, поскольку соответствующие решения были приняты тогда, когда значительная часть вражеских военнослужащих «принадлежала» уже не военным, а гражданским властям, будучи отправлена на общественные работы, казенные и частные предприятия, а также в сельское хозяйство. В этой связи циркуляр за № 34150 от 23 октября 1915 г., требовавший внести коррективы в дислокацию пленных славян и прочих «ирредентистов», сразу обнаружил свою декларативность. 25 декабря 1915 г. помощник военного министра по Главному управлению Генерального штаба информировал товарища министра внутренних дел: «...Военным министерством уже приняты меры к возможному выделению военнопленных славянского происхождения в отдельные группы, соответственно

³⁹ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 68, 71–71 об.

⁴⁰ См.: Там же. Л. 29, 30.

⁴¹ См.: Там же. Л. 55.

⁴² См.: Там же. Л. 93, 99, 99 об.

⁴³ См.: ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 173.

их национальностям, но проведение такового разделения славян на группы по всей, предложенной г. Геровским, полноте не представляется осуществимым в виду следующих обстоятельств. Распределение пленных славян на отдельные мелкие группы было бы связано с необходимостью крайне сложного перемещения огромного числа таковых пленных из одних пунктов водворения в другие, что, без сомнения, создало бы весьма большие затруднения для провозоспособности наших железных дорог, и без того уже чрезмерно занятых перевозками войсковых частей и военных грузов. Независимо от сего, намеченному полному распределению препятствует также и привлечение пленных славян на разного рода работы, имеющие важное государственное значение, согласно положений о том Совета министров, причем в ближайшем времени, с наступлением весны, имеется в виду особенно широко использовать, по возможности, всех славян для полевых работ, и главным образом в местностях, ближайших к театру войны и в некоторых местностях театра войны, причем они будут разбиты мелкими партиями...»⁴⁴

В условиях, когда по всей стране и на Среднем Урале в том числе труд пленных во всю входил в обиход, региональные экономические элиты и вовсе саботировали полученные свыше предписания, пользуясь тем, что до наказания нарушителей руки у государства не доходили. В то время как центральные власти настойчиво рекомендовали привлекать к наиболее ответственным работам — то есть работам на оборону — исключительно пленных славян, многие хозяйственники открыто заявили о том, что этническая принадлежность пленных, в отличие от специальности, им безразлична. «...Честь имеем просить военно-промышленный комитет исходатайствовать разрешение на отпуск пленных в наше предприятие 150 человек, указывая, что мы имеем казенный заказ на нужды войны и сильно нуждаемся в рабочих. ... Из вышеуказанного количества желаем иметь 100 человек чернорабочих и 50 человек плотников, слесарей и электротехников, притом национальность их роли не играет», — писал

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 73. Д. 334. Л. 26.

управляющий Вознесенскими асбестовыми рудниками В.И. Жирарда в уральский областной военно-промышленный комитет 28 сентября 1915 г. Обращаясь по тому же адресу в октябре 1915 г., Т.Д. Тепляков, владелец чугунолитейного и механического завода в Каслях, указывал: «...Для моего завода потребно военнопленных без различия национальности следующих специальностей: токарей — 5 человек, слесарей — 5 человек, инструментальщиков — 1 человек, формовщиков — 10 человек, литейщиков — 1 человек, чернорабочих — 4 человек, всего — 26 человек»⁴⁵.

Не проявили должного уважения уральские промышленники и к категорическому распоряжению пермского губернатора об удалении «враждебных» немцев из заводских цехов. Алапаевский, Баранчинский, Верхне-и Нижнесалдинский, Сосьвинский и целый ряд других заводов просто проигнорировали высочайше наложенный запрет. «... Допущение военнопленных к заводским работам является единственным средством, хотя бы отчасти восполняющим отсутствие рабочих», — настаивала администрация Нижнетагильского и Луньевского горных округов наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато⁴⁶. Дискуссия затянулась до середины 1916 г. и закончилась тем, что с главным чиновником края местные хозяйственники так и не согласились, выторговав у него право на допуск немцев к работам в заводских цехах при условии их назначения в дневные смены и при усиленной охране. Некоторые же предприятия, в частности, Богословский и Гороблагодатский горные округа, вообще не пошли ни на какой компромисс, отделавшись заявлением о том, что «охрана дорога, а ночные смены неизбежны»⁴⁷.

Пожаловался пермский губернатор на «ослушников» или нет, но предприятия региона тут же «удостоились» специального внушения со стороны Министерства торговли и промышленности: «По имеющимся данным, на некоторых горных и металлургических предприятиях Урала, обслуживаемых

⁴⁵ ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 56, 115.

⁴⁶ ГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 71. Л. 207.

⁴⁷ См.: Там же. Л. 330–333.

смешанным контингентом пленных, славяне, будучи размещены необособленным порядком от мадьяр и немцев, претерпевают всякие обиды и притеснения со стороны этих последних на почве племенной вражды вообще и недовольства дружественным отношением славян к России. В видах устранения на будущее время повторения такого недопустимого явления военное министерство признало необходимым, чтобы пленные рабочие из славян размещались на горных и горнозаводских предприятиях безусловно обособленно от враждующих с ними мадьяр и немцев, причем желательно, в мере возможности, соблюдать отграничение означенных отдельных элементов пленных и при распределении их по работам»⁴⁸.

К столь радикальной этнизации плена на местах оказались не готовы, встретив ее в штыки. Так, главноначальствующий Уфимской губернии, соседней с Пермской, и начальник Златоустовских горных заводов, принадлежавших казне, сразу обратились в Главное управление Генерального штаба с ходатайством по вопросу об отмене распоряжения об обособленном размещении на работах пленных славян от мадьяр и немцев⁴⁹. Специфика организации горного и металлургического производств, а также нехватка помещений превращали расселение пленных по этническому принципу в роскошь, которую на местах считали излишней⁵⁰. Там же, где оно все-таки практиковалось, не столько заботились об узниках войны «дружественных» народностей, сколько руководствовались собственными прагматическими соображениями. Р. Нахтигаль, к примеру, считает, — и с ним, очевидно, следует согласиться, — что побарачное разделение пленников в соответствии с их этноязыковой принадлежностью позволяло поддерживать среди них «общую культуру» и тем самым облегчало управление этими людьми, но не более того⁵¹.

⁴⁸ О пленных славянах, мадьярах и немцах // Зауральский край. 1915. 28 окт.

⁴⁹ См.: ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 73. Д. 334. Л. 29.

⁵⁰ См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 17 об.

⁵¹ См.: Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am Main, 2005. S. 26, 51.

Впрочем, жирный крест на строгой изоляции «братьев-славян» от «проклятых» немцев, венгров, турок и евреев поставили не только и не столько на местах. В то время как Генеральный штаб рассылал по внутренним округам России телеграммы о срочной отправке «враждебных» пленных в Сибирь, Министерство земледелия, столкнувшись с тем, что в конце 1915 г. из деревни оказались «изъяты» практически все вражеские военнослужащие (см. гл. 2.1), подготовило документ, требовавший остановить их переброску на Восток страны «ввиду ожидаемого в ближайшем времени интенсивного требования на рабочие руки»⁵². Больше того, по подписанному 25 января 1916 г. соглашению трех ведомств — военного, внутренних дел и земледелия — из-за Урала в Европейскую Россию было переведено порядка 100 тыс. немцев и мадьяр, что свело на нет практически все предпринятые ранее попытки «раскассирования» пленных сообразно с их этнической принадлежностью⁵³.

В феврале 1916 г. Генеральный штаб отдал прямое распоряжение о том, что, поскольку «все пленные подлежат незамедлительному командированию на работы, перегруппировку пленных по национальностям надлежит прекратить»⁵⁴. Исключение делалось лишь для сербов, словенцев и хорватов, да и то только при возможности их замены на работах военнопленными других народностей⁵⁵. А поскольку возможности такой не было, зимой 1916 г. руководство Нижнетагильского горного округа, а за ним еще и пермский губернатор вместе с верхотурским воинским начальником не просто попросили, а решительно потребовали вернуть на работы предприятия около 400 сербов, хорват и словаков, снятых оттуда без предварительной присылки других пленников...⁵⁶

В битве за пленных, начавшейся между аграриями и промышленниками где-то в середине 1916 г., сегрегации пленников по этническому признаку места и вовсе не находилось. Ситуация кардинально не изменилась даже после того, как

⁵² ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 68, 80, 80 об.

⁵³ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 195.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 23.

⁵⁵ См.: Объявление от пермского губернатора // Пермские ведомости. 1916. 3 марта.

⁵⁶ См.: ГА РФ. Ф. 102, 2-е делопроизводство. Оп. 71. Д. 84а. Л. 320.

10 июня 1916 г. Николай II подписал рапорт военного министра генерала Д.С. Шуваева о формировании отдельного чехословацкого соединения⁵⁷. «Ввиду необходимости оказать помощь как предприятиям, работающим на оборону, так и сельским хозяйствам для уборки урожая, военный министр приказал прекратить снятие военнопленных славян с каких-либо работ, а тех, которые уже были сняты, но еще не отправлены, спешно возвратит на те же работы», — сообщала уральская печать летом 1916 г.⁵⁸ Одновременно с приостановкой отправки пленных в национальные части сворачивалась дискуссия о возможном освобождении славян, вето на которое в виду опасности «большого замешательства в сельских и фабричных работах», а также «облегчения шпионства» как «массовая мера» было наложено Министерством иностранных дел⁵⁹. На этом фоне сделанное в октябре 1916 г. распоряжение военного ведомства незамедлительно вернуть на работы, «с коих были сняты», всех пленных, отказавшихся служить в национальных подразделениях или по каким-то причинам не принятым в эти подразделения, выглядело более чем логичным⁶⁰.

С изданием ретроспективных документов от трепетного отношения к «дружественным» пленным на периферии практически не осталось и следа. При этом возможность перевода славян из категории пленных в категорию трудообязанных, в очередной раз рассмотренная в августе 1916 г. на одном из заседаний Особого совещания для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла, продолжала оставаться не более чем призрачной возможностью, а разговоры о предоставлении «дружественным» военнопленным тех или иных льгот — не более чем разговорами, причем разговорами все более и более странными. К примеру, 6 сентября 1916 г. Особый

⁵⁷ См. подробнее: Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): Историческое исследование: дисс. ... к.и.н. М., 2004. С. 30, 31 и др.

⁵⁸ Военнопленные славяне на работах // Пермские ведомости. 1916. 10 авг.

⁵⁹ См.: Ненашева З.С. Социально-политические аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и проблема освобождения военнопленных (сентябрь 1914 — февраль 1917 г.). С. 45.

⁶⁰ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 87. Л. 73, 74, 76, 257, 442.

политический отдел Министерства иностранных дел разразился пафосной запиской, в которой чешско-словацкий вопрос трактовался не в духе поддержки, а в духе подчинения: «... Именно Россия как ввиду оказываемого ей традиционного покровительства славянам, так и ввиду того, что судьба чешских земель, представляющих собой западный аванпост славянства и могущих ... послужить при благоприятных обстоятельствах оплотом для прочного удержания воинствующего германизма от посягательств на те области, в коих исторически развивалось русское преобладающее влияние, имеет для нас самое серьезное значение. Естественной поэтому является необходимость для нас иметь решающее влияние при будущем устройстве этой страны, в какую бы форму оно ни вылилось. Обстоятельства войны дают нам полную к этому возможность, так как именно в России сосредоточена огромная масса военнопленных чехов и словаков, которые представляют собой значительную часть находящегося в рабочем возрасте населения этих земель всех общественных классов и состояний. Несомненно их влияние при будущем устройстве страны, несомненна поэтому необходимость и возможность для России подчинить их своему влиянию и не допустить иноземного на них воздействия»⁶¹.

Оказавшиеся на работах пленники «братских» народностей воочию убедились, что их надежды на привилегированное положение — на перевод в более комфортные помещения, улучшение питания и обмундирования, предоставление работы по специальности, организацию касс взаимопомощи, проживание на частных квартирах, вступление в брак и т.д., и т.п., — лелеять было практически бессмысленно. Прибыв в 1916 г. в распоряжение администрации Полазненского завода князя С.С. Абамелек-Лазарева, 135 пленных славян с удивлением обнаружили, что единственной их льготой являлись более длительные, нежели у других пленных, прогулки⁶². В то же время галичанин

⁶¹ Записка по чешско-словацкому вопросу Особого политического отдела МИД, 6 сентября 1916 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сб. документов. Тула, 2014. С. 602–603.

⁶² См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 95. Л. 168, 168 об., 314, 328, 332.

Исидор Кардаш, обращаясь в Галицко-Русское общество как в последнюю инстанцию, писал: «... Вот уже один год работаю на железной дороге в Лысьвенском заводе и что вижу? Приехали здесь, в завод, пленные мадьяры и русины, и какое их содержание? Превосходное помещение, горячая пища 3 раза в день, мясо ежедневно, белье чистое, посуды всякой и одежды в изобилии; кроме того плата от 5 рублей в месяц. Есть такие, которые получают и 150 рублей в месяц — это ведь не плен, а самая хорошая должность. Потом приехали германцы на постройку новостроящейся Западно-Уральской железной дороги и получали 1 р. 20 коп. ежедневной платы. А славяне? Вот здесь одна партия работает на ветви Лысьва–Калино. Работа самая тяжелая — смена рельс и шпал, помещение грязное и скверное, а плата от 65 коп. до 80 коп. в сутки. За эти деньги они должны содержать себя, одежду и прочее... Посмотрите на их белье — у кого одна и последняя порванная рубашка, у которого на брюках 50 заплаток. Возле нас проходят мадьяры на работу и приносят продавать рубашки, которые им не нужны. И так живем один год...»⁶³.

Голоса отдельных недовольных в конце концов слились в хор, что со всей наглядностью запечатлели сотрудники специального отдела № 10 при военном министерстве Австро-Венгрии, специально занимавшиеся отслеживанием настроений захваченных Россией военнопленных. «Глубоким разочарованием и отчаянием, граничащими с полной потерей веры в искренность чувства великого славянского братства»⁶⁴, были проникнуты сотни и сотни писем пленников-славян на родину, в которых непреодолимая дистанция между идеологией названного братства и действительностью российского плена рисовалась как явление статистическое: «Здесь наши симпатии к русским с каждым днем слабеют, и виной тому, конечно, прежде всего русские власти»; «...У них нет ни эллина, ни иудея, с одинаковым безразличием относятся они и к германцу-немцу, и к славянину-чеху»; «Славяне живут здесь хуже всех, а значит тот, кто думает, что Россия — славянское

⁶³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 465. Оп. 1. Д. 32. Л. 163–164.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 626. Л. 2 об. См. также: Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 96.

государство, жестоко ошибается»; «...Для славян в России крепостное право. В то время как немцы, венгры и евреи отлеживаются в лагерях, их [славян — *Н.С.*] вторично погонят на войну, но на этот раз без оружия в руках, и там их безоружных будут убивать гранатом»⁶⁵.

Настоящее негодование у пленных-славян вызвало распоряжение военных властей об осуществлении почтовой связи с родиной исключительно на русском, французском и немецком языках. «Это черт знает, что такое, в России нет цензоров... Пожалуйста, не пиши по-чешски, в славянской России этот язык считается мертвым», — грустно шутил один из пленников, в то время как другой отмечал, что немецкий язык в России «находится в особо привилегированном положении: письма немецкие и вернее, и скорее доходят до адресатов»⁶⁶.

Пленные прочих «дружественных» народностей очутились примерно в том же квазипривилегированном положении, как и славяне. Так, в конце 1916 г., когда российское правительство, ссылаясь на дефицит рабочих рук, отказалось от ранее запланированной передачи «дружественных» итальянцев, французов и датчан союзным войскам Антанты, таким пленникам, как и пленникам славянского происхождения, тут же была оказана весьма сомнительная милость, состоявшая в более широком отпуске военнопленных названных народностей, и в особенности специалистов, заводам и фабрикам, «изготавливающим предметы для нужд армии»⁶⁷. В результате многие датчане, итальянцы и французы, на общих основаниях с другими пленниками заготавливая дрова или добывая руду где-нибудь в далекой провинции, никаких преференций со стороны властей так и не дождались. Осенью 1916 г. 40 эльзасцев, отправленных на работы в Верхнетагильское лесничество Верх-Исетских горных заводов, подали жалобу на имя французского военного агента в Петрограде, претендуя на особое к себе отношение, многократно обещанное российскими властями, но так ими и не оказанное. Один из «жалобщиков», уроженец Страсбурга Марсель Шварц при

⁶⁵ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 178, 187, 201, 270.

⁶⁶ Там же. Л. 173, 206.

⁶⁷ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 95. Л. 112; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 73.

этом отмечал: «Хотя я и германский подданный, но чувствую себя французом и буду ходатайствовать об отправке меня во Францию, на позиции. Я и многие мои товарищи заявили об этом еще в Киеве, где нам сказали, что нас отправят во Францию, когда путь туда будет свободен. Затем нам сказали, что мы будем работать в заводе, изготовляющем военные припасы, что для нас было бы более подходяще, а на лесных работах мы оказались совершенно неожиданно для себя, и все это, вместе взятое, нервирует нас»⁶⁸. Данное главным лесничим Верх-Исетского округа Г.Ф. Федзюшко объяснение по делу также свидетельствовало, что положение пленных французов на самом деле ничем не отличалось от положения других пленных и считаться с их «дружественностью» никто не собирался: «Порядок продовольствования и режим для пленных эльзасцев тот же, что существовал и ранее для других пленных. И порядок этот, надо полагать, вполне удовлетворителен, так как ни нашей администрации, ни объезжавшему горные округа в феврале и марте 1916 г. с целью обследования положения военнопленных вице-губернатору г-ну Максимову жалоб не поступало... Порядок продовольствования и режим ни в коем случае не мог быть изменен, так как прежде всего запротестовали бы пленные, прибывшие на работы ранее эльзасцев, и старые пленные обратили бы на это обстоятельство внимание вновь прибывших. Вновь прибывшие эльзасцы нами не изолированы, а размещены группами среди ранее прибывших [пленных]... Вообще порядок расценки [за труд], режим и продовольствие установились практикой и поддерживаются как наиболее целесообразные и не вызывающие протеста. Кроме того, военное ведомство было осведомлено о том, что нам требуются военнопленные на рубку дров и, откомандировав эту партию эльзасцев, по-видимому, или не имело более легких работ, или желание эльзасцев получить легкую работу в лучших климатических условиях не признало заслуживающим уважения»⁶⁹.

Требования пленных эльзасцев отправить их во Францию, дабы они могли как можно скорее пополнить ряды ее защитников, чиновники военного ведомства

⁶⁸ ГАСО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1128. Л. 13 об.

⁶⁹ Там же. Л. 15–16.

также оставили без удовлетворения, прикрывшись мнением французской комиссии, посетившей Урал в декабре 1916 г. Эта комиссия, сообщал екатеринбургский уездный воинский начальник упомянутому выше М. Шварцу, якобы рекомендовала эльзасцам «оставаться на работах в России, а не переводиться на позиции во Франции, дабы их семейства в Эльзасе не подверглись репрессиям со стороны германского правительства»⁷⁰.

Снять пленных французов с работ Верх-Исетских горных и механических заводов Казанский военный округ решил лишь тогда, когда в регион пришло централизованно отданное предписание о возвращении всех эльзас-лотарингцев воинским начальникам⁷¹. Но, что называется, не тут-то было. В январе 1917 г. администрация Верх-Исетского округа, минуя Казань, апеллировала к Генеральному штабу: «[В] октябре нам назначено для работ, связанных с исполнением заказов [на] оборону, триста одиннадцать пленных эльзасцев и лотарингцев. [В] настоящее время [по] распоряжению Казанского военного округа полиция требует передачи их воинскому начальнику. Снятие столь значительного количества рабочих, когда в них ощущается острый недостаток, неминуемо отразится на работах на оборону. ходатайствуем [об] оставлении их впредь до замены пленными других национальностей»⁷². ходатайство управления округом поддержал уполномоченный по топливу Уральского района, убедивший военные власти в необходимости «в виду серьезности настоящего вопроса» погодить со снятием пленных французов с работ⁷³.

Очевидно, таким образом, что на местах, где пленные французского происхождения, равно как и любого другого, рассматривались прежде всего как дешевая рабочая сила, политико-идеологические императивы имели весьма ограниченную власть, увязая в перипетиях всевозможных бюрократических соперничеств. До пленников же при этом не доходили не только многократно обещанные им преференции, но и такая малость, как газеты, издававшиеся на

⁷⁰ ГАСО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1128. Л. 20, 23, 23 об.

⁷¹ См. об этом: Пленные лотарингцы // Саратовский листок. 1917. 18 янв.

⁷² ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 20. Л. 65 об. См. также: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 87. Л. 449.

⁷³ См.: ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 20. Л. 5641. Л. 66.

различных языках и преследовавшие, казалось бы, исключительно благие цели. «Один из подведомственных мне чинов доложил, что на имя некоторых из состоящих в его ведении военнопленных стали поступать номера издающейся в Петрограде газеты "Чехословак". Находя, что чтение военнопленными из нижних чинов газет, хотя бы и не вредных русской государственности, может вредно отразиться на успешности производимых ими работ, и, считая это вообще совершенно излишней роскошью, предлагаю никаких газет военнопленным не передавать, а все получаемые на их имя номера газет посылать в управление», — постановил начальник Пермского управления земледелия и государственных имуществ А.А. Дубенский⁷⁴, откровенно противореча тем самым инструкциям военного ведомства, приветствовавшего распространение среди пленников изданий, «несомненно придерживающихся явно выраженного антигерманского направления» («Gazeta Polska», «Echo Polskie», «Словенские гласы», «Чехословакия», «Славянский вестник» и других)⁷⁵.

Не находя себе места в политических играх национальных организаций, российских властей и экономических элит, военнопленные славяне роптали всё громче и громче: «Пишу тебе коротко, но определенно. Долго размышлял, много провел бессонных ночей и решил выйти из союза [чехословацких обществ в России — *Н.С.*]. Убежден я крепко, что это, одним словом, свинство... Пиши скорее брату, прошу тебя, чтобы в союз или еще хуже в дружину не поступал. Если уже поступил, пусть откажется...»; «...Я уже больше не сомневаюсь, что для меня не существует места в дружине... Где свобода чехов, обещанная раньше? Неужели так расплачивается с нами Россия за ту культуру, которую принес ей чешский народ в земледельческом хозяйстве, в технике и так далее? За все это наши пленные должны выносить тяжелый режим, ужасные оскорбления... Придешь ли в деревню, хозяин высасывает из тебя все, хочет, чтобы мы работали

⁷⁴ Г.г. лесничим Пермской губернии, в ведении которых состоят военнопленные: Циркуляр № 329 от 7 декабря 1915 г. // Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год (с приложениями). Пермь, 1916. С. 26.

⁷⁵ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 191, 252, 389, 554.

за десятерых и только за то, что нас кормит. Придешь ли на железную дорогу и там увидишь, что работают большей частью даром. В железоделательных копях труд военнопленных оплачивается мизерно, а ведь работа эта нечеловеческая...»; «Вы нам пишете, чтобы мы шли воевать, но мы, наоборот, не знаем, за что, ибо здесь ходим неодетые, босые и работаем даром, какие же это братья-славяне?...»⁷⁶

Примечательно, что главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов, комментируя ход набора добровольцев из военнопленных чехов и словаков, буквально вторил авторам приведенных выше строк. В частности, он отмечал, что дефицит энтузиазма у потенциальных добровольцев был закономерным «следствием отсутствия надлежащей организации в поддержании славянства в плену и правильного надзора за ними, учреждения и частные лица, которым вверяются военнопленные, нередко относятся к делу недобросовестно, а благодаря незнакомству с идеями славянства или несочувствию им ведут его во вредном для России направлении. Немцы и мадьяры содержатся в сравнительно благоустроенных лагерях Сибири, а на работы в Европейской России назначаются почти исключительно славяне как элемент более надежный, и в результате те русские, чехи и другие славяне, которые добровольно перешли на нашу сторону в надежде встретить к себе братское отношение со стороны русского правительства и общества, оказываются в положении рабов, голодных, босых, полуголых, нередко больных, вынужденных нести непосильный труд и выносить бесчеловечное обращение со стороны разных эксплуататоров... Вместо привлечения к себе людей, преданных России, получается систематическое отталкивание ранее расположенных к нам элементов, ради которых ведется вся эта война»⁷⁷. Однако требование военачальника принять меры к «улучшению быта военнопленных славян в России, дабы поддержать в братских нам народах веру в благожелательное и покровительственное отношение борющейся за них России», в провинции, весьма далекой от реалий войны, оставалось не услышанным⁷⁸.

⁷⁶ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 256, 277, 319.

⁷⁷ Каржанский (Качанов) Н.С. Чехословаки в России: По неизданным официальным документам. М., 1918. С. 17–19.

⁷⁸ Там же. С. 23.

Надежду на превращение иллюзии «всеславянского единения» в реальность пленным даровала Февральская революция, которую многие из них поспешили поддержать. 25 марта 1917 г. в газете «Уральская жизнь», к примеру, появилось письмо 125 пленных чехов, преисполненное панславянского пафоса и соответствующего жаргона: «Группа военнопленных чехов в Нижнем Тагиле радостно и восторженно приветствует победу великого и светлого дела — освобождение русского народа от ига, которое до сих пор угнетало его. Мы, сыновья демократического народа, который существование свое и свободу защищал целыми веками от того врага, который был и Вашим врагом, с восторгом поздравляем Вас с великой победой братского славянского русского народа... Русский народ в этой роковой борьбе поднял знамя революции во имя свободы, во имя культуры человечества; доблестная армия его сражается против исконного врага всего славянства: против германизации, против германского милитаризма. Мы, которые освободились от позорящего нас австрийского ига, тоже подняли красное знамя революции против наших притеснителей. Тысячи наших борцов-революционеров сражаются теперь бок о бок с русскими солдатами-революционерами против общего нашего врага, поражение которого значит освобождение малых славянских народов, которые до сих пор страдают под деспотическим игом коварного врага. Да здравствует Свободная Россия! Да здравствует Свободная Славия!»⁷⁹

В соседних с Пермской Оренбургской и Уфимской губерниях пленные чехи и словаки вообще выступили с инициативой организовать специальные комитеты с целью «открытого революционного движения» против австро-венгерского правительства, что, однако, поставило власти в тупик. «...В настоящее время, пока не будет устойчивого положения на фронте, дать такое разрешение не представляется возможным, так как теперь всякое движение при агитации темный сил может быть использовано во вред нам», — уклончиво ответствовало на просьбу пленников Главное управление

⁷⁹ Приветствие военнопленных чехов // Уральская жизнь. 1917. 25 марта.

Генерального штаба, обнаруживая ограниченность оказываемого им доверия и невысокую востребованность их «свободоборческих» потенциалов⁸⁰.

Совершенно неожиданно для властей помимо горячего отклика со стороны «братьев-славян», видевшегося вполне закономерным результатом соответствующей пропаганды, свержение самодержавия всколыхнуло и «враждебных» в этническом отношении военнопленных, связывавших изменение политического строя в России с возможным изменением дискриминационной политики национальностей и политики плена вообще. Мадьяр Г. Гутман писал в апреле 1917 г. в Петроград председателю Совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе: «... Пока придет окончательное освобождение, я прошу вас, я умоляю вас, дорогой брат, властитель сердец, заступитесь за наших и ваших братьев венгерцев. Представьте себе, что пишет вам это письмо мужчина 25 лет, дрожащий от сдавленных рыданий, с глазами, полными слез, согнувшись над этой бумагой. Мужчина плачет перед вами, дорогой брат. Мужчина, который в 25 лет совершенно разбит по воле проклятого бедствия, которое распространила кучка преступников над всем миром. Сжальтесь над нами, дорогой брат. Не допустите, чтобы в этой великой святой борьбе, которая очистила русский воздух, не допустите наших братьев, несчастных из несчастнейших военнопленных, оставить неосвобожденными. Не допустите, чтобы в этот великий день, который великому русскому народу принес освобождение, стал днем проклятия для военнопленных. Уделите в вашем великом сердце небольшое местечко и для нас, несчастных»⁸¹.

Попытки военнопленных применить «по отношению к себе объявленную свободу граждан Российского Государства» 19 апреля 1917 г. прокомментировал военный министр Временного правительства А.И. Гучков, охарактеризовав все претензии вражеских военнослужащих на либерализацию плена как противоречащие «самому понятию состояния плена, неразрывно связанному

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 557. Л. 1–4.

⁸¹ ГА РФ. Ф. р-6978. Оп. 1. Д. 816. Л. 1.

с ограничением свободы»⁸². Вместе с тем, по мнению экспертов, свержение самодержавия все-таки внесло некоторые коррективы в политику российского плена. Двойственность, характерная для позиции царского режима, была заменена явной поддержкой со стороны Временного правительства России, указывает А. Рахамимов, имея в виду отношение властей к проблеме возможной реинтеграции военнопленных в продолжавшийся международный вооруженный конфликт⁸³. Действительно, 24 марта 1917 г. Военным советом было подписано «Положение о формировании чешско-словацких войсковых частей», подразумевавшее пролонгацию курса на этнизацию плена и национализацию армии. В июне 1917 г. параллельно с интенсифицировавшимся набором добровольцев в национальные формирования⁸⁴ началась еще и очередная кампания по перегруппировке пленных по этническому признаку (см. табл. 40)⁸⁵. В июне же 1917 г. силу закона приобрел документ, наконец-то оговаривавший льготные условия содержания пленных чехов, словаков и поляков, распространенные впоследствии на «югославян», румын, итальянцев и французов⁸⁶.

Однако, одной рукой раздавая «дружественным» военнопленным знаки своей благосклонности, другой рукой власти их тут же отбирали. В мае 1917 г. Особая междуведомственная комиссия настолько ужесточила порядок принятия военнопленными славянами российского гражданства, что впору было говорить о серьезных препятствиях, мешавших им обрести новую родину. Неприятельские солдаты и офицеры, состоявшие в рядах русской армии или рядах добровольческих соединений, могли теперь получить русский паспорт только при трех условиях: если их ходатайство было поддержано начальником соответствующей воинской части, соответствующей национальной организацией

⁸² ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 65, 68.

⁸³ См.: Rachamimov A. POWs and the Great War. P. 118.

⁸⁴ См. об этом, к примеру: Телеграмма Пермскому губернскому комиссару из Казани, 12 августа 1917 г. // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 23 авг.; Телеграмма Пермскому губернскому комиссару из Казани, 25 августа 1917 г. // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 27 авг.; и др.

⁸⁵ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21^а. Л. 67; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 108. Л. 576, 782.

⁸⁶ См.: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 232. Л. 30–31; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 58–58 об.

и, наконец, соответствующими месту гражданскими властями. Приём же в число российских подданных тех пленников, которые ни в каких формированиях не состояли, и вовсе отложили до конца войны⁸⁷.

Таблица 40

План расквартирования военнопленных в соответствии с их этнической принадлежностью, 1917 г., чел.

Название пункта	Для австро-немцев и турок		Название пункта	Для славян	
	Офицеры	Солдаты		Офицеры	Солдаты
Казань	20	600	Тетюши	192	60
Даишев	-	500	Симбирск	70	2100
Мамадыш	-	80	Алатырь	49	260
Свияжск	25	100	Ардатов	125	350
Спасск	15	500	Буинск	97	250
Ядрин		55	Корсунь	-	30
Цивильск	-	200	Курмыш	23	215
Козмодемьянск	11	25	Сызрань	70	751
Чебоксары	90	25	Сенгилей	-	13
Чистополь	20	2000	Пенза	-	-
Шаревokokшайск	70	20	Мокшан	6	180
Пермь	100	700	Нижний	-	600
Ирбит	140	4450	Ломов		
Верхотурье	115	1270	Саранск	47	700
Екатеринбург	-	500	Чембар	148	986
Красноуфимск	150	1600	Городище	21	100
Кунгур	160	200	Саратов	80	500
Оханск	15	190	Аткарск	-	350
Соликамск	294	528	Вольск	-	350
Оса	27	530	Блашев	11	4
Чердынь	100	146	Камышин	-	100
Шадринск	70	400	Кузнецк	34	700
Вятка	15	500	Петровск	15	4
Глазов	-	80	Сердобск	-	200
Елабуга	261	400	Царицын	-	-
Мамлыж	61	537	Хвалынский	183	1000
Нолинск	120	700	Самара	200	140
Слободской	121	3000	Бугульма	10	639
Сарапул	60	700	Бузулук	-	360
Уржум	74	870	Бугуруслан	100	750
Яранск	160	1000	Николаевск	43	250
Оренбург	250	2000	Новоузенск	40	160
Орск	2	200	Ставрополь	61	300
Троицк	40	1000	Астрахань	705	4315
Челябинск	60	600	Енотаевск	22	420
Верхнеуральск	-	102	Царев	25	300
Уфа	236	1100	Черный	42	1260
Белебей	-	-	Яр		
Бирск	25	300			
Мензелинск	40	572			
Стерлитамак	260	300			
Тоцкий лагерь	432	20000			
ИТОГО	3639	48580		2419	18697

Источник: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 596–596 об.

⁸⁷ См.: Объявление Пермского губернского комиссара // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 28 сент.

Вновь дарованные вражеским военнослужащим «дружественных» народностей льготы очень скоро также обнаружили свою ограниченность. Круг их потенциальных получателей власти снова сузили до прежних пределов, поместив в него только тех военнопленных, которые дали согласие на вступление в национальные добровольческие формирования, в то время как прочие содержались на общих основаниях⁸⁸. «...Здесь военнопленные образовали три группы: чешскую, польскую и немецкую, режим для всех одинаковый, хотя “братьям-славянам” и обещали льготы», — отмечалось в одном из писем середины 1916 г.⁸⁹ В другом послании, датированном 1917 г., прямо указывалось, что с демократизацией политического строя в России в положении пленных «дружественный» народностей ничего не изменилось: «Нам объявлен циркуляр, приглашающий исправно работать под угрозой лишения привилегий, но когда я спросил, какими преимуществами мы пользуемся, то мне ответили молчанием»⁹⁰.

Действительно, продолжавшееся давление со стороны крайне заинтересованных в военнопленных хозяйственников, как и ранее, добавляло правительственной линии по этнизации плена кривизны. Расследованием по делу уже названного выше пленного Фиалы Франтишека, многократно просившего Гимнастическое общество «Сокол» в Киеве, редакцию журнала «Чехословак» и Союз чехословацких обществ в России поспособствовать его отправке в Чешскую дружину, было, к примеру, установлено, что пленные чехи намеренно не отпускались с работ, так как «управление Богословским округом, считая их хорошими рабочими, умышленно ставило им в этом всякие препятствия»⁹¹. Давление со стороны промышленников заставило власти уступить, серьезно изменив уже указанное «Положение о формировании чешско-словацких войсковых частей». Летом 1917 г. было, в частности, постановлено, что «набор военнопленных чехов и словаков для формируемых войск должен производиться

⁸⁸ См.: Объявление Пермского губернского комиссара // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 14 окт.

⁸⁹ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 218.

⁹⁰ Там же. Л. 347.

⁹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 71–71 об.

исключительно из числа чернорабочих, сохраняя всех военнопленных, обладающих какой-либо специальной технической подготовкой, для нужд промышленности и не допуская ухода их с работ»⁹².

Кроме того, соединение братских народов «в одних взглядах, в обоюдных воспоминаниях как об общих боях, так и об общих страданиях и победах»⁹³ осложнялось стремительным ростом числа структур, влиявших на ситуацию на местах⁹⁴. Специальные уполномоченные правительства Румынии, командированные в провинцию для набора добровольцев из числа военнопленных, обнаружили, к примеру, что «всевозможные комитеты и комиссии из рабочих при фабрично-заводских предприятиях и железнодорожных станциях ... умышленно препятствуют набору и отправлению выбранных пленных румын»⁹⁵. Как результат кампания по вербовке в войска пленных румынской национальности, продвигаясь «крайне неуспешно», выявила на огромной территории Казанского военного округа только 51 человека, выразившего желание снова встать под ружье⁹⁶.

Характеризуя сложившуюся к октябрю 1917 г. на местах ситуацию многовластия или безвластия пленники язвительно подмечали: «В самой последней сапожной мастерской царит лучший порядок, чем теперь здесь»; «Сравнение старого медведя с молодым говорит о том, что он очень глуп»; «С переворотом в России теперь все стоит вверх дном»⁹⁷. В таких условиях последовательная реализация селективной национальной политики по отношению к пленникам оказалась весьма проблематичной. Власти обновленной России так и не смогли заставить пользовавшиеся трудом неприятельских солдат

⁹² Объявление Пермского губернского комиссара // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 27 июля.

⁹³ К вопросу о помощи военнопленным славянам // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 13 мая.

⁹⁴ О формировании названных структур см., напр.: Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март — октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144.

⁹⁵ Объявление от Пермского губернского комиссара // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 10 окт.

⁹⁶ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 100. Л. 668.

⁹⁷ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 401, 402.

предприятия защитить «дружественных» пленных от «пагубного» германофильского влияния и гарантировать их физическую защиту, обреченно повторяя при этом распоряжения своих предшественников: «Имевший на днях [место в] одном из внутренних округов случай избияния военнопленных чехов военнопленными немцами и мадьярами вынуждает вновь подтвердить указание военминистра размещать славян как [в] пунктах постоянного квартирования, так равно при нахождении [на] разного рода работах, при передвижении [и] во время нахождения [в] лечебных заведениях совершенно отдельно от немцев и мадьяр»⁹⁸.

Очевидно, таким образом, что политика национальностей в пространстве российского плена никогда не была столь твердой, как это пытаются показать многие исследователи. Репутационные издержки, связанные с реанимацией и культивацией образа России как защитницы всего славянства, требовали от руководства страны не только соответствующих деклараций, но и адекватных декораций, (вос)производство которых оказалось задачей не из легких. Кроме того, в условиях вызванного войной роста национального самосознания панславистская идея уже не обладала той степенью привлекательности, которая бы позволяла жонглировать национальными чувствами пленников без всяких последствий. Попытки прагматизации этничности актуализировали тот факт, что «славянский мир» единства на самом деле не составлял, а если и составлял, то только в смысле единства множественностей и разнообразий. Власти Саратова, к примеру, столкнулись с тем, что пленные поляки так и не стали считать своими братьями пленных чехов. Наоборот, они, вступавшие в национальные части, рассматривались не иначе как предатели. Поляков майора Лубиенского и поручика Сулемирского решено было даже срочным порядком этапировать в Кунгур и Екатеринбург соответственно, поскольку они, активно выражая свое недовольствие «родственниками», не без успеха провоцировали разлад и смуту в рядах пленников⁹⁹.

⁹⁸ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 54; Приказ по Казанскому военному округу № 1038 от 21 ноября 1917 г. // Приказы по Казанскому военному округу. Казань, 1917. С. 1530.

⁹⁹ См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 87. Л. 637.

«Завоевания» гражданских властей в деле реализации идеи «divide et impera» были бы, возможно, еще скромнее, не подключись к ее воплощению Русская православная церковь. Не секрет, что фактор религиозной принадлежности в течение веков служил одним из главных ориентиров при юридическом оформлении отношения к пленным в ходе того или иного вооруженного конфликта иностранцам. Об этом, к примеру, свидетельствует первое в истории России «Положение о военнопленных» 1829 г., в соответствии с § 4 которого все они делились на «два класса»: «природных Турок и Турецких подданных Магометанского исповедания», с одной стороны, и «Болгар, Греков и других Христиан, на Турецких землях живших или в рабстве у Турков находившихся», — с другой¹⁰⁰. Определяя участь первых, законодатель указывал на необходимость их обращения на казенные работы и размещения исключительно в городах, где контроль за пленниками не составлял такого труда, как на селе. Для жительства пленных христиан определялись исключительно южные губернии империи и поступали они, что характерно, не в ведение военных властей, а главного попечителя поселенцев Южного края. Нужно ли говорить о том, что значиться христианином было значительно «выгоднее», нежели мусульманином¹⁰¹.

В условиях формирования современных государств-наций такого рода практика, свойственная традиционным обществам, постепенно отмирала, так как старые идентификационные коды, постепенно утрачивая свою актуальность, уступали свое место новым идентификационным кодам. В России же начала XX в., где процесс таковой «перекодировки» едва обозначился, и религия продолжала оставаться «понятным языком идентичности», вера по инерции

¹⁰⁰ См.: Положение о пленных от 9 июля 1829 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. IV. № 2977.

¹⁰¹ См. подробнее: Суржикова Н.В. Эксплуатация веры: конфессиональный фактор в российском праве военнопленных конца XVII — начала XX века // Война и сакральность: Материалы IV Междунар. науч. чт. «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии». М.; СПб., 2010. С. 152–155.

продолжала рассматриваться в качестве важного индикатора лояльности пленников, а утилизация их религиозных предпочтений превращалась в одну из приоритетных задач. Следует, правда, отметить, что на предмет религиозных нужд вражеских военнослужащих российские власти, в отличие, скажем от властей германских¹⁰², так и не «обзавелись» четкой позицией. «Комендант лагеря пошел навстречу всем просьбам русского священника: был сделан деревянный крест, который привез батюшка с собой в Петроград, ему доставили также епитрахиль и ризы... С разрешения коменданта священнику было позволено устроить библиотеку из книг духовно-нравственного содержания, а также светскую библиотеку. Германские власти позволяли батюшке устраивать религиозные собеседования и совершать богослужения во все дни, когда подобает совершать богослужения по обряду русской церкви... Батюшка ездил неоднократно для исполнения треб в лагерь военнопленных в Штеттине и на места работ военнопленных, и повсюду со стороны германских властей, по его словам, встречал благожелательное отношение», — сообщала газета «Пермская земская неделя» о пребывании в германском плену захваченного под Гродно и отправленного в Альтдам пермского священника отца Валериана (Попова)¹⁰³. На этом фоне предпринимавшиеся в России усилия по удовлетворению религиозных потребностей пленников выглядели скромно. Больше того, то препятствуя, то благоприятствуя празднованию пленниками католического Рождества или иудейских Йом-Кипура и Суккота, допуская или не допуская капелланов к участию в службах, разрешая или не разрешая погребение умерших в соответствии с теми или иными обрядами, представители военной и гражданской администрации России обнаруживали тот факт, что обеспечение обезоруженных вражеских военнослужащих привычной для них духовной пищей

¹⁰² См. об этом: Нагорная О.С. Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2008. № 5. С. 225–226.

¹⁰³ Пермский священник о немецком плене // Пермская земская неделя. 1916. 29 мая.

нормой не являлось¹⁰⁴. Еще более последовательны и однозначны при этом были работодатели, вопреки всяким преподанным свыше регламентам не отпускавшие пленных в костел и даже штрафовавшие их «за отлучки для присутствования на богослужениях»¹⁰⁵.

Вместе с тем, для военнопленных православного вероисповедания, среди которых большинство составляли этнические славяне, в вопросах веры и культа последовательно создавался режим наибольшего благоприятствования. 16 мая 1915 г. по указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод заслушал рапорт епископа Екатеринбургского и Ирбитского Серафима и принял решение о допущении к Св. Тайне военнопленных австрийцев, «заявляющих о принадлежности к православному исповеданию, но не могущих представить документальных данных в подтверждение этого заявления»¹⁰⁶.

Летом 1915 г. Синод отдал распоряжение епархиальным властям об устройстве с военнопленными славянами религиозно-нравственных бесед, первые из которых состоялись на местах еще до выхода названного документа. В Екатеринбурге, к примеру, они были организованы по инициативе епархиального миссионера протоирея Александра Здравомыслова. Дважды посетив кирпичеделательный завод П.Ф. Давыдова, отец Александр выяснил, что работавшие здесь пленные русины, будучи униатами, предпочитали посещать не костел, а православный храм, и «к слушанию бесед и поучений православного священника они весьма расположены»¹⁰⁷. Развернуть бурную деятельность на этом поприще батюшке помешало было отсутствие соответствующего разрешения со стороны властей, но оно заставило себя ждать совсем недолго. Объезжавший весной 1915 г. свои «владения» Харьковской архиепископ Антоний заметил, что пленные галичане, молдаване, сербы, чехи и словаки православного и униатского исповедания весьма усердно посещают православную службу.

¹⁰⁴ См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 132, 500, 507; Ф. 280. Оп. 1. Д. 2752. Л. 410; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 635; и др.

¹⁰⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 17 об.

¹⁰⁶ Отдел официальный // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 26. С. 351–352.

¹⁰⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 262, 262 об.

«Между тем, исключая немногие епархии, эти достойные всякого участия наши единоверцы и одноплеменники остаются без всякой заботы со стороны церкви», — подытоживал приходящие с мест сигналы обер-прокурор Святейшего Синода¹⁰⁸. В связи с этим «в ведомстве православного вероисповедания возникла мысль основать во всех губерниях под председательством преосвященных, с участием и представителей местной государственной власти, попечительные о пленных православного и греко-униатского исповедания братства, которые должны быть снабжены определенной инструкцией строго церковного и патриотического направления»¹⁰⁹.

С таким заманчивым предложением военное ведомство не согласиться просто не могло, рассматривая специальные епархиальные попечительные комитеты в качестве инструмента приобщения пленных славян не только к «истинным ценностям», а если потребуется — то и к священной войне «против врагов всего славянства»¹¹⁰. Как результат сокровенные беседы с пленниками быстро превратились в назидательные лекции, а редкие визиты служителей культа к местам их работ — в организованные экспедиции. В одной из них отметился вице-председатель Всероссийского русско-черногорского благотворительного общества, священно-синеккел Черногорской митрополии иеромонах Мардарий (в миру Иван Ускокович), в то время обучавшийся в Петроградской духовной академии, а впоследствии возглавивший Американско-Канадскую епархию Сербской православной церкви. Командированный в августе 1915 г. на Урал, он посетил предприятия Нижнетагильского, Луньевского и Богословского горных округов. В беседах с военнопленными отец Мардарий, «указав на тяжелое положение славян, подпавших под иго Австрии и Германии, ... одобрил их поступок отдаться в плен и ... не проливать кровь своих родных братьев славян»¹¹¹. «В Морозковском лесничестве в одной казарме, населенной

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 419, 422, 697.

¹⁰⁹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 265, 265 об.

¹¹⁰ См.: Распоряжение Святого Синода // Уральская жизнь. 1915. 13 окт.

¹¹¹ ГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 72. Л. 37–38.

исключительно сербами, военнопленные встретили Мардария радостно и заявили ему, что они были бы очень рады, если бы русское правительство допустило бы их в ряды своей армии и позволило бы сражаться против Австрии — векового их угнетателя...», — рапортовал полицейский исправник Верхотурского уезда пермскому губернатору по итогам поездки православного миссионера, подчеркивая их исключительно позитивный характер¹¹².

Главным итогом деятельности Екатеринбургского епархиального попечительного комитета о пленных стало православное крещение 23 июня 1916 г., в день памяти Яна Гуса, 26 военнопленных чехов (21 офицера и 5 денщиков из нижних чинов)¹¹³. В Златоустовском храме Екатеринбурга даже образовался чешский хор, который просуществовал до 24 июля 1916 г., когда новокрещенные «как верные воины Христовы и как истинные славяне, подкрепленные желанием освободить бедное свое Отечество», в полном составе отбыли в распоряжение чешских частей русской императорской армии¹¹⁴. Примеру соотечественников в августе 1916 г. последовало еще несколько «добрых» чехов, в скором времени также отправившихся в войска¹¹⁵. К слову сказать, в Омске в то же время насчитывалось порядка 300 военнопленных славян, перешедших в православие, включая 140 русинов, 129 чехов, 14 поляков, 5 словаков и одного хорвата¹¹⁶.

Очевидно, что «эксплуатация» веры, нацеленная на интеграцию пленников не столько в духовную, сколько в политическую жизнь, обнаруживала со всей откровенностью свои сервильность и обмирщение. Однако такое положение вещей складывалось главным образом там, где пленные были достигаемы для

¹¹² ГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 72. Л. 37–38.

¹¹³ См.: Ходатайство пленных чехов // Зауральский край. 1916. 10 июня. По данным, приводимым в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях», новоприсоединенных было 25, а не 26 человек (См.: Отдел неофициальный // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. № 26. С. 209–212).

¹¹⁴ См.: Чешский хор // Зауральский край. 1916. 3 июля; Добровольцы-чехи // Зауральский край. 1916. 29 июля; Прощальный привет // Зауральский край. 1916. 2 авг.

¹¹⁵ [Без названия] // Уральская жизнь. 1916. 21 авг.

¹¹⁶ Переход в православие военнопленных // Правительственный вестн. 1916. 17 июня.

систематической «обработки», в то время как религиозная жизнь всех прочих обнаруживала другую крайность. Она, даже несмотря на визиты проповедников, как правило, ограничивалась личными отношениями военнопленных с Богом, защищенными от массированного вторжения извне лесами, горами, полями и т.д., что более чем наглядно зафиксировала одна из жалоб пленных в середине 1916 г.: «Живём здесь, как дикари в пустыне: ни церкви, ни костела, за все время один раз видели ксендза»¹¹⁷.

Образовавшийся таким образом зримый разрыв между двумя полюсами, на одном из которых религиозная жизнь была выставлена на показ, а на другом оставалась невидимой и неведомой, доказывал, что поверхностный интерес к внутренним переживаниям пленников веры как таковой вовсе не касался. Он, вероятно, стал дополнительным средством апелляции к образу праведной и жертвенной Святой Руси, взывавшему скорее к сознательному и бессознательному «аборигенного» населения, нежели пленных иностранцев. И что при этом было важнее, еще одна возможность нажима на общество посредством ретрансляции основ его «Я-концепции» или их инструментализация в целях прагматизации плена, остается вопросом.

Как бы там ни было, но ни «этнизация», ни сопровождавшая ее «конфессионализация» плена так и не стали векторно однозначными процессами. В некоторой степени это подтверждает тот факт, что с приходом к власти большевиков стычки пленных на почве национальной и религиозной розни быстро сменились конфликтами совсем другой «этиологии». К примеру, 4 марта 1918 г. в екатеринбургском «Кафе-де-Пари» военнопленный австрийский солдат сорвал с находившегося тут же австрийского офицера погоны, прокомментировав свой жест следующим образом: «Очевидно, он (офицер) считает себя одним из представителей тех белогвардейцев, которые громят русскую революцию, — это его дело, а кичиться этим перед

¹¹⁷ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 209. См. также: Там же. Л. 211 и др.

сочувствующими русским гражданам я не позволю»¹¹⁸. Другим примером «классовой вражды» в среде военнопленных можно считать происшествие, случившееся в Ирбите, когда рядовой австро-венгерской армии Лаюш Гросс среди бела дня явился в гостиницу «Сибирское подворье» и, не стесняясь свидетелей, «экспроприировал» вещи проживавших здесь офицеров¹¹⁹. Новому расколу в рядах пленных иностранцев в немалой степени способствовало обязательное постановление главноуполномоченного отдела по делам военнопленных Уральской области С. Симашко, требовавшее поставить охрану ко всем офицерским баракам и исключить любые передвижения офицеров без конвоя¹²⁰. Дискриминационная политика в отношении офицеров открыто проводилась вплоть до весны 1918 г., когда нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий распорядился «не допускать в лагерях военнопленных никаких насилий военнопленных одних убеждений против военнопленных иных убеждений, в частности, против военнопленных офицеров»¹²¹.

Переориентация пленных иностранцев на иные критерии солидаризации, нежели этничность и вера, началась, кстати, задолго до Октябрьского переворота 1917 г. Так, Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов, созданный в июне 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов, уже в июле разослал на места указания об организации среди пленных иностранцев митингов под лозунгами «Долой войну!», «Да здравствует международная революция!», «Да здравствует братство всех народов!»¹²². Слоганы интернационалистической направленности были определены в качестве главных и для демонстраций, организованных среди военнопленных по распоряжению большевистского

¹¹⁸ Среди военнопленных // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 7 марта.

¹¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 687. Оп. 1. Д. 2008. Л. 1; Д. 2009. Л. 1.

¹²⁰ См.: Обязательное постановление главноуполномоченного областного отдела военнопленных // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 7 марта.

¹²¹ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 58. Л. 119. См. также: Приказ наркома по военным и морским делам Л. Троцкого // Изв. Центрального Исполнительного Комитета. 1918. 21 апр.

¹²² См.: ГА РФ. Ф. р-6978. Оп. 1. Д. 564. Л. 6.

правительства¹²³. «... В 4 часа дня из разных частей Петрограда с красными знаменами и пением подошли военнопленные к рабоче-крестьянскому дому. В 5 часов военнопленные немцы, чехи, австрийцы и венгры собрались в зале дома на митинг протеста против нашествия германо-австрийского империализма на социалистическую территорию Советской Республики России», — подчеркивала пресса интернациональный характер состоявшегося в столице 21 февраля 1918 г. мероприятия¹²⁴.

К весне 1918 г. на интернациональной же платформе практически повсеместно были созданы союзы, комитеты и прочие организации военнопленных. К концу апреля 1918 г. они объединяли в Алапаевске 280 человек, Верхотурье — 50, Егоршино — 300, Екатеринбургe — 3600, Ирбите — 700, Карабаше — 50, Кушве — 515, Кыне — 150, Надеждинске — 50, Нижнем Тагиле — 37, Челябинске — 780, Шадринске — 350¹²⁵. Любопытно, что при этом «организованные» пленники обнаруживали подлинный интернационализм исключительно в своих экономических требованиях. Так, военнопленные Кушвинского завода и его окрестностей нашли нужным «организоваться», во-первых, для того, чтобы добиться улучшения своего экономического положения, и только, в-третьих, для того, «чтобы после мира оставаться в братском отношении с русскими товарищами и совместно классовую борьбу продолжить»¹²⁶. В то же время пленные в не столь отдаленном Оренбурге просили местный губисполком о предоставлении им права бесплатного пользования баней, а также о выделении помещения под сапожную, портновскую и столярную мастерские¹²⁷.

¹²³ См.: К сведению всех Советов // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 23 февр.

¹²⁴ Митинг протеста военнопленных // Там же.

¹²⁵ См.: Конференция союза социал-демократов интернационалистов-военнопленных Урала // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 26 апр.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. р-8402. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

¹²⁷ См.: Военнопленные в Оренбурге // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 26 апр.

С подписанием Брест-Литовского мирного договора всякая агитация среди пленных была запрещена. Но, несмотря на это, идеи коммунистического интернационала им продолжали методично прививаться, о чем свидетельствовали многочисленные протесты Королевского датского генерального консульства, Главной германской комиссии по делам военнопленных, краснокрестных и прочих гуманитарных организаций, основанные на телеграммах с мест — из с. Новосильского под Тулой, Буя и Кинешмы Костромской губернии, станции Красное по дороге на Оршу, поселка Клязьмы Московской губернии, города Кимры Тверской губернии, Самары и других¹²⁸. Подстегнуть процесс «интернационализации» плена, по мысли властей, должны были революции в Австро-Венгрии и Германии, начало первой из которых пленным в Оханске было предложено торжественно отпраздновать под дулом револьвера¹²⁹.

Противоправные в своей основе факты большевистской пропаганды среди военнопленных, категорически отвергаемые властями всех уровней, получили самое широчайшее распространение отчасти потому, что революционные солдаты на местах считали, что «они в своей стране могут делать, что им угодно»¹³⁰. Вместе с тем, к лету 1918 г. извлечением из политизации пленных иностранцев исключительно моральных процентов устремления большевиков уже не ограничивались. Еще с началом весны 1918 г. английские, французские и американские газеты буквально запестрили сенсационными сообщениями о том, что большевики вооружают «десятки тысяч немецких и австрийских военнопленных в Сибири» для борьбы с чехами¹³¹. Однако весной же 1918 г. международные наблюдатели, капитаны Хикс и Уэбстер, члены британской военно-разведывательной миссии и американской миссии Красного Креста в России соответственно, после командировки на восток России опровергли

¹²⁸ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 557. Л. 1, 5, 9, 12, 17, 22, 32, 33, 36, 37, 42 и др.

¹²⁹ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 8. Д. 45. Л. 4.

¹³⁰ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 557. Л. 30.

¹³¹ См.: Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 1947. С. 59–60.

сведения о массовом вооружении немцев и мадьяр в Сибири¹³². Обнаружить в Томске 60 тыс. снабженных оружием и боеприпасами немцев, о которых писала «Нью-Йорк таймс», им так и не удалось. При этом со своей инспекционной поездкой американцы и британцы явно поспешили, поскольку процесс целенаправленной «милитаризации» плена только обозначился, в то время как интернационалистическая перспектива стремительно превращалась в безальтернативную.

Действительно, еще в апреле 1918 г. советская печать обнаруживала слабые признаки национальных предпочтений новых властей, тождественных, что характерно, аналогичным предпочтениям властей старых: «Солдаты чехи, словаки, сербы, хорваты, словенцы, поляки, румыны! Все, кому дороги идеи русской освободительной, записывайтесь в ряды образцовой добровольской Советской армии южных республик. Условия и пункт записи: Москва, 1-я Мещанская, 27»¹³³. Но с укреплением большевистского режима таким призывам на страницах официальной прессы места находилось все меньше и меньше. С назреванием же в России Гражданской войны военнопленные превратились в объект повышенного внимания и рассматривались прежде всего как люди с недавним боевым прошлым, «национальность» которого принципиального значения не имела, будь оно немецким, мадьярским, чешским, хорватским, болгарским, румынским, польским или любым другим. «... Социалистическая Российская Республика Советов есть отечество рабочего класса, — отечество, которого не знал еще мир... Естественно, что в защиту этого отечества — Республики Советов — с небывалым подъемом поднимает оружие наш товарищ, рабочий интернационалист, рабочий военнопленный... Он почувствовал себя сыном мировой рабочей семьи, солдатом всемирной армии труда, и твердыми уверенными шагами идет против всех врагов рабочего класса в рядах борцов за

¹³² См.: ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 27–28.

¹³³ Вниманию военнопленных // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 19 апр.

советскую власть... Товарищи рабочие России, впервые во всем мире завоевавшие своей кровью отечество, помните, что национальные границы все более и более разрушаются... Новые границы намечаются во всем мире — границы между двумя классами мира, классом угнетателей и классом угнетенных... Гражданская война, баррикадная война охватит мир и совершенно сотрет устаревшие национальные границы, — границы, нужные монархам, капиталистам, паразитам и ненужные и вредные для рабочих», — отвечала газета «Уральский рабочий» на вопрос «Почему мы вооружаем военнопленных?» в мае 1918 г.¹³⁴

При этом, несмотря на все попытки различных национальных организаций сохранить свою роль в определении политики национальностей, сделать это им так и не удалось. Точки над *i* были окончательно расставлены в сентябре 1918 г., когда некий Дмитриевич, представитель не то Сербской военной миссии¹³⁵, не то Югославянской революционной федерации¹³⁶, обратился в Совет народных комиссаров с письмом следующего содержания: «Среди австрийских военнопленных находится очень много югославян (сербов, хорватов и словенцев). Численность их выражается очень внушительной цифрой, а именно до 150 тыс. человек... Предоставленные сами себе, плохо разбирающиеся в политических событиях, лишённые всяких средств к существованию наши югославы, хотя и распропагандированные в революционном духе, представляют благодатную почву, из которой контрреволюция черпает свои пополнения. Сотнями и тысячами эти югославы, проживающие в настоящее время в Саратове, Царицыне, Нижнем [Новгороде], Астрахани, Пензе, Тамбове и других местах,

¹³⁴ Почему мы вооружаем военнопленных? // Уральский рабочий. 1918. 26 мая.

¹³⁵ Как указывает М. Йованович, 18 августа 1918 г. чекисты арестовали сербскую военную миссию при посольстве в Москве во главе с полковником Лонткиевичем и одновременно совершили обыск в петроградском посольстве. Поэтому представлять указанную миссию Дмитриевич, наверное, уже не мог (см.: Йованович М. Ось Белград — Омск // Родина. 2003. № 10. С. 92–94).

¹³⁶ Сомнения в принадлежности Дмитриевича к Югославянской революционной федерации связаны с тем, что указанная организация выступала за нейтральное отношение югославянских пленников к революционным событиям в России.

могут по малейшему поводу, из-за хлеба, перейти на сторону контрреволюции. В этот критический момент необходимо для удержания наших людей, вступающих из-за хлеба в контрреволюционные ряды, образовать сборные пункты для извлечения всех голодающих югославын из прифронтовой полосы. На все эти пункты необходимо послать наших людей и агитаторов, которые бы в тесном контакте с Советской властью на местах скорее бы выполнили эту работу... Присутствие этих агитаторов на местах с целью удержания сербов, хорватов и словенцев как самых демократических из всех славян от вмешательства в контрреволюционные выступления будет способствовать удержанию всех остальных колеблющихся. Эти сборные пункты необходимо назначить на всех дорогах, идущих на север, восток и юг от Москвы...»¹³⁷. Из пленных, сосредоточенных в указанных пунктах, автор рекомендовал создать рабочие батальоны, каковые и начали создаваться на местах на основе добровольности. Таковой батальон в составе 4 рот был, к примеру, создан в Воронеже. Однако здесь, как и везде, рабочие батальоны из пленников включали немцев, мадьяр, словаков, хорватов, румын, русинов, поляков, чехов, сербов и т.д., — то есть представителей самых разных народностей, без разбора меж ними «самых демократических» и прочих¹³⁸.

Решительно покончив со всякими реминисценциями на тему этнизации плена и возведя в абсолют принцип классовой солидарности, большевики последовательно реализовывали эту политику на всех уровнях. Еще до аннулирования Брест-Литовского мира при всех местных коллегиях о пленных и беженцах были открыты культурно-просветительские отделы, главной целью работы которых стало «распропагандирование» бывших вражеских военнослужащих. Оно осуществлялось посредством «распространения среди пленных и беженцев газет и брошюр, устройства лекций, митингов, собеседований по политическим вопросам, организации курсов, профессиональных школ, библиотек и прочего»¹³⁹. В годовщину же празднования

¹³⁷ ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 94.

¹³⁸ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 564. Л. 19, 24.

¹³⁹ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 3. Л. 151.

«Российской Рабочей Крестьянской Революции» надавить на пленных — и не только пленных — решено было весьма незатейливым способом. Специальный приказ Центропленбежа требовал: «...Бывшим вражеским военнопленным, находящимся в лагерях и иных местах водворения и состоящим на довольствии учреждений Центропленбежа или его местных органов, а также беженской бедноте, снявшейся с последних мест их жительства и находящейся в пути следования на родину, в указанный день выдать улучшенную пищу. Пленным и беженцам, ... которым выдается не пища натурою, а кормовые деньги, сверх таковых выдавать 25 октября по старому стилю по 5 рублей на каждого, на беженцев равным образом без различия взрослых и детей»¹⁴⁰.

Так или иначе, но необходимо признать, что обрести в среде военнопленных союзников, готовых транслировать свой революционный опыт и по возвращению на родину, большевикам действительно удалось. А потому совсем не удивительно, что в целях иммунизации от «красной» заразы на родине пленных по их возвращению даже создавались специальные карантинные лагеря, действовавшие, к примеру, в Австрии до 1925 г.

Самых убежденных в идеях большевизма пленников объединили, как известно, иностранные секции РКП(б), которые, правда, явно не отличались многочисленностью своих членов (см. табл. 41). Думается, однако, что большой беды большевики в этом не видели, поскольку ими иностранные секции РКП(б) изначально рассматривались как не более чем амортизирующая пристройка, необходимая для обеспечения успешного хода массовой репатриации. Сугубо утилитарный характер иностранных групп РКП(б) отчетливо проявился в конфликте между Екатеринбургским губкомом и местной секцией иностранных коммунистов в марте 1920 г. Источники сообщают, что в ответ на попытку губкома организовать митинг военнопленных от имени, но без ведома секции, ее президиум 4 марта 1920 г. постановил: «Ввиду того, что губком за последнее время вполне игнорирует президиум секции иностранных коммунистов,

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 3. Л. 192.

устраивает от имени секции митинг без ведома и участия последней и в связи с некоторыми другими случаями, которые ясно доказывают, что губком нисколько не интересуется секцией иностранных коммунистов, президиум считает дальнейшую работу при таких условиях невозможной, потому извещает губком, что чувствует себя принужденным сложить с себя всякую ответственность за дальнейшие работы секции и свою деятельность прекратить»¹⁴¹. Секцию, естественно, не закрыли, — это случилось только в 1921 г., — но возникшая ситуация наглядно показала, что диспетчерские функции групп иностранных коммунистов из числа бывших военнопленных были важнее любых других. При этом формирование указанных секций по этноязыковому принципу, способствуя более эффективному управлению пленными, олицетворяло собой предельный прагматизм новых властителей России, но не более того.

Таблица 41

Секции коммунистов, образованные Венгерским бюро по агитации и пропаганде при Уральском бюро РКП(б), по состоянию на середину 1920 г., чел.

	Членов партии, человек	Кандидатов в члены партии, человек	Всего, человек
Екатеринбург	18	5	23
Ишим	16	5	21
Курган	30	6	36
Кустанай	4	11	15
Пермь	10	Нет данных	Нет данных
Троицк	29	39	68
Тюмень	53	Нет данных	Нет данных
Челябинск	22	52	74

Источник: Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 216. Л. 8.

Что касается стратегии антибольшевистских правительств, то они как преемники «старого» режима закономерно исповедовали этнодифференцирующий подход к военнопленным, рассматривая их «дружественную» часть в качестве своих союзников в борьбе с большевизмом. Как уже указывалось выше (см. гл. 2.1), с 29 июля 1918 г. в соответствии с постановлением Временного Сибирского правительства мадьяры и немцы подлежали обязательной изоляции в особых лагерях, разворачиваемых в городах, в то время как прочие пленные и, прежде всего, пленные «романо-славянского

¹⁴¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 733. Л. 368.

происхождения» размещались по деревням и станицам, где было значительно проще с работой и продовольствием. При этом все чехи и словаки уже с конца августа 1918 г. считались мобилизованными в Чехословацкую революционную армию, подчиненную Чехословацкому национальному совету в России, и формально перестали быть военнопленными¹⁴².

Не прошло и месяца, как совершенно неожиданно для себя власти столкнулись с тем, что Чехословацкий национальный совет предъявил претензии на исключительное и нераздельное распоряжение всеми пленниками, оказавшими на территории «белых» Сибири и Урала. В записке, направленной 16 сентября 1918 г. в штаб Омского военного округа уполномоченным указанного совета, в частности, указывалось: «В тылу нашей Чехословацкой действующей армии появляются недопустимые с военной точки зрения явления среди военнопленных. Шпионаж с их стороны доходит до баснословных дерзких размеров, что возможно исключительно только при отсутствии надлежащих мер пресечения, которые никогда не могут быть действительными со стороны русских властей благодаря непониманию их языков, незнанию их нравов. Самые заядлые наши враги из военнопленных, мадьяры и немцы, свободно разгуливают, свободно передвигаются, планомерно даже с разрешения концентрируются. Военнопленные на самом деле не подвергнуты никакому контролю, даже больше, есть случаи, что находят со стороны русских властей прямую поддержку в своих замыслах... На основании вышеизложенного и согласно решения нашего Чехословацкого национального совета от 5 сентября сего года в городе Екатеринбурге, прошу не отказать передать мне в ведение ... всех военнопленных от реки Иртыш на западе по Урал с их лагерями...»¹⁴³

Эту проблему пришлось решать Временному Всероссийскому правительству. Его член и одновременно Верховный главнокомандующий генерал В.Г. Болдырев пойти на встречу устремлениям Чехословацкого совета возможным не счел

¹⁴² См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 5, 5 об., 50.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. р-192. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

и, «усматривая в них возможность ущемления авторитета и суверенных прав Российского государства», отдал приказ, строго определявший границы компетенции национальных советов¹⁴⁴. Одновременно с сим правительство запретило посылку славян на какие бы то ни было принудительные работы, в октябре 1918 г. начав их временную — до отправки на родину — концентрацию в особых национальных лагерях и продолжая тем самым взятый предшественниками политический курс¹⁴⁵.

Тем не менее, имея право только на агитацию, оказание материальной помощи «своим» пленным и формирование соответствующих добровольческих частей, национальные советы постоянно брали на себя значительно больше. В результате в лагерях Красноярска, Новониколаевска, Томска и ряде других сложилась весьма странная ситуация — ситуация двоевластия, выразившаяся в наличии сразу двух лагерных комендантов¹⁴⁶. Но негативные последствия «этнизации» плена этим не исчерпывались. Она, в чем воочию убедилось Омское правительство А.В. Колчака, катализировала процесс дезинтеграции пленников, причем катализировала настолько, что даже в среде наиболее «дружественных» из них, то есть славян, наметился раскол. Самый крупный конфликт на этой почве разразился в Омске после назначения комендантом местного концентрационного лагеря № 2 представителя Карпаторусского национального совета поручика Коценко. Это решение по умолчанию означало «верховенство» русинов над всеми остальными пленниками, в мановение ока превратившимися в людей второго сорта. Дошло до того, что последним было отказано в отпуске на сельскохозяйственные работы, который делался возможным только после записи в карпаторуссы. Меньше всего такое положение устраивало пленных украинцев, не замедливших обозначить свое неудовольствие: ««Мы, украинцы, считаем карпаторуссов изменниками и ренегатами украинского народа, они это прекрасно знают и потому делают все возможное, чтобы взять здесь над нами верх, чтобы

¹⁴⁴ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 4.

¹⁴⁵ См.: ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 209, 209 об., 532.

¹⁴⁶ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 7, 51, 55.

здесь сводить с нами счета свои партийные и мстить нам за свое политическое поражение на родине и чтобы здесь наше положение сделать невыносимым. Мы просим русские власти освободить нас от власти Карпаторусского совета в интересах хороших отношений между русскими и украинцами»¹⁴⁷. Исходя из указанных интересов или по каким-то другим причинам, но сообразно с почто-телеграммой на имя начальников штабов округов за № 219/518 от 8 января 1919 г. снятие пленных с работ, вызванное их концентрацией по национальному признаку, было приостановлено¹⁴⁸. При этом обывателю, мало сведущему в хитросплетениях «родственных» связей между различными этноязыковыми группами, пришлось даже разъяснять, что карпаторуссы, равно как и чехи, словаки, сербы и поляки, происходят из одной общей семьи — семьи славянских народов, и их должно «считать своими братьями»¹⁴⁹.

Все эти события происходили на фоне жаркой дискуссии о необходимости кардинальных перемен в судьбе «дружественных» пленных. «В связи с событиями, свершившимися в Австро-Венгрии, славянские народы, входившие в состав бывшей империи, объявлены свободными и самостоятельными. Таким образом, находящиеся ныне в русском плену солдаты романо-славянского происхождения ... (поляки, карпаторуссы, украинцы, сербы, хорваты, словенцы, чехословаки, румыны и итальянцы) стали свободными гражданами соответствующих вновь образовавшихся государств, и дальнейшее содержание их в России в концентрационных лагерях на положении военнопленных не только не является необходимостью, но и ложится чувствительным бременем на государственный бюджет», — полагали военные, предлагая предоставить пленникам «романо-славянского происхождения» свободу в выборе места жительства и рода деятельности и рассматривать их в дальнейшем как иностранных подданных, временно находившихся на территории России¹⁵⁰.

¹⁴⁷ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 202, 209.

¹⁴⁸ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 200. Л. 71.

¹⁴⁹ Не забывайте о карпаторуссах // Сибирский казак. 1919. 14 сент.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 610. Л. 2.

Однако гражданские власти считали намеченное на 15 мая 1919 г. освобождение названных пленных преждевременным. Министр иностранных дел колчаковского правительства, к примеру, серьезно сомневался, насколько легитимным будет то, что государство сложит с себя обязанности, налагаемые на него международными договорами в то время, когда оно освобождает военнопленных способом, не установленным международными договорами¹⁵¹. Министр внутренних дел, в свою очередь, также возразил: «Предоставление указанным военнопленным свободы в выборе места жительства и выезда на родину по условиям данного момента было бы несколько рискованным, так как нет никакой гарантии, что они действительно выедут и не останутся в России, увеличив военные силы большевиков»¹⁵².

Мнение гражданских чинов поддержали представители «союзных» сил, исходившие, правда, из собственных соображений. Так, один из членов Французской военной миссии в Сибири подчеркивал, что «освобождение упомянутых пленных в результате увеличит деятельность различных комитетов, которые заняты или займутся ими, увеличит, вероятно, и стеснение, которое вызывает здесь то переполнение, которым мы будем обязаны пленным, так как для людей, выпущенных на свободу, нужно будет, конечно, больше помещений и т.д. Можно представить себе, что результат будет только казаться выгодным, если не будут приняты предварительные меры...»¹⁵³. Чехословацкий уполномоченный, комментируя планы Главного штаба Верховного главнокомандующего, акцентировал внимание на том, что разгрузка Сибири от военнопленных в широком масштабе вряд ли возможна, учитывая нежелательность «разрушения с большим трудом налаженного серьезного дела» вербовки пленных в войска. Аналогичной позиции придерживался, судя по всему, и занявший в январе 1919 г. пост представителя Высшего межсоюзного командования и главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерал М. Жанен, ссылаясь на которого источник в правительстве А.В. Колчака указывал:

¹⁵¹ См.: ГА РФ. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 610. Л. 4, 4 об.; РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 57. Л. 15.

¹⁵² РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 57. Л. 18.

¹⁵³ Там же. Л. 58.

«Полное освобождение славян с правом возвращения на родину внесло бы разруху в дело формирования воинских частей, комплектуемых пленными романо-славянской национальности...»¹⁵⁴.

В конце концов под давлением союзников Омское правительство временно отказалось от идеи перевода «дружественных» военнопленных на положение иностранных подданных¹⁵⁵, предоставив им лишь невнятные льготы, весьма похожие на те, что были предложены полякам, а затем и другим пленникам Временным правительством. «Главный штаб ... в данный момент борьбы с германо-большевизмом, когда часть пленных вступила в ряды своих национальных войсковых частей и проливает свою кровь бок о бок с русским войсками за общие идеи славянства, а другая часть, находясь в лагерях, и, явно не симпатизируя первой, старается внести разложение в умы активно выступивших, ... не считает возможным предоставлять широкие льготы военнопленным вообще, а в отношении славян [предлагает] ограничиться следующими: 1. группировать военнопленных славян по возможности в отдельных помещениях (бараках), 2. право иметь уполномоченного при раздаче и отправке корреспонденции и посылок, 3. право на покупки на местных рынках и прогулки под надзором, 4. право посещения богослужений под надзором, 5. право в особых случаях жить на частных квартирах, 6. право живущим на частных квартирах заниматься трудом соответственно их подготовке и профессии, 7. право на перемещение из одних мест водворения и совместное проживание родственников, 8. право посещать места водворения пленных представителям национальных организаций при условии наличия у них удостоверений от Главного штаба, 9. право вступать в браки», — ответствовали военные власти в марте 1919 г. на ходатайство Польского национального комитета, хлопотавшего об улучшении положения пленников-поляков¹⁵⁶.

¹⁵⁴ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.

¹⁵⁵ Речь об освобождении пленных, а именно поляков, снова зашла в сентябре 1919 г., но случилось ли это освобождение, не известно.

¹⁵⁶ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 277–278, 286.

В апреле 1919 г. последовала дополнительная инструкция, разрешавшая жительство пленных «дружественных» народностей на частных квартирах только при условии наличия у них «удостоверений о полной лояльности» от государственных учреждений или общественных организаций, а также подписки о невыезде из данной местности. Относительно всех прочих льгот как бы между прочим присовокуплялось, что претендовать на них могут лишь лица, принявшие русское подданство¹⁵⁷. Излишне, наверное, распространяться о том, что это означало для олицетворявших «братские народы» пленников, — пленников, в большинстве своем наблюдавших за противоборством «белых» и «красных» со стороны.

«В русском плену особенно жилось плохо славянам. Нас угнетали за славянство дома, но и в дружественной славянской России мы никогда не чувствовали себя в лучших условиях, чем наши исконные враги немцы и мадьяры», — писал пленный галичанин на родину в апреле 1919 г., не скрывая своего разочарования¹⁵⁸. Очевидно, что логику, в соответствии с которой антибольшевистские правительства выстраивали свою политику применительно к узникам войны с теми или иными этническими корнями, пленники не просто не понимали, — они ее не улавливали. Баланс между гибкостью и твердостью при определении указанной политики так и не был найден ни Временным Сибирским правительством, ни Уфимской директорией, ни Омским правительством А.В. Колчака. Пролонгированный ими курс на этнизацию плена и национализацию армии, — причем пролонгированный вынужденно в знак своего рода признательности Чехословацкому корпусу, — оказался, возможно, одной из тех роковых ошибок, которые стоили России исторической альтернативы.

Как представляется, национализация и интернационализация как два главных и, казалось бы, оппозиционных курса политизации плена, никакой пропастью на

¹⁵⁷ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 107.

¹⁵⁸ Там же. Л. 166 об.

самом деле не разделялись. И дело даже не в том, что на уровне конкретных тактических решений они обнаруживали свою ограниченную реализуемость. Как в том, так и в другом случае речь шла о политике конфронтации, противопоставления чаяний одних пленников чаяниям других. И те, кто опирался на постулаты панславизма, и те, кто эксплуатировал идеи коммунистического интернационала, использовали плен как лабораторию, в которой активно конструировались ирреальные по своей сути (но не по названию) этничности и классовости, предлагавшиеся пленникам официальной пропагандой в качестве альтернативы их собственным представлениям об этих «вещах». В этом смысле плен как пространство политико-идеологических манипуляций безболезненно встраивался в общероссийское политическое пространство, лишней раз фиксируя преемственность между политикой населения, осуществлявшейся в дореволюционной России, с одной стороны, и в большевистской России — с другой. Что же касается социальных порядков, то в условиях их «недомодернизированности» и связанной с ней перестройки всего российского общества, плен, казавшийся чем-то временным и незначительным, стал не только одним из маркеров социальной нестабильности, но и фактором, повлиявшим, наряду с массой других факторов, на реконфигурацию актуальных социальных границ.

4.2. Социальные логики плена: инклюзия и эксклюзия

Автор концепции социального пространства, П. Бурдьё, подчеркивая трудности в выявлении объективных социальных связей, указывал: «Взаимодействия, ... [которые] можно наблюдать, снимать, регистрировать, короче, трогать пальцами, заслоняют структуры, которые в них реализуются. Это один из тех случаев, когда видимое (непосредственная данность) скрывает невидимое, которым она определяется»¹⁵⁹. Обозначенная таким образом проблема «невидимости» социального действия вполне актуальна и применительно

¹⁵⁹ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 187.

к пространству российского плена 1914–1922 гг., социологическая панорама которого едва поддается деконтекстуализации или хотя бы автономизации, оставаясь загадкой, до сих пор завернутой в обертку социальной истории, исторической антропологии, социальной психологии или социологии опыта¹⁶⁰. Между тем пленные как социальное «тело» объективно наличествовали и были не безразличны (к) социальным образованиям и порядкам нового для них мира. Степень этого «небезразличия», не обнаруживая линейных зависимостей и не поддаваясь строгой количественной оценке, определялась целым рядом факторов, причудливая комбинация которых отражала причудливость социальной географии России начала XX в. и то русло, в котором эта география развивалась.

«Эти люди не просто были вырваны из привычной культурной среды, но и потеряли всякую связь с социумом; в чуждых социокультурных условиях, нередко в окружении враждебно настроенного населения, перед которым они были практически беззащитными, их опыт оказывался бессмысленным или даже вредным», — характеризовал Д. Люкшин положение пленных иностранцев в России, как минимум, заблуждаясь¹⁶¹. Выброшенные на обочину или и вовсе за пределы привычных сетей социокультурного взаимодействия пленные тут же вовлекались в альтернативные сети такового, тем самым наглядно демонстрируя,

¹⁶⁰ См., к примеру: Абдрашитов Э.Е. О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 131–135; Вурцер Г. Мир чужой и непостижимый: к образу России Эдвина Эриха Двингера // Россия и русские глазами дальнего зарубежья: Сб. статей. Томск, 2002. С. 31–38; Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48–63; Люкшин Д. Немецкие военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта. С. 723–740; Нагорная О.С. Другой военный опыт: Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010; Первая мировая война: история и психология: Материалы Рос. науч. конф. СПб., 1999; Пылькин В.А. Образ русского плена в воспоминаниях солдат и офицеров первой мировой войны // Актуальные вопросы гуманитарного образования. Межвузовский сб. науч. тр. Рязань, 2012. С. 94–104; Семенова Е. Ю. Межличностные контакты женщин поволжского города с военнопленными в период Первой мировой войны: столкновение индивида с коллективной психологической установкой // Частное и общественное: Гендерный аспект: материалы IV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. в г. Ярославле. М., 2011. Т. 1. С. 475–479; Сенявская Е.С. Образ врага у участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140–145; Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; и др.

¹⁶¹ Люкшин Д. Указ соч. С. 724.

что социология плена развивалась не иначе, как в континууме между эксклюзией и инклюзией. В то время как беженцы из западных губерний страны обучили «аборигенное» население Урала неведомым ему ранее приемам ухода за картофелем, пленные иностранцы поделились с местными крестьянами своими «секретами» уборки зерновых и в частности их косьбы¹⁶². Тем самым вчерашние вражеские солдаты обнаружили, скорее, свою полезность, нежели вредность, лишней раз засвидетельствовав, что опыт не бывает ни плохим, ни хорошим. Составляющий едва ли не главное богатство индивида или группы, он наложил свой отпечаток на социально типические процессы и явления в сфере межличностной, внутригрупповой и межгрупповой коммуникации, — коммуникации не только вербальной, но и мыслительной, способствуя перезагрузке всей системы социальных взаимодействий и противодействий.

При этом источники свидетельствуют, что в российской глубинке пленных ждали с большой опаской, а кое-где и вовсе не ждали. «Да что это начальство-то думает, ведь они, пленные, всех нас здесь погубят, перебьют, сожгут наши дома, а потом и скроются. Разве можно на них надеяться, ведь они наши враги и нехристи» — роптали жители деревни Верхние Чермоды Осинского уезда, обнаруживая плоды целенаправленного пропагандистского воздействия со стороны государства и церкви¹⁶³. Прибывшие в Верхние Муллы пленные иностранцы, при всей их обезоруженности безусловно «вооруженные» своими специфическими официально-пропагандистскими представлениями о России и россиянах, также не без некоторого опасения взирали на перспективы вынужденного соседства с «русскими варварами»: «К местным общественным и правительственным властям офицеры и врачи обратились с петицией на французском языке, в которой, высказывая свою уверенность в культурности

¹⁶² См. об этом: Оханское собрание. О применении труда военнопленных // Пермская земская неделя. 1916. 20 марта; Чагин Г.Н. Беженцы Первой мировой войны в Чердынском крае: история переселения, обустройство на новом месте, дальнейшие судьбы // Вестн. Пермского ун-та. Сер.: История. 2010. № 1(13). С. 57.

¹⁶³ Пленные в деревне // Пермская земская неделя. 1916. 12 июня.

и просвещенности России, высказывают и свою надежду на культурное и гуманное с ними обращение»¹⁶⁴. Правда, очень скоро опасения пленников рассеялись, по крайней мере, в той своей части, которая была связана с ожидаемой со стороны «аборигенов» агрессией: «Надо отметить, население здесь весьма добродушно, но оно гнусным образом подстрекается баснями о германских зверствах (изуродование лиц, обрезание ушей и прочие нелепости). Всё же население незлобно: в Петрограде нас два часа водили по улицам напоказ населению, но это маленькое унижение прошло спокойно»¹⁶⁵.

Очевидно, первоначально пленники и обыватели воспринимали друг друга не иначе как унифицированную, гомосоциальную массу, и именно соединение в представлениях уральцев о военнопленных и у военнопленных об уральцах границ различных коллективностей способствовало «реанимации» застарелых стереотипов и предрассудков. Вместе с тем усеянное границами российское общество, не исключая его региональных и локальных проявлений, не могло не обнаружить в своих реакциях на вторжение чужаков некоторых различий. Городские жители, к примеру, оказались по сравнению с сельчанами более «гостеприимными» к прибывающим пленным. В городах вновь прибывавших военнопленных традиционно встречала толпа зевак, готовая не только посмотреть, но и поговорить — и желательно не только между собой, а еще и с вновь прибывшими чужеземцами. Более того, среди «аборигенов» нашлось немало сочувствующих пленным. 2 января 1915 г. в Екатеринбурге, во время стоянки поезда с турками, захваченными под Сарыкамышем, собравшиеся около вагонов тут же произвели между собою сбор в пользу несчастных¹⁶⁶. Тёплый прием, оказанный «несознательной» частью местного сообщества пленным врага, встревожил местных «патриотов», что незамедлительно отразила газета «Пермские ведомости»:

¹⁶⁴ Жизнь пленных турок в Муллах // Зауральский край. 1915. 11 февр.

¹⁶⁵ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 121.

¹⁶⁶ Военнопленные // Уральская жизнь. 1915. 3 янв.

«Городские наши дамы
 (Правда, кучка из них... дур)
 Проявили во дни брани
 Свои чувства чересчур.
 Подражательницы моды —
 Томских и казанских дам —
 Наши жалкие уроды
 Оказали честь врагам.
 Что им братьев вопли, стоны,
 И все ужасы войны,
 Зверства гнусные тевтонов
 Над их ближними-ж людьми...
 Они пленников встречали —
 Этих подлинных зверей —
 С поцелуями, цветами...
 Дорогих точно гостей...
 Обагрённых близких кровью
 Наши дамочки врагов
 Удостоили любовью
 Большею, чем родных борцов.

"Вот какие психопатки
 Ещё водятся в Перми"...
 От тех дам беря подарки,
 Удивлялись им враги...
 Да-ж с полей далёких брани
 На проделку диких дам
 Крик дошёл негодованья...
 Стыд изменницам и срам!...
 Но героев мы утешим:
 "Не судите строго так:
 Пленфилок наших местных,
 Как безумных маниак.
 Верьте, братья! В час сей брани
 Русь нам также дорога, —
 Наши мысли вместе с вами
 Против общего врага".
 Пусть поступок этот дерзкий
 Впредь послужит всем в урок
 Как предательский и мерзкий...
 Нашим дамам же — в упрек»¹⁶⁷.

Как представляется, причина несимметричного отношения к чужакам в городе и деревне крылась в традиционно несимметричной открытости города и деревни, лишней раз подтверждая максимум, в соответствии с которой «"чужое" воспринимается по-разному, в зависимости от многих факторов. Прежде всего, разной бывает сама готовность восприятия иного, диапазон которой широк: от интереса и любопытства до безразличия и далее — до активного неприятия, отторжения, отказа воспринимать»¹⁶⁸. При всем при том население российской

¹⁶⁷ Нинилам. Наши «психопатки» // Пермские ведомости. 1915. 9 июня.

¹⁶⁸ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 9.

провинции, как городское, так и сельское, оказалось в равной степени консервативно для того, чтобы позиционировать пленных иностранцев как потенциальную угрозу. Военнопленные были опасны не только потому, что принадлежали к стану «врагов», они олицетворяли разрушение привычного хода вещей и, больше того, будучи более мобильными, являлись соседями неприятно беспокойными.

«Русские так любезны и гостеприимны: зная, что у нас никогда не будет так много свободного времени и нам никогда не удастся так много путешествовать, они спешат показать нам все уголки России и Сибири, боясь, что мы вернемся домой, не осмотрев всех городов», — шутили на сей счет пленники¹⁶⁹. Провинциальной же России было не до шуток. Для подданных государства, накануне войны уступавшего по абсолютному числу всех внутренних и внешних мигрантов (10,2 млн человек) только Великобритании, но явно проигрывавшего многим странам Европы в подвижности населения на душу этого самого населения¹⁷⁰, пленные иностранцы с их стремительными перемещениями были значительно больше, нежели просто неудобство.

Плен и пленные, наряду с мобилизацией и мобилизованными, а также беженством и беженцами, напрямую способствовали превращению всевозможных движений и передвижений в универсальный феномен, а самих пленников — в фактор, дискредитирующий идею определенности места и ведущий к стиранию привычных географических границ. Позже З. Бауман напишет по этому поводу: «Чужак подрывает пространственный порядок в мире, координацию между ... совместным существованием друзей и удаленностью врагов. Его существование — угроза надежности классических географических границ как универсального инструмента упорядочивания мира»¹⁷¹.

¹⁶⁹ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 249.

¹⁷⁰ См. об этом: Кабузан В. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. 2004. № 4(18). С. 82–93.

¹⁷¹ Bauman Z. Modernity and ambivalence. Cambridge, 1991. P. 72. Цит. по: Гусев А. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. Т. 8. № 2. 2009. С. 74.

Без родины, без пристанища, без имущества, без дохода, без профессии, без близких, военнопленные лишались всякого социального положения, оказавшись вне сословий, вне классов, вне любых групп, чей статус, стабилизируя общественные связи, делает поведение его носителей предсказуемым для окружающих. Асоциальные применительно к регулярной системе социальных иерархий, пленные с их «пленностью» стали символом неопределенности, объединяя в себе признаки и диффузной формы социальности, и нисходящего социального перемещения, и социальной мутации одновременно.

При этом плен являл собой не просто своего рода социальный лифт. Только маргинализация здесь мало что объясняла. Действительно, стационарным российским обществом пленные трактовались не как социальное дно, а как внешнее по отношению к нему образование, как своеобразные группы эксклюзии, характеризовавшиеся состоянием лиминальности, — «зависания» человека между состояниями «уже не...» и «еще не...». Мысленное обобществление и геттоизация пленников позволяли членам принимающего коллектива поддерживать иллюзию очевидности пленных и прозрачности их социо-правового статуса, что, в свою очередь, обеспечивало видимость стабильности и управляемости происходящего в пространстве плена. Однако за этой иллюзией принимающее сообщество упустило из виду тот факт, что в условиях, когда военнопленные так до конца и не стали принадлежностью новой для них среды, эта среда, постепенно обживавшаяся «лиминантами», стала принадлежать им. В полной мере это отразило быстрое овладение военнопленными вербальными знаками, среди которых в силу закона экономии речевых усилий были выбраны наиболее «универсальные». Так, хорват Иван Магич, работавший в августе 1915 г. вместе с другими военнопленными на Невьянском заводе, при разговоре со смотрителем завода Гендриковым позволил себе выразить по-русски буквально следующее: «У вашего царя х., а не денежки, посылают к фабрикантам, а у них тоже х.. да п....»¹⁷²

¹⁷² ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 87.

Даже колониальный дискурс, зачастую сквозивший в высказываниях пленных иностранцев о некультурной России и её некультурных же обитателях, превратился в инструмент освоения и присвоения среды, используя там, где другие инструменты не работали. «Рискую послать это письмо, получение которого зависит от любезности цензора. Я здоров благодаря моему телосложению. Охотнее был бы у вас на поле сражения, однако должен находиться в рабстве некультурного мужика. Три раза в день кислое молоко, понятно, без рома. Хлеб белый, но полудикие бабы не умеют его испечь, так что после трех часов в поле [он] совершенно черствый, кроме того, завертывается во вшивые тряпки. К счастью, в госпитале купил себе миску и ложку, а то пришлось бы с этими свиньями есть из одной чашки. Мой сарай состоит из дерева и соломы. Воду нельзя пить. Сами крестьяне люди сносные, но грязны как свиньи. Живут здесь, как скотина в хлевах, без часов, календаря и т.д.», — живописал один из узников войны свою жизнь в российском плену, показывая при этом, что чужеродная среда со временем вполне осваивается, даже если её составляющие и не вызывают одобрения¹⁷³.

Осознание своей исключительности, парадоксально примиряя пленников с навязанной им реальностью, говорило о сохранении ими, не взирая на дезинтегрирующий характер диффузно устроенного российского плена, некоторой монолитности. Как проявление этой монолитности можно рассматривать ту молниеносную скорость, с которой среди пленных — и не только пленных — распространялись всевозможные кривотолки. Весной 1916 г. из уст в уста — и, возможно, под большим секретом — передавалась новость о том, что с 15 мая находящихся на рудниках Богословского горного округа пленных начнут снимать с работ. Молва твердила, что так решила Государственная Дума, намереваясь посредством отправки пленных домой или, в худшем случае, в особые лагеря, лишить военную промышленность рабочих рук и приблизить тем самым окончание войны. Спустя некоторое время слухи

¹⁷³ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 260.

конкретизировались, и речь теперь шла о снятии пленных с работ как в России, так и в Германии¹⁷⁴. Выяснилось, что «распространению этих слухов послужило распоряжение верхотурского уездного воинского начальника о составлении «списка о хорватах», зачем-то затребованного штабом Казанского военного округа. Слухи, не имевшие под собой равным счетом ничего, но охватившие в считанные дни весь Верхотурский уезд, а за ним и соседние территории, не на шутку напугали местную администрацию. Опасаясь непредсказуемых последствий столь активной внутригрупповой коммуникации пленных, она прибегла к помощи окружного инженера Северо-Верхотурского горного округа, который, однако, главных провокаторов так и не нашел. Масштабы же «брожения» среди вражеских военнослужащих впечатлили его настолько, что во избежание каких-либо эксцессов чиновник оставался в Богословском округе, на Богословском заводе, вплоть до 16 мая, никуда не выезжая даже по самым срочным делам службы¹⁷⁵.

Очевидно, что вторгшиеся в размеренную жизнь периферии, но в силу своей социальной «избыточности» «не замеченные» её обитателями, пленники сразу породили массу недоразумений, запутываясь в бесконечной цепи которых, «аборигены» тщетно искали способ её разорвать. «Настоящим доношу, что военнопленный Егор Кадор самовольно оставил работу у солдатских семей и ушел работать к Михаилу Кудрявцеву, а солдатским семьям работать совершенно отказался. Как видно, что Михаил Кудрявцев переманил к себе его, пообещал больше плат за день, чем ему приходилось», — писал 8 августа 1916 г. один из сельских старост Фоминской волости Тюменского уезда соседней с Пермской Тобольской губернии, требуя у вышестоящего начальства разобраться с главным виновником случившегося крестьянином М. Кудрявцевым и тем самым отказывая пленному Е. Кадору в самой возможности как ретроспективного, так и перспективного поведенческого выбора¹⁷⁶. Порожденный пленными конфликт

¹⁷⁴ См.: ГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 70 Л. 107–107 об., 113.

¹⁷⁵ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. . 2825. Л. 18 об.

¹⁷⁶ ГАСО. Ф. 351. Оп. 3. Д. 2. Л. 37.

рассматривался без пленных в том числе и в Соликамске, жители которого решили объявить бойкот местным торговцам и лично городскому голове Н. Ксенофонтову. 9 апреля 1916 г. на улицах города были расклеены листовки с обвинением ряда лавочников и владельцев магазинов в сокрытии некоторых товаров и их продаже по спекулятивно высоким ценам исключительно пленным офицерам. Донося о случившемся пермскому губернатору, уездный исправник констатировал: «Пленные офицеры в количестве около 300 человек, живя на готовых квартирах и получая кроме жалования большие суммы с родины, создали непосильную конкуренцию горожанам, так как не стесняются в ценах и это вызывает серьезные неудовольствия»¹⁷⁷.

Пока обыватели разбирались меж собой, кто прав, а кто виноват, пленники, одновременно и до некоторой степени включенные, и до некоторой степени исключенные из происходящего вокруг, продолжали «предлагать» все новые и новые поводы для серьезных и не очень серьезных «разборок». Тем самым, оказавшись безразличным к любым границам, плен в конечном итоге сформировал целый ряд новых разделительных линий, классифицировав местное население на тех, кто сочувствовал пленникам, относился к ним равнодушно или враждебно, на тех, кто готов был биться за них как за дополнительный трудовой ресурс и тех, кому это было не интересно, и т.д., и т.п. Трансформируя старые связи, плен при этом подбирал варианты альтернативного структурирования социальных взаимодействий, но механика этого подбора была не так проста, как это может показаться.

Апеллируя к «социологии чужака» Г. Зиммеля, реконструированной в ряде работ С.П. Баньковской¹⁷⁸, логично предположить, что, встречаясь в пространстве плена, процесс «колонизации нового жизненного мира» (Ю. Хабермас) пленниками, с одной стороны, и процесс рутинизации, присвоения чужого

¹⁷⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 219–221. См. также: Военнопленные офицеры в Соликамске // Пермские ведомости. 1916. 24 мая.

¹⁷⁸ См.: Баньковская С.П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. Т. 6. № 1. 2007. С. 75–87; Она же. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457–467; и др.

«аборигенами», с другой стороны, должны были сформировать особую норму соучастия тех и других в жизни друг друга. При этом российские чиновники, как военные, так и гражданские, запретив пленным «всякие с населением разговоры, не вызываемые деловою надобностью и житейским обиходом, в особенности же разговоры на политические, военные и общественные вопросы, возбуждающие смуту, тревогу и неудовольствие»¹⁷⁹, рассматривали указанную норму не иначе как часть сферы властных компетенций.

При этом пытаясь проложить между пленными и местным населением границу, «оборудованную» посредством угрожающих возмездием предписаний, администраторы не оставляли взаимодействию иностранцев и россиян никаких других перспектив, кроме перспективы негативного консенсуса. Предполагая минимум соприкосновений, негативный консенсус должен был служить своего рода озоновым слоем, оберегавшим и пленных, и не-пленных от межгрупповых контактов. Но этот озоновый слой оказался легко проницаем на уровне межличностном, о чем свидетельствовали многочисленные взыскания, наложенные на местных жителей за общение с военнопленными, причем общение самое разнохарактерное. Так, в июле 1915 г. штрафу по рублю с каждого или 2-дневному аресту были подвергнуты крестьяне, зашедшие в барак при Новолялинском лесопильном заводе товарищества «Лаптевы и Манаев» и вступившие в разговор с обитавшими там пленниками. За праздные же разговоры с пленными штрафом в 5 рублей с его заменой 3-дневным арестом была наказана крестьянка Екатеринбургского уезда Е. Мельникова, помимо всего прочего, позволившая себе «в знак особого внимания» подарить одному из пленников, находившихся на излечении в Нижнетагильской заводской больнице, свою фотокарточку. В середине 1915 г. в передаче между военнопленными Надеждинского завода и Морозковской ветки Богословской железной дороги

¹⁷⁹ Обязательное постановление о военнопленных, сданных на сельскохозяйственные работы в пределах Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1915. 28 июля. См. также: Обязательное постановление о находящихся в пределах Пермской губернии военнопленных, не подходящих под действие обязательных постановлений от 27 и 28 июля 1915 г. с дополнениями к ним от 15 и 19 июля 1916 г. // Пермские губернские ведомости. 1916. 8 авг.; и др.

писем без надлежащей цензуры были уличены крестьяне А. Исупова, Н. Ляпунов и О. Ляпунова, оштрафованные на 25 рублей каждый. Весной 1916 г. на станции Нижняя Салда горнозаводской линии Пермской железной дороги крестьянином А. Долбаловым у рабочего австрийца И. Тюррика была похищена записная книжка с 21 рублями денег, за возвращением которых их законному владельцу вор отделался краткосрочным арестом. Жители Верхнесинячихинского завода В. Елькин, В. Соколов, Г. и Е. Молоковы, «с целью озорства» забросавшие казарму военнопленных камнями и поленьями 11 июня 1916 г., «удостоились» более сурового наказания — штрафа в 20 рублей с его последующей заменой месячным арестом. Избежавший штрафа и ареста, но при этом отправленный в 139 запасной батальон крестьянин А. Зудов, работавший вместе с пленными на уже указанном выше Новолялинском лесопильном заводе, удостоился столь незавидной участи за подстрекательство неприятельских солдат к забастовке. Права работы на предприятиях Богословского горного округа осенью 1916 г. раз и навсегда лишился объездчик Богословской дачи П. Гусев, тем самым поплатившийся за продажу пленным иностранцам продуктов по цене, выше установленной местной администрацией таксы¹⁸⁰.

Симптоматичный казус на почве соприкосновения пленных и не-пленных приключился на Медном руднике Нижнетагильского горного округа. 2 июля 1915 г. контролер местной заводской стражи Н. Мазурин, наблюдавший за пленными, рапортовал по начальству: «В четыре часа дня 2 сего июля солдатка мастеровая ... Троицко-Александровской волости Верхотурского уезда Мария Лаврентьевна Кузнецова, урожденная Обрезкова, проходя по дороге, подошла к забору военнопленных на Медном руднике, увидя в щели забора пленных, завела с ними разговор. Требование как сторожа Ивана Семенова Кукина, так и мое, контролера

¹⁸⁰ См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 173; Оп. 5. Д. 156. Л. 12, 12 об., 16, 22, 39; ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 231. Л. 127; Административные взыскания за нарушение обязательных постановлений // Пермские ведомости. 1916. 7 июля; Взыскания за нарушение обязательных постановлений // Пермские ведомости. 1916. 13 янв.; Взыскания, наложенные г. начальником губернии, за нарушение обязательных постановлений // Пермские ведомости. 1915. 5 нояб.; Кража у военнопленного // Уральская жизнь. 1916. 1 апр.; и др.

стражи Мазурина, отойти от забора не исполнила. Я задержал ее для отправки в полицию; в это время подошел мастерской той же волости ... Агей Евстигнеев Архипов и, увидев задержание Кузнецовой, остановился против ограды пленных и начал подстрекать толпу людей к неудовольствию против того, что задержали Кузнецову. Я же предложил Архипову не возбуждать толпу, а идти своей дорогой. Тогда Архипов, также не уходя, закричал: "Загородите закоулок, так ходить и разговаривать с пленными посторонние не будут". Признавая Архипова как подстрекателя к нарушению порядка охраны, я с помощью сторожа Кукина также задержал Архипова и отправил вместе с Кузнецовой в полицию, ... и прошу ... привлечь Архипова и Кузнецову к ответственности в административном порядке на основании обязательных постановлений начальника губернии»¹⁸¹.

Настоящее происшествие продемонстрировало, что пленники так или иначе «раздражали» практически всех окружающих, включая тех, кто вовсе не стремился к вступлению с ними в какие-либо отношения. Вопреки воле этих людей они все-таки были принуждены пусть к самым поверхностным, но все-таки отношениям с пленными, состоявшим в обретении и выражении тех или иных соображений на их счет. Таким образом, список возбудителей общественного спокойствия, нарушивших властный запрет на контакты с пленными иностранцами, постепенно превращался в необозримый, обнажая тот факт, что грань между соприсутствием и соучастием вражеских военнослужащих в жизни регионального и локальных сообществ более чем условна. Она, возведенная далекими от повседневной жизни города, завода или деревни властями, к их бесконечному разочарованию выполняла не столько барьерную, сколько контактную функцию. Тем самым норма социальной вовлеченности/отстраненности пленных, предложенная «сверху», не просто размывалась, а превратилась в фикцию, в то время как «снизу» формировался ее альтернативный образец, ориентированный на постепенный рост социальной компетентности «чужаков» и возможно даже на постепенное улучшение их социального самочувствия.

¹⁸¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3585. Л. 135.

Образец этот, однако, был лишен «геометрической правильности», поскольку в процессе своего складывания сопрягался с проблемой непростого и изменчивого выбора. Что делать — обороняться, сотрудничать или использовать друг друга — пленные и не-пленные разрешали этот вопрос сообразно своим мотивам, ожидаемо «приземляя» социальное действие до уровня конфликта или конвенции. При этом то обстоятельство, что негласное правило «безраздельное господство — безропотное подчинение», навязанное военнопленным всяческими властями, для уровня межличностной коммуникации обязательным не стало, во многом способствовал редкости непримиримых — абсолютных — конфликтов между вражескими военнослужащими и местным населением. Это соображение может показаться слишком смелым, учитывая, что карта уральского плена была густо усеяна очагами напряженности, выливавшейся в том числе и в открытое физическое противостояние. Так, 25 августа 1915 г. сторож Надеждинского завода К. Шулаков и австрийский военнопленный И. Шипош затеяли стычку, в результате которой первый попал под нехотевший проходить мимо поезд и погиб на месте. В апреле 1916 г. на 590 версте Казань-Екатеринбургской железной дороги в районе 2 дистанции 6 участка работавшие здесь военнопленные «атаковали» техника Дрягина, нанеся ему несколько ударов. В октябре 1916 г. на 581 версте той же железной дороги стражник Некрасов ранил из револьвера немца П. Люкса, не пожелавшего по-хорошему отдать четверть браги. В декабре того же года общение австрийца И. Калмана с молодежью с. Турьинские Рудники Верхотурского уезда закончилось тяжелым ранением пленного. В феврале 1917 г. во владениях князя С.С. Абамелек-Лазарева под Соликамском группа пленных поколотила охранника К. Власова, а его коллеге М. Васеву нанесла пару легких ножевых ранений. Летом того же года в казарме № 154, находившейся на 286 версте Пермской железной дороги, семеро пленников напали на своего конвоира Г. Гайфуллина и нанесли ему побои¹⁸².

¹⁸² См.: ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21а. Л. 1110 об.; Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 24, 24 об., 44–45, 77–78 об., 109; Д. 601. Л. 5, 5 об.

Умножение примеров такого рода можно было бы продолжить, но оно не добавит убедительности тому факту, что силовые решения в отношении пленников и «аборигенов» доминировали. Для контекста, в котором реализовывались негативные сценарии взаимодействия пленных иностранцев и, условно говоря, «русских», определяющим, как правило, оказывался служебный долг последних. В случаях же его отсутствия контакты военнопленных, с одной стороны, и местных жителей, с другой, могли складываться и складывались вполне себе бесконфликтно. «... Военнопленные свободно и почти ежедневно, а в особенности в праздники, разгуливают по деревням Алмазской, Петропавловской и Мостовской волостей [Красноуфимского уезда — *Н.С.*], занимаясь попрошайничаньем хлеба, яиц, масла и молока, а некоторые из них даже пьянствуют, так как у крестьян нередко можно найти хмельную брагу», — указывал заместитель начальника Пермского губернского жандармского управления в докладе пермскому губернатору 27 июня 1916 г., зафиксировав как факт исключительно мирные контакты пленных иностранцев и крестьянского населения¹⁸³. Аналогичную картину являло пребывание пленников в среде городских жителей. Так, в первых числах июля 1915 г. группа пленных офицеров трижды посетила фотографический магазин почётного гражданина г. Екатеринбурга В.Л. Метенкова, где владелец заведения лично обслужил необычных покупателей самым обходительным образом, продав им аппарат «Энсейнет» и несколько плёнок к нему. В ночь на 9 апреля 1916 г. при проверке притонных домов по Луговой улице в доме № 24 оказались распивавшие хмельную брагу австрийцы К. Шебек и Ф. Моршанок, присутствие которых неудовольствия у собравшейся здесь кампании не вызывало, скорее, наоборот¹⁸⁴. В середине 1916 г., «... в дом № 94 по Покровскому проспекту, в квартиру екатеринбургской мещанки Людмилы Васильевны Александровой, 18 лет, служащей в магазине Богатиевых в качестве кассирши, в 10 часов вечера

¹⁸³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 60.

¹⁸⁴ См.: ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 194; Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 75.

приходил военнопленный офицер, австрийский подданный, который ... умудрился с нею где-то познакомиться и вступить с нею в любовную связь»¹⁸⁵.

Эти и другие индивидуальные практики, складываясь в тенденции, наглядно свидетельствовали, что градус конфликтности плена в ситуации неформального, читай, нелегитимного взаимодействия зримо снижался в сравнении с формальной коммуникацией, связанной с процессом организованного перемещения, организованного потребления, организованного производства и т.д., и т.п. Вместе с тем, преимущественно прагматическая, инструментальная и даже предметная направленность как казуальных, так и типических связей, будь они разрешенными или запрещенными, задавала большинству возникших в пространстве плена конфликтов позитивный вектор. Как бы парадоксально это ни звучало, случавшиеся на территории плена конфликты означали не столько разрыв, сколько рациональное взаимодействие, в ходе которого взаимозависимые стороны вынуждены были искать и находить общие интересы¹⁸⁶. Причем со временем это стало присуще не только ситуации личностных поведенческих выборов, но и групповых. К примеру, в условиях продовольственного кризиса, к середине 1916 г. резко обострившего конкуренцию на рынке потребления, обыватели Верхотурского уезда, хоть и не сразу, но все-таки отказались от конфликтного сценария отношений с вражескими военнослужащими, предложив им договориться: «В отмену состоявшегося постановления [Обывательского комитета — *Н.С.*] от 20 августа сего года о воспрещении военнопленным покупки съестных припасов постановлено: разрешить военнопленным покупку всех жизненных съестных припасов и молочных продуктов на местном рынке из торговых заведений по вторникам и четвергам от 10 до 20 часов дня»¹⁸⁷.

¹⁸⁵ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 155 об.

¹⁸⁶ Теорию таких взаимодействий см. в: Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007. См. также: Розенберг В. Проблема социального консенсуса в работах Ю. Хабермаса // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 116–121; Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестн. Московского госун-та. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. С. 36–43; и др.

¹⁸⁷ ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

Характерно, что там, где пленные и не-пленные не встречали взаимопонимания со стороны друг друга, в ситуацию тут же вмешивались власти, явно не заинтересованные в конфронтационном сценарии развития событий. Об этом, в частности, свидетельствовал исход «шпионского скандала», разразившегося осенью 1917 г. в г. Екатеринбурге. 11 октября 1917 г., сообщая подробности, газета «Уральская жизнь», рассказывала своей аудитории: «Около двух месяцев назад комендантом лагеря военнопленных в г. Екатеринбурге был назначен прапорщик Кухтерин. Вскоре по вступлении в должность Кухтерин начал проявлять особенное рвение к открытию и задержанию германских шпионов, подозревая в шпионаже чуть не каждого иностранца. На этой почве у него происходила масса недоразумений. Особенное внимание Кухтерин обратил на Американскую гостиницу, где живет представитель Шведского Красного Креста господин Н[орлин], которого он заподозрил в шпионаже. Явившегося в лазарет военнопленных экспедитора шведского представителя Норлина германского подданного Адлера Горна он арестовал, ссылаясь на то, что тот как германский подданный не имеет права посещать лазарет пленных. После ареста Горна Кухтерин являлся в Американскую гостиницу, иногда в нетрезвом виде устраивал там дебоши, бил прислугу и пр. На днях Кухтерин явился в Покровскую аптеку, где избил, а затем арестовал служившего там военнопленного. В аптеке Кухтерин буянил и оскорбительно ругал аптекарских служащих, размахивая при этом шашкой. Кроме того, Кухтерин у военнопленных производил обыск, забирая без всякой описи ценные вещи, табак и пр. На деятельность Кухтерина обратила внимание следственная комиссия Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, которая, произведя расследование, донесла командующему войсками, по распоряжению которого начальником Екатеринбургского гарнизона Кухтерин отстранен от должности, арестован и на днях будет отправлен в штаб Казанского военного округа. Предполагают, что Кухтерин на почве контузии страдает манией шпионажа»¹⁸⁸.

¹⁸⁸ Арест коменданта // Уральская жизнь. 1917. 11 окт.

Именно поиск выхода из той или иной дисконсенсусной ситуации, обнаруживая недостаток, дефицит соучастия пленников в жизни принимающего коллектива и соответственно, наоборот, недостаток, дефицит соучастия принимающего коллектива в жизни пленников, способствовал постепенной либерализации той нормы этого соучастия, которая уже сложилась на местах. Тем самым при всех попытках блокировать процесс самоактуализации (и самореализации) пленных в новом для них окружении, их автономизация как субъекта социального действия становилась практически неизбежной. Действительно, голос пленников день ото дня звучал все громче и громче, влияя на рисунок казавшихся безальтернативными властных отношений и отношений зависимости. В полной мере это отразила ситуация в деревне, которой в первую очередь пришлось разглядеть в узниках войны нечто значительно большее, нежели инертная безликая масса. «... Пленный, вами отпущенный мне 19 июня на летние работы, Живо Стоянов, даже часу одного не захотел мне поработать, а за первым же столом стал говорить, что ему не сварили мяса, а сварили рыбы; было принесено и молоко, и я велел жене сварить яйца, а потом, когда вышли из-за стола, он стал меня опрашивать, какую я ему поденщину буду платить: "будешь платить по рублю на день, то я буду жить, а не будешь платить этой поденщины, то теперь же уйду в бараки"... В четверг поутру, 22, встали, позавтракали, обувь и одежда у меня вся была готовая для него, как то: бродни новые и шаровары, хотя поношенные, и рубашка, хотя из последних отдал, да на себе одна осталась, ... но ушел от меня военнопленный со всем багажом под окно волостного комитета, я тут его нашел и заявил помощнику секретаря волостного комитета, и продовольственного, и караульным десятникам волостного комитета, что военнопленный не пошел ко мне на работу и ушел от меня со всем багажом, не мог удержать...», — жаловался крестьянин А. Кузнецов, уповая на помощь со стороны властей и при этом продолжая: «Имеют ли право ... военнопленные издеваться и устраивать насмешки над русским народом и тем более над разоренными семьями и еще более приводить их к разорению? Так как мне

необходимо нужен работник на страдные и полевые работы для поддержания хозяйства, то я поехал в нарок в Тюменский уездный продовольственный комитет, в субботу 17 июня приехал в Тюмень, занятия уже кончились, а в воскресенье занятий не бывает, пришлось ждать понедельника, в понедельник 19-го мне его вырешили выдать, ... потом я пошел в бараки за ним, там его выписали, да пока он собирался, опять к поезду запоздали, пришлось остаться до вторника, привез его домой вечером, а в среду поутру он на работу не пошел, опять проходил с ним по комитетам, а в четверг 22 июня совсем ушел, и неизвестно, куда, убытков и расходов он мне произвел на 25 рублей...»¹⁸⁹

Не будет преувеличением сказать, что рост числа отказов пленных от работ, равно как и рост числа их побегов в конце 1916–1917 гг., являл собой не только их реакцию на трансформации актуального политико-экономического ландшафта, а стал проявлением сознательной позиции, само формирование которой говорило о росте их социальной активности и заставляло с ними считаться. «...В случае беспорядков со стороны русских, нельзя поручиться за то, чтобы в общей суматохе военнопленные остались простыми зрителями, а скорее возможно ожидать, что и они, воспользовавшись случаем, могут взбунтоваться и произвести беспорядок...», — констатировали полицейские власти в августе 1916 г., характеризуя действовавшую в реальности норму участия пленников в актуальном социальном процессе¹⁹⁰

Настоящий социальный тонус пленников обнаруживал не только солидаризирующую функцию социальных конфликтов. Он зафиксировал как свершившийся факт встраивания вражеских военнослужащих в те социальные (или асоциальные) порядки, которые демонстрировало современное российское общество. Сознательно или нет, но сами военнопленные также оставили свидетельства такового встраивания, запечатлев свою востребованность в новой для них среде. Так, в конце 1916 г. пленный Иосиф Шафранек сообщал родным:

¹⁸⁹ ГАСО. Ф. 351. Оп. 3. Д. 2. Л. 211–212.

¹⁹⁰ ГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 72. Л. 172.

«В русском плену я с 10 сентября 1916 г. Нахожусь в Сибири и работаю по деревням как портной. Хорошо зарабатываю и живется мне здесь так хорошо, как нельзя было и предполагать. За это время я прошел 42 деревни. Портной здесь один на 200 деревень, как и другие ремесленники»¹⁹¹. «Настоящим имею честь просить вас, не можете ли мне дать разрешение на открытие в Баранчинском заводе парикмахерской, в каковой, по-видимому, здесь крайняя нужда, так как очень многие обращаются ко мне как за бритьем, так и за стрижкой волос», — ходатайствовал перед управителем Баранчинского завода Гороблагодатского горного округа военнопленный И. Матольчи, причем ходатайствовал не напрасно¹⁹². Примерно в том же духе было выдержано направленное «заведывающему» военнопленными в г. Шадринске прошение унтер-офицера австрийской армии К. Секулы, за два года плена настолько «сжившегося» с местными реалиями, что решившего здесь остаться и после войны, открыв свою столярную мастерскую¹⁹³.

Очевидно, таким образом, что социализация пленных иностранцев на поверку могла оборачиваться ресоциализацией, поскольку далеко не всегда требовала освоения ими каких-то диковинных социальных ролей. При этом главным помощником в деле ориентирования пленников в незнакомом социальном пространстве стала прежде всего их социальная память, созвучная, что немаловажно, с социальной памятью принимающего общества. Многие обезоруженные вражеские военнослужащие быстро «вспомнили» о том, что в недавнем довоенном прошлом они были обычными крестьянами, рабочими или ремесленниками (см. об этом гл. 2.2). И хотя занятие аналогичных ниш в российском обществе оказалось сопряжено с массой негатива (см. об этом гл. 3.2–3.3), труд вернул им, одолеваемым «тяжелыми думами», не только здоровый сон¹⁹⁴. «На работах чувствовали мы себя свободными гражданами, а теперь

¹⁹¹ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 318.

¹⁹² ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 20. Л. 282.

¹⁹³ См.: ГАШ. Ф. р-766. Оп. 1. Д. 350. Л. 8.

¹⁹⁴ См. об этом: Военнопленные-рабочие // Зауральский край. 1915. 21 мая.

с понурой головой пойдём в лагерь невольников», — жаловались пленные в своих письмах на родину¹⁹⁵, тем самым обнаруживая тот факт, что при всей специфичности подневольного труда он лимитировал процессы эксклюзии и, больше того, способствовал их превращению в процессы инклюзии. Поэтому в том, что военнопленные, «отвыкнув от порядка военной службы, превратились в обыкновенных заводских рабочих»¹⁹⁶, не было ничего удивительного. Превратившись в «обыкновенных заводских рабочих» с нормальным для того времени набором противоречивых отношений с работодателями, пленные тем самым «компенсировали» свою социальную ущербность. Та же картина наблюдалась в российской деревне, что «Пермская земская неделя» зафиксировала уже в феврале 1915 г.: «На рынке в городе Кургане можно увидеть такую умильную картину: австриец в крестьянском платье на возу сена или дров рядом с бабой-солдаткой приехали продавать. Иногда все это дело поручается одному австрийцу, а хозяйка остается дома»¹⁹⁷. Мотивы вступления военнопленных офицеров из числа славян в национальные части (см. об этом выше) также, вероятно, могли диктоваться желанием возвращения «в профессию» с характерными для неё иерархиями и структурами. Источники свидетельствуют, что к середине 1921 г. из пребывавших в Ирбитском уезде 481 пленника только 7 не смогли реализовать свой социо-профессиональный капитал, уже имевшийся или приобретенный в годы плена¹⁹⁸. «Коренным большинством» такой поворот в социализации «чужаков» воспринимался относительно спокойно, поскольку также означал возвращение к нормальности, к восстановлению привычного, но утраченного системой социальных таксономий баланса или, по крайней мере, создание его видимости.

¹⁹⁵ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 268.

¹⁹⁶ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 107 об. — 108.

¹⁹⁷ Пленные австрийцы в Сибири // Пермская земская неделя. 1915. 26 февр. См. об этом также: Алёхин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война: июль 1914 — февраль 1917 гг.: дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2003. С. 220.

¹⁹⁸ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.

Как возвращение к привычным же отношениям полов должно расценивать порицавшееся обществом, но при этом стремительно распространявшееся в нём интимные связи между пленными иностранцами и россиянками. «В деревне дёгтя не хватает, весь пошел на баб — мажут им ворота»; «Теперь за мужей пошли в моду австрийцы»; «Наши дамы не только мужественны, но и многоженственны» — шутили современники¹⁹⁹, ставшие свидетелями девальвации официальной морали. Но нравилось им это или нет, означенный процесс был по-своему закономерен. Оказавшись в плену и тем самым потерпев личное поражение в войне, вражеские солдаты и офицеры лишались части своего символического капитала, запрограммированного их принадлежностью к «сильному» полу, и согласиться с этим были готовы далеко не все из них²⁰⁰. Тожественная в рамках общественного дискурса сила, победе и власти «мужчинность», утраченная пленниками, с возложением на них миссии по поддержке хозяйств осиротевших солдатских семей, — а за ними и сельского хозяйства и промышленности вообще, — частично компенсировалась. «Живу у солдатки, заменяю хозяина, работаю как дома, но с той разницей, что там я повелевал, а здесь мне приказывают», — фиксировал один из пленников свои компенсаторные устремления, в то время как другой обрисовывал перспективу их реализации: «... Состою старшим рабочим в станции, предполагаю вскоре здесь жениться»²⁰¹.

Тот факт, что встраивание пленников в «эталонные» отношения мужского доминирования предусматривало в том числе и их близкие контакты с русскими девушками и женщинами, превратил эти контакты в обыденные. И если в городе «любовные связи» с иностранцами часто ограничивались ни к чему не

¹⁹⁹ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 273, 350 и др.

²⁰⁰ О процессах демаскулинизации и сопутствующем им развитии гомосексуальных отношений в плену см.: Rachamimov A. The Disruptive Comforts of Drag: (Trans)Gender Performances among Prisoners of War in Russia, 1914–1920 // *The American Historical Review*. Vol. 111. № 2 (April, 2006). P. 362–382.

²⁰¹ ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 216, 225.

обязывающим легким флиртом или скоротечным романом²⁰², то на селе пленники, днём заменяя ушедших на фронт крестьян в поле, довольно часто занимали их место на опустевшем брачном ложе ночью. При этом, найдя в обезоруженных вражеских военнослужащих необходимую в работе и быту опору и потому соглашаясь на интимные отношения с ними, селянки, что примечательно, готовы были биться за «своих» пленных до конца. Так, Татьяна Мякишева, крестьянка села Фоминского Тюменского уезда соседней с Пермской Тобольской губернии, обращаясь к волостной администрации 14 июня 1917 г., писала: «Имею честь донести продовольственному комитету, чтобы мне переменили работника военнопленного Егора Грозу, потому что он мою работу не знает точить пилы, потому что мы все только кормимся дровами, также не может он бить литовки, даже не умеет держать, как и мне это самой невозможно сделать, и прошу этот вопрос как-нибудь рассмотреть и назначить мне [того пленного — *Н.С.*], который жил зиму, потому как я его держала зиму и, когда он болел, я его кормила [, хотя — *Н.С.*] и были нерабочие дни, и вовремя платила попечительство»²⁰³. Примерно в то же время её односельчанка, Елизавета Фомина, требовала: «30 июля сего года Фоминский сельский комитет, не знаю почему, отобрал от меня военнопленного рабочего Михаила Лескина, человека, к которому я привыкла и который знает все мои поля и может свободно идти и ехать один на работу, и назначили ко мне вновь прибывшего военнопленного Ивана, фамилии которого не знаю, человека совсем мне мало известного, довериться которому по хозяйству я не могу, а потому прошу Фоминский продовольственный комитет распорядиться перевести ко мне ранее жившего у меня военнопленного Лескина для исполнения хозяйственных работ в возможно непродолжительное время, так как я в настоящее время не имею никакого

²⁰² См., напр., о «романе» невянской учительницы Е. Зубаревой и офицера-чеха К. Вышки: ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 101, 101а — 101а об., 168–169, и др. Аналогичные примеры приведены в: Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дисс. ... к.и.н. Красноярск, 2006. С. 79; Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 — май 1918 гг.: дисс. ... к.и.н. Омск, 2005. С. 65.

²⁰³ ГАСО. Ф. 351. Оп. 3. Д. 2. Л. 173.

рабочего, которому бы могла вверить хозяйничанье по дому»²⁰⁴. Стоит ли удивляться, что в некоторых регионах, в частности, в Западной Сибири во избежание опасных для семейного очага «ухаживаний военнопленных» появилась даже идея не помещать их на дворы к одиноким солдаткам²⁰⁵.

Деятельное участие пленников как в «дневной», так и в «ночной» жизни того или иного локального сообщества было, таким образом, своего рода взаимовыгодным компромиссом, основанным на логике «взаимозависимых решений» (Т. Шеллинг). И то, что выработанный традиционной культурой в течение веков стандарт не очень-то приветствовал как женское, так и мужское одиночество, в условиях затянувшейся войны лишь ускоряло развитие этой логики и детерминировало выбор именно этих решений. «Имею просить исполнительный комитет убрать с поселка Прокопьевского военнопленного Федора Костина и выслать взамен него другого. Федор Костин проживает два года у солдатки Татьяны Мякишевой, и он наш неприятель, с которым мы воюем три года, а он прижился в нашей деревне и распоряжается над нашими гражданками солдатками, а если вы не можете убрать его, то я буду просить уездного комиссара об убрании его. Нетерпимо, чтобы пленные распоряжались над нами», — запоздало негодовал прибывший в начале 1917 г. в родное село фронтовик М. Полоскаев, для которого сформированный пленом гендерный порядок, преступный с точки зрения публичной этики и буквы закона, но нормализованный каждодневной практикой, стал неприятным открытием²⁰⁶.

Чувствуя поддержку со стороны мужского населения, государство в середине 1917 г. попыталось повлиять на рисунок взаимодействий пленных иностранцев и россиянок, дав «добро» на браки между ними. Если быть точнее, узаконить свои отношения с гражданками Свободной России позволялось только славянам,

²⁰⁴ ГАСО. Ф. 351. Оп. 3. Д. 2. Л. 274.

²⁰⁵ См. об этом: Отчет члена состоящего при Центральном справочном бюро о военнопленных Особого комитета помощи военнопленным Е.Г. Шинкевича по командировке в Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленных австро-венгерской армии. Пг., 1915. С. 41.

²⁰⁶ ГАСО. Ф. 351. Оп. 3. Д. 2. Л. 222.

взятым на поруки или подавшим прошения о принятии в российское подданство. «В некоторых случаях, если просьба о браке мотивируется нравственной необходимостью, а также иными побуждениями, браки могут быть разрешаемы и пленным, не принадлежащим к указанным категориям», — гласил соответствующий документ, тут же обнаруживая свою ограниченность, а также подтверждая факт дескриптивности законодательства, действовавшего в пространстве плена, и как результат — его ограниченной управляемости (см. об этом гл. 3.3)²⁰⁷.

Между тем, порядок вещей, сложившийся на местах, продолжал господствовать и далее, нормируя контакты военнопленных и женского населения провинции на основе принципа взаимной необходимости. «В деревню Мишагину я приехал в 1919 г., 8 июня, как военнопленный, ... на полевые работы ... Нас приезжало четыре человека, я ... оставался работать у гражданина Мишагина Василия Григорьевича, но, побыв у него один месяц, перешел к гражданке Мишагиной Агафье Игнатьевне, у которой в то время мужа не было, потому я начал работать у нее в хозяйстве и до настоящего времени нахожусь у ней, потому как ее муж со службы не вернулся, и я с ней живу как с женой уже восьмой год...», — указывал мадьяр Имре Беретваш в ходатайстве о приобретении советского гражданства в 1926 г.²⁰⁸

Очевидно, таким образом, что норма социальной вовлеченности/исключенности пленных иностранцев, конституировавшаяся в пространстве российского плена, была весьма демократичной. Однако, выражавшаяся в их постепенном проникновении в актуальные социальные структуры и иерархии, она не спешила оборачиваться ассимиляционными практиками. По мнению уже упоминавшегося выше З. Баумана, полная ассимиляция чужаков в рамках одного поколения просто невозможна, поскольку они всегда будут помнить свою чуждость и никогда не забудут тех проблем

²⁰⁷ [Без названия] // Пермский вестн. Временного правительства. 1917. 16 июня.

²⁰⁸ ГАШ. Ф. Р-257. Оп. 2. Д. 104. Л. 7, 14.

непонимания, с которыми столкнулись²⁰⁹. Помимо того, полновесное, безоговорочное включение пленников в существовавшие сети социального взаимодействия проблематизировалось еще и тем, что контингентность, коллективность вражеских военнослужащих была абстрактна, и они, являя собой сообщество сообществ, олицетворяли не единство, а социокультурную эклектику. В таких условиях перспектива каждого совсем не обязательно смыкалась с перспективой всех, оставляя пространство для некоторого маневра, а потому «нельзя предполагать, что обладание общими признаками — статусом "перемещенных лиц" — автоматически наделяло чувством общего опыта, не говоря уже о том, что оно вызывало совместные действия»²¹⁰. Инвариантности социального действия со стороны пленников способствовало еще и то обстоятельство, что попытки помешать им так или иначе самообозначиться и самореализоваться, приводили к выработке новых, неведомых ранее практик объективации личностей и групп. Именно поэтому, «напрямую» или «в обход» присваивая чужую, больше того, изначально враждебную среду, узники войны не стали, да и не могли стать её органической частью.

При этом в условиях, когда состояние здоровья общественного организма в России стремительно ухудшалось, военнопленные оказались одним из тех факторов, который путем дестабилизации границ между социальными, асоциальными и антисоциальными моделями поведения и представлений о них работал на деформацию и эрозию устоявшихся форм общежития всевозможных социальных единиц. В то же время негативная функция, присущая социализации пленников, как и любых других чужаков, сообразуясь с её позитивной функцией, способствовала формированию качественно новых социокультурных структур на микро- и макроуровне²¹¹. В этой связи следует признать, что плен безусловно

²⁰⁹ См. об этом: Гусев А. Указ. соч. С. 74.

²¹⁰ Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington & Indianapolis, 1999. P. 205.

²¹¹ См. об этом: Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 113.

сыграл свою роль в рождении после 1917 г. социальных структур новой «формации» или перерождении старых. Военнопленные Иосиф Добош, Фридрих Винтерштейн и Иосиф Печер, занявшие после Гражданской войны посты заместителя начальника полномочного представительства ОГПУ по Уралу, военного комиссара Вятки и начальника Тобольского управления по эвакуации населения соответственно, и вовсе стали олицетворением нарождавшейся советской элиты, с азартом принявшей за новое социальное межевание России²¹².

Плен и пленные, таким образом, предвосхитили и катализировали те социальные сдвиги, которые ожидали Россию с окончанием Первой мировой войны, свидетельствуя тем самым о склонности социально дезадаптированных индивидов и групп, не стесненных никакими границами и установлениями, к инновационной деятельности. Однако тектонический характер отмеченных сдвигов привел к дезориентации не только вражеских военнослужащих, но и относительно стабильных социальных образований: «Жизнь в условиях непрерывной опасности, непрестанных и непонятных перемен не позволяла просчитывать перспективу, долговременно планировать свою деятельность и предугадывать ее последствия»²¹³. В таком положении военнопленные, как и россияне, стремились лишь к одной цели — к выживанию, действуя в соответствии с универсальной логикой аполитичного большинства, выражавшейся в занятии более или менее надёжного убежища. Но, как справедливо отметил И.В. Нарский, стремление во имя выживания стать незаметным, затаиться, переждать и перетерпеть отнюдь не означало «замирания социальной активности безымянных масс»²¹⁴.

Находя или не находя более или менее безопасные ниши, пленники примерили на себя самые разные маски и одежды: бывшие военнослужащие

²¹² См.: ГАПК. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 2873. Л. 1–7; ГАТ. Ф. и-392. Оп. 1. Д. 94а. Л. 281; Государственный архив административных органов Свердловской области (ГАОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 21345. Л. 6.

²¹³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 564.

²¹⁴ Там же. С. 566.

австро-венгерской армии Тубек Георг и Хорей Осип, к примеру, умудрились даже побывать в плену у «белых»²¹⁵. Подобные пертурбации в планы пленников, безусловно, не входили, будучи побочным эффектом поиска социально выигрышных ролей. Рост сопряженных с ним опасностей в конце концов привёл к тому, что даже те иностранные солдаты и офицеры, которым после Гражданской войны удалось занять ту или иную относительно удачную социальную высоту, устремили свои взгляды на родину. Михаил Троян, рабочий Екатеринбургского губернского управления по топливу, Николай Байч, служащий Шадринского «полпродгуба», Ян Кунферштонг, счетовод Екатеринбургского гудпродкома, Михаил Салонтай, агроном Нижнесинячихинского агротоварищества, Федор Гинтерляйтер, управляющий аптекой Сосьвинского завода, Павел Счисен, мясник колбасной мастерской в Верхотурье, Игнатий Турнель, служащий Надеждинского уездного бюро профсоюзов, Имре Боднар, инженер-строитель отдела госсооружений в Екатеринбурге, Вячеслав Бичик, школьный учитель, заведующий волполитпросветом и член сельского Совета Ирбитского завода, а также служившие в Екатеринбургском губпленбеже Игнат Брунер, Иштван Голуб, Иван Цах, Фердинанд Яновский, Михаил Гуляк, Хаскель Байсель и Мориц Гарфункель, — эти и другие пленники не видели себя во вновь формировавшейся социальной иерархии²¹⁶. Их механическое превращение в группу эксклюзии парадоксально детерминировалось еще и присвоением им статуса «бывших военнопленных империалистической войны», который, как и статус прочих «бывших», стал маркером социальной «недополноценности».

«30 июня состоялись торжественные похороны невянских революционеров, павших 12–17 июня от расправы контрреволюционных банд. ... С кладбища процессия двинулась к ... месту расправы над погибшими товарищами. Оттуда был вынесен еще один гроб с нашим товарищем, бывшим военнопленным,

²¹⁵ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 138.

²¹⁶ См.: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 35. Л. 20, 33, 42, 44, 40, 52; Д. 200. Л. 5–6, 41 об. — 42; Д. 358. Л. 310, 377; Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 64, 173–173 об.; Д. 37. Л. 1. Имена и фамилии пленных приводятся в соответствии с текстом документов.

прибывшим сюда с одним из отрядов красноармейцев и павшим во время перестрелки с белогвардейцами», — писала газета «Уральский рабочий» 5 июля 1918 г., экспонируя тот факт, что даже отдавшие жизнь за «светлые идеалы Октября» пленные так и остались пленными, да еще и безымянными²¹⁷. Оставаясь синонимом неопределенности, они вписывались в обновленный социальный проект не на прочих равных условиях, а с некоторой степенью «выделенности» даже тогда, когда принимали решение о смене гражданства. Поэтому едва ли стоит удивляться, что, оставаясь на постоянное жительство в Советской России, некоторые военнопленные и, в частности, немец Бехнер Иозеф²¹⁸, предпочли своим фамилиям фамилии своих «русских» жён, позволявшие избавиться от кричащего признака «особости». Тем самым норма соучастия вражеских военнослужащих в актуальном социальном процессе утратила всякую определенность, выстраиваясь ситуативно и при том непредсказуемо, что и заставило большинство пленников разорвать те сообщительные связи, которые налаживались ими в течение нескольких лет.

Больше того, вчерашние военнопленные вырвали из привычной среды и «нажитых» в России близких, о чем свидетельствовали выездные документы, выданные на имя Ивана Ковача, Стефана Валашека, Южака Гриншпунта, Ивана Карся, Крала Тоты, Яноша Ковича, Мартана Шилайи, Карла Салаи и многих других репатриантов²¹⁹. Вместе с пленными, что примечательно, Россию покидали не только их жёны и дети, но и другие родственники. «Ввиду того, что мои две дочери вышли замуж за австрийских подданных, в настоящее время они со своими мужьями собираются ехать в Австрию. Я лично, их мать, все время слабая женщина, не умеющая зарабатывать себе на жизнь, живу на иждивении моих дочерей. Лично мне остаться здесь совершенно невозможно, они без меня тоже не могут поехать. Я сама вдова, не имею никаких средств к существованию,

²¹⁷ Похороны жертв контрреволюции // Уральский рабочий. 1918. 5 июля.

²¹⁸ См. о нём: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 187. Л. 2, 8, 15, 15 об., 17, 17 об.

²¹⁹ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 317. Л. 482–483 об.; ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 201. Л. 463; Д. 202. Л. 51; Д. 358. Л. 309; Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 174–174 об.; Д. 40. Л. 36–37; и др.

а потому прошу Пленбеж войти в мое несчастное положение и причислить меня к пленным, имеющим возможность в настоящее время вернуться на родину», — писала в отдел управления Екатеринбургской губернии в июне 1920 г. Рива Абрамовна Сензерлихт, отбывшая впоследствии за рубеж вместе с семьями бывших военнослужащих австро-венгерской армии Герстмана и Гринфельда²²⁰.

«Кампания» приобретенных за годы плена родственников, вероятно, смягчила возвращение узников войны в «родные пенаты», которое означало для них начало нового процесса (ре)социализации.

Что же касается тех бывших военнопленных, которые по своей воле или супротив неё остались на чужбине (см. об этом гл. 5.3), то для них проблема соотношения социальной инклюзии и эксклюзии так и осталась актуальной. Навязчивое ощущение чужеродности, имевшие место быть в отношении бывших пленных иностранцев, в условиях набиравших обороты сталинских репрессий просто не могло не привести к тому, что вчерашние узники войны, к примеру, И. Борщ, И. Веграт, И. Вейс, А. Верхаш, Ф. Гофман, И. Добош, В. Левко (Левковский), Я. Огоновский, а с ними и многие другие сначала превратились в группу риска, а затем и жертв активного доноительства, строившегося прежде всего на фактах их иностранного происхождения²²¹. «С политической стороны я знаю его как [бывшего] чехословацкого подданного [на самом деле, согласно материалам следствия, подданного Австро-Венгрии — *Н.С.*] и к тому же как контрреволюционно настроенную личность, которая в моем присутствии неоднократно высказывала в резкой форме свои контрреволюционные убеждения, направленные против мероприятий Советской власти и партии. ... Он утверждал, что сельское хозяйство при насильственной коллективизации разрушается..., что промышленность СССР создается за счет разорения крестьянства и что, несмотря на все усилия со стороны советского правительства, промышленность в Советском Союзе находится в состоянии развала...», — значилось

²²⁰ ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 204. Л. б/н.

²²¹ См. об этом: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21345, 25299, 29935, 36102, 37713 и мн. др.

в наитипичнейшем доносе на одного из бывших военнопленных «империалистической войны», стоившем ему жизни²²². По всему выходило, что вчерашние пленники, как нельзя лучше годясь на роль иностранных шпионов или, как минимум, недоброжелателей советской власти, были одновременно и такими как все, и несколько другими, поскольку их прошлое продолжало восприниматься как слишком особенное для того, чтобы о нём можно было взять и окончательно забыть.

Сообразно с вышесказанным, следует отметить, что, несмотря на то, что «с точки зрения правительства экономическая полезность принудительного труда затмила все прочие аспекты вопроса военнопленных»²²³, плен обнаруживал себя еще и как поле политических практик. При этом не будет преувеличением сказать, что все представленные в 1914–1922 гг. на российской политической арене силы в своих попытках политизации плена оказались заложниками одной и той же политической культуры, в рамках которой творилась история России начала XX в. Поэтому едва ли стоит удивляться тому, что среди атрибутов политики плена наличествовала навязчивая семейно-родственная метафорика, превратившаяся в риторический идеал задолго до войны.

Несколько перефразировав Дж. Сэнборна, можно сказать, что, будучи «не в состоянии использовать чисто этническую или классовую идентичность как естественные соединяющие механизмы», властители России использовали образ семьи как универсальный интегратор, одинаково убедительный и доходчивый во все времена²²⁴. Позиционируя пленных как сынов славянства или трудящегося народа, как кровных братьев или братьев по классовой борьбе, как членов одной большой семьи народов, проживавших на территории от Карпат до Камчатки, или

²²² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29935. Л. 48.

²²³ Sanborn J. *Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire*. Oxford, 2014. P. 135.

²²⁴ См.: Сэнборн Дж. Семья, братство и национальное строительство в России 1905–1925 гг. // Государство наций. С. 117–138.

семьи мирового пролетариата, отечественные политики, с каким бы оттенком политического спектра они себя не отождествляли, обнаруживали одни и те же устремления. Семейно-родственный дискурс, экстраполированный на военнопленных, как бы сам по себе предполагал их включенность в актуальный политический процесс, причем в нужном качестве и на соответствующих условиях. Создавая тем самым иллюзию массового политического активизма узников войны, всевозможные весомые инстанции пытались закамouflировать тот факт, что из 2-миллионной армии пленных иностранцев в политической жизни России живое участие приняло только несколько десятков тысяч. Вместе с тем есть основания полагать, что сомнительные политические «танцы» вокруг пленных иностранцев были «посланием» не только для них, но и для воюющего общества, которому тем самым диктовались ориентиры, предпочтительные, по мысли властей, в его актуальных действиях и противодействиях.

Что же касается активизма пленников, то его следует искать в совсем иной плоскости, которая в самом общем виде может быть охарактеризована как плоскость социологическая, и здесь плен, предполагая синхронизацию процессов эксклюзии и инклюзии, обнаруживал как минимум свою двойственность. Их течение на фоне отечественных реалий 1914–1922 гг. характеризовало не только специфику российского плена, но и динамику социокультурного ландшафта, что называется, *an sich*²²⁵. Она же говорила прежде всего о том, что провинциальное сообщество не хотело никаких перемен, будучи по природе своей иммоильным. Оно хотело стабильности, а потому сначала не замечало чужаков, затем стремилось отгородиться от них, а впоследствии и вовсе «поглотить» их. Но налицо при этом оказалась проблема «несварения», связанная с тем, что социально типические практики и индивидуальные выборы принадлежали к разным плоскостям общественно значимого действия. При этом вопрос о том, какие из них играли большую роль

²²⁵ Как такового (*нем.*).

при определении конфигураций плена, остаётся открытым. Действительно, обнаруживая себя на различных уровнях общественной организации одновременно и как индивидуальности, и как соотношение целого ряда инаковых групп, и как относительно целостная субъективность, военнопленные вносили в таблицы социального поведения сумятицу. Способствуя размыванию более или менее определенных статусов и норм, плен и пленные убыстрили их трансформации, которые, наложившись на острые конкретно-исторические противоречия, актуализировали отнюдь не те тенденции общественного развития, что диктовались современным цивилизационным стандартом. Иначе говоря, «не попадая» в эпоху и без пленных, с ними российское общество «не попадало» в эпоху еще больше. И остается только сожалеть, что отказав иностранным военнослужащим в перспективе успешной социализации, оно лишило себя одной из возможностей формирования сложносоставных идентичностей и обусловленных ими разнонаправленных со-общений, обеспечивающих устойчивость и преуспевание современным социальным организмам и составляющим их членам.

ГЛАВА 5.

ПЛЕН КАК ПРОБЛЕМА ОСВОБОЖДЕНИЯ УЗНИКОВ ВОЙНЫ

5.1. Освобождение как перспектива 1918 года: расчеты и просчеты большевиков

Очевидно, что мечтой любого пленного иностранца в России была прежде всего мечта об освобождении. Однако в течение 1914–1917 гг. надеяться на него могли лишь немногие. В этот период покинуть Россию смогли только пленные-инвалиды, положение которых часто было просто невыносимым. По прошествии года войны, 20 июля 1915 г., Г.В. Низинский, уполномоченный Всероссийского попечительства о пленных славянах, в частности, констатировал: «...Нижние чины пленные размещены на площади бывшей Омской выставки в устроенных летних бараках-землянках... Главное внимание я обратил на бараки инвалидов и тяжелораненых, которые все от страшной жары и духоты были совершенно нагие с обнаруженными ранами и др. физическими недостатками. Большинство из них без ног, рук, с оторванными челюстями, разбитыми головами и т.п. Многие из них совершенно беспомощные, одних нужно кормить лежа, так как сидя пища вываливается через оторванную нижнюю челюсть, безрукие едят по-животному, многие просят вывести их на двор, многие не могут жевать хлеб за неимением зубов, другие, раненые в живот, не переваривают казенной пищи и т.д. Картина ужасная...»¹

Вне сомнения, из всех кошмаров плена этот был самым кошмарным. Стоит ли удивляться, что организацию отправки пленных-калек на родину Россия начала «в спешном порядке», не дождавшись даже формального принятия выдвинутых ею условий обмена Германией и Австро-Венгрией². Освобождение из плена раненых и увечных воинов шло, однако, с переменным успехом,

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 465. Оп. 1. Д. 32. Л. 161.

² См. об этом подробнее: Журнал заседания Комитета Красного Креста по обмену и эвакуации военнопленных калек через Швецию, 13 июля 1915 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сб. документов. Тула, 2014. С. 509–510.

сопровождаясь бесконечными взаимными претензиями его участников³. Новые же инициативы, связанные с разменом пленников, серьезно буксовали уже на стадии их обсуждения в правительстве, что, к примеру, произошло с инициативой Ватикана об интернировании в нейтральных странах до конца войны больных и раненых военнопленных, не принадлежавших к числу инвалидов⁴. Практика обмена пленников-медиков также не получила широкого применения, к марту 1917 г. позволив выехать из России лишь порядка 700 врачам, аптекарям, фельдшерам, санитарам и студентам⁵. Отпустить на родину всех французов и итальянцев, как того требовали достигнутые с союзниками договоренности, также не получилось, поскольку «собрание» этих немногочисленных пленных по просторам огромной империи превратилось в историю, не знавшую конца. Широко же практиковавшиеся в отношении привилегированных пленников индивидуальные обмены, позволили обводиться единицам, не только не обнадеживая менее удачливых военнопленных, а наоборот.

Дыхание свободы пленники почувствовали было весной 1917 г., возлагая неоправданно большие надежды на пережившие центральные и местные власти. Однако перезагрузка российской политической системы основ российского плена не коснулась, о чем Временное правительство не преминуло уведомить всю страну (см. об этом гл. 4.1). Больше того, 16 июля 1917 г. Главное управление Генерального штаба издало распоряжение о клеймении выдаваемого военнопленным платья, в дополнение к которому, к слову сказать, в

³ См., напр.: Нота МИДа посольству США в России, 13 февраля 1916 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 563–564.

⁴ См. об этом: Журнал заседания межведомственного совещания по вопросу о водворении больных и раненых военнопленных в нейтральных странах, 14 июня 1916 г. // Там же. С. 588–594; Представление МИД в Совет Министров, 26 сентября 1916 г. // Там же. С. 608–612; Отношение товарища министра иностранных дел В.А. Арцимовича управляющему делами Совета Министров И.Н. Лодыженскому, 10 октября 1916 г. // Там же. С. 612–617; Обзор деятельности Отдела о военнопленных МИД, 23 февраля 1917 г. // Там же. С. 642–643; Из проекта журнала заседания Центрального комитета по делам о военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста, 30 марта 1917 г. // Там же. С. 674–682; и др. См. также: Карелин В.А. Проблема интернирования военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 93–105.

⁵ Обзор деятельности Отдела о военнопленных МИД, 23 февраля 1917 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 658.

Нижнетагильском и Луньевском горных округах осенью 1917 г. была узаконена еще и коллективная ответственность пленных за побег⁶. По распоряжению пермского губернского комиссара за № 2243 от 21 июля 1917 г. в отношении вражеских военнослужащих и вовсе был введен комендантский час. Им теперь категорически запрещалось появляться на улицах и вообще вне мест квартирования позже восьми часов вечера⁷.

Новые революционные порядки на местах также не способствовали облегчению режима плена, скорее, наоборот. К примеру, в Лобве к работавшим здесь вражеским военнослужащим до Февральской революции было приставлено 3 сторожа, содержание которых относилось на счет пленников, со дня же объявления свободы в России число сторожей выросло до 17, и содержание их, как и ранее, относилось на счет военнопленных. В Кургане сейчас же после революции были разогнаны больные из прекрасно устроенной маленькой больницы для пленных, организованной на средства учащейся молодежи⁸. Весной 1917 г. по настоянию общественности с. Бродокалмакского Шадринского уезда местный волостной Совет сельских депутатов запретил военнопленным держать свиней, мотивируя это тем, что «наши военнообязанные и пленные в Германии умирают с голода»⁹. Характеризуя положение узников войны, некто Заславский, представитель союза металлистов Надеждинского завода Богословского горного округа, в августе 1917 г. докладывал делегатами I Уральской областной конференции профессиональных союзов: «Инициатива здесь всецело находится в руках Совета, который считает наиболее существенной мерой поощрения пленных не уничтожение каторжных условий их труда, а репрессии и репрессии, вплоть до плеток с-ровской милицией, отсылки в лагерь и лишения их пищи»¹⁰. Другой источник в то же время зафиксировал: «В Егоршине Пермской губернии

⁶ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 5, 103.

⁷ См.: ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 50.

⁸ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 10, 12.

⁹ С. Бродокалмакское Шадринского уезда // Зауральский край. 1917. 24 мая.

¹⁰ Из материалов I Уральской областной конференции профессиональных союзов. Доклады с мест, август 1917 г. // Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. Т. II. Свердловск, 1927. С. 231–232.

Екатеринбургского уезда до революции работало около 2 тыс. пленных, которые получали 1–1,5 рубля в день, на эти деньги они должны были одеться и прокормиться. Пленные ходили оборванные, но, по крайней мере, сытые. Теперь Совет рабочих и солдатских депутатов запретил платить пленным более 1 рубля 20 копеек и закупать продукты в деревне, так что пленные должны голодать. Делегатка [общества «Скорпомощь»] выпросила у Совета позволение покупать продукты в одной из деревень. Совет согласился, но с условием, что все купленное пленные будут приносить сначала для контроля в местный [Продовольственный] комитет. Когда пленные привозили с трудом добытый картофель или мясо, чаще всего все отнималось комитетом и служащими железной дороги, а пленные получали только затраченные деньги»¹¹.

Поразительно, но после введения Временным правительством 20–50-копеечного лимита на выдачу вражеским военнослужащим заработной платы (см. об этом гл. 3.2) от них отвернулся даже Российский Красный Крест, постановивший «отобрать у военнопленных излишние запасы штатского платья и белья и обязать сдать в депозит все деньги, оставив на руках лишь ограниченную сумму (не более 15 рублей в месяц)»¹².

Давление на паёк и кошелёк пленных в условиях все нарастающих перебоев с продовольствием стало для вражеских солдат и офицеров настоящей бедой, оказавшись главным индикатором того, что в освобожденной демократической России они чувствовали себя ни чуть не свободнее, чем ранее. А потому ропот их звучал все громче и громче: «Почему для пленных установили петроградские нормы питания? Откуда такая аналогия?», «Не только сибирская зима, а и голод уже громко стучится в ворота. Там, где еще недавно можно было получить все чуть ли не даром, теперь почти нечего есть», «Наш здешний караул состоит из настоящих кровопийц. За все необходимые жизненные припасы мы должны им 50 % и более платить, иначе конвой наш прогоняет крестьян к черту, которые желают нам что-либо продавать...», «... Мыла мы не видали уже три месяца, чая

¹¹ ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 12.

¹² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 107.

два месяца. При старом режиме хоть иногда обращали внимание на положения, выработанные Гаагской конвенцией, почему же теперь хуже...»¹³. «Помогите нам, с голоду и холоду все погибаем», — уже не просто роптали, а умоляли пленные, пребывавшие в деревне Воздвиженка и на станции Тибук Екатеринбургского уезда, ссылаясь на то, что их 25-копеечного заработка катастрофически не хватает ни на пропитание, ни на обмундирование¹⁴. Особенно тяжелая, вопиющая ситуация сложилась в Богословском горном округе, где дело дошло до того, что военнопленные не в состоянии были выходить на работу, и чтобы их накормить, администрации предприятия во вред производству пришлось колоть окружных лошадей¹⁵. Не менее гнетущие вести о положении военнопленных приходили из Астраханской, Виленской, Воронежской, Лифляндской, Минской, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Петроградской, Самарской, Тверской и Томской губерний, а также Акмолинской и Кубанской областей¹⁶.

Надежду на свободу, казавшуюся уже близкой весной 1917 г., пленникам снова дал декрет о мире, подписанный большевистским правительством 26 октября 1917 г. и предлагавший всем воюющим народам и их правительствам немедленно начать переговоры. Ознаменованные подписанием 2 декабря того же года перемирия эти переговоры привели, помимо прочего, к открытию в России сначала 17 германских, а затем и австрийских комиссий о пленных и беженцах, а также к договоренностям о возвращении на родину раненых и больных военнопленных¹⁷. Всем же остальным в середине декабря 1917 г. Совет народных комиссаров даровал освобождение от «тюремно-лагерного режима», присвоив

¹³ ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 15; ГАТ. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191. Л. 386, 402 и др.

¹⁴ ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 4.

¹⁵ См.: Гольдич Е. Октябрь на Урале // Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. Т. III. Свердловск, 1927. С. 20.

¹⁶ См. об этом: ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 7–15.

¹⁷ См.: ГА РФ. Ф. р-393. Оп. 1. Д. 66. Л. 8; Договор о перемирии между Россией, с одной стороны, и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией, с другой стороны, заключенный в Брест-Литовске 2 декабря 1917 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 1. С. 47–51; Добавление к договору о перемирии 2 декабря 1917 г. // Там же. С. 52; Соглашение между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой стороны, о возвращении на родину раненых или больных военнопленных, 25 января 1918 г. // Там же. С. 639–643.

пленным права граждан нейтральных стран и объявив об отмене всех видов принудительных работ. Помимо того, неприятельским военнослужащим было разрешено создавать свои революционные организации и заниматься издательской деятельностью. В знак доброй воли по отношению к пленникам 23 января 1918 г., несмотря на огромные экономические трудности, советское правительство выделило на их нужды еще и солидную сумму в 3120 тыс. рублей¹⁸. В деле облегчения участи военнопленных, пребывавших на Урале, власти намеревались пойти еще дальше.

24 января 1918 г. в Петрограде на совещании представителей Наркомата иностранных дел, германской и австро-венгерской делегаций, а также Шведской и Датской королевских миссий было подписано постановление по вопросу об оказании материальной, медицинской и духовной помощи военнопленным на Урале. Оно, в частности, предусматривало организацию на областном, губернском и районном уровнях особых комитетов, которые должны были объединить по одному представителю от местных Совета депутатов и комитета по делам военнопленных, Датской и Шведской королевских миссий, а также Шведского, Датского и Российского Красного Креста. В их задачи входила организация всех видов материальной, медицинской и духовной помощи пленникам, включая организацию продовольственных и вещевых складов, питательных пунктов и концентрационных лагерей, закупку, перевозку и распределение продуктов, создание профессиональных рабочих артелей из военнопленных и примирительных камер для защиты их экономических интересов. По решению того же совещания на Урал были командированы 5 врачей и 10 зауряд-врачей германской и австро-венгерской «национальностей» из подмосковной Каширы¹⁹.

Вслед за центральными властями лицом к пленным повернулись власти региональные. Так, в феврале 1918 г. «в видах ограждения военнопленных от

¹⁸ См.: Постановление о ликвидации эвакуированных учреждений, об ассигновании Отделу военнопленных и переименовании Малого Совета народных комиссаров в Комиссию при Совете народных комиссаров // Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 399.

¹⁹ См.: ГАШ. Ф. р-589. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–23.

происходящей на многих заводах нечеловеческой эксплуатации» Областной комитет Совета рабочих и солдатских депутатов Урала постановил: «1) на всех заводах, где работают военнопленные, охрана военнопленных содержится не за счет военнопленных, а за счет заводоуправления; 2) экономически военнопленные уравниваются с русскими рабочими; 3) если военнопленные не пользуются одеждой и пищей от заводоуправления, то заработная плата им выдается вся на руки; 4) при условии пользования пищею и одеждою заводоуправления стоимость таковых высчитывается из заработной платы; 5) заводоуправления не имеют права отбирать при переезде у военнопленных одежды, выданной с вычетом стоимости таковой из заработной платы; 6) все Советы на местах обязаны следить за тем, чтобы над военнопленными не совершалось насилий (избиений стражей и проч.), заменяя негодную стражу»²⁰. Непонятливым областной комиссар труда И. Малышев 22 апреля 1918 г. дополнительно разъяснил, что «в отношении всех проводимых тарифов заработной платы и в частности и тарифа металлистов и горнорабочих, все эти тарифы как в отношении руководящих начал, так и тарифных ставок распространяются на всех военнопленных. Какие бы то ни были вычеты управлений заводами и другими предприятиями с заработка военнопленных могут производиться только исходя из утвержденного тарифа. В отношении снабжений продовольствием военнопленных не должно допускаться какой бы то ни было разницы от остального населения»²¹.

Пленные, что характерно, восприняли дарованные им права и свободы слишком буквально, тут и там обнаруживая их декларативность или, как минимум, ограниченность. Так, 21 декабря 1917 г. в Чермоозском заводе, а именно на реке Звериной, на Увале и Торфяном болоте военнопленные отказались от работы, ссылаясь на ее принудительный характер. В результате «переговоров» между ними и прибывшим на место отрядом красногвардейцев во главе с начальником милиции И.С. Ладейщиковым и членом местного исполкома

²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 39. См. также: Распоряжение (Обязательное постановление) // Изв. Уральского областного и Екатеринбургского советов рабочих и солдатских депутатов. 1918. 19 февр.

²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 26. Д. 43. Л. 94.

Е.П. Шипицыным были ранены русин Матяшин Роман, поляк Дергач Янош, мадьяры Шандор Андрейко и Варады Янош. Последний получил пулю в грудь и, как оказалось, смертельную. Ему было всего 39 лет, у него остались жена и 5 малолетних детей²².

Не встретили понимания властей и попытки пленников реализовать право на свободное проживание на частных квартирах. Выяснилось, что оно распространяется лишь на избранных, к числу которых в Перми были причислены, к примеру, военнопленные Идзик, Марковский, Закржевский, Домбровский, Швигер, Вельц, Кардаш и некоторые другие²³. Отказ в свободном проживании к своему глубокому удивлению в январе 1918 г. получили 3 тыс. гражданских пленных, находившихся в Ирбите. Комиссариат по иностранным делам, Отдел военнопленных попросил их подождать как минимум до заключения мира²⁴.

В полной же мере все превратности большевистского толкования свободы ощутили на себе пленные офицеры. В марте 1918 г. главноуполномоченный Отдела военнопленных при Военно-областном комиссариате С. Симашко издал на сей счет весьма недвусмысленное обязательное постановление, которое гласило: «Всякое передвижение военнопленных офицеров без конвоя запрещается. Ко всем офицерским баракам поставить охрану и усилить надзор за военнопленными офицерами. Военнопленным офицерам, работающим в организациях помощи военнопленным, разрешается посещение лагерей только Советской властью по именным удостоверениям»²⁵. Аресты офицеров стали при этом делом обыденным, что ожидаемо привело к росту числа их побегов. Есть

²² ГАПК. Ф. р-75. Оп. 1. Д. 42. Л. 353, 354.

²³ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 533. Л. 26, 27, 28 и др.

²⁴ См.: ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 25.

²⁵ Обязательное постановление главноуполномоченного областного отдела военнопленных // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 7 марта.

сведения, что только в Самаре ЧК арестовало 19 человек, в то время как в соседней с Пермской Вятской губернии 38 офицеров бежали из Сарапула²⁶.

Преследования пленников офицерского состава были поставлены вне закона только с подписанием Брест-Литовского мирного договора²⁷, вслед за которым появился приказ наркома по военным и морским делам Л. Троцкого, требовавший «не допускать в лагерях военнопленных никаких насилий военнопленных одних убеждений против военнопленных других убеждений и, в частности, против военнопленных офицеров, и, в предупреждение этих актов, немедленно принять все меры к разоружению военнопленных, поскольку вооружение имеется у них в среде»²⁸.

Введение настоящего документа в действие искомого эффекта, однако, не гарантировало, в связи с чем, очевидно, 16 мая 1918 г. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, созданная 23 апреля 1918 г.²⁹, дополнительно распорядилась: «В силу международных конвенций и соглашений об условиях содержания военнопленных недопустимо различное отношение страны пленения к военнопленным в зависимости от их политических убеждений. Все местные власти и органы Русской Федеративной Советской Республики, на кои возложен надзор за военнопленными, обязаны поэтому неуклонно следить за тем, чтобы та или иная партийная принадлежность военнопленного ни коим образом не отражалась на

²⁶ См. об этом: Мальков А.А. Деятельность партии большевиков среди иностранных военнопленных в период империалистической войны и Брестского мира. 1914–1918. (По материалам Среднего Поволжья): дисс. ... к.и.н. Казань, 1966. С. 273, 276.

²⁷ См.: Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией, с другой стороны, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 119–124; Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 166–183; Русско-Австро-Венгерский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 183–195; Русско-Болгарский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 195–198; Русско-Турецкий Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 199–204.

²⁸ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 58. Л. 119.

²⁹ См.: Декрет СНК от 23 апреля 1918 г. об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев // Декреты Советской власти. Т. II: 18 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 166–167.

условиях его содержания в смысле ухудшения или улучшения пищи, предоставления или отнятия различных льгот, на очереди его эвакуации и т.п.»³⁰.

Возвращаясь же к апрельскому приказу Л. Троцкого, изданному еще до создания Центропленбежа, нужно отметить, что настоящий документ не ограничивался вопросом о положении пленных офицеров. Он, помимо того, предписывал местным властям: «Тщательно следить, чтобы военнопленные всех категорий содержались в лагерях, сообразно правилам, принятым в ратифицированных Россией международных конвенциях и соглашениях»³¹. При этом жесткая привязка пленников к лагерю, по мысли правительства, должна была пойти им исключительно во благо. «Предписанные предшествующими распоряжениями Центропленбежа меры к усилению надзора за военнопленными и установлению строгой системы окарауливания должны приниматься [для] обеспечения соблюдения пленными установленных правил содержания, равно и полное воспрепятствование побегам и переходам пленных с места на место, но отнюдь не должны вести к установлению более строгого режима, чем то предусмотрено действующими положениями о пленных и началами, принятыми в этом вопросе Совнаркомом», — конкретизировалось в разосланной в мае 1918 г. на места телеграмме³².

Однако на деле все благие намерения, широко проманифестированные советским правительством, выходили пленным боком. Причина тому была проста и очевидна: сосредоточив в своих руках всю или почти всю власть над пленниками, молодое советское государство не могло обеспечить их минимальные физические потребности, не говоря уже о чём-то большем. Устав бороться с неотвратимой реальностью экономической разрухи и бестолковым администрированием, С. Симашко, главноуполномоченный Отдела военнопленных, весной 1918 г. направил военному комиссару Уральской области весьма пространное письмо, в красках живописующее истинное положение дел:

³⁰ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 2. Л. 53.

³¹ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 58. Л. 119.

³² Копия с телеграммы из Москвы от 25 мая 1918 года // Изв. Челябинского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и армейских депутатов. 1918. 1 июня.

«Мною уже неоднократно докладывалось по вопросу о военнопленных в области, вопрос о военнопленных в высшей степени чреват своими последствиями и требует самого серьезного к себе отношения, между прочим в решении этого вопроса как раз и нет согласованности в действиях учреждений, ведающих им, как раз по этому вопросу и нет не только единства действий и общей, детально разработанной программы, но даже не установлены общие руководящие принципы... Что сделано для того чтобы военнопленный пролетариат мог присоединить свой голос к общему хору русского пролетария? Какие методы применяются в деле воспитания революционеров из военнопленных? Отмена охраны лагерей военнопленных, а еще что? Ничего...»³³. «Из всех местечек Уральской области, — продолжал автор, — раздаются отчаянные призывы: спасите, нет хлеба, нет помещений, нет медикаментов, военнопленные голодают, военнопленные друг на друга помещаются, среди военнопленных эпидемии. Не буду говорить насколько нарисованная обстановка жизни пленных соответствует целям воспитания в каждом из них революционера, скажу лишь, что эта обстановка заставляет призадуматься и глубоко призадуматься. С мест начинают поступать телеграммы, сообщающие, что военнопленные бастуют, требуя увеличения продовольственного пайка, что военнопленные разбегаются из лагерей и т.д., а что если они не станут бастовать и разбегаться, а вдруг соединятся в банды (ведь они же не охраняются) и руководимые инстинктом голодного человека начнут работать по-своему, повторяю, тогда что будет, и кому это будет на руку, и кто постарается подогреть это движение, а может быть и вылить его в организованную форму? Нет, обходить этот вопрос нельзя, необходимо принять все меры к улучшению положения военнопленных, как в смысле питания, помещения, так и медицинской помощи. В этом же смысле мною получена следующая телеграмма от Наркомвоена: "Подтверждается необходимость прекратить передвижения военнопленных, не способствующие разрешению продовольственного вопроса, а лишь вносящие дезорганизацию транспорта, создающие невозможность планомерной постановки снабжения

³³ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 332. Л. 69.

лагерей. Вместо перевозки людей к хлебу узнайте точное количество пленных в области, сообщите месячную продовольственную потребность, чтобы распорядиться о подвозе хлеба к людям, что для транспорта легче и целесообразнее. Со стороны представителей нейтральных миссий поступают совершенно справедливые нарекания на бессистемные перевозки пленных из лагеря в лагерь в поисках продовольствия их на месте. В частности, указывают на Вятку. В случае недостатка помещений в связи со снятием пленных с работ изыщите меры по расширению лагерей использованием пустующих помещений других ведомств, сообщите необходимые шаги к их получению, окажем полное содействие. За Наркомвоен Кедров". И опять здесь предлагается "решить нерешимое". Как подвезти хлеб, если нет денег на его покупку, как расширить лагерь, если отбираются и имеющиеся помещения (Приказ по области № 33, параграф IV о военнопленных)?»³⁴. И далее: «Считаю необходимым устроить съезд губернских и окружных заведывающих отделами военнопленных. Разработать этот вопрос детально в связи с начинающейся эвакуацией, разработать план эвакуации и все представить на заключение Военного комиссариата Уральской области, а пока все денежные суммы, поступающие на содержание военнопленных, должны быть употреблены по своему назначению. Кроме того, прошу определенно выяснить вопрос в финансовом отношении. До сего времени мною сообщалось в финансовый отдел, сколько и куда следует выслать денег для содержания военнопленных, но я совершенно не знаю, высланы ли эти деньги и если высланы, то в каком размере. С тех же мест поступают все новые и новые требования авансов, а мне приходится твердить одно и то же: деньги отпущены. Для плодотворности работы необходимо или совершенно выделить средства, отпускаемые на содержание военнопленных, и передать моему Отделу, или же каждый раз сообщать мне, в каком положении находится вопрос по отпуску денег, согласно моему представлению»³⁵.

³⁴ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 332. Л. 69–70.

³⁵ Там же. Л. 70.

Есть основания полагать, что изложенное С. Симашко так и осталось не более чем воплем вопиющего в пустыне. По крайней мере, на местах в ближайшие месяцы 1918 г. ничего кардинально не изменилось. Все тот же С. Симашко, обращаясь в апреле 1918 г. в областной Совет депутатов, столь же безрадостно, как и ранее, констатировал: «Работы областного Отдела военнопленных в настоящее время производятся без всяких средств и этим обрекаются на полную бесплодность. Те немногие заимообразные подачки, которые Отделом иногда получались от общественных организаций, делу ничуть не помогают. С момента выделения из Казанского округа Уральской области денежные поступления для военнопленных совершенно прекратились, хотя и прежде неисправно поступали. Как результат этого — голод среди военнопленных с неизбежным тифом и цингой. В Надеждинском заводе (по полученным сведениям) доходит до того, что едят собак, больше 3000 цинготных, масса других заболеваний. Говорить же о жилищных условиях не приходится, особенно с тех пор, как военнопленные на работах стали заменяться русскими рабочими»³⁶. Уже летом 1918 г., обращаясь к уполномоченному Временного Сибирского правительства Будрину, заведующий военнопленными в городе Шадринске прапорщик Воскресенский отмечал: «За время нахождения заведывания военнопленными Шадринского пункта в подчинении советской власти довольствие их было крайне затруднительно. ... Ассигнования авансов совсем не было, и комиссариат отпускал на расходы по довольствию военнопленных в среднем около 10 тыс. рублей в месяц, тогда как при нынешней дороговизне довольствие 2500 человек, находящихся на довольствии, стоит 90 тыс. рублей. Благодаря такому ничтожному отпуску денег и не имея возможности рассчитывать поставщиков за взятые продукты, припасы и провиант, я вынужден был войти в кредит, который в настоящее время выражается в сумме около 200 тыс. рублей. Поставщики и отдел снабжения категорически заявили, что впредь отпуск всяких продуктов и припасов ими

³⁶ К положению военнопленных на Урале // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 10 апр.

производиться не будет, пока я не произведу уплаты по представленным ранее счетам»³⁷.

Между тем военнопленные ждать милостей от властей никак не хотели, реагируя на малейший намек на близкое освобождение самым непосредственным образом и прежде всего самостоятельно добираясь до ближайших транспортных артерий. Столкнувшись с этой проблемой, Шадринская продовольственная управа уже в январе 1918 г. поспешила корреспондировать волостным управам: «Вследствие распространения в уезде слухов, что военнопленные австрийцы и германцы отправляются на родину, уездная продовольственная управа просит вас объявить населению волости, что такого распоряжения нет, и уход военнопленных от их хозяев под этим предлогом нужно считать самовольным и о каждом случае ухода доносить»³⁸.

Локальные по своему характеру «миграции» пленников с начала 1918 г. лихо набирали обороты, быстро охватив страну в целом и докатившись до голодающих столиц. Борьба с этим явлением было практически бесполезно, что не оставляло правительству никаких иных мер воздействия на военнопленных, кроме угроз. «Всем, всем, всем! Немедленно принять решительные или революционные меры к тому, чтобы ни один пленный и беженец не направлялись в Петроград и голодающую Северную область. Предупреждаем, что здесь военнопленные и беженцы хлеба не получают и обречены на голодную смерть. Направлять их только в губернии, обеспеченные хлебом. Расправляйтесь беспощадно с провокаторами, стремящимися наводнить голодающие губернии лишними ртами и рассчитывающими костлявой рукой голода задавить революцию...», — гласила телеграмма за подписью В.И. Ленина, отправленная из Москвы в январе 1918 г.³⁹ Не прошло и недели, как В.И. Ленин и вовсе поручил комиссару по военным делам Н.И. Подвойскому «принять немедленно самые решительные меры для высылки из Петрограда всех военнопленных, в первую голову

³⁷ ГАШ. Ф. р-766. Оп. 1. Д. 32. Л. 3–3 об.

³⁸ ГАШ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3302. Л. 3.

³⁹ См.: Телеграмма о запрещении направлять беженцев и военнопленных в Петроград и Северную область // Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 273.

офицеров»⁴⁰. 1 марта того же года С. Симашко сделал соответствующее внушение местным властям, подчеркнув, что никакое передвижение военнопленных без разрешения областного Отдела военнопленных, находящегося в Екатеринбурге, невозможно, а их выезд в Петроград, прифронтовые области и северные голодные губернии «абсолютно воспрещается»⁴¹.

В мае 1918 г. в связи с голодом и эпидемиями для въезда, помимо столиц, были закрыты Олонецкая губерния, города Андижан, Воронеж, Илецк, Омск, Оренбург, Орша, Самара, Смоленск, Тула, Уральск, Устюг, и, что примечательно, Пермь и Кунгур⁴². Однако в условиях начавшего уже в марте 1918 г. обмена пленными с Германией⁴³ (с Австро-Венгрией соответствующие договоренности были подписаны только летом 1918 г.⁴⁴) никакие запреты сдержать процесс массового «исхода» военнопленных с мест уже не могли. Центропленбеж при этом никакого действенного механизма их сдерживания не изобрел, тем более что с первых же дней своей работы он, по мнению иностранных наблюдателей, являя собой не более чем «союз личных друзей правительства»⁴⁵, погряз в бумажной работе. «Все отделы, а по Административному — каждая его часть в отдельности, ежедневно к 16.30. часам предоставляют в Управление делами Центральной коллегии бюллетени, содержащие сводку результатов работы истекшего дня и перечень дел, подлежащих срочному разрешению в коллегии в течение следующего дня...», — гласил приказ Центропленбежа за № 2 от 2 мая 1918 г., тут же как бы в оправдание добавляя, что «конечный объект» работы коллегии должны составлять «не бумаги, а миллионы живых и частью полуживых людей...»⁴⁶

⁴⁰ См.: Предписание комиссару по военным делам Н.И. Подвойскому о высылке из Петрограда всех военнопленных // Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 569.

⁴¹ См.: [Без названия] // Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 1 марта.

⁴² См.: Куда воспрещен въезд // Уральский рабочий. 1918. 25 мая.

⁴³ См. об этом: Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. С. 99.

⁴⁴ См. об этом: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 3. Л. 104.

⁴⁵ См. об этом: Енсен Б. Гуманитарная помощь и политика: миссия Датского Красного Креста в Советской России. 1918–1919 // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 519.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Между тем на местах эти самые люди в надежде ускорить свою отправку на родину продолжали осаждать близлежащие административные центры, обостряя и без того острые продовольственный и квартирный вопросы. В этой связи комиссар военного отдела Совета депутатов г. Ирбита 29 апреля 1918 г. предупреждал уездную земскую управу: «Препровождая копию телеграммы секции по заведыванию пленными губернии, прошу объявить военнопленным, что самовольно прибывшие в город Ирбит зачисляться на довольствие при ирбитском лагере не будут. При возвращении с работ военнопленные должны обязательно представить в секцию военнопленных удостоверения от волостных исполнительных комитетов или других учреждений и должностных лиц, в ведении которых находились, о неимении препятствий к возвращению военнопленных с работ»⁴⁷.

Проблема наплыва пленных снова заставила говорить о себе и власти г. Шадринска. Заведующий учетным отделом местного Совета 16 мая 1918 г. писал: «До меня доходят сведения, что за последнее время к отходу поезда на ст. Шадринск собираются военнопленные, которые уезжают по их словам на родину в Германию и Австрию без всякого разрешения, ссылаясь при этом на якобы последовавшие разрешения властей о том, что пленные могут уезжать на родину за свой счет. В учетном отделе подобных разрешений не имеется, а имеются распоряжения обратного характера, а именно: никуда никого из военнопленных не отправлять без разрешения на выезд или распоряжения о перемещении со стороны областных властей»⁴⁸.

Такового распоряжения, несмотря на продолжавшуюся репатриацию пленных-инвалидов, а за ними и всех остальных, никто действительно не отменял. Больше того, 19 мая 1918 г. Центропленбеж своим приказом за № 11 телеграфировал на места в весьма категоричной форме: «Советское правительство принимает ответственность за содержание, прокормление и благополучный возврат на родину лишь тех пленных, кои стоят на учете

⁴⁷ ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 69.

⁴⁸ ГАШ. Ф. р-589. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

подлежащих властей и действительно находятся в постоянных определенных пунктах размещения... Никакие самочинные передвижения пленных в пределах Российской Республики совершенно не допускаются...»⁴⁹ 1 же июня 1918 г. на надеждах пребывавших на Урале пленников возвратиться домой в самое ближайшее время Центропленбеж и вовсе поставил жирный крест. Он, в частности, постановил, что в первую очередь на родину отбудут репатрианты из Северной области в составе Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Петроградской и Псковской губерний, Московской области в составе Костромской, Московской, Орловской, Смоленской, Тульской и Тверской губерний, Ферганской и Тургайской областей, а также Туркестанского края⁵⁰.

4 июня 1918 г. планы эвакуации пленных иностранцев были откорректированы⁵¹, но никаких добрых вестей брошенным в Азиатскую Россию вражеским солдатам и офицерам это не принесло. Кроме того, в тот же день, 4 июня 1918 г., Центропленбеж распорядился приостановить отправку узников войны на родину. «Русско-германская смешанная комиссия о пленных с 4 июня приостановила свои работы вследствие заявления германской делегации, что она не считает возможным продолжать их, пока не разрешится вопрос о порядке обмена военнопленных. В этом вопросе германская делегация встала на точку зрения, что, несмотря на громадное различие в числе пленных — германских в России, с одной стороны, и русских в Германии, с другой, — обмен должен производиться голова за голову. Русская делегация решительно отвергла эту точку зрения...», — указывалось при этом в приказе за № 34⁵².

По какому-то странному совпадению 4 же июня 1918 г. в Москве состоялось совещание представителей Центропленбежа, Чрезвычайной комиссии по охране железных дорог, городской эвакуационной комиссии, милиции и военных властей, вызванное тем, что «распущенность военнопленных и почти полное

⁴⁹ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.

⁵⁰ См.: Там же. Л. 31.

⁵¹ См. об этом: Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. С. 96–97.

⁵² ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

отсутствие режима дошло до грозных пределов»⁵³. Спустя несколько дней после этой встречи последовало распоряжение Центральной коллегии, в очередной раз решительно требовавшей принять экстренные меры «в целях прекращения самовольных передвижений пленных и произвольного направления их местными властями в несоответствующие центры и районы»⁵⁴. Среди этих мер называлось в том числе и закрепление пленников в местах лагерного квартирования или работ, осуществлять которое предписывалось «самым прочным образом».

Всякие иллюзии свободы вражеских военнослужащих окончательно растаяли с вступлением в силу приказа Центропленбежа № 38, принятого во второй половине июня 1918 г. в целях «установления должного порядка в деле содержания военнопленных на работах правительственных, общественных и частных предприятий, а равно в лагерных, эвакуационных, сборно-распределительных и прочих пунктах»⁵⁵. Поразительно схожий с утвержденными в 1914–1915 г. царским правительством правилами использования пленных иностранцев на разного рода работах и принятыми в их развитие более поздними циркулярами, настоящий документ восстанавливал едва ли не все те ограничения, которые режим плена предусматривал задолго до всяких революционно-демократических перемен. К удивлению пленных, получалось, что все эти перемены были необходимы для того, чтобы снова «обязать предприятия, имеющие в своем ведении рабочих пленных, размещать их только казарменным порядком, а для надежного окарауливания пленных во всех местах их водворения теперь же организовать особую ... охрану», «обязать фабрики и заводы установить строгий контроль за входом и выходом рабочих пленных и вменить в неперемнную обязанность местной милиции не допускать появления пленных на улице без конвоя позже 8-и часов вечера», «назначить при уездных коллегиях о пленных и беженцах особых вполне благонадежных лиц,

⁵³ ГА РФ. Ф. р-1235. Оп. 93. Д. 95. Л. 11.

⁵⁴ См.: Там же. Л. 28.

⁵⁵ Приказ Центропленбежа № 38 // Изв. Центропленбежа. 1918. 7 июля. См. также: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 58. Л. 7; Оп. 1. Д. 2. Л. 22–23.

по возможности из числа вернувшихся из плена в качестве инвалидов или бежавших, коим было бы поручено установление надзора за пленными на местах работ...»⁵⁶

Еще более однозначно «свободы» пленных трактовала преподанная к приказу № 38 инструкция лицам, назначенным для «окарауливания» военнопленных. Она, к примеру, предписывала: не допускать никаких посетителей как иностранных, так и русских к свиданиям с военнопленными; следить, чтобы они не уклонялись от работы под видом болезни или под каким-либо другим предлогом; всеми мерами предупреждать побег пленников; осматривать вещи, приносимые военнопленными и для военнопленных; требовать, чтобы на их костюме всегда имелись отличительные знаки⁵⁷.

Названные документы тут же оценил Центральный исполнительный комитет Всероссийской революционной организации иностранных рабочих и крестьянских социал-демократов — интернационалистов, обратившись по этому поводу во ВЦИК 1 июля 1918 г.: «Уважаемые товарищи, в Известия ВЦИК за № 132 напечатаны приказы Центрпленбежа ..., которые лишают военнопленных не только всякой свободы, но устанавливают для них режим гораздо хуже царского... Если означенные приказы будут проведены в жизнь, тогда мы более чем уверены, что наша пропаганда будет совершенно парализована, а именно потому что мы будем лишены всякой связи с военнопленными. А если нам удастся даже где-нибудь такую установить, тогда масса военнопленных будет отворачиваться от нас, указывая на царский режим, созданный для них советской властью...»⁵⁸

Ответ последовал незамедлительно и был преисполнен искреннего возмущения. Советская власть, подчеркивалось при этом, оказала пленным иностранцам неслыханную и безусловно несравнимую с царским режимом гуманность, делая все для того, чтобы они не голодали и не ночевали под открытым небом, «блуждая из города в город и из одной местности в другую».

⁵⁶ Приказ Центропленбежа № 38 // Изв. Центропленбежа. 1918. 7 июля.

⁵⁷ См.: Там же.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. р-1235. Оп. 93. Д. 95. Л. 26.

Недовольство же политикой Центропланбежа было безапелляционно объявлено «результатом глубокой неосведомленности означенного Центрального комитета интернационалистов ни с нашей конституцией, построенной на социалистических началах, ни с декретами и распоряжениями советской власти по вопросам, касающимся иностранных подданных, ни даже с фактами действительной жизни военнопленных»⁵⁹.

Надежда на перемены в незавидной судьбе военнопленных вновь забрезжила после 24 июня 1918 г., когда в Риге советской и германской сторонами был подписан протокол, отменивший отправку на родину исключительно инвалидов, а с ней и принцип «голова за голову»⁶⁰. Однако скорость обмена пленными между Советской Россией и Германией тут же была поставлена в зависимость от заключения договора между Францией и Германией, подписывать который они не торопились⁶¹. Российская делегация в составе Смешанной российско-германской комиссии о военнопленных, образованной на основании Брест-Литовского мирного договора, расценила это «не иначе как нескрываемое намерение немцев использовать значительное количество русской рабочей силы», — силы относительно дешевой, учитывая, что остававшиеся в Германии россияне, приравненные по положению к немецким солдатам, должны были и теперь работать за сомнительные 50 пфеннигов в день⁶².

Между тем правительство Советской республики всячески демонстрировало свою готовность к скорейшему решению проблемы обмена военнопленными. «Военнопленные, подлежащие эвакуации, но не желающие возвращаться на родину, не принимая в то же время русского гражданства, могут быть оставляемы в пределах России лишь в тех случаях, когда соответствующие ходатайства их обосновываются соображениями политического характера... Никакие случаи оставления в пределах России военнопленных подлежащих эвакуации, но не

⁵⁹ ГА РФ. Ф. р-1235. Оп. 93. Д. 95. Л. 36–37 об.

⁶⁰ См.: Русско-германский протокол об основных положениях для взаимного обмена пригодных к службе военнопленных, 24 июня 1918 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 1. С. 679–680.

⁶¹ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 3. Л. 93; Оп. 2. Д. 58. Л. 127.

⁶² См.: ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Ч. 1. Л. 68.

желающих возвращаться на родину по соображениям не политического характера не должны допускаться...», — свидетельствовал в пользу таковой готовности приказ Центропланбежа за № 29⁶³. Вместе с тем в самые сжатые сроки были «перекроены» и составленные ранее планы репатриации узников войны.

В соответствии с отправленной на места почто-телеграммой № 871 от 15 июля 1918 г. основные маршруты движения поездов для перевозки военнопленных германцев теперь выглядели так:

1. Пермь — Казань — Нижний Новгород — Ярославль — Рыбинск (водою) — Бологое — Псков — Двинск;
2. Симбирск — Рузаевка — Москва — Ржев — Великие Луки — Полоцк — Молодечно или Полоц — Двинск;
3. Самара — Сызрань — Ряжск — Вязьма — Смоленск — Барановичи;
4. Пермь — Вологда — Петроград — Псков — Двинск.

Пленные же, воевавшие ранее под флагом австро-венгерской короны, должны были следовать на родину следующими путями:

5. Саратов — Козлов — Горбачево — Грязи — Орел — Брянск — Гомель — Киев;
6. Саратов — Козлов — Воронеж — Курск — Киев или Курск — Харьков;
7. Царицын — Тихорецкая — Новороссийск и далее водою по разрешению вопроса о морской эвакуации.

Сборными пунктами для пленных при этом были назначены Пермь, Симбирск, Самара, Саратов и Царицын, а пунктами высадки Двинск, Молодечно, Барановичи, Киев и Харьков⁶⁴.

Очевидно, что новая схема репатриации обещала свободу всем пленникам, включая находившихся в азиатской части России. Но сам ход такого освобождения не отличался динамизмом, отягощаясь массой всяческих проблем — от взаимных претензий обменивавшихся пленными сторон до хозяйственной разрухи в стране. «Согласно предписания за № 119 от 14 августа с.г. я отправился на ст. Кожухово [там находился сборно-распределительный пункт для пленных,

⁶³ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 4. Д. 166. Л. 99.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 4. Д. 13. Л. 10.

отправляемых на Оршу — *Н.С.*] для принятия эшелона № 6 с военнопленными австрийской армии. Вагоны для погрузки военнопленных нашел совершенно грязные с кучами навоза и разного мусора. После погрузки я получил продукты и две полевых кухни. Когда я обратился к коменданту, что в этих кухнях можно варить только на 500 человек, а не на 1500 человек, то мне ответили, что всем так дают и никто не возражает, при этом не дали раскладки, весов, ножей и топора, вместо топора дали кусок железа, похожего на топор, но совершенно не годного к употреблению... Итак, я отправился, не получив требуемых вещей. В Бробы я прибыл 21 августа в 6 часов вечера и сдал [австрийских] военнопленных 1405 чел., а 95 убежало на ст. Радзивилово, а 25 августа сего года получил русских военнопленных в числе 987 человек. На мой и доктора Соргина протест, что мы не возьмем меньше, как то количество, что привезли, австрийский капитан ответил, что мы должны быть довольны, что 987 человек, получаем, а то другие ничего не получают и с пустыми эшелонами возвращаются... В Москву я прибыл с эшелонам 1-го сентября в 7 часов утра на Александровский вокзал, а в 8 часов отправили эшелон на Алексеевский пост и там держали до 6 часов вечера и только в 8 часов поставили эшелон под рампу Покровской богадельни и там я сдал 460 человек русских военнопленных; люди были целый день голодны, и даже кипятку не было в достаточном количестве на посту в Алексеевском, и люди босые, раздетые... Такой прием наших военнопленных недопустим. В Австрии как только прибыли на станцию, их сейчас встретили австрийские военные представители и сейчас повели кормить и раздавать подарки...», — делился подробностями своего участия в обмене пленными некто С. Лукашевич 2 сентября 1918 г.⁶⁵

При всем при том, тогда как отправка на родину пленных «австро-венгерцев» все-таки наладилась, с немцами все было несколько сложнее. Их репатриация, возобновившаяся было в очередной раз в июле 1918 г., 3 ноября остановилась, поскольку правительство охваченной революцией Германии поспешило закрыть свои границы перед едущими из революционной России репатриантами...⁶⁶

⁶⁵ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 9. Д. 27. Л. 27.

⁶⁶ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 3. Л. 196.

Обещанное пленным иностранцам освобождение, таким образом, по целому ряду причин оказалось труднодостижимым. Но для многих пленников, поверивших в близость свободы, дороги назад уже не было, что заставляло их искать свой путь на родину. «Нижеподписавшиеся просят уважаемую Германскую комиссию по делам пленных к этим строкам, которые были написаны в отчаянии, приложить значение и дать здешним военнопленным возможность в скором времени выехать из Кизела. Как нам известно, в средних числах марта был заключен мир с Австрией и Германией. С большой радостью приняли мы это известие, предполагая освободиться, наконец, от тяжелой судьбы, которую мы переносили под присягой нашему Царю и Отечеству. Какие духовные и телесные лишения и нужды мы терпели во время нашего плена, невозможно описать, так как их вполне понять может только тот, который сам это переживал и переносил... При настоящем нашем положении у нас все чаще и чаще является вопрос, увидим ли мы вообще когда-нибудь свою родину. Теперешнее продовольственное положение в особенности стоит того, чтобы сильнее им заняться. В продолжение 6 недель к завтраку была только горячая вода... К обеду опять вода, в которой варилось только немного соленого мяса без всякой приправы из лука, картофеля и т.п. Вечером опять вода, так называемый чай, и к ней овсяный хлеб по 1,5 фунта на человека вместе с отрубями... При этом 8-часовое время люди работают самые тяжелые работы, как, например, в угольных копях, москательных лавках и т.п. ... Хотя заработок в некоторых местах и довольно хорош, но мы никакой выгоды не имеем, так как здесь абсолютно ничего невозможно купить... Так как теперь наша уважаемая Комиссия знакома с нашим бедственным положением, то надеемся, что не просим напрасно ускорить отсюда наш выезд, ... или же дать нам сюда знать, когда возможен будет наш отъезд», — обращались в июне–июле 1918 г. 1200 несчастных пленников в Германскую комиссию по делам пленных в Перми, заработавшую на Урале сразу после подписания Брест-Литовского мирного договора и заменившую Шведскую королевскую миссию и миссию Шведского Красного Креста⁶⁷.

⁶⁷ ГАПК. Ф. р-25. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–24 об.

28 июня один из страждущих, немец Генрих Шниолли, покинул Кизел и отправился в Пермь, где обратился непосредственно в Германскую комиссию по делам пленных № 8⁶⁸. Здесь, на Вознесенском проспекте, 63, помимо Шниолли, побывали другие такие же пленные, надеявшиеся на скорую отправку домой: Александр Хорват, Иосиф Богнар, Бодорфориан Паныш, Карл Вашевский и Карл Тенк, прибывшие из Кунгура, Алекс Петровский из Красноуфимского уезда и Готфрид Вервейцкий из Екатеринбургa, Мартин Завадицкий, Август Пометло, Петр Тембо и Людвиг Карл из Богословского горного округа. От сотрудников комиссии пленные получили по 50 рублей денег и приобрели билеты для проезда на запад России. Однако на пристани или станции уверовавшие было в свое счастливое освобождение вражеские военнослужащие были задержаны⁶⁹.

В ходе дознания один из фигурантов дела, унтер-офицер германской армии Георг Людвиг, в частности, показал: «...Три недели назад приехал из города Перми сюда, в Кунгур, флигель-адъютант [Ганс] Эйк, который предложил мне и моему товарищу [Губерту] Классену способствовать побегу военнопленных германцев из лагеря и направлять их в город Пермь, в 8-ю Германскую комиссию. Получивши от нас согласие, он дал мне денег десять тысяч рублей с указанием, чтобы каждому желающему бежать из плена давали для побега по 40 рублей, кроме того, он дал мне еще тысячу рублей для выдачи пособия отправляющимся инвалидам... Неделю тому назад мы при посредстве венгерского доктора [Феликса] Гольдштейна, который находится в Кунгуре и практикует среди военнопленных, опять получили десять тысяч рублей... Свою работу мы предполагали закончить через неделю, после чего и сами думали отправиться в Германию»⁷⁰.

К 1 июля 1918 г. Пермским окружным чрезвычайным комитетом по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем было арестовано 18 военнопленных, «бежавших» из разных мест и местечек Среднего Урала. Все они объяснили, что получили инструкции ехать в Казань, Ярославль или Нижний Новгород, где им

⁶⁸ См.: ГАПК. Ф. р-25. Оп. 1. Д. 2. Л. 43, 50 об.

⁶⁹ См.: Там же. Л. 50, 50 об., 51, 57 и др.

⁷⁰ Там же. Л. 53.

надлежало явиться в местную германскую комиссию по делам пленных, дабы получить деньги и документы для дальнейшего следования на родину. Началось следствие, в материалах которого речь шла — ни много ни мало — о «нелегальной темной организации общероссийского масштаба, у которой имеется масса агентов и которая располагает огромными средствами»⁷¹. В пользу версии о существовании преступной группы надрегионального значения свидетельствовали перехваченные в Перми почтовые открытки, адресованные сотруднику Германской комиссии по делам пленных № 8 Фидлеру. Они, приобщенные к делу о массовом побеге пленных 6 июля 1918 г., содержали перечень железнодорожных станций, на которых пленным иностранцам следовало сходить с поездов, чтобы обойти дорожный контроль⁷².

Сомнений в спланированном и организованном характере случившегося в Перми практически не оставила история с побегами пленных, одновременно разворачивавшаяся в соседней с Пермской Вятской губернии. В ходе следствия здесь было арестовано 33 человека, среди которых оказались не только бывшие вражеские военнослужащие и сотрудники иностранных миссий, но и железнодорожные кассиры В.С. Власова и И.М. Бойдаковского, выдававшие пленным проездные документы⁷³. Откуда в условиях дефицита подвижного состава брались вагоны для отправки пленных в Центральную Россию, для следствия, правда, так и осталось загадкой. При этом фигуранты дела показали, что при посадке им рекомендовалось в пути громко не разговаривать, после чего вагоны запломбировывались. За 6 верст до Петрограда пленные высаживались из вагонов и добирались до города самостоятельно, минуя таким образом посты⁷⁴. «Дорогой господин Фишер, сообщаю, что сегодня уезжаю как военнообязанный германский подданный. Все шло весьма благополучно от Медведка до Котельнича. Обращаться к Гардену, Австрийский комитет (свидетельство до Петрограда и 25 рублей взаимобразно). До Вологды — 29,9 рубля, потом до

⁷¹ ГАПК. Ф. р-25. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

⁷² См.: Там же. Л. 48, 58, 58 об.

⁷³ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 73. Л. 11, 17, 19.

⁷⁴ См. об этом: Там же. Л. 23, 24.

Ванги — 19,9, а до Петрограда — 6. Все устроились в убежищах и отправляемся без комиссии. Предлагаю всем уехать, только осторожно, из Вятской губернии, а потом все идет великолепно», — сообщало перехваченное в Вятке письмо беглого военнопленного Кухаря, по разумению местных спецслужб, лишний раз подтверждавшее всероссийский характер преступной сети, занимавшейся отправкой пленных иностранцев на родину⁷⁵.

К бесконечному удивлению властей, при содействии сотрудников Германской комиссии в Перми в течение двух с половиной недель Урал покинуло порядка 470 германцев, оставшихся при этом практически незамеченными. «Побеги из лагеря наблюдались уже давно, но очень трудно было установить количество бежавших, так как одни пленные уходили на полевые работы, а другие опять вернулись», — оправдывался член Кунгурской уездной коллегии по делам пленных и беженцев Пшеницын⁷⁶. В то же время руководство Германской комиссии № 8 в Перми всячески пыталось защитить попавшихся, указывая на то, что с подписанием мирного договора с Германией «как в побеге бывших военнопленных, так и в содействии побегу признаков уголовно-наказуемого действия не заключается, и деяния такого рода составляют лишь нарушение административного характера»⁷⁷.

Чем бы ни закончилась вся эта история, — а чем она закончилась, остается загадкой, — очевидно главное. Для российских властей вражеские солдаты и офицеры продолжали оставаться военнопленными, свобода которых оставалась не более чем проектом. Она, пробиваясь через многочисленные препоны, не могла быть скорой, тем более что к середине 1918 г. на её пути встала ещё и Гражданская война. Издав во второй половине июля 1918 г. сразу три приказа об ускоренной эвакуации военнопленных из районов, «угрожаемых чехословацким ... восстанием», вплоть до отправки узников войны пешим порядком, Центропленбеж явно опоздал⁷⁸. Спустя пару месяцев большевикам

⁷⁵ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 2. Д. 73. Л. 10.

⁷⁶ Там же. Л. 55.

⁷⁷ Там же. Л. 42.

⁷⁸ См. об этом: Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. С. 124.

и вовсе стало не до пленных, причем даже там, где власть рабочих и крестьян еще теплилась. «Денег не имеем второй месяц, кругом должны, в кредите отказано, свирепствует эпидемия испанки, беженцы ночуют в вагонах, пункт закрываем» — телеграфировали эвакуационные службы из Невеля осенью 1918 г.⁷⁹ «Появился сыпной тиф, беженцы ночуют под открытым небом, денег на ремонт барачков и питание нет, закрываю пункт, ждите скандала» — корреспондировали из Козлова⁸⁰. «Больные, персонал госпиталя накануне голода. Продуктов, дров за отсутствием денег нет. Жалованье не уплачено еще за вторую половину сентября... Общая сознательность предотвращает эксцессы. Положение катастрофическое», — сообщали в Центропленбеж из Вязьмы⁸¹. На Урале же в это время шли ожесточенные бои, и большая часть пленников, наблюдая за противостоянием «красных» и «белых» со стороны, продолжала жить мечтой о свободе.

5.2. Плен и проблема освобождения пленных в практиках антибольшевистских правительств Востока России

Первым уездным центром Среднего Урала, перешедшим под контроль антибольшевистских сил, 30 июня 1918 г. стал Шадринск. 25 июля «белые» взяли Екатеринбург, 30 июля — Камышлов и Ирбит. В сентябре–октябре ожесточенные бои охватили Красноуфимский уезд, в октябре–ноябре колчаковцы отбили у «красных» Верхотурский уезд. 21 декабря дивизия под командованием В.К. Блюхера оставила Кунгур, спустя несколько дней «белые» вошли в Пермь и Соликамск. В январе 1919 г. большевики были изгнаны из Чердыни, в марте — из Осы и Оханска. Следует сразу оговориться, что последовательно сменявшие друг друга на оставленной большевиками территории Временное Сибирское правительство (июль–ноябрь 1918 г.), Временное Всероссийское правительство (октябрь–ноябрь 1918 г.) и Омское правительство А.В. Колчака (ноябрь 1918 — ноябрь 1920 гг.) придерживались в отношении пленников иностранцев

⁷⁹ ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Л. 133.

⁸⁰ Там же. Л. 130.

⁸¹ Там же. Л. 133.

последовательного же курса. Этот курс, не предполагая кардинальных изменений социо-правового статуса узников войны, больше того, был нацелен на его консервацию. «Режим военнопленных с приходом войск Временного Правительства значительно изменился, — отмечалось в газете «Ирбитский вестник» 6 августа 1918 г. — С переходом власти в руки большевиков военнопленные города Ирбита стали жить совершенно свободно, безо всякого надзора за ними, даже более свободно, чем граждане Ирбита. В базарные дни весь базар наполнялся военнопленными, и почти все, что привозилось, скупалось ими. По городу и окрестностям бродили группы австро-германских военнопленных. Теперь для военнопленных установлен особый режим. Все они содержатся в особых помещениях под надлежащей охраной. На базар отпускаются в определенные часы, на обед ходят командами. Больше уже не видно по городу бесцельно бродящих военнопленных»⁸².

«Лагеризация» плена, имевшая место быть на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам, была, однако, для пленных далеко не самым худшим вариантом. Источники свидетельствуют, что некоторые из них в ожесточенном столкновении «белых» с «красными» оказались заподозренными в сотрудничестве с большевиками, тут же поплатившись за это несовершенное преступление. «Мы, военнопленные австрийцы и германцы, покорнейше просим вас, сообщите коменданту лагеря военнопленных, чтобы нас взяли обратно в лагерь. Нас взяли в плен чехо-словаки в городе, на работе, и в бою [мы] не участвовали, еще раз покорнейше просим вас, гражданин начальник, походатайствовать, чтобы нас перевели в лагерь военнопленных», — слезно просили, к примеру, 8 несчастных из Самары, освобожденной от большевиков в июне 1918 г.⁸³ По-настоящему же прискорбный прецедент был зафиксирован в Сибири, где «пять тысяч пленных, отправленных из Березовки в Никольск-Уссурийский, по прибытии были окружены казаками атамана Калмыкова и, без малейшей на то причины, атакованы конным отрядом, порублены саблями

⁸² Комендант лагеря // Ирбитский вестн. 1918. 6 авг.

⁸³ ГАРФ. Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

и высечены кнутом. В дальнейшем это было объяснено как "ошибка" — казаки думали, что это были "большевики"»⁸⁴.

«Ничем не ограниченный произвол и дикое насилие озверевшей монархической военщины»⁸⁵, — а именно таких эпитетов были удостоены советскими историками режимы, установившиеся на временно оставленной большевиками территории, — применительно к вражеским солдатам и офицерам Первой мировой войны прежде всего означал усиление роли военных властей в разрешении их дальнейших судеб. Никакие другие документы 1914–1922 гг. не отличались такой категоричностью и детальностью в регламентации вопросов содержания и трудоустройства пленных, как документы, созданные в стане «контрреволюционных» сил. К примеру, «Временный штат управления концентрационного лагеря», утвержденный военным министром 30 апреля 1919 г., лимитировал буквально все и вся. Согласно документу, начальник лагеря мог назначаться только из числа лиц, не годных к строевой службе, равно как и его помощник, полагавшийся лишь тогда, когда число заключенных составляло не менее 5 тыс. человек, число писарей устанавливалось из расчета один человек на каждую тысячу пленных, хлебопеков — 4 человека на тысячу пленных, кашеваров, сапожников и портных — по 2 человека на тысячу пленных, лошадей — одна на тысячу пленных. На каждые 500 офицеров-пленных и каждую тысячу пленных-солдат полагалось для заведования ими по одному офицеру⁸⁶.

Управление военнопленными также систематизировалось и в конце концов было «узурпировано» военными. «Комиссия по сбору пожертвований [на нужды Временного Сибирского правительства] на собрании своем 18 июля [1918 г.] постановила просить Вас назначить особую комиссию для разработки вопросов,

⁸⁴ Suffering prisoners in Siberia // Current history: a monthly magazine of the New York Times. Vol. 11 (October 1919 — March 1920). № 2. P. 98–99. За перевод настоящего источника благодарю к.и.н., н.с. Института истории и археологии УрО РАН М.И. Вебера.

⁸⁵ Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972. С. 95.

⁸⁶ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 15. См. также: Положение об особых междуведомственных комиссиях по распределению военнопленных на работы от 29 июля 1918 г. (РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 191. Л. 5–7 об.); Постановление Совета Министров от 26 июня 1919 г. «Об увеличении содержания военнопленным офицерским чинам» (Там же. Л. 34); Инструкция для содержания военнопленных офицеров в Сибири, май 1919 г. (Там же. Л. 86–89 об.); и мн. др.

связанных с применением труда военнопленных, их довольствием и размещением в Шадринском уезде. Постановление это вызвано тем, что на довольствие военнопленных требуются очень большие затраты Комиссии, хотя и с возвращением их от казны, но в настоящее время эти средства достать почти нет никакой возможности. А также нужно иметь в виду скорое наступление осени, отсутствие подходящих теплых помещений для размещения военнопленных», — обращалась к уполномоченному Временного Сибирского правительства обеспокоенная общественность Шадринского уезда⁸⁷. По прошествии весьма непродолжительного времени всякие самодеятельные организации, а за ними гуманитарные миссии, национальные советы и гражданские ведомства передали все заботы о неприятельских солдатах и офицерах военной администрации. Так, в октябре 1918 г. к работе в лагерях военнопленных приступили специальные комиссары, назначенные Военным министерством Временного Сибирского правительства. В Омске это были подпоручик Сипягин и прапорщик Бородин, в Красноярске — полковник Ауэ и подполковник Силютин, в Новониколаевске — капитан Антонов и подпоручик Пащенко, Барнауле — поручик Дидрихс и подпоручик Любович, Бийске — прапорщик Чистяков и подпоручик Лутохин, Иркутске — полковник Келлер и подполковник Васильев. В их задачи входила прежде всего раздача денег и вещей, полученных от иностранных миссий, в то время как самим этим миссиям — миссиям Датского и Шведского Красного Креста — отводились лишь контролирующие функции⁸⁸. В то же время Особое делопроизводство по делам о пленных, действовавшее на правах отдела в составе второго департамента Министерства иностранных дел с весны 1918 г., постепенно уступило все свои полномочия Мобилизационному отделу Главного штаба (позже штаба Верховного главнокомандующего), в рамках которого судьбами узников Первой мировой войны и обезоруженных красноармейцев занимались 4-е и отчасти 3-е отделения. По линии военного же ведомства в Западной Сибири, Средней Сибири и Уральской области были учреждены должности областных

⁸⁷ ГАШ. Ф. р-766. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

⁸⁸ См.: ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 620. Л. 30, 81, 120.

«заведывающих» военнопленными, упраздненные в марте 1919 г. с передачей всех дел штабам Иркутского, Курганского, Омского, Оренбургского, Приамурского и Тюменского округов, а также района 2 Сибирского корпуса⁸⁹. Диктат военных властей в случае с пленниками был доведен до предела, что, однако, в целом соответствовало общей тенденции милитаризации управления, которая станет в апреле 1919 г. одной из причин отставки Главного начальника Уральского края С.С. Постникова — того самого С.С. Постникова, который в недалеком прошлом исполнял обязанности управляющего Богословского горнозаводского округа⁹⁰.

Надо сказать, что централизация управления военнопленными «по-белогвардейски» серьезно отличалась от централизации «по-советски». Первая, как представляется, была более централизацией, нежели вторая. Действительно, при создании большевистского Центропленбежа военнопленные были вынуждены «делиться» вниманием властей с беженцами, гражданскими пленными, переселенцами и прочими мигрантами, в то время как Омское правительство и его предшественники рассматривали вражеских солдат и офицеров как исключительную социальную единицу, заслуживающую исключительного же внимания. При этом, позиционируя пленных прежде всего как военнослужащих, обязанных подчиняться воинской дисциплине, новые власти 29 июля 1918 г. уточнили: «Установить как неперемutable правило, что положение военнопленных Сибири должно определяться положением русских военнопленных в Центральных державах, а посему признать, что режим для военнопленных подлежит изменениям в зависимости от сведений о положении наших военнопленных в Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии»⁹¹. Не лишним при этом будет повториться (см. гл. 2.1 и 4.1), что теперь сначала

⁸⁹ См.: ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 619. Л. 44–45; РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 5 об., 38, 56, 92; 172 и др.

⁹⁰ См. об этом: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент рус. истории. 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Т. 2: Ч. 2–3: Верховный правитель. Союзники. Заговорщики. Победители. Неизбежный конец. Харбин, 1921. С. 183–186.

⁹¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 191. Л. 5.

пленники «вражеской ориентации», то есть немцы, венгры и турки, а следом за ними и все остальные были жестко привязаны к национальным лагерям⁹². Вместе с тем военнопленные «дружественных национальностей», как представляется, оказались в куда более странном положении, нежели все остальные. Концентрировавшиеся в национальных лагерях в соответствии с постановлением Временного Всероссийского правительства от 20 октября 1918 г. и приказом Верховного главнокомандующего от 22 октября 1918 г. пленники «романо-славянского происхождения» продолжали содержаться под воинским надзором⁹³. И даже тот факт, что в соответствии с приказанием Главного штаба от 11 февраля 1919 г. за № 33 славяне, содержащиеся в национальных лагерях, переставали быть военнопленными с момента их перехода в национальные части⁹⁴, более свободными этих людей не делал. Тщетные протесты Шведской миссии Красного Креста против мобилизации пленных чехословаков, лишенных с ее проведением всякой защиты международного права, также лишь подчеркнули подневольное положение пленников⁹⁵.

Примечательно, что и собственно представители краснокрестных и прочих иностранных миссий, находясь на занятой «белыми» территории, оказались практически вне закона. Источники рассказывают, что 14 июля 1918 г. из еще «красной» Тюмени в «очищенный» от большевиков Курган прибыл некий Оскар Нольте, командированный германским правительством в Омск для переговоров о судьбе пленников. Делегат, однако, был тут же объявлен шпионом и взят под арест на том основании, что Брест-Литовский мир Временное сибирское правительство не признавало и никаких переговорщиков не ожидало. Несколько ранее, 26 июня 1918 г. в Новониколаевске та же участь постигла Герберта Герцберга, представителя германской миссии по освобождению пленных инвалидов. Оба иностранца оказались в итоге в... лагере военнопленных в Омске, где им составили кампанию другие такие же миссионеры — члены комиссий

⁹² См.: ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 209, 209 об., 806; РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 191. Л. 5–7 об.; Д. 193. Л. 5, 5 об.

⁹³ См.: ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 626–627.

⁹⁴ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 50.

⁹⁵ См.: ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 620. Л. 64.

Красного Креста: омской — Вильгельм Винклер Эмиль Шморель, Иосиф Эйзенберггер, Франц Герке, Иоанн Диаматчук, Иосиф Кулькавы, Эмма фон Бунзен, томской — подпоручик Герберт Герцберг, вологодской — Гергард Зиверс (арестован в Самаре 5 октября 1918 г.), уфимской — подпоручик Георг Мюллер и сестра Элла фон Шак; оренбургской — подпоручик Вальтер Симниок, врач Вальтер Ярдт и сестра Магдалена фон Ведекинд, а также некие Вальдемар Прейссе и Ганс Рейдерс, екатеринбургской — поручик Ганс Глан и сестра Аннемария Венцель (были арестованы в Челябинске), казанской — капитан Иосиф Обст, подпоручик Иосиф фон Бресслерн, подпоручик граф Ксавер Шаффгатч, сестра Эрна Одакер и слуги Эдуард Гартман и Винценц Рашка. Всего таковых набралось 33 человека (по другим данным — 37 человек). В декабре 1918 г. за всех этих «шпионов» вступился представитель Чехословацкого правительства в Омске, но власти сочли их освобождение преждевременным. И только в феврале 1919 г., когда к решению проблемы подключилась сама Э. Брендстром (см. гл. 1.1. и гл. 3.1), всех вышеперечисленных иностранцев решено было отправить из Омска во Владивосток, а оттуда пароходом — в Европу⁹⁶.

Разделившие с пленными их участь иностранные миссионеры при этом, вероятно, воочию убедились, что режим и условия содержания узников войны в лагерях «белых» Урала и Сибири были весьма суровыми, несмотря на выделение правительством на настоящие нужды 400 тыс. рублей⁹⁷. И действительно, на запрос начальника Мобилизационного отдела Главного штаба о состоянии концлагерей Тюменский военный округ сообщил 26 апреля 1919 г., что из находившихся на его территории восьми лагерей только лагеря в Екатеринбурге, Тюмени и Шадринске имели все необходимое. 8 бараков для пленных в Тобольске требовали ремонта, а в Ишиме, где пленники помещались еще и в землянках, пригодными для проживания были признаны лишь два помещения. В то же время состояние лагерей в Ирбите, Кунгуре и Перми

⁹⁶ См.: ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 635. Л. 1–14, 50–53, 70, 75, 79, 92.

⁹⁷ См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008. С. 264.

оценивалось как удовлетворительное⁹⁸. В первом из них, однако, удовлетворительное состояние построек совсем не помешало развитию эпидемии тифа, о которой военные власти говорить не хотели. Между тем, характеризуя ситуацию с находившимися здесь военнопленными, Главный начальник Уральского горного края С.С. Постников писал: «Там ужасы в лагерях красноармейцев: умерло за неделю 178 из 1600. Здоровые питаются по 90 копеек в сутки, немытые, на голом полу. По-видимому, все они обречены на вымирание, а зараза на весь город»⁹⁹. «Смертность достигает 20 %, ежедневно умирает от 15 до 20 человек...», — вторил С.С. Постникову врач Ирбитского гарнизона П.Р. Зворыкин, выступая 12 марта 1919 г. на собрании Ирбитской уездно-городской объединенной санитарно-исполнительной комиссии¹⁰⁰. Среди неуральских лагерей дурной славой пользовались в первую очередь лагеря военнопленных в Ачинске, Бийске и Петропавловске. В последнем, к примеру, в течение года, с мая 1918 г. по май 1919 г., только по официальным данным умерло 29 офицеров и 910 нижних чинов¹⁰¹.

Предлагая вывезти пленных «в другие страны с более мягким климатом и развитой торговлей», датский министр-резидент по особым поручениям в октябре 1918 г. подписал меморандум о положении австро-венгерских военнопленных в Восточной России и Сибири, в котором, в частности, указывалось: «... Чувства этих людей, видевших, как по мере развития политических событий этого года гибнут их надежды, постигнет только тот, кто сам жил многие годы в плену, но всякий поймет, как возросло ощущение угнетенности у этих людей. Сверх того, приближающаяся зима грозит пленным другой большой опасностью. Некоторые потеряли в политической буре многих последних месяцев все свое достояние, другие продали все, преимущественно свою зимнюю одежду в надежде на скорый возврат на родину... Многие из них буквально ходят в лохмотьях, и их нижнее белье в том же состоянии. Это

⁹⁸ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 441, 441 об., 442.

⁹⁹ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 186.

¹⁰⁰ ГАСО. Ф. р-1956. Оп. 1. Д. 36. Л. 145–146.

¹⁰¹ См.: ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 620. Л. 8–19.

представляется в высшей степени опасным для здоровья, и нельзя надеяться на местную помощь в виду нынешнего состояния торговли. Эти же плохие условия торговли лишают возможности снабдить лагеря и госпиталя освещением — керосином, свечами и т.п. ... Во многих местах в высшей степени затруднительно или невозможно добыть в достаточном количестве топливо...»¹⁰²

С началом 1919 г. положение военнопленных, содержащихся в лагерях, стало еще более тяжелым, и объяснялось это вот чем. В 1919 г. правительство, опасаясь увеличения численности большевистских штыков за счет мобилизации пленников, приняло решение об их эвакуации из оставляемых Народной армией местностей Урала. По имеющимся данным, из лагерей Верхнеуральска, Екатеринбурга, Златоуста, Ирбита, Перми, Троицка, Уфы, Челябинска и Шадринска в течение нескольких дней было вывезено порядка 37 тыс. вражеских военнослужащих (включая умерших в пути). Затем от военнопленных были освобождены лагеря в Ишиме, Кургане, Петропавловске, Тобольске, Тюмени и Ялуторовске, где содержалось около 22 тыс. человек. При этом эвакуация лагерей Урала показала, что в условиях дезорганизации транспорта и снабжения всякие благие намерения в отношении узников войны оказались слишком благими. Их путешествие на восток, по оценкам наблюдателей, «стоило им таких сил и энергии, такого измождения, что они могли только лежать»¹⁰³. Очевидно, что страдали при этом не только военнопленные эвакуированных лагерей, но и пленники, населявшие принимаемые лагеря. В этой связи не будет преувеличением сказать, что сданным на те или иные работы и потому оставшимся вне эвакуации военнопленным просто повезло, хотя и далеко не всем. Достаточно сказать, что использовать труд пленников власти намеревались прежде всего на железных дорогах, в угольных коях и работах Осотопа, явно не относившихся к числу лёгких¹⁰⁴. Характеризуя положение пленных, отправленных на строительство Южно-Сибирской железной дороги, источник в

¹⁰² ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 620. Л. 88–89 об.

¹⁰³ См.: Montandon G. Deux ans chez Koltchak et chez les bolchéviques: Pour la Croix-rouge de Genève (1919–1921). Paris, 1923. P. 44, 52, 53, 54.

¹⁰⁴ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 231. Л. 65, 238.

правительственных кругах указывал: «Условия жизни, в какие поставлены были Дорогой военнопленные, вынудили последних к массовым побегам с работ, причем значительный процент был бежавших в сторону красных, до 30 % военнопленных стало на работах инвалидами»¹⁰⁵. При этом, что немаловажно, Временное Сибирское правительство практически лишило пленников всякой надежды на улучшение своего положения за счет заработка, а с нею — и всякой мотивации к труду.

5, 8, 10, 11, 13, 15 июля 1918 г. под председательством товарища министра иностранных дел М.П. Головачева, а в его отсутствие секретаря экономического отдела Н.И. Никифорова в Омске состоялось 6 заседаний по вопросу о порядке отпуска военнопленных на работы из концентрационных лагерей и по вопросу о военнопленных вообще¹⁰⁶. Утвержденные при этом «Правила о порядке содержания военнопленных на территории Сибири и об отпуске их на работы», возымевшие силу закона 29 июля 1918 г., требовали: «Труд военнопленных расценивается на 25 % ниже существующей в данной местности оплаты труда рабочего той же специальности. В городах средняя оценка труда определяется ставками профессиональных союзов и данными бирж труда. Из причитающегося военнопленному, работающему в промышленном предприятии, заработка он имеет право получить не свыше одного рубля в день, остальная часть платы за вычетом расходов по содержанию военнопленного сдается предприятием в доход интендантского ведомства в депозит местных казначейств. На сельскохозяйственных работах плата военнопленных, превышающая указанную выше сумму, выдаваемую на руки, за вычетом расходов по их содержанию сдается работодателями в доход волостной земской управы, станичного общества или соответствующего им учреждения»¹⁰⁷. Установленная таким образом расценка труда была настолько низкой по сравнению с рыночной, что ни о какой производительной работе пленных, а с нею и о повышении их материального благосостояния за счет заработанной платы не могло быть и речи. При этом

¹⁰⁵ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 231. Л. 65.

¹⁰⁶ См.: ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 620. Л. 30.

¹⁰⁷ ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 623; РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 191. Л. 807–808 об.

начальник Красноярского военного района, решив, что труд пленников на оговоренных выше условиях чересчур выгоден для предпринимателей, постановил вносить 50 % от заработка вражеских военнослужащих в доход казны. В то же время заведующий военнопленными Уральской области предписал перечислять в доход казны 90 % их заработка, оставшегося после выдачи на руки того самого одного рубля и уплаты всех расходов по содержанию¹⁰⁸. Практически не заинтересованные в продуктивности своего труда, пленники «работали вяло», почему уральские промышленники во главе с Главным начальником Уральского края С.С. Постниковым в один голос заговорили о том, что принятые 29 июля 1918 г. правила оказались «мало приложимыми к жизни и породили целый ряд вопросов, требующих более детальной разработки»¹⁰⁹.

Ситуация, сложившаяся в деревне, была не менее нелепой, поскольку местные самоуправления, ссылаясь на высочайшую волю, действовали сообразно своим интересам. «...Наемная плата для пленных устанавливается по 45 рублей в месяц или 1 рублю 50 копеек за каждый проведенный пленным у нанимателя день, не считая в этой плате стоимость одежды и обуви... По истечение месяца наниматель платит волостной управе указанные выше 45 рублей, из которых управа 2/3, то есть 30 рублей, выдает пленному, а оставшиеся 15 рублей перечисляет уездной земской управе», — гласили «Правила и условия о выдаче и по содержанию военнопленных, отпускаемых Ирбитской уездной земской управой хозяевам Ирбитского уезда для производства сельскохозяйственных работ», объявленные 10 августа 1918 г.¹¹⁰ Весьма странным образом дополнив установления правительства и поставив в весьма невыгодное положение в том числе и крестьян, которым ежемесячная 15-рублевая плата за наемный труд казалась завышенной, 25 сентября 1918 г. Ирбитское земство, ко всему прочему, и вовсе распорядилось деньги пленным на руки не выдавать¹¹¹. Стоит ли удивляться, что «по опубликовании этой телеграммы населению Ирбитского

¹⁰⁸ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 200. Л. 86, 161.

¹⁰⁹ Там же. Л. 305.

¹¹⁰ ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 99, 99 об., 809, 809 об.

¹¹¹ См.: Там же. Л. 446.

уезда и по разъяснении военнопленным при расчете с ними за работу по причине невыдачи им на руки заработанных денег многие из военнопленных при отпуске их на работы к гражданам Ирбитского уезда, по заявлению последних, отказались идти на работы, ссылаясь на то, что все заработанные ими деньги на руки им не выдаются, а сдаются в уездную управу»¹¹². В октябре 1918 г. Ирбитская земская управа пересмотрела размеры наемной платы за труд военнопленных, руководствуясь при этом в ущерб интересам пленников интересами аграриев. Они теперь должны были платить за предоставление одного рабочего по 25 рублей в месяц, из коих 5 шло в кассу управы, а 20, то есть на 10 рублей меньше, нежели прежде, выдавалось на руки пленному¹¹³.

В Шадринском уезде управа также требовала 5-рублевой платы за труд пленников и, кроме того, постановила, что «каждый, получивший военнопленного на работу, обязан внести в кассу уездного земства 100 рублей залогом, который возвращается, если военнопленного сдают обратно со всей необходимой ему обмундировкой»¹¹⁴. Собственно пленным при этом полагалось всего 12 рублей заработка, в связи с чем они в массовом порядке начали отказываться от работ. Обеспокоенные этим местные власти никак не могли взять в толк, в чем же дело, ища корень проблемы совсем не там, где следовало. Так, начальник милиции 6-го участка Шадринского уезда Степанов, обращаясь к вышестоящему руководству, писал: «Доношу Вам, господин начальник, что за последнее время работающие у разных лиц вверенного мне участка военнопленные, преимущественно мадьяры, под разными предлогами отказываются от работ и просят об отправлении их обратно в лагерь. Такое тяготение к лагерю от сравнительно хороших харчей крестьян резко бросается в глаза и наводит на сомнение в том, что не может ли эта отправка, группирующая их, отразиться на общем положении мер по охранению государственного порядка»¹¹⁵.

¹¹² ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 246. Л. 516.

¹¹³ См.: Там же. Л. 549, 549 об.

¹¹⁴ ГАШ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 35. Л. 35.

¹¹⁵ ГАШ. Ф. р-766. Оп. 1. Д. 32. Л. 22.

Ждать более взвешенных распоряжений на предмет оплаты труда работодателям и пленникам пришлось до середины мая 1919 г., а не прояви при этом решительности Главный начальник Уральского края С.С. Постников, возможно, никаких новаций в этой сфере и вовсе бы не случилось. «Не получив ответа на двукратное обращение к Военному министерству о необходимости изменения условий оплаты труда военнопленных и ввиду необходимости поднятия продуктивности их труда при использовании в заводах главным образом по ремонту паровозов и вагонов, а также по производству орудий на Пермском пушечном заводе, промышленные организации были вынуждены просить Верховного правителя о скорейшем разрешении применить прежний порядок расплаты — то есть одинаковый с русскими рабочими. Верховный правитель ввиду срочности вопроса дал свое согласие на прежний способ расплаты, предложив сообщить об изложенном Военному министерству, что настоящим и исполняется», — сообщал бывший управляющий Богословского горного округа военному министру 24 февраля 1919 г.¹¹⁶ Распоряжение же А.В. Колчака для министра уже не было секретом, в связи с чем, очевидно, 23 февраля 1919 г. приказом начальника Главного штаба за № 66 была срочно создана соответствующая комиссия, первое заседание которой состоялось в марте и которая соглашаться с директивой Верховного не торопилась¹¹⁷. Комиссия всерьез полагала, что новый порядок оплаты труда вражеских военнослужащих будет несправедлив по отношению к местным рабочим, в отличие от которых «военнопленные имеют готовое помещение и, кроме того, не имеют на руках семейств,.. а потому находятся в экономическом отношении в лучшем положении, нежели русские рабочие вольнонаемные»¹¹⁸. В конце концов 15 мая 1919 г., уже после отставки С.С. Постникова, считавшего экономическую политику Омского правительства губительной, Совет Министров, пытаясь угодить всем заинтересованным сторонам,

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 78. Л. 24. См. также: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 17.

¹¹⁷ См.: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 200. Л. 262, 300.

¹¹⁸ Там же. Л. 23.

постановил платить пленникам 2/3 от рыночной расценки труда и выдавать им на руки все деньги, оставшиеся после удержания расходов по содержанию¹¹⁹.

Впрочем, пока правительство раздумывало над проблемой организации труда узников войны, они сами нашли ей решение, устраивавшее и их, и их потенциальных нанимателей. Сообщая 21 мая 1919 г., что с работ Буткинского лесничества Шадринского уезда всего за неделю бежало 15 человек, местный лесничий Н. Архипов отмечал: «Возникновению побегов и трудности розысков бежавших с государственных работ военнопленных много способствует то обстоятельство, что местное население, ввиду недостатка и крайней дороговизны рабочих рук из своей среды, охотно принимает на свои частные работы беглых пленных и даже в некоторых отдельных случаях, так сказать, переманивает их, предлагая более повышенную плату и т.п., а также скрывает их и не сообщает об их нахождении...»¹²⁰

Такого рода «кооперация» имела место быть и в промышленности, о чем, в частности, свидетельствовало заявление военнопленного Иосифа Шуберта, написанное уже после восстановления на Среднем Урале советской власти. «Согласно вашего приказа имею честь вам заявить, что я был мобилизован чехословаками 18 ноября 1918 г. против моего желания, — писал пленный, требуя признать его лояльным по отношению к советской власти и выдать ему в том соответствующие документы. — Хотя я и отклонялся от этого, но был взят под угрозой меня увести с винтовками, то я был, конечно, вынужден ехать, хотя я им объяснял, что не буду воевать, но мои слова были напрасны, и предупреждаю вас, что я был принят 18 ноября в Омске и зачислен 1 запасного полка 6 роты, а 24 того же месяца был отправлен на Уфимский фронт по моему собственному желанию, потому что это для меня казалось самым удобным случаем скрыться от чехов. Когда я приехал до Челябинска, тогда сошел с поезда и поехал на Екатеринбург и в Ревдинский завод, где я проживаю в настоящее время, и прибыл 29 ноября домой и больше к ним не возвращался, а проживал дома до 1 января.

¹¹⁹ См.: Правила от 15 мая 1919 г. об отпуске военнопленных на работы казенные, промышленные и частные // Правительственный вестн. 1919. 19 июня.

¹²⁰ ГАШ. Ф. р-766. Оп. 1. Д. 32. Л. 8–8 об.

Так как у меня средств на продовольствие не было, то я поступил на работу на Дехтяринский [должно быть Дегтярский — *Н.С.*] рудник и проработал до 29 января 1919 г., но был накрыт моими преследователями и был вынужден удалиться оттуда и вернулся опять домой и прожил до 25 июля 1919 г. Я должен заявить то, что были у меня обыски два раза, первый обыск был произведен милицией, а второй из местного штаба белой гвардии. Но так как я был хорошо укрыт, то меня при обыске не нашли»¹²¹.

Скрыться от властей подобно И. Шуберту удалось, очевидно, не одному десятку пленников, которым не составило труда затеряться среди местного населения и вздохнуть относительно свободно. Нелегальные практики освобождения узников войны косвенно зафиксировали материалы специального расследования, затеянного в г. Ирбите в августе 1918 г. и продлившегося до весны 1919 г. В центре внимания властей оказался при этом некий Симон Ашенграу, обвинявшийся в том, что, будучи председателем местного комитета австрийских подданных-мирнопленных, «переименовывал военнопленных в военнообязанных», за что якобы брал деньги и оформлял соответствующие документы¹²². По этим документам пленники могли как минимум проживать на частных квартирах и как максимум — покинуть город. Дознание, правда, показало, что эта история началась еще при «старом режиме», почему главный фигурант дела арестовывался и при Временном правительстве, и при большевиках. Однако и в том, и в другом случаях оснований для уголовного преследования С. Ашенграу не нашлось. Между тем, все говорило за то, что прямое участие в махинациях с удостоверениями иностранцев принимала местная милиция, чины которой ловко прятали концы в воду, перекладывая свою вину на С. Ашенграу. Он в итоге был отпущен из-под ареста, хотя и под залог, а получившие подложные документы пленные так и не были найдены¹²³.

¹²¹ ГАСО. Ф. р-511. Д. 204. Л. б/н.

¹²² См.: Государственный архив в г. Ирбите (ГАИ). Ф. Р-474. Оп. 1. Д. 9. Л. 3. За возможность использования этого источника благодарю к.и.н., н.с. Института истории и археологии УрО РАН М.И. Вебера.

¹²³ См.: Там же. Л. 4–7, 9, 11, 14–15, 17, 18, 21–22, 31–35, 40, 44, 49, 58, 62 и др.

Менее же отчаянным и удачливым оставалось лишь мечтать об освобождении. «Носились слухи, — цитировала цензура письмо пленного в апреле 1919 г., — что нас снабдят соответствующими документами и предоставят каждому свободно устраиваться на общих правах, предоставленных иностранцам, но, очевидно, это только слухи». В то же время другой пленник сетовал: «Война окончилась уже давно, а мы все еще находимся на положении военнопленных»¹²⁴. В лагерях все более и более отчетливо различались голоса тех, кто с нетерпением ожидал прихода «красных». «Когда мы посещали лагеря, мы не довольствовались тем, чтобы констатировать протекание крыш и влажность пола», — отмечал современник¹²⁵. Наиболее актуальным вопросом для заключенных в лагеря военнопленных, продолжал он, неожиданно оказался вопрос «Когда мы попадем в руки "красных"», дополняемый вопросами «Что от нас зависящее мы должны сделать, чтобы попасть к ним?» и «Кого мы должны попросить повлиять на это?». При этом в большинстве своём пленников «желали нетерпеливо, даже пылко, попасть в большевистские руки» прежде всего потому, что видели в этом наиболее скорое «средство» возвращения на родину¹²⁶.

Между тем с окончанием мировой войны проблема освобождения военнопленных вставала сама собой. Однако решать её Российское правительство А.В. Колчака не спешило. «Благоволите указать великобританскому и через Маклакова французскому правительствам на нежелательные последствия, которые повлекло за собой немедленное возвращение на родину наших пленных, а именно: насильственное обращение в большевиков одной части их и преследование, уничтожение другой. В виду этого благоволите осведомить указанные правительства о желательности с нашей стороны принятия мер к тому, чтобы осуществление требований перемирия о возвращении военнопленных в части, касающейся России, было отложено до того времени, когда будет сокрушен большевизм», — сообщали в конце 1918 г. из Омска в озабоченные

¹²⁴ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 193. Л. 166, 166 об.

¹²⁵ Montandon G. Op. cit. P. 31.

¹²⁶ См.: Ibid. P. 31, 55.

судьбами пленников Лондон и Париж по дипломатическим каналам¹²⁷. Впрочем, источники свидетельствуют, что уже в феврале 1919 г. правительство А.В. Колчака откорректировало свою позицию, вступив в переговоры об освобождении пленных с румынскими, сербскими и итальянскими представителями¹²⁸.

11 марта 1919 г. при Омском правительстве была создана Комиссия по делам военнопленных, необходимая «для разрешения и объединения в одном органе всех вопросов, возникающих в связи с обменом военнопленных между Россией и Центральными державами»¹²⁹. Очевидно, организацию настоящей комиссии подстегнула полученная в начале года Министерством иностранных дел телеграмма из Германии, которая гласила: «...Просим освобождения интернированной в Омске германской эвакуационной комиссии и предоставления возможности подготовки возвращения морем находящихся в Сибири 30 тысяч германских военнопленных. Сбор военнопленных — в районе Владивостока. Тоннаж дает Япония»¹³⁰. Отклонив настоящий план, российские власти ответствовали, что обмен через Владивосток «в широком масштабе» невозможен и решили было вплотную заняться освобождением пленных инвалидов, речь о котором шла уже год (см. табл. 42). Осуществлять его планировалось «одиночным порядком за их [пленных] счет», если на основании их прошений врачебная комиссия установит, что дальнейшее содержание в лагере угрожает жизни пленника. Но и это предложение в конце концов было заблокировано¹³¹. На заседании Комиссии по делам о пленных 22 августа 1919 г. было однозначно решено: «... В виду серьезного положения на фронте признать в настоящий момент эвакуацию пленных инвалидов за свой счет невыполнимой и загромождающей работу военного ведомства...»¹³²

¹²⁷ ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 200. Л. 28.

¹²⁸ См.: Там же. Л. 1. 9, 50.

¹²⁹ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 57. Л. 29.

¹³⁰ Там же. Л. 55.

¹³¹ См.: ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 200. Л. 34, 35; Д. 619. Л. 44, 111; РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 59. Л. 54.

¹³² ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 619. Л. 116.

**Численность пленных инвалидов, учтенных Омским правительством
на 1 марта 1919 г., чел.**

Округ, район	Офицеров	Солдат	Всего
Тюменский военный округ			
Ишим		236	236
Тюмень		450	450
Ялуторовск		34	34
Екатеринбург		41	41
Шадринск		5	5
Ирбит		180	180
Тобольск		67	67
Курганский военный округ			
Курган		31	31
Омский военный округ			
Омск	5	311	316
Томск	83	561	644
Тара		60	60
Каинск		24	24
Бийск		667	667
Барнаул	247	450	697е
Новониколаевск	4	68	72
Оренбургский военный округ			
Троицк		59	59
Иркутский военный округ			
Ачинск	332	429	761
Иркутск	51	361	412
Красноярск	998	1373	2371
Канск	39	19	58
Приамурский военный округ			
Никольск-Уссурийский	429	814	1243
Район 2-го Сибирского отдельного стрелкового корпуса			
Павлодар		174	174
Семипалатинск	13	701	714
ИТОГО	2201	7115	9316

Источник: ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 552. Л. 25.

В условиях стремительного ухудшения военно-политической обстановки возможности заниматься судьбами пленников действительно стремительно сокращались, в связи с чем военное ведомство было вынуждено отказаться от принципа единоначалия и поделиться, наконец, своими полномочиями с кем-то еще. В конце февраля — начале марта 1919 г. часть забот об узниках войны взял на себя Центральный комитет по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста. И если на заседании 4 марта 1919 г. комитет обсуждал всего-навсего устройство изоляторов-больниц для пленных в Екатеринбурге, Челябинске и Омске (на 50 коек

каждая), то уже в мае 1919 г. в его ведение перешли все дела, связанные с оказанием медико-санитарной помощи находившимся в лагерях пленникам¹³³.

В мае же 1919 г. было достигнуто соглашение с Германией об обмене военнопленных через Архангельск. Начаться он должен был в июне–июле, но так и не начался. Ему помешала жесткая позиция Франции, представители которой в Омске указывали на «несправедливость эвакуации немцев ранее пленных романо-славян и опасность наполнения Сибири русским пленными из Германии, находящимися будь-то бы под влиянием большевистской пропаганды»¹³⁴. Как результат массовое возвращение пленных на родину снова было отсрочено, уступив практике только индивидуального обмена и только офицеров¹³⁵.

Между тем 29 июля 1919 г. во Владивосток прибыла комиссия Швейцарского Красного Креста во главе Ж. Монтандоном. Миссия сходу предложила «теперь же смягчить режим, которому подвергаются военнопленные, и улучшить их жизненные условия» посредством «сосредоточения возможно большего числа пленных в Приморской области с передачей их в руки таких держав, как Япония и Америка...»¹³⁶ Со схожим предложением к Омскому правительству обратились Датская и Шведская миссии Красного Креста, возобновившие свою работу на Востоке России осенью 1919 г. Последняя из них, считая оставление пленных в местностях, угрожаемых большевиками, недопустимым, в частности, пыталась добиться продолжения эвакуации узников войны в Предбайкалье и Забайкалье. В то же время оказывать материальную помощь пленникам было разрешено Американскому обществу Христианского союза молодых людей, при том лишь условии, что предметы снабжения для своих подопечных он будет закупать за пределами России¹³⁷.

Помощь же военнопленным на Востоке России была нужна, как никогда. «Вчера из частного источника осведомился, что положение военнопленных даже

¹³³ См.: ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 620. Л. 5; РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 59. Л. 5, 5 об.; Д. 193. Л. 78.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 200. Л. 35.

¹³⁵ См.: Там же. Л. 56.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 552. Л. 16.

¹³⁷ См.: ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 619. Л. 127; Д. 620. Л. 91, 91 об., 98.

здесь, на Дальнем Востоке, чрезвычайно тяжелое. Отпускаемого им содержания 50 рублей плюс 25 [рублей] от Датского Красного Креста совершенно недостаточно и пленные голодают. Одежды, обуви, белья нет. Если до осени не будут снабжены этим, все обречены на гибель. Между тем приобретение для них всего этого обойдется чрезвычайно дорого. В виду этого казалось выгоднее для нас либо передать их японцам и американцам, как предлагают швейцарцы, или отпустить на родину...», — сообщал некто Клемм в комиссию о пленных в Омске 28 июля 1919 г.¹³⁸ Сами же пленные летом 1919 г., обращаясь к российской администрации, в частности, писали: «Наше положение здесь настолько несчастно, что мы просим положить этому конец. Мы солдаты. Поэтому мы просим, чтобы по согласованию правительств Австрии и России нас расстреляли»¹³⁹.

В таких условиях российские власти наконец-то решились передать 4500 пленников Японии¹⁴⁰. Кроме того, под покровительство японских военных были переданы три лагеря пленных на Дальнем Востоке — так называемые Красная речка, Первая речка и старый лагерь в Никольске Уссурийском. «В них содержатся примерно 6000 человек. Остальные 206000 пленных были оставлены в распоряжении русских в таком же бедственном положении, как и раньше. В Никольске сейчас содержатся военнопленные из одинаковых армий — австрийцы, венгры и турки — но в 2 разных лагерях, находящихся на расстоянии 100 ярдов друг от друга, и в одном из них они получают 50 иен и полное обеспечение, а в другом — всего 1 иену и полуголодный паек», — описывал современник сложившееся к осени 1919 г. положение пленных в Сибири и на Дальнем Востоке России, присовокупляя при этом, что это есть ни то иное как позорное пятно на «цивилизации»¹⁴¹.

Очевидно, что к концу 1919 г. практически все хлопоты Омского правительства о военнопленных свелись к резолюциям «разрешить» или

¹³⁸ ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 552. Л. 23.

¹³⁹ Montandon G. Op. cit. P. 22.

¹⁴⁰ См.: Ibid. P. 20, 21.

¹⁴¹ Suffering prisoners in Siberia. P. 99.

«запретить» на поданных различными гуманитарными миссиями документах. «В виду поступающих запросов, могут ли быть переданы итальянской военной миссии для эвакуации на родину военнопленные, имеющие жительство на территории, отошедшей по Парижскому договору к Италии, Мобилизационный отдел сообщает, что препятствий к передаче пленным указанной национальности не встречается при условии добровольного согласия принять итальянское подданство», — значилось в одном из таких документов в октябре 1919 г.¹⁴² В то же время в приезде в Сибирь было отказано миссиям Австрийского и Венгерского Красного Креста, причем отказано на том основании, что они не преследуют цели «организации обмена пленными» и «имея в виду существование в Сибири Датской, Шведской и Швейцарской миссий Красного Креста»¹⁴³. Чуть ранее в Комиссии по делам пленным обсуждался вопрос о передаче пленным поляков на попечение Польского военного комитета. Но так как он не был признан официальным правительством Польши, рисковать дипломатическим скандалом власти не решились, позволив, однако, военнопленным польского происхождения оставаться вне лагерей на работах и тем самым несколько облегчив их участь¹⁴⁴.

Так или иначе, но в 1918–1919 гг. покинуть Урал и Сибирь в целях отправки домой удалось очень немногим пленникам, не считая итальянцев и датчан. В конце же 1919 г. власти окончательно отказались от репатриации военнопленных германцев, мотивируя это тем, что «... отпуск пленным на родину за их счет был разрешен правительственной Комиссией по делам о пленным только для пленным инвалидов... Эвакуацию же на родину трудоспособных пленным правительство считает невозможной до подписания мира между Россией и Германией или, по крайней мере, заключения специального на сей предмет соглашения между упомянутыми государствами, в основу которого, очевидно, должно лечь предоставление нам известной компенсации за возвращение пленным ввиду того, что ... обмена пленными Германия сделать уже не может, произведя таковой с

¹⁴² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 240. Л. 20.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 619. Л. 30.

¹⁴⁴ См.: Там же. Л. 121.

Советской Россией, вследствие чего дальнейшее пребывание пленных в Сибири остается целиком на ответственности Центральных держав...»¹⁴⁵

Однако для освобожденного же еще в середине 1919 г. от антибольшевистских сил Среднего Урала все это было не актуально. Здесь военнопленные «империалистической войны» вновь поступили в ведение советских миграционных служб, мучительно собиравших по городам и весям разоренного края своих растворившихся среди обывателей подопечных.

5.3. Завершающая стадия репатриации

Одним из последствий Гражданской войны в России стал процесс так называемой рурализации, в ходе которого города — как большие, так и маленькие — обезлюдели. Их население спасалось от одинаково опасных «красных» и «белых» бегством в сельскую местность, где, что немаловажно, было значительно проще прокормиться¹⁴⁶. Несмотря на все попытки их контроля, пленные иностранцы также оказались захвачены обозначенной выше тенденцией, в связи с чем задача их отправки на родину предполагала прежде всего решение задачи их учета и концентрации. Потому неудивительно, что уже 30 июля 1919 г., когда территория Урала ещё оставалась ареной вооруженного противоборства «красных» и «белых», Центропленбеж издал приказ № 324, предусматривавший «реанимацию» служб, «обслуживавших» пленных, беженцев и других перемещенных лиц. Документ, в частности, требовал создать в освобожденных Екатеринбурге, Златоусте, Красноуфимске, Кунгуре, Перми, Сарапуле, Уфе и Челябинске врачебные пункты суммарной емкостью в 27 тыс. человек¹⁴⁷. В сентябре 1919 г. был объявлен план организации врачебно-питательных и обсервационно-продовольственных пунктов, которые должны были появиться в дополнение к уже созданным пленбеженским структурам в Алапаевске (1,5 тыс. человек), Верхотурье (1 тыс. человек), Гороблагодатской (1,5 тыс. человек),

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 619. Л. 20.

¹⁴⁶ См., напр., письмо из Авзяно-Петровского завода жительнице Екатеринбург О.С. Онуфриевой начала 1919 г., где в красках описывается как «красный», так и «белый» террор по отношению к населению: РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 11. Л. 132. За информацию об этом источнике благодарю к.и.н., н.с. Института истории и археологии УрО РАН М.И. Вебера.

¹⁴⁷ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 5. Л. 148.

Егоршино (1,5 тыс. человек), Ирбите (1 тыс. человек), Калино (1,5 тыс. человек), Камышлове (2 тыс. человек), Тюмени (2 тыс. человек), Уфалее (2 тыс. человек) и Шадринске (1 тыс. человек)¹⁴⁸.

На местах, однако, реализовывать указания Центра было особенно некому. Для того чтобы они стали реальностью, в первую очередь требовалось воссоздать губернские управления по делам пленных и беженцев, которые снова заработали в Екатеринбурге и Перми, как только их заняли части Красной армии. Следующей задачей стала организация пленбеженского дела в уездных центрах, отнявшая пару месяцев. Так, в Красноуфимске и Ирбите Екатеринбургской губернии уездные коллегии начали функционировать в августе, а в Камышлове и Шадринске — в сентябре 1919 г.¹⁴⁹ Лишь затем в регионе началось формирование сети специализированных учреждений, ориентированных на оперативное обслуживание всевозможных мигрантов, вплоть до находившихся в дороге красноармейцев. «9 октября 1919 г. мною получен мандат Екатеринбургского губернского управления по делам пленных и беженцев на устройство врачебного пункта на ст. Екатеринбург-I. В результате переговоров с управлением Пермской железной дороги и Отделом здравоохранения этой же дороги нам отведены два вагона с двойной обшивкой из числа негодных к передвижению... Вагоны помещены на тупике 9 южного пути. Один приспособлен для ожидания, другой для приема больных. Тут же имеется помещение для дежурного фельдшера. Старший врач железнодорожной больницы Карнаухов согласился принять заведывание пунктом. В помощь к нему приняты два фельдшера той же больницы Дерягина и Беляев... Фельдшер Ведерников исполняет обязанности смотрителя пункта. Для сообщения с железнодорожной больницей и городом на пункт проведен телефон. Намечается в нём и электрическое освещение. При пункте состоит несколько человек санитаров. В ближайшие же дни, с получением от губздравоохранения медицинских халатов и небольшого количества белья, можно будет приступить к работе», — с удовлетворением рапортовал временно

¹⁴⁸ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 5. Л. 211.

¹⁴⁹ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 91–96.

исполнявший обязанности начальника врачебно-санитарного отдела губэвака Флятау 12 декабря 1919 г., то есть спустя чуть ли не полгода со дня издания приказа Центропленбежа об организации врачебных пунктов¹⁵⁰. С организацией питательных пунктов дело обстояло несколько лучше, и уже к октябрю 1919 г. их на территории Екатеринбургской губерний действовало как минимум два (в Екатеринбурге и Камышлове), а на территории Пермской — три (в Верещагино, Кунгуре и Перми)¹⁵¹.

Трудно не заметить, что разворачиваемая по указанию Центроэвака сеть учреждений прежде всего была призвана обеспечивать транзитные контингенты, тогда как «местные» пленные и беженцы оказались предоставлены сами себе и выживали кто как мог. «По полученным сведениям, в здании фабрики и дома Коробейникова, занятого военнопленными австрийцами и беженцами, происходит уничтожение зимних рам и досок, заготовленных для ремонта, на предмет отопления помещений. На основании вышеизложенного прошу срочных мер к устранению такого недопустимого факта, в противном случае вышеозначенные здания будут отведены под постройкой войск», — грозил 27 сентября 1919 г. комендант Екатеринбурга, обращаясь в губпленбеж¹⁵².

Спустя несколько дней, в октябре 1919 г., санитарный врач местного уездно-городского отдела здравоохранения зафиксировал еще один пример приспособляемости людей, загнанных на чужбину одной войной и задержанных там другой: «При посещении мною ... дома Харитоновна, в котором живут пленные солдаты и беженцы, оказалось, что они занимают верх и низ одного крыла дома и флигель. В верхнем этаже преимущественно размещены пленные солдаты, около 150 человек. В нижнем этаже и во флигеле живут беженцы, преимущественно люди семейные, и отчасти солдаты пленные. В нижнем этаже размещается около ста человек и столько же помещается во флигеле. Все помещения, занимаемые этими лицами, в высшей степени мрачны, малы, так что количества воздуха не хватает на всех живущих. Для спанья хотя и устроены

¹⁵⁰ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.

¹⁵¹ См., напр.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 142–142 об.

¹⁵² ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 179.

нары, но их совершенно не хватает. Многие спят прямо на полу, а некоторые устроились так, что повалили шкафы на пол. Спят на них. Грязь всюду страшная, сор на полу не убран и в углах заметна масса мусора. Некоторые беженцы занимаются тут же сапожным мастерством и плетением корзин, благодаря чему количество сора увеличивается еще больше, портится воздух. У беженцев этих много детей всех возрастов, которые бегают и сорят на пол. Несмотря на сильную грязь в помещении, беженцы заготавливают тут же себе капусту на зиму, режут и рубят ее. Помимо всего этого бегают собаки. Воздуху совершенно не хватает для живущих, и благодаря антигигиеничному содержанию комнат нет ничего мудреного, если вспыхнет эпидемия сыпного тифа среди жильцов. Помимо всего этого, именно великой грязи, сора и беспорядка, на глазах детей и взрослых происходят различные безнравственные сцены, которые мне пришлось наблюдать»¹⁵³.

25 ноября 1919 г. пребывание военнопленных иностранцев в доме Харитонова по адресу Вознесенский проспект, 44, было легализовано. Все это хозяйство именовалось теперь врачебно-питательным пунктом и лагерем пленбежа № 1, что в условиях катастрофической нехватки помещений было решением вполне целесообразным, если, конечно, не принимать во внимание факт очевидной исключительности дома Харитонова, достойного совсем иной участи¹⁵⁴. Между тем, созданная по постановлению губернского Совета депутатов комиссия, помимо всего прочего, обратилась с ходатайством в городской продовольственный комитет и отдел снабжения армии с просьбой выделить для подопечных местного пленбежа 200 комплектов теплой одежды, раздать которую

¹⁵³ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 131.

¹⁵⁴ См. об этом: Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 11–12. См. также: Берсенева А. Городские усадьбы Екатеринбурга // Урал. 1973. № 10. С. 119–125; Гладкова И. 25 екатеринбургских тайн. Екатеринбург, 2003. С. 81–88; Евсеева О.Н. Карла Либкнехта, 44 // Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 1: Екатеринбург. Екатеринбург, 2007. С. 210–213; Лукьянин В., Никулина М. Прогулки по Екатеринбургу. Екатеринбург, 1997. С. 64–69; Старков В. Мой город: Екатеринбург в памятниках истории и культуры. Екатеринбург, 2005. С. 50–52; Слукин В.М. Тайны уральских подземелий. Свердловск, 1988. С. 182–218; Шкерин В.А. Легенды и были екатеринбургской усадьбы Расторгуева-Харитонова // Сведомские чт.: Изб. доклады и материалы IV и V чт. Чайковский, 2010. С. 18–24; и др.

планировалось военнопленным, организованным в постоянную рабочую дружину при отделе распределения рабочей силы и направляемым на работы по очистке путей, разгрузке станций и т.д., и т.п.¹⁵⁵ Скромность запросов пленбежа — всего 200 комплектов одежды — диктовались тем, что в то время как в Екатеринбурге было зарегистрировано 3755 пленных иностранцев, только 249 из них пользовались «услугами» властей, которые просто не располагали необходимыми ресурсами для того, чтобы обеспечить узников войны всем необходимым¹⁵⁶. Не хватало буквально всего — продуктов, одежды, обуви, медикаментов. Решив было переложить часть своих забот на уездно-городской отдел социального обеспечения, возглавлявший Екатеринбургский губпленбеж с 3 августа 1919 г. В. Киляков тут же получил весьма недвусмысленный ответ: «Уездно-городской отдел социального обеспечения просит вас самих удовлетворять нужды пленных, а не посылать их в отдел социального обеспечения»¹⁵⁷.

В условиях неумолимо наступивших уже ранней осенью 1919 г. холодов ко всем прочим проблемам добавилась еще и топливная. «Ввиду отчаянного положения..., вызванного отсутствием дров и невозможностью достать таковые у лесных организаций на месте, просим Вас, товарищ, отпустить в наше распоряжение пять вагонов с назначением в разъезд № 118 для погрузки дров», — буквально умолял начальника железнодорожной станции Екатеринбург-I в октябре 1919 г. главный чиновник по делам пленных и беженцев Екатеринбургской губернии преемник В. Килякова П. Лайпнек¹⁵⁸ Весной 1920 г., когда отопительная проблема наконец-то утратила свою актуальность, обострилась другая, заставив вновь сменившегося начальника Екатеринбургского пленбежа А. Седова просить губернский продовольственный комитет: «Ввиду отсутствия картофеля, капусты и каких-то бы ни было продуктов для варки пищи, что ставит в скверные условия проживающие на нашем иждивении контингенты..., не говоря уже о массовом

¹⁵⁵ См.: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 35. Л. 20.

¹⁵⁶ Там же. Л. 1–5.

¹⁵⁷ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 643.

¹⁵⁸ Там же. Л. 117.

ежедневном проезде рабочих и военнопленных, настоящим просим о выдаче хотя бы каких-нибудь суррогатов для приварки довольствия»¹⁵⁹.

В уездах ситуация была не менее печальной. «Снабжение беженцев и военнопленных продовольствием ... крайне неудовлетворительно, приблизительно с начала ноября месяца прошлого года замечается недостаток в следующих продуктах: сахаре, муке, обуви и обмундировании», — корреспондировал в начале 1920 г. начальник Верхотурского уездного управления по делам пленных и беженцев Калганов¹⁶⁰. Из Камышлова и Ирбита, где находились лагеря губпленбежа № 2 и № 3, а также из Красноуфимска подтверждали: с питанием плохо, его, равно как и жильё, люди «добывают» сами¹⁶¹.

Скудные возможности властей в деле помощи военнопленным нагляднее всего демонстрировал пример Шадринского уезда, наиболее людного по населенности перемещенными лицами. Помимо 330 вражеских военнослужащих, к началу 1920 г. здесь было зарегистрировано 718 военнопленных иностранцев, 2618 беженцев и 2847 русских военнопленных. «Доводится до сведения всех проживающих в г. Шадринске беженцев империалистической и гражданской войны и иностранных военнопленных, состоящих на работах, что выдача продовольственного пайка нуждающимся будет производиться два раза в неделю: по понедельникам и четвергам, для чего и требуется представить удостоверение об имущественном положении от квартального уполномоченного, заверенное участковой милицией, и удостоверение о заработной плате от того учреждения, предприятия, лица или же организации, при которой последний находится. Старики от 60 лет и нетрудоспособные по удостоверениям врачей получают пособие от уездного отдела социального обеспечения наравне с остальными гражданами», — вот то небольшое, что власти могли предложить людям в конце 1919 г.¹⁶² В феврале 1920 г., лишний раз подтверждая

¹⁵⁹ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

¹⁶⁰ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 91–96.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² ГАШ. Ф. р-306. Оп. 1. Д. 3. Д. 417.

ограниченность своих возможностей, Шадринский пленбеж во главе с неким Ляшенко информировал: «Доводится до сведения всех проживающих в г. Шадринске иностранных подданных — австро-германских военнопленных, что управлением уездпленбежа получено для выдачи крайне нуждающимся военнопленным обмундирование, а именно 25 шт. ватных (китайских) брюк, 50 пар теплого белья, 50 пар летнего белья, 50 шт. лифчиков вязанных, 50 шт. головных вязанных шлемов. В первую очередь будут удовлетворяться переболевшие какой-либо болезнью, например, брюшным, сыпным и возвратным тифом, для чего каждый военнопленный при выписке из больницы должен взять от доктора удостоверение, также должна быть отметка врача [о том], требуется ли военнопленному усиленное питание, в течение какого срока, по означенной справке уездпленбеж будет производить выдачу усиленного, то есть 1½ пайка»¹⁶³. Дополняя картину Ф. Соколов, новый глава Шадринского уездэвака, как и повсюду, созданного на базе пленбежа, весной 1920 г. сообщал: «Квартирный вопрос обстоит довольно остро. Замечается враждебное отношение со стороны населения к военнопленным, военнообязанным и беженцам. Были случаи выдворения с квартиры»¹⁶⁴.

Как представляется, в Перми, где работал лагерь местного пленбежа, равно как и на территории всей губернии, наблюдалась схожая картина. Другой она просто не могла быть уже потому, что финансовое совещание при Центроэваке вместо представленной Пермским губэваком в 1920 г. сметы в размере 72773664,3 рубля утвердило смету в сумме 14781931 рубль, — сумме, почти в пять раз меньшей требуемой¹⁶⁵. Было ли это как-то связано с финансовым скандалом, закончившимся в начале 1920 г. судом военного трибунала над начальником Пермского губпленбежа Ф. Грузитом и его помощником А. Бушем, неизвестно¹⁶⁶. Факт же при этом оставался фактом: в условиях дефицита ресурсов страдали прежде всего люди, помочь которым на местах не могли даже самые

¹⁶³ ГАШ. Ф. р-306. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

¹⁶⁴ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 91–96.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 2а. Д. 16. Л. 11.

¹⁶⁶ См.: ГАПК. Ф. р-4. Оп. 1. Д. 372. Л. 8–9 об.

преданные пленбеженскому делу сотрудники. «Медицинская сторона дела теперь значительно обострилась. Количество сыпнотифозных увеличивается с каждым днем (на 1 ноября в лазарете сыпнотифозных было 30 человек, на 20 ноября их уже стало 70 человек). Стал заболевать медицинский персонал, и в настоящее время больны сыпным тифом два врача и значительная часть санитаров... Ощущается острая нужда в дезинфекционных средствах... Нет также многих необходимых медикаментов... В связи с ростом эпидемии ощущается необходимость в расширении лазарета. Последнее возможно только при деятельной поддержке Центра медикаментами, бельем и предметами ухода. По вопросу о развертывании в Пермской и Екатеринбургской губерниях намеченных по заданиям Центра 2750 коек состоялось совещание при местном Губздравотделе в присутствии представителя из Центра (секции помощи военнопленным Наркомздрава) доктора Ковнера. На этом совещании был всесторонне освещен вопрос о развертывании коек для пленных... Для выяснения того же вопроса я ездил в Екатеринбург, но там этот вопрос не мог быть достаточно полно рассмотрен ввиду отсутствия ответственного руководителя медико-санитарного отдела, и потому решение вопроса было отложено до приезда из Москвы доктора Фрейфельда...», — писал в Центральную коллегии о пленных и беженцах начальник медико-санитарного отдела Пермского губэвака Б. Бурдов 4 декабря 1919 г., констатируя как данность свое полное бессилие перед лицом набравшей обороты эпидемии тифа¹⁶⁷.

Кстати сказать, названный выше Л.В. Фрейфельд, отправленный в Екатеринбург в качестве заведующего врачебно-санитарным отделом губпленбежа, до Урала так и не доехал, равно как и командированный на его место несколько позже Я.И. Гибианский¹⁶⁸. Квалифицированной помощи из Центра Екатеринбургскому губпленбежу пришлось дожидаться практически до начала 1920 г. Однако прибывшая наконец-то из Москвы А. Шевченко, оценив

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 142–142 об. Об эпидемии тифа см.: Чашин А.В. Воспроизводство городского населения Среднего Урала в 1914–1923 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сб. материалов II Всерос. молодёжной науч. конф. Новосибирск, 2012. С. 182–190.

¹⁶⁸ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 1. Л. 431.

ситуацию на месте, лишь развела руками: «По приезде моем 28 декабря [1919 г.] я вступила в обязанности заведующего врачебно-санитарным отделом, хотя дела мне никто не передал. Дела находились в страшном хаосе, и мне страшно обрадовались как человеку, на которого можно свалить тяжкое бремя. ... Было созвано межведомственное совещание, на котором выяснилось, что у пленбежа ничего почти нет, ни врачебного пункта, при котором должен быть изолятор, ни медицинского персонала для обслуживания изолятора, кроме двух наших фельдшеров [С.В.] Синегубова и [М.И.] Каменских. При таком положении дела обслуживание изоляционно-пропускного пункта было поручено Начэваку, так как у него при вокзале есть распределитель, есть баня и есть госпитальные учреждения. От пленбежа же был устроен при этом распределителе врачебно-наблюдательный пункт, состоящий из двух теплушек, устроенных одна под амбулаторию, другая под приемный покой на 4 койки, в них есть постоянное дежурство фельдшера и двух санитаров. Для дежурства и были [использованы] фельдшеры Синегубов и Каменский и еще один фельдшер из военнопленных. Вот все, что носит громкое название врачебного пункта»¹⁶⁹.

«Теперь о питательном пункте, — продолжала А. Шевченко в своем докладе в Москву. — Питательный пункт пленбежа находится при лагере военнопленных ... в городе на расстоянии одной версты от вокзала. Лагерь представляет собой флигель громадного старого дома, совсем не устроен даже под хорошие казармы. В нём может помещаться до 200 человек, здание ужасно, что-то вроде подвала, жить как следует можно только в верхнем этаже, ни умывальников, ни столовой, ни уборной нет, окна побиты, и в этом помещении живут скученно люди. Каждый день из этого лагеря 2–3 человека отправляют в сыпнотифозный барак. Несмотря на периодическую чистку, ничего в санитарном отношении невозможно сделать. Как уже сказано, столовой нет, есть только кухня, которая помещается в подвале другого здания во дворе (даже не в подвале, а в сарае), где нет даже дневного света. Там устроена длинная плита, в которой вмазаны 4 котла для варки пищи, в углу устроен куб [для кипятка]. Все это может обслужить до 1000 человек за

¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 116.

раз. Стены этой кухни всегда покрыты почти на четверть льдом, пол земляной. Вообразите, какая чистота и санитарное состояние может здесь быть, когда у кашевара мерзнут ноги и руки от холода, и они всегда [готовят] в тулупах и шапках. Пища состоит только из картофельного супа каждый день, на второе ни картошки, никаких каш не отпускают. Большинство пленных и беженцев стараются кормиться сами по себе еще как-нибудь»¹⁷⁰.

Более благоприятное впечатление на вновь назначенную заведующую врачебно-санитарным отделом Екатеринбургского губпленбежа произвел так называемый инвалидный дом, где, однако, не было ни одного медика. Возможно, именно в этой связи инвалидный дом впоследствии как бы сам собой трансформировался в общежитие беженцев. Самым же ценным, чем, по наблюдению А. Шевченко, располагал Екатеринбургский пленбеж, был лазарет, открытый еще 14 августа 1919 г. и рассчитанный на 120 коечных больных. «Этот лазарет достался нам в наследство от Датского Красного Креста. Занимает он дачу, находится на берегу реки Исети в $\frac{1}{2}$ –1 версте от станции. Дача состоит из 2-этажного дома. Низ очень холодный и сырой и для больницы не годится совсем. Верх сухой, но все здание очень хорошо для летнего пребывания, для санатория, а никак ни для лазарета для туберкулезных [больных], которых большая часть. В этом же лазарете есть отделение для женщин и изолятор как для женщин, так и для мужчин. При лазарете ведется амбулаторный приём человек от 12 до 30 в день. При лазарете есть старая баня, но она требует ремонта, в ней сразу может мыться 5–6 человек, есть хорошо оборудованная прачечная на 3 пуда [белья] в день и главное — дезинфекционная камера "Гелиос". Лазарет вполне оборудован, закуска немецкая, так как во главе стоит пленный врач и персонал его тоже немецкий, состоит из одного фельдшера и трех санитаров. При другом помещении можно было бы устроить из него образцовый лазарет, взявши, конечно, ядром этот персонал и порядок», — мечтательно подытоживала

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 116 об. — 117.

А. Шевченко, при том явно не питая никаких иллюзий на предмет будущности Екатеринбургского губпленбежа и всего его хозяйства¹⁷¹.

Действительно, с наступлением уральских морозов единственный островок относительного благополучия — лазарет Екатеринбургского губпленбежа — оказался под угрозой закрытия, и найти для него новое помещение не было никакой возможности. «Каждый день со дня своего приезда я ходила к председателю Чрезвычайной комиссии по сыпному тифу, [чтобы] просить его отвести помещение, он пишет, [что] отводит, а жилищная комиссия, то городская, то военная не дают, так как город заполнен войсками и учреждениями. Хотели закрыть театры и клубы, восстал политический отдел армии. Вообще, по моему мнению, здесь больше занимаются политикой, чем эпидемией, а мы всё без помещения...», — сетовала А. Шевченко¹⁷².

В условиях, когда ныне хрестоматийное ленинское «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!» звучало с каждым днем все актуальней и актуальней, стало совершенно очевидно, что губпленбеж не справляется со своими первоочередными задачами даже в Екатеринбурге, не говоря об уездах. Посему совсем не удивительно, что собравшееся в Екатеринбурге 2 января 1920 г. междуведомственное совещание постановило передать всю медико-санитарную часть по обслуживанию военнопленных и беженцев в ведение 5 Восточного районного управления Наркомата здравоохранения, в источниках также именуемого 5 Восточным отрядом Наркомата здравоохранения¹⁷³. «Только соединив вместе медицинский персонал 5 Восточного отряда и наш, совместительством врачами нескольких должностей можно было создать что-то похожее на стройный аппарат, с которым считаются другие ведомства и которому помогают. Отдельно же пленбеж никто не принимает во внимание, говорят, что он находится в агонии, и в будущем с ним не приходится считаться», —

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 117 об. — 118.

¹⁷² Там же. Л. 118.

¹⁷³ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 1. Л. 91–92, 96; ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 112–113; и др.

обреченно отмечала заведующая врачебно-санитарным отделом Екатеринбургского губпленбежа уже по принятии соответствующего решения¹⁷⁴.

Пермский губпленбеж, преобразованный в марте 1920 г. в губэвак, среди прочих местных учреждений, организаций и структур также не пользовался никаким авторитетом. «В ведении хозяйства отдела находится швейная мастерская, которой с 15 марта по 1 апреля удалось сшить: кальсон 10, наволочек из реventука 24, наволочек из бязи 26, полотенец 606, больничных халатов 10, переделано простынь старых 106 и наволочек 75 штук. Минимальная производительность этой работы объясняется отсутствием швейных иглонок и керосина, необходимого для смазки машин. Работа сапожной мастерской тормозится ввиду болезни старшего сапожника-закройщика и необходимого материала. Всего сделано: починено 4 пар ботинок, сшито 12 пар сапог и 19 пар больничных туфель. Печниками выбелено помещение в концентрационном лагере..., кузнецом и плотниками были произведены работы в лагере. Починены были телеги, замки, колеса, сделаны гробы и т.п. Производительность обоза, несмотря на плохое питание лошадей, большая. Одних только нечистот из лагеря за время с 1 февраля по 15 апреля было вывезено 3000 возов. Такая производительность работы обуславливается тем, что лошадям давалась мука, полученная из Гупродкома, мешки которого промокли... С употреблением этой муки и за неполучением фуража работа обоза может быть доведена до минимума и даже приостановлена...», — рапортовал о скромных успехах своего ведомства начальник Пермского губернского управления по эвакуации населения весной 1920 г.¹⁷⁵ Практически никак не сказываясь на жизни военнопленных и до того, в апреле–мае 1920 г. деятельность Пермского пленбежа/эвака и вовсе была поставлена под удар. Бесцеремонно «вытряхнув» питательный пункт в Кунгуре и лагерь военнопленных в Перми из занимаемых ими помещений, местные военные

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 5. Д. 180. Л. 118–118 об.

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 10. Л. 84.

власти, однако, ничего из ряда вон выходящего не совершили, а лишь повторили сценарий развития событий, уже опробованный в других регионах страны¹⁷⁶.

Объективно слабые местные миграционные службы, тем не менее, не теряли надежды на контроль своих контингентов и, в частности, военнопленных, одним из инструментов которого призвано было стать их обязательное трудоустройство. В условиях введения в стране всеобщей трудовой повинности его пренебрежительно требовал организовать Центропланбеж, в феврале 1920 г. разъяснивший в одном из своих документов: «1) Все вражеские, способные к труду, подлежат обязательному привлечению к работам общегосударственного значения; 2) Меры против уклоняющихся от таковых или самовольно оставляющих таковые губпланбежем могут быть принимаемы следующего свойства: а) арест и заключение в лагеря применительно к взысканиям, налагаемым в аналогичных случаях на остальное гражданское население; б) передача временно, вплоть до возобновления эвакуации, в распоряжение местного отдела принудительных работ для назначения на работы по нарядам последнего»¹⁷⁷.

В исполнение настоящей директивы в марте 1920 г. Екатеринбургский губпланбеж озабочился составлением списков трудоспособных пленников, всерьез надеясь на их массовый вывод на те или иные работы¹⁷⁸. Однако сам по себе сомнительный в плане массовости учет пленников позволил использовать в качестве рабочей силы совсем не многих. Источники свидетельствуют, что к апрелю 1920 г. губэвак сдал на различные работы лишь порядка 1,2 тыс. военнопленных, из которых 686 человек трудились в городе, 434 — «на укреплении района», 120 — в местных уездах и 11 — в Сарапульском¹⁷⁹.

При этом многие бывшие вражеские военнослужащие, за годы плена изрядно уставшие от всяких «обязаловок» и прежде всего принудительного труда, ожидаемо восстали. Так, пребывавшие в апреле 1920 г. в Екатеринбурге

¹⁷⁶ См. об этом: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 514. Л. 45–45 об.; Ф. р-130. Оп. 2. Д. 144. Ч. 1. Л. 2, 2 об.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 514. Л. 9.

¹⁷⁸ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 4. Л. 51.

¹⁷⁹ См.: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 199. Л. 6, 17; Д. 363. Л. 1.

678 военнопленных «империалистической войны» из Иркутска категорически отказались выходить на работу, чем поставили местные власти в тупик. «Прошу указаний. Первое. Имею ли я право принудить их [к] работе как иностранцев? Второе. [В] случае [если] такого права не имею, могу ли [я] отправить [их] на запад, куда именно? [В] случае невозможности отправления [на] запад прошу указания Ревкому посылать нам бывших военнопленных иностранцев, исключительно отбирая расписку [об] их согласии работать в России, [а также] давать сопровождающего, который отобранную записку будет вручать Уралкомтуду», — вопрошал председатель местной трудармии Пятаков, обращаясь сразу в три инстанции — в Совет обороны, Главный комитет труда и Наркомат иностранных дел¹⁸⁰.

Видимо, с одобрения Москвы Екатеринбургский губэвак тут же издал приказ, предписывавший «всех военнопленных, отказывавшихся от поступления на работы, снять со всего довольствия сроком на три дня». «В случае если эта мера не поможет, доложить, и тогда против них будут приняты репрессивные меры вплоть до отправления в штрафную роту», — продолжал документ¹⁸¹. Приказ, однако, не помог, поскольку для пленных иностранцев всё это было повторением пройденного, и они тут же употребили хорошо известную меру противодействия насилию. Сообщая об этом в Наркомат путей сообщения и местную комиссию по борьбе с дезертирством, управление работ по восстановлению сооружений Пермской железной дороги 18 мая 1920 г. отмечало: «... Благодаря отсутствию заградительных пунктов по железным дорогам развилось бегство рабочих-австрийцев с восстановительных работ. Бегство это усиливается, и в настоящее время разбежалось их более половины»¹⁸².

Стоит ли удивляться, что когда Уральский комитет всеобщей трудовой повинности вслед за реэвакуацией квалифицированных рабочих и специалистов из Сибири вознамерился перебросить на заводы Урала ещё и военнопленных, начальник Екатеринбургского губэвака А. Седов поспешил убедить Москву

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 4. Д. 512. Л. 33.

¹⁸¹ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 4. Л. 67.

¹⁸² ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 198. Л. 26.

в нецелесообразности таковой переброски. Она «... едва ли даст реальные результаты, ибо пленные естественно будут стремиться к самовольному уходу с работ и движению на запад с целью скорейшей отправки на родину», признал Центроэвак 25 мая 1920 г.¹⁸³, — признал в тот момент, когда Берлин, Вена, Будапешт и Москва наконец-то пришли к соглашению о возобновлении планомерного обмена своими гражданами, оставшимися за границей в результате Первой мировой войны¹⁸⁴.

Надо сказать, что возможность покинуть Средний Урал, причём вполне легально, у пленников была и до мая 1920 г. Считая безусловным благом избавление от своих подопечных, которых надо было кормить, одевать, лечить и т.д., и т.п., Екатеринбургский пленбеж транспортами по 120 человек в день отправил на родину 3570 военнопленных уже с 28 июля по 22 августа 1919 г.¹⁸⁵. Однако в дороге многих из них с эшелонов сняли по причине наступления антибольшевистских сил на линии Борисов — Бобруйск — Мозырь, сопровождавшегося отказом пропускать поезда с репатриантами на запад. По данным Центроэвака, за 1919 г. Россию покинуло 691897 человек «разных контингентов», из которых только 29345 человек составляли военнопленные иностранцы¹⁸⁶. Всем оставшимся же пришлось погостить в Советской России еще какое-то время, правда, на условиях, далеких от гостеприимных. Подписанный Центропленбежем в этой связи документ не только приостанавливал отправку военнопленных на родину, но и предписывал: «...Всех вражпленных, прибывающих из белогвардейской оккупации местностей, концентрировать в Самаре, Симбирске, Казани, где оборудовать временные лагеря, сообразуясь

¹⁸³ ГА РФ. Ф. р-7275. Оп. 1. Д. 93. Л. 188, 189.

¹⁸⁴ См.: Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц обеих сторон, 19 апр. 1920 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 459–462; Соглашение между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Венгрии — с другой, о возвращении на родину военнопленных, 21 мая 1920 г. // Там же. С. 539–541; Договор между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Австрийской Республики — с другой, 15 июля 1920 г. (о возвращении пленных) // Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 12–13; Дополнительное соглашение между РСФСР и Германией о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных, 7 июля 1920 г. // Там же. С. 14–16.

¹⁸⁵ См.: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 35. Л. 4–5.

¹⁸⁶ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 5. Д. 219. Л. 25 и др.

с численностью поступающих пленных... Австро-венгерцам предложить вступить в ряды Красной армии, из не желающих, равно и пленных прочих национальностей, образовать рабочие команды для обязательного привлечения на полевые работы по уборке урожая через местные продкомы...»¹⁸⁷

Поддержать темп репатриационного процесса, начавшегося так лихо с освобождением Урала от «колчаковских банд», не удалось, хотя отправка военнопленных на работы в другие губернии и позволила сократить их численность, о чем, в частности, свидетельствовали данные Екатеринбургского пленбежа (см. табл. 43). Кроме того, пленные никак не оставляли попыток самостоятельно добраться до дома или, как минимум, приблизиться к нему. В этой связи губпленбеж 21 января 1920 г. распорядился немедленно «прекратить выдачу документов на выезд из пределов Екатеринбургской губернии военнопленным и беженцам, состоявшим на работах и службе, без согласия учреждений и предприятий», где они работали или служили¹⁸⁸. С объявлением же о возобновлении репатриации поток направлявшихся на запад иностранцев прогрессировал все стремительнее и стремительнее, обратив на себя внимание властей уже в двадцатых числах мая 1920 г.¹⁸⁹ «...Прекратите самовольный уход пленных с мест по железным дорогам, внушите пленным, что первенство будет оказано исполнившим формальности на местах», — требовал полученный из Москвы циркуляр за подписью главы Центроэвака А.В. Эйдука¹⁹⁰.

4 июня 1920 г. губернский отдел управления в Екатеринбурге своим обязательным постановлением продублировал требования Центра: «Все распоряжения по эвакуации контингентов пленных с мест и дача нарядов на отправку будет производиться исключительно губернским управлением по эвакуации населения (губэвак) по заранее разработанному плану центра, а потому губотуправ предлагает всем германским и австрийским военнопленным и гражданским пленным сохранить полное спокойствие, оставаться на своих местах

¹⁸⁷ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 3. Л. 468. См. также: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 146. Л. 120.

¹⁸⁸ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

¹⁸⁹ См.: Там же. Л. 80.

¹⁹⁰ ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 196. Л. 13.

работ и спокойно ожидать распоряжений... Самовольный уход с работ и всякие попытки проезда вглубь России категорически воспрещаются, и виновные будут задерживаться и направляться в ближайшие концентрационные лагеря на принудительные работы в первый раз на две недели, а во второй раз впредь до распоряжения губэвака об их отправке, причем все нарушившие настоящее обязательное постановление будут отправляться в последнюю очередь»¹⁹¹. Эти угрозы, как и их более ранние аналоги, удержали на местах далеко не всех. 16 июля 1920 г., к примеру, военнопленные в количестве 106 человек без оглядки на всякие запреты покинули лагерь в Камышлове, и вернуть их назад, насколько позволяют судить архивные документы, не удалось¹⁹².

Таблица 43

**Динамика отправки военнопленных из г. Екатеринбурга
за время с июля 1919 г. по июль 1920 г., чел.**

За период	Зарегистрировано пленных, человек	Отправлено пленных, человек	Осталось пленных, человек
28 июля 1919 г. — 15 августа 1919 г.	3100	1849	1251
28 июля 1919 г. — 15 сентября 1919 г.	7325	3570	3755
28 июля 1919 г. — 21 октября 1919 г.	8148	4450	3698
28 июля 1919 г. — 11 ноября 1919 г.	8176	4450	3726
28 июля 1919 г. — 23 декабря 1919 г.	8352	4592	3760
28 июля 1919 г. — 12 января 1920 г.	8376	4592	3784
28 июля 1919 г. — 1 февраля 1920 г.	8487	4592	3895
28 июля 1919 г. — 1 марта 1920 г.	8591	4592	3999
28 июля 1919 г. — 3 мая 1920 г.	9122	4999	4123

Источник: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 35. Л. 1, 9; Д. 92. Л. 2, 14, 22; Д. 199. Л. 4, 6, 20, 54.

Между тем поезда с бывшими вражескими военнослужащими медленно потянулись на запад. Известно, что на 4, 11, 18 и 31 июля, а также 6, 13 и 20 августа 1920 г. в Перми для отправки в Петроград было занаряжено по 40 вагонов, рассчитанных на погрузку по 1200 военнопленных в эшелон. Датой их отправки из Екатеринбурга назывались 1, 6, 12 и 13 июля, а также 1, 7, 14 и 21 августа¹⁹³. Реальная же статистика репатриированных при этом отнюдь не впечатляла. Так, из Екатеринбурга к концу июня 1920 г. отбыло только 1016 человек, июля — 2947, августа — 840¹⁹⁴. Всё более и более выраженным становился тот факт, что отправка как «местных», так и транзитных пленников на

¹⁹¹ ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 197. Л. 21.

¹⁹² См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 2. Л. 78–85.

¹⁹³ См.: ГА РФ. Ф. р-8402. Оп. 1. Д. 22. Л. 68.

¹⁹⁴ См.: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 363. Л. 1; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 216. Л. 8.

родину приобретает затяжной характер. Еще в июне 1920 г. Пермский губком, обращаясь к Пермскому же губэваку, писал: «Губернский комитет РКП(б) просит принять срочные меры к тому, чтобы прибывшие в Пермь военнопленные были возможно скорее отправлены на родину. Желательно, чтобы товарищам военнопленным была дана хотя бы в дальнейшем возможность доехать до дому без таких задержек, какие они имели до Перми (11 суток). Губком надеется, что Вами будут приняты все зависящие от вас меры к скорейшему улаживанию этого вопроса»¹⁹⁵.

Условия, в которых пленникам приходилось дожидаться своего освобождения, как и ранее, оставляли желать много лучшего. «Потолки черные от копоти, обои по стенам висят клочьями, за обоями и в местах по стенам обвалившейся штукатурки гнезда клопов. Оконные рамы с выбитыми стеклами, грязные, со следами мух. Пол, по-видимому, давно не мыт, покрыт слоем песка, очевидно, и заматывается не каждый день. Бак, в котором кипятят воду, также не исправлен — краны не действуют, воду берут ковшом... Уборная полевого типа давно не чистилась и потому переполнена, рядом вырыта другая яма... Выгребная яма в ужасном виде... Поверх решетки накопилось всяких отбросов такое количество, что вся выливаемая вода не проходит, а часть ее задерживается и нередко переливается через край, о чем красноречиво говорит приблизительно на сажень стоящая лужа грязной зацветшей воды, и сама выгребная яма, и эта лужа издает изрядное зловоние. Крышки на яме нет, в отбросах копаются свиньи и куры», — констатировала комиссия, обследовавшая лагерь Екатеринбургского губэвака 3 августа 1920 г.¹⁹⁶ Жить в таких условиях было весьма проблематично, но сразу нескольким категориям пленных, чья отправка на родину откладывалась, приходилось с этим мириться. Так, в связи с советско-польским конфликтом вплоть до особого распоряжения властей была отсрочена репатриация австро-венгерских подданных польской национальности, к которым несколько позже присоединили украинцев, австрийских немцев, венгерских офицеров, а также

¹⁹⁵ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 557. Оп. 1. Д. 126. Л. 6.

¹⁹⁶ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

уроженцев Трансильвании, Буковины и Баната¹⁹⁷. Между тем военнопленным-коммунистам венгерского и немецкого происхождения было «предложено» стройными рядами влиться в ряды Красной армии и отправиться на Западный фронт¹⁹⁸. Наряду с причинами политического свойства, основанием для отказа в скором освобождении пленных стали также причины из разряда технических. В начале июня 1920 г., к примеру, ввиду крайнего недостатка в медицинском персонале Центроэвак распорядился повременить с отправкой на родину военнопленных врачей, которые могли уехать домой «только с особого именного каждый раз разрешения Центра»¹⁹⁹. Одновременно с сим глава Екатеринбургского губэвака А. Седов приказал: «Лица, состоящие на службе губэвака и в учреждениях, обслуживающих пленных и беженцев (канцелярские и медицинские), с числа издания приказа должны быть задержаны на местах службы впредь до особого распоряжения»²⁰⁰.

Источники показывают, что местные власти вообще весьма своеобразно выстаивали репатриационный процесс, шокируя пленников своими взаимоисключающими установлениями. Так, приказ Екатеринбургского губэвака № 211 от 5 августа 1920 г. обещал пленникам скорую свободу со всей определенностью. «С получением сего немедленно снять с работ желающих выехать на родину австро-германских военно-гражданских пленных за исключением поляков, украинцев и австрийских немцев. По увольнении направить в Екатеринбург ... для отправки на родину... Все ранее данные предписания и публикации в газетах аннулируются, арестованные как дезертиры труда, то есть отказавшиеся от работ, также освобождаются и направляются по вышеуказанному порядку... Отправка не распространяется только на поступивших добровольно в Красную армию, работающие же в военных предприятиях по вольному найму также освобождаются», — обещал ретроспективный документ²⁰¹.

¹⁹⁷ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 412. Л. 13; ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 4. Л. 96; Д. 33. Л. 4.

¹⁹⁸ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 216. Л. 3.

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 1. Д. 10. Л. 140.

²⁰⁰ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 4. Л. 91.

²⁰¹ Там же. Л. 330.

Однако уже 6 сентября 1920 г. приказ № 226 ставил обещанное ранее под сомнение, в частности, глася: «Замечаются случаи отказов от работ как состоящих в лагере, так и служащих иностранных военнопленных, главным мотивом этих отказов служит отправка на родину... Настоящим разъясняется, что такие взгляды безусловно не правильны и не основаны ни на каких законных распоряжениях. Все военнопленные освобождаются только с момента зачисления в списки отправляющегося эшелона, во все остальное время привлекаются в порядке трудовой повинности... За отказ от работы виновные будут привлечены к ответственности... В случае повторения отказов отбывших уже наказание виновные будут преданы суду для высшей меры наказания...»²⁰²

Так или иначе, но уже к концу 1920 г. миграционные службы Среднего Урала отчитались перед Москвой в том, что с территории вверенного им региона военнопленные «империалистической войны» вывезены все²⁰³. Но от правды это было далеко, поскольку касалось лишь тех пленных, которые попали в поле зрения властей. На 4 апреля 1921 г. только в Екатеринбургской губернии независимо от проезжающих контингентов было учтено порядка 20 тыс. подопечных губэвака, включая пленных Первой мировой войны²⁰⁴. С репатриацией к октябрю 1921 г. ещё 798 пленников их местные «ресурсы» также не были исчерпаны.

Несмотря на то, что на международном уровне Советская Россия многократно подтверждала свою готовность отправить домой всех пленных Первых мировой войны²⁰⁵, этому серьёзно мешали бюрократические проволочки,

²⁰² ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 4. Л. 158.

²⁰³ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.

²⁰⁴ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 10. Л. 97.

²⁰⁵ См., напр.: Договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Венгрией — с другой, об обмене военнопленных и интернированных гражданских лиц, 28 июля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. 4. С. 242–243; Соглашение РСФСР и УССР с Латвией и Венгрией относительно содействия Латвийского Правительства при осуществлении Советско-Венгерского договора от 28 июля 1921 г., 8 окт. 1921 г. // Там же. С. 396–399; Дополнительное соглашение к заключенному 19 апреля 1920 года Соглашению между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германской Империей о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных обеих стран, 6 мая 1921 г. // Там же. С. 105–109; Конвенция между РСФСР и Турцией о репатриации, 28 марта 1921 г. // Там же. С. 32–34; и др.

выражавшиеся, в частности, в необходимости предоставления репатриантами пакета выездных документов. В условиях, когда многие бывшие вражеские военнослужащие не имели на руках никаких подтверждений своего статуса, до поры до времени выручали Советы австро-венгерских и германских рабочих и солдат в России, один из которых был представлен в Перми и занимался, кроме всего прочего, подтверждением подданства бывших военнопленных²⁰⁶. Однако в декабре 1920 г. с подачи Москвы губэваки отказались признавать завизированные отделениями национальных Советов удостоверения пленников, запрашивая справки о них в статистическом отделе Центроэвака, что задерживало «военнопленных неделями, а иногда и месяцами»²⁰⁷. При этом многим узникам войны в репатриации и вовсе было отказано. «При сем препровождается военнопленный германский подданный Бриннинг Альфред как не имеющий определенного места жительства и явившийся в город для отправления в Германию. В последнем пленбеж отказал за неимением удостоверения личности», — запечатлел начальник милиции г. Шадринска 22 июня 1921 г. имя одного из тех несчастных, для которых вопрос возвращения на родину стал вопросом бумажки²⁰⁸.

Главной же причиной пробуксовывания репатриации стала прежде всего «дисперсность» российского плена, отягощенная еще и разбалансированностью центр-периферических связей. «Мы, нижеподписавшиеся..., обращаемся к Вам с просьбой о содействии и возможном ускорении нашей отправки на родину... Работая в самом северном заводе Урала, мы находимся в весьма тяжелом продовольственном и топливном положении, а посему нам необходимо выехать до наступления зимы, что освободит известное число пайков и квартир. Беспокоить вас решились после разговора с Надеждинским уполномоченным губэвака, который оказался очень малокомпетентным в интересующем нас вопросе отправки на родину», — апеллировали к начальнику Екатеринбургского губэвака П. Антонова «забытые» в бывшем Богословском горном округе узники

²⁰⁶ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 465. Л. 7, 21, 23 и др.

²⁰⁷ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 317. Л. 520, 523.

²⁰⁸ ГАШ. Ф. р-306. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

войны в середине 1921 г.²⁰⁹ Им вторили пленники, «застрявшие» в Кыштыме: «В Кыштымском заводе осталось нас несколько человек бывших военнопленных австрийской армии... Желательно нам и даже пора выехать домой... Мы обращались в Кыштымский исполком, где нам сказали, что по поводу нас исполкому ничего не известно и порекомендовали нам обратиться в губэвак»²¹⁰.

Характерно, что в схожем с пленными иностранцами положении оказались и другие подопечные Центроэвака и прежде всего куда более многочисленные беженцы. «Мы, беженцы Гродненской губернии империалистической войны, ... покорнейше просим товарища Ленина отправить нас на родину. У нас много сиротств, бедноты. Здесь жить невозможно. Помощи нам никакой не дают...», — ходатайствовали лично перед председателем Совнаркома беженцы, размещенные в Шадринском уезде²¹¹. Их призыв поддержали находившие в Вернем Уфалее уроженцы не только Гродненской, но и Виленской губернии, в свою очередь писавшие: «Просим обратить внимание на наше критическое положение за время пятилетнего проживания в здешней местности. Эвакуированы [мы] из Гродненской и Виленской губернии [и] остались совершенно без всяких средств, голодны, раздеты, разуты. Помещаемся [мы] в скотных избенках [и] потому просим Вашего распоряжения о перемещении на свою родину...»²¹².

Удивительно, но в числе «потерянных» репатриантов оказались даже те, кто обозначил перед властями свое желание отправиться на родину вполне однозначно. «Настоящим прошу управление зачислить меня в число военнопленных, желающих отправиться на родину в самый ближайший срок, — просил бывший военнослужащий австро-венгерской армии К. Салаи в августе 1922 г. — При регистрации в марте сего года я изъявил желание вернуться на родину, но до сих пор не получил извещения; не зная адреса губернии, в августе сего года обратился в город Тагил, но там только зарегистрировали и ничего не могли сказать о времени отправки, между тем я имею семью (жена и 3 детей)

²⁰⁹ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 64.

²¹⁰ Там же. Л. 147.

²¹¹ Там же. Л. 7.

²¹² ГА РФ. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 512. Л. 24.

и хотел бы выехать на родину до наступления осенних холодов, а потому убедительнейшее прошу ... уведомить меня о времени отправки, чтобы я имел возможность подготовиться к отъезду...»²¹³.

К тому времени уездные эваки (Каменский, Камышловский, Красноуфимский и Шадринский) за якобы отсутствием подлежащих их обслуживанию контингентов уже прекратили свою деятельность²¹⁴. Затем закрылись и губернские управления по эвакуации населения, функции которых теперь выполняли линейные пункты и эвакуационные столы. 17 сентября 1922 г. из Екатеринбурга отбыл последний из намеченных к отправке эшелон польских беженцев, к числу которых еще в январе были причислены все бывшие военнопленные Первой мировой войны украинского и польского происхождения²¹⁵. В сентябре же 1922 г. перед Москвой в очередной раз отчитались и власти Перми, указуя на то, что военнопленных Первой мировой войны на подведомственной им территории нет. Однако в октябре того же года бывшие вражеские военнослужащие в количестве 24 человек «всплыли» вновь. Что с ними теперь делать никто не знал, поскольку официальная репатриация бывших германских военнопленных закончилась еще 1 марта, а бывших подданных австро-венгерской короны — 31 августа²¹⁶.

На местах, где пленные иностранцы оставались до сих пор, не торопясь при этом ни отказываться от репатриации, ни менять гражданство, ситуация сложилась весьма двусмысленная. «За последнее время в уездный отдел управления поступают массовые личные ходатайства военнопленных и беженцев Германской войны об отправке их на родину, ссылаясь на то или иное распоряжение ...», — корреспондировал исполком Надеждинского Совета депутатов во второй половине 1922 г.²¹⁷ В то же время исполком Нижнетагильского Совета депутатов вопрошал: «Убедительно просим дать в конечном результате ясное понятие о том, признаются или не признаются ...

²¹³ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 40. Л. 37.

²¹⁴ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 13. Л. 149; Д. 14. Л. 20.

²¹⁵ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 34. Л. 2, 18.

²¹⁶ См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 33. Л. 3, 19, 33, 42, 55; Д. 40. Л. 44 об.

²¹⁷ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.

военнопленные Австро-Венгрии, Германии и проч. иностранцами, ни один почти из них не имеет документов, но факт тот, что все они состоят на учете и ни в коем случае не признают себя русскими подданными»²¹⁸. 18 сентября 1922 г. под нажимом регионов Центроэвак сдался, фактически признав, что свернуть репатриацию «вражпленных» он поспешил. «Бывшие австро-германские военнопленные, не успевшие до сего времени эвакуироваться на родину, могут быть направлены в Москву ... для дальнейшей эвакуации. Желательно снабжение их доказательствами, что задержка в эвакуации произошла не по их вине», — телеграфировали на места в этой связи²¹⁹. Это решение, однако, грозило превращением репатриационного процесса в практически нескончаемый. До того, чтобы поставить точку во всей этой истории, власти созрели только к концу 1923 г., обязав бывших вражеских военнослужащих выбрать, остаются они в Советской России насовсем или временно. При этом выбор последнего варианта для многих пленников оказался практически невозможен, предполагая получение национальных документов с родины через иностранные представительства при НКВД в Москве в весьма сжатые — трехмесячные — сроки. «За неполучением национальных паспортов в срок гражданин получал вид на жительство на общих основаниях с гражданами РСФСР правилами», автоматически теряя право на всякие апелляции к своему иностранному происхождению²²⁰.

Но и в 1923 г. отправка пленных Первой мировой войны на родину не завершилась. Она продолжилась и в 1924–1925 гг., когда наконец-то разрешился вопрос о репатриации уроженцев местностей, отошедших с окончанием Первой мировой войны к Румынии, а также бывших турецких военнопленных. К ним НКВД и НКВД явочным порядком разрешили присоединиться бывшим военнослужащим австро-венгерской армии, местом концентрации которых был назначен сборный пункт Московского губернского административного отдела. Одновременно с сим германским военнопленным, созревшим для того, чтобы уехать на родину, предложено было за свой собственный счет прибыть на

²¹⁸ ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 358. Л. 446.

²¹⁹ ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 33. Л. 70.

²²⁰ См.: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 352. Л. 43, 386.

сборные пункты в одном из таких городов, как Москва, Ленинград, Новониколаевск, Владивосток, Харьков, Одесса и Тифлис, где планировалось сформировать и отправить за рубеж несколько эшелонов с репатриантами²²¹. Перспектива эта была, однако, перспективной лишь при условии наличия у пленников соответствующих бумаг, которые имелись далеко не у всех. Сколько бывших вражеских солдат и офицеров таким образом вынужденно осталась в Стране Советов, история умалчивает. Многие из них — Конрад Аульбух, Рудольф Бретер, Франц Клиппик, Стефан Ковак, Герман Кох, Алоис Кротмишер, Войцех Кубик, Роман Латавец, Адольф Рихтер, Иоганн Румплер, Курт Фрич, Вильгельм Ховранек, Иоганн Шахлигер, Гоган Шмидт, Фрииц Шустер, Эрнест Штейнер — так и канули в лету, несмотря на то, что всевозможные иностранные миссии не оставляли надежды найти и вернуть их на родину вплоть до конца 1920-х гг.²²²

Первая мировая война закончилась 11 ноября 1918 г. Однако для России, занятой своими внутренними делами более, нежели внешними, окончание мирового вооруженного конфликта не стало особенной датой. Пленникам «империалистической войны», в частности, эта дата не принесла долгожданного освобождения. При этом иллюзия свободы, замаячившая уже на рубеже 1917–1918 гг., оказалась для многих вражеских солдат и офицеров бременем не менее тяжким, чем несвобода. Неопределенность, традиционно сопутствовавшая ситуации плена, теперь стала ещё неопределеннее, во многом происходя из политически обусловленных противоречий между молодым советским государством и его враждебным окружением²²³. Именно эти противоречия во

²²¹ См.: ГАШ. Ф. р-257. Оп. 2. Д. 10. Л. 45, 66, 66 об., 72.

²²² См.: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 368. Л. 260, 540–549; Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 34. Л. 3; Д. 37. Л. 1; Д. 40. Л. 18.

²²³ См. об этом: Меморандум Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири по поводу сообщений о вооружении германских военнопленных в Сибири, 2 апр. 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 222–223; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел Министерству Иностранных Дел Австро-Венгрии, 25 апр. 1918 г. (о расстрелах военнопленных) // Там же. С. 264; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел Министерству Иностранных Дел Австро-Венгрии, 30 апр. 1918 г. (об обмене комиссиями

многим обусловили этапность освобождения узников войны, которые стали средством международного шанатажа в решении самых разных споров. Между тем, и сами пленные были в некотором замешательстве. Война и вызванная ею «переделка» государственных границ в Европе поставила перед узниками войны далеко не праздный вопрос о том, куда же теперь возвращаться? Вместе с тем баланс уехавших и оставшихся был, безусловно, в пользу первых, хотя практики освобождения пленных так и не стали прозрачными. В многообразии таких практик, очевидно, и следует искать ответ на вопрос о том, почему о российском плене 1914–1922 гг. практически два десятилетия продолжали напоминать положения о гражданстве 1924, 1930 и 1931 гг., переписная кампании 1926 г., паспортизация 1933 г. и Конституция СССР 1936 г.²²⁴

по делам военнопленных) // Там же. С. 277; Нота Полномочного Представительства РСФСР в Германии Министерству Иностранных Дел, 24 июля 1918 г. (о захвате антибольшевистскими силами 1000 немецких пленных в Ярославле и их передаче Германской комиссии № 4) // Там же. С. 408; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Германии, 5 авг. 1919 г. (протест против отправки русских пленных через Польшу) // Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 233–234; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Германии, 22 авг. 1919 г. (о пропаганде среди русских военнопленных) // Там же. С. 237; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Германии, 27 авг. 1919 г. (протест против вербовки русских пленных в белогвардейские банды) // Там же. С. 238; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Германии, 9 окт. 1919 г. (протест против пропаганды среди русских военнопленных) // Там же. С. 259–260; Нота Правительства РСФСР Правительствам Франции, Великобритании, США и Японии, 28 нояб. 1919 г. (протест против создания в Берлине межсоюзнической комиссии для возвращения на родину русских военнопленных) // Там же. С. 296–297; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Германии, 29 дек. 1919 г. (протест против перевозки пленных в районы, контролируемые Деникиным) // Там же. С. 316; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Австрии, 13 июня 1920 г. (о возможных репрессиях против пленных в связи с помощью Австрии Польше) // Там же. С. 568; Нота члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Греции Венизелосу, 28 марта 1921 г. (о возвращении греков на родину) // Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 35; Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Послу Персии в РСФСР Мошавер-оль-Мемалеку, 19 июля 1921 г. (о репатриации персов) // Там же. С. 226; и многие др.

²²⁴ См. подробнее: Белковец Л.П. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939-е гг.) Вторая часть. // Вопросы права и политики. 2013. № 6. С. 220–284.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги настоящего исследования, следует отметить, что оно безусловно не является исчерпывающим, поскольку изначально предполагает проблематичность нарративизации многообразных практик российского плена 1914–1922 гг. Вместе с тем, актуальная попытка их реконструкции, основанная на широком круге источников, не отменяет необходимости в промежуточных выводах. Их во многом абстрактный характер обусловлен прежде всего широкой контекстуализацией изучаемой тематики, ранее рассматривавшейся главным образом как политика государства в отношении военнопленных или, в лучшем случае, как политика государства и реакций на неё со стороны пленников. Как отечественная, так и западная историография обнаруживают, что такое позиционирование плена не позволяет обозреть и каталогизировать все его проявления, замыкаясь в пределах малопродуктивной дискуссии о том, гуманным было обращение с пленными в России или не гуманным. Конкретно-исторические источники еще на стадии их анализа показывают, что плен был значительно шире, объемнее, нежели просто пенитенциарная практика, и попытки его одномерной оценки изначально ограничены.

Так чем же стал плен 1914–1922 гг. для российской провинции и не только провинции? Что привнесли в ее относительно спокойную, «уютную» жизнь 80–100 тыс. пленных, оказавшихся на территории Среднего Урала в результате Первой мировой войны? Можно было бы сказать, что российский плен стал фактором, который напрямую способствовал драматизации исторического настоящего и будущего как отдельно взятого региона, так и страны в целом. Но это, не требуя никаких дополнительных акцентуаций, рутинно вытекало из характера Первой мировой войны, о значении которой Э. Хобсбаум спустя годы напишет: «... Огромное сооружение цивилизации девятнадцатого века рухнуло, когда в пламени мировой войны сгорели подпиравшие его опоры. Не осознав этого, нельзя понять и сути двадцатого века. На нем лежит отпечаток

войны. Он жил и мыслил понятиями мировой войны даже тогда, когда орудия молчали и рядом не рвались бомбы»¹.

Между тем, как показало проведенное исследование, собственно военный плен, порожденный Первой мировой войной, зримо обособился от неё, перерос из её закономерного следствия в нечто большее. Об этом убедительно свидетельствует широкий круг проблем, актуализированных пленом и далеко не вторичных для локальных и надлокальных социальных структур. Среди этих проблем — проблема приемлемых для принимающих территорий и обществ объемов миграционного трафика, проблема дисконсенсуса между экономической целесообразностью и экономической состоятельностью принудительного труда, проблема необъятности страны, управлять которой однообразно эффективно практически невозможно, проблема соотношения этноконфессионального многообразия и общенациональной консолидации, проблема герметичности местно и повсеместно значимых социальных единиц и их реконфигурации под воздействием преходящих факторов, проблема соседства личного имени и безличного антиимени. Этого списка вполне достаточно, дабы понять, что плен, вне зависимости от его территориально-географического «идентитета», явился серьезным тестом на чувствительность едва ли не для всех членов общественного организма.

Такая артикуляция плена может показаться слишком общей, и остаётся лишь сожалеть, что его «аутентичных» определений современники практически не оставили. Вместе с тем, есть основания полагать, что эти определения были бы одновременно схожи и несхожи, тем самым маркируя более или менее протяжённую дистанцию между различными потенциальными «респондентами» и прежде всего пленными и не-пленными. Плен — это время и место, где жизнь остановилась, считали военнопленные, тем самым фиксируя факт восприятия случившегося с ними как чего-то «паранормального» и уже поэтому ужасного. С точки же зрения принимающего сообщества, плен — это время и место, которые конструировались, перестраивались, подпитывались,

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий XX век. 1914–1991. М., 2004. С. 32.

регистрировались, рассчитывались, описывались и т.д., и т.п. Участие в этом проекте самых разных сил обнаружило их самые разные представления о политическом, экономическом, социальном и культурном — в самом широком смысле понимания культуры — порядках и расчетах, в стремлении к объективации которых на местах в полной мере проявилась нелинейность исторического процесса, а проще говоря, необязательность тех или иных кажущихся атрибутивно значимыми для российского общества практик.

В условиях, когда плен превратился в место встречи фронта и тыла, военных, гражданских и духовных авторитетов, гуманитарных структур и репрессивного аппарата, центральных властей и местных самоуправлений, экономики госсектора и её негосударственных альтернатив, изменчивого многоликого города и крепкой в своих традициях деревни, «красных» радикалов и «белых» консерваторов, отживающих свой век сословий и нарождающихся классов, он (плен) не просто сформировал некое особенное пространство, в центре которого находились военнопленные вражеских армий. Он породил множество таких пространств. Подобные концентрическим кругам, они последовательно — или непоследовательно — наслаивались друг на друга, со всей наглядностью демонстрируя, что плен, порожденный Первой мировой войной, кардинально отличался от своих более ранних аналогов. И отличался он в первую очередь тем, что, меняя свои ракурсы, стал заметен из самых разных точек наблюдения.

Плен, однако, не просто превратился в публичный институт. «Втискиваясь» между всеми прочими институтами, он находил себе место посредством концентрации всевозможных видимых и невидимых практик, стиравших привычные барьеры между столичным и периферийным, постоянным и переменным, глобальным и частным, «своим» и «чужим». Их арсенал был настолько широк, что до неузнаваемости изменил плен функционально. Помимо традиционной для него военно-режимной функции, нацеленной на то, чтобы посредством исключения обезоруженных военнослужащих неприятеля из военных действий ускорить завершение

вооруженного конфликта, плен в годы Первой мировой войны прирос целым рядом своих назначений. Стремительно прогрессируя в своем развитии, он, в частности, превратился в:

- катализатор мобильности населения,
- локально и надлокально значимый экономический фактор,
- политический ресурс, позволявший рационализировать явные и неявные коллективности,
- действенный инструмент социальных трансформаций,
- площадку для конструирования видов и подвидов свободы и несвободы.

Как символический универсум плен при этом в первую очередь характеризовался такой чертой, как централизация управления пленными посредством создания сети специальных лагерей, впервые возникших во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. Лагерность плена предполагала его унификацию, будучи призвана минимизировать негативные реакции со стороны принимающего сообщества на появление на их территории незваных гостей. В этом смысле лагерь стал явлением объективно необходимым, поскольку именно посредством него постулировалась нормативность плена, легитимировалось его соседство с мирными социальными институтами, дозировалось их взаимодействие с пленом как альтернативной социальной практикой. Роль проводника «идеологии лагеря» повсеместно приняло на себя государство, и именно государственный интервенционизм, свойственный эпохе модерности в целом, в случае с пленом должен был иммунизировать его проявления от крайностей, гарантировать более или менее ровные/равные условия содержания узников войны, определяя допустимость той дистанции, которая разделяла в пространстве плена норму, узус и казус.

Следующая черта плена, порожденного Первой мировой войной, — это его «экономизация», нашедшая свое выражение в универсализации принудительного труда. Говоря о ней, надо подчеркнуть, что вовлечение пленных в трудовые процессы стало не просто само собой разумеющейся рутинной практикой — оно стало приметой расподобления практик

хозяйствования, породив уходящую далеко в будущее дискуссию об оправданности принудительного труда как такового. При этом прибегнуть к труду пленных было, очевидно, действительно целесообразно, так как это позволяло ослабить напряженность проблемы нехватки рабочих рук.

Еще одной характеристикой плена Первой мировой войны стала его политизация, выражавшаяся в экспериментах по формированию из пленных «пятой колонны». Пленные при этом едва ли не повсеместно — хотя бы посредством попыток систематизации информации о них — оказались вовлечены в процессы, нацеленные на превращение плена в «место» взращивания всяческих лояльностей и нелояльностей, прежде всего основанных на этнических, религиозных и классовых различиях. Манипулирование этими признаками оказалось одной из многих служебных программ, которые вписывались в общий контекст актуального для своего времени формирования национальных государств, где политика населения все более и более превращала те или иные статусы людей в социально и политически значимые.

В то время как лагерь стал плотью плена, а конструирование лояльностей наряду с широко использовавшимся принудительным трудом стали его нервом, не менее значимой оказалась проблема освобождения узников войны, которая только подчеркивала транснациональный характер плена в целом². Важно при этом заострить внимание на том, что практическое решение репатриации объективировало способность самых непримиримых с политической точки зрения участников этого процесса к диалогу, тем самым доказав, что индекс союзоспособности тех или иных государств не измерялся — и, очевидно, не измеряется и теперь — только в политико-идеологических категориях.

Все это имело самое непосредственное отношение к России, вместе с тем не исключая того, что помимо универсальных признаков институционального «взросления» плена здесь сформировались свои, особенные практики,

² См. об этом подробнее: Jones H. Kriegsgefangenenlager. Der moderne Staat und die Radikalisierung der Gefangenschaft im Ersten Weltkrieg // Mittelweg 36. Journal of the Hamburg Institute for Social Research. Vol. 4/20 (2011). P. 59–75.

присущие именно национальной модели плена. Характеристику ее свойств следует начать с указания на такие черты, как динамичность и гетерогенность. Территория плена постоянно реконфигурировалась, поскольку расположенные здесь центры могли выступать как центры транзитные, центры принимающие, центры выбытия или и вовсе комбинированные центры. Логика перемещений в пространстве плена при этом трансформировалась, определяясь режимным, экономическим, внутривластным и репатриационным факторами, иерархию которых на тот или иной момент времени фиксировали количественные параметры плена. Еще более динамичным российский плен 1914–1922 гг. делали изначально различные и при том постепенно изменявшиеся характеристики пленных, никогда не составлявших однородной группы. В этой связи не будет преувеличением сказать, что плен с его нестабильными статистико-географическими и структурно-качественными свойствами напрямую способствовал нестабильности как таковой, динамизировал жизнь принимающего сообщества или, как минимум, способствовал его подвижности в самом различном ее понимании.

Другим, отличным от прочих пленов российский плен стал при этом потому, что не знал универсальной культуры концентрационных лагерей. Удивительно не замеченное ни в отечественной литературе с ее наивным эмпиризмом, ни в ориенталистски ориентированных исследованиях зарубежных авторов, это обстоятельство означало, что институциональная среда плена изначально формировалась как разнообразная, предполагая возникновение не только собственно лагерных, но и «окололагерных», «квазилагерных» и «залагерных» структур: мест постоянного водворения, сборных и изоляционных пунктов, наблюдательных фильтров и т.д., и т.п.

Позиционирование всевозможных средоточий пленных Первой мировой войны в России в качестве лагерей являлось не более чем негласной конвенцией. В текстах, авторизованных пленными иностранцами, посредством лагеря «аллигировалась» несвобода, заточение, тогда как для официального российского делопроизводства это был просто удобный «эпитет» места,

призванный зафиксировать географию плена — и не более того. Вся эта «поэтика», способствуя превращению дефиниции «лагерь» в метафору, напрямую способствовала дезавуированию институциональной среды российского плена, тем более что метафора эта была растянута и потому быстро утратила свою определенность. Разнонаправленная семантическая миграция понятия «лагерь», скрадывая неоднородность объективаций плена, была преодолена, пожалуй, только в 1918 г., когда лагерность плена стала восприниматься как необходимое условие для эффективного решения проблемы репатриации узников войны.

Очевидно, что все это актуализирует проблему более глубокого анализа логик перемещения и размещения пленных по территории России, который показывает, что самый весомый вклад в создание институциональной рамки плена внесли хозяйствующие субъекты, при которых в результате вовлечения пленных в трудовые процессы сложилась параллельная официальным структурам сеть мест содержания военнопленных. Её рисунок был весьма причудлив, поскольку составляющие этой сети зримо отличались друг от друга в силу местной специфики. В случае с российским пленом она предполагала, что распределенные по малым, средним и крупным предприятиям пленные часто оказывались в совершенно разных условиях, задаваемых не столько диктуемой «сверху» логикой их унификации, сколько характером и возможностями того или иного хозяйствующего субъекта.

Однако, не особенно доверяя «концепции специфики», на счет которой часто списываются те или иные «кривые» исторического процесса в России, следует отметить, что в случае с пленом никакие местные специфики не отменяли общей для него тенденции — тенденции зарождения в его недрах предвестников таких структур, как трудовые лагеря. Тенденция эта, однако, так и осталась тенденцией, поскольку такие «самозванные» лагеря в систему производственных лагерей военнопленных так и не оформились. Очевидно, что создать таковую можно было только в условиях огосударствления экономики или, как минимум, «узурпации» плена конкретным ведомством. В ситуации же, когда тысячи и тысячи пленных

были розданы для работ «частникам», системность производственных лагерей для военнопленных, так и осталась проектом.

Сообразуясь со всем вышесказанным, следует признать, что широкое употребление категории «лагерь» для описания сущности российского плена 1914–1922 гг. требует своей конкретизации. Вместе с тем для маркировки тех практик перемещения, размещения, обеспечения, трудоустройства, охранения, дисциплинирования, наказания, освобождения и пр. пленников, которые позволяют сравнить российский плен 1914–1922 гг. с любым другим опытом «массового насилия» (М. Фуко)³, вполне позволительно говорить о практиках «лагеризации» плена, демонстрирующих, какие из многообразных пристанищ пленных в России соответствовали такому «эпитету», как «лагерь», в большей степени, а какие — в меньшей. При этом места водворения пленных на Среднем Урале, при горнозаводских предприятиях, где плен медленно, но верно эволюционировал в сторону репрессии, являются, пожалуй, наиболее ярким примером.

Этот пример, как может показаться на первый взгляд, легко вписывается в «теорию прототипа», в рамках которой лагеря для военнопленных Первой мировой войны в России трактуются как образец объектов заключения «нового типа», напоминающий лагеря сталинского ГУЛАГа и гитлеровские концлагеря смерти⁴. Между тем эта теория⁵, отсылая прежде всего к преемственности пространственно-географической организации лагерей для военнопленных Первой мировой войны и лагерей советского ГУЛАГа, адекватна лишь в одном. Она фиксирует, что стадия индустриальной модернизации для досоветской России так и осталась не пройденной, в связи с чем карта советских индустриальныхстроек ожидаемо повторяла карту лагерей военнопленных Первой мировой войны, возникших в наиболее значимых производственных центрах.

³ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

⁴ См.: Pastor P. Introduction // *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*. New York, 1983. P. 114.

⁵ См., напр.: Applebaum A. *GULAG: A History* // Applebaum A. Doubleday, 2003. 677 p.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что институциональное сопровождение плена в России детерминировалось главным образом тенденциями его «экономизации» и прежде всего развитием практик принудительного труда. В чем же здесь заключалась национальная специфика и была ли она вообще? В этой связи прежде всего следует отметить, что в России в целом и на Среднем Урале в частности плен так же рано, как и на Западе, уже с весны 1915 г., стал прагматически ориентированным, что позволило интегрировать в трудовые процессы порядка 89,5 % обезоруженных солдат противника, находившихся к 1 января 1918 г. на территории военных округов⁶. А потому ставший общим местом западной историографии вывод о запоздалом интересе к трудоиспользованию пленных в России и его более скромных масштабах, нежели, скажем, в Германии⁷, следует признать как минимум поверхностным.

Именно раннее и массовое трудоиспользование пленных иностранцев привело к тому, что когда речь зашла о трудовых мобилизациях беженцев, учащихся и прочих групп населения, «любые сомнения, которые могли существовать относительно преобразования имперской экономики в экономику с тяжелым отпечатком принудительного труда, были давно преодолены»⁸. При этом, описывая принудительный труд пленных в терминах народно-хозяйственной пользы, следует отметить его демотивированность и сомнительную успешность. Однако также следует учесть, что в чистом виде анализ практик принудительного труда пленных не совсем корректен, поскольку он был напрямую связан со специфическими практиками потребления и управления. И те, и другие требовали некоторых ресурсов, что позволяет идентифицировать российский плен как систему, которой были свойственны тенденции развития ресурсной экономики. Из документов явствует, что её эмблематичными характеристиками, напрямую завесившими

⁶ См.: ГА РФ. Ф. р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 4.

⁷ См.: Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am Main, 2005. S. 23–24.

⁸ Sanborn J. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford, 2014. P. 141.

от общих тенденций развития страны, в конечном итоге стали: 1) ограниченное и в конечном итоге деградированное потребление пленными материальных благ и услуг, 2) низкая культура организации производства, приматом которого были валовые показатели, получаемые не за счет производительности труда, а за счет увеличения живой массы труда и временных затрат, 3) «неоварваризация» трудовых отношений, основанных на внеэкономическом принуждении, 4) неэффективное управление, ставшее следствием повышенной «плотности» паллиативных решений.

Государство при этом так и не выработало четкой позиции на предмет того, что же в экономике плена первично — её краткосрочные или долгосрочные экономические эффекты? Пользуясь этим, региональные элиты фактически присвоили несвойственные им априори функции регламентации плена, едва ли не повсеместно отформатировав властные предписания в угоду своим нуждам. Для России в целом это, вероятно, имело весьма разрушительные последствия. В краткосрочной перспективе децентрализованные, импровизированные практики потребления, производства и управления, по сути, работали на имперскую децентрализацию как таковую, расшатывая устои и без того неустойчивой конструкции. В смысле же перспективы долгосрочной экономика плена, строясь на сознательном отказе от рыночных механизмов, негативно влияла на хозяйственный менталитет россиян.

Что касается оснований, цели, этапов, и итогов политизации плена, то она в целом вписывалась в аналогичные национальные практики, в числе которых следует назвать известные попытки германских властей манипулировать национальными чувствами ирландцев, бельгийских немцев и малороссов, а также устремления французских военных радикализовать этнических поляков и эльзас-лотарингцев, воевавших в рядах немецкой армии. Специфика России заключалась при этом в том, что здесь манипуляции с этничностью имели глубокие идеологические корни, связанные с идеями панславизма. Кроме того, опыт России, связанный с превращением плена в лабораторию для

конструирования лояльностей, также был отмечен апеллированием к конфессиональным и классовым различиям. В этом соединении архаики и модерна и состояло, по сути, наиважнейшее отличие процесса политизации российского плена.

Вопрос о том, что же при этом победило — этничность, вера или класс, — остается открытым. Ни то, ни другое, ни третье, взятое в отдельности, в качестве безотказной основы индоктринации пленников не работало. Религиозная идентичность в качестве идентификационного кода к началу XX в. уже утрачивала свои позиции, уступая место иным логикам социальной консолидации. В то же время грубо, примордиалистски понимаемая этничность, равно как и грубо, схематически определяемая классовость позволили радикализовать лишь незначительную часть военнопленных. В этой связи не будет преувеличением сказать, что участие пленных в Чехословацком корпусе или интернациональных частях Красной армии носило, скорее, исключительный, нежели массовый характер.

Не последнюю роль в отвращении пленных от идей национальной, классовой и любой другой борьбы сыграла рассогласованность политики центра и периферии, где до 1918 г. она попросту саботировалась в целях удержания вражеских военнослужащих на работах, а после 1918 г. и вовсе стала больше зависеть от их индивидуальных выборов. Вместе с тем следует признать, что большевики в своих попытках инкорпорации пленных в общую рамку революции оказались более успешными, нежели их политические противники, шедшие по пути «мобилизации этничности». Но успех здесь не был заслугой виртуозной пропаганды. Во многом он предопределялся тем, что идеи социального равенства и общего благоденствия имели универсальный характер, перекликаясь с традиционными ценностями общечеловеческого, общецивилизационного значения.

Логика, практики и эффекты социальных взаимодействий в пространстве плена запечатлели, что воюющее общество даже на своем наименее подверженном эрозии локальном уровне не могло оставаться герметичной

системой, равнодушной к, казалось бы, чрезвычайно далекой мировой войне. Собственно пленные, позиционировавшиеся наряду с беженцами как «несчастные осколки войны», и стали ее означаемыми в глубоком тылу. Очевидно, их воздействие на социальный мир было изначально двояким — какие-то из его устоев пленные основательно расшатали, вместе с тем всячески стремясь к социальной устроенности через активные попытки языковой, сексуальной, профессиональной и прочей интеграции. Именно в этой связи в настоящей работе социальные логики плена и были рассмотрены одновременно и как логики эксклюзивные (исключающие), и как логики инклюзивные (включающие). Практики со-общения пленных и не-пленных при этом зафиксировали, что даже революционизированное российское общество не спешило принимать чужаков в свои объятия, тем самым демонстрируя, что революция не привела к коренной ломке основ социального устройства в России. «Новое» — советское — общество не создавалось с чистого листа, получив в наследство от «старого» общества патриархальную тенденцию к иммунизации от вторжений извне, к самосохранению за счет избирательной открытости чужому.

Говоря же о плене как о проблеме освобождения, важно заметить, что никаких простых его сценариев вражеским солдатам и офицерам в России предложено не было. Больше того, для некоторой части узников войны «плен после плена» затянулся настолько, что перекрыл по своей продолжительности собственно плен. Метафорически выражаясь, можно сказать, что российский плен 1914–1917 гг. мутировал, превратившись в плен 1918–1922 гг. Облеченный в риторику возвращения, он получился не просто долгим. Он, помимо того, отразил еще и всевозможные прецеденты легитимных и нелегитимных освобождений, вариативность которых была делом как личного, так и безличного выбора. Тем самым зависимый от целого ряда сопутствовавших ему событий и прежде всего Гражданской войны российский плен 1918–1922 гг., так и не выработав универсальной нормы освобождения, со всей наглядностью показал, что дистанция между свободой и несвободой не является критической.

В любом случае российский плен 1914–1922 гг. стал значительно более прагматичным, чем его более ранние аналоги. И то, что плен при этом «пользовали» всевозможные учреждения, организации, предприятия, группы и индивиды, экспонируя различные модели политического, экономического, социального и любого другого поведения, красноречиво свидетельствовало об усложнении рисунка современных Первой мировой войне обществ, включая в том числе и российское общество в его инвариантных региональных составляющих. Плен тем самым олицетворял собой неизбежное и всепобеждающее наступление эпохи «модернити» с характерным для неё уплотнением времени и пространства, с одной стороны, и постепенным преумножением ролей или, как минимум, масок человека — с другой стороны⁹. При этом многие вызовы, коренившиеся внутри плена, так и остались неотвеченными, что, вероятно, катализировало процесс его ещё большей радикализации в годы Второй мировой войны, приведшей к окончательной сдаче в архив тех представлений о ведении войны и плене, которые бытовали в эпоху кавалерии и ополчения. В этом, впрочем, заключалась специфика не только российского плена, но и важнейшие социальные интуиции того времени, когда человечество, по ощущению художника, отступило «перед диким и нетерпимым казарменным идеализмом, стремящимся исправить нынешний мир»¹⁰, и концлагерь, по мысли философа, оказался «тайной парадигмой политического пространства современности»¹¹.

⁹ См. об этом: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

¹⁰ Ремарк Э.М. Возлюби ближнего своего // Ремарк Э.М. Возлюби ближнего своего. Триумфальная арка: романы. М., 1993. С. 171.

¹¹ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 156–157.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники:

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО):

1. Ф. 1: Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области:

Оп. 2. Д. 21345, 25299, 29874, 29935, 36102, 37713.

Государственный архив Пермского края (ГАПК):

2. Ф. 43: Пермское губернское по земским и городским делам присутствие Министерства внутренних дел (г. Пермь):

Оп. 2. Д. 130.

3. Ф. 65: Канцелярия Пермского губернатора Министерства внутренних дел (г. Пермь):

Оп. 3. Д. 67, Д. 82, 592, 593, 601.

Оп. 5. Д. 138, 140а, 156, 165.

4. Ф. 143: Врачебное отделение Пермского губернского правления:

Оп. 1. Д. 94.

5. Ф. 146: Управление Пермского уездного воинского начальника Военного министерства:

Оп. 1. Д. 20, Д. 21, 21а, 83, 94, 95, 146.

6. Ф. 162: Пермское губернское жандармское управление Министерства внутренних дел (г. Пермь):

Оп. 3. Д. 80.

7. Ф. 174: Окружной инженер Пермского горного округа Министерства промышленности и торговли (г. Пермь):

Оп. 1. Д. 117.

8. Ф. 186: Добрянская заводская контора графа С.А. Строганова (завод Добрянский Пермского уезда Пермской губернии):

Оп. 3. Д. 134.

9. Ф. 214: Особоуполномоченный по охране Екатеринбургского и Верхотурского уездов Министерства внутренних дел (г. Екатеринбург):

Оп. 1. Д. 16.

10. Ф. 280: Главное управление именными князя С.С. Абамелек-Лазарева (завод Чермозский Соликамского уезда Пермской губернии):

Оп. 1. Д. 2647, 2752.

11. Ф. 682: Усольское окружное правление Пермского нераздельного имени графа С.А. Строганова (с. Усолъе Соликамского уезда):

Оп. 1. Д. 55.

12. Ф. 699: Пермская губернская продовольственная управа Министерства продовольствия Временного правительства (г. Пермь):

Оп. 1. Д. 2, 10.

13. Ф. р-4: Пермское губернское отделение рабоче-крестьянской инспекции Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (г. Пермь):

Оп. 1. Д. 372.

14. Ф. р-25: Пермское губернское управление по эвакуации населения (Губэвак) при Отделе управления Исполнительного комитета Пермского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Пермь):

Оп. 1. Д. 2.

Оп. 2. Д. 72.

15. Ф. р-75: Чермозский металлургический завод (г. Чермоз Пермской области):

Оп. 1. Д. 42.

16. Ф. р-790: Архивная коллекция документов, собранных А.К. Шарцем, «Уральский биографический словарь»:

Оп. 1. Д. 2873.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

17. Ф. 102, 2-е делопроизводство: Департамент полиции Министерства внутренних дел:

Оп. 71. Д. 84, 84а.

Оп. 73. Д. 10 (ч. 10, 60), 334.

18. Ф. 124: Уголовные отделения Первого департамента Министерства юстиции:

Оп. 63. Д. 223, 224.

19. Ф. 601: Николай II:

Оп. 1. Д. 626.

20. Ф. 1791: Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан Министерства внутренних дел Временного правительства:

Оп. 2. Д. 538, 556, 557.

21. Ф. 6281: Коллекция документов периода Первой мировой войны и Временного правительства:
Оп. 1. Д. 27.
22. Ф. р-130: Совет народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) — Совет Министров (РСФСР):
Оп. 2. Д. 144, 512.
Оп. 4. Д. 152.
Оп. 6. Д. 11.
23. Ф. р-176: Совет Министров Российского правительства. Омск:
Оп. 4. Д. 78.
Оп. 5. Д. 610.
24. Ф. р-192: Юридическое совещание при Временном Всероссийском правительстве. Уфа, Омск:
Оп. 1. Д. 60.
25. Ф. р-200: Министерство иностранных дел Российского правительства. Омск:
Оп. 1. Д. 200, 552, 619, 620, 635.
26. Ф. р-382: Народный комиссариат труда РСФСР (Наркомтруд РСФСР):
Оп. 2. Д. 190.
27. Ф. р-393: Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР):
Оп. 1. Д. 66.
28. Ф. р-676: Следственно-юридическая комиссия при Комитете членов Всероссийского учредительного собрания. Уфа:
Оп. 1. Д. 18.
29. Ф. р-1235: Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК):
Оп. 93. Д. 95.
30. Ф. р-3333: Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак) НКВД РСФСР:
Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 5, 10.
Оп. 2. Д. 58, 73, 332.
Оп. 2а. Д. 16.
Оп. 3. Д. 317, 363, 412, 456, 465, 514, 533, 557, 564, 575, 576,
Оп. 4. Д. 60, 166, 254, 3333.
Оп. 5. Д. 180, 219.
Оп. 8. Д. 45.

Оп. 9. Д. 10, 27.

31. Ф. р-6978: Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов I-го созыва:

Оп. 1. Д. 564, 816.

32. Ф. р-7275: Главный комитет по проведению всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд) при Совете труда и обороны РСФСР:

Оп. 1. д. 93.

33. Ф. р-8402: Федерация иностранных Советов рабочих и крестьянских депутатов в России:

Оп. 1. Д. 15, 15а, 22.

Государственный архив Свердловский области (ГАСО):

34. Ф. 24: Уральское горное управление:

Оп. 14. Д. 964, 977, 985.

Оп. 19. Д. 1117, 1605.

Оп. 20. Д. 41, 2825, 2829, 3174.

Оп. 26. Д. 43.

Оп. 32. Д. 4511.

35. Ф. 45: Управление Богословским горным округом:

Оп. 1. Д. 221, 222, 228, 231, 232, 245, 259, 262, 272, 275, 293, 323, 997, 1040, 1041, 1044, 1095, 1098, 1100, 1101, 1102.

36. Ф. 47: Окружной инженер Западно-Екатеринбургского округа:

Оп. 1. Д. 1192.

37. Ф. 50: Окружной инженер Северо-Верхотурского округа:

Оп. 2. Д. 2892, 3184.

38. Ф. 55: Главный лесничий Уральских горных заводов:

Оп. 1. Д. 982, 983.

Оп. 2. Д. 1128.

39. Ф. 72: Главное управление Акционерного общества Верх-Исетских горных и механических заводов (б. Яковлева):

Оп. 1. Д. 20, 5556, 5624, 5627, 5641, 5668.

Оп. 2. Д. 813.

40. Ф. 111: Уполномоченный по Уральскому району председателя Особого совещания по топливу:

Оп. 1. Д. 20, 44, 254.

41. Ф. 123: Уральский областной военно-промышленный комитет:
Оп. 1. Д. 1, 3, 9, 10, 41, 63, 75, 85, 173.
42. Ф. 181: Особоуполномоченный по охране Екатеринбургского и Верхотурского уездов:
Оп. 1. Д. 5.
43. Ф. 183: Верхотурский уездный исправник:
Оп. 1. Д. 70, 71, 72, 77.
44. Ф. 351: Фоминское волостное правление:
Оп. 3. Д. 2.
45. Ф. 434: Ирбитская уездная земская управа:
Оп. 1. Д. 246.
46. Ф. 435: Верхотурская уездная земская управа:
Оп. 1. Д. 1738, 2065.
47. Ф. 595: Сосьвинский чугуноплавильный и железоделательный завод:
Оп. 1. Д. 450.
48. Ф. 627: Верхнетуринский чугуноплавильный и железоделательный завод:
Оп. 2. Д. 1056.
49. Ф. 638: Верхотурский уездный военный комиссариат Временного правительства:
Оп. 1. Д. 3.
50. Ф. 643: Управление Нижнетагильского и Луньевского горных округов наследников П.П.Демидова, князя Сан-Донато:
Оп. 1. Д. 275, 357, 3585, 3995.
Оп. 3. Д. 1794, 1882, 1938.
Оп. 4. Д. 343, 357.
51. Ф. 687: Мировой судья 1-го участка Ирбитского округа:
Оп. 1. Д. 2008, 2009.
52. Ф. 694: Слободо-Туринское волостное правление:
Оп. 1. Д. 214.
53. Ф. 730: Харловское волостное правление:
Оп. 1. Д. 119.
54. Ф. р-20: Екатеринбургский уездно-городской отдел записей актов гражданского состояния:
Оп. 1. Д. 35, 36, 37, 38.

55. Ф. р-511: Отдел управления Исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губотуправ):

Оп. 1. Д. 35, 92, 187, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 202, 204, 352, 358, 363, 368, 386.

56. Ф. р-1646: Екатеринбургский линейный пункт Центрального управления по эвакуации населения Народного комиссариата внутренних дел РСФСР:

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 10, 13, 14, 15, 25, 27, 28, 31, 33, 34, 37, 40, 43.

57. Ф. р-1956: Канцелярия Главного начальника Уральского края:

Оп. 1. Д. 36.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО):

70. Ф. и-37: Окружной инженер Миасского горного округа:

Оп.1. 150, 166.

Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ):

71. Ф. 557: Пермский губком РКП(б), Пермская губерния:

Оп. 1. Д. 126.

Российский государственный военный архив (РГВА):

72. Ф. 1п: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР:

Оп. 15а. Д. 341.

Оп. 19а. Д. 20.

73. Ф. 39466: Штаб Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России:

Оп. 1. Д. 57, 59, 191, 193, 197, 200, 209, 231, 240.

74. Ф. 40218: Отдел контрразведки штаба Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России:

Оп. 1. Д. 11.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):

75. Ф. 1720: Казанский военный округ:

Оп. 1. Д. 87, 100, 108.

Оп. 2. Д. 155, 161, 182, 185, 190, 203, 280.

Оп. 8. Д. 1, 2.

Российский государственный исторический архив (РГИА):

76. Ф. 465: Гилицко-Русское благотворительное общество:

Оп. 1. Д. 32.

77. Ф. 1276: Совет Министров:

Оп. 10. Д. 905.

Оп. 11. Д. 1102.

Оп. 12. Д. 1018, 1081.

78. Ф. 1322: Особое совещание по устройству беженцев при МВД:

Оп. 1. Д. 10, 31.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО):

79. Ф. 41: Свердловский (Уральский) истпарт:

Оп. 2. Д. 311.

80. Ф. 76: Екатеринбургский губернский комитет РКП(б):

Оп. 1. Д. 216.

Государственный архив в г. Ирбите (ГАИ):

81. Ф. р-474: Ирбитская следственная комиссия Временного Сибирского правительства:

Оп. 1. Д. 9.

Опубликованные документы

1. Альбат Г.П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных: с библиографическим указателем. Издание главного комитета / Г.П. Альбат; Всероссийский Земский Союз. М.: тип. товарищества Рябушинских, 1917. 84 с.

2. Аникст А. Применение труда военнопленных в России до 1918 г. / А. Аникст // Аникст А. Организация распределения рабочей силы: статьи и докл. за 1918–1920 гг. М.: 2-я тип.-лит. М.Г.С.Н.Х., 1920. С. 42–46.

3. Баталин А. Труд военнопленных на постройке железных дорог / А. Баталин. Пг.: [Б.и.], 1916 г. 10 с.

4. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент рус. истории. 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Т. 2: Ч. 2–3: Верховный правитель. Союзники. Заговорщики. Победители. Неизбежный конец /

Г.К. Гинс. Пекин; Харбин: О-во возрождения России: тип.-лит. Русской духовной миссии, 1921. 606 с.

5. Двингер Э. Армия за колючей проволокой: Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / Э. Двингер. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 350 с.

6. Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.

7. Декреты Советской власти. Т. II: 17 марта — 10 июля 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1959. 686 с.

8. Доклад Екатеринбургского губернского отдела управления за время с 1 декабря 1920 г. по 1 ноября 1921 г. Екатеринбург: [б.и.], 1921.

9. Доклад Совета XXI Очередному Съезду Горнопромышленников Урала о деятельности Совета Съездов за 1915 год. Пг.: тип. «Якорь», 1916. 64 с.

10. Доклад Совета XXII Очередному Съезду Горнопромышленников Урала об обеспечении уральских горнозаводских предприятий рабочими, в связи с войной. Пг.: тип. П.П. Гершунина, 1917. 24 с.

11. Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 — 31 декабря 1918. М.: Госполитиздат, 1959. 773 с.

12. Документы внешней политики СССР. Т. 2: 1 января 1919 — 30 июня 1920. М.: Госполитиздат, 1958. 805 с.

13. Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 — 18 марта 1921. М.: Госполитиздат, 1959. 725 с.

14. Документы внешней политики СССР. Т. 4: 19 марта 1921 — 31 декабря 1921. М.: Госполитиздат, 1960. 837 с.

15. Документы внешней политики СССР. Т. 5: 1 января 1922 — 19 ноября 1922. М.: Госполитиздат, 1961. 809 с.

16. Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. / Главное архивное управление НКВД СССР. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942. 79 с.

17. Документы по истории гражданской войны в СССР. Т.1: Первый этап гражданской войны / под ред. И. Минца, Е.Городецкого. М.: Политиздат, 1941. 544 с.

18. Записка председателя Совета Министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году: приложение к всеподданнейшему докладу. СПб.: Гос. тип., 1910. 168 с.
19. Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. (Из документов первой мировой войны) / Архивный отдел управления НКВД по Ленинградской области; сост. З.З. Михайлович, Л.И. Полянская. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1943. 103 с.
20. Каржанский Н.С. Чехословаки в России: По неизданным официальным документам / Н.С. Каржанский (Качанов). М.: Змій, 1918. 95 с.
21. Кривцов А. Жизнь русских воинов в плену / А. Кривцов; Высочайше учрежденная Чрезвычайная следственная комиссия. Пг.: [Б.и.], 1916. 18 с.
22. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сб. документов / Министерство иностранных дел РФ. Тула: Аквариус, 2014. 960 с.
23. Овчинников И.А. Центральное справочное бюро о военнопленных: регистрация военнопленных / [И.А. Овчинников]; Российское общество Красного Креста, состоящее под высочайшим покровительством Ее Императорского Величества государыни императрицы Марии Федоровны. Пг.: Государственная тип., 1915. 32 с.
24. Отчет члена состоящего при Центральном Справочном Бюро о военнопленных Особого Комитета Помощи Военнопленным Е.Г. Шинкевича по командировке в Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленных австро-венгерской армии. Пг.: Гос. тип., 1915. 64 с.
25. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXI: Пермская губерния / под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 301 с.
26. Поворот мирового значения: Воспоминания немцев — участников Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы против интервентов и контрреволюционеров в 1917–1920 годах / пер. с нем.; 2-е изд., перераб. М.: Прогресс, 1964. 232 с.
27. Высочайше утвержденное положение о пленных. 9 Июля 1829 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. IV: 1829. СПб.: тип. II

Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 2977. С. 478–483.

28. Положение о письмоводстве и делопроизводстве в Военном ведомстве. Изд. 5-е, доп. всеми изменениями и разъяснениями по 1 июня 1916 года. Пг.: тип. Б. Брукера, 1916. 140 с.

29. Правила Австро-Венгерского военного министерства о положении военнопленных на работах в Австрии / пер. с нем. под ред. Н.Д. Рафаловича. Пг.: Гос. тип., 1917. 47 с.

30. Приказы по Казанскому военному округу: 2 т. Казань, 1917–1918.

31. Рабочий класс Урала в годы войны и революции: в документах и материалах Т. I: Рабочее движение в годы войны / под ред. А.П. Таняева. Свердловск: Уралпрофсовет, 1927. 364 с.

32. Рабочий класс Урала в годы войны и революции: в документах и материалах Т. II: 1917 год (февраль–октябрь) / под ред. А.П. Таняева. Свердловск: Уралпрофсовет, 1927. 354 с.

33. Резанов А.С. Немецкие зверства / А.С. Резанов. Пг.: Издание М.А. Суворина, 1914.

34. Резанов А.С. «Немецкая армия... может конкурировать с воинами каннибалов» / А.С. Резанов; публ. А.В. Пронина // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 21–31.

35. Резанов А.С. Солдатская памятка о немецких зверствах / А.С. Резанов. 5-е изд. Пг.: тип. товарищества А.С. Суворина «Новое время», 1915. 56 с.

36. Решение совещания губернаторов центральных губерний, май–июнь 1916 г. // Красный архив: Исторический журнал. 1929. Т. 2(33). С. 156–157.

37. Россия в Мировой войне 1914–1918 года в цифрах. М.: тип. МКХ им. Лаврова, 1925. 103 с.

38. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг.: ч. 1, 2 и 3 / сост. Н. Жданов. М.: Военная тип. Всероглавштаба, 1920. 376 с. (Тр. Военно-исторической комиссии).

39. Санитарный обзор Пермской губернии за 1915 г. Премь: Электро-тип. Губернского земства, 1918. 76 с.

40. Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных / сост. И.А. Овчинников. Изд. 2-е. Пг.: Гос. тип., 1917. 43 с.
41. Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания 46 очередной и 53, 54, 55, 56 и 57 чрезвычайных сессий 1915–1916 гг. Пермь, 1916.
42. Труды XXI Съезда Горнопромышленников Урала с 27 по 29 февраля 1916 г. в г. Петрограде. Пг.: Тип. «Якорь», 1916. 227 с.
43. Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год (с приложениями). Пермь: Электро-тип. П.И. Стерлинг, 1916. 48 с.
44. Черная книга германских зверств / под ред. М.В. Головинского. СПб.: тип. «Орбита», 1914. 56 с.
45. Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии (по дополнительным сведениям) / Чрезвычайная следственная комиссия. Пг.: Сенатская тип., 1917. 49 с.
46. Эгерт В.П., фон. Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну 1914 г. / В.П. Эгерт, фон. Пг.: тип. Главного Управления уделов, 1914. 60 с.
47. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: документы и материалы. Часть третья: Сельское хозяйство и крестьянство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1967. 538 с.
48. Яблонский М. Машино-истребительная культура: Об источниках немецкого зверства / М. Яблонский. Харьков: [б.и.], 1914. 39 с.
49. Brändström E. Among Prisoners of War in Russia and Siberia / E. Brändström; Trans. C. Mabel Rickmers. London: Hutchinson & Co, 1929. 284 p.
50. Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien, 1914–1920 / E. Brändström. Leipzig: Koehler & Amelang, 1927. 242 s.
51. Conférence des représentants d'Allemagne, d'Autriche-Hongrie, du Roumanie, de Russie, de Turquie et des Sociétés de la Croix Rouge allemande, autrichienne, danoise, hongroise, roumaine, russe et suédoise et du Croissant Rouge ottoman sous la

présidence d'Honneur de son Altesse Royale, le Prince Valdemar de Danemark à Copenhague, Octobre-Novembre 1917: Procès-Verbal et Protocol de Clôture. Kopenhagen: [б.и.], 1917. 284 p.

52. Lengyel E. Siberia / E. Lengyel. New York: Random House, 1943. 416 p.

53. Montandon G. Deux ans chez Koltchak et chez les bolchéviques: Pour la Croix-rouge de Genève (1919–1921) / G. Montandon. 3. éd. Paris: Libr. Alcan, 1923. 318 p. (Bibliothèque d'histoire contemporaine)

54. Prins J.W. Life in Siberian prison camps / J.W. Prins // Scribner's magazine. Vol. LXIV. № 6 (Dec., 1918). P. 695–705.

55. Rapport de MM. F. Thormeyer et Dr F. Ferrière sur leur visite aux camps de prisonniers en Russie, octobre 1915 à février 1916. Geneve: Georg & Cie, 1916. 153 p.

56. Seconde réunion des Croix-Rouges allemande, austro-hongroise et russe à Stockholm // Bulletin International des Societes de la Croix-Rouge. 1916. Juli. P. 363–366.

57. Service with fighting men. An Account of the Work of the American YMCA in the World War: In 2 vol. Vol. 2. New York: Association Press, 1922. 664 p.

58. Suffering prisoners in Siberia // Current history: a monthly magazine of the New York Times. Vol. 11 (October 1919 — March 1920). № 2. P. 98–99.

Периодическая печать и продолжающиеся издания

1. Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916.
2. Вестн. Российского общества Красного Креста. 1915–1916.
3. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914–1916.
4. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915–1916.
5. Журналы Верхотурского уездного земского собрания 29 чрезвычайной сессии 1916 года. Верхотурье, 1916.
6. Журналы Верхотурского уездного земского собрания 47 внеочередной сессии 1916 г. Н. Тагил, 1917.
7. Зауральский край. 1914–1918.
8. Земская неделя (Казань). 1916.
9. Изв. Главного комитета Всероссийского Земского Союза. 1915–1917.

10. Изв. Министерства земледелия. 1915–1917.
11. Изв. Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918.
12. Изв. Центропленбежа. 1918–1919.
13. Изв. Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК). 1918.
14. Изв. Челябинского совета рабочих, крестьянских, казачьих и армейских депутатов. 1918.
15. Ирбитский вестн.. 1918–1919.
16. Новое время. 1914–1916.
17. Орловские губернские ведомости. 1915.
18. Пермская земская неделя. 1914–1917.
19. Пермские ведомости. 1914–1917.
20. Пермские губернские ведомости. 1915–1916.
21. Пермский вестн. Временного правительства. 1917.
22. Петроградские ведомости. 1915.
23. Правительственный вестн.. 1914–1919.
24. Приазовский край. 1917.
25. Саратовский листок. 1917.
26. Сибирский казак. 1919.
27. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918.
28. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915.
29. Уральский рабочий. 1919–1922.
30. Уральская жизнь. 1914–1917.
31. Утро России. 1917.

Специальная литература

1. Абдрашитов Э.Е. Развитие социального и правового статуса военнопленного в ходе эволюции международного и российского законодательства (с древнейших

времен до конца XX века / Э.Е. Абдрашитов. Казань: КЮИ МВД России, 2007. 196 с.

2. Абдрашитов Э.Е. О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне / Э.Е. Абдрашитов // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 131–135.

3. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. М.: Изд-во «Европа», 2011. 256 с.

4. Алексеева В.К. Военнопленные на Урале в годы первой мировой войны / В.К. Алексеева // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: тез. докладов. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1995. Ч. 2. С. 55–57.

5. Ананьев В.И. Вклад иностранных коммунистических групп в восстановление народного хозяйства Советской республики / В.И. Ананьев // Уч. зап. Оренбургского педагогического ин-та. Вып. 26. Сер.: Общественные науки. 1968. С. 21–45.

6. Анишев А. Очерки истории гражданской войны 1917–1920 / А. Анишев. Л.: Государственное изд-во, 1925. 288 с.

7. Антонов С.И. Ярослав Гашек в Башкирии / С.И. Антонов. Уфа: Башкнигаиздат, 1960. 79 с.

8. Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) / А.М. Анфимов. М.: Политиздат, 1962. 383 с.

9. Асташов А.Б. «Зверства» войск антирусской коалиции в 1914–1918 гг.: военный опыт и пропаганда / А.Б. Асташов // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 65–73.

10. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность / А.Б. Асташов. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.

11. Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну / А.Б. Асташов // Отечественная история. 1992. № 6. С. 169–172.

12. Бадя Л.В. Благотворительность и меценатство в России: Краткий исторический очерк / Л.В. Бадя. М.: Знание, 1993. 152 с.

13. Баньковская С.П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии / С.П. Баньковская // Социологическое обозрение. Т. 6. № 1. 2007. С. 75–87.

14. Баньковская С.П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности / С.П. Баньковская // Отечественные зап. 2002. № 6. С. 457–467.
15. Барабаш В.В. Государственная пропаганда и информационные войны / В.В.Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец. М.: АИРО-XXI, 2015. 400 с.
16. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. М.: Логос, 2005. 390 с.
17. Белковец Л.П. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939-е гг.) Вторая часть. / Л.П. Белковец // Вопросы права и политики. 2013. № 6. С. 220–284.
18. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. / И.Б. Белова. М.: АИРО-XXI, 2014. 432 с.
19. Белякевич И.И. Из истории создания польских национальных формирований в составе русской армии во время первой мировой войны / И.И. Белякевич // Первая мировая война 1914–1918. М.: Наука, 1968. С. 158–169.
20. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.
21. Берсенева А. Городские усадьбы Екатеринбурга / А. Берсенева // Урал. 1973. № 10. С. 119–125.
22. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 259 с. (Памятники исторической мысли).
23. Бобровников В.Г. Благотворительность и призрение в России / В.Г. Бобровников. Волгоград: РПК «Политехник», 2000. 208 с.
24. Боден Ж. Метод легкого познания истории / Ж. Боден. М.: Наука, 2000. 412 с.
25. Болтин Е. Очерки мировой войны 1914–1918 гг. / Е. Болтин, Ю. Вебер. М.: Государственное военное изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1940. 148 с.
26. Бокарев Ю.П. Мобилизационная экономика России в годы Первой мировой войны и военного коммунизма. Понятие мобилизационной экономики / Ю.П. Бокарев // Экономическая история (Саранск). 2015. № 1(28). С. 26–40.
27. Большаков В.Н. Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы Первой мировой войны / В.Н. Большаков // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск: Наука, 1980. С. 151–172.

28. Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.) / Е.Ю. Бондаренко. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. 309 с.
29. Бородкин Л.И. Деловая культура российских предпринимателей в их отношениях с рабочими (конец XIX — начало XX в.) / Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, Ю.Б. Смирнова, И.В. Шильникова // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. 2008. № 4(14). С. 72–92.
30. Бородкин Л.И. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, Ю.Б. Смирнова, И.В. Шильникова. М.: РОССПЭН, 2010. 552 с.
31. Бочанова Г.А. и др. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / Г.А. Бочанова, Л.М. Горюшкин, Г.А. Ноздрин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 211 с.
32. Бубеннов М. Освобождение Казани от белоинтервентов в 1918 году / М. Бубеннов, А. Валеев. Казань: Татгосиздат, 1939. 87 с.
33. Булдаков В.П. Первая мировая война и городское бунтарство в России: 1914–1916 гг. / В.П. Булдаков // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 82–97.
34. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917) / Ю.А. Буранов. М.: Наука, 1982. 258 с.
35. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
36. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые // Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–207.
37. Бушаров Е.А. Военнопленные Первой мировой войны в Тюмени / Е.А. Бушаров // Словцовские чтения-97: тез. докладов и сообщ. научно-практ. конф. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1997. С. 78–80.
38. Валитов А.А. и др. Правовое положение военнопленных Первой мировой войны в России / А.А. Валитов, А.В. Журавель-Мейзер, Н.И. Загороднюк // Тобольск научный-2011: материалы VIII Всерос. научно-практ. конф. Тобольск: Полиграфист, 2011. С. 127–130.

39. Варадинов Н.В. Делопроизводство: Общее делопроизводство Судебное делопроизводство. Руководство к составлению всех родов деловых бумаг по данным формам и образцам. В 2 ч. / Н. Варадинов. 3-е изд., исключительно практич. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1881. 597 с.
40. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учебное пособие к спецкурсу / С.Н. Васильева. М.: Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999. 133 с.
41. Васильева С.Н. Военнопленные на Урале в годы Первой мировой войны / С.Н. Васильева // Екатеринбург в прошлом и настоящем: материалы науч. конф. Екатеринбург: [б.и.], 1993. С. 56–58.
42. Васьковский О.А. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале / О.А. Васьковский, М.А. Молодцыгин, Я.Л. Ниренбург и др. Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во, 1969. 391 с.
43. Вахштайн В. [Рец.] Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с. / В. Вахштайн // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 76–78.
44. Вахштайн В. Пять книг о социологии повседневности / В. Вахштайн // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 303–306.
45. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
46. Вебер М.И. «Им не досталось ни славы, ни почестей»: Очерк сотрудника YMCA о судьбе военнопленных на Востоке России. 1918 г. / М.И. Вебер, Н.В. Суржикова // Исторический архив. 2014. № 3. С. 126–141
47. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен; пер. с англ., вступит. статья С.Т. Сорокиной; общая ред. В.В. Мотылева. М.: Прогресс, 1984. 336 с.
48. Вельдбрехт В. Общие основания русского делопроизводства с приложением основных его форм / В. Вельдбрехт. СПб.: тип. Я. Трея, 1854. 120 с.
49. Вержховский Д.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. / Д.В. Вержховский. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1954. 114 с.
50. Верт Н. Депортации населения на российском и советском пространстве (1914 — конец 1940-х годов): военное насилие, социальная инженерия, этно-

историческое «изъятие» // Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. С. 195–233.

51. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 79–128.

52. Владимиров В.Н. О возможности использования материалов церковноприходского учета населения для изучения профессиональной занятости населения / В.Н. Владимиров, Д.Е. Сарафанов, М.Е. Чибисов // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа: сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008. С. 28–50.

53. Владимирова В. Год службы социалистов капиталистам / В. Владимирова. М.; Л.: Государственное изд-во, 1927. 386 с.

54. Власов П.В. Обитель милосердия / П.В. Власов. М.: Московский рабочий, 1991. 301 с.

55. Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках / В.В. Волков // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–24.

56. Волков В.В. Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

57. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / Е.З. Волков. М.; Л.: Государственное изд-во, 1930. 273 с.

58. Волков Ф.Д. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России / Ф.Д. Волков // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 103–107.

59. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. / П.В. Волобуев; АН СССР, Ин-т истории. М.: Мысль, 1964. 358 с.

60. Вурцер Г. Мир чужой и непостижимый: к образу России Эдвина Эриха Двингера / Г. Вурцер // Россия и русские глазами дальнего зарубежья: сб. статей. Томск: [Б.и.], 2002. С. 31–38.

61. Гавра Д.П. Понятие социального института / Д.П. Гавра // Регион. Экономика, политика, идеология. 1999. № 4–5. С. 14–18.

62. Гавриленков А.Ф. Рославльский уездный Пленбеж (1918–1922 гг.) / А.Ф. Гавриленков // Край Смоленский. 2002. №10–12. С. 17–37.

63. Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена / В.П. Галицкий // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48–63.
64. Гапоненко Л.С. Рабочий класс в 1917 г. / Л.С. Гапоненко. М.: Наука, 1970. 580 с.
65. Гармиза В.В. Из истории Самарской учредилки / В.В. Гармиза // Исторический журнал. 1940. № 8. С. 33–43.
66. Гергилева А.И. Общественность Сибири и отношение к военнопленным Первой мировой войны / А.И. Гергилева // Вестн. Красноярского гос. аграрного ун-та. Красноярск, 2006. Вып. 12. С. 421–426.
67. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
68. Гладкова И. 25 екатеринбургских тайн: очерки / И. Гладкова. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2003. 217 с.
69. Голиков А.Г. Тенденции монополизации российской промышленности 1914–1917 гг.: опыт контент-анализа публикаций отечественных газет / А.Г. Голиков // Круг идей: развитие исторической информатики. Тр. II конф. Ассоциации «История и компьютер». М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, 1995. С. 184–198.
70. Голикова С.В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия / С.В. Голикова // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. Вып. 5. С. 99–110.
71. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне / Н.Н. Головин. М., 2001: Кучково поле. 440 с.
72. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне: в 2-х т. Т. 1. / Н.Н. Головин. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939. 212 с.
73. Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа / С. Гольдин // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 29–47.

74. Гордеев О.Ф. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 — февраль 1917 гг.): Историко-правовые аспекты проблемы / О.Ф. Гордеев // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сб. науч статей Красноярск: Универс, 2002. С. 30–37.
75. Гордеев О.Ф. Использование труда военнопленных в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны: аспекты международного права / О.Ф. Гордеев // Красноярский край: история в документах: тезисы докладов и сообщений науч. конф. Красноярск: КГПУ, 2004. С. 7–13.
76. Гордон Я. Героическая жизнь Мате Залка — генерала Лукача / Я. Гордон. М.: Воениздат, 1959. 163 с.
77. Горовой Ф.С. Из истории рабочего движения в Пермской губернии в 1917 году / Ф.С. Горовой // 1917 год на Урале: сб. статей. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1957. С. 57–103.
78. Гофман А.Б. Обычай как форма социальной регуляции / А.Б. Гофман, В.П. Левкович // Советская этнография. 1973. № 1. С. 14–24.
79. Гражданская война в СССР. В 2-х тт. / под ред. Н.Н. Азовцева. М.: Воениздат, 1980, 1986. 872 с.
80. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / отв. ред. С.С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1987. 702 с.
81. Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) / Н.В. Греков // Немцы. Россия. Сибирь: сб. статей. Омск: Омский гос.-ист. краевед. музей, 1997. С. 154–180.
82. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы / Н.В. Греков. М.: МОНФ, 2000. 356 с.
83. Греньё Ж.-И. Размышления о «критическом повороте» / Ж.-И. Греньё // Одиссей: Человек в истории. 2005. С. 138–151.
84. Григорьева И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки / И.В. Григорьева. М.: Высшая школа, 1984. 335 с.
85. Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе / М.А. Гулина. СПб.: Питер, 2008. 400 с.

86. Гусев А. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений / А. Гусев // Социологическое обозрение. Т. 8. № 2. 2009. С. 72–79.
87. Данилов В.А. Из истории прессы иностранных трудящихся-интернационалистов на Урале и в Сибири в 1918–1921 гг. / В.А. Данилов // Из истории Уральских и Сибирских партийных организаций. Свердловск, 1973. Вып. 7. С. 170–175.
88. Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири / В.А. Данилов. Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во, 1972. 152 с.
89. Данилов В.А. Образование и деятельность иностранных секций на Урале и в Сибири / В.А. Данилов // Науч. тр. Тюменского ун-та. Сб. 3: Из истории международных связей и отношений. Тюмень, 1974. С. 22–76.
90. Дашкевич Л.А. Благотворительность на Урале / Л.А. Дашкевич, В.П. Микитюк и др. Екатеринбург: СВ-96, 2001. 255 с.
91. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. 608 с. (Новая история).
92. Дмитриев А.В. Состав и положение лесных рабочих горнозаводского Урала в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А.В. Дмитриев // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С. 99–101
93. Дройзен И. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории / И. Дройзен. СПб.: Владимир Даль, 2004. 581 с.
94. Дунаевский А.М. Подлинная история Кароя Лигети / А.М. Дунаевский. М.: Воениздат, 1969. 192 с.
95. Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья / В.С. Дякин // Первая мировая война. 1914–1918. М.: Наука, 1968. С. 227–238.
96. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917) / В.С. Дякин. Л.: Наука, 1967.
97. Евсеева О.Н. Карла Либкнехта, 44 / О.Н. Евсеева // Свод памятников истории и культуры. Екатеринбург: Сократ, 2007. Т. 1. С. 210–213.

98. Енсен Б. Гуманитарная помощь и политика: миссия Датского КК в России 1918–1919 гг. / Б. Енсен // Первая мировая война. Пролог XX века. М.: Наука, 1998. С. 515–536.
99. Енсен Б. Миссия Датского Красного Креста в России, 1918–1919 гг. / Б. Енсен // Отечественная история. 1997. № 1. С. 27–41.
100. Жарова А.С. Положение военнопленных Первой Мировой войны в Тобольской губернии / А.С. Жарова // Изв. Уральского гос. ун-та. 2009. № 4(66). С. 72–80.
101. Загороднюк Н.И. Депортация населения в годы Первой мировой войны / Н.И. Загороднюк // Ежегодн. Тюменского обл. краеведческого музея. 1996. Тюмень, 1998. С. 90–99.
102. Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 Т. 1–3 / А.М. Зайончковский. М.: Воениздат, 1938–1939.
103. Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография / Ю.П. Зарецкий. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
104. Заславская Т.И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса / Т.И. Заславская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 6. С. 13–18.
105. Захаров А.М. Он же. Создание 1-й сербской добровольческой дивизии на Юге России в 1916 году / А.М. Захаров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5(11). Ч. II. С. 82–86.
106. Захаров А.М. Славянские вооруженные формирования в России (1917–1920 гг.): «встреча революций» или «проданный корпус» / А.М. Захаров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 5(19). Ч. II. С. 76–78.
107. Зверева Д.М. Военнопленные Первой мировой войны в Красноярске / Д.М. Зверева // Межвуз. конф. студентов и аспирантов. Красноярск, 2003. С. 170–172.
108. Зимина В.Д. Белочешский мятеж и германофильская монархическая контрреволюция. Попытки взаимодействия и их крах / В.Д. Зимина // Великий

Октябрь и крах непролетарских партий в России: сб. науч. тр. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1989. С 137–145.

109. Зиновьев В.П. Этнический аспект общественного движения в Сибири и на Дальнем Востоке накануне революции 1917 г. / В.П. Зиновьев, Е.в. Карих // Исторический ежегодн. Омск: Омский гос. ун-т, 1999. С. 85–91.

110. Зосимский К. Руководство к изучению форм и порядка делопроизводства / К. Зосимский. 2-е изд. СПб.: В тип. Якова Трея, 1885. 320 с.

111. Зубков К.И. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.) / К.И. Зубков, И.В. Побережников. Екатеринбург: АМБ, 2003. 94 с.

112. Зубов Д.Ю. Народы Востока и Калужский край: ссыльные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX — начале XX веков / Д.Ю. Зубов и др. Калуга: Изд-во научной литературы Н.Ф. Бочкаревой, 2009. 241 с.

113. Иванов С. Американская агрессия на советском Дальнем Востоке / С. Иванов. Владивосток: Примиздат, 1952. 98 с.

114. Иванов Ю.А. Военнопленные Первой мировой в российской провинции / Ю.А. Иванов // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 100–105.

115. Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.) / Т.Я. Иконникова. Хабаровск: тип. Хабаровск. УПП ВОС, 2004. 178 с.

116. Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица / Н.В. Иллерицкая // Советская историография: сб. статей. М.: РГГУ, 1996. С. 162–187.

117. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке республики. Т. 2 / отв. ред. А.Я. Манусевич. М.: Наука, 1971. 288 с.

118. Интернациональное братство. Об опыте интернациональных связей Свердловской области. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 206 с.

119. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) // Пролетарская революция. 1938. № 10.

120. История первой мировой войны 1914–1918. В 2-х т. / под ред. И.И. Ростунова. М.: Наука, 1975. Т.1. 446 с.; Т.2. 607 с.
121. История Урала в период капитализма / отв. ред. Д.В. Гаврилов. М.: Наука, 1990. 504 с.
122. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Рос. истории: учебное пособие для студентов вузов / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т «Открытое общество». М.: РГГУ, 2000. 701с.
123. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М.: Высшая школа, 2004. 686 с.
124. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки / В.А. Исупов. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
125. Йованович М. Ось Белград — Омск / М.Йованович // Родина. 2003. № 10. С. 92–94.
126. К 75-летию начала первой мировой войны: материалы конф. М.: Ин-т истории СССР, 1990. 41 с.
127. Кабузан В. Движение населения в Российской империи / В. Кабузан // Отечественные зап. 2004. № 4(18). С. 82–93.
128. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940 / Ж. Кадио. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.
129. Казаков А. Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября: опыт сравнительной статистики / А. Казаков. М.; Л.: Государственное изд-во, 1930. 182 с.
130. Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком / Н.Е. Какурин. М.; Л.: [Б.и.], 1928. 80 с.
131. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1: 1917–1918 годы / Н.Е. Какурин; ред. А.П. Ненароков. М.: Политиздат, 1990. 272 с.
132. Калякина А.В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922) / А.В. Калякина. М.: Кучково поле, 2014. 304 с.

133. Карелин В.А. Проблема интернирования военнопленных Первой мировой войны / В.А. Карелин // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 93–105.
134. Кирьянов Ю.И. Влияние первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России / Ю.И. Кирьянов // Вопросы истории. 1960. № 10. С. 89–102.
135. Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 гг.) / Ю.И. Кирьянов // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.
136. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция / Т.М. Китанина. Л.: Наука, 1985. 384 с.
137. Клеванский А. Военнопленные центральных держав в царской и революционной России / А. Клеванский // Интернационалисты в боях за власть Советов. М.: Мысль, 1965. С. 21–65.
138. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. / А.Х. Клеванский. М.: Наука, 1965. 397 с.
139. Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: К постановке проблемы / И.Д. Ковальченко // История СССР. 1982. № 3. С. 129–148.
140. Колоницкий Б.И. Евреи и антисемитизм в делах по оскорблению членов российского императорского дома (1914–1916 гг.) / Б.И. Колоницкий // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 84–98.
141. Кондратьев А.В. Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. / А.В. Кондратьев, П.П. Щербинин // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. №12(80). С. 354–357.
142. Коновалов Ф.Я. Немецкие и австрийские военнопленные на территории Вологодской губернии в годы Первой мировой войны / Ф.Я. Коновалов, К.А. Вельямидов // 1941–1945: Уроки войны — уроки правды, мужества и патриотизма: материалы межрегион. научно-практ. конф. Вологда: ВГПУ; Изд-во «Русь», 2006. С. 298–306.

143. Котек Ж. Век лагерей: Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний / Ж. Котек, П. Ригуло. М.: Текст, 2003. 686 с.
144. Кротт И.И. Использование труда военнопленных в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в годы Первой мировой войны / И.И. Крот // Омский научный вестн. 2012. № 4 (111). С. 24–27.
145. Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны / И.В. Крючков. Ставрополь; Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 143 с.
146. Кун И. Бела Кун / И. Кун. М.: Молодая гвардия, 1968. 336 с.
147. Куприянов П.С. Просвещенные россияне в плену у «варваров» (по материалам рубежа XVIII–XIX вв.) / П.С. Куприянов // Мужской сб. Вып. 3: Мужчина в экстремальной ситуации. М.: Индрик, 2007. С. 101–115.
148. Курцев А.Н. Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. / А.Н. Курцев // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2008. № 3(13). С. 82–92.
149. Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны / П.А. Кюнг. М.: РГГУ, 2012. 240 с.
150. Лавров А.С. «Полоняники» как социальная группа: Правовой статус и реинтеграция бывших военнопленных в Московском государстве / А.С. Лавров // *Cahiers du monde russe*. 2010. № 2–3 (Vol. 51). P. 241–257.
151. Лапин В. Армии империи — империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI — начале XX вв. / А. Лапин // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 109–127.
152. Лахарева Н.В. Государственный аппарат Советской России по эвакуации населения в 1918–1923 гг. / Н.В. Лахарева // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны: материалы Всерос. конф. М.: РГГУ, 1998. С. 171–181.
153. Левин М., ван. Создание HISCO / М. ван Левин, И. Маас, Э. Майлс // Историческое профессиоведение: сб. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. С. 16–56.

154. Лелевич Г. В дни самарской учредилки / Г. Лелевич. М.: Госиздат, 1921. 43 с.
155. Лепехина Г.И. Проблемы плена: различные аспекты / Г.И. Лепехина // Советский плен глазами узников Моршанского концлагеря 1940-х гг.: материалы Междунар. науч. конф.-выставки. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 33–36.
156. Ломцов А.А. Военнопленные в Южном Зауралье в годы первой мировой войны / А.А. Ломцов // Социально-экономические отношения в Сибири и на Урале во второй половине XIX–XX вв. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2002. С. 78–87.
157. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Э. Лор. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
158. Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются: Военнопленные в крестьянской России / Д. Люкшин // Родина. 2002. № 10. С. 24–27.
159. Люкшин Д. Немецкие военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта / Д. Люкшин // Обошщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М.: АИРО-XXI, 2010. Т. 1. С. 723–740.
160. Лямзаев С.В. Участие военнопленных Германии и Австро-Венгрии в модернизации речной инфраструктуры Нижнего Дона (1914–1918 гг.) / С.В. Лямзаев // Изв. высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2011. № 4. С. 29–34.
161. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны / И.В. Маевский. М.: Госполитиздат, 1957. 392 с.
162. Мазлер В. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак / В. Мазлер // Байкал. 1970. № 5. С. 141–149.
163. Макинтайр А. После добродетели / А. Макинтайр. М.: Академический проект, 2000. 384 с. (Концепции).
164. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки / Д.Н. Мамин-Сибиряк // Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи и очерки. Свердловск: ОГИЗ, 1947. С. 11–52.

165. Манусевич А. Состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в России в 1917–1920 гг. / А. Манусевич // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М.: Наука, 1967. С. 13–46.
166. Марков С. Зверства немцев в первую мировую войну / С. Марков. М.: Воениздат НКО СССР, 1941. 37 с.
167. Маркова В.А. Использование труда военнопленных и меннонитов в работе Самарского управления государственных имуществ в годы Первой мировой войны / В.А. Маркова // Изв. Самарского науч. центра РАН. Спец. вып. «Актуальные проблемы истории и археологии». Самара, 2006. С. 48–52.
168. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2-х т. Т. 2. / Ф.Ф. Мартенс; ред. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2008. 251 с.
169. Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов императорской семьи в годы Первой мировой войны / Н.Л. Матвеева. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 106 с.
170. Матущак Л.В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале / Л.В. Матущак // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Междунар. научно-практ. конф. Вологда: [б.и.], 1997. Ч. 1. С. 173–174.
171. Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.) / Е.И. Медведев. Саратов: Саратовский ун-т, 1974. 352 с.
172. Мельников В.П. История социальной работы в России: учебное пособие / В.П. Мельников, Е.И. Холостова. М.: Дашков и К, 2001. 344 с.
173. Миллер А. Империя Романовых и национализм / А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
174. Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков: очерки истории / М.Б. Мирский. М.: РОССПЭН, 2005. 632 с.
175. Мишель де Серто. Изобретение повседневности. Ч. 1. Искусство делать / М. де Серто. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 332 с. (Прагматический поворот).
176. Могильнер М. Ното іпретіі. История физической антропологии в России / М. Могильнер. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 505 с.

177. Молчанов О.П. Олеко Дундич / О.П. Молчанов. Киев: Госполитиздат УССР, 1959. 108 с.
178. Мосина И.Г. Некоторые вопросы рабочей политики буржуазии Сибири в годы первой мировой войны / И.Г. Мосина // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Конец XIX — 1918 г. Томск, 1976.
179. Мосс М. Общества, обмен, личность / М. Мосс. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1996. 359 с. (Этнографическая библиотека).
180. Мукомолов А.Ф. На Южноуральских заводах. Кн. V: 1900–1922 / А.Ф. Мукомолов. М.: Территория, 2004. 424 с.
181. Муратов И. Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918–1922 годах (Обзор литературы) / И. Муратов // Военно-исторический журнал. 1960. № 5. С. 19–21.
182. Мымрин Г.Е. Американские империалисты — вдохновители и организаторы военной интервенции против Советской России (1918–1920 гг.) / Г.Е. Мымрин. Архангельск: ОГИЗ, 1951. 48 с.
183. Нагорная О.С. Другой военный опыт: Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922) / О.С. Нагорная. М.: Новый хронограф, 2010. 441 с.
184. Нагорная О.С. Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы Первой мировой войны / О.С. Нагорная // Отечественная история. 2008. № 5. С. 225–226.
185. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И.В. Нарский. М.: РОССПЭН, 2001. 613 с. (Социальная история России XX века).
186. Нарский И.В. Революция и реорганизация пространства (на примере Урала 1917–1922 гг.) / И.В. Нарский // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М.: МВШСЭН, 2007. Т. XIV. С. 281–289.
187. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения / Р. Нахтигаль. СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.

188. Нахтигаль Р. Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. / Р. Нахтигаль // Опыт мировых войн в истории России: сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 83–94.
189. Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «Центральных держав»: Депортации в России, 1914–1918 / С.Г. Нелипович // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32–42.
190. Ненароков А.П. Восточный фронт 1918 / А.П. Ненароков. М.: Наука, 1969. 280 с.
191. Ненашева З.С. Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма / З.С. Ненашева // Родина. 2001. № 1. С. 131.
192. Ненашева З.С. Социально-политические аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и проблема освобождения военнопленных (сентябрь 1914 — февраль 1917 г.) / З.С. Ненашева // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: Историческая память. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 32–48.
193. Нещеретний П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России / П.И. Нещеретний. М.: Союз, 1993. 31 с.
194. Ниманов И.Б. Развитие нормативно-правовой базы содержания и использования военнопленных в начальный период Первой мировой войны / И.Б. Ниманов // Актуальные проблемы региональной истории: экономика, политика, право. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2005. С. 86–99.
195. Ниманов И.Б. Численность и этнический состав иностранных военнопленных в России в годы первой мировой войны / И.Б. Ниманов // Опыты историко-антропологических исследований. 2009. Науч. работы студентов и аспирантов. М.: Ком-информ, 2009. С. 90–96.
196. Оськин М.В. Армия и продовольственное снабжение / М.В. Оськин // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 52–54.
197. Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы / М.В. Оськин. М.: Вече, 2014. 448 с.
198. Очак И.Д. Данило Сердич — красный командир / И.Д. Очак. М.: Изд-во политической литературы, 1964. 85 с.

199. Ощепков Л. Чужие среди чужих: Взаимоотношения военнопленных и населения Пермской губернии в годы Первой мировой войны / Л. Ощепков // Ретроспектива: Пермский историко-архивный журнал. 2008. № 6(11). С. 22–28.
200. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // THESIS. 1993. Вып. II. Т. 1. С. 94–122.
201. Первая мировая война. М.: Наука, 1968. 374 с.
202. Первая мировая война: история и психология: материалы Рос. науч. конф. / под ред. Старцева В.И. и др. СПб.: Нестор-История, 1999. 158 с.
203. Первая мировая война: политика, идеология, историография. К 75-летию начала войны: межвуз. сб. Куйбышев: КГУ, 1990. 155 с.
204. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии 1827–1914 гг. / Й. Петровский-Штерн. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
205. Пивоварчик С. Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) / С. Пивоварчик // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 71–83.
206. Писаренко И.С. Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны / И.С. Писаренко и др. Калуга: Ин-т повышения квалификации работников образования, 2001. 88 с.
207. Погребинский А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны / А.П. Погребинский // Исторические зап. 1950. Т. 31. С. 37–60.
208. Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале 1917–1918 гг. (опыт военно-исторического исследования) / И. Подшивалов. М.: Госвоениздат, 1925. 120 с.
209. Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. / В.С. Познанский. Новосибирск: Наука, 1973. 313 с.
210. Познахирев В.В. Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. / В.В. Познахирев. СПб.: Нестор-История, 2014. 292 с.

211. Покровский М.Н. Империалистическая война: сб. статей / М.Н. Покровский. Изд. 2-е. 1915–1930. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. 448 с.
212. Полани М. Личностное знание / М. Полани; пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
213. Поликарпов В.В. Военнопленные в лагерях под Ижевском в 1915–1916 гг. / В.В. Поликарпов // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 94–105.
214. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население / Ю.А. Поляков. М.: Наука, 1986. 270 с.
215. Попов Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы первой мировой войны / Н.А. Попов // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 76–77.
216. Поршнева О.С. Обеспечение общественных интересов на локальном уровне: Урал в годы Первой мировой войны / О.С. Поршнева // Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX — начала XX в.: социальный аспект. Екатеринбург: БКИ, 2011. С. 312–345.
217. Пронина Н.А. Лайош Гавро / Н.А. Пронина. М.: [Б.и.], 1966. 25 с.
218. Прохоров Б.Б. Здоровье россиян за 100 лет / Б.Б. Прохоров // Человек. 2002. № 1–2. С. 60–61.
219. Пылькин В.А. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на Рязанской земле в годы мировой войны и революции / В.А. Пылькин. М.: Горячая линия – Телеком, 2013. 236 с.
220. Рашин А.Г. О численности и территориальном размещении рабочих России в период капитализма / А.Г. Рашин // Исторические зап. Т. 46. С. 127–181.
221. Ремарк Э.М. Возлюби ближнего своего. Ремарк Э.М. Возлюби ближнего своего. Триумфальная арка: Романы / Э.М. Ремарк. М.: Lexica, 1993. 734 с.
222. Родионова М.А. Профессиональный состав служащих Алтайского горного округа (XIX — начало XX вв.) / М.А. Родионова // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа: сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008. С. 149–181.
223. Розенберг В. Проблема социального консенсуса в работах Ю. Хабермаса / В. Розенберг // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 116–121.

224. Рокина Г.В. Иностранцы пленные Первой мировой войны в Марийском крае / Г.В. Рокина // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 1. С. 72–77.
225. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 5: Урал и Приуралье / под. ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского; сост. Г.Н. Кирилин и др. СПб.: издание А.Ф. Девриена, 1914. 669 с.
226. Рощевский П.И. Гражданская война в Зауралье / П.И. Рощевский. Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во, 1966. 339 с.
227. Русанов Ф. Основания письмоводства или общее изложение теории и практики канцелярского дела / Ф. Русанов. М.: тип. Н. Степанова, 1839. 190 с.
228. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.) / В.М. Рынков. Новосибирск: [б.и.], 2008. 440 с.
229. Саввиатова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны / М.Д. Саввиатова // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 113–122.
230. Савин А.И. «Приводные ремни масс»: немецкие секции ВКП (б) и немецкоязычная партийная печать в Сибири в 1920-е годы / А.И. Савин // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2000. Вып. 2. С. 133–144.
231. Сафронов Д.А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы Первой мировой войны / Д.А. Сафронов // Немцы и Оренбургский край: материалы обл. науч. конф. Оренбург: [б.и.], 1994. С. 25–26.
232. Светачёв М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922) / М.И. Светачёв. Новосибирск: Наука, 1983. 334 с.
233. Сейерс М. Тайная война против Советской России / М. Сейерс, А. Кан. М.: Государственное изд-во иностранной литературы, 1947. 480 с.
234. Селезнева В.Т. Очерки истории медицины в Пермской губернии / В.Т. Селезнева. Пермь: Пермская гос. медицинская академия, 1997. 124 с.
235. Семенова Е.Ю. Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губернии в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918): учебное пособие / Е.Ю. Семенова. Самара: Изд-во «НТЦ», 2001. 78 с.

236. Семенова Е.Ю. Военнопленные как фактор формирования городской среды Поволжья в годы Первой мировой войны / Е.Ю. Семенова // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1–2. С. 107–110.
237. Семенова Е.Ю. Межличностные контакты женщин поволжского города с военнопленными в период Первой мировой войны: столкновение индивида с коллективной психологической установкой / Е.Ю. Семенова // Частное и общественное: Гендерный аспект: материалы IV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. в г. Ярославле. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 475–479.
238. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки / Е.С. Сенявская // Военно-историческая антропология: Ежегодник 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–22.
239. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
240. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 1999. 384 с.
241. Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем / О.А. Сергеева // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 104–114.
242. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала / С.П. Сигов. Свердловск: Свердловгиз, 1936. 292 с.
243. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны / А.Л. Сидоров. М.: Наука, 1973. 662 с.
244. Сидорова Л.А. Смена поколений историков и инновационные процессы в отечественной исторической науке в XX веке / Л.А. Сидорова // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского: сб. статей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 428–442.
245. Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков / Л.А. Сидорова. М.: ИРИ РАН, 2008. 294 с.
246. Сидорова Л.А. Советская историческая наука: Разрыв российской историографической традиции? / Л.А. Сидорова // Историческое познание:

традиции и новации: тез. Междунар. теоретической конф. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1993. Ч. 1. С. 168–170.

247. Скубневский В.А. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических / В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров // Изв. Алтайского гос. ун-та. 1998. № 3(8). С. 58–62.

248. Слукин В.М. Тайны уральских подземелий / В.М. Слукин. Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во, 1988. 266 с.

249. Случевский Н. Чехословацкий мятеж / Н. Случевский // Военный вестн.: Общевоинской пехотный журнал. 1938. № 9. С. 7–12.

250. Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) / С.А. Солнцева // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 98–105.

251. Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) / С.А. Солнцева // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143–149.

252. Софинов П. Чехословацкий мятеж / П. Софинов // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 47–60.

253. Социальная политика: энциклопедия / под ред. д.э.н., проф. Н.А. Волгина и д.ф.н., проф. Т.С. Сулимовой. М.: Изд-во «Альфа-Пресс», 2006. 416 с.

254. Социальное Государство. Краткий словарь-справочник / Н.Н. Гриценко и др. М.: АТиСО, 2002. 449 с.

255. Старков В. Мой город: Екатеринбург в памятниках истории и культуры / В. Старков. Екатеринбург: БКИ, 2005. 201 с.

256. Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: пособие по спецкурсу / А.Д. Степанский. М.: МГИАИ, 1982. 92 с.

257. Субаев Н. Турецкие военнопленные в Поволжье: фрагменты истории (1915–1919 гг.) / Н. Субаев // Гасырлар авазы (Эхо веков): научно-документальный журнал. 1999. № 1/2. С. 280–282.

258. Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.) / Н.В. Суржикова. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2006. 500 с.

259. Суржикова Н.В. Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914–1917 гг.) / Н.В. Суржикова // Проблемы отечественной истории: источники,

историография, исследования: сб. науч. статей. СПб.; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. С. 90–121.

260. Суржикова Н.В. Мифу миф? Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на востоке России в зеркале советской историографии / Н.В. Суржикова // Гражданская война на востоке России: материалы Всерос. науч. конф. Пермь: Пушка, 2008. С. 265–273.

261. Суржикова Н.В. Повседневность уральского плена: взгляд изнутри (конец 1916 — первая половина 1917 г.) / Н.В. Суржикова // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 28. Сер.: История. Вып. 34. С. 167–173.

262. Суржикова Н.В. «Мы были в шоке»: Советский плен и интернирование как стресс аккультурации / Н.В. Суржикова // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2009. № 3. С. 132–143.

263. Суржикова Н.В. Сомнительный эксперимент: трудоиспользование военнопленных в аграрном секторе экономики Урала в 1915–1917 гг. / Н.В. Суржикова // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: сб. статей. Вологда: Граффити, 2010. С. 181–196.

264. Суржикова Н.В. Труд иностранных граждан в СССР в 1945–1956 гг.: проблемы изучения / Н.В. Суржикова // Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950). М.: РОССПЭН, 2010. С. 242–255.

265. Суржикова Н.В. Военнопленные в Богословском горном округе: статистика и экономика / Н.В. Суржикова // Изв. Уральского гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 3(93). С. 110–129.

266. Суржикова Н.В. «Лишить», «заставить», «отобрать»: Практики принуждения и насилия в пространстве российского плена 1914–1917 гг. / Н.В. Суржикова // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 603–609.

267. Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1922 гг.: социологическое измерение (по материалам Урала) / Н.В. Суржикова // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2012. № 4. С. 44–56.

268. Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии / Н.В. Суржикова // *Cahiers du Monde russe*. 2012. 53/1. С. 247–266.
269. Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.) / Н.В. Суржикова. М.: РОССПЭН, 2014. 426 с.
270. Суржикова Н.В. Эксплуатация веры: конфессиональный фактор в российском праве военнопленных конца XVII — начала XX века / Н.В. Суржикова // *Война и сакральность: материалы IV Междунар. науч. чт. «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»*. СПб.: ИВИ РАН, 2009. С. С. 152–155.
271. Сэнборн Дж. Семья, братство и национальное строительство в России 1905–1925 гг. / Дж. Сэнборн // *Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*. М.: РОССПЭН, 2011. С. 117–138.
272. Талапин А.Н. Военнопленные славяне на территории Омского военного округа (1914–1917 гг.) / А.Н. Талапин // *Актуальные проблемы гуманитарных наук: межвуз. сб. науч. тр.* Омск: ОмЮИ, 2003. С. 128–134.
273. Талапин А.Н. Попечительство как проявление отношения населения Западной Сибири к иностранным военнопленным (1914 — февраль 1917 гг.) / А.Н. Талапин // *Актуальные проблемы отечественной истории XVI — начала XX вв.: межвуз. сб. науч. тр.* Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып.2. С. 180–192.
274. Таяев А.П. Вводный очерк / А.П. Таяев // *Рабочий класс Урала в годы войны и революции*. Свердловск: Уралпрофсовет, 1927. Т. 1. С. VII–32.
275. Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности) / К.Н. Тарновский. М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. 263 с.
276. Татаров Б. Чехословацкие части в России, 1914–1917 гг. / Б. Татаров, Б. Пануш // *Цейхгауз*. 2001. № 4. С. 28–35.
277. Телицын В.Л. Первая мировая война: возвращение домой...: (Русские военнопленные и государство, 1917–1922 гг.) / В.Л. Телицын // *Духовность: Журнал гуманитарных исследований*. 2002. Кн. 2 (апр.–сент.). С. 96–133.
278. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник / В.Л. Толстых. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1032 с.

279. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. М.: Весь мир, 2000. 296 с.
280. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) / А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2014. 327 с.
281. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX — начало XX века / Г.Н. Ульянова. М.: Наука, 2005. 403 с.
282. Урал в гражданской войне / отв. ред. О.А. Васьковский; науч. ред. А.В. Бакунин. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1989. 333 с.
283. Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик) / М.А. Фельдман. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2001. 429 с.
284. Фёрстер Ш. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. / Ш. Фёрстер // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы: материалы Междунар. интернет-семинара. М.: АИРО, 2005. С. 11–28.
285. Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. (Совет министров в 1914–1917 гг.) / М.Ф. Флоринский. Л.: ЛГУ, 1988. 208 с.
286. Фон Хаген М. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы / М. Хаген, фон // Отечественная история. 2004. № 5. С. 37–49.
287. Фрейдлин Б.М. Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. / Б.М. Фрейдлин. М.: Наука, 1967. 336 с.
288. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 416 с.
289. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1999. 480 с.
290. Хабас Р. К истории борьбы с чехословацким мятежом / Р. Хабас // Пролетарская революция. 1928. № 5(76). С. 56–65.

291. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства (текст статьи) / Ю. Хабермас // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 364–380.
292. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас // Вестн. Московского гос. ун-та. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. С. 36–43.
293. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: ad Marginem, 1997. XI+452 с.
294. Хвостов В.М. Общая история права: Элементарный очерк / В.М. Хвостов. М.: Университетская тип., Страстной бульвар, 1905. 211 с.
295. Хильченко М.П. Иностранцы группы РКП(б) на Урале / М.П. Хильченко // Из истории партийных организаций Урала: Учен. зап. Уральского ун-та. Серия ист. № 3(43). Свердловск: [б.и.], 1966. С. 3–12.
296. Хильченко М.П. Интернационалисты на Урале (1917–1918 гг.) / М.П. Хильченко // Из истории партийных организаций Урала: тр. кафедры истории КПСС. Свердловск: [б.и.], 1962. С. 3–6.
297. Хильченко М.П. Работа иностранных групп РКП(б) по формированию интернациональных частей Красной Армии на Урале / М.П. Хильченко // Из истории Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства на Урале: материалы науч. конф. Свердловск: [б.и.], 1966. С. 38–40.
298. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.
299. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий XX век. 1914–1991 / Э. Хобсбаум. М.: Изд-во «Независимая газета», 2004. 632 с.
300. Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России / П. Холквист // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 139–179.
301. Храмцова Н.А. Идеино-политическая и культурно-воспитательная работа большевиков Дальнего Востока среди военнопленных и иностранного населения (1918–1922 гг.) / Н.А. Храмцова // Из истории Дальнего Востока. Хабаровск: [б.и.], 1976. С. 6–24.

302. Хромов А.П. Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917 / А.П. Хромов. М: Государственное изд-во политической литературы 1950. 552 с.
303. Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация / В.В. Хрулев. М.: Воениздат НКО, 1940. 100 с.
304. Хрящева А. Крестьянство в войне и революции: статистико-экономические очерки / А. Хрящева; Центральное статистическое управление. М.: 16-я тип. М.С.Н.Х. бывшая городская, 1921. 45 с.
305. Царева Е.С. Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Сибири / Е.С. Царева // Южно-Российский музыкальный альманах. 2012. № 1. С. 78–88.
306. Цвилюк С.А. Защищая дело Октября: Зарубежные интернационалисты в Одессе, 1917–1920 гг. / С.А. Цвилюк. Одесса: Маяк, 1987. 270 с.
307. Цвилюк С.А. Оружие пролетарской солидарности: печать зарубежных интернационалистов в 1918–1920 гг. / С.А. Цвилюк. Киев; Одесса: Виша школа, 1986. 205 с.
308. Чагин Г.Н. Беженцы Первой мировой войны в Чердынском крае: история переселения, обустройство на новом месте, дальнейшие судьбы / Г.Н. Чагин // Вестн. Пермского ун-та. Сер.: История. 2010. № 1(13). С. 54–64.
309. Чащин А.В. Воспроизводство городского населения Среднего Урала в 1914–1923 гг. / А.В. Чащин // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сб. материалов II Всерос. молодёжной науч. конф. Новосибирск: Нонпарель, 2012. С. 182–190.
310. Черепенина Н.Д. Иностраные коммунистические группы и их деятельность (1918–1920 гг.) / Н.Д. Черепенина // Пролетарский интернационализм — боевое знамя коммунистической партии: сб. статей. М.: Издание ВПШ при ЦК КПСС, 1959. С. 180–230.
311. Швецова-Водка Г.Н. Документ в свете ноокоммуникологии: науч.-практ. пособие / Г.Н. Швецова-Водка. М.: Литера, 2010. 384 с. (Современная библиотека. Вып. 65.)
312. Шевелева О.В. Применение труда военнопленных и беженцев в сельском хозяйстве в годы I Мировой войны (по материалам Тульской губернии) /

- О.В. Шевелева // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т. 6. № 2. С. 95–99.
313. Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Т. Шеллинг. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с. (Международные отношения).
314. Шестаков А. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г. / А. Шестаков. Л.: Прибой, 1927. 191 с.
315. Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918) / Г.И. Шигалин. М.: Воениздат, 1956. 332 с.
316. Шкерин В.А. Легенды и были екатеринбургской усадьбы Расторгуева-Харитоновна / В.А. Шкерин // Сведомские чт.: избранные доклады и материалы IV и V чт. Чайковский: ЧТИ ИжГТУ; Фонд «Музей-усадьба Сведомских», 2010. С. 18–24.
317. Шнейдер И. Революционное движение среди военнопленных в России 1915–1919 гг. / И. Шнейдер // Борьба классов. 1935. № 3. С. 54–56.
318. Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия / С.С. Шугальский // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.
319. Щербаков Ю.Н. Писатель, агитатор, боец / Ю.Н. Щербаков. М.: Политиздат, 1966. 120 с.
320. Щербаков Ю.Н. Зарубежные интернационалисты в борьбе против интервентов и белогвардейцев на Урале и в Сибири / Ю.Н. Щербаков, В.А. Данилов // Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке республики. М.: Наука, 1971. С. 67–145.
321. Щербинина Ю.В. Военнопленные в Тамбовской губернии в XIX – начале XX века: вопросы межкультурной коммуникации / Ю.В. Щербинина // Советский плен глазами узников Моршанского концлагеря 40-х годов: материалы междунар. науч. конф.-выставки. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2008. С. 36–42.
322. Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. / И.П. Щеров. Смоленск: СГПУ, 2000. 314 с.

323. Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. / И.П. Щеров. Смоленск: СГПУ, 2000. 95 с.
324. Щетинина А.С. Профессиональный состав беженцев Первой мировой войны в Томской губернии / А.С. Щетинина // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа: сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008. С. 226–245.
325. Элиас Н. О процессе цивилизации. В 2-х тт. / Н. Элиас. М.: Университетская книга, 2001. 714 с.
326. Эльфонд Я.А. О деятельности иностранных групп РКП(б) в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920 гг.) / Я.А. Эльфонд // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. Т. IX. Вып. кафедры истории КПСС. Саратов, 1958. С. 136–137.
327. Юдина Л.С. Рабочее движение на Урале в годы первой мировой империалистической войны / Л.С. Юдина // Рабочий класс Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): сб. науч. тр. Свердловск [б.и.], 1988. С. 92–104.
328. Ярославский Е. Краткие очерки по истории ВКП(б). Ч. 2. / Е. Ярославский. М.; Л.: Государственное изд-во, 1929. 486 с.
329. Abbai O. Les prisonniers de la Grande Guerre / O. Abbai // Guerres mondiales et conflits contemporaines. A. 37 (1987). S. 5–30.
330. Andrew D. Anthropology at War: World War I and the Science of Race in Germany / D. Andrew. Chicago: University of Chicago Press Language, 2010. 312 p.
331. Applebaum A. GULAG: A History / A. Applebaum. London: Doubleday, 2003. 677 p.
332. Bagiński H. Wojska polskie na Wschodnie. 1914–1920 / H. Bagiński. Warszawa: Bellona, 1921. 631 s.
333. Banac I. South Slav Prisoners of World War in Revolutionary Russia / I. Banac // Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York: Brooklyn College Press, 1983. P. 119–148.
334. Bauman Z. Modernity and ambivalence / Z. Bauman. Cambridge: Polity Press, 1991. 304 p.

335. Bayer H. Presse- und Nachrichtenwesen der im Weltkrieg kriegsgefangenen Deutschen / H. Bayer. Berlin: Dr. Ebeling u. Dr. Hiehold Verl., 1939. 161 s.
336. Becker A. Oublies de la grande guerre. Humanitaire et culture de guerre. Populations occupées, déportés civils, prisonniers de guerre / A. Becker. Paris: Noësis, 1998.
337. Bériac-Lainé F. Les prisonniers de la bataille de Poitiers / F. Bériac-Lainé, C. Given-Wilson. Paris: Honoré Champion, 2002. 485 p.
338. Beyrau D. Old Prejudices and New Opportunities. Jews in the Russian Armed Forces, 1900 to 1926 / D. Beyrau // Osteuropa. 2003. Vol. 53. № 12. P. 1793–1809.
339. Bourdieu P. Outline of A Theory of Practice / P. Bourdieu; trans. R. Nice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 255 p.
340. Bouthoul G. Les guerres — Elements de polemologie / G. Bouthoul. Paris: Payot, 1951. 550 pp.
341. Bouthoul G. Traite de polemologie / G. Bouthoul. Paris: Payot, 1970.
342. Bradley J. La Legion Czechoslovaque in Russie 1914–1920. Paris, 1968.
343. Cadiot J. Le laboratoire imperial: Russie — URSS, 1860–1940 / J. Cadiot. Paris: CNRS Éditions, 2007. 266 p.
344. Captifs en Méditerranée (XVI–XVIII siècles). Histoires, récits et légendes / Sous la dir. de F. Moureau. Paris: PUPS, 2008. 270 p.
345. Certeau M. The Practice of Everyday Life / M. Certeau. Berkeley: University of California Press, 1984. 229 p.
346. Davis G. Deutsche Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg in Rußland / G. Davis // Militärgeschichtliche Mitteilungen (Freiburg). Bde. 31 (1982). S. 37–49.
347. Davis G. National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia, 1914–1918 / G. Davis // Journal of Contemporary History. Vol. 28. № 1 (Jan., 1993). P. 31–52.
348. Davis G. Prisoner of War Camps as Social Communities in Russia: Krasnoyarsk 1914–1921 / G. Davis // East European Quarterly (Boulder/Colorado). Vol. 21 (1987). S. 147–163.
349. Davis G. Prisoners of War in Twentieth-Century War Economies / G. Davis // Journal of Contemporary History. Vol. 12. № 4 (Oct., 1977). P. 623–634.

350. Davis G. Resort to Eloquence: Amateur Writers of German in Russian Prisoner of War Camps 1914–1921 / G. Davis // *Germano-Slavica* (Waterloo/Ontario). Vol. 5 (1986). № 3. S. 89–105.
351. Davis G. Sport in Siberia 1917: A Rare Document / G. Davis // *Journal of Sport History*. Vol. 8 (1981). S. 111–114.
352. Davis G. The life of Prisoners of War in Russia 1914–1921 / G. Davis // *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War* / Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor, ed. New York: Columbia University Press, 1983. P. 163–197.
353. Dietrich G. Rezension zu Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920 / G. Dietrich // *Das historisch-politische Buch*. Bde. 42 (1994). S. 468.
354. Durkheim E. *Pragmatisme et sociologie* / E. Durkheim. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1955. 212 p.
355. Durkheim E. *Qui a voulu la gyerre?* / E. Durkheim, E. Denis. Paris: Colin, 1915. 67 p.
356. Eisner L. *Ausländerbeschäftigung und Zwangsarbeitspolitik in Deutschland während des Ersten Weltkrieges* / L. Eisner // *Auswanderer, Wanderarbeiter, Gastarbeiter*. Vol. 2. Ostfildern, 1984. P. 527–557.
357. *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War* / Ed. S.R. Williamson and P. Pastor. New York: Social Science Monographs, Brooklyn College Press, Distributed by Columbia University Press, New York, 1983. P. i–xvii, 3–164.
358. Fic V. *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918* / V. Fic. Praha: Academia – Brno, Stilus, 2006–2008.
359. Francescotti R. *Italiani. L'epopea degli italiani dell'esercito austroungarico prigionieri in Russia nella Grande Guerra* / R. Francescotti. Valdagno: G. Rossato, 1994.
360. *Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen; 1914–1945* / Zentrum Moderner Orient, Geisteswissenschaftliche Zentren Berlin e. V. Hrsg. Gerhard Höpp und Brigitte Reinwald. Berlin: Das Arabische Buch, 2000. 276 s.
361. Freund J. *Sociologie du conflit* / J. Freund. Paris: PUF, 1983. 380 p.

362. Gatrell P. *A whole empire walking: Refugees in Russia during World War I* / P. Gatrell. Bloomington; Indianapolis: Indiana university Press, 1999. 317 p.
363. Gatrell P. *Prisoners of War on the Eastern Front during World War I* / P. Gatrell // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 6. № 3 (Summer, 2005). P. 557–566.
364. Gatrell P. *The Russian and Soviet Economies in Two World Wars: A Comparative View* / P. Gatrell, M. Harrison // *The Economic History Review*. Vol. 46. № 3 (Aug., 1993). P. 446–447.
365. *Guerres et Cultures 1914–1918* / eds. par J. Becker, J. Winter, G. Krumeich, A. Becker and S. Audoin-Rouzeau. Paris: Armand Colin, 1994. 445 p.
366. Halphen L. *Introduction à l'histoire* / L. Halphen Paris: PUF, 1946. 100 p.
367. Hilger A. *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung* / A. Hilger. Essen: Klartext, 2000. 486 S.
368. Hilger A. *Re-educating the German Prisoners of War: aims, devices, results and memory in East and West Germany* / A. Hilger // *Prisoners of War, Prisoners of Peace: Captivity, Homecoming and Memory in World War II*. Oxford: Berg, 2005. S. 61–76.
369. Hilger A. *Rezension zu Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg* / A. Hilger // *Sehepunkte: Rezensionjournal für die Geschichtswissenschaften*. 6 (2006). № 3. S. 398–400.
370. Hinz U. *Gefangen im Groben Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland, 1914–1921* / U. Hinz. Essen: Klartext 2006, 392 s.
371. Hirsch F. *Race without the Practice of Racial Politics* / F. Hirsch // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 30–43.
372. *Histoire culturelle de la Grande Guerre*. Paris: Armand Colin, 2005. 270 p.
373. Hofman P. *Limity asymetrie. Češi a Slováci v legiích 1914–1920* / P. Hofman // *Česko-slovenská historická*. Brno; Bratislava: Academicus-Coprint, 2009. S. 35–41.
374. Höp G. *Muslimen in der Mark. Als das Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924* / G. Höp. Berlin: Das Arabische Buch, 1997. 221 s.

375. In russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Leidinger Hannes; Hrsg.von Moritz Verena. Wien; Köln; Weimar: Bohlau, 2008. 292 s.
376. Ingolstadt im Ersten Weltkrieg, das Kriegsgefangenenlager: Entdeckung eines Stückes europäischer Geschichte. Ingolstadt: Stadtmuseum Ingolstadt, 1999. 210 s.
377. Jackson R. The Prisoners, 1914–1918 / R. Jackson. London; New York: Routledge, 1989. 162 p.
378. Jones H. Kriegsgefangenenlager. Der moderne Staat und die Radikalisierung der Gefangenschaft im Ersten Weltkrieg / Jones H. // *Mittelweg* 36. Journal of the Hamburg Institute for Social Research. Vol. 4/20 (2011). P. 59–75.
379. Jones H. Violence Against Prisoners of War in the First World War: Britain, France and Germany, 1914–1920 / Jones H. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 469 p.
380. Kalvoda J. Czech and Slovak Prisoners of War in Russia during the War and Revolution / J. Kalvoda // *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*. New York: Social Science Monographs, Brooklyn College Press, 1983. P. 215–238.
381. Kalvoda J. Origins of the Czechoslovak Army 1914–1918 / J. Kalvoda // *War and Society in East Central Europe*. 1985. Vol. XIX. P. 419–435.
382. Koh R. Im Hinterhof des Krieges: Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg / R. Koh. Klosterneuburg: Koch, 2002. 317 s.
383. Köhler G. Die Kriegsgefangenen, Internierten- und Militärlager in Österreich-Ungarn 1914–1919 und ihre Feldposteinrichtungen / G. Köhler. *Feldpost-Handbuch*. Kapitel 60. Graz; Linz, 1991. 150 s.
384. Krammer A. Italienische Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg / A. Krammer // *Der Erste Weltkrieg im Alpenraum: Erfahrung, Deutung, Erinnerung*. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 2006. S. 247–258.
385. Krammer A. Soviet Propaganda among German and Austro-Hungarian Prisoners of War in Russia, 1917–1921 / A. Krammer // *Essays on World War I: Origins and Prisoners of War*. New York: Social Science Monographs, Brooklyn College Press, 1983. P. 239–264.

386. Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges / Hg. Von J. Oltmer. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2006, 308 S.
387. Kvasnicka J. Československe legie v Rusku 1917–1920 / J. Kvasnicka. Bratislava: Vydateľstvo Slovenskej Akadémie Vied, 1963. 343 p.
388. Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920 / Hgg. I. Pardon und W. Schurawljos. Bde. 1 und 2. München, New Providence, London; Paris, 1994.
389. Leidinger H. Gefangenschaft und Heimkehr. Gedanken zu Voraussetzungen und Perspektiven eines neuen Forschungsbereiches / H. Leidinger // *Zeitgeschichte*. 25. Jg. H. 11/12. 1998. S. 333–342.
390. Leidinger H. Der Weg zur Anerkennung. Die Beziehungen zwischen Wien und Moskau 1918 bis 1924 / H. Leidinger, V. Moritz // *Österreichische Osthefte*. 46. Jg. H. 4. 2004. S. 361–390.
391. Leidinger H. Die Repatriierung der k.u.k. Kriegsgefangenen 1918 bis 1922 / H. Leidinger, V. Moritz // *Politicum 102: 1918 — Der Beginn der Republik*. 28. Jg. 2007. S. 53–56.
392. Leidinger H. Gefangen in Russland. Österreichische Kriegsgefangene in Russland 1914–1920 / H. Leidinger, V. Moritz. Viena: Böhlau, 2008. 300 s.
393. Leidinger H. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920 / H. Leidinger, V. Moritz. Wien: Böhlau Verlag, 2003. 754 s.
394. Leidinger H. Im Schatten der Revolution — Die Heimkehrer aus der russischen Kriegsgefangenschaft nach dem Ende des Ersten Weltkrieges / H. Leidinger, V. Moritz // *Wiener Geschichtsblätter*. 51. Jg. H. 4 (1996). S. 229–264.
395. Lemon A. Without a «Concept»? Race as a Discursive Practice / A. Lemon // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 30–43. P. 54–61.
396. Les prisonniers de guerre dans l'histoire: contacts entre peuples et cultures / Sous la dir. de S. Caucanas. Toulouse: Privat, 2003. 319 p.
397. Leven K.-H. Die Geschichte der Infektionskrankheiten. Von der Antike bis ins 20. Jahrhundert / K.-H. Leven. Landsberg; Lech, 1997. 328 s.

398. Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I / E. Lohr // *Russian Review*. Jul., 2001. Vol. 60. № 3. P. 404–419.
399. Margot L. The Serbian Divisions in Russia, 1916–17 / L. Margot // *Journal of Contemporary History*. Vol. 6. № 4 (1971). P. 183–192.
400. Moritz V., Leidinger H. Zwischen Nutzung und Bedrohung. Die russischen Kriegsgefangenen in Oesterreich-Ungarn (1914–1921) / V. Moritz, H. Leidinger. Bonn: Bernard & Graefe, 2005. 384 s.
401. Morton D. Silent battle: Canadian prisoners of war in Germany, 1914–1919 / D. Morton. Toronto: Lester Publishing, 1992. 218 p.
402. Nachtigal R. Die Murmanbahn. Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918) / R. Nachtigal. Grunbach: Greiner, 2001. 159 s.
403. Nachtigal R. Kriegsgefangene der Habsburgermonarchie in Rußland / R. Nachtigal // *Österreich in Geschichte und Literatur mit Geographie*. 40 (1996). S. 248–262.
404. Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld / R. Nachtigal. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. 162 s.
405. Nachtigal R. Privilegiensystem und Zwangsrekrutierung. Russische Nationalitätenpolitik gegenüber Kriegsgefangenen aus Österreich-Ungarn / R. Nachtigal // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges*. Essen: Schöningh Paderborn, 2005. S. 167–193.
406. Nachtigal R. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918 / R. Nachtigal. Remshalden: Greiner, 2003. 391 s.
407. Nachtigal R. Seuchen unter militärischer Aufsicht in Russland: Das Lager Tockoe als Beispiel für die Behandlung der Kriegsgefangenen 1915/1916 / R. Nachtigal // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. № 48. S. 363–387.
408. Ölçen M. *Vetluga Memoirs: a Turkish POW in Russia 1916–1918* / M. Ölçen. Gainesville: University Press of Florida, 1995. 246 p.

409. Oltmer J. Arbeitszwang und Zwangsarbeit — Kriegsgefangene und ausländische Zivilarbeitskräfte im Ersten Weltkrieg / J. Oltmer // Der Tod als Maschinist. Der industrialisierte Krieg 1914–1918. Bramsche: Rasch, 1998. S. 97–107.
410. Oltmer J. Bäuerliche Ökonomie und Arbeitskräfte politik im Ersten Weltkrieg / J. Oltmer. Sögel: Emsländische Landschaft, 1995. 489 p.
411. Otte K. Das Lager Soltau. Das Kriegsgefangenen- und Interniertenlager des Estern Weltkriegs (1914–1921). Geschichte und Geschichten / K. Otte. Soltau: Mundschenk, 1999. 320 s.
412. Overmans R. In der Hand des Feindes. Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg / R. Overmans. Köln: Böhlau, 1999. xii 551 s.
413. Overmans R. Kriegsgefangenschaft in der Geschichte / R. Overmans // Kriegsgefangenschaft im Zweiten Weltkrieg. Ternitz-Pottschach: G. Höller, 1999. S. 1–19.
414. Panikos P. Normalität hinter Stacheldraht: Kriegsgefangene in Großbritannien 1914–1919 / P. Panikos // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges. Essen: Schöningh Paderborn, 2005. S. 126–146.
415. Pastor P. Hungarian POWs in Russia during the Revolution and Civil War / P. Pastor // Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. New York: Social Science Monographs, Brooklyn College Press, 1983. P. 149–162.
416. Pastor P. Introduction / P. Pastor // Essays on World War I: Origins and Prisoners of War. Samuel R. Williamson, Jr. and Peter Pastor, ed. New York: Social Science Monographs, Brooklyn College Press, 1983. P. 113–117.
417. Peter A. Das «Russenslager» in Guben / A. Peter. Potsdam: Brandenburgische Landeszentrale für Politische Bildung, 1998. 148 s.
418. Plaschka R. Avantgarde des Widerstands. Modellfälle militärischer Auflehnung im 19 und 20. Jahrhundert. Bde. 1 und 2 / R. Plaschka. Wien [etc.]: Böhlau, 2000, 625, 431 p., Ill. (Studien zu Politik und Verwaltung, 60).
419. Popović N. Jugoslovenski dobrovoljci u Rusiji, 1914–1918 / N. Popović. Belgrade: Udruženje dobrovoljaca, 1977. vii 423 p.

420. Pöppinghege R. Im Lager unbesiegt: Deutsche, englische und französische Kriegsgefangenen-Zeitungen im Ersten Weltkrieg. / R. Pöppinghege. Essen: Klartext Verlag, 2006. 349 s.
421. Pörzgen H. Theater ohne Frau: Das Bühnenleben der kriegsgefangenen Deutschen 1914–1920 / H. Pörzgen. Königsberg; Berlin: Ost-Europa Verlag, 1933. xiii, 221 s.
422. Procacci G. Soldati e prigionieri italiani nella Grande Guerra / G. Procacci. Roma: Editori riuniti, 1993. xviii 493 p.
423. Pröve R. Vom Schmuddelkind zur anerkannten Subdisziplin? Die neue Militärgeschichte der Frühen Neuzeit — Perspektiven, Entwicklungen, Probleme / R. Pröve // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 2000, 10. Vol. 51. S. 593–608.
424. Raabl-Werner H. Österreich-Ungarns offizielle Kriegsgefangenenfürsorge / H. Raabl-Werner // In Feindeshand. 1932. Vol. 2. S. 324–331.
425. Rachamimov A. POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front / A. Rachamimov. New York: Berg, 2002. 259 p.
426. Rachamimov A. The Disruptive Comforts of Drag: (Trans)Gender Performances among Prisoners of War in Russia, 1914–1920 / A. Rachamimov // The American Historical Review. Vol. 111. № 2 (April 2006). P. 362–382.
427. Ranke L. von. Geschichte der Romanischen und Germanischen Völker von 1494 bis 1514 / L. Ranke, von. Leipzig: Reimer, 1824. 439 p.
428. Reckwitz A. Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorising / A. Reckwitz // European Journal of Social Theory. 2002. Vol. 5(2). P. 243–263.
429. Ronge M. Kriegs- und Industriespionage: 12 Jahre Kundschaftsdienst / M. Ronge. Vienna, Leipzig: Amalthea-Verlag, 1930. 424 s.
430. Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923 / A. Roshwald. London; New York: Routledge, 2001. 288 p.
431. Rossi M. Conflitti di nazionalità nei campi di prigionia russi / M. Rossi // Ricerche Storiche. A. XXVII. 1997. № 3. P. 727–746.
432. Rossi M. I prigionieri dello Zar: Soldati italiani dell'esercito austroungarico nei lager della Russia (1914–1918) / M. Rossi. Milano: Mursia, 1997. 204 p.

433. Rossi M. Irridenti giuliani al Fronte Russo. Storie di ordinaria diserzione, di lunghe prigionie e di sospirati rimpatri (1914–1920) / M. Rossi. Udine: Del Bianco, 1998. 257 p.
434. Rossi M. Prigionieri della Pace / M. Rossi // *Annales for Istran and Mediterranean Studies*. 1999. № 18. P. 409–422.
435. Rossi M. Prigionieri russi nella Grande Guerra. Con le mani legate / M. Rossi // *Storia e Dossier*. A. IV (1994). № 66. P. 53–57.
436. Rutkovski E. Die Flucht österreichisch-ungarischen Offiziere, Unteroffiziere und Mannschaften polnischer Nationalität aus der russischen Kriegsgefangenschaft während des Weltkrieges (1914–1918) / E. Rutkovski // *SAP*. 1978. №1. S. 183–246.
437. Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925 / J. Sanborn. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. x+278 p.
438. Sanborn J. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire / J. Sanborn. Oxford: University Press, 2014. 288 p.
439. Sanborn J. Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I / J. Sanborn // *The Journal of Modern History*. June, 2005. Vol. 77. № 2. P. 290–324.
440. Sauer C. The morphology of landscape / C. Sauer // *Land and life: a selection from the writings of Carl Ortwin Sauer*. Berkeley: University of California Press, 1925. P. 313–350.
441. Scharping K. In russischer Gefangenschaft. Die kulturellen und wirtschaftlichen Leistungen der deutschen Kriegsgefangenen in Rußland / K. Scharping. Berlin: De Gruyter, 1939. 119 p.
442. Schatzki T. Social practices: A Wittgensteinian approach to human activity and the social / T. Schatzki. New York: Cambridge University Press, 1996. 242 p.
443. Schleicher J. Kriegsgefangene und Zivilinternierte des Ersten Weltkriegs in Rußland: Gefangennahme, Transport und Lagerleben aus alltagsgeschichtlicher Sicht / J. Schleicher // *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen*. Bde. 10. Essen, 2001. S. 63–108.

444. Service with fighting men. An Account of the Work of the American YMCA in the World War: In 2 vol. Vol. 2. New York: Association Press, 1922. 664 p.
445. Slocum J. «Who, and When, Were the Inorodtsy?» The Evolution of the Category of «aliens» in Imperial Russia / J. Slocum // *Russian Review*. April, 1998. Vol. 57. № 2. P. 173–175.
446. Smith L. France and the Great War, 1914–1918 / L. Smith, S. Audoin-Rouzeau, A. Becker. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 200 p.
447. Sowjetische Militaertribunale. Band 1: Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangener 1941–1945. Herausgegeben von A.Hilger, U.Schmidt und G.Wagenlehner. Köln Weimar Wien: Böhlau Verlag, 2001. 440 p.
448. Speed R.B., III. Prisoners, Diplomats and the Great War. A Study in the Diplomacy of Captivity / R.B. Speed. New York: Greenwood Press, 1990. x, 244 p.
449. Spoerer M. The Mortality of Allied Prisoners of War and Belgian Civilian Deportees in German Custody during the First World War: A Reappraisal of the Effects of Forced Labour / M. Spoerer // *Population Studies*. Jul., 2006. Vol. 60. № 2 P. 121–136.
450. Streeruwitz E. Der Umsturz in Rußland und die Kriegsgefangenen / E. Streeruwitz // *In Feindeshand*. 1931. Vol. 1. S. 269–271.
451. Striegnitz S. Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland 1917–1918. Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht / S. Striegnitz. Berlin: Akad.-Verl., 1979. xv. 260 p.
452. Striegnitz S. Eine «Kertruppe der Weltrevolution?» Politische Entwicklungen unter deutschen Kriegsgefangenen in Rußland (1917–1920) / S. Striegnitz // *Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte: Deutsch-russische Beziehungen*. 1995/1. S. 131–149.
453. Striegnitz S. Rezension zu Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920 / S. Striegnitz. // *Zeitgeschichte*. 1998. Bde. 25. S. 390–392.
454. Taitl H. Kriegsgefangen — Österreicher und Ungarn als Gefangene der Entente 1914 bis 1921. Bde. 1 und 2. / H. Taitl. Dornbirn, 1992. 321 s.; 306 s.
455. *The Interpretation of Ordinary Landscapes* / Ed. D.W. Meinig. New York: Oxford University Press, 1979. viii+255pp.

456. Thiel J. Forced labour, deportation and recruitment: the German Reich and Belgian labourers during the First World War / J. Thiel // *Une guerre totale? La Belgique dans la Première Guerre Mondiale: nouvelles tendances de la recherche historique*. Bruxelles: Archives Générales du Royaume, 2005. P. 235–245.
457. Thompson E. The making of the English working class / E.P. Thompson. Repr. Harmondsworth (Mddx.) etc.: Penguin books, 1978. 958 p.
458. Treffer G. Die ehrenwerten Ausbrecher. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt im Ersten Weltkrieg / G. Treffer. Regensburg: Pustet, 1990. 336 s.
459. Turner S. The Social Theory of Practices. Tradition, Tacit Knowledge and Presuppositions / S. Turner. Cambridge: Polity, 1994. 160 p.
460. Vance J. World War I: Western Front / J. Vance // *Encyclopedia of Prisoners of War and Internment*. Santa Barbara: ABC-Clio, 2000. P. 326–329.
461. Vitarbo G. Nationality Policy and the Russian Imperial Officer Corps, 1905–1914 / G. Vitarbo // *Slavic Review*. Winter, 2007. Vol. 66. № 4. P. 682–701.
462. Von Delpal B. Zwischen Vergeltung und Humanisierung der Lebensverhältnisse: Kriegsgefangene in Frankreich 1914–1920 / B. Delpal, von // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Paderborn: Schöningh Paderborn, 2006. S. 147–164.
463. Von Hagen M. The Great War and the Mobilization of Ethnicity in the Russian Empire: Conflict and State-Building / M. Hagen, von // *Post-Soviet Political Order*. London: Routledge, 1998. P. 34–57.
464. Webb M. Cultural landscapes in the National Park Service / M. Webb // *The Public Historian*. Spring, 1987. Vol. 9. № 2. P. 77–89.
465. Weeks T. Nation and State in Late Imperial Russia / T. Weeks // *Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb: Northern Illinois University Press 1996. P. 195–199.
466. Weindling P. Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890–1945 / P. Weindling. Oxford: Oxford University Press. 486 p.
467. Weiner A. Nothing but Certainty / A. Weiner // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 44–53.
468. Wiesenhofer F. Gefangen unter Habsburgs Krone. K.u.k. Kriegsgefangenenlager im Erlaufstal / F. Wiesenhofer. Purgstall: Wiesenhofer, 1998. 423 s.

469. Weitz E. On Certainties and Ambivalencies: Reply to My Critics / E. Weitz // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 62–65.
470. Weitz E. Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges / E. Weitz // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 1–29.
471. Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg / G. Wurzer. Göttingen: V&R Unipress, 2005. 626 s.
472. Wurzer G. Rezension zu Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920 / G. Wurzer // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bde. 44. S. 138–139.
473. Yanikdag Y. Ottoman prisoners of war in Russia, 1914–22 / Y. Yanikdag // *Journal of contemporary history*. 1999. Vol. 34. № 1. P. 69–85.
474. Yarnall J. Barbed Wire Disease: British & German Prisoners of War, 1914–19 / J. Yarnall. Stroud: The History Press Ltd., 2011. 224 p.
475. Yashiki J. Tagungsbericht: Aufgaben und Materialien der «Neuen Militärgeschichte»: Europa, Asien und Japan / J. Yashiki // *Hitotsubashi journal of law and politics*. February, 2011. Vol. 39. S. 1–2.
476. Zastrow V. «Genosse Prose und der Kapitalismus» (Rezension zu Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920 / V. Zastrow // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 1994. 29 Okt. № 252. S. 9.
477. Zunkel F. Die ausländischen Arbeiter in der deutschen Kriegswirtschaftspolitik des 1. Weltkrieges / F. Zunkel // *Entstehung und Wandel der modernen Gesellschaft*. Berlin: Gruyter, 1970. S. 280–311.

Рукописи (диссертационные и дипломные работы):

1. Алёхин Д.В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война: июль 1914 — февраль 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Алехин Дмитрий Вячеславович. Тамбов, 2003. 267 с.
2. Безруков Д.А. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Безруков Денис Александрович. Великий Новгород, 2001. 122 с.

3. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция: 1914 — февраль 1917 гг.: по материалам Калужской и Орловской губерний: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Белова Ирина Борисовна. Калуга, 2007. 277 с.
4. Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России: 1914–1956 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Бондаренко Елена Юрьевна. Владивосток, 2004. 477 с.
5. Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (Дореволюционный период: июль 1914 — февраль 1917 года): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Букалова Светлана Владимировна. Орел, 2005. 294 с.
6. Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917–1920): Историография: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Валиахметов Альберт Наилевич. Казань, 2005. 303 с.
7. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03, 07.00.02 / Васильева Светлана Николаевна. М., 1997.
8. Гатауллина Л.Р. Религиозно-политическая пропаганда среди российских военнопленных-мусульман в Германии 1914–1922: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гатауллина Лейла Раисовна. Казань, 2011. 232 с.
9. Герасимова Н.В. Земское самоуправление в 1914–1918 гг. на территории Чувашии: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / Герасимова Наталия Викторовна. М., 2002. 224 с.
10. Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гергилева Алла Ивановна. Красноярск, 2006. 186 с.
11. Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Грицаева Анна Николаевна. М., 2008. 289 с.
12. Гулидов А.Ю. Общественно-политическая жизнь российской провинции в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гулидов Арсений Юрьевич. Шуя, 2010. 247 с.

13. Еремин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны: июль 1914 — март 1918 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Еремин Игорь Александрович. Барнаул, 2005. 618 с.
14. Журбина Н.Е. Эволюция массового сознания солдат и офицеров германской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Журбина Наталья Евгеньевна. Воронеж, 2008. 214 с.
15. Засыпкин М.А. Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев: 1918–1923 гг.: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Засыпкин Михаил Александрович. М., 2008. 230 с.
16. Зигель И.А. Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зигель Ирина Анатольевна. Великий Новгород, 2003. 206 с.
17. Зубаров И.Е. Деятельность коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зубаров Игорь Евгеньевич. Пенза, 2006. 245 с.
18. Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.: на материалах Петрограда: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Иванова Наталья Михайловна. СПб., 2002. 243 с.
19. Идрисова Э.С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Идрисова Эльвира Сагидовна. Оренбург, 2008. 193 с.
20. Исаев А.П. Российские органы управления и военнопленные противника: вопросы взаимоотношений (1917–1922): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Исаев Алексей Петрович. СПб., 1998. 29 с.
21. Казаковцев С.В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Казаковцев Сергей Владимирович. Киров, 2007. 222 с.
22. Калякина А.В. Подданные стран — участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Калякина Александра Викторовна. Саратов, 2013. 24 с.

23. Кищенко М.С. Европейские диаспоры в Ярославской губернии (конец XIX в. — 1917 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кищенко Ярославль, 2011. 26 с.
24. Кузьменко А.С. Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 — феврале 1917 гг.: на примере Енисейской и Иркутской губерний: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кузьменко Александра Сергеевна. Улан-Удэ, 2010. 175 с.
25. Мальков А.А. Деятельность партии большевиков среди иностранных военнопленных в период империалистической войны и Брестского мира. 1914—1918. (По материалам Среднего Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мальков Казань, 1966.
26. Машкова Н.Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны (1914—1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Машкова Наталья Николаевна. Оренбург, 2004. 179 с.
27. Меньщиков В.Н. Экономическое и социокультурное развитие Тобольской губернии в период Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Меньщиков Владимир Николаевич. Омск, 2001. 282 с.
28. Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны: 1913 — февраль 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Нагорная Мария Сергеевна. Курган, 1999. 206 с.
29. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914—1920 гг.): Историческое исследование: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Недбайло Борис Николаевич. М., 2004. 228 с.
30. Немова В.В. Организация благотворительной помощи на Дону в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Немова Валентина Викторовна. Ростов-на-Дону, 2009. 198 с.
31. Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918—1920 гг.): дисс. ... д-ра юр. наук: 12.00.01 / Никитин Алексей Николаевич. М., 2007. 491 с.
32. Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914—1917 годах в Поволжье: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ниманов Борис Игоревич М., 2009. 186 с.

33. Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Остроухов Алексей Игоревич. М., 2011. 185 с.
34. Павлова О.В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 г.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Павлова Ольга Валентиновна. Екатеринбург, 2004. 303 с.
35. Петровичева Е.М. Земское самоуправление в Центральной России в 1906–1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Петровичева Елена Михайловна. М., 2003. 353 с.
36. Полторак С.Н. Иностранцы в Красной Армии в 1918–1922 гг.: опыт и уроки общественно-политической и боевой деятельности: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / Полторак Сергей Николаевич. СПб., 1992.
37. Полуаршинов А.В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 — февраль 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Полуаршинов Александр Владимирович. Омск, 2005. 177 с.
38. Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа: 1870–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Попов Павел Александрович. Воронеж, 2005. 529 с.
39. Рязанский И.В. Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 — феврале 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Рязанский Илья Вячеславович. Челябинск, 2006. 232 с.
40. Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. — февраль 1917 г.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. / Семенова Екатерина Юрьевна. Самара, 2013. 690 с.
41. Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 — май 1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Талапин Анатолий Николаевич. Омск, 2005. 240 с.
42. Трошина Т.И. Архангельск в годы Первой мировой войны: экономические и социокультурные процессы: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Трошина Татьяна Игоревна. Архангельск, 1999. 215 с.

43. Трошина Т.И. Население Европейского Севера России в первой четверти XX в.: динамика и направленность социальных процессов: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Трошина Татьяна Игоревна. Архангельск, 2012. 583 с.
44. Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Хасин Владимир Викторович. Саратов, 1999. 189 с.
45. Хильченко М.П. Интернационалисты зарубежных стран на Урале в 1918–1920 годах: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Хильченко Маргарита Петровна. Свердловск, 1966. 24 с.
46. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чудаков Олег Валерьевич. Омск, 2002. 255 с.
47. Шишкина С.Ю. Тобольская губерния в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шишкина Светлана Юрьевна. Тюмень, 1999. 261 с.
48. Щеров И.П. Военная миграция в России, 1914–1922 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Щеров Иван Петрович. Смоленск, 2001. 512 с.
49. Auerbach K. Die russischen Kriegsgefangenen in Deutschland (von August 1914 bis zum Beginn der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution): diss. / Auerbach Karl. Potsdam, 1973.
50. Hinz U. Gefangen im Grossen Krieg. Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1918: diss. / Hinz Uta. Freiburg, 2003.
51. Koch R. Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg: diss. / Koch Rudolf. Wien, 1981.
52. Kreiner J. Von Brest-Litowsk nach Kopenhagen. Die österreichischen Kriegsgefangenen in Rußland im und nach dem Ersten Weltkrieg unter besonderer Berücksichtigung der Kriegsgefangenenmissionen in Rußland: Hist. Diplomarbeit / Kreiner Judith. Wien 1996.
53. Leidinger H. Zwischen Kaiserreich und Rätewacht. Die deutschösterreichischen Heimkehrer aus russischer Kriegsgefangenschaft und die Organisation des österreichischen Kriegsgefangenen- und Heimkehrwesens 1917–1920: Hist. Diplomarbeit / Leidinger Hannes. Wien, 1995.

54. Moritz V. Gefangenschaft und Revolution. Deutschösterreichische Kriegsgefangene und Internationalisten in Rußland 1914 bis 1920: Hist. Diplomarbeit / Moritz Verena. Wien, 1995.
55. Rudolf K. Im Hinterhof des Krieges — Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg: diss. / Rudolf Koch. Wien, 1980.
56. Siutz K. Kriegsgefangenschaft in Sibirien 1914–1920: Mathäus Wirnsperger: Hist. Diplomarbeit / Siutz K. Graz, 1994.
57. Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg: dis. / Wurzer Georg. Tübingen, 2000.

**МЕСТА ПОСТОЯННОГО ВОДВОРЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВО
ВНУТРЕННИХ ОКРУГАХ РОССИИ ПО СОСТОЯНИЮ
НА 1 ЯНВАРЯ 1916 г.**

№	Какой губернии или области места водворения	Наименование мест водворения	Наименований армий						Общее число пленных	
			Германской		Австро-венг.		Турецкой		офиц. чин.	ниж. чин.
			офиц. чин.	ниж. чин.	офиц. чин.	ниж. чин.	офиц. чин.	ниж. чин.		
МОСКОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ										
1.	Тульской	г. Алексин	-	5	75	-	-	-	-	80
2.	Екатеринославской	руд. Алчевский	-	5	-	776	-	-	-	781
3.	Нижегородской	г. Арзамас	-	-	87	23	-	-	87	23
4.		г. Балахна	-	4	-	423	-	-	-	427
5.	Владимирской	фаб. Барановская (близ г. Переславля)	-	2	-	1197	-	-	-	1199
6.	Екатеринославской	г. Бахмут	-	15	-	479	-	-	-	494
7.	Воронежской	г. Бирюч	-	29	70	29й	-	-	70	320
8.		г. Бобров	-	-	88	126	1	7	89	133
9.	Тульской	г. Богородицк	-	3	106	247	-	-	106	250
10.	Нижегородской	сел. Богородское	-	1	167	-	-	-	-	168
11.	Воронежской	г. Богучар	-	-	14	23	-	160	14	183
12.	Орловской	г. Болхов	-	2	7	-	-	-	7	2
13.	Тамбовской	г. Борисоглебск	-	3	7	194	-	-	7	197
14.	Тверской	г. Бежецк	-	-	-	60	-	-	-	60
15.	Воронежской	г. Валуйки	1	-	18	30	-	-	19	30
16.	Тульской	г. Винев	-	340	33	11	-	-	33	351
17.	Костромской	г. Ветлуга	10	90	23	17	-	-	33	107
18.	Нижегородской	хут. Вешевский (близ г. Арзамаса)	-	24	9	750	-	-	9	774
19.	Воронежской	г. Воронеж	-	1	-	186	-	-	-	187
20.	Нижегородской	сл. Выездная (близ г. Лукоянова)	5	2	105	20	-	-	110	22
21.	Владимирской	г. Вязники	-	27	-	169	-	-	-	196
22.	Костромской	г. Галич	-	1	28	11	-	-	28	12
23.	Екатеринославской	зав. Генефельда (вблизи г. Луганска)	-	25	1	394	-	-	1	419
24.	Рязанской	г. Егорьевск	-	1	1	583	-	-	1	584
25.	Тамбовской	г. Елатьма	-	3	-	146	-	-	-	149
26.	Орловской	г. Елец	-	1	-	840	-	-	-	841
27.	Екатеринославской	пос. Енакиево (близ г. Бахмута)	-	25	-	434	-	-	-	459
28.	Тульской	г. Епифань	-	-	-	17	-	-	-	17
29.		г. Ефремов	-	-	-	455	-	-	-	455
30.	Екатеринославской	руд. Жилковский (близ г. Луганска)	-	60	-	974	-	-	-	1034
31.	Воронежской	г. Задонск	3	-	39	153	-	279	42	432
32.		г. Землянск	-	-	65	26	-	-	65	26
33.	Владимирской	г. Иван.-Вознесенск	1	73	91	442	-	-	92	515
34.	Нижегородской	сел. Ичалки (близ г. Арзамаса)	-	-	-	6	-	-	-	6
35.	Тверской	г. Калязин	-	228	-	29	-	-	-	257
36.	Рязанской	г. Касимов	-	1	-	28	-	-	-	29
37.	Тверской	г. Кашин	-	39	-	64	-	-	-	103
38.	Тульской	г. Кашира	2	175	25	6	-	-	27	181
39.	Нижегородской	сел. Кемля (близ	-	-	57	17	-	-	57	17

		с. Починки)								
40.	Пензенской	г. Керенск	9	-	42	49	-	-	51	49
41.	Костромской	г. Кинешма	-	-	43	65	-	-	43	65
42.	Тамбовской	г. Кирсанов	-	-	61	1486	-	-	61	1486
43.	Нижегородской	дер. Князь-Иваново (близ г. Макарьева)	-	-	4	138	-	-	4	138
44.	Владимирской	г. Ковров	-	2	-	316	-	-	-	318
45.	Тамбовской	г. Козлов	-	-	-	1061	-	-	-	1061
46.	Костромской	г. Кологрив	-	44	-	53	-	-	-	97
47.	Екатеринославской	пос. Константиновка (близ г. Бахмута)	-	-	-	170	-	-	-	170
48.	Воронежской	г. Коротояк	-	-	35	8	-	-	35	8
49.	Тверской	г. Корчева	-	-	1	1	-	-	1	1
50.	Костромской	г. Кострома	-	1	99	251	-	-	99	252
51.	Вятской	г. Котельнич	-	110	28	51	-	-	28	161
52.	Тульской	г. Крапивна	-	5	9	52	-	-	26	57
53.	Орловской	г. Кромы	17	514	4	4	-	-	4	518
54.	Тамбовской	г. Липецк	-	5	5	162	-	-	5	167
55.	Нижегородской	г. Лукоянов	6	-	71	28	-	-	77	28
56.	Ярославской	г. Любим	-	41	20	54	-	-	20	95
57.	Костромской	г. Макарьев	-	-	11	133	-	-	11	133
58.	Тамбовской	г. Моршанск	-	-	-	12	-	-	-	12
59.	Московской	г. Москва (сборный пункт округа)	-	-	-	-	8	2383	8	2383
60.	Владимирской	г. Меленки	-	38	-	90	-	-	-	128
61.	Рязанской	г. Михайлов	-	1	-	66	-	-	-	67
62.	Ярославской	г. Молога	-	1	15	29	-	-	15	30
63.	Владимирской	г. Муром	-	-	18	162	-	-	18	162
64.	Орловской	г. Мценск	-	8	21	5	-	-	21	13
65.	Костромской	г. Нерехта	-	-	30	117	-	-	30	117
66.	Воронежской	г. Нижнедевицк	-	-	38	38	-	-	38	38
67.	Нижегородской	г. Н-Новгород	17	596	99	557	-	-	116	1153
68.	Тульской	г. Новосиль	-	9	-	11	-	-	-	20
69.		г. Одоев	-	-	-	12	-	-	-	12
70.	Орловской	г. Орел	-	44	-	412	-	-	-	456
71.	Вятской	Орлов	-	-	51	1418	-	-	51	1418
72.	Нижегородской	сел. Павлово (близ г. Горбатова)	-	-	-	129	-	-	-	129
73.	Московской	пос. Павловский (близ г. Покрова)	-	64	-	228	-	-	-	292
74.	Воронежской	г. Павловск	-	-	16	181	-	15	16	196
75.	Владимирской	г. Пересл.-Залесский	3	64	25	415	-	-	28	479
76.		г. Покров	-	2	69	113	-	-	69	115
77.	Нижегородской	сел. Починки	-	143	-	148	-	-	-	291
78.	Ярославской	г. Пошехонье	-	1	58	71	-	-	58	72
79.		г. Романов- Борисоглебск	5	3	8	16	-	212	13	231
80.		г. Ростов	-	-	19	3	-	-	19	3
81.	Рязанской	г. Рязань	-	-	90	23	-	-	90	23
82.		г. Сапожок	1	2	27	231	-	-	28	233
83.	Нижегородской	г. Сергач	-	12	16	208	-	-	16	220
84.	Екатеринославской	г. Славяносербск	-	-	-	53	-	-	-	53
85.	Костромской	г. Солигалич	8	6	19	80	-	-	27	86
86.	Рязанской	г. Спасск	-	6	-	342	-	-	-	348
87.	Тамбовской	г. Спасск	-	-	-	125	-	-	-	125
88.	Владимирской	г. Судога	-	18	82	132	-	-	82	150
89.		г. Суздаль	-	1	48	191	-	-	48	192
90.	Тамбовской	г. Тамбов	2	-	43	81	-	-	45	81
91.	Нижегородской	зав. Ташинский (вблизи г. Ардатова)	-	-	8	153	-	-	8	153

92.	Тверской	г. Тверь	-	-	1	-	-	-	1	-
93.	Ярославской	г. Углич	-	-	9	364	-	-	9	364
94.	Тамбовской	г. Усмань	-	2	-	80	-	-	-	82
95.	Харьковской	г. Харьков (распределитель)	-	230	-	2243	-	13	-	2486
96.	Екатеринославской	им. Циндлера (вблизи г. Луганска)	-	39	-	106	-	-	-	145
97.	Гульской	г. Чернь	3	1	16	8	-	-	19	9
98.	Костромской	г. Чухлома	-	-	-	49	-	-	-	49
99.	Тамбовской	Г. Шацк	-	-	-	198	-	-	-	198
100.	Владимирской	г. Шуя	-	83	-	204	-	-	-	287
101.		г. Юрьев	1	16	-	72	-	-	1	88
102.	Костромской	г. Юрьеvec	-	66	8	371	-	-	8	437
103.	Екатеринославской	пос. Юзовка	-	9	2	693	-	-	2	702
Итого в местах постоянного водворения			94	3372	2143	24211	9	3069	2246	30652
Кроме того в лечебных заведениях			25	1206	129	7010	-	7	154	8223
Всего в пределах Московского военного округа			119	4578	2272	31221	9	3076	2400	38875
КАЗАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ										
1.	Симбирской	г. Алатырь	30	21	40	950	-	8	70	979
2.		г. Ардатов	3	38	61	709	1	4	65	751
3.	Астраханской	г. Астрахань	2	54	264	2215	-	-	266	2269
4.	Саратовской	г. Аткарск	-	-	-	280	-	-	-	280
5.		г. Балашов	-	-	11	10	-	-	11	10
6.	Уфимской	г. Бирск	2	28	14	242	-	-	16	270
7.	Самарской	г. Бугульма	-	85	10	385	-	-	10	470
8.		г. Бугуруслан	-	11	76	581	-	-	76	592
9.		г. Бузулук	-	-	8	291	-	-	8	291
10.	Симбирской	г. Буинск	3	106	131	626	-	8	134	740
11.	Оренбургской	г. Верхнеуральск	-	13	2	263	-	-	2	276
12.	Пермской	г. Верхотурье	-	59	-	1290	-	-	-	1349
13.	Саратовской	г. Вольск	-	-	-	64	-	-	-	64
14.	Вятской	г. Вятка	-	358	16	926	-	-	16	1284
15.		г. Глазов	-	-	-	360	-	-	-	360
16.	Пензенской	г. Городище	-	-	10	-	-	-	10	-
17.	Пермской	г. Екатеринбург	-	24	84	441	-	2	84	476
18.	Вятской	г. Елабуга	-	196	83	2727	-	-	83	2923
19.	Астраханской	г. Енотаевск	18	16	2	627	-	-	20	643
20.	Пензенской	г. Инсар	-	4	-	15	-	-	-	19
21.	Пермской	г. Ирбит	-	95	70	3978	-	108	70	4181
22.	Казанской	г. Казань	-	62	9	683	-	-	9	745
23.	Саратовской	г. Камышин	-	3	-	97	-	-	-	100
24.	Уфимской	зав. Катав.-Ивановск. (близ г. Уфы)	-	194	3	5570	-	-	3	5764
25.	Казанской	г. Козьмодемьянск	-	1	-	14	-	-	-	15
26.	Симбирской	г. Карсун	-	-	-	25	-	2	-	27
27.	Пермской	г. Красноуфимск	-	65	15	837	-	-	15	902
28.	Саратовской	г. Кузнецк	-	6	34	1972	-	-	34	1978
29.	Пермской	г. Кунгур	-	-	12	301	-	-	12	301
30.	Симбирской	г. Курмыш	-	25	23	183	-	-	23	208
31.	Казанской	г. Лаишев	-	3	1	675	-	-	1	678
32.	Вятской	г. Малмыж	-	86	21	310	-	5	21	401
33.	Казанской	г. Мамадыш	-	66	-	323	-	11	-	400
34.	Уфимской	г. Мензелинск	-	-	15	229	-	-	15	229
35.	Пензенской	г. Мокшан	-	8	-	193	-	-	-	201
36.		г. Нижний Ломов	-	91	-	515	-	-	-	606
37.	Самарской	г. Николаевск	12	9	18	273	-	-	30	282
38.		г. Новоузенск	1	6	8	81	-	-	9	87
39.	Вятской	г. Нолинск	-	41	43	726	-	-	43	767
40.	Оренбургской	г. Оренбург	26	48	244	3132	-	5	270	3185
41.	Оренбургской	г. Орск	-	-	-	158	-	-	-	158

42.	Пермской	г. Оса	1	31	13	326	-	22	14	379
43.		г. Оханск	-	3	-	61	-	-	-	64
44.	Казанской	зав. Паратский (близ г. Свияжска)	2	20	22	2664	-	-	24	2684
45.		Пензенской	г. Пенза	-	-	13	57	-	-	13
46.	Пермской	г. Пермь	-	33	211	920	-	6	211	959
47.	Саратовской	г. Петровск	-	-	15	11	-	-	15	11
48.	Самарской	г. Самара	1	25	33	339	-	-	34	364
49.	Пензенской	г. Саранск	-	27	30	305	-	-	30	332
50.	Вятской	г. Сарапул	-	201	2	1365	-	-	2	1566
51.	Саратовской	г. Саратов	-	8	72	594	-	12	72	614
52.	Казанской	г. Свияжск	-	-	15	124	-	-	15	124
53.	Симбирской	г. Сенгилей	-	11	-	16	-	-	-	27
54.	Саратовской	г. Сердобск	-	-	-	108	-	-	-	108
55.	Симбирской	г. Симбирск	-	569	87	2292	-	-	87	2861
56.	Вятской	г. Слободской	9	311	85	2801	-	-	94	3112
57.	Пермской	г. Соликамск	31	31	188	416	-	28	219	475
58.	Казанской	г. Спасск	-	30	-	616	-	-	-	646
59.	Самарской	г. Ставрополь	1	155	37	379	-	-	38	534
60.	Симбирской	г. Сызрань	23	82	58	1461	-	5	81	1548
61.	Казанской	г. Тетюши	-	3	170	62	-	-	170	65
62.	Самарской	лаг. Тоцкое (близ г. Бузулука)	-	1392	24	13329	-	50	24	14771
63.	Оренбургской	г. Троицк	9	317	10	645	-	96	19	1058
64.	Уральской	г. Уральск	-	33	7	127	-	-	7	160
65.	Вятской	г. Уржум	3	473	29	477	-	-	32	920
66.	Уфимской	г. Уфа	1	274	299	2790	-	21	300	3083
67.	Саратовской	г. Хвалынский	-	11	16	35	-	-	16	46
68.	Казанской	г. Царевококшайск	-	-	27	16	-	-	27	16
69.	Астраханской	г. Царев	2	4	23	208	-	-	25	212
70.	Саратовской	г. Царицын	-	108	234	4063	-	1723	234	5894
71.	Казанской	г. Цивильск	1	-	10	206	-	-	11	206
72.		г. Чебоксары	-	72	1	388	-	-	1	460
73.	Оренбургской	г. Челябинск	-	-	46	686	-	-	46	686
74.	Пензенской	г. Чембар	-	199	43	466	-	-	43	665
75.	Пермской	г. Чердынь	-	-	7	247	-	8	7	255
76.	Астраханской	г. Черный Яр	-	-	44	1165	-	-	44	1165
77.	Казанской	г. Чистополь	5	312	211	1875	-	-	216	2187
78.	Пермской	г. Шадринск	2	-	46	154	-	6	48	160
79.	Казанской	г. Ядрин	-	-	-	155	-	-	-	155
80.	Вятской	г. Яранск	1	697	206	1492	-	-	207	2189
Итого в местах постоянного водворения			189	7254	3662	76688	1	2130	3852	86072
Кроме того в лечебных заведениях			14	803	121	4292	3	56	138	5151
Всего в пределах Казанского военного округа			203	8057	3783	80980	4	2186	3990	91223
ТУРКЕСТАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ										
1.	Закаспийской	фор. Александровский	-	4	27	470	-	-	27	474
2.	Ферганской	г. Андижан	-	-	5	402	-	-	5	402
3.	Закаспийской	г. Асхабад	-	20	47	4740	-	-	47	4760
4.	Сырдарьинской	г. Аулие-Ата	-	10	18	3450	-	-	18	3460
5.	Семиреченской	г. Верный	-	-	1	497	-	-	1	497
6.	Ферганской	г. Гульча	15	2	51	28	-	-	66	30
7.	Самаркандской	г. Джизак	-	-	80	239	-	-	80	239
8.	Сырдарьинской	г. Казалинск	-	-	267	571	-	-	267	571
9.	Самаркандской	г. Ката-Курган	-	-	58	362	-	-	58	362
10.	Закаспийской	г. Кызыл-Арват	-	-	5	868	-	-	5	868
11.	Ферганской	г. Коканд	-	-	63	5508	-	-	63	5508
12.	Закаспийской	г. Красноводск	-	-	9	833	-	-	9	833
13.		г. Мерв	-	-	10	365	-	-	10	365
14.	Ферганской	г. Наманган	-	-	6	1721	-	-	6	1721
15.	Бухарские владения	г. Новая Бухара	-	-	47	1287	-	-	47	1287

16.	Ферганской	г. Ош	35	-	5	836	-	-	40	836
17.	Сырдарьинской	г. Перовск	-	-	216	504	-	-	216	504
18.		г. Петро-Александровск	-	-	1	445	-	-	1	445
19.	Семиреченской	г. Пишпек	-	17	6	295	-	-	6	312
20.	Самаркандской	г. Самарканд	-	-	17	7945	-	-	17	7945
21.	Ферганской	г. Скобелев	-	-	25	5974	-	-	25	5974
22.	Сырдарьинской	г. Ташкент	3	1052	662	8019	-	-	665	9071
23.	Закаспийской	г. Теджен	-	-	2	213	-	-	2	213
24.	Сырдарьинской	лаг. Троицкий (близ г. Ташкента)	6	1292	20	14772	-	-	26	16064
25.	Сырдарьинской	г. Туркестан	-	-	144	337	-	-	144	337
26.		г. Ура-Тюбе	-	16	9	990	-	-	9	1006
27.	Самаркандской	г. Ходжент	-	-	85	3924	-	-	85	3924
28.	Бухарские владения	г. Чарджуй	-	-	8	1093	-	-	8	1093
29.	Сырдарьинской	г. Черняев	-	-	14	4531	-	-	14	4531
Итого в местах постоянного водворения			59	2413	2070	71219	-	-	2129	73632
Кроме того в лечебных заведениях			2	419	39	5974	-	-	41	6393
Всего в пределах Туркестанского военного округа			61	2832	2109	77193	-	-	2170	80025

ОМСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

1.	Акмолинской	г. Акмолинск	-	-	114	36	-	-	114	36
2.		г. Атбасар	-	-	10	4	-	-	10	4
3.	Томской	г. Барнаул	-	-	97	4866	-	-	97	4866
4.		г. Бийск	-	-	17	2848	-	-	17	2848
5.	Тобольской	г. Ишим	-	-	12	1551	-	-	12	1551
6.	Томской	г. Каинск	-	-	6	431	-	-	6	431
7.	Акмолинской	г. Кокчетав	-	-	-	286	-	-	-	286
8.	Тобольской	г. Курган	-	-	12	2452	-	-	12	2452
9.	Томской	г. Мариинск	-	-	25	500	-	-	25	500
10.		г. Новониколаевск	-	2744	106	9034	-	18	106	11796
11.	Акмолинской	г. Омск	119	77	361	6108	28	20	508	6205
12.	Семипалатинской	г. Павлодар	-	-	63	826	-	-	63	826
13.	Акмолинской	г. Петропавловск	-	1	116	6530	-	1	116	6532
14.	Семипалатинской	г. Семипалатинск	-	5	207	6442	-	-	207	6447
15.	Тобольской	г. Тара	-	-	135	271	-	-	135	271
16.		г. Тобольск	-	34	346	6009	-	-	346	6043
17.	Томской	г. Томск	-	-	238	6055	-	-	238	6055
18.	Тобольской	г. Тюкалинск	-	-	7	499	-	-	7	499
19.		г. Тюмень	1	-	121	5429	-	-	122	5429
20.	Семипалатинской	г. Усть-Каменогорск	-	-	107	1160	-	-	107	1160
21.	Тобольской	г. Ялуторовск	-	1	3	370	-	-	3	371
Итого в местах постоянного водворения			12-	2862	2103	61707	28	39	2251	64608
Кроме того в лечебных заведениях			-	261	19	2864	2	35	21	3160
Всего в пределах Омского военного округа			120	3123	2122	64571	30	74	2272	67768

ИРКУТСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

1.	Енисейской	г. Ачинск	2	194	216	1761	15	-	233	1955
2.	Забайкальской	сел. Березовка	6	2855	1072	24743	41	4203	1119	31801
3.		пос. Даурия	1	2796	234	8205	14	16	249	11017
4.	Иркутской	г. Иркутск	14	779	675	3575	21	61	710	4415
5.	Енисейской	г. Канск	-	668	153	1400	77	2	230	2070
6.		г. Красноярск	115	1695	2383	7784	191	100	2689	9579
7.	Забайкальской	г. Нерчинск	-	663	42	2535	-	-	42	3198
8.	Иркутской	г. Нижнеудинск	-	27	255	1935	11	-	266	1962
9.	Забайкальской	г. Сретенск	19	2328	380	5984	-	105	399	8417
10.		г. Троицкосавск	-	368	197	6003	-	-	197	6371
11.		г. Чита	-	5977	905	24841	58	54	963	30872
Итого в местах постоянного водворения			157	18350	6512	88766	428	4541	7097	111657
Кроме того в лечебных заведениях			7	854	37	2534	4	236	48	3624
Всего в пределах Иркутского военного округа			164	19204	6549	91300	432	4777	7145	115281

ПРИАМУРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ										
1.	Амурской	г. Благовещенск	3	1957	4	1734	-	38	7	3729
2.	Приморской	пр. Николо-Александровская (близ г. Хабаровска)	310	127	195	170	-	-	565	297
3.		г. Никольск-Уссурийский	1	5683	48	9418	-	191	49	15292
4.		сел. Раздольное (близ г. Владивостока)	-	1814	109	5495	-	715	109	8024
5.		сел. Спасское (близ г. Никольск-Уссурийского)	126	801	96	5609	5	685	227	7095
6.		г. Хабаровск	-	757	-	3700	-	141	-	4598
7.		сел. Шкотово (близ г. Никольск-Уссурийского)	4	625	115	1540	3	652	122	2817
Итого в местах постоянного водворения			504	11764	567	27666	8	2422	1079	41852
Кроме того в лечебных заведениях			3	936	14	1058	1	136	18	2130
Всего в пределах Приамурского военного округа			507	12700	581	28724	9	2558	1097	43982
ИТОГО В ПРЕДЕЛАХ ВСЕХ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ ВНУТРЕННЕГО РАЙОНА:										
1) в местах постоянного водворения			1123	46015	17057	350257	474	12201	18654	408473
2) в лечебных заведениях			51	4479	359	23732	10	470	420	28681
ВСЕГО*			1174	50494	17416	373989	484	12671	19074	437154

Источник: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167. Л. 1–6 об.

* В это число не вошли: 1) 2 офицера и 160 солдат турецкой армии, водворенных в карантинных целях на о. Наргене; 2) 2400 освобожденных военнопленных так называемых дружественных национальностей; 3) 569909 вражеских военнослужащих, отданных на разного рода работы, включая 170820 пленных в Казанском военном округе.

**Перечень предприятий, учреждений и организаций Пермской губернии,
пользовавшихся трудом военнопленных в 1914–1917 гг.¹**

Предприятие, учреждение, организация	Город, уезд
1. Акционерное общество Богословского горного округа ²	— Верхотурский уезд
2. Акционерное общество Верх-Исетских горных и механических заводов	— Екатеринбургский уезд
3. Акционерное общество Кыштымских горных заводов	— Екатеринбургский уезд
4. Акционерное общество Лысьвенского округа наследников графа П.П. Шувалова	— Пермский уезд
5. Акционерное общество Невьянских горных и механических заводов	— Екатеринбургский уезд
6. Акционерное общество Нижнетагильских и Луньевских заводов наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато	— Верхотурский уезд
7. Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа	— Верхотурский уезд
8. Акционерное общество Сысертских горных заводов	— Екатеринбургский уезд
9. Акционерное общество Шайтанских горных заводов	— Екатеринбургский уезд
10. Александровский деревообделочный завод наследников А.А. Чикина	— Екатеринбургский уезд
11. Асбестовые копи Товарищества на вере «Н.В. Муханов и К ^о »	— Екатеринбургский уезд
12. Асбестовые рудники наследников А.Ф. Поклевского-Козелл	— Екатеринбургский уезд
13. Березниковский содовый завод Акционерного общества «Любимов, Сольвэ и К ^о »	— Пермский уезд
14. Билимбаевский горный округ графа С.А. Строганова	— Екатеринбургский уезд
15. Булочная Т.Н. Колбина	— Ирбит

¹ За помощь в подготовке приложения благодарю к.и.н., н.с. Института истории и археологии УрО РАН В.П. Микитюка.

² Здесь и далее название предприятий соответствует официальному.

16. Верх-Исетское кредитное товарищество	— Екатеринбургский уезд
17. Верхотурская городская управа	— Верхотурье
18. Верхотурская уездная земская управа	— Верхотурский уезд
19. Воздвиженский стекольный завод
М.Н. Вадарской	— Екатеринбургский уезд
20. Вознесенские асбестовые рудники
В.И. Жирарда	— Екатеринбургский уезд
21. Всеволодо-Вильвенский и Ивакинский
химические заводы В.М. Леви	— Соликамский уезд
22. Гончарно-печной и кирпичеделательный завод
П.Ф. Давыдова	— Екатеринбург
23. Горные и металлургические предприятия князя
С.С. Абамелек-Лазарева	— Соликамский уезд
24. Гороблагодатский казенный горный округ	— Верхотурский и
Кунгурский уезды
25. Добрянский железоделательный завод графа
С.А. Строганова	— Пермский уезд
26. Екатеринбургская городская управа	— Екатеринбург
27. Екатеринбургская уездная земская управа	— Екатеринбургский уезд
28. Екатеринбургская центральная электрическая
станция	— Екатеринбург
29. Екатеринбургское коммерческое собрание	— Екатеринбург
30. Жарниковская мельница А.А. Треуховой	— Шадринский уезд
31. Железные рудники Г.Р. Толшмякова	— Камышловский уезд
32. Заводы Камского общества железо- и
сталепромышленных заводов	— Оханский и Пермский уезды
33. Западно-Уральская железная дорога	— Пермский уезд
34. Зауральское горнопромышленное акционерное
общество	— Верхотурский уезд
35. Золотые прииски В.М. Имшенецкого	— Верхотурский уезд
36. Изумрудные прииски В.К. Шенк и
Н.Н. Тервинского	— Екатеринбургский уезд
37. Имение В.В. Голубцова	— Красноуфимский уезд
38. Имение В.П. Чеканникова,	— Екатеринбургский уезд

39. Имение Г.Г. Берг	— Екатеринбургский уезд
40. Имение Голицыных	— Красноуфимский уезд
41. Имение Е.А. Балашевой	— Соликамский уезд
42. Имение Е.А. Балашевой	— Соликамский уезд
43. Имение и ферма «Нинино» М.Н. Вадарской	— Екатеринбургский уезд
44. Имение И.М. Гринкевич, Черданская волость Екатеринбургского уезда	— Екатеринбургский уезд
45. Имение М.В. Полежаевой	— Екатеринбургский уезд
46. Имение М.И. Ковшевич-Матусевич	— Екатеринбургский уезд
47. Имение Н.М. Гринкевич	— Екатеринбургский уезд
48. Имение наследников А.А. Чикина	— Екатеринбургский уезд
49. Имение наследников В.А. Лаптева	— Екатеринбургский уезд
50. Имение наследников Стахеева	— Екатеринбургский уезд
51. Имение наследников Я.А. Вадарского	— Екатеринбургский уезд
52. Ирбитская городская управа	— Ирбит
53. Ирбитская уездная земская управа	— Ирбитский уезд
54. Исетский металлический завод Ф.А. Злоказова и сыновей	— Екатеринбург
55. Казань-Екатеринбургская железная дорога	— Красноуфимский, Осинский и др. уезды
56. Казенный Боёвский вольфрамовый рудник	— Екатеринбургский уезд
57. Каменноугольные копи и железные рудники Товарищества «Инженер В.С. Горяев и К ^о »	— Екатеринбургский уезд
58. Каменский чугуноплавильный и железоделательный завод	— Камышловский уезд
59. Камышловская городская управа	— Камышлов
60. Камышловская уездная земская управа	— Камышловский уезд

61. Картонная фабрика С.А. Шишкова — Оханский уезд
62. Карьеры известняка общества «Любимов, Сольвэ и К°» — Соликамский уезд
63. Кожевенный завод А.П. Оболенского — Красноуфимск
64. Кожевенный завод и мукомольная мельница М.С. Серебренникова — Красноуфимский уезд
65. Кожевенный завод и раздаточная контора по шитью кожевенной обуви С.Л. Сартакова — Кунгур
66. Кожевенный завод Н.М. Мужева — Ирбит
67. Кожевенный завод Н.С. Черемисинова — Пермь
68. Кожевенный завод Рысева — Ирбит
69. Красноуфимская уездная земская управа — Красноуфимск
70. Крупчатная мельница братьев Макаровых — Екатеринбург
71. Крупчатное и крахмально-пачное производства И.Е. Морозова — Шадринск
72. Крупчатные мельницы Торгового дома «Братья Степановы» — Екатеринбургский уезд
73. Крупчаточная мельница А.И. Беленькова — Екатеринбургского уезда
74. Крупчаточная мельница братьев Ивановых — Екатеринбургский уезд
75. Кунгурская уездная земская управа — Кунгур
76. Лесопильный завод Е.А. Балашевой — Пермский уезд
77. Лесопильный завод князя С.М. Голицына — Пермь
78. Лесопильный завод Пермского лесопромышленного и торгового акционерного общества — Пермь
79. Лесопильный и деревообделочный завод Уральского технико-промышленного общества — Екатеринбург
80. Лесопромышленное заведение Фельдмана — Камышловский уезд
81. Лесопромышленное товарищество «Лаптевы и Манаев» — Верхотурский уезд
82. Лесопромышленное товарищество «Процвет» — Верхотурский уезд
83. Льнопрядильно-ткацкая фабрика братьев Макаровых — Екатеринбург
84. Льнопрядильно-ткацкая фабрика товарищества — Шадринск

«Братья Бутаковы»

85. Машиностроительный, чугунолитейный и котельный завод товарищества «Братья Береновы» — Екатеринбург
86. Мельница А.Г. Смирнова — Ирбитский уезд
87. Мельница А.П. Барышевой — Екатеринбургский уезд
88. Мельница Карабатовых — Камышловский уезд
89. Мельница Л.Е. Арефьева — Шадринский уезд
90. Мельница С.И. Ситникова — Екатеринбургский уезд
91. Мельница товарищества «Братья Карабатовы» — Камышловский уезд
92. Мельница Ф.А. Бирюкова — Екатеринбургский уезд
93. Мельница Ф.Ф. Соснина — Камышловский уезд
94. Механическая мастерская Лобанцева — Пермь
95. Механический завод А.А. Кислякова — Красноуфимский уезд
96. Товарищество пароходства и транспортирования грузов «Бр. Ф. и Г. Каменских и Н. Мешков» — Пермь
97. Московско-Казанская железная дорога — Осинский уезд
98. Мукомольное производство братьей Степановых — Екатеринбургский уезд
99. Нижнеисетская казенная лесная дача — Екатеринбургский уезд
100. Нижнеисетский казенный завод — Екатеринбургский уезд
101. Ницинский винокуренный завод Н.Н. Виноградова — Ирбитский уезд
102. Ново-Тихвинский женский монастырь — Екатеринбургский уезд
103. Нытвенские учебно-показательные мастерские — Оханский уезд
104. Общественно-приемная комиссия по шитью сапог для армии — Ирбит
105. Омская железная дорога — Екатеринбургский и др. уезды
106. Шадринский народный клуб «Дом» — Шадринский уезд

107. Осинская уездная земская управа — Осинский уезд
108. Оханская уездная земская управа — Оханский уезд
109. Пакетная фабрика Ф.В. Янченко — Екатеринбург
110. Паровой лесопильный завод
И.П. Митрофанова — Пермский уезд
111. Первый уральский штамповочный
механический завод товарищества «Железник» — Екатеринбургский
уезд
112. Пермская войсковая комиссия по постройке
новых казарм — Пермь
113. Пермская городская управа — Пермь
114. Пермская железная дорога — Пермский уезд
115. Пермская контора Товарищества нефтяного
производства братьев Нобель — Пермь
116. Пермская уездная земская управа — Пермский уезд
117. Пермские пушечные заводы — Пермский уезд
118. Пермское губернское земство — Пермь
119. Пермское лесопромышленное и торговое
акционерное общество — Пермский уезд
120. Пермское строительное товарищество по
постройке трамвая, Разгуляй на р. Егошихе в
Перми — Пермь
121. Пермское управление земледелия и
государственных имуществ — Пермь
122. Пожевские заводы князя С.Е. Львова — Соликамский уезд
123. Полевской химический завод М.Н. Вадарской
— Екатеринбургский
уезд
124. Прииски Платинопромышленной компании
анонимного общества — Верхотурский уезд
125. Ревдинский горный округ П.Г. Солодовникова — Екатеринбургский
уезд
126. Сапожная мастерская Нагибина — Камышловский уезд
127. Сапожная мастерская А.А. Чувашевой — Ирбит
128. Свято-Успенский Далматовский мужской
монастырь — Шадринский уезд
129. Северо-Восточная уральская железная дорога — Екатеринбургский,
Верхотурский и др. уезды

130. Северозаозерская дача Московского лесопромышленного товарищества — Верхотурский уезд
131. Сибирская писчебумажная фабрика И.Е. Ятеса — Камышловский уезд
132. Соликамская уездная земская управа — Соликамский уезд
133. Спичечная фабрика Акционерного общества «В.И. Логинов» — Екатеринбург
134. Судостроительный завод И.М. Любимова — Пермь
135. Талицкий дрожжево-винокуренный завод наследников А.Ф. Поклевского-Козелл — Екатеринбургский уезд
136. Товарищество Алапаевских горных заводов наследников С.С. Яковлева — Верхотурский и Ирбитский уезды
137. Товарищество огнеупорных изделий «Ершов, Чистяков и братья Минины» — Екатеринбургский уезд
138. Товарищество Сергинско-Уфалейских горных заводов — Екатеринбургский уезд
139. Товарищество химических заводов «П.К. Ушков и К°» — Екатеринбург, Пермь
140. Товарная пристань товарищества крестьян С.С. Абамелек-Лазарева — Пермь
141. Торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов — Камышлов
142. Торгово-промышленное предприятие (фабрики, мельницы и заводы) В.И. Рукавицына — Пермский уезд
143. Торговый дом «В.С. Жиряков» — Екатеринбургский уезд
144. Торговый дом «Е.И. Первушин с сыновьями» — Екатеринбург
145. Уральская суконная фабрика В.П. Злоказова — Екатеринбургский уезд
146. Усольско-Лёнвинские соляные промыслы графа С.А. Строгонова — Соликамский уезд
147. Усольско-Лёнвинские соляные промыслы Е.А. Балашевой — Соликамский уезд
148. Усть-Сылвицкий (Коноваловский) лесоразделочный завод — Кунгурский уезд
149. Фосфорные рудники Пермского и Вятского губернских земств — Пермский уезд
150. Хромофотография А.Н. Судакова — Екатеринбург

151. Чердынская уездная земская управа — Чердынский уезд
152. Чугунолитейная и механическая фабрика Л.А. Сосунова — Екатеринбургский уезд
153. Чугунолитейный завод Шайтанской трудовой артели «Трудовик» — Екатеринбургский уезд
154. Чугунолитейный и машиностроительный завод администрации по делам Ф.Е. Ятеса — Екатеринбург
155. Чугунолитейный и механический завод «Гера» А.И. Круковского — Екатеринбургский уезд
156. Чугунолитейный и механический завод Т.Д. Теплякова — Екатеринбургский уезд
157. Шадринская городская управа — Шадринск
158. Шадринская уездная земская управа — Шадринский уезд
159. Шарташская дача К.П. Ястребова — Екатеринбургский уезд
160. Штамповочно-лудильная фабрика железной посуды наследников А.И. Калашникова — Екатеринбург
161. Экипажная мастерская П.И. Асанова — Ирбит
162. Юго-Камский завод графини Е.А. Воронцовой-Дашковой — Пермский уезд